SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 9-й.

UNIV. OF CALIFORNIA
05
M63
60980

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ СТАРОЙ ФРАНЦІИ. (Историческій очеркъ). (Окончаніе). **Евг. Тарле**	1
2.	НА ИЗЫСКАНІЯХЪ (Путевые очерки). **А. Яблоновскаго**	33
3.	СТИХОТВОРЕНІЕ. **С. Яхонтова**	60
4.	ФРИДРИХЪ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ. (Критико-біографическій очеркъ **Людвига Штейна**). Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Бердяева**	61
5.	ПЕППИНЬЕЛЛО. Разсказъ **Чарльза Гранта**. Переводъ съ англійскаго **А. Кузнецовой**	80
6.	ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть четвертая. (Продолженіе). **Ив. Иванова**	104
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. УЧИТЕЛЮ. (С. С. А—и). **П. Я.**	152
8.	КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Продолженіе). **Л. Крживицкаго**	153
9.	ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть третья. **И. Потапенко**	173
10.	ПУШКИНСКІЙ УГОЛОКЪ ЗЕМЛИ. **Виктора Острогорскаго**	201
11.	ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Книга третья). (Продолженіе)	232
12.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ СТРАНѢ СОПОКЪ. **П. Я.**	268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Открытіе памятника Императору Александру II-му.—Положеніе церковно-приходскихъ школъ.—Духоборцы-переселенцы на Кавказѣ.—Добываніе желѣзной руды въ Херсонской губерніи. — Переутомленіе желѣзнодорожныхъ служащихъ. — Истязанія денщиковъ. — Что читаетъ простой людъ въ С.-Петербургѣ.—М. Г. Черняевъ (Некрологъ)	1
14.	ИЗЪ ПРОШЛАГО. Оправдательная записка Ѳ. М. Достоевскаго. — Письма Тургенева къ своему управляющему. — Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства прежняго времени.— Царица Алая	18

Годъ VII-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

60930

СЕНТЯБРЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Дозволено цензурою 26 августа 1898 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1898:9
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр
1.	ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ СТАРОЙ ФРАНЦІИ. (Историческій очеркъ). (Окончаніе). **Евг. Тарле**	1
2.	НА ИЗЫСКАНІЯХЪ (Путевые очерки). **А. Яблоновскаго**	33
3.	СТИХОТВОРЕНІЕ. **С. Яхонтова**	60
4.	ФРИДРИХЪ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ. (Критико-біографическій очеркъ **Людвига Штейна**). Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Бердяева**	61
5.	ПЕППИНЬЕЛЛО. Разсказъ **Чарльза Гранта**. Переводъ съ англійскаго **А. Кузнецовой**	80
6.	ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть четвертая. (Продолженіе). **Ив. Иванова**	104
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. УЧИТЕЛЮ. (С. С. А—и). **П. Я.**	152
8.	КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Продолженіе). **Л. Кржвицкаго**	153
9.	ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть третья. **И. Потапенко**	173
10.	ПУШКИНСКІЙ УГОЛОКЪ ЗЕМЛИ. **Виктора Острогорскаго**	201
11.	ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Книга третья). (Продолженіе)	232
12.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ СТРАНѢ СОПОКЪ. **П. Я.**	268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Открытіе памятника Императору Александру II-му.—Положеніе церковно-приходскихъ школъ.—Духоборцы-переселенцы на Кавказѣ.—Добываніе желѣзной руды въ Херсонской губерніи.—Переутомленіе желѣзнодорожныхъ служащихъ.—Истязанія денщиковъ.—Что читаетъ простой людъ въ С.-Петербургѣ.—М. Г. Черняевъ (Некрологъ)	1
14.	ИЗЪ ПРОШЛАГО. Оправдательная записка Ѳ. М. Достоевскаго.—Письма Тургенева къ своему управляющему.—Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства прежняго времени.—Царица Алая	18

884803

стр.

15. **За границей.** Европейскій концертъ и его результаты.—Филиппинскіе острова.—Вечерніе университеты въ Англіи.—Успѣхи женскаго движенія въ Австріи. — Этическое движеніе въ Италіи. 30
16. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century».—«Century Magazine». 38
17. НОВЫЙ ФАКТОРЪ ВЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦІИ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій). **В. Битнера.** 43
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Путешествіе Свенъ Хедина. (Географическій очеркъ). **Z.** 48
19. НАУЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Солнечный свѣтъ.—Образованіе облаковъ, вызванное пожаромъ. — Электрическій истребитель тумана. — Вліяніе атмосферическихъ условій на результаты наблюденій въ обсерваторіяхъ.—Автоматическій фотографъ.—Телефонъ индѣйцевъ.—Древній госпиталь.—Новое освѣщеніе. 59
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги.—Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и статистика. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію 62
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Современная Италія. **Ив. Иванова** 84
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 106

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ. Романъ **А. Лундегорда.** Переводъ со шведскаго **В. Фирсова.** (Продолженіе). 57
24. ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА. **Морица Фармана.** Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и подъ редакціей **В. Агафонова.** (Продолженіе) 29
25. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ.** (Продолженіе) 87

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ СТАРОЙ ФРАНЦІИ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(*Продолженіе* *).

V.

Послѣ русской кампаніи оппозиціонная партія во Франціи сразу почувствовала подъ собою твердую почву. Гибель многихъ сотенъ тысячъ людей въ снѣгахъ Россіи переполнила чашу терпѣнія и общество начало роптать. «Во всей имперіи,—говоритъ Сегюръ,—были только старики, инвалиды и дѣти; здоровыхъ и взрослыхъ мужчинъ не было почти... Гдѣ же они были? Рыданія женъ, крики матерей достаточно говорили объ этомъ» **). Но эта оппозиція еще не была въ началѣ 1813 г. настолько сильна, чтобы мечтать о низверженіи императора. Кромѣ того, не до внутреннихъ смутъ было французскому обществу, когда отовсюду поднимались враги, когда вся Франція ожидала непріятельскаго вторженія со стороны всѣхъ своихъ границъ.

1813-й годъ прошелъ въ ожиданіи результатовъ завязавшейся гигантской борьбы. Не смотря на малочисленность своего войска, не смотря на огромный перевѣсъ непріятельскихъ силъ, Наполеонъ билъ весьма часто и австрійцевъ, и пруссаковъ, и русскихъ. Битва при Лейпцигѣ освободила Германію, и война перенеслась на французскую почву; оппозиціонные элементы, не желавшіе казаться союзниками иноземнаго вторженія, должны были молчать и оставаться пассивными зрителями всего, что передъ ними происходило. Войска Наполеона таяли съ каждымъ днемъ, а непріятельскія арміи усиливались прибывавшими подкрѣпленіями. Но никто не могъ все-таки предугадать, чѣмъ окончится эта безпримѣрная борьба. Кампанія 1814 года до конца считалась сомнительной и невѣрной и ея исхода не предсказалъ никто. Послѣ нѣсколькихъ жестокихъ пораженій союзники предложили Наполеону миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, но французскій императоръ не хотѣлъ и слышать о ка-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

**) Ségur, «Mémoires»

кихъ бы то ни было уступкахъ; онъ велѣлъ уполномоченнымъ передать союзнымъ государямъ, что, хотя они во Франціи, но онъ ближе къ Вѣнѣ, чѣмъ они къ Парижу *). Этотъ фактъ очень характеристиченъ для общаго положенія дѣлъ: до послѣдней минуты и Наполеонъ, и союзники, и Франція, и Европа не знали, кто побѣдитъ. Но оппозиціонная партія, пока дѣйствовавшая въ Парижѣ, вдали отъ полей сраженій, какъ будто раньше всѣхъ повѣрила тому, чему она хотѣла вѣрить: еще велись въ Шатильонѣ переговоры съ французскимъ императоромъ, еще не говорилось о перемѣнѣ правительства, а уже у аббата Монтескіу собирались ежедневно роялисты, вырабатывали программу дѣйствій, Шатобріанъ писалъ свой знаменитый памфлетъ «О Бонапартѣ и Бурбонахъ», рискуя въ случаѣ обыска быть разстрѣляннымъ въ 24 часа; конституціоналисты всѣхъ оттѣнковъ толковали о полной невозможности сохраненія деспотическаго режима.

Ройе-Колларъ былъ въ Парижѣ, но въ продолженіе этихъ критическихъ первыхъ мѣсяцевъ 1814 года держался въ отдаленіи отъ оппозиціонныхъ группъ, и въ особенности отъ роялистовъ. Пока дѣло Наполеона казалось тѣсно связаннымъ съ отраженіемъ непріятельскаго нашествія, Ройе-Колларъ вмѣстѣ съ большинствомъ французскаго общества не высказывался прямо противъ императора. Но послѣ капитуляціи Парижа война окончилась. 11-го апрѣля Наполеонъ подписалъ свое отреченіе и графъ Прованскій вступилъ на престолъ. Ройе-Колларъ въ числѣ многихъ другихъ отправился тогда на встрѣчу въѣзжавшему во Францію королю. Принятъ онъ былъ довольно благосклонно; Людовикъ не забылъ услугъ, оказанныхъ ему нѣкогда Ройе-Колларомъ въ качествѣ члена тайнаго королевскаго совѣта въ эпоху директоріи, но, во всякомъ случаѣ, не онъ былъ persona gratissima въ моментъ торжества Бурбоновъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ, разочаровавшись въ первомъ консулѣ, разочаровался вмѣстѣ съ тѣмъ и въ своихъ умѣренныхъ совѣтникахъ, но все-таки нѣкоторое чувство досады и отчужденія существовало. Рисковано было бы утверждать, что въ эту эпоху убѣжденія Ройе-Коллара окончательно сложились и окрѣпли, что у него была вполнѣ обработанная и полная программа дѣйствій. Повидимому, его идеаломъ въ 1814 году по прежнему была конституціонная монархія; но онъ еще не уяснилъ себѣ въ точности, гдѣ должна проходить демаркаціонная линія, раздѣляющая власть короля отъ власти народныхъ представительныхъ собраній. Людовикъ XVIII далъ хартію, октроировалъ ее своею «Богомъ данною властью»; но эта хартія на первыхъ порахъ была совершенно какъ-то не замѣчена обществомъ. Ультра-роялисты разсматривали ее, какъ невинное и вполнѣ для нихъ безвредное литературное произведеніе; либерально настроенные люди и умѣренные легитимисты прежде всего

*) «Mémoires d'outre-tombe», p. 336—III.

были озабочены утвержденіемъ монархіи Бурбоновъ на престолѣ, такъ какъ въ этой монархіи они продолжали видѣть оплотъ и гарантію попранныхъ Наполеономъ политическихъ и гражданскихъ правъ народа. Детальной разработкой конституціи никто не занялся; на очереди стояли болѣе скорыя, мелкія и крупныя административныя реформы.

Ройе-Колларъ, какъ человѣкъ, успѣвшій снискать себѣ всеобщее уваженіе, былъ призванъ къ дѣламъ: онъ получилъ весьма важное назначеніе по вѣдомству управленія книжной торговлей и дѣлами прессы. Вскорѣ ему вмѣстѣ съ Гизо поручено было редактировать новый законопроектъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати. Впрочемъ, участіе Ройе-Коллара въ составленіи этого законопроекта едва ли не ограничивалось исключительно внѣшней редакціей предполагаемаго устава; въ парламентской защитѣ его онъ не выступалъ. Въ концѣ 1814 г. ему поручили также составить планъ переустройства университетовъ, и Ройе-Колларъ весь отдался этой работѣ. По существовавшимъ законамъ, парижскій университетъ являлся не только образовательнымъ учрежденіемъ, но и высшимъ административнымъ мѣстомъ, вѣдавшимъ всѣ среднеучебныя заведенія страны (лицеи). По проекту Ройе-Коллара, вмѣсто одного парижскаго университета въ странѣ учреждалось семнадцать — одинъ въ Парижѣ и шестнадцать въ провинціи; каждому университету давалось извѣстное самоуправленіе, при чемъ каждый же изъ университетовъ управлялъ дѣлами мѣстныхъ среднихъ заведеній (коллежей, замѣнившихъ наполеоновскіе лицеи). Католическая партія осталась страшно недовольна происшедшей реформой: клерикалы мечтали захватить въ свои руки все учебное вѣдомство, а Ройе-Колларъ постарался поставить дѣло на такую почву, что духовныя конгрегаціи очутились совершенно въ сторонѣ отъ всякаго вліянія на университетскія дѣла. Законопроектъ Ройе-Коллара былъ подписанъ королемъ 17 февраля 1815 г.; этотъ ордонансъ окончательно привелъ въ бѣшенство всѣхъ реакціонеровъ и клерикаловъ, которые до тѣхъ поръ надѣялись, что программа Ройе-Коллара не осуществится и не станетъ закономъ. Они мало значенія придавали тому, что число университетовъ увеличено въ 17 разъ, что ослаблена гнетущая централизація имперіи, централизація, отзывавшаяся очень тяжко и на духовныхъ лицахъ, которыя преподавали въ лицеяхъ. Имъ казалось, что образованіе цѣликомъ должно быть отдано въ руки духовенства, въ противномъ случаѣ они отказывались видѣть какую бы то ни было разницу между законами Наполеона и ордонансомъ 17 февраля. «Да будутъ прокляты мать и дочь, старый и новый университетъ,—писалъ въ это время Ламеннэ въ письмѣ къ своему брату,—да будутъ прокляты соорудившіе это адское зданіе! Да будутъ прокляты тѣ, которые заложили и выстроили его! Да будутъ прокляты начальники, подчиненные, вся эта нечестивая сволочь (maudite cette infame canaille!)».

Но реформа, на которую сыпались всѣ эти ожесточенныя про-

клятія, оказалась мертворожденной: черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ ордонансъ былъ подписанъ, Наполеонъ покинулъ Эльбу и высадился въ Каннѣ. Король бѣжалъ, спровождаемый своими наиболѣе близкими приверженцами, и Наполеонъ, съ восторгомъ встрѣчаемый всюду арміей и крестьянами, торжественно вступилъ въ Парижъ 20-го марта 1815 года. Имперія была возстановлена, а все, что было сдѣлано за истекшій годъ, начиная отъ реставраціи Бурбоновъ,—всѣ законы и распоряженія, изданныя отъ имени Людовика XVIII, императоръ объявилъ недѣйствительными. Ройе-Колларъ подобно многимъ сразу увидѣлъ, что дни возстановленной имперіи сочтены, что, не говоря уже о недовольствѣ и утомленіи нѣкоторыхъ слоевъ французскаго населенія, Европа не успокоится, пока Наполеонъ останется на престолѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не хотѣлъ эмигрировать съ королемъ и легитимистами вродѣ Блака, Шатобріана и др. Какъ должностное лицо, онъ принесъ требовавшуюся присягу императору вмѣстѣ со всѣми находившимися на государственной службѣ людьми: правительство Наполеона было признано всѣми безъ различія направленій, какъ gouvernement de fait и только горсточка легитимистовъ, спасшаяся съ королемъ во главѣ въ Гентъ, тщилась еще не признавать переворотъ за совершившійся фактъ. Тѣ конституціоналисты, которые съ Бенжаменомъ Констаномъ примкнули къ имперіи, расходились съ Ройе-Колларомъ только лишь во взглядахъ на ближайшее будущее Франціи: и они, и Ройе-Колларъ стояли за установленіе конституціоннаго порядка, но въ то время, какъ Бенжаменъ Констанъ и его сторонники считали имперію прочной, Ройе-Колларъ былъ убѣжденъ, что гибель Наполеона есть лишь вопросъ времени и что, кромѣ того, императоръ не изъ такихъ людей, которые въ состояніи примириться съ ограниченіемъ своей власти. Поэтому Ройе-Колларъ не принялъ ни малѣйшаго участія въ работахъ по изготовленію acte additionnel, конституціи Ста Дней.

Онъ и его единомышленники были озабочены другимъ и взоры ихъ были обращены совсѣмъ въ другую сторону. До нихъ все чаще и чаще доходили слухи о томъ, что говорится и дѣлается въ Гентѣ, куда укрылся король, и эти слухи были для нихъ безпокойны и непріятны. Люди, бѣжавшіе вмѣстѣ съ королемъ, по большей части были ультра-роялистами, и притомъ изъ самыхъ ярыхъ. Они говорили съ совершенно ничѣмъ не сдерживаемою яростью о случившемся событіи, заявляли, что отнынѣ ихъ политика будетъ выражаться словомъ «месть», что всѣ лица, такъ или иначе способствовавшія возстановленію имперіи, должны быть казнены, какъ только король вернется въ Парижъ. Ройе-Колларъ и его политическіе друзья боялись, какъ бы эти сердитые совѣтники не повліяли на короля, что весьма легко могло случиться, если принять во вниманіе обстоятельства времени и положенія: какой-нибудь Блака, Ларошфуко и т. п.

всегда могъ сказать Людовику, что его совѣты не пустая болтовня, что его преданность засвидѣтельствована бѣгствомъ отъ Наполеона и присоединеніемъ къ королю въ Гентѣ. А умѣренная легитимистская партія вся сидѣла въ Парижѣ, своими удобствами не пожертвовала, императору присягнула и, вообще, повидимому, больше хлопочетъ о Бурбонахъ изъ за хартіи, чѣмъ изъ за нихъ самихъ.

Вотъ этихъ-то аргументовъ ad hominem, этой благопріятной для гентскихъ эмигрантовъ психологической почвы и боялся Ройе-Колларъ. Чтобы создать извѣстный противовѣсъ реакціоннымъ вліяніямъ, онъ убѣдилъ своихъ товарищей по воззрѣніямъ въ необходимости отправить въ Гентъ къ Людовику XVIII кого-нибудь изъ умѣренныхъ конституціонныхъ роялистовъ. Выборъ палъ на Гизо, начавшаго тогда свою политическую карьеру; Гизо отправился къ королю, изложилъ ему profession de foi своей партіи и былъ выслушанъ съ благосклонностью. Можетъ быть, отчасти благодаря этому шагу умѣренной фракціи, король крѣпче утвердился въ своихъ постоянныхъ намѣреніяхъ не давать власти ультра-роялистамъ.

Послѣ Ватерлоо и возвращенія Людовика началась новая эра исторіи Франціи. Тѣ политическія теченія, которыя успѣли вполнѣ ясно обозначиться еще въ 1814 году, теперь послѣ ста дней остались такими же, но ихъ отношенія и силы перемѣнились. Ультрароялисты пріобрѣли громадное вліяніе въ обществѣ, политическая и религіозная реакція торжествовала; голосъ короля, пытавшагося какъ-нибудь остановить расходившихся приверженцевъ графа Артуа, — мало измѣнялъ дѣло. Не только непосредственные виновники ста дней бонапартисты и республиканцы (или считавшіеся республиканцами), и всѣ несогласно съ графомъ Артуа мыслящіе подвергались гоненіямъ и преслѣдованіямъ.

Объ ордонансѣ 17 февраля, касавшемся переустройства университета, вспомнили очень скоро. Фактически и юридически этотъ ордонансъ въ числѣ прочихъ былъ отмѣненъ возвратившимся Наполеономъ, и король теперь, послѣ второй реставраціи, не рѣшился настаивать на осуществленіи реформы. Но католическая партія продолжала негодовать на попытку Ройе-Коллара сохранить за высшей и средней школой свѣтскій характеръ, и негодованіе это въ 1815 году высказывалось торжествующими фракціями совершенно открыто, безъ всякаго удержу и съ полнымъ забвеніемъ всѣхъ житейскихъ приличій. Не довольствуясь обвиненіями, клерикалы перешли къ наступательной войнѣ и внесли въ палату предложеніе въ высшей степени оригинальное: передать *все* народное образованіе въ руки духовенства. Когда имъ возразили, что прежде всего нѣтъ такой массы духовныхъ лицъ, какая требуется, чтобы заполнить всѣ учительскія мѣста въ народныхъ школахъ и другихъ заведеніяхъ, Бональдъ, ораторъ партіи, заявилъ, что

въ такомъ случаѣ нужно подождать, пока духовенство расплодится, а до той поры все-таки закрыть всѣ свѣтскія школы.

Много пришлось бороться Ройе-Коллару противъ такихъ ревнителей народнаго просвѣщенія; ораторы chambre introuvable дѣлали немыслимою какую бы то ни было положительную дѣятельность на почвѣ учебныхъ реформъ; нужно было посвятить свои силы исключительно защитѣ и спасенію свѣтской школы. Боролся РойеКолларъ и въ качествѣ члена королевскаго совѣта, и въ качествѣ временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія (въ 1815 г.), и въ качествѣ простого депутата.

Нужно замѣтить, что въ первое время, когда съ одной стороны крѣпли и расширялись его политическія воззрѣнія, а съ другой стороны реакція заставляла держаться насторожѣ, — Ройе-Колларъ въ своихъ рѣчахъ старался разбивать противниковъ на ихъ же почвѣ; общихъ принциповъ онъ еще не развивалъ и не установлялъ. Такъ, говоря о необходимости широкаго распространенія начальнаго образованія, онъ указывалъ на то, что подобные люди, не желая дѣлать народъ грамотнымъ, мѣшаютъ ему, во-первыхъ, молиться Богу осмысленно, а во-вторыхъ, понимать законы государства. «Чѣмъ понятнѣе законы, тѣмъ лучше они исполняются», повторялъ онъ.

Отвѣчая на нападки и инсинуаціи ультра-роялистовъ, не переставшихъ твердить, что «философія» произвела революцію и что, поэтому, философію необходимо изгнать изъ круга университетскаго преподаванія, Ройе-Колларъ говорилъ, что безъ философіи и философскаго образованія немыслимо изученіе литературы, исторіи и любой изъ наукъ. Нужно припомнить, что эти простыя истины высказывались въ эпоху сильнѣйшей реакціи и высказывались министромъ народнаго просвѣщенія *), чтобы оцѣнить все ихъ значеніе для тогдашней Франціи. Его идеи о необходимости самаго широкаго распространенія начальнаго образованія были тогда положительно новы. При Наполеонѣ на народныя школы денегъ совершенно не отпускалось, такъ что и школъ, конечно, не было. При реставраціи, благодаря стараніямъ Ройе-Коллара, издержки на начальное обученіе были, наконецъ, внесены въ смѣту государственныхъ расходовъ; каждый разъ, когда обсуждался бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія и въ 1816, и въ 1817 гг. и дальше — крайняя партія самымъ яростнымъ образомъ нападала на проектъ расширенія сферы начальнаго обученія; но эти пренія уже относятся къ нѣсколько болѣе позднему періоду, и по содержанію, и по тону своему они отличаются отъ сдержанныхъ рѣчей либераловъ (а въ томъ числѣ Ройе-Коллара) въ 1815 году.

Годъ этотъ для Ройе-Коллара, помимо стычекъ съ клерикалами изъ

*) Управлялъ министерствомъ онъ очень недолго—до окончательнаго упроченія министерства Ришелье.

за подготовленнаго имъ ордонанса объ университетахъ, помимо злостныхъ намековъ и обвиненій со стороны католической партіи, ознаменовался вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколькими немаловажными событіями въ его политической жизни: онъ былъ избранъ въ палату депутатовъ отъ департамента Марны. Кромѣ того, онъ, какъ уже было замѣчено, былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи, управлявшей учебнымъ вѣдомствомъ; эта должность равнялась сану министра народнаго просвѣщенія, какъ и называли для удобства Ройе-Коллара въ палатѣ. Наконецъ, король его назначилъ членомъ государственнаго совѣта. Но Ройе-Колларъ не обманывался этими оффиціальными успѣхами: онъ видѣлъ, что король хочетъ подавить ультра-роялизмъ, казавшійся ему опаснымъ для спокойствія государства, и что только затѣмъ Людовикъ XVIII формируетъ умѣренные кабинеты и выдвигаетъ впередъ людей, извѣстныхъ ему за враговъ реакціи. Сознавая это, Ройе-Колларъ понималъ также, что общество въ своемъ большинствѣ все-таки стоитъ за ультра-роялистовъ, и что chambre introuvable является вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго настроенія. Онъ весьма быстро намѣтилъ ту дорогу, которой нужно было держаться,—отступилъ отъ положительной парламентской дѣятельности и всецѣло предался оппозиціонной критикѣ вносимыхъ реакціонерами предложеній.

Матеріала для такой критики не могло не хватать въ 1815 году. Chambre introuvable положительно задалась утопической цѣлью вернуть Францію къ дореволюціонному порядку вещей. Свободные отъ какого бы то ни было государственнаго опыта, политически безграмотные ультра-роялисты причиняли громадныя затрудненія и безпокойства не только всѣмъ людямъ, не забывшимъ освободительныхъ традицій недавняго прошлаго, но и королю Людовику, справедливо считавшему политику chambre introuvable провокаторской. Альберъ де-Брольи въ одномъ изъ своихъ біографическихъ этюдовъ говоритъ: «кто не жилъ въ 1815 году, тотъ не знаетъ, что такое политическія страсти *)». И дѣйствительно, ультрароялисты почувствовавъ свою силу, не давали ни отдыха, ни срока своимъ врагамъ, а врагами они считали всѣхъ, кто хоть немного уклонялся отъ ихъ credo. Въ палатѣ разыгрывались такія сцены, которыя напоминали времена террора: писались въ газетахъ и говорились въ общественныхъ собраніяхъ такія вещи, которыя казались невѣроятными уже черезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ.

Ультра-роялисты били сгоряча, безъ опредѣленной *ligne de conduite*, стараясь лишь какъ можно скорѣе сломать всѣ части существовавшаго строя, мѣшавшія осуществленію ихъ идеаловъ. Конечно, прежде всего нужно было покончить съ независимостью суда, потому что, пока судьи были независимы, ихъ нельзя было заставить сажать въ тюрьмы и казнить лицъ, не угодныхъ торжествующей партіи. Гидъ де-Невиль

*) Spüller, 117 (op. cit.)

внесъ въ палату предложеніе ограничить число трибуналовъ и считать судей несмѣняемыми только съ будущаго 1816 года. Этотъ законопроектъ на первый взглядъ запутанъ и неясенъ. Почему отрицать извѣстный принципъ въ 1815 году и признавать его для 1816 года? На какомъ основаніи считать несмѣняемость магистратуры полезное именно черезъ годъ, а не черезъ полгода? На самомъ дѣлѣ предложеніе Гида де-Невиля объяснилось весьма просто и политическая безграмотность его, небрежность и нелѣпость его внѣшней формы никого не могли обмануть. Ультра-роялистамъ хотѣлось, чтобы судьи до поры до времени непользовались несмѣняемостью: они надѣялись за годъ низвергнуть умѣренный кабинетъ, захватить власть въ свои руки, смѣнить тогда на законномъ основаніи всѣхъ ненравящихся имъ судей и назначить своихъ единомышленниковъ. А тогда, чрезъ годъ, пусть себѣ снова воцарится принципъ несмѣняемости: несмѣняемою именно окажется ультра-роялистская магистратура.

Когда предложеніе Гида де-Невиля было выслушано палатою, со своего мѣста поднялся Ройе-Колларъ. Онъ до этого дня былъ мало извѣстенъ депутатамъ: его только знали, какъ автора неблагонамѣреннаго законопроекта объ университетахъ и какъ управляющаго учебнымъ вѣдомствомъ; но послѣ этой первой большой рѣчи о несмѣняемости судей, онъ сразу сталъ главою либеральной партіи и ненавистнѣйшимъ человѣкомъ для палатнаго большинства.

Онъ началъ съ указанія на то противорѣчіе, которое существуетъ между основнымъ закономъ государства и предложеніемъ Гида де-Невиля: конституція прямо объявляла всѣхъ судей королевства несмѣняемыми *), вовсе не говоря, что сегодня они могутъ утратить свою несмѣняемость, а завтра снова ее получить. Доказавши полную дисгармонію между хартіей и законопроектомъ, Ройе-Колларъ переходитъ къ развитію общихъ принциповъ, которые, по его мнѣнію, должны лежать въ основѣ дѣятельности всякой магистратуры во всякой странѣ. «По справедливости можно сказать,—заявилъ онъ,—что общество существуетъ лишь тогда, когда правосудіе отправляется спокойно и нормально... Когда правительство призываетъ какого-нибудь человѣка къ исполненію обязанностей судьи, оно само должно сказать этому человѣку: «вы органъ закона, будьте же безстрастны, какъ самъ законъ; страсти пусть обуреваютъ все и всѣхъ вокругъ васъ, но пусть онѣ не коснутся вашей души; если я, правительство, буду ошибаться, если я буду увлекаться своими соображеніями, если я буду требовать отъ васъ несправедливостей, не подчиняйтесь моимъ приказаніямъ, сопротивляйтесь моимъ обольщеніямъ, сопротивляйтесь моимъ угрозамъ». Вотъ что должно сказать само правительство вновь назначаемому судьѣ. На это судья

*) Параграфъ 58-ой хартіи Людовика XVIII гласитъ дѣйствительно: «Les juges, nommés par le roi, sont inamovibles».

можетъ отвѣтить правительству: «но вѣдь я человѣкъ, а вы требуете отъ меня сверхчеловѣческихъ качествъ. Вы слишкомъ сильны, а я слишкомъ слабъ; вы—правительство, а я—чиновникъ; если между нами возгорится борьба, я непремѣнно уступлю. Вы въ увлеченіи не признаете законными мотивы моего сопротивленія, и вы меня накажете. Я не смогу стать выше васъ, если вы меня не защитите предварительно противъ васъ самихъ. Поддержите же меня, слабаго, на случай будущихъ столкновеній; избавьте меня отъ страха кары и отъ надежды на награду; обѣщайте мнѣ, что я не буду никогда удаленъ со своего мѣста». Правительство выслушиваетъ эту рѣчъ судьи, затѣмъ колеблется, потому что таково уже свойство власти съ трудомъ уступать частичку своей воли и могущества. Наконецъ, просвѣщенное опытомъ, *познавъ истинные свои интересы, подчиняясь все болѣе растущей силѣ обстоятельствъ, правительство говоритъ судьѣ: «вы будете несмѣняемы»*.

Вотъ, въ этомъ коротенькомъ діалогѣ и его концѣ заключается, по мнѣнію Ройе-Коллара, теорія и исторія принципа несмѣняемости магистратуры. Этотъ принципъ абсолютенъ, онъ не мирится ни съ какими условностями. Къ нему естественно и неизбѣжно стремится всякое общество, которое еще не увидѣло его осуществленія. «Этому принципу грозятъ постоянныя опасности отъ зарождающейся тираніи, и его губитъ окончательно тиранія всевластная» *). Противники несмѣняемости судей указываютъ на то, что часто въ судьи попадаютъ недостойные люди, которыхъ удалить нѣтъ никакой возможности... Ройе-Колларъ признаетъ, что это бываетъ; признаетъ, что и еще можно насчитать много неудобствъ послѣдовательнаго проведенія принципа несмѣняемости; но всѣ эти неудобства, прибавляетъ онъ, суть не болѣе, какъ дешевая плата за огромныя, неизмѣримыя и неисчислимыя выгоды, какія доставляются обществу и государству несмѣняемою и потому независимою магистратурою. Правда, реакціонеры на всѣ лады повторяютъ и пересчитываютъ опасности и неудобства несмѣняемости, думая частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же избитыхъ общихъ мѣстъ произвести впечатлѣніе на поверхностныхъ людей, но въ данномъ случаѣ, по мнѣнію оратора, этотъ пріемъ болѣе безсиленъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Въ заключеніе Ройе-Колларъ возвращается къ автору проекта — Гиду де-Невилю и называетъ его предложеніе чисто-революціонной мѣрой, субверсивной затѣей, несогласной съ правильной конституціонной жизнью страны.

Рѣчь Ройе-Коллара произвела громадное впечатлѣніе; и друзей, и противниковъ автора поразила больше всего постановка вопроса въ устахъ его. 1815-й годъ вовсе не былъ временемъ, удобнымъ для принципіальныхъ споровъ съ торжествовавшей партіей. Еще робкія частичныя замѣчанія и представленія выносились крайней правой, но кри-

*) Barante, II—172.

тика ея убѣжденій по существу являлась дѣломъ неслыханнымъ въ палатѣ. Ройе-Колларъ пренебрегъ указаніями на то, что не было ни для кого тайной; онъ не сказалъ прямо: «вы вносите это предложеніе, чтобы потомъ смѣнить всѣхъ судей и назначить на ихъ мѣста вашихъ приверженцевъ»; какъ будто воспользовавшись предлогомъ, онъ развилъ въ яркихъ, запоминающихся выраженіяхъ цѣлую теорію о необходимости для цивилизованнаго общества имѣть несмѣняемую магистратуру. Мнѣнія, высказанныя за шестьдесятъ семь лѣтъ до него авторомъ «L'esprit des lois», Ройе-Колларъ повторилъ въ такую эпоху и съ такою силою, что по справедливости онъ можетъ раздѣлить славу творца теоріи раздѣленія властей. «Правительство никогда не должно присваивать себѣ судебной власти; судъ долженъ стоять выше всякихъ посторонникъ вліяній—правительственныхъ и частныхъ; передъ судомъ король и простой гражданинъ должны быть совершенно равноправны». Вотъ къ чему сводились мысли Ройе-Коллара о несмѣняемости судей.

Проектъ Гида де-Невиля былъ отвергнутъ; палата и страна съ тѣхъ поръ со вниманіемъ и любопытствомъ начали прислушиваться къ словамъ преждевременно состарившагося, пятидесятилѣтняго депутата, такъ поздно и такъ блестяще начинавшаго свою парламентскую карьеру. Эта рѣчь Ройе-Коллара, помимо своего непосредственнаго вліянія, послужила первымъ урокомъ, который былъ данъ нашимъ парламентаристомъ французскому обществу; съ этого дня началась дѣятельность Ройе-Коллара, какъ политическаго воспитателя своей страны. Несмотря на вѣковое обладаніе блестящей публицистической литературой, несмотря на пережитую революцію, французскіе средніе классы (не говоря уже о народѣ) были въ массѣ совершенно политически не развиты. Взрослые люди, низвергнувшіе Карла X въ 1830 году, были юношами въ 1815; тѣ дѣятели, которые во времена іюльскихъ волненій желали, «за невозможностью республики, трона, окруженнаго республиканскими учрежденіями», въ эпоху chambre introuvable далеко не ясно представляли себѣ, въ чемъ долженъ заключаться идеалъ государственнаго устройства страны. Много обстоятельствъ содѣйствовало укрѣпленію политическаго самосознанія французскаго общества въ то пятнадцатилѣтіе, когда Бурбоны сидѣли на престолѣ; не прекращавшаяся законная дѣятельность конституціонной машины, борьба партій, короче, парламентарная практика со всѣми ея послѣдствіями,—вотъ что въ значительной степени оживило освободительныя теченія; но къ практикѣ нужна была и теорія: по поводу ежедневнаго обсужденія текущихъ дѣлъ нужно было распространять въ обществѣ выработанные политическою наукою принципы; на конкретныхъ примѣрахъ нужно было показывать вредъ или пользу тѣхъ или иныхъ ученій. Всю эту трудную работу просвѣщенія буржуазнаго класса взяли на себя немногіе люди, которые съумѣли сдѣлать свое дѣло, не измѣняя ему ни разу. Между такими людьми главную, первостепенную роль пришлось съиграть Ройе-Коллару. Рѣчь

о несмѣняемости судей была его дебютомъ, но такимъ дебютомъ, который, повторяемъ, открылъ его и друзьямъ, и врагамъ. Слѣдующее выступленіе его въ трибунѣ не заставило себя долго ждать.

VI.

У роялистовъ послѣ ста дней были намѣченны жертвы, которыхъ нельзя было никакъ спасти. Непосредственные виновники возстановленія имперіи, начальники арміи должны были готовиться идти на жестокую расправу. Въ сущности вся армія и Франція отчасти громко, отчасти tacito consensu возстановили имперію; такъ или иначе, а почти всѣ маршалы сдѣлались покорными слугами Наполеона въ тѣ двадцать дней, которые протекли между высадкою императора на южномъ берегу Франціи и тріумфальнымъ въѣздомъ его въ Парижъ. Съ горяча гентскіе эмигранты всѣмъ имъ грозили смертною казнью, но послѣ возвращенія короля въ 1815 году они поняли, что это желаніе неосуществимо, и умѣрили свои мечты. Они пылали, тѣмъ не менѣе, жаждой мести и громогласно требовали смерти главныхъ измѣнниковъ, которые прежде всѣхъ присоединились къ Наполеону и увлекли своимъ примѣромъ другихъ. Конечно, крупнѣйшимъ изъ такихъ государственныхъ преступниковъ являлся князь московскій—маршалъ Ней. Ничто не могло избавить его отъ казни: онъ былъ разстрѣлянъ, несмотря на мольбы и просьбы близкихъ, несмотря на представленія умѣренныхъ лицъ. Это дѣйствіе правительства страшно повредило ему. Ней былъ божкомъ арміи; войско и простой народъ знали, что онъ былъ безумнымъ храбрецомъ, любимцемъ самого Наполеона, «храбрымъ изъ храбрыхъ», какъ его называлъ императоръ. Казнь героя бородинской битвы произвела гнетущее впечатлѣніе и вызвала ропотъ и негодованіе.

Почти въ одно время съ Неемъ былъ казненъ полковникъ Лабедойеръ, однимъ изъ первыхъ предавшійся императору, котораго онъ страстно любилъ. Этихъ казней для ультра-роялистовъ было слишкомъ мало. Вскорѣ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму Лавалеттъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ людей того времени, обвинявшійся въ томъ, что онъ переписывался съ Наполеономъ еще до ста дней, когда императоръ находился на островѣ Эльбѣ. Лавалетта избавила отъ грозившей ему страшной участи его жена, которая, какъ извѣстно, въ одно изъ посѣщеній мужа въ тюрьмѣ переодѣлась въ его платье и осталась въ камерѣ, доставивъ арестованному возможность выйти изъ тюрьмы въ женской одеждѣ. Бѣгство Лавалетта привело ультра-роялистовъ въ страшную ярость. Они обвиняли министерство Ришелье въ стачкѣ съ бонапартистами; называли бѣгство «штукою полиціи герцога Ришелье». Можно получить нѣкоторое понятіе о настроеніи этой могущественной партіи, если припомнить, что она свѣтская дама этого круга, женщина очень добраго характера, по словамъ знавшихъ ее лицъ, была въ отчаяніи,

что Лавалетъ спасся, и называла дочь Лавалетта «*маленькой злодѣйкой*» *) за то, что она помогала матери спасти отца изъ тюрьмы и не донесла ни о чемъ жандармеріи. Но министерство Ришелье твердо рѣшило продолжать неравную борьбу съ реакціонерами и не казнить больше никого; мало того: былъ составленъ списокъ изъ 38 лицъ, которыя оказывались виновными въ «катастрофѣ 20-го марта» (20-го марта 1815 г. Наполеонъ вошелъ въ Парижъ) и министерство предложило палатѣ обсудить вопросъ объ амнистіи этихъ государственныхъ преступниковъ. Ришелье питалъ слабую надежду, что какъ-нибудь сама палата помилуетъ виновныхъ и правительству не придется выносить упреки въ «преступной слабости». Предложеніе министерства поступило въ коммиссію, выбранную палатой. Коммиссія, состоявшая изъ ультра-роялистовъ, рѣшила, что нужно раздѣлить всѣхъ обвиняемыхъ на категоріи: къ первой относились всѣ высшіе члены администраціи, отправлявшіе свою должность во время ста дней; ко второй категоріи относились всѣ генералы, префекты и командующіе отдѣльными частями, попавшіе въ списокъ министерства; къ третьей—тѣ люди, которые въ эпоху террора вотировали за смерть Людовика XVI и которые во время ста дней высказались за конституцію императора (acte additionnel). Лицамъ этихъ трехъ категорій грозила, по проекту коммиссіи, смертная казнь, а тѣ немногіе (изъ 38-ми), которые не попали ни въ одну изъ категорій, должны были быть выпущены на свободу (если они содержались въ заключеніи). Итакъ, если бы палата приняла проектъ коммиссіи, то послѣдовалъ бы рядъ новыхъ казней.

Ультра-роялисты, взбѣшенные бѣгствомъ Лавалетта, какъ одинъ человѣкъ стояли за принятіе драконовскаго проекта; ихъ враги также собирали всѣ свои силы. Конституціоналисты рѣшили выдвинуть въ качествѣ тяжелой артиллеріи Ройе-Коллара; надо сказать, что со времени рѣчи о несмѣняемости судей вокругъ него сталъ группироваться кружокъ выдающихся единомышленниковъ: Серръ, Паскье, Симеонъ и, если не ошибаюсь, Деказъ считали его лучшей поддержкой умѣренной политики правитедьства. Ройе-Колларъ подвергъ проектъ коммиссіи жестокой критикѣ; онъ назвалъ беззаконными всѣ попытки установленія кары за преступленія съ обратнымъ дѣйствіемъ: «преступленія, поведшія къ возстановленію имперіи, должны быть судимы по законамъ, существовавшимъ до этого событія», сказалъ онъ. Онъ рѣшился также принципіально говорить по вопросу о политическихъ преступленіяхъ; дѣло вовсе не въ томъ, заявилъ онъ, чтобы наказать и казнить какъ можно больше людей; государства никогда не спасаются казнями. По его мнѣнію, слѣдуетъ отвергнуть проектъ коммиссіи о категоріяхъ и просить короля помиловать всѣхъ. Амнистія съ исключеніями, съ изъятіями, даже съ однимъ единственнымъ изъятіемъ, уже не есть амни-

*) «La petite scélérate».

стія. Коммиссія предлагала также конфисковать имущество у всѣхъ, кто будетъ казненъ за содѣйствіе возстановленію имперіи. Ройе-Колларъ съ жаромъ напалъ на это предложеніе. «Конфискаціи,—сказалъ онъ,—это нервы и душа революціи. Сначала конфискуютъ потому, что осудили, а потомъ начинаютъ осуждать, чтобы можно было конфисковать; жестокость еще можетъ утомиться, но алчность—никогда. Наша революція краснѣла, стыдилась воспоминаній о конфискаціяхъ, она, которая ни отъ чего не краснѣла... Нѣкоторые, наиболѣе виновные (Ней, Лабедойеръ) уже казнены. Что же, не примѣнить ли и къ нимъ конфискацію? Пусть же ихъ выведутъ изъ могилъ, приведутъ предъ лицо судей, пусть судьи скажутъ имъ, что они осуждены еще и на конфискацію» *).

Предложеніе о конфискаціи было отвергнуто такъ же, какъ и проектъ о трехъ категоріяхъ. Пренія по поводу амнистіи были такъ ожесточенны, что потомъ вспоминались какъ положительный парламентскій скандалъ. На Ройе-Коллара и его друзей сыпались обвиненія и угрозы; ультра-роялисты, добившись-таки, что король долженъ былъ самъ взять на себя иниціативу помилованія, не стѣснялись упрекать правительство въ трусости и ренегатствѣ, а умѣренныхъ членовъ палаты въ государственной измѣнѣ. Ультра-роялисты чувствовали свою силу и вліяніе въ странѣ; они желали поэтому увеличить число депутатовъ палаты и измѣнить конституцію въ смыслѣ усиленія значенія представительнаго собранія. По странному стеченію обстоятельствъ они, крайніе реакціонеры, были въ оппозиціи и стремились вопреки своимъ убѣжденіямъ къ возвышенію палаты въ ущербъ королевской власти, чтобы имѣть возможность заставить короля дѣлать то, что имъ угодно. Юнкерскій принципъ—«und der König absolut, wenn er unsern Willen thut», сказывался здѣсь во всей своей красѣ.

Ройе-Колларъ и его сторонники также по необходимости руководились условіями минуты. Увеличить въ 1815 или 1816 гг. число депутатовъ—увеличить число ультра-роялистовъ; ослабить правительство—значило ослабить самихъ себя. Пришлось, такимъ образомъ, помѣняться ролью съ реакціонерами и отстаивать statu quo противъ якобы либеральныхъ реформаторскихъ затѣй.

Когда обсуждался въ палатѣ проектъ закона объ измѣненіи выборовъ, Ройе-Колларъ говорилъ противъ него, настаивалъ на необходимости для Франціи твердой королевской власти, говорилъ даже, что представительство по духу конституціи должно быть въ помощь монарху и не должно представлять собою враждующаго, соперничающаго начала. Возражая противъ проекта, Ройе-Колларъ вмѣстѣ съ тѣмъ напалъ на ультра-роялистовъ съ той стороны, съ которой они меньше всего ожидали нападенія. Онъ объявилъ, что если ужъ они хотятъ поставить

*) Barante, 202.

представительство выше монарха, такъ пусть это представительство будетъ, по крайней мѣрѣ, всенароднымъ; пусть депутаты выбираются безъ всякаго ценза *всѣмъ* французскимъ народомъ. Для ультра-роялистовъ это было бы очень невыгодно, потому что тогда въ палату попали бы не только провинціальные дворяне, но и мелкая буржуазія, и крестьяне; республиканцы, бонапартисты и умѣренные роялисты выиграли бы больше ихъ. Пришлось отступать, оговариваться, защищаться, путаться въ объясненіяхъ... Проектъ вскорѣ былъ взятъ назадъ. 29-го апрѣля 1816 года закончилась эта бурная сессія.

Хотя правительство и одержало нѣсколько побѣдъ, хотя оно нашло себѣ въ палатѣ достаточное число защитниковъ и приверженцевъ, но ясно было, что такъ дальше дѣла вести нѣтъ никакой возможности. Chambre introuvable оказала слишкомъ страстное сопротивленіе всей примирительной политикѣ короля и разошлась весною 1816 года съ угрозами и намеками, не позволявшими надѣяться на болѣе спокойное будущее. Ройе-Колларъ, Серръ и другіе въ своихъ рѣчахъ съ достаточною ясностью показали, куда ведетъ Францію политика реакціонеровъ; они много разъ и довольно прозрачно намекали, что ультра-роялисты, увлекшись въ своей погонѣ за фантомомъ—за возстановленіемъ стараго режима, могутъ вызвать новую революцію. Людовикъ XVIII боялся ультра-роялизма именно изъ за этихъ соображеній; его любимецъ, министръ Деказъ, бывавшій довольно часто въ обществѣ Ройе-Коллара и его друзей, дѣлалъ все, что могъ, чтобы заставить короля пренебречь дружбою брата (графа Артуа) и открыто порвать всякія связи съ ультра-роялистами. 4 сентября (1816 г.) Ройе-Колларъ обѣдалъ у Деказа; послѣ обѣда министръ сообщилъ своимъ гостямъ, что на слѣдующей день въ «Moniteur»'ѣ появится ордонансъ короля о распущеніи chambre introuvable. Ройе-Колларъ внѣ себя отъ радости бросился на шею Деказу, расцѣловалъ его и сказалъ, что онъ достоинъ памятника.

Дѣйствительно, было чему радоваться: такой палаты во Франціи уже не собиралось за все XIX столѣтіе. При существованіи chambre introuvable либеральные элементы должны были молчать и довольствоваться лишь возраженіями противъ тѣхъ фантастичныхъ проэктовъ, которые представлялись ультра-роялистами; о собственной положительной парламентской дѣятельности трудно было и думать. Ордонансъ 5 сентября прекращалъ это ненормальное положеніе вещей. Когда собралась новая палата, ультра-роялистовъ тамъ оказалось сравнительно мало; либераловъ явилось много, а еще больше людей, не примыкавшихъ прямо ни къ той, ни къ другой партіи, а только инстинктивно склонявшихся къ освободительнымъ идеямъ. Съ такою палатой умѣренному министерству Деказа и кружку Ройе-Коллара можно было ужиться съ большимъ удобствомъ. Нужно сказать, что въ палатѣ 1816 года отношеніе къ Ройе-Коллару было совсѣмъ дру-

гое, нежели въ chambre introuvable: если ужъ не говорить даже о разницѣ въ настроеніяхъ обѣихъ палатъ, то депутаты, собравшіеся въ 1816 году, могли смотрѣть и смотрѣли на Ройе-Коллара, какъ на знаменитость, какъ на одного изъ немногихъ, голосъ которыхъ звучалъ среди боязливой тишины прошедшаго ужаснаго года. Если и друзья, и враги въ палатѣ цѣнили его еще послѣ рѣчи о несмѣняемости судей, то въ еще большей степени оцѣнила его масса французскаго общества.

Ройе-Колларъ и его друзья, будучи конституціонными учителями буржуазіи, выступавшей на политическое поприще, какъ въ chambre introuvable, такъ и въ новой палатѣ столько же говорили о текущихъ дѣлахъ, сколько о теоріяхъ и доктринахъ. Разъ во время засѣданія одинъ изъ ультра-роялистовъ, которому надоѣло слушать эти уроки политической философіи, воскликнулъ, указывая на Ройе-Коллара и его приверженцевъ: «Voilà bien nos doctrinaires!» Съ тѣхъ поръ имя доктринеровъ осталось за ними.

Намъ нѣтъ нужды выяснять въ подробностяхъ ученія доктринеровъ и ихъ главы — Ройе-Коллара. Это легче и удобнѣе дѣлать, разсказывая объ ихъ парламентской дѣятельности исподоволь: мнѣнія Ройе-Коллара о роли суда въ государствѣ мы уже разсмотрѣли; съ его убѣжденіями относительно свободы прессы, значенія конституціи, относительно обязанностей монарха и представительства познакомимся изъ его же рѣчей. Пока необходимо только сказать, что партія Ройе-Коллара занимала положеніе посредника между умѣренными роялистами и крайней лѣвой; она говорила на языкѣ, понятномъ и для тѣхъ, и для другихъ. Раздѣляя весьма многія убѣжденія лѣвой стороны, партія Ройе-Коллара была не согласна съ ней лишь по вопросу о дальнѣйшемъ развитіи конституціонныхъ началъ: доктринеры полагали, что хартія хороша вполнѣ, что ее измѣнять нѣтъ никакой надобности, а нужно лишь отражать нападки противниковъ; крайняя же оппозиція желала многихъ дополненій и улучшеній. Къ роялистамъ доктринеры примыкали въ своихъ воззрѣніяхъ на королевскую власть, какъ на необходимый ингредіентъ нормальнаго государственнаго устройства Франціи: расходились же съ ними друзья Ройе-Коллара въ томъ, что были твердо убѣждены въ необходимости сохраненія и упроченія конституціи, а роялисты (въ особенности первое время) смотрѣли на октроированную хартію слишкомъ развязно и легко. Что касается до двухъ крайнихъ партій—республиканцевъ съ одной стороны и ультра-роялистовъ съ другой—то нужно сказать, что доктринеры рѣзко подчеркивали свое несогласіе съ первыми и со вторыми; но съ республиканцами имъ приходилось вмѣстѣ голосовать по разнымъ вопросамъ довольно часто, а съ ультра-роялистами никогда. Мы увидимъ даже, какъ страшно сблизились къ концу реставраціи

доктринеры и республиканцы, если не въ принципахъ, то въ текущей политической дѣятельности.

Если мы спросимъ себя, составляли ли доктринеры партію въ точномъ смыслѣ этого слова? Боролись ли они затѣмъ, чтобы получить въ свои руки власть?—то должны будемъ отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Никогда Ройе-Колларъ не стремился сдѣлаться премьеромъ (а только онъ изъ доктринеровъ и имѣлъ какіе-нибудь шансы); никогда онъ не нападалъ на правительство, никогда не становился въ оппозицію съ задней мыслью, съ желаніемъ низвергнуть кабинетъ и образовать свой. Это говорилъ и онъ самъ, и его сторонники, и этому приходится вѣрить, потому что онъ всегда совершенно устранялся отъ придворныхъ сферъ и никогда не входилъ въ сдѣлки, не образовывалъ комбинацій съ тѣми людьми, которые могли бы доставить ему портфель. «Все критиковать и не браться за положительную дѣятельность, презирать факты и обращаться къ теоріямъ,—вотъ каковы были тенденціи доктринеровъ», говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ.

Группа ихъ была чрезвычайно мала: бонмотистъ аристократическихъ салоновъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья графъ Беньо говорилъ, что вся она можетъ помѣститься на одномъ диванчикѣ. Ройе-Колларъ былъ признаннымъ и неоспариваемымъ главою кружка; Серръ, Гизо, Ремюза, кажется Барантъ—вотъ выдающіеся члены его. Надо замѣтить, что, въ качествѣ партійнаго вождя, Ройе-Колларъ никогда не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ качествъ, дѣлавшихъ его иногда тяжелымъ человѣкомъ; онъ былъ очень гордъ, всегда важенъ, серьезенъ, неприступенъ, не любилъ, когда молодые люди слишкомъ свободно и непринужденно высказывали мнѣнія по поводу политическихъ вопросовъ, и часто довольно колко обрывалъ ихъ; онъ не выносилъ полнаго забвенія «чинопочитанія» даже въ близкомъ кругу: собесѣдники всегда должны были помнить, что передъ ними одинъ изъ выдающихся членовъ палаты и вождь лѣваго центра. Какая-то величавая медлительность, вдумчивая суровость были свойственны его рѣчамъ и его обхожденію; ничего общаго, повидимому, не можетъ быть между нимъ и сектантскими начетчиками, а, между тѣмъ, когда читаешь характеристики его личности, сдѣланныя близкими людьми, невольно вспоминается, что онъ выросъ въ средѣ послѣдовательныхъ и убѣжденныхъ янсенистовъ. Внѣшній колоритъ общества, окружавшаго его въ молодости, остался на немъ. Но всѣ шероховатости характера выкупались съ избыткомъ его добротою, полнѣйшимъ отсутствіемъ такихъ распространенныхъ между политическими дѣятелями качествъ, какъ зависть, мелочная придирчивость, тщеславіе. Онъ никогда не поддавался личнымъ соображеніямъ и всегда имѣлъ въ виду дѣло, а не тѣхъ, кто за него взялся. Вліялъ онъ на своихъ приверженцевъ весьма сильно и вліялъ не только въ смыслѣ передачи имъ своихъ воззрѣній, но и въ смыслѣ

измѣненія ихъ навыковъ мысли; онъ внушалъ имъ постоянно, что со старымъ режимомъ все должно быть покончено, что всеобщее, полнѣйшее равенство должно царить въ странѣ, что всѣ привилегіи, всѣ обломки дореволюціоннаго порядка вещей должны быть немилосердно уничтожены; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всегда училъ своихъ молодыхъ послѣдователей обобщать разбираемый вопросъ, переносить его на болѣе широкую почву, оставаясь постоянно при томъ убѣжденіи, что противникамъ народнаго блага легче достигнуть своекорыстныхъ цѣлей по частямъ, по мелочамъ и что, поэтому, нужно стараться доказывать не только несостоятельность предлагаемыхъ мѣропріятій, но также логическую и этическую шаткость принциповъ, лежащихъ въ ихъ основѣ. Онъ говорилъ, что неправое дѣло боится теоретическаго, принципіальнаго обсужденія и старается избѣжать его; напоминая шекспировскаго персонажа, сказавшаго: «не вѣрь не любящей музыки твари», Ройе-Колларъ готовъ былъ въ своихъ рѣчахъ безъ конца повторять: «Не вѣрьте дѣятелямъ, не любящимъ принципіальныхъ разговоровъ». Онъ съ поразительнымъ искусствомъ открывалъ всѣ изгибы мысли, боящейся показаться на свѣтъ, и обстоятельно выяснялъ причины такой скромности. Когда ему язвительно замѣчали, что онъ уклоняется отъ дѣла, вдается въ метафизику и т. д., онъ, не обращая вниманія на эти упреки, продолжалъ развивать свои воззрѣнія, а ужъ потомъ, окончивъ общую часть рѣчи, обращался къ разсматриваемому вопросу и съ замѣчательной дѣловитостью обнаруживалъ слабыя стороны того или другого законопроекта или мѣропріятія. Много авторитетности придавало его словамъ то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что онъ разъ навсегда уклонился отъ активной министерской дѣятельности: въ немъ видѣли не вождя партіи, а спокойнаго критика-наблюдателя.

При министерствѣ Ришелье, а потомъ Деказа, въ особенности послѣ распущенія chambre introuvable и созванія новой палаты, Ройе-Колларъ очутился въ очень благопріятномъ положеніи: онъ сталъ если не членомъ правительства, то главою парламентской котеріи, способствовавшей утвержденію умѣреннаго министерства. Сила и вліяніе его въ палатѣ были несомнѣнны, но самая обстановка, сцена дѣятельности значительно измѣнилась. Въ палатѣ возникала сильная оппозиція; крайняя лѣвая, бывшая столь безсильною во времена chambre introuvable, теперь, въ 1817—1819 гг., сдѣлалась весьма вліятельною; ультра-роялисты должны были бороться не только съ доктринерами, но и съ людьми, почти не скрывавшими своихъ республиканскихъ убѣжденій. Правительство Деказа не было, впрочемъ, радо новымъ союзникамъ въ борьбѣ съ партіей «павильона Марсанъ» (графа Артуа): крайняя лѣвая явно стремилась къ низверженію умѣреннаго премьера. Въ эти годы, непосредственно слѣдовавшіе за распущеніемъ chambre introuvable, Ройе-Колларъ, держась министерской политики, неминуемо долженъ былъ столкнуться съ радикалами; но онъ не хотѣлъ этого, онъ мед-

лилъ входить въ прекеанія съ крайней лѣвой, какъ будто предчувствуя, что не далеко время, когда она станетъ его вѣрной союзницей. Ройе-Коллярь былъ рожденъ для дѣятельности въ качествѣ члена оппозиціи; въ chambre introuvable онъ боролся съ могущественнымъ большинствомъ и хотя защищалъ министерство, но тогда правительственная партія могла по справедливости считаться оппозиціей, и оппозиціей очень слабой. Въ 1817, 1818, 1819 гг. министерство было сильно; защищать его отъ ультра-роялистовъ стало гораздо легче; мало того, Деказъ самъ перешелъ въ наступленіе, и понемногу началъ принимать репрессивныя мѣры противъ крайнихъ партій—какъ правой, такъ, въ особенности, и лѣвой. Вотъ тутъ-то лѣвый центръ и его вождь Ройе-Коллярь почувствовали себя не совсѣмъ ловко; они больше всего дорожили полной независимостью и не хотѣли раздѣлять съ министрами ихъ отвѣтственности передъ страной. Вотъ почему въ эти годы доктринеры, пользуясь силой и вліяніемъ, не особенно часто выступали на парламентской трибунѣ. Стоя слишкомъ близко къ могущественному правительству, они чувствовали себя вышибленными изъ сѣдла; министерство казалось столь крѣпкимъ и прочнымъ, что пренія съ ультра-роялистами начали терять свой прежній жизненный интересъ.

Неожиданный случай совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ; племянникъ короля, герцогъ Беррійскій, былъ убитъ Лувелемъ вечеромъ 13 февраля 1820 года, при выходѣ изъ театра. Впечатлѣніе отъ этого событія было настолько сильно, что умѣренное министерство сразу увидѣло свою гибель. Члены правительства были вполнѣ правы, когда говорили: «зарѣзанъ не только герцогъ, зарѣзаны мы всѣ». Карканье ультра-роялистовъ, всѣ ихъ увѣренія, что Деказъ ведетъ Францію къ гибели разомъ получили недоставшую имъ авторитетность. Ультра-роялисты, не стѣсняясь, называли министерство — главной причиной смерти герцога; Деказа честили не иначе, какъ убійцею; дѣло дошло до того, что одинъ бравый дворянинъ, членъ крайней правой, заявилъ въ палатѣ, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ Деказъ за нѣсколько дней до убійства стоялъ съ Лувелемъ и о чемъ-то съ нимъ шушукался. Отъ министерства отшатнулись почти всѣ его вчерашніе друзья; ультра-роялисты снова почувствовали себя въ фаворѣ у общественнаго мнѣнія; ихъ враги разсѣевались въ разныя стороны, въ нихъ заискивали, ихъ боялись, отъ нихъ ждали милостей и безопасности... Въ этомъ отчаянномъ положеніи Деказъ сразу хотѣлъ подать въ отставку, но Людовикъ XVIII ни за что не соглашался удалить его. Графъ Артуа и герцогиня Ангулемская бросились въ ноги королю, умоляя его отстранить Деказа отъ дѣлъ, но король все-таки не соглашался.

Однако противиться далѣе поднявшейся бурѣ не было никакой возможности: Деказу просто немыслимо было безъ скандала появиться въ палатѣ. Онъ подалъ въ отставку. Ройе-Коллярь въ эти трудныя времена остался совершенно спокоенъ; онъ видѣлъ всеобщее

бѣгство, ежедневныя неожиданныя измѣны друзей, понималъ, что, если измѣняютъ такіе люди, какъ Серръ, ставшій на сторону реакціонеровъ, то дѣйствительно ни на кого разсчитывать нельзя, но видя ясно и понимая, что происходитъ, онъ не считалъ себя въ правѣ поступиться своими политическими принципами. Когда Деказъ передъ самой отставкой, растерянный, смущенный пришелъ къ нему, просилъ его помощи, говорилъ, что если не уступить немного реакціонерамъ, если не провести двухъ-трехъ репрессивныхъ законовъ, то нѣтъ никакого выхода, Ройе-Колларъ спокойно отвѣчалъ министру: «чтожъ, если намъ нужно погибнуть,—погибнемъ: вѣдь это тоже выходъ» *).

Но король рѣшилъ не допустить до гибели умѣренную партію и вручилъ власть герцогу Ришелье, который уже разъ былъ первымъ министромъ (за пять лѣтъ до того) и показалъ себя замѣчательно тактичнымъ главою кабинета. Теперь Ришелье положительно не нашелъ въ себѣ силъ бороться съ ультра-роялистами и тѣми перебѣжчиками въ ихъ лагерь, которые стали реакціонерами подъ вліяніемъ убійства принца. Новый министръ рѣшилъ хоть чѣмъ-нибудь умилостивить крайнюю правую и внесъ предложеніе о временномъ возстановленіи цензуры для періодической печати. Пресса служила тогда поразительно чуткимъ барометромъ для опредѣленія силы тѣхъ или другихъ политическихъ вѣяній: полосы реакціонной политики всегда начинались съ проектовъ, направленныхъ противъ свободы печатнаго слова. Пренія по этому вопросу послужили поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности Ройе-Коллара. Онъ твердо рѣшилъ безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ отстаивать хартію отъ ея враговъ, случайныхъ и постоянныхъ; рѣзко и рѣшительно онъ порвалъ всякія связи съ тѣми единомышленниками, которые сблизились съ реакціонерами; онъ съ холодной ироніей началъ относиться и къ первому министру. Ройе-Колларъ перешелъ въ открытую оппозицію правительству; мало того съ этихъ поръ глава доктринеровъ сдѣлался, по удачному выраженію современнаго писателя, Кассандрой дома Бурбоновъ: съ этихъ поръ онъ не переставалъ пророчить гибель династіи. Лѣвая и крайняя лѣвая съ восторгомъ привѣтствовали своего новаго союзника.

VII

Пренія по вопросу о возстановленіи цензуры напомнили эпоху chambre introuvable: то же молодечество, та же безудержная разрушительная отвага ультра-роялистовъ, то же принужденное смиреніе, тѣ же оговорки и совѣты умѣренныхъ, словомъ, та же нравственная атмосфера палаты, — вотъ что заставило Францію живо припомнить недавно пережитое время terreur blanche. Только республиканцы и

*) «Eh bien, si nous devons périr, nous périrons; c'est aussi une solution».

Ройе-Колларъ говорилъ рѣзко и горячо противъ проэкта. «Цензура газетъ, — сказалъ Ройе-Колларъ,—есть мѣра исключительная ужъ потому, что вѣдь не можетъ назваться и быть *постояннымъ* законъ, который расшатываетъ основы общества. А всякіе исключительные законы вредны потому, что они, все равно какъ займы подъ ростовщическіе проценты, разоряютъ и губятъ, а не обогащаютъ и не усиливаютъ правительство». Распространяясь о текущихъ дѣлахъ, Ройе-Колларъ сказалъ, повторяя свою любимую мысль о невозможности для династіи опираться на дворянствѣ: «каковы бы ни были опасности для французской монархіи, пусть она остерегается призывать къ себѣ на помощь классовыя привилегіи: союзъ монархіи съ привилегированными сословіями будетъ представлять для нея смертельную опасность».

Эти рѣчи не понравились не только ультра-роялистамъ, но и королю, и министерству. Правительство въ лицѣ Ришелье и Серра (бывшаго послѣдователя и друга Ройе-Коллара) рѣшилось наказать доктринеровъ за ихъ сближеніе съ крайней лѣвой: Ройе-Колларъ, Жорданъ, Барантъ и Гизо со дня на день становились все болѣе и болѣе рѣшительными въ своихъ сужденіяхъ и критикѣ министерской дѣятельности. Когда, вскорѣ послѣ преній по поводу цензуры, министерство пожелало измѣнить избирательную систему въ реакціонномъ духѣ, Ройе-Колларъ прямо назвалъ этотъ проектъ нападеніемъ на конституцію и на общество. Для Ришелье, который уже считалъ ультра-роялистовъ своими союзниками, который, идя по пути временныхъ компромиссовъ, сдѣлался игрушкою въ рукахъ графа Артуа, для министровъ и всей правительственной партіи непріятно было выслушивать такіе уроки. Особенно неловко себя чувствовалъ Серръ; его друзья старались вѣрить искренности его обращенія, но Ройе-Колларъ сразу отвернулся отъ него. Серръ и Ришелье послѣ поведенія доктринеровъ во время преній о выборахъ рѣшились требовать у короля удаленія Ройе-Коллара, Гизо, Жордана и Баранта изъ государственнаго совѣта, членами котораго они уже давно состояли. Серръ лично написалъ письмо Ройе-Коллару, въ которомъ извѣщалъ его объ удаленіи изъ совѣта. «Король, который помнитъ о вашихъ заслугахъ и вашей преданности,—писалъ Серръ,—даетъ вамъ титулъ почетнаго государственнаго совѣтника и пенсію въ десять тысячъ франковъ». Желая позолотить пилюлю, Серръ прибавлялъ, что король разсчитываетъ на Ройе-Коллара. Ройе-Колларъ отвѣтилъ Серру однимъ изъ тѣхъ писемъ, которыя тяжело получать... «Я пишу это письмо не министру, не старому другу, отъ котораго я отвращаю свою мысль, но человѣку, который прежде зналъ самыя интимныя чувства мои и который поэтому сможетъ представить мое поведеніе въ истинномъ свѣтѣ... Когда я былъ государственнымъ совѣтникомъ, я получалъ за это жалованье открыто, публично. Нашлись теперь министры, которые отнимаютъ у меня его. Я ничего противъ этого не говорю, но я

не считаю себя обязаннымъ, вмѣсто денегъ, получаемыхъ открыто, брать деньги тайкомъ изъ секретныхъ суммъ; я унизилъ бы свое званіе депутата, унизилъ бы свои былыя заслуги, о которыхъ вы вспоминаете; я предпочитаю, чтобъ ужъ лучше мои заслуги были забыты». Серръ въ своемъ письмѣ напоминалъ еще о дружбѣ, связывавшей его съ Ройе-Колларомъ, но послѣдній отвѣтилъ, что не считаетъ нужнымъ говорить объ этомъ.

Разрывъ съ правительствомъ былъ полный; Ройе-Колларъ на каждомъ шагу старался освѣтить передъ страной всю дѣйствительную слабость министерства и крайней правой. Немаловажная его заслуга въ это время заключается въ той ясности, незатемненности взгляда, которая позволила ему, первому во Франціи, отдѣлить страну отъ палаты. Въ палатѣ реакціонеры сильны, соглашался онъ; но сильны ли они во Франціи? Нѣтъ, въ массѣ населенія они—капля въ морѣ, потому что народъ и общество желаютъ сохранить за собою всѣ пріобрѣтенія революціи. Большинство палаты представляетъ меньшинство Франціи; къ этой мысли всѣ стали привыкать подъ вліяніемъ рѣчей Ройе-Коллара. Цензъ, система выборовъ, мѣстныя вліянія, давленіе власти—все это мѣшало Франціи выразить свои дѣйствительныя желанія, какъ думалъ Ройе-Колларъ; и его постоянныя напоминанія ультра-роялистамъ, что они собственно являются маленькой горсточкой, пережиткомъ стараго, всѣми ненавидимаго порядка вещей,—эти напоминанія, дѣлаемыя въ язвительной и остроумной формѣ, поднимали духъ, заставляли довѣрчивѣе смотрѣть на будущее.

Но какъ бы то ни было, а въ палатѣ ультра-роялисты были сильны и министерству Ришелье и Серра пришлось вскорѣ убѣдиться, что могущественныя партіи всегда больше довѣряютъ своимъ кореннымъ членамъ, нежели прозелитамъ, да еще прозелитамъ нерѣшительнымъ. Министерство начало испытывать нападенія не только со стороны крайней лѣвой и лѣваго центра, но и со стороны крайней правой. Никому не угодивъ, раздражая однихъ своихъ либерализмомъ, а другихъ косностью, правительство Ришелье пало, и власть, наконецъ, перешла въ руки Виллеля: ультра-роялисты добились осуществленія своихъ давнишнихъ желаній и стали у кормила правленія.

Теперь для Ройе-Коллара открывалось широкое поприще борьбы; съ кабинетомъ Виллеля онъ не имѣлъ ужъ рѣшительно никакихъ, даже случайныхъ связей: ультрароялистское правительство, поддерживаемое графомъ Артуа и терпимое королемъ, стало для Ройе-Коллара своего рода bête noire, синонимомъ контръ-революціи и крутаго поворота къ старому порядку вещей. Его отношеніе къ Виллелю можно было угадать à priori, но впервые оно обнаружилось въ преніяхъ по вопросу о свободѣ печати. Виллель представилъ въ палату проектъ, превосходившій своею суровость предложеніе, внесенное незадолго до того Серромъ и Ришелье: упразднялся судъ присяжныхъ для преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, въ

огромной степени усиливались наказанія виновныхъ, отнимались какія бы то ни было гарантіи на судѣ у подсудимыхъ, наконецъ, для опредѣленія состава преступленія ставились такія широкія и неопредѣленныя рамки и рубрики, что отъ усмотрѣнія обвинительной власти зависѣло невиннѣйшее литературное произведеніе приравнять къ государственной измѣнѣ. Крайняя лѣвая, лѣвая и лѣвый центръ съ жаромъ возставали противъ законопроекта; Ройе-Колларъ произнесъ рѣчь, которая потомъ много повторялась, заучивалась наизустъ и составила событіе въ исторіи парламентаризма.

Онъ началъ съ заявленія, что, разъ дѣло идетъ о подавленіи свободы печати, нужно разсматривать этотъ вопросъ не съ точки зрѣнія свободы прессы самой по себѣ, но съ точки зрѣнія ея отношеній къ государству и обществу: если окажется, что государство и общество не могутъ нормально существовать и развиваться безъ свободы печати, то всякое посягательство на эту свободу будетъ равносильно нападенію на государство и общество, всякая репрессія печати явится противуобщественнымъ дѣяніемъ. По мнѣнію Ройе-Коллара, полная свобода печати есть, во-первыхъ, политическое установленіе и, во-вторыхъ, соціальная необходимость. «Конституціонная прерогатива каждаго француза, какъ гласитъ хартія, заключается въ правѣ *публиковать и печатать свои мнѣнія*,—сказалъ онъ;—гласность—это особый видъ сопротивленія неправильно дѣйствующимъ властямъ, потому что она даетъ возможность истинѣ и справедливости торжествовать въ борьбѣ съ ними. Гласность есть самая энергичная изъ всѣхъ сопротивляющихся силъ, потому что она никогда не перестаетъ дѣйствовать; она—самая благородная сила, потому что все ея могущество заключается въ совѣсти и сознаніи людей. Разсматриваемая съ этой стороны, гласность есть *учрежденіе*, потому что, милостивые государи, всѣ конституціонныя учрежденія, всѣ общественныя вольности суть не что иное, какъ сопротивленіе (les libertés publiques ne sont pas autres choses que des résistances *); оппозиція столь же необходима для устойчивости троновъ, какъ и для свободы націй. (Les résistances ne sont pas moins nécessaires à la stabilité des trônes, qu'à la liberté des nations. Malheur aux gouvernement qui réussissent à les étouffer» **). Намекнувъ въ этихъ фразахъ на правительство Наполеона, Ройе-Колларъ предостерегаетъ министер-

*) Проводя здѣсь свою любимую мысль о томъ, что сопротивленіе нѣкоторымъ поступкамъ властей, въ сущности, предохраняетъ эти самыя власти и страну отъ революцій, Ройе-Колларъ опирается на Монтескье, сказавшаго за 80 лѣтъ передъ тѣмъ: «nos histoires (des nations civilisées) sont pleines de guerres civiles sans révolutions; celles des Etats despotiques sont pleines de révolutions sans guerres civiles». Слово guerre здѣсь употреблено въ смыслѣ борьбы классовъ и политическихъ группъ, борьбы постоянной, осуществляющейся, по мнѣнію Монтескье, безъ крови и имѣющей модифицирующее вліяніе на правительство.

**) Barante, томъ 2-й, стр. 130.

ство отъ слѣдованія опасному примѣру. Защищать свободу печати, по его мнѣнію, нужно еще и потому, что въ хартіи нѣтъ ни одного установленія, за исключеніемъ суда присяжныхъ, которое охраняла бы ее. Свобода прессы при полной независимости отъ правительства, подъ охраной суда присяжныхъ позволяетъ осуществляться самой конституціи, оберегаетъ хартію отъ незаконныхъ нападеній. «Безъ свободы печати писанные законы такъ же слабы, какъ и отдѣльныя личности». Не то, что свобода печати есть *одинъ изъ способовъ* благополучнаго совмѣстнаго существованія общества и твердаго правительства: она есть «*единственная и ничѣмъ незамѣнимая гарантія* общественной и государственной жизни, построенной на нормальныхъ началахъ». Развивая эту мысль, Ройе-Колларъ добавляетъ: «въ тотъ день, когда погибнетъ свобода прессы, міръ вернется къ рабству». Но мало того, что свобода прессы есть «конституціонная необходимость»: она является сама по себѣ «нравственной необходимостью для общества; общество безъ нея не можетъ спокойно жить ни одного часа». Общество быстро демократизуется, по мнѣнію Ройе-Коллара; «демократическій потокъ широко льется по прекрасной Франціи, болѣе, нежели когда-либо, любимой Богомъ; пусть другіе сокрушаются объ этомъ, я же благодарю Провидѣніе за то, что оно призвало къ пользованію благами цивилизаціи бо́льшее количество своихъ созданій». Чтобы уничтожить свободу прессы, нужно демократическое общество снова сдѣлать аристократическимъ, а это невозможно. Отъ аристократіи остались одни историческія воспоминанія; чтобы подавить демократію нужно разорить, разгромить, обезсилить страну. Не говоря уже о томъ, что это несправедливо, это просто немыслимо, Франція переживаетъ критическое время: демократія на самомъ дѣлѣ страшно сильна и многочисленна, а въ палатѣ—слаба, властью не пользуется. Единственное для нея средство борьбы—свобода прессы. Напрасно думаютъ ультра-роялисты и ихъ министры, что если они проведутъ извѣстный законъ, то этимъ достигнутъ желаемаго. «Варварскіе народы все дѣлаютъ оружіемъ; испорченныя правительства цивилизованныхъ народовъ воображаютъ, что они все могутъ сдѣлать съ помощью законодательства; они ошибаются. Законы, обращающіеся къ просвѣщенной націи, нуждаются въ *молчаливой санкціи общественнаго разума*; если они этой санкціи не получаютъ, они не носятъ на себѣ жизненнаго начала и должны умереть». Пренія затягивались; рѣчь Ройе-Коллара, перенесши вопросъ на принципіальную почву, произвела громадную сенсацію и послужила исходнымъ пунктомъ для яростныхъ нападеній на министерство крайней лѣвой. Законопроектъ, не смотря ни на что, былъ принятъ.

По мѣрѣ того, какъ усиливалась реакція, Ройе-Колларъ становился все тверже въ своихъ намѣреніяхъ не щадить кабинетъ. Сплоченная, единодушная оппозиція республиканцевъ и доктринеровъ, явное сочувствіе къ нимъ вліятельной печати, постоянныя обращенія Ройе-

Коллара въ своихъ рѣчахъ къ странѣ и народу,—все это заставляло Виллеля считаться съ протестантами. Весьма часто министерство, отвѣчая на нападки лѣвыхъ партій, сваливало отвѣтственность за тѣ или другія мѣры на независящія отъ него клерикальныя и реакціонныя вліянія. Такъ, когда въ 1822 году обсуждался вопросъ о начальныхъ школахъ и о введеніи новой тогда методы взаимнаго обученія, кабинетъ заявилъ, что эта метода не вводится потому, что духовенство считаетъ ее вредной. Ройе-Колларъ на это возразилъ, что служители католической религіи могутъ быть судьями въ догматахъ, но что «нужно остерегаться дѣлать ихъ критиками педагогическихъ методъ» и вершителями судебъ начальнаго народнаго обученія во Франціи. Когда члены правой пытались *) голословно оправдываться отъ обвиненій въ равнодушіи къ народному образованію, Ройе-Колларъ прямо разоблачилъ тайныя стремленія ультра-роялистовъ и объявилъ, что вопросъ здѣсь идетъ не о методѣ, а томъ, чтобы «оставить народъ безграмотнымъ». «Но это невозможно,—прибавилъ онъ, — невѣжество—неразлучный спутникъ нищеты; довольство ведетъ за собою просвѣщеніе». Люди, которымъ интересно оставить народъ въ темнотѣ, должны сначала искусственно разорить его, повторялъ онъ безпрестанно.

Выражаясь парламентскимъ языкомъ, Ройе-Колларъ въ теченіе всей своей политиской карьеры передвигался справа налѣво; въ то время, какъ другіе сознаютъ себя въ молодости радикалами, а подъ старость переходятъ въ охранительный лагерь или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько модифицируютъ свои мнѣнія, Ройе-Колларъ, подобно Гладстону, въ молодости и, даже, въ среднемъ возрастѣ часто казался ближе стоящимъ къ охранителямъ, но въ старости сталъ виднымъ дѣятелемъ прогрессивной партіи.

Мы уже видѣли, что онъ попалъ въ немилость у короля; это чувство нерасположенія должно было въ еще большей мѣрѣ возрости по поводу преній передъ испанскимъ походомъ. Въ Испаніи происходили волненія и бурбонская вѣтвь рисковала потерей трона; французскія консервативныя партіи и, вообще, всѣ роялистски настроенные люди желали французскаго вмѣшательства въ испанскія дѣла,—вмѣшательства, которое «покрыло бы славою бѣлое знамя» и удовлетворило бы воинственнымъ и славолюбивымъ тенденціямъ народа. Ройе-Колларъ вмѣстѣ съ Беранже и съ знаменитымъ памфлетистомъ Полемъ Луи Курье горячо возставалъ противъ предполагавшагося похода. Возстановленіе испанскихъ Бурбоновъ, исполненіе Франціею роли «европейскаго жандарма» казалось ему дѣломъ, не согласнымъ съ французскими національными принципами и традиціями. «Зачѣмъ мы пойдемъ въ Испанію?»—спрашиваетъ одинъ солдатъ у другого въ пѣсенкѣ Беранже.—«Чтобы снова завести тамъ поповъ и монаховъ».—«А

*) См. протоколъ засѣданія въ «La vie politique», p. 164, т. II, (Paris 1861).

зачѣмъ это намъ?» — «Намъ это нужно, чтобы взять ихъ оттуда къ себѣ домой на разводъ». Ройе-Колларъ говорилъ тоже самое въ прозѣ. Онъ настаивалъ на томъ, что за усмиреніемъ Испаніи можетъ произойти усмиреніе Франціи.

Блестящая рѣчь Шатобріана рѣшила дѣло; походъ былъ начатъ, удачно оконченъ и Бурбоны во Франціи сразу пріобрѣли нѣкоторую популярность, а оппозиція на время (очень короткое, правда) оказалась въ несогласіи съ настроеніемъ польщеннаго побѣдою народа. Ройе-Колларъ послѣ этихъ преній сталъ врагомъ двора; впрочемъ, онъ и Людовикъ XVIII уже давно не понимали другъ друга.

VIII.

Осенью 1824 года король скончался и глава ультра-роялистовъ графъ Артуа взошелъ на престолъ. Реакція, царившая съ эпохи убійства герцога Беррійскаго, проявлявшаяся многократно въ законодательствѣ, оффиціально заявленная сформированіемъ министерства Виллеля, теперь, когда королемъ сталъ Карлъ X, почувствовала себя еще тверже и сильнѣе. Правда, король заявилъ въ своей первой тронной рѣчи, что онъ будетъ уважать хартію и идти по слѣдамъ своего покойнаго брата, но ближайшіе факты новой политики ясно показали, насколько можно было придавать значенія этимъ словамъ. Во-первыхъ, правительство пожелало выдать милліардъ франковъ вознагражденія эмигрантамъ, потерпѣвшимъ въ первую революцію; во-вторыхъ, рѣшили возстановить женскія религіозныя общества; въ-третьихъ, въ палату былъ внесенъ проектъ закона о святотатствѣ. За воровство священныхъ предметовъ изъ католическихъ храмовъ, за осквернені сосудовъ назначались такія кары, какъ пожизненныя каторжныя работы и смертная казнь, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ даже смертная казнь съ предварительнымъ отсѣченіемъ правой руки. Виллель, внося этотъ проектъ, могъ напередъ знать, что онъ пройдетъ и проектъ дѣйствительно прошелъ, но зато оппозиція устроила въ палатѣ такую бурю, какой не ожидалъ никто. Во время преній были произносимы такія слова, которыя показывали ясно, что палатское меньшинство дѣйствительно имѣетъ передъ собою твердую, хотя и невидимую опору. Общественное мнѣніе было раздражено страшно, и рѣчь Ройе-Коллара, перепечатанная почти всѣми газетами, явилась выраженіемъ тогдашняго настроенія Франціи: этимъ объясняется отчасти ея колоссальный успѣхъ.

Ройе-Колларъ былъ искренно и глубоко вѣрующимъ христіаниномъ; поэтому къ его словамъ всѣ отнеслись въ палатѣ съ особымъ вниманіемъ. Не фривольныхъ шуточекъ можно было ожидать отъ него, а серьезнаго разсмотрѣнія вопроса. Онъ началъ съ того, что указалъ на туманность понятія, обозначаемаго въ законопроектѣ словомъ «свято-

татство». Святотатство не есть оскорбленіе Бога, потому что Богъ—есть существо, отдѣленное отъ насъ безконечностью, и оскорбить Его никто не въ силахъ. Человѣкъ можетъ обидѣть другого человѣка, все общество, но никакъ не Бога. Приравненіе религіи къ земнымъ учрежденіямъ есть «нелѣпый и нечестивый принципъ, выходящій изъ мрака среднихъ вѣковъ». Безсмысленно и *святотатственно* позволять себѣ судить и рядить объ оскорбленіяхъ Божества; Богъ лучше насъ сможетъ наказать или помиловать своего обидчика. Законъ о святотатствѣ долженъ быть отвергнутъ, потому что онъ матеріалистиченъ, нечестивъ, ведетъ къ произволу, потому что онъ выдвинутъ людьми, желающими дать католитическому духовенству власть надъ всѣмъ обществомъ. «Этотъ законъ возстановляетъ теократію»,—заключилъ Ройе-Колларъ.—«Но времена варварства и невѣжества прошли и теократія теперь немыслима». «Нужно, чтобы издохли страшные уголовные законы въ дѣлѣ нашей высокой религіи,—энергично заканчиваетъ онъ *).—Реакція вступила на путь преступленій, потому что такой варварскій законъ есть преступленіе». И подобно тому, какъ революція погубила себя преступленіями, и монархія Бурбоновъ падетъ подъ ихъ тяжестью...

Эти зловѣщія слова были выслушаны, отдались во всѣхъ концахъ Франціи, но во дворцѣ ихъ не замѣтили. Ройе-Колларъ всегда сравнивалъ реакцію съ революціей, всегда пророчилъ реакціи ту же участь. «Нынѣ жребій выпалъ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ», говорилъ онъ, прислушиваясь къ торжеству побѣдителей, и получалъ отъ нихъ за это наименованіе измѣнника и республиканскаго мечтателя. Законъ о святотатствѣ такъ же, какъ воспоминаніе о казни Нея, послужилъ причиною той непопулярности королевскаго дома, которая съиграла также свою роль въ критическіе іюльскіе дни 1830 года. Многое было забыто широкой народной толпой, не вѣдавшей подробностей парламентской жизни, но средневѣковый законъ объ отрубленіи правой руки остался неразрывно связаннымъ съ именемъ Бурбоновъ.

Правительство, ничему не внимая, ничего не боясь и ни передъ чѣмъ не останавливаясь, шло своимъ путемъ. Мы видѣли, что пресса была уже стѣснена законами, проведенными Ришелье и затѣмъ Виллелемъ. Этихъ репрессій казалось мало; печать такъ рѣзко высказывалась противъ закона о святотатствѣ, что рѣшено было окончательно поставить ее въ невозможность открыто говорить противъ правительства. Виллель внесъ въ палату предложеніе, по которому отвѣтственными лицами за все, что напечатано въ газетѣ, дѣлались ея собственники и, даже, типографщики, которые ее печатали; штрафы и тюремные сроки были сильно увеличены. Негодованіе

*) Это переложеніе словъ учителя Ройе-Коллара. См. Montesquieu, «Esprit des lois», livre XXV, chap. VII: il faut éviter les lois pénales en fait de religion. Elles impriment de la crainte, il est vrai,—mais comme la religion a ses lois pénales aussi qui inspirent de la crainte, l'une est effacée par l'autre etc.

общества не знало предѣловъ, и члены оппозиціи, столь слабые въ палатѣ и столь сильные внѣ ея, открыто заявляли на засѣданіяхъ, что Франція выведена наконецъ изъ терпѣнія. «Этотъ законъ,—сказалъ Ройе-Колларъ,—направленъ къ тому, чтобы исправить великую ошибку Провидѣнія, давшаго намъ разумъ и языкъ. Высшій геній министерства желаетъ исправить непредусмотрительность и излишній либерализмъ Божества, давшаго намъ свободу высказывать свои мысли; г. Виллель хочетъ вернуть намъ счастливую невинность животныхъ... Не будетъ больше журналовъ, газетъ, типографій, писателей—вотъ такъ режимъ прессы!.. Чтобы уничтожить независимые органы печати, нужно ниспровергнуть вѣчные принципы нравственности и справедливости, нужно нарушить чужіе контракты и обязательства... Повиновеніе такимъ законамъ необязательно. Увы! пришлось вѣдь намъ пережить время революціонной тиранніи; въ эти времена мы не руководствовались тогдашними законами, законами террористовъ, а только собственной совѣстью. Мы повиновались Богу, а не людямъ. Мы поддѣлывали паспорты, лжесвидѣтельствовали, обманывали, чтобы спасти свою и чужую невинную жизнь. Теперь, если легитимное правительство желаетъ вернуть насъ къ этимъ воспоминаніямъ, мы останемся тѣми же людьми. Пусть Богъ судитъ насъ въ своей благости и милосердіи! Знайте, вашъ законъ будетъ напрасенъ, потому что Франція лучше своего правительства и дороже для насъ. У насъ достаточно честности, благородства и самоуваженія, чтобы оттолкнуть отъ себя порчу, которую вы намъ несете. Кто же изъ васъ, милостивые государи, не заклеймитъ презрѣніемъ безстыдный лобъ исполнителя, который воспользуется своими ненавистными правами, даваемыми теперь ему? Ахъ, какъ опасно вооружать совѣсть противъ закона! Какое будущее готовитъ эта неразумная политика!.. Тираннія можетъ ослѣпить націю, когда она является въ ореолѣ побѣдъ, когда она покоряетъ и громитъ вселенную, какъ при Бонапартѣ. Но скажите, господа министры, ваши-то побѣды гдѣ? Какія сраженія выиграны вами? Вы такъ же темны, такъ же никому неизвѣстны, непосредственны, какъ и мы всѣ; вы только превосходите насъ своимъ нахальствомъ. Вы желаете потащить страну назадъ; въ прошломъ году вы изобрѣли законъ о святотатствѣ, въ нынѣшнемъ—объ уничтоженіи прессы. Ну преположимъ на минуту, что вамъ все это удалось, что во Франціи не печатается болѣе ни одной независимой строки. Но вѣдь ужъ есть вредныя для васъ книги, наполняющія библіотеки, читаемыя и перечитываемыя? Что же, изгнать эти книги изъ библіотекъ? Можетъ быть, у васъ уже припасенъ проектъ объ этомъ? Но вѣдь свобода рождается не только вслѣдствіе чтенія книгъ; она—продуктъ *народнаго богатства*. Чтобы поработить людей, нужно ихъ разорить и разсѣять: нищета—лучшая тѣлохранительница невѣжества. *Уменьшите населеніе, разорите фабрики, засыпьте каналы, уничтожьте дороги, сожгите всѣ мануфактуры, и всѣхъ фабричныхъ рабочихъ снова сдѣлайте крестья-*

нами *),—*вотъ, если вамъ это удастся, тогда только вы достигнете своей цѣли*»... «Общество не покорится вамъ, я это знаю; французская нація еще на столько велика, славна и просвѣщенна, чтобы презирать своихъ враговъ; если вы, господа, становитесь врагами націи, то, повѣрьте, не за нее я боюсь»...

Въ первый разъ такъ говорилъ Ройе-Колларъ. Онъ прямо приглашалъ общество оказать легальное и не легальное сопротивленіе кабинету: вся эта рѣчь и по содержанію, и по тону своему скорѣе напоминаетъ воззваніе, нежели парламентское обсужденіе вопроса. До сихъ поръ Ройе-Колларъ съ горечью останавливалъ и клеймилъ реакцію; въ этой рѣчи онъ прямо угрожаетъ ей и угрожаетъ борьбою не въ палатѣ, а на улицахъ. Эта рѣчь была одною изъ первыхъ вѣстей близившейся революціи; Ройе-Колларъ поступалъ не такъ, какъ министерство, закрывшее глаза на все, что происходило внѣ палаты; онъ уже нѣсколько лѣтъ говорилъ о томъ, что палата и Франція идутъ разными дорогами и придутъ къ разнымъ результатамъ. До сихъ поръ онъ старался воздерживаться слишкомъ рѣзкихъ по тону сравненій и квалификацій, но теперь прямо сказалъ, что дорога, по которой идетъ поддерживаемое палатой правительство, дурна и гибельна для него же самаго, и что страна права въ своихъ взглядахъ на происходящее передъ ней.

Законопроектъ о печати былъ принятъ палатою. Этого и ожидали всѣ и даже не очень огорчились этимъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовали весьма важныя событія, показавшія, что общественное раздраженіе перенеслось уже и на династію; послѣ смотра гвардіи, принцессы Ангулемская и Берійская были освистаны народомъ, кричавшимъ: долой Вилелля, смерть іезуитамъ! При этихъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ палата была распущена 22 іюня 1827 г. Новая палата должна была рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи ненавистнаго всѣмъ кабинета Вилелля. Избирательная агитація велась лихорадочно; правительство употребляло все свое вліяніе, оппозиція направляла всѣ свои силы, чтобы завербовать въ новое собраніе своихъ приверженцевъ.

Ройе-Колларъ сталъ въ это время первостепенной политической знаменитостью; его рѣчи считались образцомъ ораторскаго искусства, его убѣжденія замѣчательно гармонировали съ настроеніемъ страны, наконецъ, внѣшняя сторона его рѣчей могла назваться на самомъ дѣлѣ блестящей. Когда умеръ Лапласъ, Ройе-Коллара избрали на его мѣсто въ академію и это избраніе съ восторгомъ было привѣтствуемо во всѣхъ концахъ Франціи; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ избранія въ академію его ожидало новое торжество: онъ былъ избранъ въ депутаты разомъ въ *семи* департаментахъ. Вообще, вы-

---

*) Вообще фабричныхъ рабочихъ онъ считалъ прогрессивно настроенной группой населенія; «*renvoyez les hommes de l'industrie à la glèbe*, brulez les manufactures... Si vous ne faites pas cela, vous n'aurez rien fait». Barante, II, p. 298.

боры были весьма удачны для оппозиціи и фатальны для кабинета Виллеля. Кабинетъ совсѣмъ не могъ держаться и подалъ въ отставку. Ройе-Колларъ глубже многихъ смотрѣвшій въ корень вещей, не придавалъ вообще большого значенія перемѣнамъ, происходившимъ въ царствованіе Карла X: «Эта политика перемѣнчива, невѣрна и неинтересна,—говорилъ онъ,—особыя событія покончатъ съ ней и тогда посмотримъ»...

Тѣмъ не менѣе, замѣна консервативнаго Виллеля умѣреннымъ Мартиньякомъ обрадовало его на время; къ тому же король, по одной изъ многочисленныхъ и непонятныхъ прихотей своей фантазіи, назначилъ Ройе-Коллара президентомъ палаты депутатовъ. Ройе-Колларъ и его друзья поняли, что это сдѣлано правительствомъ, чтобы ублаготворить сильнаго человѣка, и послѣдующія событія показали, что они не обманулись въ своихъ предположеніяхъ: министерство Мартиньяка оказалось вполнѣ эфемернымъ; когда-то Людовикъ XVIII сказалъ о своемъ братѣ Карлѣ: «Что вы съ нимъ подѣлаете? Онъ устраивалъ заговоры противъ Людовика XVI, устраиваетъ теперь заговоры противъ меня и, увидите, онъ будетъ еще устраивать заговоры противъ себя самого». Эти слова отчасти начали сбываться; король Карлъ вступилъ въ тайныя сношенія съ княземъ Жюлемъ Полиньякомъ, ярымъ фанатикомъ ультра-роялизма, съ цѣлью низвергнуть имъ же самимъ назначенное правительство Мартиньяка. Мартиньякъ дѣлалъ все возможное, чтобы примирить страну съ Бурбонами; режимъ прессы былъ облегченъ, многіе извѣстные реакціонеры были удалены со своихъ мѣстъ, но общество въ значительной степени не столько радовалось этому, сколько волновалось слухами о предстоящемъ удаленіи премьера. Когда же дѣйствительно Мартиньякъ палъ, и Полиньякъ получилъ власть, тогда самые непроницательные люди начали готовиться къ рѣшительнымъ событіямъ.

Полиньякъ былъ человѣкомъ, преданнымъ дѣлу реакціи такъ же беззавѣтно, какъ Лойола былъ преданъ дѣлу поддержки католицизма. Для него среднихъ терминовъ не существовало; полное уничтоженіе хартіи и возвращеніе къ неограниченному образу правленія онъ считалъ дѣломъ насущной необходимости. Онъ разомъ стянулъ всѣхъ консерваторовъ въ одинъ лагерь, а нерѣшительнымъ предоставилъ идти налѣво. При немъ сразу запахло въ воздухѣ порохомъ и парламентскія котеріи обратились во враждебные станы, между которыми переговоры стали излишними и невозможными. Пресса негодовала страшно по поводу назначенія Полиньяка; Парижъ волновался, палата была въ большинствѣ настроена противъ королевскаго любимца. Всѣ приняли это назначеніе за объявленіе войны народу. «Будущее темно и ужасно», говорилъ въ эти дни Ройе-Колларъ. Ультра-роялистская пресса уже не мирилась съ конституціей: она требовала полнаго возстановленія абсолютизма. Готовилась ужасная борьба, а

король и правительство чувствовали себя замѣчательно спокойно; взаимныя подбадриванія проводили къ какому-то странному квіетизму и увѣренности въ побѣдѣ.

Палата рѣшила подать королю адресъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя заставили бы Карла удалить министерство. Редакція адреса была поручена Ройе-Коллару. Адресъ этотъ является дѣйствительно историческимъ событіемъ, потому что онъ обнаружилъ въ критическій моментъ предъ королемъ истинныя стремленія страны. Палата 1830 года была единственною, можетъ быть, за все время реставраціи въ смыслѣ настоящаго, а не фиктивнаго представительства: большинство ея стояло за сохраненіе конституціонныхъ формъ. Если дипломаты обыкновенно очень хлопочутъ о томъ, чтобы снять съ себя и свалить на другихъ отвѣтственность за войну, то они часто дѣлаютъ это не для своей совѣсти, а для Европы; двѣсти двадцать одинъ депутатъ, во главѣ съ Ройе-Колларомъ, подавшіе въ 1830 году адресъ королю, искренно желали дать монарху послѣднее предостереженіе: война начиналась, обозначалась уже нападающая сторона, и въ послѣдній разъ представители народа обратились къ правительству съ увѣщаніемъ опомниться... Ройе-Колларъ прочелъ адресъ королю; онъ говорилъ о гибельной политикѣ министерства, о томъ, что исчезли прежнее довѣріе и любовь, царившія въ отношеніяхъ между королемъ и народомъ; онъ напоминалъ обѣщанія короля не нарушать хартію, данную его братомъ. Адресъ прямо говорилъ, что администрація князя Полиньяка никуда не годится, что это министерство только портитъ отношенія между народнымъ представительствомъ и главою націи. Король былъ страшно разсерженъ этимъ адресомъ и немедленно распустилъ палату, оставивъ Полиньяка у дѣлъ.

Адресъ 221-го былъ лебединою пѣснью Ройе-Коллара и вообще послѣднимъ проявленіемъ конституціонной жизни при реставраціи. Нѣтъ нужды пересказывать всего, что случилось послѣ распущенія палаты. Король и Полиньякъ твердо рѣшили устроить государственный переворотъ. Всѣ, кромѣ нихъ, видѣли, что затѣвается слишкомъ опасная игра. Русскій императоръ Николай I, прощаясь, весною 1830 года, съ французскимъ посломъ *), говорилъ, что для короля Карла нарушить хартію было бы гибельно; Меттерниху не скрывалъ своихъ безпокойствъ по поводу все болѣе усиливавшихся слуховъ о coup d'état. Но фанатизмъ Полиньяка вдохнулъ такую силу и бодрость духа во всю правительственную машину, что ничто не казалось министрамъ труднымъ или неисполнимымъ. Онъ увлекалъ всѣхъ своими фантастичными планами; подобно большинству фанатиковъ, онъ такъ пристально и влюбленно смотрѣлъ на манившую его цѣль, что она стала ему представляться уже не въ будущемъ, а въ настоящемъ: абсолютизмъ уже существуетъ

*) Мортемаромъ.

во Франціи, дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы оформить этотъ фактъ... Вотъ на какой почвѣ шли послѣдніе переговоры и совѣщанія между старымъ королемъ и его премьеромъ. Адресъ Ройе-Коллара былъ послѣднимъ memento: когда депутаты разъѣхались, не стало около правительства задерживающей силы, и миражъ всемогущества, миражъ, которымъ жилъ Полиньякъ, сдѣлался реальнѣе. 25 іюля были подписаны ордонансы, которые такъ рѣзко нарушали хартію въ отношеніи избирательства, свободы прессы и состава палаты,—что въ сущности совершенно уничтожали конституцію. На слѣдующій день ордонансы были напечатаны...

Ройе-Колларъ проводилъ лѣтнія каникулы въ своемъ помѣстьѣ Шатовье, когда до него дошли сначала неясные, а затѣмъ вполнѣ опредѣленные слухи о томъ, что произошло въ Парижѣ. Опубликованіе ордонансовъ, начало уличныхъ волненій, загроможденіе улицъ баррикадами, сраженія между войсками и народомъ, бѣгство войскъ, уступки и извиненія короля Карла, отставка Полиньяка, отреченіе короля, бѣгство его изъ Сенъ-Клу, провозглашеніе Луи-Филиппа Орлеанскаго намѣстникомъ королевства — всѣ эти событія, занявшія всего только пять дней — ошеломили Европу, изумили многихъ и въ самой Франціи, но Ройе-Колларъ, давно ихъ предвидѣвшій, встрѣтилъ извѣстіе о революціи сравнительно спокойно. Его пророчества сбылись; легитимная монархія, такъ долго копавшая себѣ яму, упала, наконецъ, въ нее и ультра-роялисты, пятнадцать лѣтъ работавшіе чтобы погубить себя и собственное дѣло, добились своего. Тяжело было Ройе-Коллару слышать о потокахъ крови, лившихся по мостовымъ Парижа; тяжело было думать и о томъ, что погибла изъ за своихъ же ошибокъ династія, имѣвшая, какъ ему казалось, передъ собою спокойное будущее, но онъ радъ былъ побѣдѣ народа. Эти смѣшанныя чувства высказались въ словахъ, произнесенныхъ Ройе-Колларомъ тотчасъ послѣ революціи: «Я также между побѣдителями; но все-таки это печальная побѣда». Онъ призналъ сразу правительство Луи-Филиппа; онъ называлъ это правительство необходимымъ, но служить ему Ройе-Колларъ не хотѣлъ.

Его часъ пробилъ, онъ это понималъ, чувствовалъ и высказывалъ. Новые люди и новыя рѣчи занимали страну; аристократія запиралась въ сенъ-жерменскіе салоны, буржуазія выступала на арену оффиціальной дѣятельности. Ея старый учитель, человѣкъ, развивавшій ее, указывавшій ей цѣли и идеалы, совершилъ свое призваніе и удалялся. Онъ пережилъ трудныя времена, онъ отстаивалъ противъ сильныхъ и ожесточенныхъ враговъ тѣ пріобрѣтенія, которыя послѣ іюльской революціи очутились, наконецъ, «внѣ области огня». Теперь старикъ уходилъ съ поля побѣдителемъ, оставлялъ за собою новыхъ бойцовъ въ новыхъ сочетаніяхъ и комбинаціяхъ классовой борьбы. Онъ былъ душой и тѣломъ на сторонѣ либеральной буржуазіи; говоря о рабочихъ, онъ останавливался только на ихъ боевой готовности отстаивать *политическія*

права народа; послѣ іюльскаго переворота Ройе-Колларъ, можетъ быть, нѣсколько иначе формулировалъ бы эту мысль, приглядываясь къ новымъ явленіямъ соціальной жизни. По темпераменту, по натурѣ онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые обыкновенно деклассируются на другой день послѣ побѣды своей общественной группы и говорятъ выдвигающемуся за ними слою: vivat sequens. Если бы іюльскіе дни застали Ройе-Коллара въ другомъ возрастѣ, можетъ быть, новая оппозиція увидѣла бы его въ своихъ первыхъ рядахъ, но, повторяемъ, теперь онъ уходилъ на покой.

Кончился періодъ французской исторіи, когда ему было суждено сыграть свою роль, и жизнь стараго оратора свелась къ воспоминаніямъ и чтенію любимыхъ классиковъ: Платона, Монтескье, Паскаля, первоучителей янсенизма. Послѣдніе годы жизни Ройе-Колларъ провелъ въ Шатовье, окруженный своими дочерьми и внуками. Восьмидесяти трехъ лѣтъ отъ роду, въ 1845 году онъ заболѣлъ; болѣзнь была трудна и агонія мучительна. Старикъ спокойно переносилъ свои муки и умеръ въ полномъ сознаніи, исповѣдавшись и пріобщившись.

Близкіе друзья болѣзненно почувствовали утрату, широкая публика не замѣтила ея. Ройе-Колларъ, по выраженію Сентъ-Бева, былъ монументомъ старыхъ временъ въ новомъ обществѣ іюльской монархіи. Интересы дня, новые запросы жизни заслонили историческаго отшельника изъ Шатовье; но зато впослѣдствіи, въ концѣ 40-хъ годовъ, въ эпоху имперіи и, даже, третьей республики много разъ французскому обществу приходилось вспоминать старыя, но вѣчно оспариваемыя истины, за торжество которыхъ боролся Ройе-Колларъ, и съ благодарностью и любовью воскрешать предъ собою фигуру угрюмаго и правдиваго доктринера.

Евг. Тарле.

НА ИЗЫСКАНІЯХЪ.

(Путевые очерки).

Вѣроятно, не всѣ знаютъ, что такое желѣзнодорожныя изысканія и какова жизнь изыскателей.

Жизнь эта, надо признаться, куда непривлекательна. Сначала покажется какъ будто и ничего: постоянная смѣна впечатлѣній, каждый день новые люди, новая природа — все это на первыхъ порахъ кажется заманчивымъ и нравится. Но только на первыхъ порахъ, а пройдетъ мѣсяцъ, и Боже мой, какъ надоѣстъ эта скитальческая жизнь и какъ потянетъ къ людямъ, въ городъ, хоть въ захолустный, но только въ городъ, подальше отъ этихъ непроходимыхъ болотъ, лѣсныхъ дебрей и унылыхъ, безконечныхъ степей!

Кто путешествовалъ по дорогамъ, большимъ или даже проселочнымъ, тотъ и понятія не имѣетъ, что значитъ идти «по волчьи» напрямикъ—и день, и два, и три шагать чуть не по поясъ въ болотѣ, пробираться черезъ невыразимыя лѣсныя дебри, карабкаться черезъ огромныя кучи валежника, обрываться, падать и снова идти, коченѣя отъ холода или изнемогая отъ жары и нестерпимой жажды.

Иной разъ выдастся такой денекъ, что вымотаетъ изъ тебя буквально всѣ силы, измученное, часто въ кровь расцарапанное тѣло проситъ отдыха, проситъ пищи; съ какимъ-то просто сладострастіемъ мечтаешь о мискѣ борщу, какъ влюбленный грезишь о самоварѣ, хоть и знаешь, что онъ непремѣнно будетъ мужичій и потому грязный, съ зелеными потеками и съ краномъ, перевязаннымъ отъ течи грязной тряпкой. О постели же и говорить нечего—постель и чистое бѣлье на ночь кажется просто недосягаемымъ, неземнымъ блаженствомъ. Но далеко не всегда доступны изыскателямъ эти предметы роскоши. Иной разъ, когда вы, измучившись въ лоскъ, уже ночью пробираетесь на обывательскихъ къ мѣсту ночлега, куда чуть свѣтъ послали вашего кучера (онъ же и поваръ), васъ ждетъ горькое разочарованіе: кучеръ вашъ, вмѣсто обѣда, приготовилъ нѣчто уму непостижимое — въ щи наложилъ ванили, мясо и всѣ продукты подмочилъ керосиномъ, посуду въ дорогѣ побилъ и вдобавокъ не нашелъ для ночлега ничего лучшаго,

какъ сѣновалъ съ протекающей крышей. Голодный, злой и измученный, забираетесь вы на этотъ сѣновалъ, кутаетесь и пробуете заснуть, а между тѣмъ крыша течетъ и крупныя капли, просачиваясь сквозь нее, громко шлепаютъ васъ по головѣ, по голенищу, по лицу.

Но затрудненія относительно «харчей» далеко не единственное горе, какое выпадаетъ на долю изыскателя. Едва ли не больше угнетаетъ отсутствіе тѣхъ культурныхъ условій жизни, которыхъ въ городѣ даже не замѣчаешь: о газетахъ, о новыхъ книгахъ, о письмахъ и телеграммахъ родныхъ и друзей надо отложить попеченіе, надо мириться съ омерзительнымъ ощущеніемъ физической нечистоты, надо забыть объ аптекѣ, о докторѣ и не заболѣвать даже и тогда, когда цѣлыми часами приходится стоять въ замерзающей водѣ по колѣно и видѣть, какъ голенища вашихъ сапогъ покрываются тонкимъ слоемъ бѣлаго льда.

Но и за всѣмъ тѣмъ, со всѣми этими лишеніями хоть и трудно, но при нуждѣ можно мириться, если партія ваша, ваши товарищи по работѣ — люди, симпатичные вамъ. Но если, въ довершеніе всего, и партія подобралась плохая, недружная, тогда положеніе становится нестерпимымъ, и васъ такъ и подмываетъ бросить все и убѣжать безъ оглядки.

Къ моему несчастью, въ этомъ послѣднемъ мнѣ не повезло.

Въ партіи нашей, кромѣ меня, было еще два человѣка: ближайшій мой начальникъ, заматерѣлый изыскатель, Прохоръ Захаровичъ Кучеренко и обнищавшій помѣщикъ Брайкевичъ.

Кучеренко отличался тѣмъ, что имѣлъ какую-то ненасытную страсть къ площадной брани: онъ ругался всегда, вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ жизни, съ ранняго утра и до поздняго вечера его хлесткая, звонкая брань такъ и сыпалась всюду, гдѣ только онъ появлялся. Изъ всей партіи въ 25 человѣкъ не было ни единаго рабочаго, котораго бы пощадилъ его подлый языкъ. Сквернословіе до такой степени въѣлось въ плоть и кровь его, что онъ потерялъ способность говорить не уснащая рѣчи самой циничной, самой омерзительной бранью. Повода для ругани не требовалось вовсе: такъ, если, напримѣръ, онъ ѣлъ что-нибудь и ему нравилось—онъ ругался въ видѣ похвалы и одобренія, если не нравилось—отъ раздраженія и злости. Даже когда, бывало, онъ получалъ письма отъ жены и дѣтей, которыхъ очень любилъ, то и тутъ языкъ его не могъ утерпѣть. «Отъ жены письмо получилъ», скажетъ онъ, бывало, и скажетъ радостно, съ улыбкой, но тутъ же совершенно машинально произнесетъ такое словечко, что станетъ мерзко.

На человѣка непривычнаго это свойство Кучеренки производило ошеломляющее впечатлѣніе, дикая брань рвала уши и оскверняла всю душу. Сотни разъ просилъ и я его избавить меня отъ этого удовольствія, но всякій разъ онъ неизмѣнно говорилъ:

— Что дѣлать, что дѣлать! Самъ знаю, что оно, какъ будто и

того... не хорошо, мнѣ это всѣ говорятъ, но привычка—вторая натура, привычка стараго изыскателя: вѣчно съ мужиками — какъ тутъ не привыкнуть? Тутъ, знаете, такая привычка образуется, что иной разъ, повѣрите ли, Богу молишься и тоже нѣтъ-нѣтъ да и двинешь!..

Другой отличительной чертой Кучеренки была какая-то упорная закоренѣлая ненависть къ рабочимъ людямъ. Онъ совсѣмъ не считалъ ихъ за людей и видѣлъ въ нихъ, по собственному его выраженію, «быдло» и ничего больше. Обращался онъ съ ними, конечно, какъ съ «быдломъ»—грубо, жестоко и нагло: походя ругалъ, часто билъ, еще чаще прогонялъ безъ разсчета.

И въ то же время никакъ нельзя было сказать, что Кучеренко былъ злой человѣкъ: по своему онъ бывалъ и добръ и, какъ это ни странно, даже деликатенъ, но лишь со своими, а чуть только судьба сталкивала его съ мужикомъ, съ рабочимъ, какъ тотчасъ же онъ превращался въ какого-то осатанѣлаго дикобраза и тогда не было такой брани, не было такой жестокости, которой онъ не пускалъ бы въ ходъ.

Свое поведеніе съ мужиками онъ возвелъ въ систему и любилъ объяснять ее ничѣмъ инымъ, какъ своей опытностью, своимъ знаніемъ людей. Онъ категорически утверждалъ, что всякій, кто «съ ними» говоритъ иначе, не знаетъ ихъ, обольщается на ихъ счетъ; мое, напримѣръ «вы» въ обращеніи со всѣми рабочими смѣшило его до слезъ.

— Рѣшительно не понимаю,—говаривалъ онъ по этому поводу,— какъ можно сказать: вы—Сидоръ, вы—Прокофій! Вѣдь это даже съ грамматической стороны, какъ-то не того... не звучитъ! Ну какъ бы это я сказалъ: вы—Парфенъ! хо-хо-хо!.. Парфенъ, принесите мнѣ чаю! хо-хо-хо!.. Нѣтъ, ей-Богу, это какъ-то совсѣмъ, совсѣмъ по институтски выходитъ... А вѣдь, знаете, въ молодости моей, лѣтъ 20 тому назадъ, когда я только что техническое училище кончилъ, и я былъ въ этомъ же родѣ; разумѣется, не до такой степени—«вы» я никогда мужикамъ не говорилъ, но все-таки говорилъ бывало: «послушай, братецъ» или «послушай, голубчикъ», право! Смѣшно вспомнить, а такъ, нѣжничалъ и я, пока не зналъ, что за золото наши «мужички», эти добродушные, прелестные «мужички»! Но зато теперь—нѣ-ѣтъ!.. Теперь я не скажу— «голубчикъ», потому что знаю, что этотъ голубчикъ есть Христопродавецъ! Теперь я не скажу «братецъ», потому что этотъ братецъ есть подлецъ, который продастъ васъ за рюмку водки, который васъ обокрадетъ, обманетъ, надуетъ и надъ вами же посмѣется!.. Нѣтъ, онъ только по виду простъ, какъ дроздъ, а пальца въ ротъ ему не клади: проглотитъ, всего какъ есть проглотитъ, съ сапогами!

Глубокая ненависть Кучеренки къ рабочимъ была такъ велика, что когда, бывало, онъ только заговоритъ о нихъ, голосъ его дрожитъ и понижается до какого-то злобнаго шипѣнія.

Второй мой компаньонъ былъ Иванъ Осипычъ Брайкевичъ, дальній родственникъ Кучеренки, исполнявшій въ партіи немудрую роль пикетажиста.

Брайкевичъ былъ нѣкогда помѣщикомъ, но небольшое имѣньице свое давнымъ-давно прожилъ и ради куска хлѣба скитался по изысканіямъ. Нѣсколько лѣтъ кряду работалъ онъ съ Кучеренкой и послѣдній, пользуясь его нищетой и совершенной безотвѣтственностью, успѣлъ поработить его до такой степени, что Брайкевичъ сдѣлался чуть не лакеемъ своего родственника. До конца обезличенный и забитый, онъ велъ счеты бѣлья Кучеренки, стлалъ ему постель, починялъ платье. Эти деньщицкія обязанности съ теченіемъ времени вошли у него въ привычку, такъ что даже самолюбіе его не страдало. Впрочемъ, на счетъ самолюбія Брайкевича можно было вообще сомнѣваться. Вѣрнѣе даже сказать, что бѣдность совсѣмъ задушила въ немъ это чувство.

Нечего и говорить, что Брайкевичъ боялся Кучеренки, какъ огня, и трепеталъ предъ нимъ, несмотря на свои 35 лѣтъ и длинную бороду, какъ пятилѣтній мальчишка. Стоило Кучеренкѣ крикнуть на него, обругать, и Брайкевичъ моментально превращался въ идіота: послѣднее соображеніе вылетало изъ его головы и онъ стоялъ предъ своимъ властелиномъ растерянный и уничтоженный, полуоткрывъ ротъ и глупо моргая испуганными глазами.

Въ партіи положеніе Брайкевича было до слезъ жалкое: не проходило часу, чтобы со стороны Кучеренки онъ не подвергался бы какому-нибудь заушенію. Брань сыпалась на него градомъ и, разумѣется, поводовъ для нея не требовалось вовсе: мѣшалъ ли работать дождь—Брайкевича ругали, попадались на пути болота и горы—Брайкевича опять ругали, въ хорошемъ ли, въ дурномъ ли распоряженіи духа былъ Кучеренко—все равно, Брайкевичъ неизмѣнно получалъ свою порцію.

Но если Брайкевичъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ, чего-нибудь не досмотрѣлъ, въ чемъ-нибудь ошибся, тогда ему доставалось сверхъ всякой мѣры. Кучеренко налеталъ на него, какъ бѣшеный, и, побагровѣвъ отъ злости, кричалъ во всю силу своихъ богатырскихъ легкихъ.

— Вонъ съ работы, сію минуту вонъ! Не надо мнѣословъ! Положи инструменты—и къ чортовой матери! Маршъ!

И Брайкевичъ клалъ инструменты и пѣшкомъ, часто въ дождь или по болотнымъ дебрямъ, плелся верстъ за десять къ мѣсту ночлега и нѣсколько 'дней не показывался на работы, ожидая, пока гнѣвъ Кучеренки утихнетъ. Глядя на треклятую жизнь этого страстотерпца, я все недоумѣвалъ, почему онъ не наплюетъ на Кучеренку и не попроситъ разсчета, тысячу разъ я убѣждалъ его сдѣлать это, но всегда слышалъ отъ него одинъ отвѣтъ:

— А куда я дѣнусь?.. Жена, ребенокъ, надо содержать, а вѣдь я ничего не знаю, нигдѣ не учился, ничего не могу—куда я дѣнусь?..

Ради жены и маленькой дочери этотъ человѣкъ, кажется, былъ бы готовъ позволить распять себя: очень ужъ онъ любилъ ихъ, и часто по вечерамъ, когда Кучеренко храпѣлъ, какъ зарѣзанный, Брайкевичъ забѣрется, бывало, куда-нибудь въ уголъ или въ чуланчикъ и при

мигающемъ свѣтѣ огарка строчитъ домой письма. Долго-долго, бывало, сидитъ онъ надъ этими письмами. Случалось, далеко за полночь проснешься, взглянешь кругомъ, а его маленькая, согнувшаяся фигурка все сидитъ склонившись надъ письмомъ и все бѣгаетъ по бумагѣ рука. Взглянешь на его лицо и подивишься: нѣтъ на немъ обычнаго выраженія забитости, въ глазахъ не читается ни страха, ни оторопѣлости и свѣтятся они такой лаской и любовью, что совсѣмъ не узнать пришибленнаго и вѣчно испуганнаго Брайкевича.

Таковы были мои товарищи по работѣ. Впрочемъ, первую недѣлю я работалъ одинъ, такъ какъ опоздалъ къ началу работъ и долженъ былъ догонять партію.

Выступилъ съ тремя рабочими-хохлами изъ города N, Минской губерніи, населенной въ этой своей части православною литвою.

Долженъ сказать съ первыхъ же словъ, что ничего не приводилось мнѣ видѣть бѣднѣе этого края. Бѣдность во всемъ, начиная съ природы. Унылая, тусклая и однообразная, она среди поздней осени производила какое-то поистинѣ гнетущее впечатлѣніе. Проходя по этой мѣстности, я все твердилъ некрасовскій стихъ: «Небо, ельникъ и песокъ!» Дѣйствительно, этими тремя словами до дна исчерпывается сѣренькое впечатлѣніе этой убогой страны нищихъ.

Но и небо здѣсь какое-то особенно унылое, съ темно-сизыми тучами волнообразно спускающимися до самаго горизонта. Нѣтъ, нѣтъ и закапаетъ упорный осенній дождикъ, холодный и скучный и сквозь сѣтку его окрестности кажутся еще печальнѣе, еще бѣднѣе—кругомъ пески, пески и пески! Рѣдко, очень рѣдко попадется сосновый лѣсокъ, но сосенки эти такія маленькія, корявыя, такія уродливыя, что на нихъ жалко и непріятно смотрѣть.

Пески смѣняются болотами. Болота кочковатыя и кочки, похожія на пасхальные куличи, поросли длинной травой—ни дать, ни взять, грива начинающаго лысѣть діакона. Мѣстами кочки обгорѣли; черныя плѣши горѣлыхъ мѣстъ нестерпимо воняютъ гарью, ѣдкой, тяжелой до дурноты.

Промелькнутъ болота, а тамъ опять потянутся пески и снова болота и опять пески, пески до безконечности.

Пахатныя поля попадаются такъ рѣдко, что всегда вызываютъ даже крики изумленія у моихъ рабочихъ. Наконецъ-то на поле выбрались! Вообще удобной земли страшно мало, почти нѣтъ и, вѣроятно, оттого народъ здѣсь такой бѣдный жалкій и безпомощный—ни дать, ни взять нищіе, да еще изъ нищихъ нищіе. Впрочемъ, на пути нашемъ люди попадались такъ рѣдко, что иной разъ дѣлалось даже жутко и казалось, что идешь по необитаемой странѣ. Только когда линія наша изъ болотъ и перелѣсковъ выскакивала на пахатное поле или на поляну, попадались мужики-полѣщуки. Всегда неожиданно, весь въ бѣломъ, точно привидѣніе, выползетъ откуда нибудь изъ лѣсу этотъ одн-

чалый полѣщукъ и пристально, изумленными глазами глядитъ на насъ, точно на выходцевъ съ того свѣта; потомъ, опомнившись, испуганно сорветъ шапку съ головы и также неожиданно юркнетъ куда-нибудь въ чащу лѣса.

Полѣщуки и ихъ бѣдность вызывали искреннее презрѣніе, а подчасъ и негодованіе со стороны одного моего рабочаго-хохла. Грицько (такъ его звали) представлялъ собой рѣдкое явленіе—малороса-шовиниста: все, что не малороссійское, вызывало съ его стороны презрительную улыбку или снисходительное сожалѣніе. Но критикуя и высмѣивая все не-хохлацкое, онъ обыкновенно не терялъ своего обычнаго хладнокровія и только полѣщуки вызывали его гнѣвъ. При видѣ убогаго посѣва или тощаго лѣска, при видѣ мужицкой тощей и изнуренной клячи, онъ то и дѣло поматывалъ головой и съ глубочайшимъ презрѣніемъ восклицалъ:

— Н-ну и народъ!..

Когда же я становился на сторону полѣщуковъ, Грицько обыкновенно негодовалъ еще пуще.

— Помылуйте, баринъ!—восклицалъ онъ въ порывѣ какой-то непонятной мнѣ злобы.—Развѣ „жъ это народъ? Придешь къ нимъ въ деревню, такъ хоть ты съ голоду помирай, хоть ты ему рубль давай за кусокъ сала, а не достанешь у него ничего! Придешь до бабы въ хату: продай, баба, сала. — Нема.—Продай молока. — Нема.—Продай хлѣба.—Нема.—Ну хоть борщу дай. — Нема! А трястя твоей матери! Думали мы, что бабы брешутъ, не хотятъ продавать—такъ нѣтъ, и на самомъ дѣлѣ нема ничего! И какъ только они съ голоду не повыздыхаютъ, оци полѣщуки—чорты ихъ батька знаютъ! День у день у нихъ картофля, день у день картофля, только и ѣдятъ! Ну, а взять, напримѣръ, хохла, у Харьковской губерніи, или у Тавріи,—вдругъ перевелъ разговоръ Грыцько и глаза его ласково сощурились, а голосъ зазвучалъ какъ-то сантиментально.—Придешь ты къ хохлу въ хату—чисто кругомъ, какъ въ раю! Хозяинъ, какъ братъ, посадитъ тебя за столъ, потчуетъ: первымъ долгомъ тебѣ монополіи чарку одну, монополіи чарку другую, а тамъ насыпятъ тебѣ борщу, да такого борщу, который только наши бабы варить умѣютъ—не брандахлысту, а настоящаго борщу, такого, что не продуешь, сало на немъ кусками плаваетъ! Съѣли борщъ—вареники, съѣли вареники—плачинды съ сыромъ, съѣли плачинды—кабаковая каша! Наѣшься такъ, что безъ водки пьяный будешь! И Боже тебя сохрани хозяину гроши платить—Боже сохрани, какъ можно,—не такой человѣкъ! А тутъ! (на лицѣ Грыцька пропало сантиментальное выраженіе и прежняя гримаса не то отвращенія, не то презрѣнія сморщила его добродушныя черты).—Тутъ тебѣ одинъ харчъ—картофля и никакихъ! И сегодня картофля, и завтра картофля и на обѣдъ картофля, и на вечерю картофля, и хоть ты сказысь *), а

*) Взбѣсись.

ничего, окромѣ картофли не побачишь! Черезъ то-то и народъ тутъ такой захарчеванный, что отъ вѣтру валится. Вотъ я старый человѣкъ, пятьдесятъ лѣтъ мнѣ, а ей-Богу я одинъ съ десяткомъ полѣщуковъ справлюсь, вотъ же ей-Богу справлюсь! А отчего? Оттого, что они картофельный народъ, народъ захарчеванный! Да Господи мой Боже, развѣ жъ у нихъ одни люди чортъ знаетъ какіе? У нихъ все хозяйство добраго слова не стоитъ! Ну, гдѣ жъ таки видано, чтобъ чоловікъ на песку хлѣбъ сѣялъ, а они сѣютъ, вы сами видѣли, баринъ! Развѣ жъ хоколъ, умный чоловікъ и добрый хозяинъ, посѣетъ на песку жито?..

Попавъ на своего любимаго конька, Грыцько говорилъ до безконечности. Критика его была безпощадна, зла и неумолима. За безпомощность и бѣдность полѣщуковъ онъ презиралъ ихъ отъ глубины души и видѣлъ въ нихъ паріевъ, полулюдей. Сколько я ни бился, стараясь переубѣдить его, объяснить, почему полѣщуки такъ бѣдны—все отскакивало отъ него, какъ отъ стѣны горохъ. Онъ все твердилъ одно и то же.

— Бѣдные-то они бѣдные, да кромѣ того еще и дураки: умный человѣкъ на зыбучемъ песку хлѣба не посѣетъ!

Признаюсь, послѣдній аргументъ ставилъ и меня втупикъ, ибо и я не могъ понять, какимъ образомъ рискуютъ здѣсь сѣять хлѣбъ на пескахъ, которые, къ тому же, еще и движутся. Правда, я зналъ, что удобной земли тутъ почти не было, зналъ, что лучшіе участки принадлежатъ отчасти казнѣ, отчасти помѣщикамъ, крестьянамъ же достались ни на что негодные пески, которые они, должно быть, вѣря единственно въ чудо, воздѣлывали. Много разъ намъ попадались нивы почти совершенно заваленныя горами песку, и признаюсь, всякій разъ я недоумѣвалъ и не могъ взять въ толкъ, на что, какъ не на чудо, надѣялся пахарь, когда трудился, пахалъ эти мягкіе, зыбучіе пески и швырялъ въ нихъ на явную гибель зерно. Не предвидѣть заноса было совершенно невозможно и гибель посѣва была очевидна даже для ребенка. А между тѣмъ полѣщукъ сѣетъ, хоть и горько платится за это. Я никогда не забуду одной такой расплаты. Какъ-то въ сильный, ревущій вѣтеръ пробирались мы съ рабочими по такому желтому и чистенькому песку. Идти было чрезвычайно трудно: нога глубоко тонула въ мягкомъ пескѣ и, сверхъ того, поднялась настоящая песчаная метель. Цѣлыя тучи песку неслись намъ на встрѣчу и безпощадно обсыпали съ ногъ до головы: песокъ чувствовался вездѣ—въ глазахъ, за воротникомъ, во рту. Торопясь, чтобы хоть куда-нибудь укрыться отъ этого по-истинѣ божескаго наказанія, мы переваливали черезъ огромные, вновь нагроможденные вѣтромъ холмы песку. Одинъ изъ этихъ холмовъ былъ настолько великъ, что просто не хотѣлось вѣрить, что его нанесло только сегодня или вчера, и этотъ огромный холмъ—увы!—навалился на чью-то ниву, отъ которой оставались только очень незначительные зеленые слѣды, но было очевидно, что и остаткамъ этимъ грозитъ та же участь.

— Посѣялъ дуракъ! Нашелъ мѣсто, гдѣ сѣять! — поднимаясь въ гору, услышалъ я позади себя досадливый возгласъ Грыцька. Признаюсь, и меня охватило чувство досады при видѣ этой зеленой нивы, задавленной горою песка.

— Дѣйствительно, дуракъ!—сказалъ и я, взбираясь на хребетъ холма. Тутъ вѣтеръ ревѣлъ съ какой-то отчаянной злобой, въ его порывистыхъ и пронзительныхъ завываніяхъ слышалось что-то дикое, злобное и мстительное.

Отъ вѣтра и цѣлой тучи песку, обдавшей меня съ ногъ до головы, я и не замѣтилъ, что на той сторонѣ холма, въ лощинѣ, куда мы пробирались, стоялъ мужикъ, стоялъ какъ столбъ, не шевелясь. Не знаю, почему, но я сразу почувствовалъ, что это хозяинъ нивы пришелъ посмотрѣть на свое горе. Предчувствіе подтвердилось, когда мы подошли ближе: уже по одному виду полѣщука можно было понять, что хозяинъ поля онъ, а не кто другой. Съ обнаженной головой, съ ногами, почти по колѣно занесенными пескомъ, стоялъ онъ въ своей бѣлой свиткѣ и глядѣлъ на свою ниву безмолвно и неподвижно. Вѣтеръ такъ и металъ изъ стороны въ сторону его длинные свѣтлые волосы, заворачивалъ полы его свитки, толкалъ его самого, а онъ все стоялъ и все глядѣлъ. Вотъ и совсѣмъ мы поровнялись съ нимъ. Я заглянулъ ему въ лицо и не прочиталъ ничего, кромѣ какой-то бездонной апатіи: ни горя, ни отчаянія, ни душевной боли—ничего не было на этомъ лицѣ, одна апатія, но зато какая! Казалось, этотъ человѣкъ совсѣмъ какъ-то окостенѣлъ и ничто ужъ не могло бы вырвать его изъ этого состоянія. Я увѣренъ, что если бы у него загорѣлись на головѣ волосы, онъ, можетъ быть, и тогда не стряхнулъ бы съ себя этой апатіи.

— Твоя нива?—спросилъ Грыцько.

Полѣщукъ посмотрѣлъ на него бѣлесоватыми, тусклыми глазами и, точно во снѣ, тихо промолвилъ:

— Моя.

— Зачѣмъ же ты тутъ посѣялъ, развѣ не зналъ, а? Зачѣмъ, говорю, посѣялъ тутъ?

Но полѣщукъ больше не отвѣчалъ. Пробовалъ разспрашивать его и я, но онъ больше рта не раскрылъ. Не знаю, понималъ ли онъ, что у него спрашиваютъ, и слышалъ ли даже вопросы? Постояли мы немного около этого горемыки и поплелись дальше. Тяжелое, какъ гробовая плита, чувство придавило насъ всѣхъ, даже Грыцько молчалъ и не сказалъ ни единаго слова въ осужденіе полѣщуковъ...

А вѣтеръ все вылъ и злился и точно горстями бросалъ намъ въ лицо песокъ. Идти становилось страшно тяжело: ноги такъ и тонули въ этомъ желтомъ, яркомъ и красивомъ пескѣ. Однако, подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ полѣщукомъ, на трудность пути никто, кажется, не обращалъ вниманія и нѣтъ-нѣтъ, а смотришь, то тотъ, то другой изъ рабочихъ обернется и, не переставая идти задомъ, долго смотритъ на

полѣщука. Обернулся и я: онъ стоялъ въ прежней позѣ, по прежнему безъ шапки и по прежнему вѣтеръ точно рвалъ съ него волосы и заворачивалъ полы его сѣрой свитки.

Уже свечерѣло, когда мы выбрались, наконецъ, изъ песковъ. Въ этотъ день, благодаря вѣтру, мы прошли всего версты двѣ-три и это разрушило всѣ наши планы относительно ночевки. Предполагая пройти значительно больше, я отправилъ кучера съ вещами верстъ за 10, въ еврейское мѣстечко Золотополь и теперь среди поля мы остались какъ раки на мели — ни хлѣба, ни крова, да и относительно волковъ было страшновато: много ихъ водилось въ этихъ мѣстахъ. Не зная, на что рѣшиться, я сталъ совѣщаться съ рабочими.

— Какъ же теперь намъ быть, хлопцы?

— А надо идти, не ночевать же тутъ,—единогласно и не колеблясь рѣшили они.

Идти, такъ идти. Мы пошли, но куда мы шли, я рѣшительно не зналъ: съ линіи мы свернули, увлекшись какой-то лѣсной дорожкой, а подъ рукой, какъ на зло, не было ни гоніометра, ни даже компаса— опредѣлить направленіе не представлялось никакой возможности, къ тому же перелѣсокъ, черезъ который мы шли, смѣнился незамѣтно довольно густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Въ сущности я вовсе не надѣялся, что мы такимъ образомъ рѣшимъ вопросъ о ночевкѣ и шелъ даже не на авось, а по инерціи. Но вотъ неожиданно Грыцько остановился.

— Цытьте,—шепотомъ пригласилъ онъ.

Мы остановились и, напрягая слухъ, замерли въ совершенномъ молчаніи.

— Слышите, рубитъ кто-то?—по прежнему шепотомъ продолжалъ онъ.

Мы стали прислушиваться еще больше, но сколько я ни вслушивался, а такъ-таки ровно ничего не слышалъ. Два другіе рабочіе хоть и говорили, что слышали, но по тону ихъ голоса я заключилъ, что они фантазируютъ. Грыцько, однако, стоялъ на своемъ.

— Рубае, трястя его матери, ишь рубае, можетъ лѣсопильня? И потомъ, взваливъ себѣ на плечо нивеллиръ, промолвилъ коротко и рѣшительно.

— Айда!

Подъ его предводительствомъ мы побрели снова. На этотъ разъ приходилось идти по звуку, уже безъ всякихъ признаковъ дороги. Спотыкаясь о гнилые стволы валежника, продираясь сквозь густыя заросли молодого ельника, падая и снова подымаясь, медленно подвигались мы впередъ. Между тѣмъ уже почти стемнѣло. Дальше идти было ужъ просто глупо, хотя Грыцько клятвенно увѣрялъ, что онъ что-то слышитъ и что по близости непремѣнно должна быть «жидовская» лѣсопильня. Почему именно «жидовская» — это ужъ оставалось тайной

Грыцька. Скрѣпя сердце, мы зашагали дальше, но шествіе это было сплошнымъ мученіемъ—передъ нами, точно стѣна стояли старыя ели, вѣтви ихъ переплелись до такой степени, что прорваться сквозь нихъ было просто невозможно, приходилось, спасая глаза и лицо, идти задомъ, рвать въ клочья одежду, царапать тѣло, ранить руки.

Я ужъ подумывалъ воспротивиться этимъ мученіямъ, но по лицу Грыцька замѣтилъ, что увѣренность въ близости «жидовской» лѣсопильни уже оставила его. Нѣсколько сконфуженный видъ его ясно свидѣтельствовалъ, что онъ сознаетъ свою ошибку и только о томъ и думаетъ, какъ бы выйти, не роняя своего достоинства, изъ глупаго положенія. Наконецъ, выбравшись на маленькую полянку, онъ остановился и снова сталъ прислушиваться. И опять по лицу и по всѣмъ движеніямъ его я догадался, что все это онъ продѣлываетъ только для виду.

— Не слыхать, матери его бісъ,—нерѣшительно и не глядя ни на кого промолвилъ онъ. — Вотъ трястя его матери—ничего не слыхать! Скажи пожалуйста, а!

— Ну, ладно,—прервалъ я его извиненія. — Довольно! Складывай, хлопцы, костеръ, тутъ и ночевать будемъ!

Съ минуту постояли рабочіе, какъ бы все еще колеблясь, но потомъ развьючились, вынули изъ-за пояса топоры, поплевали на руки и скоро мѣрно и въ тактъ, точно молоты въ кузницѣ, застучали топоры. Не прошло и пяти минутъ, какъ таборъ нашъ устроился вполнѣ и запылалъ огромный, яркій костеръ. Смолистыя вѣтки елей горѣли весело и трещали такъ, точно изъ пистолета кто стрѣлялъ. Запахло копотью горящей смолы... Отогрѣваясь и вытаскивая занозы изъ рукъ, шеи и даже лица, сидѣли мы вокругъ костра и настроеніе у всѣхъ было самое убійственное. Не тѣшила даже красота лѣса. А онъ былъ очень красивъ, этотъ глухой, дремучій и темный, какъ могила, лѣсъ. Чѣмъ-то сказочнымъ и фантастическимъ вѣяло отъ этихъ великановъ-елей, столпившихся вокругъ нашего костра. Ближайшіе изъ нихъ, озаренные снизу его свѣтомъ, стояли какъ завороженныя; низко, къ самой землѣ опустили онѣ свои длинныя, пушистыя вѣтви и казалось, что это не вѣтви и не ели, а сторукіе великаны, о которыхъ такъ много говорилось въ нянииныхъ сказкахъ. Столпились эти великаны, протянули къ вамъ свои косматыя лапы и вотъ-вотъ схватятъ васъ и унесутъ куда-то далеко, далеко. Гляжу я на этотъ уснувшій старый лѣсъ и почему-то мнѣ все вспоминается давно прошедшее дѣтство, ярко всплываютъ въ памяти «страшныя» сказки, встаютъ передъ глазами сказочные колдуны, лѣшіе...

— Ну и ѣсть же мнѣ хочется, нехай ему врагъ! — вдругъ совершенно неожиданно прервалъ мои грезы одинъ изъ рабочихъ, по имени Маркъ.—Не доведи Господи, какъ ѣсть хочется.

— Что правда, то правда,—согласился съ нимъ Грыцько,—теперь бы, кажется, и рубля бъ не пожалѣлъ за кусокъ хлѣба, накажи меня Богъ!..

— А вѣрно!—вздохнувши, присовокупилъ и третій рабочій, молодой парнишка лѣтъ 18-ти.—Теперь сказалъ бы мнѣ кто: на, тебѣ, Аѳанасій, сухаря и скидай зато свиту—ей же Богу снялъ бы!..

Воцарилось молчаніе, тяжелое и глубокое. Мнѣ тоже ѣсть хочется нестерпимо, но я крѣплюсь и, чтобы не нагонять унынія, молчу и не подаю вида. Долго, очень долго длится молчаніе. Я лежу и разсматриваю лица моихъ спутниковъ. Безграничнымъ добродушіемъ вѣетъ отъ лица Грыцька: даже голодъ и мрачное настроеніе не могутъ прогнать этого добродушія: такъ и свѣтится оно и въ глазахъ, и въ улыбкѣ, и въ морщинахъ, сѣточкой расположившихся вокругъ глазъ. Единственно изъ чего можно заключить, что онъ хочетъ ѣсть—это его поминутное сплевываніе: сидитъ, сидитъ, потомъ отвернется и протяжно и далеко плюнетъ сквозь зубы, плюнетъ и утретъ рукавомъ свои выстриженные вокругъ рта и какіе-то гнѣдые усы. У богатыря и великана Марка лицо серьезно и сосредоточенно и, вѣроятно, отъ того кажется еще красивѣе, чѣмъ всегда. Надъ большими карими глазами сумрачно сдвинулись густыя, чорныя брови, орлиный, тонкій и сухой носъ, словно скопированный со статуи какого-нибудь римлянина, длинные, опущенные книзу казацкіе усы—все въ немъ дышало силой, мощью, все точно изъ бронзы отлито было.

Гляжу я на него и все мнѣ вспоминаются запорожскіе казаки. Рядомъ съ Маркомъ безусое, молодое лицо Аѳанасія кажется совсѣмъ мальчишескимъ: чѣмъ-то наивнымъ и совсѣмъ дѣтскимъ вѣетъ отъ всей его тщедушной фигурки. А между тѣмъ я зналъ, что этотъ мальчикъ черезъ двѣ недѣли собирается жениться, онъ и на работу-то къ намъ поступилъ только для того, чтобы зашибить копѣйку на свадебные расходы. Кстати сказать, эти расходы обратились у него въ своего рода idée fixe: всѣмъ и каждому говорилъ онъ, что именно думаетъ купить себѣ къ свадьбѣ; тутъ все было предусмотрѣно, все до мельчайшихъ подробностей: цѣна сапогъ, достоинство жилетки и пр., и только невѣсты себѣ парень еще не подыскалъ...

Тихо въ лѣсу. Дымитъ и потрескиваетъ нашъ костеръ и яркимъ заревомъ вспыхиваютъ смолистыя вѣтви елей. Маркъ то и дѣло подбрасываетъ хворостъ... Вотъ откуда-то изъ темноты, какъ шальная, вылетѣла на огонь какая-то большая птица и, хлопнувъ крыльями надъ самымъ костромъ, пропала такъ же неожиданно, какъ и появилась. Аѳанасій вздрогнулъ, обернулся въ ту сторону и придвинулся ближе къ Марку... Хочется спать... Грыцько уже готовитъ себѣ ложе, т. е. попросту выравниваетъ ногой мѣсто, гдѣ думаетъ лечь, и выбрасываетъ сучья и вѣтки, чтобъ не давили подъ бокъ. Вотъ и готово ложе. Отошелъ въ сторону Грыцько, снялъ шапку, крестится.—«Иже еси на небесѣхъ»—доносится до меня его шепотъ. Улегся. Но не спитъ, а широко открытыми глазами смотритъ на огонь и что-то думаетъ.

— Борщу бы теперь!—вдругъ громко и мечтательно произнесъ Аѳанасій, и наивное восклицаніе его развеселило всѣхъ.

— Съ говядиной?—шутливо спросилъ Грыцько.

— А, можетъ, ты и кофію хочешь?—съ улыбкой прибавилъ Маркъ.—Оно, положимъ, что и я бы теперь не отказался: хорошаго борщу, да до борщу каши...

— Да говядины!—незамѣтно для самого себя, увлекаясь, подхватилъ Грыцько.

— Да варениковъ со сметаной,—вставилъ Аѳанасій.

— А послѣ варениковъ плачиндъ бы съ саломъ, — заключилъ Маркъ.—Хорошо бъ!—И потомъ на минуту задумавшись, онъ продолжалъ:—Нигдѣ, кажется, я такъ не кушавъ, какъ въ солдатахъ! Вотъ, братцы, кушавъ! Это теперь я похудалъ, а на службѣ у меня вотъ какая «морда» была!—Маркъ показалъ, какая именно, и если размѣры эти не были преувеличены, то «морда» у него была поистинѣ ужасная.—Страсть кушавъ на службѣ!—продолжалъ онъ:—монополія—каждый день, говядина—каждый день, хлѣбъ бѣлый—каждый день—не дай Богъ кушавъ!

Тирада Марка совсѣмъ неожиданно раздосадовала Грыцька, на добродушномъ лицѣ его показалась презрительная гримаса.

— Вотъ не люблю брехуновъ! Ну, кому ты говоришь? Гдѣ жъ-таки видано, чтобъ москалямъ по всякъ день давали говядину, по всякъ день монополію? Страсть не люблю брехуновъ!

Маркъ обидѣлся.

— А вотъ же ей-Богу не брешу! Развѣ я тебѣ говорю, что я солдатскій харчъ кушалъ? Я у любовникахъ былъ—вотъ гдѣ я такой харчъ кушалъ!

— Въ любовникахъ?—удивился я.

— Ну да,—отвѣтилъ Маркъ, и отвѣтилъ такъ просто, какъ если бы говорилъ, что былъ въ кучерахъ или въ дворникахъ.

— У кого же?

— Да видите, баринъ, улюбилася въ меня ключница генеральская, у генералъ-майора Собаканова, бригаднаго командира, служила—вотъ отъ нея-то я такой харчъ и кушалъ! А онъ—«брешу»! Я, братъ, не брешу! И не одинъ харчъ, а когда хочешь знать—все у меня было! Ты, можетъ, и въ глаза не видалъ такихъ харчей, какъ я: кушалъ ты когда-нибудь котлеты телячьи, а? Вотъ то-то и есть! А то—«брешу!» Я, братъ, не брешу! Я на службѣ жилъ, прямо надо говорить, какъ баринъ: все у меня было, все, чего хочешь! Одежа на мнѣ—первый сортъ, сапоги—девять рублей, на заказъ, денегъ у меня и по пятнадцать, и по двадцать рублей въ карманѣ бывало—прямо господинъ и шабашъ! Табакъ, напримѣръ! Да я меньше какъ за 18 коп. осьмушку и не курилъ никогда! А то такъ и прямо готовыя папиросы покупалъ:

«Голубка», напримѣръ, или «Ароматичныя»! Да что говорить!—я можетъ на однихъ извозчиковъ 20 р. проѣздилъ: страсть любилъ кататься.

Этотъ фонтанъ аргументовъ посрамилъ Грыцька.

— Ну, когда такъ,—сконфуженно, промолвилъ онъ, разводя руками,—то можетъ и не брешешь, можетъ, и правду говоришь.

— А вещь понятная, что правду!

— Ну, и что же она, ключница эта, здорово влюбилась, значитъ?—спросилъ я, чтобы прекратить споръ.

— И-и не дай Богъ! Страсть, какъ улюбилася, трястя ея матери!.. И не подумайте, что она была какая поганая или что—нѣтъ, Боже сохрани! Женщина была первый сортъ! Все на ней завсегда чистое, завсегда она подъ зонтикомъ—прямо генеральша! Вотъ никто не повѣритъ, а ей-Богу, даже корсетъ носила, накажи меня Богъ!

— А сколько ей было лѣтъ?

— Кто ее знаетъ... Лѣтъ 35 было!

— Какимъ же образомъ началось это у васъ?—все любопытствовалъ я.

— Началося? А такимъ образомъ началося, что она меня котлетами угощала, съ котлетъ и началось... Я, конечно, у генерала вѣстовымъ былъ, ну, конечно, постоянно въ кухнѣ, помогаешь, бывало: самоваръ поставишь, сапоги вычистишь... И она все въ кухнѣ вертится, да все на меня поглядываетъ... а я и не замѣчалъ, даже боялся ея: войдетъ она въ кухню—я сейчасъ передъ ней встану, а она все: «сидите, сидите, Марко», хо-хо-хо!—копируя ключницу, продолжалъ Маркъ.

— Хо-хо-хо!—поддержали и Грицько съ Аѳанасіемъ.

— Ну, послѣ сталъ уже замѣчать. Бывало, когда нѣту въ кухнѣ народу, она все на меня поглядываетъ да все говоритъ: «Какой вы, говоритъ, красивый Марко».—А вещь понятная, говорю.—Что вы, спрашиваетъ, женатый?—Нѣтъ, говорю, холостой, неженатый.—Отчего же вы, говоритъ, не женитесь?—А начто мнѣ, говорю? Съ мѣсяцъ такъ она все на меня посматривала, а послѣ, уже передъ самой масляницей и началось у насъ настоящее дѣло, хо-хо-хо!..

— Хо-хо-хо!..—опять дружно поддержали Аѳанасій и Грыцько (они, какъ простые люди, не могли безъ смѣха слушать про «нѣжности», и какъ только Маркъ касался этого предмета, дружный хохотъ ихъ несся по лѣсу и будилъ эхо).

— Ну, хорошо,—продолжалъ Маркъ.—Вотъ уѣхалъ разъ нашъ генералъ въ театръ, прислуга тоже разбрелась кто куда, и на всю квартиру остались только я да ключница; тутъ-то она и улюбилася, уполнѣ уже улюбилася... Я въ ту пору въ кухнѣ сидѣлъ, работы у меня никакой не было, такъ, сижу да пальцами по столу барабаню. Какъ сиотрю—и она въ кухню пришла.

«— А что вы тутъ, Марко, дѣлаете?

«— Сижу,—говорю.

«— А почему не идете на прогулку?

«— Не желаю, говорю.

«Покрутилась она тутъ, покрутилась, да и стала лампу заправлять. Заправляетъ лампу, а сама все со мной разговариваетъ.—А что, говоритъ, кормили васъ сегодня?—А какже, говорю, пообѣдалъ, спасибо.—А ужинать не давали?—Нѣтъ, говорю, ужинать не давали.—Почему такое? Я, говоритъ, сейчасъ вамъ сама дамъ. Пошла она къ буфету, выноситъ мнѣ пирога съ капустой.—Нате, говоритъ, закусите. Скушалъ я тотъ пирогъ (таки-порядочный кусокъ былъ, какъ двѣ ладони, можетъ быть), а она спрашиваетъ: Можетъ, еще желаете?—Такъ точно, говорю, желаю. Вынесла она мнѣ еще. Скушалъ я и этотъ.—А можетъ, вы, говоритъ, котлетовъ скушаете, что отъ обѣда остались?—Скушаю, говорю. Вынесла она котлетовъ. Скушавъ я съ пятокъ, а она все смѣется.—Какой, говоритъ, аппетитъ у васъ прекрасный.—Такъ точно, говорю, это вѣрно.—А, можетъ, вы теперь вина выпьете или рому?—Почему жъ, говорю, выпью и вина, и рому, когда пожалуете... Принесла она. Сидимъ мы съ нею, пьемъ и вижу я, что она все какъ будто спросить меня что-то хочетъ, все мнется, только молчитъ, боится. Топталась она такъ топталась, а потомъ посмѣлѣла послѣ стаканчика и говоритъ: Послушайте, Марко, скажите мнѣ пожалуйста, только откровенно: вы когда-нибудь влюблялися у женщиновъ?—Нѣтъ, говорю, я не занимался.—Почему жъ, говоритъ?—А потому что я это, говорю, не очень уважаю. Помолчала она, а потомъ и говоритъ: А знаете, говоритъ, что одна женщина въ васъ влюбилася? — Не могу знать, говорю. — А знаете, кто эта самая женщина будетъ?—Нѣтъ, говорю, не знаю.—А сказать?—Скажите, говорю.—Я, говоритъ, эта женщина, я у васъ влюблена, я. — Ну, покорно васъ благодарю, говорю. Я, говоритъ, уже давно влюбилася въ васъ. Да какъ кинется, братцы вы мои, мнѣ на шею, да какъ начнетъ меня цѣловать—смѣшно мнѣ, просто страсть! А она все меня цѣлуетъ, да все говоритъ: Ахъ, какой ты глупой, ахъ, Боже мой, какой ты глупой!..

— Хо-хо-хо-хо!.. — заливались Грыцько съ Аѳанасіемъ. Заливался и Марко.

— Вотъ тебѣ и телячьи котлеты, хо-хо-хо! — даже закашлявшись отъ смѣху, стоналъ Грыцько. — Вотъ тебѣ и вино съ ромомъ!.. Ахъ, ты, матери твоей бісъ, а! Н-ну, ключница!

Долго, очень долго смѣялись всѣ. Но, наконецъ, смѣхъ понемногу стихъ и Марко продолжалъ свое повѣствованіе, понукаемый нашими просьбами.

— Ну, хорошо!.. Вотъ какъ влюбилась она въ меня, сейчасъ же, братцы вы мои, вся прислуга узнала и ужъ тутъ со мной всѣ стали какъ съ бариномъ обходиться. Поваръ мнѣ прежде повсегда, бывало, кричитъ: «эй, ты Марко»—а теперь: «Марко Петровичъ». Горничная все, бывало: «ну, ты, хохолъ, садись, обѣдай!» — а теперь: «кушайте,

пожалуйста, супъ, Марко Петровичъ»!—вотъ какая вещь! Цѣлый годъ я такъ жилъ...

«Черезъ годъ кончилась моя служба, ключница отъ генерала разсчиталась и стали мы жить на квартирѣ.

«— Наняли комнату (десять рублей въ мѣсяцъ за одну комнату платила она) и живемъ. Живемъ совсѣмъ, какъ господа: ни у нея работы никакой нѣту, ни у меня, прямо—баринъ съ барыней и шабашъ! Утромъ встали — кофій. Напился кофію — на прогулку, сейчасъ подъ ручку и маршъ! Ходимъ по улицамъ, гуляемъ... Одежа на мнѣ, конечно, хорошая, справила она мнѣ все: пальто, пиджакъ, панталоны сѣрые, часы, просто какъ господинъ я сдѣлался, даже извозчики, бывало, говорятъ: «пожалуйте, баринъ, прикажите», хо-хо-хо!.. Ну, гуляемъ часа два, три, потомъ въ «домашній обѣдъ» обѣдать, потомъ домой спать... А вечеромъ уже непремѣнно куда-нибудь ѣдемъ—въ циркъ, или въ театръ... И сколько я, братцы вы мои, комедій насмотрѣлся, такъ и не пересчитать: ученыя собаки, свиньи ученыя, кони ученые, фокусы всякіе.

— Ну а въ театрѣ что же вы видѣли съ ключницею?—перебилъ я.

— А тоже комедіи, баринъ, представляли... Вотъ, напримѣръ, «Адская любовь» комедія, или другая комедія: «Не зная броду, не суйся въ воду», много ихъ было, да я позабывалъ...

«— Съ мѣсяцъ вотъ такъ пановали мы съ ключницей, а потомъ надумали жениться, въ законный бракъ, значитъ... И тутъ, я узналъ, что было у нея, братцы вы мои, 900 рублей капиталу, нехай мнѣ языкъ отсохнетъ, если брешу!

Цифра произвела огромное впечатлѣніе и на Грыцька, и на Аѳанасія, Грыцько даже присвистнулъ.

— Да, братики мои, 900, самъ видѣлъ, показывала: сотенныхъ четыре было, а остальные по двадцать пять, по десять, по пять, по три—страсть сколько грошей! Въ шапку не заберешь, ей-Богу! Пересчиталъ я тѣ деньги и думаю себѣ: какой я былъ раньше дуракъ, что не женился на ней! Положимъ, она тоже хитрая — не показывала раньше, ни за что не хотѣла показать, пока не рѣшили мы въ законный бракъ.

«— Ну, хорошо. Какъ узналъ я, что у нея такіе гроши, и сдѣлался я прямо самъ не свой: все у меня передъ глазами такъ и скачутъ бумажки: и сотенныя и всякія другія, скачутъ и шабашъ, даже спать не могу, — все думаю, какое я хозяйство заведу, какъ пріѣду въ деревню, домой! Сейчасъ, думаю себѣ, земли у вѣчность, первымъ долгомъ земли, потомъ воловъ, коней, шарабановъ нѣмецкихъ, овецъ, коровъ,—буду, думаю, я первый хозяинъ! Помѣщикъ буду!..

Тутъ Маркъ неожиданно смолкъ, тяжело вздохнулъ и, обведя присутствующихъ взглядомъ, продолжалъ:

— И что же бы вы думали, хлопцы? Думаете, женился я? Н-нѣтъ, братцы вы мои, не женился, не захотѣлъ, самъ не захотѣлъ!

Лица Грыцька и Аѳанасія превратились въ вопросительные знаки.

— Не захотѣлъ и шабашъ! Ни земли, ни коней, ни шарабановъ— ничего не захотѣлъ, отказался! А почему не захотѣлъ? Потому что ключница моя сказилася (взбѣсилась). Ни съ того, ни съ сего, баба сбожевилiла (спятила). Стала меня ревновать, да какъ ревновать, что мочи нѣту, прямо хоть утекай и шабашъ! Увидѣла она разъ, что я съ горничной смѣялся и не то, чтобъ было у меня съ этой горничной что-нибудь—Боже сохрани, а такъ, просто зубы скалилъ... Съ этого и началось. Черезъ мѣсяцъ стала моя ключница не баба, а сатана, хуже сатаны! Не ѣстъ, не пьетъ, а все грызетъ меня да грызетъ и уже не разбираетъ: виноватъ, не виноватъ—ей одинаково! Прямо несчастье да и только! Цѣлый день она меня ругаетъ, не замолчитъ ни на минуту! Мало дня—и ночью ругается: разбудитъ меня — и давай, и давай! до солнца Божьяго все меня грызетъ: — Зачѣмъ ты вечеромъ на горничную посмотрѣлъ? зачѣмъ ты, подлецъ, на дворничку глаза пялишь? поч-чему ты на кухарку повсегда смотришь? И пошла, и пошла! Мнѣ спать хочется, а она все свое, все свое.—Я тебя, мерзавецъ, въ люди вывела, а ты мнѣ такъ отблагодарилъ, такъ ты меня, собачій сынъ, любишь? Думалъ я, что, можетъ, ее кто сглазилъ, водилъ ее къ священнику, заставлялъ ее говѣть два раза, возилъ ее за 50 верстъ къ одному старичку, чтобъ отчитывалъ ее—нѣтъ! Не помогаетъ и шабашъ! Сказилася баба да и только! И сначала она все-жъ таки хоть при людяхъ не ругалась, а потомъ стала и при людяхъ: на дворѣ, за воротами при народѣ, срамитъ меня и шабашъ! И все попрекаетъ, постоянно попрекаетъ.—Я, говоритъ, тебя, подлецъ, содержу, а ты мнѣ подлости дѣлаешь? Нарядился въ пиджакъ и съ бабами зубы скалишь? Скидай пиджакъ, сейчасъ мнѣ скидай! Мой пиджакъ! моя жилетка!—Тьфу ты, трастя твоей матерiи, сатана! А тутъ еще бабы проклятыя: запримѣтили, что въ нее чортъ влѣзъ, и давай каверзы строить — чуть гдѣ завидятъ меня, сейчасъ: «Здравствуйте, Марко Петровичъ, хи-хи-хи, ха-ха-ха» и давай зубы скалить да нарочно такъ, чтобъ она видѣла! Ну, конечно, она и казится, на стѣнку лѣзетъ, дошло до того, что все ругалась—ругалась, а тутъ уже биться давай: по мордѣ раза два меня ударила, въ глаза плюнула. Ну, думаю, когда такъ такъ не желаю я не надо мнѣ ни твоихъ грошей, ни хозяйства, будь ты проклята, сатана!.. Да, не захотѣлъ я, мочи не было! Уговаривали меня и люди: потерпи, говорятъ, Марко, 900 карбованцевъ не шутка, а женишься и она, Богъ дастъ, утихомирится. Нѣтъ, говорю, не желаю! Не хочу холуемъ быть! Трястя его матери и съ хозяйствомъ! Не хочу! Будетъ вамъ, ключница моя любезная, верхомъ на мнѣ ѣздить, довольно! Возьмите себѣ ваше добро, не надо мнѣ ничего: нате вамъ ваши часы, нате вамъ ваши сѣрые панталоны, вашъ пиджакъ, — все нате вамъ назадъ—обратно, а я больше не желаю, цуръ вамъ! Отдалъ и пошелъ! Пошелъ и не схотѣлъ даже слушать — на что мнѣ холуемъ быть всю

жизнь? Матери его бісъ и съ деньгами, и съ хозяйствомъ—не желаю, нехай она сказится!..

Проговоривъ послѣднія слова, Маркъ круто замолчалъ.

На слушателей разсказъ его произвелъ разное впечатлѣніе. Аѳанасій, видимо, сожалѣлъ, что Марку такъ-таки и не удалось овладѣть капиталами ключницы, но зато Грыцько, наоборотъ—былъ очень доволенъ неожиданнымъ исходомъ дѣла.

— Что правда, то правда,—вдумчиво и тихо проговорилъ онъ.—Не дай Богъ на чужой капиталъ жить—нема хуже! Брешутъ всѣ, кто говоритъ, что хорошо жениться бѣдному на богатой, одна это брехня!.. У меня тоже такой случай былъ... Лѣтъ тому 12, а можетъ, и 15 назадъ, тоже женщина мнѣ попалась... И тоже не какая-нибудь, а торговка, въ Кіевѣ на базарѣ зелень продавала. Вдова была и богатая: хата у ней, пара коней, повозка—полный выѣздъ! Тоже хотѣла, чтобъ я на ней женился, охъ, и здорово жъ хотѣла! Она, конечно, знала, что я не пьяница, человѣкъ работящій, ну и думала, что хорошо ей будетъ за мной... Бывало, встрѣтитъ меня гдѣ-нибудь: Женись, говоритъ, на мнѣ, Грыцько.—Нѣтъ, говорю, не желаю!—Ой, женись, пожалѣешь!—Нѣтъ, не желаю! Ты, говорю, и хорошая женщина и знаю я тебя давно, а все-таки нельзя намъ жениться: ты знаешь, говорю, что я бурлака, что у меня всего и добра одинъ картузъ, а у тебя состояніе—нельзя, не подходитъ: я не люблю на чужой капиталъ разживаться. Сегодня ты мнѣ скажешь: «бери моихъ коней, работай на нихъ, пользуйся», а завтра ты разсердишься и: «не бери моихъ коней, не смѣй, мои кони!» Нѣ-ѣтъ, нельзя бѣдному на богатой жениться: счастья не будетъ, а сраму примешь довольно. И никогда ты не будешь хозяиномъ въ своей хатѣ, а все какъ будто ты въ гости пришелъ, все ты будешь какъ конь стреноженный... Нѣ-ѣтъ, оборони Боже всякаго крещенаго отъ такой напасти.

Разговоръ оборвался. Всѣ замолчали и, глядя на огонь, о чемъ-то, повидимому, глубоко задумались. Тишина водворилась совершенная. Костеръ догоралъ, и тонкіе синеватые язычки пламени безшумно перебѣгали по сучьямъ. Лѣсъ потемнѣлъ еще больше и стоялъ совсѣмъ недвижно; не шелохнетъ ни одна вѣтка, только изрѣдка оборвется еловая шишка и, цѣпляясь при паденіи за сучья, тяжело шлепнется на землю. Вотъ опять гдѣ то ухнула ночная птица: чѣмъ-то жалобнымъ и вмѣстѣ дикимъ звучитъ это уханье въ заснувшемъ лѣсу...

— Пора спать, хлопцы,—вдругъ, подымаясь отъ костра, промолвилъ Грыцько и опять сталъ креститься.

Спать дѣйствительно хочется, истомленное тѣло беретъ свое, и глаза сами собой смыкаются. Я завернулся въ свое пальтишко и улегся поближе къ костру.

Проснулись мы чрезвычайно рано и проснулись отъ нестерпимаго холода. И рабочіе, и я, буквально, не попадали зубъ на зубъ отъ охва-

тившей насъ дрожи. Кругомъ сырой туманъ окуталъ лѣсъ, точно дымомъ, и былъ такъ густъ, что насквозь пропиталъ нашу одежду, даже бѣлье было мокро, точно послѣ дождя.

Первой мыслью моей послѣ пробужденія было опасеніе, что кто-нибудь изъ насъ навѣрное простудился на смерть: провести ночь на сырой землѣ, въ холодномъ осеннемъ туманѣ да еще вдобавокъ на голодный желудокъ—тутъ было чего бояться, и какъ вообще ни равнодушенъ изыскатель ко всякаго рода болѣзнямъ, но на этотъ разъ я струхнулъ порядкомъ. Особенно пугалъ меня Аѳанасій: онъ посинѣлъ, губы его побѣлѣли и отъ дрожи онъ не могъ даже говорить.

Маркъ, чтобы хоть какъ-нибудь согрѣться, затѣялъ, было раздуть погасшій за ночь костеръ, но я, зная, что этотъ способъ согрѣванія есть вѣрнѣйшее средство заполучить простуду, рѣшительно воспрепятствовалъ этому.

— Забирай, хлопцы, инструменты и гайда быстрымъ шагомъ, находу согрѣемся!

Покорились безропотно, Грыцько даже, несмотря на охватившую его дрожь, пробовалъ шутить, что его прошибъ цыганскій потъ.

Нивеллиръ, рейки, топоры, треножники—все было собрано моментально, и мы пошли, думая только о томъ, чтобы отогрѣться.

Однако, черезъ часъ, когда отъ быстрой ходьбы по лѣсу насъ дѣйствительно сталъ прошибать потъ, и ужъ не цыганскій, а настоящій, время было подумать о томъ, куда собственно, въ какую сторону намъ нужно идти. Туманъ понемногу сталъ рѣдѣть, но все-таки въ лѣсу было еще какъ-то пасмурно и дальше, какъ за 15—20 шаговъ не было видно ничего. Чтобы хоть немного ориентироваться и опредѣлить направленіе, Аѳанасій, какъ младшій въ партіи, былъ командированъ на самое высокое дерево, чтобы съ вершины его разсмотрѣть окрестности.

Быстро снявъ сапоги и размотавъ портянки, онъ босикомъ сталъ карабкаться на огромную осину. Мы всѣ, задравши голову, смотрѣли вверхъ, слѣдя за его движеніями. Усталый Аѳанасій лѣзъ тяжело и медленно, брюки его засучились почти до самыхъ колѣнъ, прежде чѣмъ долѣзъ онъ до вѣтвей. Но вотъ онъ и на верхушкѣ. Приложилъ руку козырькомъ и разглядываетъ во всѣ стороны.

— Ну, что, видно что-нибудь?

— Ни черта!

— Не видать?

— Лѣсъ видать, вездѣ лѣсъ и шабашъ!

— А ты посмотри-ка вотъ въ эту сторону!..

— Да и тутъ ни черта! Лѣсъ, кругомъ лѣсъ! Вотъ бѣда!.. А тутъ ѣсть хочется такъ, что ажъ сердце болитъ.

— Да ты не разсказывай, а смотри получше!

— Да чего получше, говорятъ тебѣ,—не видать, ни черта не видать.

— Отто́ матери его ковинька! съ—досадой промолвилъ Грыцько·

Аѳанасій слѣзъ и мы опять зашагали наудалую. Тутъ я узналъ, что значитъ блуждать, «какъ въ лѣсу». Идешь точно съ завязанными глазами, рѣшительно не зная, куда выведетъ данное направленіе. Черезъ часъ ходьба безъ цѣли надоѣла, и опять пришлось прибѣгнуть къ помощи высокаго дерева. На этотъ разъ полѣзъ Марко. Какъ и Аѳанасій, онъ разулся, поплевалъ на руки и ловко и быстро вскарабкался на самую верхушку. Опять съ томительнымъ чувствомъ слабой надежды ждемъ мы внизу, пока онъ смотритъ.

— Ну, что?

— Не видать, трястя его матери!

— Неужели ничего?

— Прямо ничогисенько!..

И опять мы шествуемъ. Лѣниво и неохотно взваливаетъ на плечи свою ношу Аѳанасій и такъ же лѣниво бредетъ вслѣдъ за нами.

— Ну, и ѣсть же хочется, — все жалуется онъ.—Такъ ѣсть хочется, что просто... бѣда!..

Еще черезъ часъ лѣзетъ на дерево Грыцько. За пятьдесятъ лѣтъ ему, но лѣзетъ онъ легко и свободно, какъ мальчикъ. Вылѣзъ и, держась рукой за колеблющуюся отъ его тяжести вѣтку, смотритъ. Мы ужъ и не спрашиваемъ его, что онъ видитъ. Долго и все молча озирается Грыцько. Но вотъ сталъ слѣзать. Слѣзъ и, обматывая грязной портянкой ногу, сквозь зубы, односложно пробормоталъ: «Ни черта!»

Еще часа два бредемъ мы по лѣсу. Я начинаю серьезно безпокоиться. Уже часовъ пять мы идемъ и до сихъ поръ никуда не вышли, а между тѣмъ всѣ мы два дня ничего не ѣли.

— Закричи-ка кто-нибудь да покрѣпче,—сказалъ я. Грыцько взялся исполнить приказаніе и почему-то счелъ нужнымъ приготовиться къ этому: поставилъ на землю нивеллиръ, плюнулъ, откашлялся и закричалъ дѣйствительно съ ужасающей силой.

— Го-го-го о-о!..—понесся по лѣсу раскатистымъ эхомъ его крикъ.—Го-го-го-о-о! — еще разъ заоралъ онъ и стихъ, прислушиваясь. Не слышно ничего.

— Го-го-го-о!—закричали мы всѣ сразу и такъ громко, что даже въ ушахъ заболѣло. Но опять ни отвѣта, ни привѣта.

— Придется еще разъ ночевать въ лѣсу,—озабоченно проговорилъ Грыцько, снова взваливая на плечи нивеллиръ. Опять мы бредемъ, опять Аѳонасій сзади всѣхъ и уже не идетъ, а просто ползетъ. И вдругъ слышу я, онъ плачетъ.

— Чего ты?

— Пропадемъ мы тутъ въ лѣсу, всѣ чисто пропадемъ,—сквозь слезы, осипшимъ голосомъ бормочетъ онъ,—голодною смертью пропадемъ...

— А-ахъ, ты!..—насмѣшливо обратился къ нему Грыцько,—а еще жениться хочетъ... Да тебя еще надо молочкомъ отпаивать, а онъ же-

ниться. Подпоясись покрѣпче, вотъ и все! Куда тебѣ жениться, дураку? Э-эхъ!..

Отъ стыда ли, или отъ другого чего, но Аѳанасій подтянулся и удерживалъ слезы. Опять мы бредемъ. Усталыя ноги еле-еле передвигаются и скользятъ и чмокаютъ, прилипая къ сырой землѣ. То тотъ, то другой спотыкается, Грыцько даже раза два растянулся во весь ростъ и чуть не разбилъ нивеллира.

— Постойте-ка, хлопцы, дайте-ка я полѣзу на дерево,—предложилъ я,—авось я буду счастливѣе.

Выбралъ я ольху высокую, вскарабкался и только приложилъ руку козырькомъ, чтобы разсмотрѣть получше, какъ вижу близехонько отъ насъ куполъ деревенской церкви. Золотой крестъ блеститъ на солнцѣ и вся церковь, бѣленькая и чистенькая, выглядываетъ изъ густой зелени деревьевъ, за церковью село, а за селомъ вонъ въ полѣ скотъ пасется.

— Хлопцы, церковь видать!..

— Не можетъ быть?—въ одинъ голосъ спросили снизу.

— А ей-Богу видать!

Въ мгновеніе ока Аѳанасій кинулся къ дереву и смотрю—лѣзетъ, лѣзетъ быстро и ловко, какъ кошка, за нимъ снимаетъ сапоги и Марко...

Черезъ полчаса мы уже были въ деревнѣ. Оказалось, что мы верстъ за 18 уклонились въ сторону отъ линіи. На радостяхъ, что въ концѣ концовъ мы все-таки выбрались и ничего при этомъ не разбили и не поломали, я устроилъ рабочимъ цѣлое пиршество, а самъ нанялъ лошадей и, выпивъ кувшинъ молока, не медля поѣхалъ въ мѣстечко Золотополь, гдѣ еще съ третьяго дня ждали меня и лошади мои, и вещи.

Въ мѣстечко добрались мы съ возницей чрезвычайно поздно. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло и во всѣхъ домахъ свѣтился огонь. Ночью мѣстечко показалось мнѣ очень нарядным: темнота скрывала все, и дома казались щеголеватыми и какими-то особенно веселыми отъ яркаго пламени печей. Пламя это было такъ велико, что въ каждой хатѣ можно было съ улицы видѣть, какъ бабы возятся съ ухватами, какъ за столомъ сидятъ мужики и ребятишки. У полѣщуковъ лампы—рѣдкость, керосинъ считается предметомъ роскоши и освѣщаются избы или пламенемъ печки, или цѣлымъ костромъ лучины, горящей на камелькѣ. Только въ нѣкоторыхъ домахъ виднѣлся бѣлый огонекъ керосиновой лампочки—это еврейскіе дома.

По мѣстечку мы ѣдемъ шажкомъ и все высматриваемъ человѣка, который указалъ бы, гдѣ остановился мой ямщикъ. Но мѣстечко до такой степени безлюдно, что, кромѣ собакъ, нѣтъ ни души. Возница мой уже хотѣлъ было идти въ избу, разспросить, но, по счастью, попался какой-то подростокъ-еврейчикъ. На мой вопросъ, гдѣ остановился ям-

щикъ съ вещами, еврейчикъ отвѣчалъ, что остановился онъ у «доктора Иванюхи», и вызвался проводить насъ.

Меня чрезвычайно обрадовала перспектива ночевать у доктора.

Все-таки,—думалъ я,—это не то, что въ дымной избѣ, гдѣ отъ костра лучины всегда бываетъ угаръ и дымъ просто выѣдаетъ глаза. Сверхъ того, если у доктора, то, разумѣется, будетъ и обѣдъ, и чай, и чистая постель, а можетъ быть, и свѣжія газеты, можетъ быть, даже журналы. Словомъ, я совсѣмъ размечтался.

Еще минутъ пять проѣхали мы по мѣстечку, храня совершенное молчаніе. Но вдругъ еврейчикъ громко крикнулъ: тпрр... Пріѣхали, баринъ!

Выбравшись изъ повозки и отпустивъ проводника, я почувствовалъ, что усталъ невыразимо. Отъ долгаго сидѣнья ноги затекли, и по нимъ бѣгали мурашки. Какъ паралитикъ, неровной походкой вошелъ я въ калитку и черезъ дворъ направился прямо въ избу. Завидя меня, маленькая собаченка неистово залаяла и запрыгала у самыхъ моихъ ногъ. Въ ту же минуту отворилась дверь въ черную половину избы, и вышелъ какой-то старичекъ.

— Пожалуйте, баринъ, пожалуйте вотъ въ эту избу,—суетливо показывалъ онъ.—Ахъ, ты грѣхъ какой, а я лампы-то еще не зажегъ въ комнаткѣ вашей... Сейчасъ, сейчасъ, пожалуйте, я сію минуту-съ... Да гдѣ же баба? Аксинья! Аксинья!

Я вошелъ въ указанное помѣщеніе, гдѣ дѣйствительно царила совершенная темнота; нащупавъ скамейку, я тяжело опустился на нее. Не желая терять ни минуты, я съ трудомъ сталъ стаскивать сапоги, чтобы согрѣть окоченѣвшія ноги. Но только-что я принялся было за это дѣло, какъ почувствовалъ, что нога моя находится въ обладаніи какого-то таинственнаго незнакомца, который съ величайшимъ стараніемъ сталъ стаскивать съ меня сапогъ.

Я изумился, но не протестовалъ, а услужливый незнакомецъ, лица котораго за совершенной темнотой не было видно, продолжалъ свое дѣло, бережно таща меня за сапогъ.

— Держитесь, держитесь, баринъ, чтобъ не упала скамейка... Вотъ такъ... Позвольте теперь другой сапогъ.

— Извольте, но кто вы?

— Я здѣшній еврей... Янкель... держитесь, держитесь, баринъ!..

— Такъ я, значитъ, у васъ остановился, а не у «доктора» Иванюхи?

— Нѣтъ, вы у доктора, а я только такъ... зашелъ... думаю, можетъ быть, барину услужить потребуется... Да что же онъ огня не даетъ? Довольно-таки странно: ожидалъ барина и не могъ огня засвѣтить! Ахъ, какой ворона!.. Иванюха, давай же, наконецъ, огонь!..

Иванюха вошелъ съ лампой и при свѣтѣ ея я могъ, наконецъ, разглядѣть и еврея, и «доктора».

Еврей былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти—худой, высокій, чрезвы-

чайно красивый, съ великолѣпными грустными глазами, огромными и глубокими; длинная черная борода съ просѣдью обрамляла его прекрасное, но какое-то чрезвычайно скорбное лицо. Одежда на Янкелѣ—длинный, до пятъ, лапсердакъ,—была изумительно стара и заношена до такой степени, что лоснилась, точно вымазанная саломъ кожа.

Что касается Иванюхи, то по возрасту онъ былъ лѣтъ на 10 старше Янкеля. Худенькій, маленькій старичекъ, съ желтовато-сѣдой бородой, въ заячьемъ тулупчикѣ и въ теплыхъ валенкахъ, онъ на меня произвелъ впечатлѣніе не то изнѣженнаго старичка на покоѣ, не то полубольного человѣка.

Окинувъ строгимъ взглядомъ Янкеля, Иванюха поставилъ на столъ лампу и съ любезностью ресторяннаго лакея спросилъ:

— Прикажете самоварчикъ раньше-съ или сразу обѣдать?

— Давайте самоваръ.

— Сію минуту, готовъ давно-съ,—обязательно проговорилъ онъ и старческой походкой суетливо зашагалъ къ двери, но, проходя мимо Янкеля, сердитымъ шепотомъ пробурчалъ:

— А ты чего здѣсь? Что надо, кто звалъ? Ступай прочь сію минуту, безсовѣстный какой... Баринъ съ дороги отдохнуть желаютъ, а онъ влѣзъ...

Янкель робко взглянулъ на меня и сказалъ, оправдываясь:

— Я думалъ, можетъ быть, барину что̀ потребуется, можетъ, послать куда, или что, такъ я зашелъ...

— Да, да, мнѣ дѣйствительно надо на почту послать кого-нибудь.

— Мы, баринъ, сами вамъ услужимъ, все, что̀ потребуется-съ, извольте только приказать... А ты ступай, ступай! Экій народъ назойливый!

Янкель, однако, не уходилъ, а только нерѣшительно переминался съ ноги на ногу. Иванюха сердито взглянулъ на него, но счелъ, повидимому, неприличнымъ продолжать свои пререканія въ то время, какъ «баринъ» ждетъ самовара, и вышелъ.

Янкель тотчасъ же приблизился ко мнѣ и, просительно склонивъ голову на бокъ, проговорилъ:

— Баринъ, можетъ, вамъ дѣйствительно что-нибудь надо, такъ вы, будьте такіе добрые, поручите мнѣ, нехай я зароботаю какую копѣйку: я бѣдный мастеровой, у меня семеро дѣтей... А Иванюхѣ прямо скажите, что вы *меня* желаете, какое ему дѣло?...

Видъ Янкеля былъ такъ жалокъ, что я согласился немедленно же. Между тѣмъ вошелъ Иванюха съ самоваромъ и опять сурово и строго взглянулъ на Янкеля. Но Янкель, за минуту робкій и покорный, теперь стоялъ, такъ сказать, съ поднятой головой и глядѣлъ на Иванюху съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ и презрительнымъ равнодушіемъ, что я не могъ подавить невольной улыбки.

— Я тебѣ что сказалъ?—строго обратился къ еврею Иванюха.—

Ступай, тебѣ говорятъ прочь, а то вѣдь я и по воротнику!... у меня живо!.

— Что значитъ—ты по воротнику?—сухо спросилъ Янкель.—А если я барину нуженъ, если баринъ меня посылаетъ на почту—такъ какое твое дѣло?

Иванюха взглянулъ на меня и съ прежней любезностью ресторанаго лакея сладкимъ тономъ предложилъ:

— Да если послать куда потребуется, такъ у меня, баринъ, мальчишка имѣется, онъ единымъ духомъ...

— Что значитъ—у тебя есть мальчишка? А если баринъ не желаетъ твоего мальчишку?.. И къ чему барину твой мальчишка, когда тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ, что баринъ желаетъ меня? Барину вовсе безъ надобности твой мальчишка...

Чтобы прервать этотъ разговоръ, я постарался перемѣнить предметъ бесѣды и, выждавъ паузу, спросилъ у старичка, чѣмъ онъ занимается.

Стоя у порога, старичокъ, при моемъ вопросѣ, съ достоинствомъ заложилъ руку за бортъ своей заячьей шубки и съ затаенной гордостью отвѣчалъ, что занимается онъ «практикой».

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось, что онъ дѣйствительно занимается медициной и занимается только на томъ основаніи, что самъ онъ тридцать лѣтъ былъ боленъ ревматизмомъ.

— Я больше, какъ тридцать годовъ лѣчусь. Съ молодыхъ лѣтъ, еще когда я въ Петербургѣ съ бариномъ своимъ былъ, получилъ я ревматизмъ и вотъ ужъ годовъ тридцать возжаюсь съ нимъ. Такъ я теперь самъ исдѣлался вродѣ какъ докторъ, вѣрное слово! Ужъ столько я всякихъ средствъ перепробовалъ, что можно такъ сказать не хуже всякаго аптекаря дѣло понимаю... Такъ вотъ, ко мнѣ народъ и идетъ, лѣчится у меня. Этта, напримѣръ, когда у насъ въ мѣстечкѣ храмъ, али ярмарка, такъ народу набьется полная хата: тотъ на зубы жалуется, тотъ на животъ, иной желаетъ отворить кровь, иной ревматизмъ въ себѣ имѣетъ—ну и пособляешь по силѣ возможности, у меня тутъ вродѣ какъ клиникъ Вилье, напримѣръ, хе-хе...

Иванюха говорилъ долго и съ видимымъ удовольствіемъ, подробно останавливался на выдающихся случаяхъ изъ своей практики, когда ему удавалось исцѣлять людей отъ упорныхъ, застарѣлыхъ болѣзней, которыхъ не могли осилить даже столичные доктора.

Въ концѣ-концовъ старикашка такъ расхвастался, что мнѣ сдѣлалось очень стыдно, и чтобъ остановить его вранье, я прервалъ его вопросомъ:

— А гдѣ же вы берете лѣкарства?

— Лѣкарства? Которыя самъ приготовляю, а которыя изъ аптеки выписываю. Вотъ у меня сколько травъ собрано!—Иванюха указалъ рукой на стѣны комнаты, которыя были увѣшаны связками дубовыхъ

листьевъ и многочисленными пучками травъ, названія которыхъ были мнѣ неизвѣстны.

— Вотъ эти у меня для женскаго пола, на случай, если послѣ родовъ не все въ аккуратѣ у женщины, а вотъ эти для мужского, эти для дѣтскаго пола, всякому разные... непремѣнно-съ... всякому свое и по болѣзни глядя—зря тоже нельзя пичкать людей, осторожность большая требуется.

Пока мы такимъ образомъ говорили и Иванюха посвящалъ меня въ тайны своего ремесла, пришелъ Янкель и объявилъ, что писемъ на мое имя нѣтъ.

— Да ты толкомъ ли справился? Вѣдь ты и совсѣмъ мастеръ. Чтобы баринъ послалъ моего мальчишку...

Но замѣчаніе Иванюхи пропало даромъ: Янкель не удостоилъ его даже отвѣтомъ и подалъ мнѣ записку отъ почтоваго чиновника съ увѣдомленіемъ, что писемъ на мое имя нѣтъ.

На этотъ разъ Иванюха былъ посрамленъ и, почувствовавъ это, поспѣшилъ выйти изъ комнаты.

Проснулся я рано, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, была кучка людей, преимущественно евреевъ, стоявшихъ у меня подъ окнами. Первоначально я было даже встревожился, предположивъ, что произошло что-нибудь недоброе и во всякомъ случаѣ чрезвычайное, но минуту спустя понялъ, что особенно ровно ничего не случилось и собравшіеся явились ко мнѣ подъ окна единственно изъ любопытства, изъ желанія посмотрѣть на новаго человѣка. Къ удивленію своему, въ числѣ зрителей я замѣтилъ не мало взрослыхъ и даже пожилыхъ мужчинъ и женщинъ, хотя ребятишки все-таки преобладали, и по числу, и по силѣ любопытства: одинъ изъ нихъ, еврейчикъ лѣтъ 12-ти, совсѣмъ прижался лицомъ къ стеклу, отчего носъ и губы его уродливо и смѣшно приплюснулись и побѣлѣли.

Увидѣвъ, что я открылъ глаза, зрители нѣсколько попятились, приплюснутый носъ мальчишки отпрянулъ отъ стекла, но никто, однако, не думалъ уходить совсѣмъ и по всему было видно, что съ моимъ пробужденіемъ любопытство зрителей только возросло. Я отлично видѣлъ, что всякій мой жестъ, всякое движеніе были предметомъ живѣйшаго вниманія, закурю ли я папиросу—въ толпѣ переглядыванье, улыбки; перевернусь ли на другой бокъ — опять перешептыванье, смѣхъ и самый живой обмѣнъ мыслей на эту интересную тему.

Время шло, а толпа все не расходилась и я съ неудовольствіемъ подумалъ, что остается или разогнать этихъ зрителей, или вставать и одѣваться, такъ сказать, всенародно, на глазахъ у всѣхъ.

Я хотѣлъ-было ужъ кликнуть хозяина, чтобы съ его помощью отдѣлаться отъ назойливаго любопытства зѣвакъ, но замѣтилъ въ толпѣ движеніе: откуда ни возьмись, появился Янкель и съ крикомъ и

бранью врѣзался въ толпу. Всѣ отпрянули прочь, и одинъ только прилипшій къ стеклу мальчишка не успѣлъ ретироваться вò-время и ухо его очутилось въ жесткой рукѣ Янкеля. Долго и съ какимъ-то остервенѣніемъ терзалъ онъ это злополучное ухо, пока несчастному мальчугану не удалось, наконецъ, вырваться. Но и послѣ того Янкель успокоился не сразу и, стоя посреди улицы, ожесточенно потрясалъ въ воздухѣ кулакомъ и быстро бормоталъ что-то по-еврейски вслѣдъ удалявшимся зрителямъ. По тону его негодующаго голоса я понялъ, что это было «поношеніе и укоризна».

Разогнавъ толпу и успокоившись, Янкель приблизился къ моему окну, приложивъ руку козырькомъ, пристально посмотрѣлъ на меня и, замѣтивъ, что я не сплю, вошелъ черезъ минуту въ комнату.

— Нѣтъ, что́ вы скажете на эти прохвосты? Доброе утро, баринъ!— возбужденнымъ тономъ началъ Янкель.—Божже мой, какой народъ!— приподнявъ плечи, негодовалъ онъ.—Не имѣть въ себѣ настолько совѣсти, чтобы лѣзть прямо съ мордой въ окно, когда человѣкъ спитъ— это же чортъ знаетъ какое идьётство!

Однако видя, что я не раздѣляю его негодованія, Янкель понемногу успокоился, тѣмъ болѣе, что я перевелъ разговоръ на дѣловую почву и надавалъ ему цѣлый ворохъ порученій. Прежде всего я хотѣлъ сшить себѣ тулупъ, такъ какъ зима была совсѣмъ на носу.

— Скажите, Янкель, вы не портной?..

— Нѣтъ, баринъ, а что? Мои дочки могутъ шить все, что завгодно.

— А тулупъ могутъ сшить?

— Отчего же? Понятно...

— Ну, и чудесно. Такъ я теперь одѣнусь, а потомъ давайте снимать мѣрку и все прочее.

Эти простыя слова мои подѣйствовали на Янкеля такъ сильно, что я былъ просто изумленъ. Онъ вдругъ началъ меня благодарить и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, съ такимъ чувствомъ, что я просто диву дался—даже голосъ его задрожалъ. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть, чтобы на человѣка такъ дѣйствовала одна только возможность получить работу, при неизвѣстности даже цѣны за нее.

— Да вы что такъ обрадовались, Янкель? Вы сами-то чѣмъ занимаетесь?..

Янкель, видимо затруднился отвѣтомъ.

— Чѣмъ занимаюсь?.. Такъ себѣ... мимоходомъ... Прежде, когда я жилъ еще въ N, такъ я былъ жестянникомъ, ну а послѣ «осѣдлости», когда эта самая осѣдлость выбросила меня изъ моего гнѣзда и послала въ это мѣстечко, такъ я теперь... я самъ не знаю, кто я... Прямо надо такъ сказать, что я теперь—никто.

— Это какже? Развѣ теперь вы не жестянникъ?

— Я теперь — никто! — категорически повторилъ Янкель, видимо довольный, что напалъ, наконецъ, на настоящее слово.—Я былъ же-

стянникъ раньше, а теперь я — никто. Вы, баринъ, сами посудите: какой можетъ быть жестянникъ въ Золотополѣ? Это же смѣшно! Что здѣсь жестянникъ можетъ дѣлать? Если бы еще я былъ одинъ на все мѣстечко—другое дѣло, а то здѣсь вѣдь жестянниковъ какъ собакъ, извините, и всѣ не имѣютъ что кушать, всѣ безъ работы.. Какая тутъ работа? Въ мѣсяцъ, можетъ быть, придется запаять одинъ чайникъ или починить кружку или ведро тамъ — ну, развѣ изъ этого можно кушать хлѣбъ человѣку, у котораго семеро дѣтей? Изъ этого можно только пойти на тотъ свѣтъ, но жить невозможно.

— Такъ чѣмъ же въ сущности вы теперь занимаетесь?

Янкель развелъ руками.

— Право, баринъ, это трудно сказать... На конецъ того дѣла такъ я самъ не знаю, накажи меня Богъ... Больше все бѣгаешь, цѣлый день бѣгаешь, какъ скаженный *). Какъ только солнышко покажется, такъ уже и начинаешь!.. Куда только не запускаешь свой носъ, какъ только не выкручиваешься, за что только не хватаешься!.. Право, съ тѣхъ поръ, какъ я мастерства своего рѣшился и потерялъ кусочекъ хлѣба—мнѣ все кажется, что я не живу, а бѣгаю на пожарѣ, ей-Богу! Какъ будто бы каждый день у меня бываетъ пожаръ, накажи меня Богъ... Ахъ, осѣдлость, осѣдлость! Сколько, баринъ, еврейскихъ слезъ вылилось на эту осѣдлость, такъ это и подумать трудно! Вотъ взять хоть бы меня. Жилъ я себѣ въ N преотлично, никогда я не зналъ, что значитъ *«нечего кушать»*, что значитъ голодныя дѣти — все у меня было какъ слѣдуетъ: самъ я себѣ жестянникъ и старшій сынокъ мой возлѣ меня мастерству учится, помогаетъ; двѣ дочки тоже не гуляютъ, работаютъ — одна на папиросной фабрикѣ 12 рублей въ мѣсяцъ получала, другая шила, — дома шила, но все-таки рублей 5 — 6 въ мѣсяцъ, доставала... Тоже и она могла бы, конечно, работать на фабрикѣ, но она, знаете, имѣетъ очень красивое лицо и черезъ это нельзя было — всякій пристаетъ, знаете, такъ я ее не пускалъ, — нехай, думаю, лучше сидитъ дома, что же дѣлать. Да, баринъ, въ N всѣ мы работали и жили прекрасно, все у насъ есть, ничего намъ не надо — одежда, кушанье, квартира, однимъ словомъ, все. И вдругъ осѣдлость! Выскочила какъ изъ пушки и перекинула все вверхъ ногами. Все пропало!.. Все мое семейство попалось въ капканъ, всѣ до одного человѣка: я не имѣю работы, дочки тоже потеряли работу, а сына надо было перевернуть изъ жестянниковъ въ кузнецы, чтобы онъ хоть когда-нибудь имѣлъ кусокъ хлѣба.

Намъ принесли кофе. Иванюхина жена, толстѣйшая баба, фигурой замѣчательно похожая на просфору, щекастая, съ мутными глазами околѣвающаго осетра и съ пухлыми, архіерейскими руками принесла кофейникъ, поставила на столъ, низко поклонилась и вышла изъ ком-

*) Малоросс. — бѣшенный.

наты, ступая грузно и тяжело, какъ ступаютъ перекормленныя свиньи. Янкель посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, поматывая головой, шопотомъ проговорилъ:

— Божже мой, сколько говядины на этой бабѣ—замѣтили, баринъ? А впрочемъ, что же, почему же нѣтъ? Она себѣ вовсе кушаетъ и спитъ, кушаетъ и спитъ—такъ отчего же ей въ такомъ случаѣ не имѣть на себѣ 10 пудовъ мяса? Она, можетъ, и сама уже не рада, можетъ быть, Богу молится, чтобы хоть три пуда съ себя скинуть—тяжело вѣдь...—И вдругъ, лукаво улыбнувшись, Янкель присовокупилъ:—А знаете, баринъ, я бы взялся сдѣлать ей такъ, чтобы она въ три мѣсяца сдѣлалась худая, какъ щепка, хи-хи... Знаете какъ?

— Какъ?

— Очень просто: я бы больше ничего не дѣлалъ, какъ только вдарилъ бы ее осѣдлостью, ничего больше, кромѣ одной еврейской осѣдлости—и она черезъ три мѣсяца была бы тонкая, какъ сушеная рыба. Ахъ, накажи меня Богъ, ей бы таки необходимо залѣзть въ еврейскую шкуру, но такъ, чтобы уполнѣ, какъ евреи, чтобы, напримѣръ, если ты захочешь жить здѣсь, такъ тебѣ говорили: нѣтъ, извините, нельзя! Если захочешь жить тамъ—тоже: извините, нельзя; если захочешь заниматься своимъ дѣломъ — опять: извините нельзя, если желаешь поступить на службу — еще разъ извините; если желаешь учить своихъ дѣтей — опять извините, и такъ, чтобы всегда, чтобы вся твоя жизнь была больше ничего, какъ одно агромадное «извините», и чтобы первое слово, которое ты услышишь, когда родишься, было—«извините», и послѣднее, когда будешь умирать—тоже «извините». О, накажи меня Богъ, тогда бы эта жирная баба была такая худенькая, что ее можно было бы продѣть въ иголку, какъ нитку, все равно, чтобъ я такъ жилъ!..

Поздно вечеромъ я уѣхалъ изъ мѣстечка, совсѣмъ по дружески распростившись съ Янкелемъ и со всѣмъ его многочисленнымъ семействомъ.

А. Яблоновскій.

* * *

Осенній день, дождливый и ненастный...
Какъ тѣни, тянутся тоскливо облака.
Между деревъ какой-то шумъ неясный.
Сердито хмурится и пѣнится рѣка.

Поблекшихъ желтыхъ листьевъ вереницы
Ползутъ, крутясь надъ дряхлою землей.
Несутся стаями испуганныя птицы.
Нависъ туманъ и слышенъ вѣтра вой.

Ненастный день... Мнѣ тяжело и больно...
Мнѣ жаль цвѣтовъ, мнѣ жаль весеннихъ грозъ,
Родныхъ полей, гдѣ было такъ привольно,
Мнѣ жаль моихъ погибшихъ юныхъ грезъ.

Сегодня мысль моя опять тоскуетъ
И грудь моя измучена опять:
Сегодня черный воронъ тамъ ночуетъ,—
Онъ будетъ сердце бѣдное терзать.

С. Яхонтовъ.

ФРИДРИХЪ НИЦШЕ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ.

(Критико-біографическій очеркъ **Людвика Штейна**).

Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Бердяева.**

«Unter Umständen vergiftet eine solche aus Fäulniz gewachsene Giftbaumvegetation mit ihrem Dunste weit hin, auf Jahrtausende hin, *das Leben*...» *). (Nietzsche, Götzendämmerung s. 101).

I.

Прототипъ ницшеанства.

Неоцинизмъ Ницше, повидимому, стремится стать въ настоящее время моднымъ философскимъ лозунгомъ. Исторія человѣческаго духа показываетъ намъ на безчисленныхъ примѣрахъ, что всегда и повсюду, гдѣ только творческой силѣ философіи грозитъ опасность изсякнуть, гдѣ начинаютъ исчезать геніи, способные къ созданію философскихъ системъ,—тамъ обыкновенно возобновляется прежняя система мышленія, воскресаетъ прежній мнимо-умершій методъ философскаго разсужденія. Такъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ университетахъ Англіи, отечества Милля и Спенсера, начинаетъ сильно шевелится неогегеліянство, а въ отдѣльныхъ университетахъ Германіи, послѣ побѣды надъ нео-кантіанствомъ, мы видимъ первые признаки нео-фихтеанскаго движенія. Напротивъ того, молодая нѣмецкая литературная братія, которая уже съ половины нынѣшняго столѣтія постоянно обладаетъ своимъ оригинальнымъ философскимъ направленіемъ, обыкновенно противоположнымъ господствующему направленію катедеръ-философіи, готовится возвести на модный философскій престолъ, занимаемый раньше Бюхнеромъ и Молешоттомъ, затѣмъ довольно долго Шопенгауэеромъ, наконецъ Гартманомъ,—нео-цинизмъ Фридриха Ницше.

---

*) «При благопріятныхъ обстоятельствахъ такая ядовитая растительность, обязанная своимъ происхожденіемъ процессамъ разложенія, далеко распространяетъ свои зловредныя испаренія, отравляя *жизнь* на цѣлыя тысячелѣтія...»

Конечно, по моему адресу направится не мало колкостей со стороны правовѣрныхъ и вслѣдствіе той же правовѣрности нетерпимыхъ сторонниковъ Ницше за то, что я осмѣлился окрестить его, какъ философа, именемъ нео-циника. Будутъ издѣваться надъ патентованною мудростью историка философіи, который не трактуетъ столь оригинальной философской индивидуальности Ницше, какъ «hominem sui generis», не ставитъ его, такъ сказать, «hors concours» въ интеллектуальномъ отношеніи, а укладываетъ въ прокрустово ложе школьной терминологіи и опредѣляетъ лишь къ одному изъ родовъ оружія большой философской арміи. Я съумѣю перенести эти насмѣшки со стороны поклонниковъ Ницше, тѣмъ болѣе, что психологически онѣ вполнѣ объяснимы и именно потому извинительны. Каждый убѣжденный приверженецъ какой бы то ни было выдающейся личности—будь онъ основателемъ новой религіи или вообще мыслителемъ—долженъ считать своихъ героевъ единственными въ своемъ родѣ и несравнимыми въ ихъ величіи. Съ моментомъ, когда начинается сравненіе ихъ съ другими, исчезаетъ имѣвшее мѣсто раньше обоготвореніе; то, что перестаетъ быть единственнымъ въ своемъ родѣ, не можетъ быть болѣе предметомъ поклоненія. Такъ, напр., если только правовѣрные какой-либо церкви начнутъ изслѣдовать различныя религіи, сравнивая ихъ другъ съ другомъ, то, навѣрное, скоро перестанутъ вѣрить и въ свою собственную.

Однако, при изслѣдованіи исторіи человѣческаго духа, что составляетъ предметъ исторіи философіи, нельзя примѣнять другого метода, кромѣ именно сравнительнаго. И тогда оказывается, что даже самый большой геній не является лишь простымъ продуктомъ исключительно своего времени, какъ этого хочетъ ученіе объ общественной средѣ, а скорѣе продуктомъ суммирующейся со временемъ умственной работы всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Все, что до сихъ поръ было предметомъ поклоненія, потеряло съ теченіемъ времени свое исключительное положеніе именно потому, что постепенно подвергалось сравнительному изученію.

Мы не только не будемъ оспаривать того, что Ницше, какъ афористъ, геніаленъ, но, напротивъ, докажемъ это. Но зато мы постараемся опровергнуть, какъ страшный самообманъ, тотъ фактъ, будто бы мысль его идетъ непремѣнно оригинальными, прежде никому неизвѣстными путями, какъ это часто онъ самъ нахально провозглашаетъ, а за нимъ съ глубокою вѣрою повторяютъ его приверженцы *). Главная задача философіи Ницше, переоцѣнка всѣхъ этическихъ цѣнностей, почти такъ же стара, какъ и сама западная философія. Первыми полусознательными выразителями этой идеи были въ Греціи софисты, а первымъ

*) Ограничусь однимъ только примѣромъ: Д-ръ Максъ Цербстъ, одинъ изъ ницшеанцевъ, говоритъ въ своей брошюрѣ (Dr. Max Zerbst «Nein und Ja». Leipzig. 1892), на стр. 2-й: «Я томился въ поискахъ новаго божества!.. я его нашелъ—въ лицѣ Фридриха Ницше».

вполнѣ сознательнымъ критикомъ моральныхъ цѣнностей былъ циникъ Антисѳенъ.

Антисѳенъ, Эпиктетъ, Агриппа изъ Неттесгейма и Руссо надолго предупредили Ницше въ этой основной мысли объ устраненіи господствующихъ этическихъ и культурныхъ идеаловъ и замѣщеніи ихъ возвращеніемъ къ непорочному природному состоянію. Прототипъ извѣстнаго призыва Руссо къ возвращенію на лоно природы мы находимъ еще у циниковъ, впервые высказавшихъ положеніе, что мудрецъ долженъ отказаться отъ всѣхъ искусственныхъ потребностей культуры, дабы жить «согласно природѣ» (κατὰ φύσιν) (Діогенъ Лаэртъ, VI, 71). Мысль эта отъ циниковъ заимствована стоиками, мѣтко формулировавшими ее въ популярномъ афоризмѣ. Отъ стоиковъ, среди которыхъ особенно усердно клялся этой формулой прежній рабъ Эпиктетъ, перенялъ ее, вѣроятно, Руссо—быть можетъ, еще при посредничествѣ французскаго скептика Петра Шаррона *). Самъ Ницше, несмотря на всю свою антипатію къ Руссо, очевидно, чувствовалъ, что его міровоззрѣніе исторически вяжется съ міровоззрѣніемъ только что названныхъ противниковъ культуры; въ одномъ мѣстѣ мы у него читаемъ слѣдующее («Götzendämmerung», стр. 124): «И я тоже говорю о возвращеніи на лоно природы, но это собственно не представляетъ регресса, а скорѣе *прогрессъ*—прогрессивное приближеніе къ великой, свободной, грозной природѣ и естественному состоянію».

Такой же *прогрессъ* и такое же приближеніе къ высшимъ ступенямъ благополучія подразумѣвались, конечно, и въ цинико-стоической формулѣ въ той же мѣрѣ, какъ и въ лозунгѣ Руссо о «возвращеніи на лоно природы». Только каждый изъ нихъ понималъ иначе это слово: «Природа», толкуя его, конечно, всегда согласно своей *собственной* природѣ. По мнѣнію циниковъ и стоиковъ, слово: «Природа», или «естественное состояніе», обозначаетъ отсутствіе всѣхъ потребностей, *свободу* природнаго состоянія въ противоположность безчисленнымъ требованіямъ культуры, направляющей и стѣсняющей всѣ человѣческія дѣйствія согласно современнымъ установившимся нормамъ, а потому тормозящей проявленія всего индивидуальнаго. Руссо, употребляя эти слова, имѣлъ въ виду *равенство* всѣхъ людей, что въ продолженіе всей жизни было его великой завѣтной мечтой, ею проникнуты всѣ его размышленія, и осуществленіе ея онъ считалъ наиболѣе возможнымъ именно при этомъ природномъ состояніи. Наконецъ, для Ницше, самаго утонченнаго гедоника **), самаго необузданнаго теоретическаго поборника наслажденій, какой когда-либо являлся среди писателей и рѣшался, какъ бы шутя и даже съ явнымъ наслажденіемъ, раскрывать во всей на-

*) Какъ это я раньше показалъ въ своемъ «Архивѣ по исторіи философіи» («Archiv für Geschichte der Philosophie»), т. VI, стр. 563.

**) Послѣдователя того ученія, что наслажденія, преимущественно тѣлесныя, составляютъ высшее благо. Основателемъ этой школы былъ Аристиппъ изъ Кирены.

готѣ то, что до сихъ поръ лежало скрытымъ на самомъ днѣ души такихъ развѣ великихъ, типичныхъ преступниковъ, какъ Цезарь Борджіа,—для Ницше «природное состояніе» равнозначно съ бурными чувственными удовольствіями, съ вакхическимъ веселіемъ, съ тѣми невоздержанными оргіями, какія своимъ постепеннымъ развитіемъ обязаны культу Діонисія въ Греціи.

Пусть читателю не кажется страннымъ, что здѣсь я называю Ницше гедоникомъ: *стремясь къ цѣлямъ гедониковъ, онъ пользуется средствами циниковъ*. Въ негативной части своего ученія, гдѣ онъ безпощадно бичуетъ и опровергаетъ всѣ существующія этическія цѣнности, гдѣ съ дерзкою послѣдовательностью и безчеловѣчною яростью кроваво хлещетъ и разрушаетъ *всѣ* наши культурные идеалы, онъ является полнымъ циникомъ и уступаетъ Діогену, этому популярному типу древнихъ циниковъ, не въ строгой послѣдовательности, а въ подкупающей своею наивностью невозмутимости. Зато въ своихъ позитивныхъ цѣляхъ, т. е. въ тѣхъ новыхъ этическихъ цѣнностяхъ, которыя онъ хочетъ помѣстить на мѣсто старыхъ, мнимо имъ разрушенныхъ, онъ является гедоникомъ, предъ которымъ блѣднѣетъ Аристиппъ со своими невинными сравнительно и нѣсколько грубыми понятіями объ удовольствіяхъ и изъ рукъ котораго этотъ принципъ наслажденій вышелъ утонченнымъ до крайности

Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно опаснымъ я считаю только неоцинизмъ Ницше, а вовсе не его гедонизмъ. То, что современному гнилому, нежизнерадостному поколѣнію, лишенному, благодаря пессимизму Шопенгауэра и Гартмана, всякой жизненной энергіи, преподносится, какъ противоядіе, порядочная доза пѣнящагося нектара, приготовленнаго по заимствованному у Вакха рецепту Ницше, я считаю резоннымъ и благотворнымъ. Мы сильно нуждаемся въ здоровой реакціи вновь пробуждающейся жизнерадостности противъ буддизма Шопенгауэра, разслабляющаго свѣжія жизненныя силы нашего юношества. Такимъ образомъ Ницше—гедоникъ, несмотря на все преувеличеніе и извращеніе самого принципа, не представляетъ для насъ явленія нежелательнаго, какъ соратникъ противъ отравляющаго жизнь пессимизма, тѣмъ болѣе, что конечный идеалъ его гедонизма, будущій «Uebermensch», можетъ найти свое осуществленіе развѣ въ какомъ-нибудь заоблачномъ царствѣ.

Однако тѣмъ тревожнѣе опасенія, возбуждаемыя нео-цинизмомъ Ницше. Во-первыхъ, въ немъ мы находимъ систему, а во-вторыхъ, онъ является симптомомъ, характернымъ для психики современнаго общества. Такъ какъ вообще нигдѣ не бываетъ случайностей, а въ духовномъ развитіи культурнаго человѣчества и подавно, то и одновременнаго появленія на сценѣ Ницше и Толстого вовсе нельзя считать явленіемъ случайнымъ. Исходя изъ противоположныхъ основаній и стремясь къ противоположнымъ цѣлямъ, Ницше и Толстой согласны съ собою въ томъ основномъ пунктѣ, что оба одинаково *отрицаютъ современную ци-*

вилизацію и обращаются къ намъ со своимъ роковымъ призывомъ: «назадъ!». Роковой характеръ этого явленія заключается не въ томъ, что оба эти автора вообще высказываютъ свои глубоко реакціонные принципы, а гораздо болѣе въ томъ, что это находитъ откликъ въ сердцахъ десятковъ тысячъ пылкихъ мечтателей. особенно же, что тысячи образованныхъ людей позволяютъ обманчивой реторикѣ этихъ господъ вовлечь себя въ этотъ ретроградный круговоротъ мыслей. Вотъ тѣ возбуждающіе опасенія признаки, которыхъ не можетъ игнорировать всякій другъ цивилизаціи, а тѣмъ болѣе философъ. Профессіональная философія надѣлала уже много бѣды своимъ упорнымъ игнорированіемъ явленій текущаго дня. Та же философія должна по отношенію къ такимъ современнымъ звѣздамъ, какъ Ницше и Толстой, занять заблаговременно опредѣленное положеніе, прежде чѣмъ подозрительныя и, какъ увидимъ дальше, полныя противорѣчій ученія этихъ господъ загнѣздятся въ сознаніи большого круга образованныхъ людей. Шопенгауэръ, напр., никогда не надѣлалъ бы столько бѣды, если бы профессіональная философія во-время выступила противъ *нѣкоторыхъ* изъ его пагубныхъ ученій, а не была лишь вынуждена неослабною симпатіей образованныхъ профановъ занять по отношенію къ нему опредѣленное положеніе и не отстала со своимъ мнѣніемъ о томъ, что давнымъ-давно уже было одобрено интеллигенціей. Катедеръ-философія должна заняться изученіемъ Ницше не только потому, что онъ философъ, но еще потому, что его появленіе имѣетъ нѣкоторый *симптоматическій* характеръ, что онъ далъ опьяняющую формулировку тому пресыщенію цивилизаціей, которое чувствуется инстинктивно многими образованными людьми, что онъ вотъ-вотъ готовъ сдѣлаться современнымъ героемъ въ философіи, модньмъ философомъ.

Нѣкоторое пресыщеніе цивилизаціей обыкновенно всегда сопутствуетъ всякой цвѣтущей эпохѣ, какъ это доказываютъ примѣры циниковъ для греческой культуры, Эпиктета для греко-римской, Агриппы изъ Неттесгейма для эпохи возрожденія и Руссо для цивилизаціи XVIII столѣтія. Послѣ эпохи Перикла является первый циникъ Антисѳенъ, послѣ Юлія Цезаря и гордаго могущества римской имперіи—Эпиктетъ, послѣ блестящей эпохи возрожденія *) и нѣмецкаго гуманизма — Агриппа изъ Неттесгейма со своимъ трактатомъ: «de incertitudine et vanitate omnium scientiarum et artium» («о недостовѣрности и тщетѣ всякаго знанія и науки»), послѣ эпохи Вольтера—Руссо, наконецъ, послѣ эпохи Дарвина—Ницше и Толстой. Правильное повтореніе подобнаго явленія позволяетъ сдѣлать заключеніе о необходимой закономѣрности, которая,

*) И эпоха возрожденія у арабовъ показываетъ намъ аналогичное явленіе. Послѣ золотого періода арабской культуры во время царствованія Абассидовъ, слѣдовалъ философъ-скептикъ Al Ghazzâli, который въ своемъ сочиненіи «Tahâfut-al-falâsifa» (destructio philosophorum) возстаетъ съ такимъ же цинизмомъ, какъ позже Агриппа изъ Неттесгейма, противъ всякой философіи и утонченной цивилизаціи

впрочемъ, легко можетъ быть объяснена психологически. Именно, когда цивилизація идетъ впередъ слишкомъ быстрыми шагами, такъ что современное поколѣніе съ трудомъ лишь поспѣваетъ за этими успѣхами и не въ состояніи безъ всякой передышки все это перенять и въ себѣ переработать, тогда появляется общая досада, чувство умственнаго отягощенія и пресыщенія цивилизаціей. Тогда часто чувствуется потребность въ нѣкоторомъ отдыхѣ, облегченіи. Благодаря такимъ настроеніямъ народнаго духа, періодически появляются типичные противники цивилизаціи, писатели, дающіе лишь удачную формулировку тому неудовольствію отъ избытка культуры, которое инстинктивно и полусознательно чувствуется уже цѣлыми тысячами людей.

Ницше выразилъ подобное скрытое пресыщеніе цивилизаціей, развитое еще прежнимъ пессимистическимъ направленіемъ (послѣднее было первымъ его выраженіемъ), не только въ удачной, но даже въ очаровательной и соблазнительной формѣ. Рѣчь Ницше дышитъ поэзіей, ласкающей ваши чувства, отуманиваетъ и ошеломляетъ въ первый моментъ вашъ умъ, и лишь нѣкоторое время спустя къ вамъ возвращается сознаніе и вы спрашиваете себя, какъ можно было хотя бы одно мгновеніе серьезно относиться къ такимъ сумасброднымъ, преходящимъ границы здраваго смысла идеямъ.

Опасность Ницше заключается именно въ чарующей, волшебной прелести его рѣчи. Стоитъ лишь сдернуть съ его философскихъ идей ихъ воздушное, поэтическое покрывало и онѣ сдѣлаются совершенно безвредными, ибо тогда станетъ виденъ слишкомъ ясно ихъ утопическій характеръ. Но въ той тонкой стилистической отдѣлкѣ, въ какой онъ предлагаетъ свои парадоксы, послѣдніе дѣйствуютъ гипнотизирующимъ образомъ. Ницше—это, такъ сказать, литературный динамитчикъ. Большинство его афоризмовъ—это положительныя бомбы, которыми онъ старается, къ счастью до сихъ поръ безрезультатно, взорвать на воздухъ всю нашу цивилизацію, всѣ наши религіозные, этическіе и политическіе идеалы. И едва-ли наша культура обладаетъ гдѣ-нибудь такимъ скрытымъ уголкомъ, куда бы еще Ницше не успѣлъ положить одной изъ своихъ бомбъ. Съ истиннымъ искусствомъ разыскиваетъ онъ всякую partie honteuse нашей цивилизаціи, чтобы затѣмъ изобразить ее во всей ея наготѣ, и притомъ въ каррикатурѣ, со свойственнымъ ему отвратительнымъ цинизмомъ. Однако, не только страсть Ницше рыться съ дьявольскимъ наслажденіемъ именно въ самой грязи нашей культуры напоминаетъ намъ во всѣхъ отношеніяхъ древній цинизмъ какого-нибудь Антисѳена, а въ особенности талантливаго афориста Діогена,—нѣтъ, точно также значительная часть его основныхъ мыслей, равнымъ образомъ критически-отрицательныхъ, какъ и положительно творческихъ, обнаруживаютъ болѣе чѣмъ простое и случайное сходство съ основными принципами древнихъ циниковъ.

Не даромъ Ницше въ своемъ первомъ филологическомъ сочиненіи

большого достоинства («Beiträge zur Quellenkunde und Kritik des Laërtiers Diogenes», Bazel 1870; стр. 28 ff.) занялся изученіемъ цинизма. У циниковъ научился онъ многому, притомъ не только какъ филологъ. Подобно циникамъ Ницше, какъ увидимъ дальше, убѣжденный сенсуалистъ и номиналистъ. И если также его теорія познанія обнаруживаетъ осязательную шаткость и даже скрываетъ въ себѣ замѣтныя противорѣчія, то и въ этомъ отношеніи онъ находится въ духовномъ родствѣ съ Антисѳеномъ, который разъ отрицаетъ возможность всякаго знанія, а другой разъ самъ въ 4-хъ книгахъ трактуетъ «о разницѣ между знаніемъ (Wissen) и мнѣніемъ (Meinen)». И этика Ницше такъ же имѣетъ въ виду человѣческое счастіе, какъ и этика циниковъ и вообще какъ всѣ системы морали, если только мы станемъ въ нихъ доискиваться до самыхъ основаній. Пусть онъ себѣ разражается громами противъ всякаго эвдемонизма, противъ всякой утилитарной морали, а все-таки и *его* конечныя этическія цѣли, если только можно доискиваться у него чего-нибудь подобнаго, заключаются въ концѣ концовъ въ блаженствѣ. Только циники видѣли блаженство въ добродѣтели, которая, по ихъ мнѣнію, требовала отсутствія всякихъ потребностей, тогда какъ Ницше видитъ конечную цѣль всего человѣческаго развитія въ неограниченномъ разцвѣтѣ избытка силъ, въ бурной веселой жизни немногихъ избранныхъ «Uebermensch»'евъ, «Философовъ будущаго» («Zukunftsphilosophen), «Европейцевъ послѣзавтрашняго дня» («Europäer von Uebermorgen»).

Мало этого. «Аристократическій радикализмъ», какъ удачно назвалъ Георгъ Брандесъ міровоззрѣніе Ницше («Deutsche Rundschau», 1890, т. LXIII, стр. 52), былъ уже ясно и точно выраженъ въ ученіи циниковъ. Всякій циникъ, не смотря на всѣ свои демократическія и космополитическія ухватки, не менѣе Ницше презираетъ народную массу. Человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова можетъ быть только мудрецъ-циникъ, остальная часть человѣчества едва лишь немногимъ стоитъ выше животныхъ. Этотъ мудрецъ-циникъ является во всѣхъ отношеніяхъ прототипомъ «будущаго философа» и «Европейца послѣзавтрашняго дня». У Целлера («Philosophie der Griechen» II, 3, 267) мы находимъ слѣдующее описаніе: «Мудрецъ (циникъ) не терпитъ ни въ чемъ недостатка, *такъ какъ ему принадлежитъ все*: онъ вездѣ, какъ у себя дома, и умѣетъ найтись во всѣхъ положеніяхъ; онъ непогрѣшимъ и одинъ только по истинѣ достоинъ любви; въ счастіи своемъ онъ безупреченъ. *Будучи подобіемъ божества, онъ живетъ въ общеніи съ богами, вся жизнь его — сплошное празднество*, и боги, другомъ которыхъ онъ состоитъ, ни въ чемъ ему не отказываютъ. Иное его отношеніе къ народной массѣ. *Большинство тамъ душевные уроды, рабы* своего воображенія, граничащіе съ помѣшанными; если кто хочетъ найти человѣка, долженъ его искать днемъ съ фонаремъ. *Нищета* и *безразсудство* составляютъ общую долю обыкновенныхъ смертныхъ. Итакъ, все чело-

вѣчество распадается на 2 класса: *съ одной стороны мы имѣемъ немногочисленныхъ мудрецовъ, съ другой—безчисленное множество глупцевъ; только незначительное меньшинство*, благодаря своей добродѣтели и уму, *блаженно*, всѣ прочіе ведутъ несчастное, исполненное лжи существованіе».

Да, вѣдь, близкій къ циникамъ стоикъ Клеанѳъ говоритъ прямо слѣдующее *): «Значительное большинство людей отличается отъ животныхъ только своею внѣшностью. Мнѣніе массы, какъ всегда сбивчивое и нахальное, не заслуживаетъ вовсе вниманія». Клеанѳъ характеризуетъ эту гордую духовную аристократію, представителями которой служатъ мудрецы циники и стоики, слѣдующимъ афоризмомъ: «Вовсе не широкая толпа способна обладать умнымъ, истиннымъ и справедливымъ сужденіемъ; это скорѣе составляетъ привилегію немногихъ избранныхъ».

Наконецъ, идеалъ циниковъ и стоиковъ—мудрецъ, который одинъ только и можетъ быть вполнѣ свободнымъ, истинно прекраснымъ и счастливымъ, или просто совершеннымъ, а потому и обладаетъ исключительнымъ правомъ быть царемъ, полководцемъ, ораторомъ, поэтомъ, жрецомъ,—однимъ словомъ, повелителемъ; идеалъ этотъ чрезвычайно подобенъ философскому идеалу Ницше, этому будущему «Uebermensch»'у, который долженъ воплотить въ себѣ *аристократическую мораль* въ противоположность рабской морали широкой толпы. «Европеецъ послѣзавтрашняго дня» Ницше съ исторической точки зрѣнія и по своей историко-философской связи является прямымъ потомкомъ типа «Мудреца позавчерашняго дня» («Weise von Ehegestern»), созданнаго циниками и стоиками.

Установивъ фактъ, что Ницше, предъявляя свои требованія относительно необходимости созданія новаго рода аристократіи, основывался на примѣрѣ циниковъ и стоиковъ, мы далеко еще не исчерпываемъ тѣхъ аналогій, которыя въ отдаленныхъ мѣстахъ представляетъ неоцинизмъ Ницше съ цинизмомъ древнихъ. Вполнѣ цинично его страстное желаніе всѣми силами унизить институцію брака, то безграничное презрѣніе къ нему, которое только и могло вызвать слѣдующую ядовитую фразу: «Бракъ развратилъ даже наложничество» («Auch das Concubinat ist corrumpirt worden—durch die Ehe»). Не менѣе цинично его презрѣніе къ демократіи, которая, по его мнѣнію, не болѣе, какъ «стадо животныхъ», и на мѣстѣ которой онъ хотѣлъ бы видѣть господство тирановъ, ярыхъ враговъ либерализма. Циниченъ его преувеличенный космополитизмъ (циники первые высказали принципъ космополитизма); благодаря ему, онъ не замѣчаетъ преимуществъ національнаго воспитанія, какъ неизбѣжной ступени для будущаго общечеловѣческаго воспитанія, и сильно подчеркиваетъ свой взглядъ на нѣмецкое государство,

*) Ср. того же автора: «Psychologie der Stoa» т. II: теорія познанія стоиковъ стр. 326.

какъ на типъ «разлагающагося государства». Вполнѣ цинично его категорическое отрицаніе всѣхъ авторитетовъ, причемъ онъ доходитъ до отвратительныхъ нелѣпостей, позволяетъ себѣ низвергать Сократа въ ряды «черни» и называть его «гороховымъ шутомъ», упрекать Спинозу въ составленіи «душевныхъ ядовъ» («geistige Giftmischerei») и «лжемудрствованіи» («Begriffs Spinneweberei»), потчивать Канта названіемъ «самаго дикаго психопата («der verwachsenste Begriffs Krüppel»), какой когда-либо существовалъ», именемъ Тартюфа или «великаго китайскаго мудреца изъ Кенигсберга», называть старыя и новыя вѣрованія д-ра Фр. Штраусса «кабацкимъ евангеліемъ» («Bierbank-Ewangelium») и наконецъ Чарльза Дарвина считать «посредственнымъ умомъ». Наконецъ, циничны его грубыя выходки противъ господствующей религіи, такія вещи, какъ названіе христіанства «метафизикой палача» («Metaphysik des Henkers»), утвержденіе, будто «оно было до сихъ поръ величайшимъ несчастіемъ для человѣчества», и много другихъ, не менѣе варварскихъ выраженій.

Недаромъ Ницше рекомендуетъ себя—и даже съ явнымъ кокетливымъ самодовольствомъ—какъ «Антихриста и имморалиста». Это *самый крайній циникъ*, какого только произвела на свѣтъ всемірная литература. И едва-ли бы онъ имѣлъ что-нибудь особенное противъ термина «нео-цинизмъ», какимъ я принужденъ былъ въ концѣ концевъ назвать его философію, подвергнувъ ее сперва тщательному сравнительному изслѣдованію. Вѣдь онъ и самъ говоритъ, что «цинизмъ есть единственная форма, при которой обыкновенный смертный встрѣчается съ искренностью; а всякій *высшій человѣкъ* (т. е. Ницше) *долженъ имѣть всегда свои уши открытыми какъ для грубаго, такъ и для утонченнаго цинизма*, и всякій разъ поздравлять себя со счастьемъ, когда видитъ предъ собою, все равно, безстыднаго-ли шута, или ученаго сатирика» («Jenseits von Gut und Böse», стр. 37). Поэтому-то такіе люди, какъ Галіяни, а въ особенности извѣстный своимъ необузданнымъ легкомысліемъ циникъ Стендаль (псевдонимъ Генриха Бейля), являются его любимыми писателями.

Опаснымъ въ этомъ нео-цинизмѣ является подкупающая читателя афористическая форма, въ которой мысль никогда не выражается вполнѣ точно, а набрасывается лишь бѣгло въ видѣ силуэта. Афоризмы въ философіи служатъ доказательствомъ недальновидности и лѣни ихъ авторовъ. Философы-афористы въ родѣ Монтэня, Ларошфуко, Паскаля, Лихтенберга, Гаманна и др., до сихъ поръ занимаютъ среди философовъ весьма скромное положеніе, такъ какъ они не выразили своихъ идей въ такой систематической послѣдовательности, какъ это сдѣлали, напр., Жанъ Поль или Шопенгауэръ. Такая невысокая стоимость афоризма въ философіи имѣетъ свои основанія. Тотъ, кто на философское мышленіе смотритъ, какъ на серьезный жизненный трудъ, а не какъ на простое лишь препровожденіе времени, считаетъ болѣе всего необходимымъ

при распространеніи своихъ философскихъ идей тщательно взвѣшивать всѣ доводы за и противъ, осмотрительно предупреждать возможныя возраженія, и такимъ образомъ изслѣдовать предлагаемую идею до самыхъ тонкостей. Серьезный мыслитель старается убѣдить читателя не блестящимъ краснорѣчіемъ, а вѣскими доводами.

Другое дѣло афористъ. Онъ не убѣждаетъ, а только заговариваетъ. Сужденія свои онъ высказываетъ такъ категорически и съ такою поразительною самоувѣренностью, что читатель сразу робѣетъ и теряетъ свободу собственной критики. Впрочемъ, вѣдь это чрезвычайно легко однимъ пустячнымъ почеркомъ пера превзойти какого-нибудь Канта со всей его тяжелой, долголѣтней работою, тѣмъ болѣе, что афористъ считаетъ необходимымъ *не опровергать* что бы то ни было, а лишь *противорѣчить*. А вѣдь тщеславію средняго читателя льститъ не мало сознаніе, что онъ при помощи афориста въ какихъ-нибудь двѣ минуты далеко оставилъ за собою Канта.

Въ этомъ-то и заключается вся опасность. Афоризмъ ведетъ къ поверхностному сужденію и самомнѣнію. Читатель ловкою формулировкою антитезы вводится въ заблужденіе относительно трудности разсматриваемой проблемы. Вмѣсто здоровой духовной пищи, афористъ предлагаетъ ему наркотическіе препараты, которые въ одно мгновеніе могутъ удовлетворить его потребности знанія, но дѣйствія которыхъ вскорѣ дадутъ себя почувствовать. Ибо если кто хоть одинъ разъ подвергаетъ свою нервную систему дѣйствію подобныхъ наркотическихъ средствъ, то этимъ лишаетъ себя воспріимчивости къ здоровой пищѣ. Эпохѣ нашей quasi-образованности и недоученности недоставало еще только, чтобы тонко разработанныя философскія проблемы потеряли всю свою глубину и богатство содержанія, благодаря изложенію афористовъ, и попали затѣмъ въ грубыя лапы пьяныхъ кабацкихъ ораторовъ.

И опасность эта въ настоящее время далеко не малая, такъ какъ афоризмы Ницше, судя по всѣмъ признакамъ, скоро привьются вездѣ— и въ редакціяхъ газетъ, и во всѣхъ гостиныхъ и будуарахъ. Я безусловно признаю, что Ницше, какъ афористъ, по истинѣ геніаленъ. И когда онъ утверждаетъ, что *афоризмы, въ созданіи которыхъ нѣтъ ему равныхъ среди нѣмцевъ*, суть формы вѣчныя, то я на столько же согласенъ съ первою половиною этой фразы, на сколько не согласенъ со второй. Однако, Ницше не слѣдовало уже говорить слѣдующаго: «Моему честолюбію удовлетворяетъ сказать въ десяти фразахъ то, что другой едва лишь въ цѣлой книгѣ выскажетъ, а пожалуй, даже *не* выскажетъ. Я далъ человѣчеству самое глубокое сочиненіе, какимъ оно когда-либо обладало,—моего «Zarathustra», вскорѣ же я ему дамъ также самое независимое» («Götzendämmerung», стр. 129).

Въ такомъ тонѣ можетъ говорить во всякомъ случаѣ не серьезный мыслитель, а развѣ лишь фанатикъ-сектантъ или опьяненный аутогип-

нозомъ псевдо-пророкъ. Тонъ этотъ могъ бы соотвѣтствовать развѣ рѣчи генерала Бутса о своемъ посланничествѣ предъ «арміей спасенія». Однако этотъ пророческій тонъ, эта самоувѣренность и самообожаніе имѣютъ для нѣкоторыхъ какую-то магическую, чарующую прелесть. Воздѣйствіе на массы основано на особой психологіи. Мы должны присмотрѣться сперва къ молитвенной практикѣ какой-нибудь арміи спасенія, чтобы вліяніе ея затѣмъ стало для насъ психологически понятнымъ. Текстъ самъ по себѣ серьезный, хотя и пошлый, можетъ наэлектризировать толпу, если его станутъ напѣвать по самымъ извѣстнымъ уличнымъ мелодіямъ такъ долго, пока это не доведетъ толпы до нѣкотораго рода истерическаго припадка *). Здѣсь однако привлекательное дѣйствіе на толпу оказываетъ въ первый моментъ вовсе не серьезность текста, а именно этотъ площадный цинизмъ напѣва. Подобнымъ образомъ и Ницше удается часто воздѣйствовать на массы облекая философскій текстъ, самъ по себѣ серьезный, хотя и не новый, въ циническую форму, потворствующую тѣмъ грубымъ инстинктамъ, отъ которыхъ не можетъ освободиться совершенно даже облагороженный культурой человѣкъ, не смотря на содѣйствіе всей его нравственной энергіи. Большинство читающей публики навѣрное главное свое вниманіе обращаетъ на цинизмы въ философскомъ текстѣ Ницше, точно такъ-же, какъ и разыскиваетъ, напр., въ стенографированныхъ рѣчахъ парламентскихъ дѣятелей тѣ мѣста, которыя отмѣчены словами: «движеніе» или «громкій смѣхъ».

Такимъ образомъ, мало-по-малу начинаетъ собираться подъ знаменами Ницше форменная «армія бѣдствія» («Unheils-Armee») нео-циниковъ. Молодые литераторы страстно пытаются получить у Ницше, такъ сказать, свое рыцарское посвященіе. Они собираютъ въ кучу безъ всякаго выбора и пониманія афоризмы Ницше, хватаютъ непереваренныя крохи его такъ-называемой системы, и, какъ это обыкновенно бываетъ съ апостолами всякаго новаго ученія, стараются превзойти въ нео-цинизмѣ своего учителя—конечно, въ данномъ случаѣ тщетно, такъ какъ послѣдній *въ этомъ отношеніи* достигъ высшей ступени, какая только возможна. Не будучи въ состояніи стать выше его талантомъ, они по крайней мѣрѣ стараются копировать, подражать, разбавлять его концентрированный цинизмъ. Такимъ образомъ растетъ съ ужасной быстротой ницшеанская литература: Лаутербахъ, Бродтбекъ, Цербстъ, Гансонъ, безъимянный авторъ сочиненія: «Vox humana, auch ein Beichtbuch, Union, Berlin 1892»—суть одни изъ передовыхъ знаменоносцевъ нео-цинизма **). Къ немногимъ пророчествамъ Ницше,

*) Ницше употребляетъ недурной терминъ относительно «арміи спасенія»: «нравственное хрюканіе».

**) Людовикъ Бамбергеръ показалъ въ своей превосходной статьѣ, напечатанной въ еженедѣльномъ журналѣ «Nation» (за іюль 1892) подъ заглавіемъ «Unsere Nenesten» и изобилующей тонкими замѣчаніями и удачными сатирическими кол-

которыя дѣйствительно исполнились, я причисляю слѣдующій перлъ: «Люди будущаго (Posthume Menschen)—какъ *я*, напримѣръ,—понимаются современниками хуже обыкновенныхъ, но зато ихъ больше *слушаютъ*. Точнѣе: мы никогда не будемъ вполнѣ поняты—и на *этомъ-то* основанъ нашъ авторитетъ» («Götzendämmerung», стр. 3).

То, что Ницше дѣйствительно не понимаютъ, достаточно уже доказали появившіяся о немъ сочиненія, а послѣднее десятилѣтіе могло насъ убѣдить, что его будутъ слушать въ большей степени, чѣмъ это соотвѣтствуетъ здравому духовному развитію. Замѣчательно удачно остроумное замѣчаніе Ницше, что его авторитетъ основывается главнымъ образомъ на томъ, что его не понимаютъ. Но вѣдь по собственной винѣ Ницше формы, въ которыхъ онъ выражаетъ свои философскія идеи, служатъ причиною того, что онъ находитъ такъ мало *истиннаго* пониманія и что ему грозитъ печальная роль современнаго философскаго фетиша. Если кто имѣетъ свое собственное міровоззрѣніе и желаетъ подѣлиться имъ съ мыслящимъ человѣчествомъ, то никогда при этомъ не долженъ пользоваться афоризмами, которые представляютъ лишь въ неясной и загадочной формѣ идеи, какія должны быть выражены всегда съ такою законченностью.

Но, увы! не смотря на множество противорѣчій и на возможность различныхъ толкованій, нео-цинизму Ницше принадлежитъ ближайшая будущность, тѣмъ болѣе, что онъ заслужилъ себѣ вполнѣ понятную съ психологической точки зрѣнія благосклонность философствующихъ женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ часто приходится наблюдать ту черту въ психологіи женщинъ, что типичные враги женскаго пола обладаютъ какъ разъ для нихъ какою-то дьявольскою привлекательностью. Ни одно изъ серьезныхъ философскихъ сочиненій не пріобрѣло такой извѣстности въ гостиныхъ и не сдѣлалось такимъ необходимымъ достояніемъ будуаровъ интеллигентныхъ женщинъ, какъ «Міръ, какъ воля и представленіе». Теперь въ этомъ отношеніи Ницше наслѣдуетъ философскій престолъ Шопенгауэра. Да, онъ превосходитъ самого Шопенгауэра въ своемъ циническомъ презрѣніи къ женскому полу *), а это не мало, и именно потому имѣетъ всѣ виды на то, чтобы сдѣлаться философомъ-любимчикомъ у «хорошаго общества».

Въ послѣдующемъ я постараюсь для тѣхъ, кто ищетъ болѣе глубокой оцѣнки философіи Ницше и скрывающейся въ ней опасности, изобразить его идеи безъ той отливающей различными цвѣтами ми-

---

костями, что нео-цинизмъ Ницше начинаетъ создавать школу и во *Франціи*. Послѣ появленія этой статьи Бамбергера М. Г. Вальберъ (псевдонимъ Шербюлье) помѣстилъ въ октябрской книжкѣ «Revue des deux Mondes» 1892 г. интересный, остроумный, но не особенно глубокій въ философскомъ отношеніи этюдъ о Ницше подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Le docteur Fr. Nietzsche et ses griefs contre la société moderne».

*) «Jenseits von Gut und Böse», стр. 180—189.

шуры, въ которую умышленно и чрезвычайно искусно облекъ ихъ авторъ. Если эти идеи лишить ихъ соблазнительныхъ, обманчивыхъ поэтическихъ формъ и перевести ихъ на языкъ трезвой философской прозы, а въ особенности изобразить каждую въ соотвѣтственной исторической связи, то при этомъ много потеряютъ онѣ какъ въ своей новизнѣ, такъ и въ силѣ доводовъ. Только раньше я скажу еще нѣсколько словъ о личности Ницше и о его литературномъ обликѣ.

II.

Ницше, какъ человѣкъ и писатель.

Ницше, какъ писатель, и Ницше, какъ членъ общества—это двѣ замѣчательныя противоположности. Языкъ и перо представляли у него всегда удивительный контрастъ. «Никогда мнѣ еще не приходилось встрѣчать на ряду съ такою плѣняющею обходительностью въ общественныхъ сношеніяхъ столь поразительно противоположной неучтивости въ литературныхъ произведеніяхъ»—такъ характеризовалъ мнѣ личность Ницше одинъ изъ членовъ базельскаго муниципалитета, имѣвшій возможность въ теченіе цѣлаго десятилѣтія наблюдать за нимъ въ университетской и общественной жизни. Въ гостиныхъ «хорошаго общества» онъ былъ, что называется, бывалымъ свѣтскимъ человѣкомъ и замѣчательно пріятнымъ собесѣдникомъ, но стоило лишь ему сѣсть за письменный столъ, какъ тотчасъ онъ превращался положительно въ какого-то легендарнаго драконоборца. Въ высшей степени деликатный и изысканно вѣжливый во фрачномъ костюмѣ,—въ халатѣ и съ перомъ въ рукѣ онъ отличался безпощадною кровожадностью и дьявольскою злобою.

Уже будучи профессоромъ въ Базелѣ, онъ издѣвался самымъ безцеремоннымъ образомъ въ написанныхъ тогда афоризмахъ надъ Богомъ и міромъ; однако базельское общество, въ особенности же университетскія сферы, ничего еще не подозрѣвали. Его поведеніе въ обществѣ не отличалось ничѣмъ особеннымъ, не говоря уже о какихъ бы то ни было странностяхъ, такъ что до появленія его сочиненій: «Unzeitgemässen Betrachtungen» и «Menschliches Allzumenschliches» въ университетскихъ сферахъ знали о немъ не больше, какъ то, что онъ необыкновенно симпатичный профессоръ и превосходный филологъ, испортившій даже свои личныя отношенія къ близкимъ товарищамъ по профессіи, въ особенности къ педантамъ, сочиненіемъ своимъ: «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» (Leipzig, 1872).

Общее впечатлѣніе производилъ онъ симпатичное, хотя мужчинъ ничѣмъ особеннымъ не привлекалъ. Зато онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ у женщинъ, которыя баловали его съ ранняго дѣтства. Родившись 15 октября 1844 года въ Рекенѣ близъ Люцена, онъ сразу на-

чалъ свою жизнь въ женскомъ обществѣ—матери и сестры. Отца своего, бывшаго послѣднее время пасторомъ въ Наумбургѣ при Заалѣ, онъ потерялъ рано. Оля Гансонъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ ницшеанцевъ, приписываетъ нѣжный, слишкомъ впечатлительный и нѣсколько женственный характеръ нашего философа той односторонней предпочтительности, которую послѣдній отдавалъ общенію съ интеллигентными, по большей части старшими, женщинами. Въ Базелѣ, положимъ, онъ могъ только въ скромныхъ размѣрахъ удовлетворять этой склонности своего характера, но все-таки и здѣсь онъ имѣлъ при себѣ одно время сестру, которая занималась его домашнимъ хозяйствомъ. Но зато въ Ниццѣ, Сильсъ-Мари, Лейпцигѣ и Туринѣ, гдѣ онъ поперемѣнно проживалъ послѣ полученной въ 1879 г., вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отставки *), онъ былъ положительно окруженъ женщинами. Въ интеллигентныхъ сферахъ Лейпцига, гдѣ, между прочимъ, Ницше состоялъ въ весьма близкихъ дружескихъ сношеніяхъ съ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ историковъ философіи, считалось положительно праздникомъ, если когда-либо зимою нашъ философъ, становившійся все болѣе угрюмымъ, появлялся въ обществѣ. Ему достаточно было показаться, какъ немедленно вокругъ него собирался кружокъ интеллигентныхъ женщинъ, съ глубокою вѣрою взиравшихъ на него и его добрую философскую звѣзду.

Это исключительное предпочтеніе, какимъ Ницше пользовался у прекраснаго пола, имѣло ту хорошую сторону, что, благодаря ему, внѣшность его отличалась всегда педантичною опрятностью и изысканнымъ вкусомъ. Въ Базелѣ, напр., какъ передавалъ мнѣ одинъ изъ его благодарнѣйшихъ учениковъ, онъ являлся на лекціи всегда элегантно одѣтымъ, лѣтомъ въ бѣломъ цилиндрѣ и, если только позволяла погода, въ свѣтломъ костюмѣ. Онъ былъ приглашенъ профессоромъ въ Базель въ 1868 году 24-хъ лѣтъ отъ роду по рекомендаціи своего учителя Ритшля, еще не имѣя докторской степени, и проявилъ въ этой должности если не слишкомъ широкую, то, во всякомъ случаѣ, интенсивную дѣятельность. Онъ главнымъ образомъ старался выбирать изъ среды посредственныхъ самыхъ талантливыхъ учениковъ и посвящалъ имъ особое вниманіе. Эти избранные ученики взирали на него съ почтительною благодарностью. Одинъ изъ нихъ, въ настоящее время уже выдающійся профессоръ, слушавшій у Ницше въ 1873—1874 гг. курсы о «до-платоновской философіи» и о «жизни и сочиненіяхъ Платона», слѣдующимъ образомъ описываетъ мнѣ свои личныя впечатлѣнія, относящіяся къ тому времени: «Ницше тогда [было 28 лѣтъ отъ роду; тѣмъ поразительнѣе намъ казалось то искусство, какимъ онъ блисталъ при толко-

*) Георгъ Адлеръ ошибается, говоря («Nord und Süd». B. LVI H. 168), будто бы Ницше получалъ *полный пенсіонъ*. Для этого его служба длилась слишкомъ не долго. Тѣмъ не менѣе онъ получалъ пенсіонъ въ 1.500 франковъ изъ суммъ, спеціально для этого ассигнованныхъ городомъ Базелемъ.

ваніи философіи древнихъ. Онъ говорилъ медленно, тихо, безъ всякаго паѳоса, прерывая свою рѣчь замѣчательными задумчивыми остановками, называемыми, согласно нашему техническому термину, «Kunstpausen». Лекціи свои онъ обыкновенно читалъ изъ красивой большой тетради, переплетенной въ мягкую красную кожу. На педагогическихъ курсахъ *) онъ началъ чтеніе греческой литературы самымъ труднымъ—«Эвменидами» Эсхила. Онъ часто читалъ намъ блестящія лекціи о греческой трагедіи (его любимомъ вопросѣ въ то время), о началахъ греческой философіи, о философіи языкознанія и т. п., а иногда заставлялъ кого-нибудь изъ насъ читать лекцію безъ всякой подготовки, или же вслухъ читать что-нибудь изъ «Исторіи Греціи» Грота».

Впервые онъ надѣлалъ въ Базелѣ шуму цикломъ своихъ лекцій въ университетскомъ залѣ объ «извращенности современнаго воспитанія». Въ критической части этихъ лекцій онъ развивалъ преимущественно мысли, какія находятся въ его «Unzeitgemässen Betrachtungen». Однако, когда ему предстояло въ своей послѣдней лекціи дать что-нибудь положительное, указать способы улучшенія, онъ предпочелъ вдругъ прекратить лекціи, такъ какъ всегда робко избѣгалъ всякаго столкновенія съ общественнымъ мнѣніемъ. Это является характерной чертой для двойственности Ницше: будучи въ общежитіи весьма осторожнымъ и внимательнымъ, за письменнымъ столомъ онъ былъ до дерзости неустрашимымъ.

Тѣ извѣстія, которыя распространялись относительно его положенія въ арміи во время нѣмецко-французской войны, ни на чемъ не основаны. Онъ вовсе не былъ офицеромъ конной артиллеріи, какъ это часто утверждаютъ **), а былъ прикомандированъ къ санитарному отряду, какъ я достовѣрно узналъ это въ кружкѣ его базельскихъ друзей.

Центральное положеніе Базеля доставляло ему удобную возможность знакомиться со всѣмъ лучшимъ изъ того, «что произрастало между Парижемъ и Петербургомъ» («Was zwischen Paris und Petersburg wächst»), однако особое предпочтеніе онъ всегда оказывалъ выдающимся людямъ своей второй родины, въ особенности же Якову Буркгардту, съ которымъ его соединяла тѣсная дружба, никогда не слабѣвшая, не смотря на всю частую измѣнчивость его настроеній и симпатій. Онъ питалъ глубокое уваженіе къ обѣимъ цюрихскимъ знаменитостямъ Готфриду Келлеру и Арнольду Бёклину, которые, по его мнѣнію, прокладывали новые пути для цивилизаціи Сѣверной Швейцаріи. Самая тѣсная

*) Ницше, какъ профессоръ университета, былъ обязанъ тамъ читать лекціи на ряду съ такими учеными, какъ Яковъ Буркгардтъ и Морицъ Гейне.

**) См. у Георга Брандеса («Deutsche Rundschau» 1890, т. LXIII, стр. 52) и у Георга Адлера («Nord und Süd», т. LVI, вып. 168). У другихъ авторовъ фантазія до того разыгралась, что они уже начали выводить параллели между Ницше и Эд. фонъ-Гартманномъ на томъ основаніи, что будто они оба были офицерами въ дѣйствующей прусской арміи.

дружба соединяла его также съ базельскимъ историкомъ церкви, проф. Овербекомъ.

Кромѣ Буркгардта на Ницше оказала большое вліяніе личность Рихарда Вагнера и сочиненія Артура Шопенгауэра. Его первоначальное поклоненіе Вагнеру доходило до того, что, по его собственнымъ словамъ изъ предисловія къ посвященному Вагнеру сочиненію: «Geburt der Tragödie», о чемъ бы онъ ни думалъ, онъ чувствовалъ присутствіе Вагнера и сообразно этому писалъ. А впечатлѣніе отъ сочиненій Шопенгауэра на него было настолько сильное, что съ первыхъ же страницъ онъ почувствовалъ, съ какимъ вниманіемъ онъ будетъ читать каждую строку, взвѣшивать каждое слово этого автора, не исключая даже тѣхъ ошибокъ, какія будутъ попадаться.

Повидимому, еще во времена своего отрочества онъ любилъ задумываться надъ вопросомъ о происхожденіи нравственныхъ понятій. По крайней мѣрѣ еще 13-ти лѣтъ, т. е. въ возрастѣ, когда «въ душѣ человѣка пребываютъ мысли отчасти о дѣтскихъ играхъ, отчасти о Богѣ» («Halb Kinderspiele, halb Gott im Herzen»), онъ посвятилъ этому вопросу свой первый дѣтскій литературный опытъ, гдѣ сдѣлалъ Бога отцомъ зла («Zur Genealogie der Moral», 2 Aufl., Leipzig 1892. Предисловіе). Самъ онъ относитъ начало своей сознательной борьбы съ господствующимъ міровоззрѣніемъ къ 1872 г., такъ какъ въ своемъ сочиненіи «Götzendämmerung» (стр. 61), появившемся въ 1889 г., онъ говоритъ, что уже 17 лѣтъ борется съ притупляющимъ вліяніемъ современной науки. Онъ, повидимому, считаетъ появленіе своего «Geburt der Tragödie» въ 1872 году первымъ объявленіемъ этой войны. Однако, подобно нѣкоторымъ другимъ мыслителямъ, онъ подвергается сильной иллюзіи относительно времени нарожденія своихъ идей. Быть можетъ, эти идеи, составившія позднѣе все его «я», уже тогда предчувствовались имъ смутно, однако ясныя очертанія онѣ получили значительно позже. По крайней мѣрѣ я не былъ въ состояніи уловить характерныхъ чертъ философіи, а особенно соціологіи Ницше ни въ его «Geburt der Tragödie», ни въ «Unzeistgemässen Betrachtungen», ни даже въ первомъ изданіи «Menschliches, Allzumenschliches». Правда, онъ остается всегда вѣренъ своей оригинальной литературной манерѣ. Львиные когти проглядываютъ уже въ первыхъ афоризмахъ, только въ «Menschliches, Allzumenschliches» онъ этими когтями лишь слегка теребитъ нашу цивилизацію, въ то время какъ въ позднѣйшихъ онъ ее безпощадно терзаетъ. Ницше, быть можетъ, правъ въ томъ, что афоризмы, написанные зимою 1876—1877 годовѣ въ Сорренто и составившіе содержаніе «Menschliches, Allzumenschliches», заключаютъ въ себѣ мысли стараго происхожденія; только онъ ошибается, полагая, что это тѣ же самыя идеи, которыя въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ «выразились лишь въ болѣе зрѣломъ, ясномъ, сильномъ и полномъ видѣ» («Zur Genealogie der Moral», Предисловіе). Нѣтъ, *методъ* сталъ «болѣе зрѣлымъ и яснымъ», сами же *идеи* не

окрѣпли, но вообще стали *другими*. И этому могло содѣйствовать не мало сочиненіе его друга, Поля Ре (Poul Rée): «Der Ursprung der moralischen Empfindungen» (Chemnitz 1877), не смотря на то, что, читая эту книгу, Ницше «при каждомъ предложеніи, при каждомъ выводѣ» говорилъ про себя: «нѣтъ». Всегда такъ бываетъ, — чѣмъ больше энергическихъ возраженій вызываетъ въ насъ какая-нибудь книга, тѣмъ сильнѣе она возбуждаетъ нашу дѣятельность. По моему убѣжденію, Поль Ре развязалъ языкъ дремлющему въ Ницше систематику философіи, точно такъ же, какъ, наоборотъ, сочиненія Ницше направили мысли его друга Ре по тому пути, который явствуетъ изъ сочиненія послѣдняго: «Die Entstehung des Gewissens», появившагося въ 1885 г. и игнорированнаго Ницше, не смотря на ихъ продолжительную дружбу.

Въ исторіи человѣческой мысли много примѣровъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что мы впервые овладѣваемъ, какъ слѣдуетъ, дремлющей въ насъ мыслью, когда она просыпается и становится вполнѣ сознательной, благодаря встрѣчнымъ противорѣчіямъ. Такъ, напр., Лейбницъ, какъ извѣстно, написалъ свое цѣнное философское сочиненіе: «Nouveaux Essais sur l'entendement humain», какъ возраженіе на сочиненіе Лока: «Essays concerning human understanding», и притомъ сперва лишь исключительно для самого себя. Поэтому—si parva licet componere magnis—Ницше, очень вѣроятно, могъ получить отъ Поля Ре толчокъ къ сознательному и болѣе зрѣлому воспріятію тѣхъ идей, которыя раньше могли ему мерещиться, въ то время, какъ онъ еще не находилъ адекватныхъ выраженій, могущихъ ихъ, какъ слѣдуетъ, формулировать.

Только сочиненія 80-хъ годовъ представляютъ высшую ступень въ сущности и развитіи того, что́ можно назвать вторымъ періодомъ мышленія Ницше.

Исходная точка его Immoralismus'a, сознательной «переоцѣнки всѣхъ этическихъ цѣнностей» теперь уже установилась и никогда уже не упускается изъ виду. Въ первомъ изданіи своего: «Morgenröthe, Gedanken über die Moralischen Vorurtheile 1881» *), равно какъ и «Die fröhliche Vissenschaft, la gaya szienza 1882» онъ уже смѣло объявляетъ открытую войну господствующей морали, а въ: «Also Sprach Zarathu-

*) Самое полное пониманіе и самую тонкую оцѣнку сочиненій Ницше, въ особенности же «Morgenröthe», я нашелъ въ небольшой, весьма талантливой и напрасно оставленной безъ вниманія статьѣ Карла Шпиттелера: «Friedrich Nietzsche aus seinen Werken», помѣщенной въ воскресномъ приложеніи къ «Bund» (1888, стр. 3 ff). Достойно вниманія въ этой статьѣ, между прочимъ то, что она относится къ тому времени, когда Ницше еще проживалъ въ Туринѣ, какъ не признанный, наполовину забытый мыслитель, когда его сочиненія, сдѣлавшіяся извѣстными болѣе широкому кругу читателей лишь послѣ его болѣзни, значили для солидной прессы не больше той массы произведеній, которыя годятся лишь на оберточную бумагу. Я убѣдительно рекомендую познакомиться съ этой превосходной характеристикой Ницше, какъ писателя.

stra, ein Buch für Alle und Keinen» (вып. I—III, 1884 и вып. IV, 1891) война эта получаетъ мистическій характеръ. Затѣмъ съ чудовищной быстротою слѣдуютъ одно за другимъ: «Jenseits von Gut und Böse, 1886», самое законченное изъ его сочиненій, «Zur Genealogie der Moral, 1888», систематическое изложеніе его нравственныхъ принциповъ, наконецъ, «Die Götzendämmerung, oder wie man mit dem Hammer philosophirt, 1889» *), его послѣднее сочиненіе, самое объемистое и положительно переполненное блестящими остроумными замѣчаніями.

Въ началѣ 1889 г. почти одновременно съ изданіемъ «Götzendämmerung» постигла Ницше та катастрофа, неминуемость которой близкіе друзья его предвидѣли. Повидимому, великимъ нѣмецкимъ мыслителямъ рѣдко суждено наслаждаться плодами своихъ жизненныхъ трудовъ. Какъ разъ только что появились первые признаки тѣхъ страстно желанныхъ для Ницше общеизвѣстности и признанія, какъ духъ его скрылся отъ насъ за той страшной завѣсой, которой не пришлось уже больше подняться.

Я упоминаю здѣсь объ этомъ извѣстномъ концѣ, постигшемъ столь богато одаренную личность и надѣлавшемъ столько шума (тактичнѣе было бы совсѣмъ умолчать объ этомъ), лишь въ качествѣ предостереженія противъ отвратительной привычки заключать отъ болѣзни философа къ достоинству его сочиненій. Мнѣ противно пользоваться этимъ печальнымъ, удручающимъ явленіемъ, какъ примѣромъ въ пользу вопроса о «Геніи и помѣшательствѣ», который разсматривается на различные лады еще со временъ Аристотеля до Вильгельма Дильтея и Ломброзо. Мною всегда овладѣваетъ отвращеніе, когда приходится читать и слышать грубые толки о «паденіи Ницше», когда люди, не подверженные опасности лишиться того, чего лишился Ницше, уже потому хотя бы, что имъ нечего лишаться, пытаются разбирать по косточкамъ сочиненія Ницше и бредятъ объ ихъ патологическомъ характерѣ. Истиннымъ знатокамъ Ницше я долженъ лишь указать на то, что даже послѣдніе труды его—предисловіе къ «Götzendämmerung», отмѣченное числомъ 30 сентября 1888 г., и «Dionysos Dithyramben», появившееся осенью 1888 г. и присоединенные къ послѣдней части «Also sprach Zarathustra»—такъ-же мало заключаютъ въ себѣ признаковъ предстоящей уже въ скоромъ времени катастрофы, какъ и любое его произведеніе 80-хъ годовъ. Какъ разъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: «Götzendämmerung» онъ стоитъ на самой высотѣ своего литературнаго творчества.

По скольку я чувствую себя вынужденнымъ энергично бороться противъ всего міровоззрѣнія Ницше, по стольку-же я охотно согла-

*) Оба его сочиненія, направленныя противъ Вагнера и относящіяся къ тому же времени: «Der Fall Wagner 1888» und «Nietzche contre Wagner 1889», могутъ быть здѣсь оставлены безъ вниманія, какъ не представляющія никакого интереса въ философскомъ отношеніи.

шаюсь съ тѣмъ, что его произведенія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они непріятно поражаютъ насъ своимъ циническимъ содержаніемъ, *въ литературномъ отношеніи* принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ и привлекательнымъ, какими только обладаетъ всемірная литература. Если кто ищетъ *литературнаго* наслажденія, тотъ его найдетъ у Ницше въ его силѣ рѣчи, какой не достигъ даже Шопенгауэръ, въ его мастерскихъ сопоставленіяхъ, въ его силѣ воображенія, изливающейся неисчерпаннымъ бурнымъ потокомъ образовъ и сравненій. Но если кто ищетъ серьезнаго *философскаго* ученія, если кто надѣется, что этотъ нео-цинизмъ въ состояніи измѣнить философію, разслабленную чрезмѣрнымъ скептицизмомъ и—увы! все распространяющимся пессимизмомъ, для того послѣдующія страницы, посвященныя изслѣдованію сущности міровоззрѣнія Ницше, да будутъ служить предостерегающей доской съ надписью: «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate».

Отъ внимательнаго изслѣдователя, который видитъ поразительно быстрое пульсированіе нашей нервной жизни, не можетъ ускользнуть то, что идеи Ницше запускаютъ самые глубокіе и крѣпкіе корни тамъ, гдѣ почва и безъ того уже сильно разрыхлена и изрыта. Декаденты нашей молодой нѣмецкой литературы и писатели fin de siecle'я составляютъ въ настоящее время большой генеральный штабъ увеличивающейся съ каждымъ днемъ арміи ницшеанцевъ. Эту замѣчательно пеструю компанію объединяетъ одна общая цѣль превозношенія Ницше.

Конечно, весьма отрадно, что въ настоящее время повѣяло въ философіи болѣе свѣжимъ вѣтеркомъ. «Вѣкъ естествознанія» до того пресытилъ человѣчество массою фактовъ, что оно теперь жаждетъ причинъ. Жаль только, что вѣтромъ этимъ воспользовался для своихъ парусовъ прежде всего Ницше, мысли котораго носятся по безбрежному морю. Какъ освѣжительно могла бы подѣйствовать на наше разслабленное поколѣніе здоровая, антипессимистическая философская реформа, а сколько бѣды надѣлаетъ, вѣроятно, преподнесенный намъ Ницше «Шопенгауэризмъ наизнанку».

Конечно, недалекіе, посредственные умы теорія Ницше съумѣетъ освободить отъ того пессимитическаго кошмара, который въ послѣдніе годы такъ подавляюще дѣйствовалъ на всякое мыслительное творчество. Они жадно набросятся на это сумасбродное оптимистическое ученіе, принимая его за здоровый горный воздухъ и не замѣчая, что воздухъ этотъ не чистъ и точно также наполненъ вредными міазмами, только уже другими. Анархистически-аристократическое міровоззрѣніе Ницше не даетъ никакихъ видовъ на то освобожденіе, котораго ждетъ съ радостною надеждою наше революціонное поколѣніе; правда, оно счастливо проплываетъ мимо Харибды—пессимизма, но зато у Сциллы—здраваго человѣческаго разсудка—навѣрное потерпитъ крушеніе.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕППИНЬЕЛЛО.

Разсказъ Чарльза Гранта.

Переводъ съ англійскаго **А. Кузнецовой.**

I.

Если вамъ когда-нибудь случалось бродить по Strada del Molo въ Неаполѣ, вы не могли не замѣтить такъ называемыхъ mozzonari, которыхъ собирается здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой части города. Правда, вы часто могли видѣть одного изъ mozzonari и въ другихъ мѣстахъ—улегшагося на церковныхъ ступеняхъ или же грѣющагося на солнцѣ на углу площади; здѣсь же находится центръ торговли окурками старыхъ сигаръ и здѣсь же помѣщаются «продавцы всякихъ остатковъ»,—въ лохмотьяхъ, грязные и всклокоченные, имѣющіе видъ маленькихъ нищихъ, какихъ можно видѣть въ любомъ европейскомъ городѣ. Передъ каждымъ разложенъ его товаръ на лоткѣ изъ старой газеты, и старательно раздѣленъ на маленькія кучки въ восемь или девять окурковъ. Каждая кучка тщательно отобрана, сообразно съ качествомъ составляющихъ ее сигаръ, и каждая стоитъ одно soldo; что касается mozzonari, то они почти единственные изъ неаполитанскихъ продавцовъ, цѣны которыхъ дѣйствительно точно установлены и съ которыми напрасно торговаться: однако, даже и они снисходятъ къ человѣческой слабости и имѣютъ отдѣльную кучку, изъ которой каждому покупателю дозволяется выбрать себѣ окурокъ.

Васъ, безъ сомнѣнія, удивляетъ что находятся, люди, покупающіе такую гадость. Подождите одну или двѣ минуты, и вы увидите.

Но сначала обратите вниманіе на мальчика, который бродитъ вдоль по улицамъ, ведущимъ къ таможнѣ и гавани.

Имя его Пеппиньелло и ему около двѣнадцати лѣтъ. Судя по его лицу, которое по временамъ имѣетъ проницательное и самоувѣренное выраженіе, онъ выглядитъ старше своихъ лѣтъ; если же вы посмотрите на его фигурку, онъ покажется вамъ годомъ или двумя моложе, такъ какъ скудное питаніе остановило его ростъ. Впрочемъ, онъ сло-

женъ недурно. Если вы будете наблюдать за нимъ въ то время, когда онъ купается въ грязной водѣ гавани, вы удивитесь его гибкости и подвижности, какъ и его худобѣ. Онъ кажется состоящимъ изъ однѣхъ костей и кожи. «Удивительно,—какъ однажды замѣтилъ мнѣ одинъ итальянскій продавецъ,—что такъ много жизни заключается въ такомъ маленькомъ тѣлѣ». Вся его кожа сплошь темно-коричневаго цвѣта; въ его жилахъ недостаточно крови, чтобы придать ей тотъ яркій оттѣнокъ, который такъ любятъ венеціанскіе художники. Верхняя часть лица имѣетъ красивыя формы, въ глазахъ свѣтится умъ; ротъ между тѣмъ не только великъ, но и отличается какой-то чертой, не соотвѣтствующей возрасту ребенка; въ общемъ она свидѣтельствуетъ только о юморѣ, но по временамъ выглядитъ какъ-то непріятно и граничитъ съ хитростью. Въ худшемъ даже случаѣ лицо кажется подвижнымъ, веселымъ и ласковымъ, и выглядѣло бы еще лучше, если-бы волосы не были такъ коротко острижены. По одеждѣ—Пеппиньелло не очень много отличается отъ своихъ товарищей. Рубашка его открыта спереди и разорвана сзади, панталоны до того покрыты дырами, что васъ удивляетъ, какъ онъ можетъ думать, что ихъ стоитъ еще надѣвать, особенно въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе ихъ у мальчика его лѣтъ, проходитъ совершенно незамѣченнымъ. Однако, онъ опытнѣе васъ и знаетъ, что въ Неаполѣ только дѣти, не имѣющія родителей, могутъ бѣгать въ однѣхъ рубашкахъ. Онъ смотритъ на нижнюю принадлежность своего костюма—по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ—не какъ на средства удобства или приличія, а просто какъ на отличительный признакъ того соціальнаго положенія, которое онъ желалъ бы занимать. Точно также онъ смотритъ и на маленькую круглую шапочку, которая по цвѣту походитъ на его кожу и кажется сдѣланной изъ валеной шерсти. Никогда я не могъ разсмотрѣть ее достаточно близко. Она очень рѣдко на его головѣ и ея хозяину кажется удобнымъ употреблять ее въ видѣ подушки для локтей.

Въ настоящее время Пеппиньелло имѣетъ довольно лѣнивый видъ. Онъ растянулся во всю длину на землѣ, наблюдая за игрою въ круглые камешки, естественную замѣну мраморныхъ шариковъ, которая происходитъ между двумя другими мальчиками; но у него зоркіе глаза относительно всего, что касается его торговли, и онъ зарабатываетъ больше, чѣмъ кто либо изъ ихъ братіи. Это обстоятельство товарищи приписываютъ его счастью; на самомъ же дѣлѣ это результатъ многихъ мелкихъ наблюденій. Такимъ образомъ болѣе полуторыхъ лѣтъ тому назадъ онъ замѣтилъ,—когда четверо или пятеро торговцевъ размѣстятся полукругомъ, то сидящіе на обоихъ концахъ могутъ быть увѣренными, что живо распродадутъ свой товаръ, такъ какъ если покупатель спѣшитъ,—онъ беретъ у перваго, который ему попадается, и идетъ дальше; если же онъ свободенъ,—вѣроятно, осмотритъ всѣ кучки и, найдя ихъ одинаковыми по качеству, захочетъ купить табакъ

у послѣдняго по порядку, чтобы не возвращаться снова назадъ. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ свое второе открытіе, а именно, что мѣсто, которое онъ занимаетъ—лучшее для его занятія во всемъ Неаполѣ, потому что рабочіе, проходящіе по Strada del Molo, обыкновенно торопятся идти возможно скорѣе сперва на свою работу, а затѣмъ домой, и потому что лодочники, возвращающіеся изъ гавани обыкновенно по окончаніи своей работы, больше уже не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ занятій. Едва только онъ замѣтилъ это, какъ рѣшилъ занять уголъ раньше, чѣмъ встанутъ товарищи, и такимъ образомъ получилъ законное право на это мѣсто. Нѣкоторая доля его успѣховъ должна быть приписана также и его неизмѣнно хорошему расположенію духа. Когда весь его товаръ истощается или нельзя уже больше надѣяться на покупателей, онъ всегда готовъ исполнить порученіе кого-нибудь изъ мужчинъ, работающихъ по близости. Въ благодарность онъ иногда получаетъ за это корку хлѣба, кусокъ капусты или полныя пригоршни фруктовъ и гораздо рѣже одно или два centesimo; но въ такихъ случаяхъ онъ никогда ничего не проситъ и тѣ, кому онъ услуживаетъ такимъ образомъ, естественно отплачиваютъ ему тѣмъ, что являются его кліентами и рекомендуютъ его своимъ друзьямъ. Въ результатѣ онъ является любимцемъ большинства рабочихъ, занимающихся по сосѣдству, и это полезно ему не въ одномъ только отношеніи.

Въ числѣ другихъ наблюденій Пеппиньелло есть еще и такое: въ продолженіе утреннихъ часовъ безполезно суетиться и расхваливать свой товаръ. Тотъ, кому нужны окурки сигаръ, придетъ и купитъ ихъ самъ, но каждый изъ нихъ слишкомъ занятъ, чтобы обращать вниманіе на его крики и его болтовню. Позже, днемъ совсѣмъ иное дѣло: его шутка обезпечиваетъ ему покупателя, а его ужимки и дурачества вытягиваютъ soldo изъ кармановъ иностранныхъ господъ, и Пеппиньелло совершенно одинаково относится какъ къ одному, такъ и къ другому способу заработка. Но всему свое время, и сейчасъ самое блестящее проявленіе его талантовъ производитъ впечатлѣніе только на его товарищей, одобренію которыхъ онъ не придаетъ большого значенія; такъ стоитъ онъ на своемъ мѣстѣ довольный и увѣренный, что его товаръ лучшій на утреннемъ рынкѣ.

Онъ состоитъ изъ одиннадцати кучекъ и еще одной маленькой изъ окурковъ иностранныхъ сигаръ, которые служатъ источникомъ великой радости и гордости для ихъ владѣльца, хотя онъ и не вполнѣ увѣренъ въ ихъ дѣйствительной рыночной стоимости. Если случится проходить мимо матросу съ утонченнымъ вкусомъ, но скудными средствами, онъ, вѣроятно, предложитъ за нихъ хорошую цѣну, но сейчасъ мальчикъ и не заботится о томъ, чтобы продать ихъ,—онъ знаетъ, что они самымъ видомъ своимъ привлекутъ покупателей къ другимъ его товарамъ. Эта особенная кучка является результатомъ смѣлаго похода въ «Grand Café»,

который онъ совершилъ надняхъ утромъ и отступленіе изъ котораго произошло подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ добродушныхъ иностранцевъ. Когда онъ очутился въ безопасности и знаками выражалъ имъ свою признательность со средины улицы, они бросили ему одно или два soldo, а одинъ изъ нихъ, предполагая, что чисто дѣтское стремленіе вкусить отъ запрещеннаго плода, было причиной его смѣлости, бросилъ ему сигару, которую только что зажегъ. И вотъ она лежитъ на бумажномъ лоткѣ на самомъ верху. Пеппиньелло рѣшилъ разстаться съ ней не иначе, какъ за восемь centesimo. Онъ предполагаетъ, что она навѣрное стоитъ десять centesimo, но, къ несчастью, тѣ, которые готовы заплатить такую цѣну за сигару, обыкновенно предпочитаютъ купить ее въ лавочкѣ.

Но вотъ одинъ рабочій въ своемъ будничномъ платьѣ останавливается на мгновеніе, даетъ ему два soldo, беретъ двѣ кучки, завертываетъ ихъ въ кусокъ бумаги и, уходя, кладетъ себѣ въ карманъ. Все это дѣло пяти секундъ и не стоитъ ни одного слова. Слѣдующій покупатель совершенно иной типъ: это рыбакъ пришедшій изъ гавани набить свою утреннюю трубку. Онъ чувствуетъ глубочайшее презрѣніе и вражду къ рабочему за самое его призваніе, но въ то же время твердо убѣжденъ, что послѣдній принадлежитъ къ такому классу людей, которые умѣютъ обманывать чорта, и, слѣдовательно, доброму, простому христіанскому рыбаку не худо поучиться у нихъ, какъ поступать въ различныхъ житейскихъ случаяхъ. Вслѣдствіе этого ему заранѣе до приближенія къ mozzonari хочется выяснить, которому изъ нихъ онъ будетъ покровительствовать, что не мѣшаетъ ему осматривать и другіе лотки съ нерѣшительнымъ и критическимъ видомъ. Подходя къ Пеппиньелло, онъ смотритъ на его товаръ съ выраженіемъ замѣтнаго презрѣнія, пріостанавливается на полъминуты и затѣмъ начинаетъ жестикулировать. На всѣ его знаки Пеппиньелло отвѣчаетъ лишь особымъ небрежнымъ кивкомъ головы, который каждый не-неаполитанецъ принялъ бы за знакъ окончательнаго отказа. Въ дѣйствительности же между ними произошелъ оживленный споръ, хотя ни одного слова не было произнесено; простой народъ въ Неаполѣ, всегда достаточно бойкій на языкъ, любитъ «разговаривать молча» другъ съ другомъ—не такъ, какъ это дѣлаютъ влюбленные, но въ смыслѣ настоящаго языка знаковъ. Рыбакъ предлагалъ сперва три, затѣмъ четыре centesimo за одну кучку и девять centesimo за двѣ. Эти предложенія были поочередно отвергнуты. Онъ съ самаго начала зналъ, что это такъ и будетъ, такъ какъ каждый mozzonari, замѣченный въ томъ, что дѣлаетъ свои кучки большихъ размѣровъ или даже заподозрѣнный въ томъ, что продаетъ ихъ ниже установленной цѣны, будетъ не только исключенъ изъ этой касты, но и подвергнется постоянному преслѣдованію со стороны своихъ товарищей; тѣмъ не менѣе, какъ рыбакъ, онъ сознаетъ, что оскорбить всякое чувство при-

*

личія, если купитъ какую бы то ни было вещь, не сдѣлавъ попытки поторговаться. Это будетъ имѣть такой видъ, какъ будто бы онъ хочетъ, чтобы его приняли за господина. Въ концѣ концовъ онъ со вздохомъ кладетъ на бумагу деньги, которыя слѣдуютъ за одну кучку и которыя онъ все время держалъ наготовѣ, и потомъ съ самымъ невиннымъ выраженіемъ протягиваетъ руку къ иностранному табаку, лежащему сверху. Онъ знаетъ, что его цѣна ему не по карману и вовсе не хочетъ покупать его,—онъ предпочитаетъ итальянскій табакъ: ему только хочется показать, что и онъ не совсѣмъ глупъ. Пеппиньелло ласково отталкиваетъ его руку, проводитъ своими пальцами черту между нижними и верхними кучками и указываетъ на послѣднія. Онъ, однако, остерегается трогать деньги, потому что это можетъ повести къ непріятному разговору относительно точной суммы. Тогда рыбакъ дѣлаетъ видъ, что имѣетъ намѣреніе взять ихъ назадъ и купить товаръ у слѣдующаго продавца; когда же онъ видитъ, что Пеппиньелло остается тѣмъ не менѣе неподвижнымъ, то схватываетъ, вмѣсто той кучки, къ которой съ самаго начала лежало его сердце, большой окурокъ сигары изъ общей горки, и медленно удаляется до тѣхъ поръ, пока не находитъ свободнаго мѣста у баррьера набережной, гдѣ и усаживается. Почувствовавъ себя вполнѣ уютно, онъ не спѣша снимаетъ свой особенный головной уборъ, который молодые художники и восторженные антикваріи любятъ называть фригійскимъ, но который непосвященному глазу обыкновенныхъ смертныхъ кажется скорѣе смѣсью между слишкомъ большимъ ночнымъ колпакомъ и чулкомъ для людей, одержимыхъ подагрой; порывшись въ немъ нѣкоторое время, онъ вынимаетъ красной глины трубку съ чубукомъ изъ камыша и складной ножъ и принимается за приготовленіе утренняго угощенія. Если бы вы могли подойти достаточно близко и видѣть, что заключается въ фригійскомъ головномъ уборѣ, когда онъ лежитъ тутъ рядомъ, вы, вѣроятно, нашли бы, что онъ содержитъ въ себѣ еще ломоть хлѣба, половину луковой головки, яблоко, два персика, нѣсколько маленькихъ рыбокъ, завернутыхъ въ водоросли, и картинку съ изображеніемъ св. Антонія; что касается вообще до головнаго убора рыбака, то онъ служитъ не только кошелькомъ и кисетомъ для табака, но и вообще вмѣстилищемъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ его личной собственности. Справедливость во всякомъ случаѣ требуетъ прибавить, что рыба, которую онъ носитъ такимъ образомъ, предназначается только для его собственнаго потребленія.

II.

Въ десять часовъ Пеппиньелло успѣлъ уже распродать весь свой товаръ. Становится жарко, и онъ чувствуетъ потребность выкупаться въ гавани; но онъ не видитъ вблизи никого, у кого можно было бы безопасно оставить одинадцать soldo, вырученные за утреннюю про-

дажу, и, кромѣ того, онъ голоденъ, какъ это и должно быть съ тѣмъ, кто съ самаго разсвѣта на ногахъ и до сихъ поръ еще ничего не ѣлъ. Гдѣ достать обѣдъ?—вотъ въ чемъ вопросъ; ему въ голову даже не приходитъ мысль израсходовать часть тяжелымъ трудомъ заработанныхъ имъ денегъ на пищу, развѣ въ хорошія времена онъ позволяетъ себѣ купить на нихъ кусокъ арбуза. Завертывая еще непроданный имъ иностранный табакъ въ старую газету и укладывая его за пазуху, которая всѣмъ неаполитанцамъ его класса служитъ вмѣстительнымъ карманомъ, онъ мысленно обдумываетъ всѣ открывающіяся передъ нимъ перспективы. Онъ знаетъ, что можетъ получить все ему нужное, отправившись въ узкую улицу, находящуюся недалеко отъ Капуанскихъ Воротъ, гдѣ имѣлъ обыкновеніе жить его отецъ; тамъ есть еще и теперь нѣсколько женщинъ сосѣдокъ, которыя помнили его семью и которыя дали бы ему корку хлѣба, кусокъ сырой капусты или же часть того, что было приготовлено для ихъ собственнаго обѣда. Но онъ замѣтилъ, что чѣмъ рѣже бывалъ его приходъ, тѣмъ теплѣе бывалъ и пріемъ, и ему хочется приберечь этихъ друзей въ качествѣ послѣдняго прибѣжища въ случаѣ крайней нужды. Хотя теперь и не то время, въ теченіе котораго иностранцы любятъ совершать свои прогулки, но все-таки лучше будетъ пока побродить около Santa Lucia, такъ какъ относительно иностранца нельзя предположить навѣрное, что именно онъ будетъ дѣлать; если же онъ вышелъ изъ дому то здѣсь удобнѣе всего найти его. Но дѣти тѣхъ кварталовъ захватили ихъ сообща и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы никто самозванно не проникалъ въ принадлежащій имъ по праву районъ промысла. Если имъ только удастся, они запрутъ его въ кругъ, помѣшаютъ его кривлянью и даже отнимутъ soldo изъ рукъ. Всего нѣсколько недѣль тому назадъ, когда онъ укралъ кошелекъ у англійскаго господина, они почти готовы были выдать его, вмѣсто того, чтобы помочь его отступленію. Правда, въ концѣ концовъ ихъ инстинктивная ненависть къ суду и полиціи одержала верхъ надъ законной ревностью и они помогли ему убѣжать. Черезъ полчаса, когда его добыча была уже отнесена въ безопасное мѣсто, онъ вернулся и позвалъ помогавшихъ ему мальчиковъ въ сосѣднюю таверну, гдѣ поставилъ имъ четыре литра вина. Справедливость требовала такъ поступить и онъ это сдѣлалъ, и такъ какъ кошелекъ содержалъ въ себѣ около двадцати лиръ—хотя въ этомъ онъ никому не признался, то онъ прибавилъ къ столу еще kilo хлѣба. Съ тѣхъ поръ онъ заслужилъ наполовину нежеланное уваженіе въ этомъ кварталѣ. Но Пеппиньелло не таковъ, чтобы забыть объ ихъ нерѣшительности, которая кажется ему низкой измѣной. Кромѣ того, самыя ихъ манеры внушаютъ ему отвращеніе. Только мальчикамъ идетъ кувыркаться, дѣлать гримасы, просить милостыню и воровать, но дѣвочкамъ одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ неприлично дѣлать то же самое. Если онъ къ чему-нибудь на свѣтѣ и чувствуетъ пре-

зрѣніе, то именно къ такимъ дѣвочкамъ и ихъ родственникамъ. Нѣтъ, онъ не пойдетъ на Santa Lucia.

Онъ поворачиваетъ въ одну изъ темныхъ узкихъ улицъ, которая ведетъ отъ Porto, внимательно заглядывая въ каждую таверну, мимо которой проходитъ. Многія изъ нихъ пусты. Въ нѣкоторыхъ же сидитъ всего по одному рабочему съ небольшимъ кускомъ хлѣба и стаканомъ вина или же человѣкъ шесть рабочихъ, собравшихся вмѣстѣ сообща купить цѣлый хлѣбъ и бутылку вина. Пеппиньелло, знаетъ, что обращаться къ нимъ напрасно,—имъ едва хватаетъ, чтобы удовлетворить свой собственный аппетитъ. «А, — думаетъ онъ, будучи, какъ и всѣ люди его класса, злѣйшимъ врагомъ современнаго правительства, можетъ быть, потому только, что оно правительство,—совсѣмъ иначе было при добромъ королѣ Фердинандѣ, когда хлѣбъ стоилъ только четыре soldo за kilo и вино семь centesimo за литръ. Говорятъ, что если въ тѣ времена голодный нищій мальчикъ находилъ рабочаго за обѣдомъ, то могъ быть увѣреннымъ, что получитъ хлѣбную корку и супа, но развѣ они могутъ дать что-нибудь теперь, когда хлѣбъ стоитъ десять, а вино двѣнадцать soldo?» Въ концѣ концовъ онъ видитъ человѣка, кажущагося ему хорошо одѣтымъ, сидящаго въ дальнемъ концѣ низкой и темной комнаты. Въ одно мгновеніе онъ пробирается туда и останавливается передъ нимъ, дѣлая около рта тотъ жестъ большимъ и указательнымъ пальцами, который выражаетъ у неаполитанскихъ нищихъ голодъ. Человѣкъ отрѣзаетъ небольшой кусокъ отъ своего хлѣба и даетъ ему. Подойдя ближе, Пеппиньелло по изможденному лицу и горящимъ глазамъ человѣка видитъ, что у него самого нѣтъ ничего лишняго. Ему почти стыдно, что онъ просилъ у него, но онъ все-таки жуетъ хлѣбъ и проходитъ дальше. Это такой маленькій кусокъ, что онъ сдѣлалъ его еще болѣе голоднымъ. Онъ совсѣмъ не знаетъ, что дѣлать, и въ раздумьи садится на приступокъ у двери.

Ему извѣстно, что прошлой ночью въ портъ пришелъ англійскій пароходъ. Хорошо, если нѣкоторые изъ матросовъ уже на берегу. Если бы онъ нашелъ ихъ, они охотно дали бы ему что-нибудь; ему кажется даже, что онъ почти догадывается, гдѣ они должны быть, но тогда, говоря правду, ему становится страшно. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ матросовъ всегда относились къ нему доброжелательно, но кто знаетъ, что они могутъ сдѣлать? Они такіе сильные и грубые и ничего не уважаютъ. Онъ смотритъ на нихъ такъ же, какъ смотритъ на силы природы, т. е. какъ на нѣчто совершенно своенравное, безграничное и неукротимое. Недавно они бросили ему цѣлыя пригоршни soldo, но можетъ быть сегодня они выбросятъ его самого за окошко. Народъ говоритъ, что они даже не христіане. Кто можетъ сказать? Конечно, Мадонна имѣетъ власть и надъ ними, а онъ очень голоденъ. Итакъ, онъ встаетъ и снова поворачиваетъ по направленію къ Porto, произ-

нося шепотомъ «Отче нашъ» и «Богородицу», глаза же его раскрыты и наблюдаютъ за тѣмъ, не пошлетъ ли чего Провидѣніе.

Онъ входитъ въ одинъ, другой, третій изъ домовъ, куда они предпочтительно заходятъ, и самолично убѣждается, что матросовъ тамъ нѣтъ. Наконецъ, онъ слышитъ ихъ голоса въ передней комнатѣ перваго этажа четвертаго дома. По его мнѣнію, это худшая таверна, которую они могли выбрать; что же касается хозяйки, то она очень... я не знаю ни одного слова, которое бы не было унижено въ примѣненіи къ ней. Она смотритъ на деньги, находящіяся въ карманахъ своихъ верхнихъ посѣтителей, какъ уже на свои собственныя, и естественно отклоняетъ всякую претензію на нихъ со стороны, какъ бы мала она ни была. Пеппиньелло хорошо ее знаетъ, но онъ пришелъ сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы вернуться, испугавшись старой хрычовки. Съ беззаботнымъ и какъ бы скучающимъ видомъ онъ бродитъ по улицѣ, садится на приступокъ двери, расположенной противъ входа въ таверну, кладетъ голову на руки и въ концѣ концовъ вытягивается во всю длину. Прохожій можетъ принять его за спящаго, на самомъ же дѣлѣ онъ весь вниманіе. Онъ знаетъ, что единственный удачный исходъ для него—дождаться, пока нижняя комната, а, если можно, и кухня позади нея опустѣютъ, и тогда быстро подняться вверхъ по лѣстницѣ. Онъ лежитъ такъ самое большее полчаса. Въ концѣ концовъ поваръ отсылается за чѣмъ-то, насколько это можно видѣть на разстояніи, потому что беретъ свою куртку и шляпу. Хозяйка стоитъ у стола спиною къ передней комнатѣ и держитъ передъ собой подносъ со стаканами грога, на половину налитыми спиртомъ. Черезъ нѣсколько времени приходитъ поваренокъ съ ведромъ кипятку, который онъ наливаетъ въ стаканы, пока хозяйка размѣшиваетъ ихъ. По несчастью, одна или двѣ капли падаютъ на ея руку; она ничего не говоритъ и только вытираетъ ихъ тряпкой, которая лежитъ рядомъ. Когда же послѣдній стаканъ наполненъ и поваренокъ дѣлаетъ два шага отъ стола, она даетъ ему такой подзатыльникъ, что поваренокъ кубаремъ летитъ на другой конецъ кухни и проливаетъ весь кипятокъ себѣ на ноги. Конечно, поднимается крикъ. Но Пеппиньелло не въ такомъ настроеніи, чтобы обращать вниманіе на что бы то ни было. Хозяйка спокойно беретъ подносъ, принимаетъ пріятно улыбающійся видъ и начинаетъ подниматься по лѣстницѣ. Это на счастье Пеппиньелло. Онъ перескакиваетъ черезъ три или четыре ступени лѣстницы и, наконецъ, послѣ прыжка, сдѣланнаго по кошачьи, украдкой, идетъ слѣдомъ за хозяйкой. Его голыя ноги ступаютъ безъ шума, и онъ крадется такъ близко позади нея, что ей невозможно увидать его, даже если бы она повернулась, а сдѣлать это она можетъ лишь съ трудомъ, такъ какъ лѣстница узка и у нея въ рукахъ подносъ. Дойдя до площадки, она останавливается и ставитъ свою ношу на столъ, чтобы отворить дверь; Пеппиньелло же дѣлаетъ быстрый прыжокъ впередъ и входитъ неза-

мѣченнымъ, очень довольный своимъ успѣхомъ; онъ, впрочемъ, не вполнѣ увѣренъ, не попалъ ли изъ огня да въ полымя.

Вокругъ стола, покрытаго остатками того, что было, повидимому, роскошнымъ, хотя довольно грубымъ пиршествомъ, сидятъ шесть матросовъ среди не особенно почтеннаго общества. Пеппиньелло знаетъ, что отвага теперь его единственная надежда — схвати его хозяйка прежде, чѣмъ онъ успѣетъ привлечь вниманіе мужчинъ, онъ навѣрное полетитъ внизъ по лѣстницѣ гораздо скорѣе, чѣмъ поднялся по ней. Онъ подходитъ съ низкими поклонами и ужимками, указывающими на его голодъ.

— Чего надо этому маленькому чертенку? — спрашиваетъ одинъ изъ мужчинъ на очень несовершенномъ итальянскомъ языкѣ.

— Онъ проситъ хлѣба, — отвѣчаетъ одна изъ дѣвушекъ, бросая ему половину хлѣба. Пеппиньелло подпрыгиваетъ вверхъ, ловитъ его на половинѣ дороги, дѣлаетъ жестъ безумной радости и затѣмъ съ физіономіей, выражающей чрезвычайную важность, кланяется въ знакъ благодарности и вытягивается, какъ солдатъ на парадѣ. Это очень забавляетъ мужчинъ, и скоро весь хлѣбъ со стола оказывается запрятаннымъ за его рубашку. Это придаетъ ему странную внѣшность, тонкія руки и ноги составляютъ поразительный контрастъ съ громаднымъ туловищемъ. Онъ замѣчаетъ это преимущество и продолжаетъ ломаться, его лицо и тѣло кажутся совершенно нечеловѣческими. За этимъ слѣдуютъ взрывы смѣха и одна изъ дѣвушекъ подаетъ ему стаканъ вина. Между тѣмъ, грогъ поставленъ на столъ и мужчины закурили трубки. Одинъ изъ нихъ вынимаетъ итальянскую сигару, но послѣ первой же затяжки, бросаетъ ее съ проклятіемъ, заявляя, что она приготовлена изъ смѣси листьевъ красной капусты и индійской резины. Пеппиньелло схватываетъ ее на лету, садится въ уголъ и начинаетъ курить ее съ выраженіемъ самой безграничной радости.

— Какъ, и ты умѣешь курить, дьяволенокъ! возьми ужъ всю пачку; будь я проклятъ, если хоть одно человѣческое существо въ состояніи ихъ курить.

Эти слова произносятся по англійски и Пеппиньелло едва вѣритъ глазамъ, когда пачка сигаръ летитъ черезъ всю комнату на его колѣни,

— Спроси у него, знаетъ ли его мать, гдѣ онъ шатается *),—говоритъ одинъ изъ мужчинъ. Его товарищъ, какъ умѣетъ, передаетъ вопросъ по итальянски. Одна изъ дѣвушекъ повторяетъ его на неаполитанскомъ діалектѣ и передаетъ отвѣтъ Пеппиньелло, который переводится на англійскій языкъ для мужской половины компаніи.

— У меня нѣтъ матери.

— А твой отецъ?

— У меня нѣтъ отца.

---

*) Слова уличной англійской пѣсни, сдѣлавшіяся ходячимъ выраженіемъ.

— Какъ же ты живешь тогда?

— Какъ могу.

— Спроси у него, не хочетъ ли онъ уѣхать съ нами на кораблѣ, и скажи ему, что мы сдѣлаемъ изъ него человѣка.

— Что же будетъ тогда съ моими сестрами?

— Сколько у тебя сестеръ?

— Четыре.

— Какихъ лѣтъ?

— Одна годомъ старше и три моложе меня, и у нихъ нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ меня, кто бы могъ о нихъ позаботиться.

Самая мысль о томъ, что эта маленькая обезьяна — отецъ семейства, слишкомъ комична, чтобы не возбудить смѣха, но въ ней есть нѣчто патетическое. Ни одна изъ дѣвушекъ не вѣритъ этому разсказу, но на вопросы своихъ спутниковъ всѣ онѣ выражаютъ полную увѣренность въ его правдивости. Кромѣ того, одна или двѣ заявляютъ, что онѣ сами знакомы со всѣми подробностями его жизни.

— Все это, конечно, чистѣйшая ложь,—говоритъ другой изъ мужчинъ,—но не въ этомъ дѣло,—и бросаетъ мальчику монету въ два soldo. Остальные матросы слѣдуютъ его примѣру.

Пеппиньелло собираетъ всѣ свои богатства. Онъ чувствуетъ, что ему уже пора удалиться, но въ то же время знаетъ, что хозяйка поджидаетъ его внизу съ палкой; сначала она безпощадно поколотитъ его, затѣмъ отниметъ у него все, что онъ здѣсь получилъ, и въ концѣ концовъ выброситъ на улицу. Его пугаетъ, что и утренній его заработокъ можетъ исчезнуть со всей остальной выручкой. А это далеко не пріятная перспектива. Къ счастью, дѣвушки, сидящія за столомъ, знаютъ это не хуже его самого. Одна изъ нихъ шепчетъ одно или два слова на ухо своему сосѣду, встаетъ изъ-за стола, слегка киваетъ мальчику головой и спускается внизъ по лѣстницѣ. Онъ отвѣшиваетъ молчаливый поклонъ всей компаніи и пробирается слѣдомъ за ней; когда же они достигаютъ нижней комнаты, она беретъ его за руку и доводитъ до уличной двери среди цѣлой бури ругательствъ хозяйки, которая тѣмъ не менѣе не отваживается выказывать другихъ, болѣе энергичныхъ, выраженій своего бѣшенства.

— А теперь бѣги скорѣй, маленькій чертенокъ!..

Пеппиньелло останавливается только на одно мгновеніе, чтобы учтиво поднести руку дѣвушки къ губамъ, и, прежде чѣмъ проходитъ полминуты, успѣваетъ пробѣжать цѣлую дюжину угловъ отъ арены своего приключенія.

Тогда дѣвушка поворачивается и смотритъ прямо въ лицо разъяренной хозяйки

— Что сдѣлалъ вамъ мальчикъ? — спрашиваетъ она спокойно.— Если бы еще господа, сидящіе наверху, были сердиты, я бы поняла васъ, но имъ самимъ было забавно. Что же онъ вамъ сдѣлалъ?

Хозяйка немного испугана видомъ молодой дѣвушки и отвѣчаетъ ей почти плаксивымъ голосомъ:

— А развѣ для меня ничего не значитъ весь тотъ хлѣбъ, что онъ сейчасъ стащилъ?

— На что же вамъ остатки хлѣба?

— Я продаю его бѣднымъ.

Вся фигура дѣвушки сразу принимаетъ видъ, исполненный достоинства; она чувствуетъ, насколько эта женщина упала ниже ея, и ея голосъ дѣлается очень глухимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ колкимъ, когда она говоритъ:

— Донна Эстере, вы черствы и порочны, какъ піэмонтезка. Если вы скажете еще одно слово, я никогда больше не вернусь въ вашъ домъ и уведу всѣхъ моихъ друзей вонъ туда,—и она дѣлаетъ небольшое движеніе головой по направленію къ конкуррирующей тавернѣ.

Донна Эстере не въ состояніи пренебрегать этой угрозой, но тѣмъ не менѣе она слишкомъ возбуждена, чтобы быть въ силахъ низкопокланничать передъ дѣвушкой и льстить ей, какъ она будетъ это дѣлать черезъ полчаса. Она молчаливо удаляется на кухню и тамъ даетъ полную волю своему бѣшенству, которое выражается сперва въ ругательствахъ, а затѣмъ въ побояхъ, наносимыхъ поваренку.

III.

Какъ только Пеппиньелло чувствуетъ себя вполнѣ въ безопасности, онъ вытаскиваетъ кусокъ хлѣба и съ жадностью принимается ѣсть его, медленно подвигаясь по направленію къ прежнему жилищу отца. Онъ едва успѣваетъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ замѣчаетъ другого мальчика его же класса, который сидитъ въ подъѣздѣ и обѣдаетъ кочаномъ сырой капусты и двумя луковицами. Пеппиньелло садится по-турецки напротивъ него и, съ намѣреніемъ начать разговоръ, замѣчаетъ дружелюбнымъ тономъ, что капуста кажется ему не совсѣмъ свѣжей. Хозяинъ оклеветаннаго овоща отвѣчаетъ, что онъ снялъ его только сегодняшнимъ утромъ въ саду своего дяди, и добавляетъ къ этому, что ему жаль мальчика, который вынужденъ обѣдать однимъ черствымъ хлѣбомъ. Это служитъ началомъ оживленнаго разговора, который черезъ пять минутъ приводитъ къ обмѣну толстаго куска капусты и половины луковицы на кусокъ хлѣба. Каждый изъ нихъ находитъ, что онъ обѣдаетъ роскошно, и, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, которое могло остаться у его сосѣда, расхваливаетъ полученную провизію такъ же горячо, какъ прежде порицалъ ее. Незнакомецъ даетъ яркое описаніе сада своего дяди; этотъ садъ, по его мнѣнію, является самой замѣчательной собственностью, когда-либо принадлежавшей свирѣпому и эксцентричному старому господину, единственную слабость котораго составляетъ горячая привязан-

ность и любовь къ своему племяннику. У Пеппиньелло есть сильныя сомнѣнія относительно существованія подобнаго земного рая, но изъ вѣжливости онъ ихъ не высказываетъ. Въ свою очередь, онъ разсказываетъ, что его отецъ ушелъ въ море полтора года тому назадъ, что они предполагали его окончательно погибшимъ и что сегодня утромъ его тетка получила письмо, извѣщающее о томъ, что онъ женился въ Палермо на какой-то богатой наслѣдницѣ и черезъ нѣсколько недѣль намѣренъ вернуться въ Неаполь.

— Твоя мачиха будетъ бить тебя!—говоритъ незнакомецъ такимъ тономъ, который обнаруживаетъ близкое знакомство съ этой операціей.

— Да, но ты не знаешь самаго лучшаго,—отвѣтилъ Пеппиньелло.— У нея всего только одна нога, другая же сдѣлана изъ дерева, но, говорятъ, вся она наполнена хорошими французскими золотыми деньгами.

Покончивъ съ ѣдой, онъ продолжаетъ свой путь, погруженный въ мысли о томъ, что дѣлать со счастливой судьбою, такъ неожиданно придуманной для себя. Незнакомецъ же, удаляясь въ противоположномъ направленіи, обсуждаетъ серьезный вопросъ, кого изъ двухъ воображаемаго ли жестокаго дядю, который ни въ чемъ не отказываетъ своему любимцу, или такую же мачиху съ деревянной, наполненной золотыми монетами ногой, предпочелъ бы имѣть маленькій уличный мальчикъ со скудными средствами къ жизни.

Въ концѣ концовъ Пеппиньелло подходитъ къ небольшой табачной лавкѣ на углу узкой улицы.

— Доброе утро, донна Амалія,—говоритъ онъ, входя.

— А, Пеппиньелло! ты снова здѣсь, а обѣдъ уже кончился и я не знаю, остался ли хоть одинъ кусокъ въ цѣломъ домѣ.

Тонъ ея грубоватъ, но, тѣмъ не менѣе, она повертывается съ очевиднымъ намѣреніемъ поискать въ кладовой.

— Благодарю васъ; я уже ѣлъ сегодня. Я пришелъ попросить васъ сохранить вотъ это для меня до вечера,—и онъ выкладываетъ свой хлѣбъ на прилавокъ.

— Какъ! цѣлыхъ десять хлѣбовъ; да тебѣ повезло сегодня!

— А вотъ еще нѣсколько сигаръ. Можете ли вы продать ихъ для меня? Конечно, я не жду за нихъ полной цѣны.

Отказываться отъ какой бы то ни было законной прибыли—противъ убѣжденій донны Амаліи, но она вспоминаетъ, что мальчикъ—сирота и что Пресвятая Дѣва вознаграждаетъ тѣхъ, кто бываетъ сострадателенъ къ ближнимъ.

— Хорошо, покажи ихъ мнѣ. Да онѣ совершенно цѣлы. Я думаю, онѣ стоютъ девять centesimo за штуку; это составитъ четырнадцать soldo и два centesimo. Вотъ они,—и она выплачиваетъ ему сполна всю сумму. Она не сомнѣвается въ душѣ, что принимаетъ ворованное добро, но кто же можетъ узнать сигару, да это и не ея дѣло, и она не задаетъ никакихъ вопросовъ. Пеппиньелло кладетъ деньги рядомъ

съ остальной выручкой и поручаетъ все это ея попеченіямъ. Она тщательно вмѣстѣ съ нимъ пересчитываетъ деньги, завертываетъ ихъ въ кусокъ бумаги и кладетъ на полку въ сосѣдней комнатѣ вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Онъ прощается и уходитъ уже изъ лавочки, когда она зоветъ его обратно.

— Ты вѣдь не въ состояніи съѣсть всего этого хлѣба, пока онъ будетъ свѣжимъ.

— Онъ вполнѣ къ вашимъ услугамъ, донна Амалія,—но въ его глаглазахъ есть что-то, что противорѣчитъ и тону, и словамъ.

— Нѣтъ, мальчикъ, мнѣ не нуженъ твой хлѣбъ; посмотри ка сюда: эти три хлѣба такъ хороши, какъ будто они только что получены отъ булочника. Если ты хочешь, я возьму ихъ сегодня и вмѣсто нихъ завтра дамъ тебѣ свѣжіе хлѣбы.

— Тысячу спасибо, но пусть это будетъ послѣ-завтра.

— Отлично.

Онъ искренно признателенъ грубоватой доброй женщинѣ, но не цѣлуетъ ея руки. Онъ дѣлаетъ это людямъ болѣе высокаго соціальнаго положенія; что же касается до донны Амаліи, онъ чувствуетъ себя не такъ уже много ниже ея.

Теперь какъ разъ время для послѣобѣденнаго сна и Пеппиньелло удаляется въ подъѣздъ, гдѣ плиты ровнѣе и гдѣ не угрожаетъ опасность, что солнечные лучи проникнутъ и разбудятъ его. Онъ не торопится спать, какъ всегда это дѣлаетъ, можетъ быть, потому, что лучше пообѣдалъ; когда же онъ припоминаетъ всѣ утреннія событія, то приходитъ къ заключенію, что долженъ на слѣдующее утро пойти къ обѣднѣ и поблагодарить за освобожденіе себя отъ опасности. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что именно Мадонна спасла его отъ донны Эстере, но никогда еще не случалось, чтобы она избирала такого страннаго посланника. Затѣмъ онъ начинаетъ раздумывать о томъ, какія числа лучше всего будетъ поставить на lotto на этой недѣлѣ. Онъ скорѣе сомнѣвается въ своемъ счастьи, потому что потерялъ уже тѣ шесть франковъ, которые нашелъ въ кошелькѣ на дорогѣ. Ему очень хочется увидать требуемыя числа во снѣ, но это никогда ему не удается. Священники, конечно, знаютъ ихъ всѣ, потому что они учились, но ихъ связываетъ обѣщаніе не дѣлиться этимъ знаніемъ съ кѣмъ бы то ни было; говорятъ однако, что нѣкоторые монахи сообщаютъ этотъ священный секретъ на ухо своимъ друзьямъ. Безъ всякаго сомнѣнія они должны такъ поступать, единственно для того, чтобы отомстить за себя правительству, которое удалило ихъ въ монастыри. Пеппиньелло рѣшаетъ на будущее время быть очень вѣжливымъ со всѣми монахами. Если бы онъ умѣлъ читать, то непремѣнно бы досталъ одну изъ этихъ чудесныхъ книгъ, которыя такъ хорошо объясняютъ каждую вещь, что едва успѣешь подумать о чемъ нибудъ, какъ находишь заключающееся въ немъ число. На этотъ разъ онъ поставитъ 32, но-

меръ дома донны Эстере, и 12, потому что у нея было двѣнадцать посѣтителей за столомъ. Судьба, безъ сомнѣнія, укажетъ ему на другія числа къ тому времени, когда ему придется снова играть. Онъ засыпаетъ, раздумывая объ этихъ вещахъ.

Просыпается онъ позже обыкновеннаго и съ нѣкоторымъ смущеніемъ видитъ, насколько уже низко склонилось солнце. Онъ пропустилъ уже первое лучшее время сбора окурковъ, находящееся въ своемъ зенитѣ въ два часа, когда господа, позавтракавъ и покуривъ, возвращаются къ своимъ занятіямъ. Онъ долженъ торопиться, иначе, у него ничего не будетъ для вечерней продажи и онъ пропуститъ самую продажу. Онъ спѣшитъ на станцію желѣзной дороги, по пути подбирая здѣсь и тамъ свой товаръ. Ему нѣтъ удачи и теперь, хотя добродушный привратникъ позволяетъ ему пробраться въ пассажирскій залъ, который пустъ въ настоящее время. Онъ направляется къ Porto, выбирая узкія улицы и малолюдныя мѣста, и идетъ медленно, какъ бы сомнѣваясь въ чемъ то. Въ концѣ концовъ онъ садится на землю и пересчитываетъ весь свой скудный сборъ съ видомъ, говорящимъ достаточно ясно: «мнѣ не везетъ». Затѣмъ онъ поворачиваетъ отъ Porto и, поднявшись по двумъ и тремъ улицамъ быстрыми, торопливыми шагами, достигаетъ угла, на которомъ расположилось бѣдно-высматривающее café. Здѣсь его манеры совершенно мѣняются; онъ принимаетъ веселый и безпечный видъ и начинаетъ напѣвать неаполитанскую пѣсню. Гарсонъ въ сильно потертой одеждѣ, сидящій у двери café, громко и шутливо привѣтствуетъ его и потомъ спрашиваетъ, понижая голосъ: «Нужны ли тебѣ сегодня окурки сигаръ?»

— Еще и самъ не знаю. У меня большой запасъ, а я такъ мало продаю. Впрочемъ, покажи.

Они вмѣстѣ входятъ въ пустое café и сокровище выставляется на показъ.

— Сколько ты хочешь за нихъ?

— А что ты дашь—четыре soldo?

— Нѣтъ, даже двухъ много за такое количество,—съ пренебреженіемъ говоритъ мальчикъ.

Конечно, вслѣдъ за этимъ возникаетъ споръ и Пеппиньелло въ концѣ концовъ соглашается дать два soldo, но только для того, чтобы не потерять дружбы и покровительства гарсона. Табакъ, продолжаетъ онъ настаивать, не стоитъ такой цѣны.

— Когда ты мнѣ заплатишь?

— Нынче вечеромъ, если успѣю достаточно продать.

Онъ снова принимаетъ безпечный видъ и продолжаетъ пѣсню до тѣхъ поръ, пока не доходитъ до конца улицы, гдѣ ускоряетъ шаги и перестаетъ пѣть. Обѣ стороны скорѣе совѣстятся этой сдѣлки. Гарсонъ сознаетъ, что поступилъ дурно, а мальчикъ, который смотритъ на всѣ окурки сигаръ, какъ на законную собственность mozzonari, чувствуетъ,

что его обманули. И только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ сегодня, онъ переноситъ это. На самомъ дѣлѣ эта совершенно законная покупка, которая принесетъ ему большія выгоды, угнетаетъ его совѣсть гораздо болѣе, чѣмъ любая изъ кражъ. Поэтому, каждый изъ нихъ увѣренъ въ скромности другого.

Поворачивая снова къ Porto, Пеппиньелло предполагаетъ, что его навѣрное въ скоромъ времени настигнетъ какое-нибудь несчастіе, и чувствуетъ, что заслуживаетъ наказанія; онъ надѣется только на то, что мстительныя силы поразятъ его легкой рукой. Когда же онъ видитъ, что незнакомый всему кружку mozzonari, мальчикъ — большой, нескладный юноша лѣтъ пятнадцати—завладѣлъ его мѣстомъ, то смотритъ на это, какъ на результатъ ихъ немедленнаго вмѣшательства, но тѣмъ не менѣе не чувствуетъ себя способнымъ терпѣливо выносить это. Кромѣ того, онъ знаетъ, что если теперь уступить, то его излюбленное мѣсто навсегда для него погибнетъ. Поэтому онъ выражаетъ негодующій протестъ, который влечетъ за собой соотвѣтствующій отвѣтъ. Затѣмъ возникаетъ ожесточенный споръ, во время котораго обѣими сторонами употребляются довольно сильныя выраженія. Лодочникъ, проходящій мимо изъ гавани, прекращаетъ споръ, сперва отталкиваетъ юношу на разстояніе въ нѣсколько ярдовъ, а затѣмъ бросаетъ за нимъ и его товаръ. Сдѣлавъ это, онъ уходитъ вполнѣ удовлетворенный совершеннымъ актомъ справедливости,—ему извѣстно, что это обычное мѣсто Пеппиньелло, а противникъ его достаточно великовозрастенъ, чтобы зарабатывать на свое пропитаніе другимъ путемъ. Торговля окурками сигаръ — дѣтское занятіе и его нужно предоставить только дѣтямъ.

Пеппиньелло спокойно занимаетъ свое старое мѣсто, съ котораго вновь пришедшій не долженъ пытаться изгнать его силой—очевидно, у него есть слишкомъ могущественный союзникъ; изгнанный юноша садится на землю на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ передъ Пеппиньелло и осыпаетъ его всевозможными бранными словами. До сихъ поръ ихъ хотя и энергичный разговоръ заключается въ широкихъ границахъ того, что низшіе неаполитанскіе классы считаютъ приличнымъ или, по меньшей мѣрѣ, терпимымъ, теперь же наиболѣе скверные и оскорбительные эпитеты, которыми снабжаетъ ихъ необыкновенно выразительный языкъ, свободно пущены въ ходъ. Сначала мальчикъ возвращаетъ эпитетъ за эпитетъ, но затѣмъ притихаетъ, его глаза расширились, губы сжались, правая рука заложена за рубашку и мнетъ ее.

— Ахъ ты, поповскій сынъ!

Едва только эти слова произнесены, какъ ножъ мальчика уже раскрытъ и онъ, неожиданнымъ и внезапнымъ, какъ у кошки, прыжкомъ подскакиваетъ къ горлу своего врага.

Къ счастью для нихъ обоихъ, хорошо одѣтый господинъ, молчаливо наблюдавшій за всей сценой, такимъ же быстрымъ движеніемъ, какъ

и движеніе Пеппиньелло, схватываетъ мальчика, обхвативъ его туловище правой рукой и завладѣвъ ножомъ лѣвой. Еще одинъ моментъ и толчокъ ногой, посланный отъ добраго сердца, опрокидываетъ распростертаго самозванца на мостовую. Послѣдній сначала поднимается самъ, затѣмъ собираетъ свой товаръ и уходитъ, бормоча угрозы и проклятія. Одного взгляда на его лицо однако достаточно, чтобы увидать, что никогда болѣе онъ не отважится снова соперничать съ Пеппиньелло.

Пеппиньелло растягивается на землѣ во всю свою длину. Лицо обращено внизъ и закрыто обѣими руками, тѣло продолжаетъ еще дрожать; его покровитель, бросивъ на него быстрый взглядъ, видитъ, что все это лишь утихающій гнѣвъ, и проходитъ мимо, какъ будто не случилось ничего особеннаго. Когда черезъ часъ онъ возвращается обратно, мальчикъ весело шутитъ со своими товарищами; но его живые глаза замѣчаютъ приближающуюся фигуру, онъ отходитъ къ своему углу и шепчетъ, низко наклонивъ голову: «Благодарю васъ, донъ Антоніо».

Донъ Антоніо, если таково его имя, не обращаетъ на это вниманія, и, проходя мимо, не бросаетъ ни одного взгляда на арену недавняго конфликта.

IV.

Около восьми часовъ Пеппиньелло рѣшаетъ отправиться на промыселъ для сегодняшняго вечера. Правда, торговля теперь въ самомъ зенитѣ, и онъ продалъ еще не болѣе половины товара, но ему хочется сдѣлать новый запасъ на завтра, а лучшее время для сбора только что началось. Сегодня вечеромъ онъ долженъ хорошо распорядиться своимъ временемъ, потому что хочетъ вернуться домой раньше обыкновеннаго, а донна Амалія ложится спать между одиннадцатью и двѣнадцатью часами. Онъ сворачиваетъ по направленію къ San Carlo и медленно проходитъ мимо маленькихъ театровъ, поднимая все, что находитъ на своемъ пути, пока не доходитъ до воротъдворцоваго сада, чрезъ которыя, едва замѣтнымъ движеніемъ руки и не поворачивая головы, бросаетъ монету въ два centesimo. Съ обѣихъ сторонъ стоитъ по колоссальной бронзовой статуѣ, изображающей человѣка, управляющаго непокорнымъ конемъ. Ихъ послалъ русскій императоръ Николай въ подарокъ королю Фердинанду послѣ своего возвращенія изъ Италіи, и современные итальянскіе либералы предполагаютъ, что въ нихъ заключается тонкій намекъ на то, какъ смотрѣлъ сѣверный Самодержецъ на истинные принципы самоуправленія. Всего этого Пеппиньелло, безъ сомнѣнія, не знаетъ, но сильныя, могучія формы произвели глубокое впечатлѣніе на его воображеніе и онъ придумалъ этотъ странный способъ, чтобы отплатить имъ за свое поклоненіе. Онъ не причисляетъ ихъ къ святымъ и до сихъ поръ менѣе всего имѣетъ намѣреніе оказывать имъ божескія почести. То, что онъ имъ приписы-

ваетъ, есть большая, но не безграничная сила и такая же сама по себѣ своенравная воля, какую часто проявляютъ рыбаки. Онъ не производитъ анализа и не видитъ противорѣчія между этимъ поклоненіемъ и остальной своей религіозной вѣрой, бронзовыя статуи въ дѣйствительности занимаютъ мѣсто, которое, иначе, осталось бы незанятымъ въ его Пантеонѣ. Ему кажется, онѣ ведутъ собственную самостоятельную жизнь и очень мало заботятся о людскихъ дѣлахъ, хотя онъ думаетъ, что имъ до нѣкоторой степени пріятно искреннее обожаніе. Въ лучшемъ случаѣ онѣ только добродушны, но не добры, и потому стоятъ не измѣримо ниже святыхъ, у которыхъ все время уходитъ на дѣла милосердія и состраданія. Но бываютъ случаи, когда нельзя призывать святыхъ на помощь въ тѣхъ дѣлахъ, которыя церковью считаются грѣхомъ, хотя, безъ сомнѣнія, они часто спасаютъ отъ его послѣдствій. Его обожаніе двухъ бронзовыхъ статуй не заключаетъ въ себѣ подобныхъ сомнѣній; онъ убѣжденъ, что ихъ нравственный кодексъ не строже его собственнаго. Ихъ-то призывалъ онъ, когда дѣти изъ Santa Lucia были готовы отдать его въ руки полиціи, и намъ извѣстно уже, насколько удачно онъ вышелъ изъ этого затрудненія. Тѣмъ не менѣе онъ держитъ въ секретѣ свою нечестивую вѣру, частью изъ боязни показаться смѣшнымъ, частью изъ опасенія, какъ бы предметы его вѣры не стали менѣе склонными выслушивать его молитвы, если число ихъ почитателей не будетъ тѣсно ограничено.

Затѣмъ Пеппиньелло принимается съ большой настойчивостью за работу и къ двѣнадцати часамъ собираетъ большое количество товара, уплачиваетъ гарсону два soldo, который былъ долженъ ему, и получаетъ свой хлѣбъ и деньги отъ донны Амаліи. Въ концѣ концовъ онъ направляется домой. Это длинный путь и онъ останавливается только для того, чтобы купить у разносчика два куска арбуза, которые и несетъ въ рукѣ, пока не достигаетъ небольшого открытаго двора при входѣ въ очень непривлекательное жилище, гдѣ сидитъ множество женщинъ, наслаждаясь свѣжестью ночи, насколько это позволяютъ высокія стѣны сосѣднихъ домовъ. Онъ громко свиститъ и тотчасъ же на этотъ свистъ къ нему торопливо выходитъ дѣвочка. Одного взгляда достаточно, чтобы узнать въ ней сестру Пеппиньелло. Имя ея Кончетта, ей около тринадцати лѣтъ, но сѣверянинъ подумалъ бы, что ей полуторымя годами больше. Цвѣтъ ея кожи блѣднѣе, чѣмъ у брата, глаза очень блестятъ и ея черные волосы, закрученные грубыми прядями вокругъ головы, выгорѣли и посвѣтлѣли отъ солнца, и первый слой ихъ совершенно коричневаго цвѣта. При самомъ незначительномъ уходѣ они могли бы выглядѣть гораздо лучше, но со времени смерти матери они совсѣмъ не чистились и расчесываются не болѣе раза въ недѣлю. Ея платье еще прилично, хотя и починено во многихъ мѣстахъ различными матеріями, за то вся она гораздо грязнѣе, чѣмъ Пеппиньелло, которому мѣстный обычай дозволяетъ роскошь морского купанья. Тѣмъ не менѣе, въ ней замѣтна

большая доля ума, нѣкоторая доброта и много заботливости во взглядѣ. По временамъ однако она можетъ отдаться необузданному порыву веселья и танцовать тарантеллу со всей дикой страстью вакханки. Во всякомъ случаѣ она рѣдко дѣлаетъ это въ присутствіи брата или какого-нибудь мужчины; сегодня же она послушно идетъ за Пеппиньелло по узкой улицѣ къ маленькому открытому мѣсту и садится тамъ на ступени двери рядомъ съ нимъ. Она такъ же глубоко убѣждена, какъ и онъ, что занять мѣсто среди женщинъ, собравшихся во дворѣ при входѣ, будетъ ниже ихъ достоинства.

— Что, дѣти уже спятъ?—спрашиваетъ Пеппиньелло, передавая сестрѣ кусокъ хлѣба и одинъ изъ кусковъ арбуза.

— Да, и донна Лючіа обѣщала присмотрѣть за ними, пока я не вернусь.

Затѣмъ Пеппиньелло даетъ дѣвочкѣ четыре soldo для хозяйственныхъ расходовъ на завтрашнее утро, а когда онъ, сверхъ того, прибавляетъ восемь centesimo, чтобы каждой изъ сестеръ купить по куску арбуза, она догадывается, что сегодня ему была удача; въ трудныя времена и она сама, и сестры бываютъ вынуждены жить на одно soldo каждая, а также на то, что могутъ собрать или сберечь отъ заработковъ. Хлѣбъ является новой и пріятной неожиданностью, заставляющей блестѣть ея глаза; завтра утромъ заботы по хозяйству будутъ совсѣмъ легкимъ дѣломъ.

Окончивъ всѣ дѣловые разговоры, оба съ усерднымъ аппетитомъ набрасываются на ужинъ и Пеппиньелло въ то же самое время разсказываетъ про всѣ свои дневныя приключенія, за исключеніемъ лишь сдѣлки съ гарсономъ и жертвоприношенія статуямъ. Манеры ихъ обоихъ совершенно измѣнились; они теперь просто дѣти, весело болтающія другъ съ другомъ, какъ будто они никогда не знавали ни нужды, ни заботъ. Окончивъ разсказъ, онъ кладетъ деньги въ ея руку, всѣ, за исключеніемъ одного, заранѣе спрятаннаго имъ soldo. Она заботливо пересчитываетъ ихъ и затѣмъ радостно восклицаетъ: «Тебѣ очень повезло сегодня. Съ прежними это составляетъ семь съ половиною лиръ: еще десять soldo, и деньги для мѣсячнаго расхода будутъ всѣ на лицо, а завтра еще только тринадцатое число!»

Пеппиньелло отвѣчаетъ тономъ, принявшимъ нѣкоторую долю прежней серьезной дѣловитости: «Да, но это не удастся сдѣлать раньше, чѣмъ мы не израсходуемъ чего-нибудь».

Кончетта тотчасъ же соглашается съ этимъ и затѣмъ предлагаетъ, когда весь мѣсячный бюджетъ будетъ заработанъ, продолжать копить свои заработки до тѣхъ поръ, пока ихъ не будетъ достаточно, чтобы купить одной изъ дѣвочекъ хорошенькое платье, въ которомъ бы можно было посылать ее по вечерамъ на виллы продавать цвѣты барынямъ и господамъ. «Вотъ чѣмъ можно заработать деньги»! Но Пеппиньелло очень рѣшительно отвергаетъ этотъ проектъ и дѣвочка,

имѣющая, подобно всѣмъ любящимъ, не испорченнымъ еще культурою женщинамъ, привычку повиноваться даже неразумнымъ желаніямъ тѣхъ, кого любитъ, сразу уступаетъ, и каждый, болѣе чѣмъ она знакомый съ неаполитанскою жизнью, почувствуетъ, что въ данномъ случаѣ братъ ея правъ. Она не сердится на него за это и не ссорится съ нимъ, но тѣмъ не менѣе видно, насколько она огорчена, что ея планъ отвергнутъ; она становится молчаливѣе обыкновеннаго. Она очень довѣряетъ брату, любитъ его и восхищается имъ; они никогда не ссорятся, можетъ быть, отчасти потому, что слишкомъ мало бываютъ вмѣстѣ, и еще больше потому, что у нея никогда не бываетъ секретовъ отъ него. Онъ же, какъ мы видѣли, не такъ откровененъ. Онъ никогда ничего не разсказываетъ ей относительно кошелька, но на это у него есть нѣсколько основательныхъ причинъ. Ему не хочется, чтобы она знала, что онъ воруетъ, потому что и она можетъ послѣдовать его примѣру, а это будетъ неженственно. Не бѣда, если мальчики дѣлаютъ множество такихъ вещей, которыхъ дѣвочки не должны дѣлать, и онъ былъ бы точно также шокированъ, услыхавъ, что Кончетта воруетъ, какъ если бы увидалъ ее плавающей въ водахъ гавани. Но у него есть еще и другое основаніе держать это въ секретѣ. Онъ хорошо знаетъ, какъ нужно поступить съ деньгами. Самымъ гнетущимъ въ его жизни является страхъ, что онъ не сможетъ когда-нибудь заработать на мѣсячный расходъ и что, вслѣдствіе этого, всѣ они будутъ выброшены на улицу. Для него самого это неудобство не будетъ особенно значительнымъ, въ худую погоду онъ въ крайнемъ случаѣ такъ же удобно можетъ спать и на ступеняхъ подъѣзда, какъ и въ постели; но онъ боится за дѣтей и еще болѣе за Кончетту. Поэтому какъ только деньги попадаютъ въ его руки, онъ принимаетъ рѣшеніе постоянно имѣть восемь лиръ въ запасѣ, какъ пособіе въ случаѣ крайней нужды; онъ ничего не говоритъ объ этомъ, чтобы ни онъ самъ, ни Кончетта не могли впасть въ соблазнъ и каждый со своей стороны быть менѣе заботливымъ относительно пріобрѣтенія необходимыхъ для мѣсячнаго расхода денегъ. Около трехъ лиръ было израсходовано имъ на угощеніе, устроенное своимъ не вполнѣ чистосердечнымъ соучастникамъ. Три лиры онъ пока оставилъ въ запасѣ, но онѣ навѣрное, какъ и шесть остальныхъ, пойдутъ на lotto. Съ этою же цѣлью онъ приберегаетъ и soldo, которое ежедневно отдѣляетъ отъ своего заработка. Это единственный извѣстный ему способъ помѣщенія своихъ сбереженій, но онъ опасается возбудить надежду въ душѣ сестры, такъ какъ печальный опытъ очень часто убѣждалъ его въ тщетности подобной надежды. Тѣмъ не менѣе онъ ощущаетъ укоры совѣсти по поводу этого самаго soldo и старается успокоить себя мыслью, что онъ предоставляетъ каждой изъ сестеръ расходовать точно такую же сумму на свои дневныя нужды. Вообще онъ въ высшей степени добросовѣстно дѣлитъ съ ними все, что ни зарабатываетъ. Если же иногда и покупаетъ немного фруктовъ, то это

единственная его трата на себя лично, и онъ всегда приноситъ имъ чего-нибудь или же даетъ денегъ, чтобы купить то же самое. Все, что могутъ заработать или собрать Кончетта и дѣти, онѣ тратятъ по собственному желанію и, несмотря на то, что у нея на рукахъ семейный кошелекъ, куда стекаются всѣ его заработки, ей никогда не приходитъ на мысль взять хотя бы одно centesimo безъ его предварительнаго согласія.

Но вотъ Пеппиньелло и его сестра окончили ужинъ и возвращаются въ свое жилище. Больше двадцати семей спитъ въ этой мрачной дырѣ, раздѣленныя одна отъ другой перегородкой въ видѣ черты, проведенной по полу. Стѣны влажны и спертый воздухъ пропитанъ тысячью зловонныхъ испареній, хотя и двери, и крыша достаточно высоки. Въ это время ночи крыша совершенно не видна; надъ головою виднѣется только густая беззвѣздная темнота, внизу же здѣсь и тамъ слабо мерцаютъ крошечныя масляныя лампы передъ иконами святыхъ. Одна изъ нихъ горитъ въ ногахъ кровати Пеппиньелло, которая занимаетъ худое, но не самое еще худшее дальнее отъ входа мѣсто; когда они достигаютъ ея, обмѣнявшись нѣсколькими дружескими словами съ донной Лючіей, одинъ изъ занимающихъ сосѣднюю кровать наполняетъ лампу масломъ изъ маленькой фляги и затѣмъ склоняется на колѣни передъ грубымъ изображеніемъ Дѣвы Маріи, произнося «Отче нашъ» и «Богородицу».

Сама по себѣ кровать достаточно велика не только для всей семьи, но и для того, чтобы иногда дать пріютъ какому-нибудь незнакомцу, если Пеппиньелло случится найти въ бурную ночь бездомнаго мальчика, дрожащаго у двери и ничѣмъ не защищеннаго отъ дождя. Сейчасъ трое дѣтей спятъ на ней довольно спокойно. Старшая изъ нихъ, девяти лѣтъ, имѣетъ большое фамильное сходство съ Кончеттой, также какъ и одна изъ младшихъ дѣвочекъ, которой вы дали бы шесть лѣтъ, но третья дѣвочка, повидимому, тѣхъ же лѣтъ, имѣетъ совершенно другое лицо и фигуру. Она гораздо болѣе слабаго сложенія, съ маленькимъ розовымъ ртомъ и маленькими руками и ногами. Ея кожа, не смотря на бронзовый загаръ, гораздо красивѣе, чѣмъ у дѣвочекъ, спящихъ съ ней на одной постели; у нея тонкіе каштановаго цвѣта волосы, которые выглядѣли бы шелковистыми, если бы содержались въ необходимомъ порядкѣ. Имя ея—Марьяннина и въ дѣйствительности она не сестра Пеппиньелло. Вотъ ея исторія.

Однажды ночью, около года тому назадъ, возвращаясь домой, мальчикъ увидалъ ее совершенно одну, спящую на церковномъ портикѣ. Если бы на ея мѣстѣ былъ мальчикъ, онъ прошелъ бы мимо, не обративъ на него вниманія, но, по его мнѣнію, было совсѣмъ неподходящее мѣсто спать здѣсь маленькой дѣвочкѣ, поэтому онъ разбудилъ ее, спросилъ, гдѣ находится ея домъ, и сказалъ, что можетъ проводить ее туда. «Это очень далеко», отвѣчала она, она не знаетъ, гдѣ именно, но очень,

*

очень далеко. Онъ задалъ ей нѣсколько вопросовъ и долго съ ласковой настойчивостью разспрашивалъ, пока она не разсказала ему, что жила вдвоемъ со своей матерью, которая обыкновенно по окончаніи завтрака давала ей кусокъ хлѣба, выводила на улицу, затворяла за собой дверь и уходила на свою работу, откуда возвращалась уже вечеромъ. Однажды утромъ нѣсколько времени тому назадъ—Марьяннина точно не знаетъ, какъ давно, но ей кажется, что очень давно, ея мать залѣнилась и не захотѣла уходить на работу. Ребенку нечего было ѣсть весь этотъ день, но вечеромъ мать дала ей ключи отъ комода, гдѣ лежалъ хлѣбъ, и указала, гдѣ найти немного денегъ. Нѣсколько дней для Марьяннины продолжалось хорошее время, въ теченіе котораго ея мать не обращала на нее никакого вниманія и ничего не хотѣла ѣсть; когда же всѣ деньги были истрачены, она сказала ей, что у нея больше ничего нѣтъ и что она должна доставать себѣ завтракъ, гдѣ можетъ. Дѣвочка ушла и по обыкновенію провела все время въ играхъ, а потомъ одна изъ сосѣдокъ накормила ее. Когда же она вернулась домой, мать ея говорила съ кѣмъ-то очень громко, хотя въ комнатѣ никого не было, и ребенокъ не могъ понять, что̀ именно она говорила. Это продолжалось довольно долго, но въ концѣ концовъ она какъ-то странно вскрикнула и послѣ этого сдѣлалась совершенно спокойной. Потомъ лампа передъ изображеніемъ св. Дѣвы погасла и у нихъ не было больше масла, чтобы ее снова наполнить. На слѣдующее утро, когда Марьяннина проснулась, мать все еще спала. Марьяннина прикоснулась къ ней, она была совершенно холодной. Сначала она пыталась разбудить ее, но мать не хотѣла ни говорить, ни двигаться, такъ что ребенокъ испугался и ушелъ изъ дому. Всѣ эти дни она старалась уйти какъ можно дальше. Ей не хотѣлось идти домой, ей хотѣлось идти съ Пеппиньелло и она была очень голодна.

Самымъ лучшимъ и самымъ подходящимъ дѣломъ, безъ сомнѣнія, было бы отдать маленькую сироту въ воспитательный домъ, но Пеппиньелло и не подумалъ объ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что св. Дѣва нарочно послала ему этого ребенка, чтобы онъ заботился о немъ и противъ его взглядовъ было отказываться отъ подобной обязанности. Кончетта была того же мнѣнія и съ тѣхъ самыхъ поръ Марьяннина сдѣлалась членомъ семьи. Она очень спокойный ребенокъ съ мягкими, ласковыми манерами и у нея никогда не бываетъ тѣхъ шумныхъ порывовъ веселья, которые бываютъ у другихъ, но зато у нея также меньше выносливости, при наступленіи тяжелыхъ временъ и, когда запасъ пищи бываетъ скуднымъ, она способна упасть духомъ и выглядитъ печальной. Сестры обращаются съ ней совершенно такъ же, какъ и другъ съ другомъ, но есть какой-то оттѣнокъ нѣжности въ отношеніяхъ между нею и ея покровителемъ, который происходитъ отъ сознанія того, что ихъ узы возникли по свободному выбору каждаго изъ нихъ или, можетъ быть, отъ ихъ одинаковой увѣренности въ томъ, что сама Благодатная Дѣва соединила ихъ вмѣстѣ.

Какъ только Пеппиньелло и Кончетта оканчиваютъ свои молитвы, они вооружаются двумя длинными палками. Къ концу той, которую дѣвочка прислоняетъ къ своему краю кровати, крѣпко привязана старая, заржавленная вилка, а конецъ палки ея брата оканчивается лезвіемъ стараго, тщательно отточеннаго ножа. Какъ только Пеппиньелло забирается на свое мѣсто, Марьяннина обхватываетъ его шею руками и снова засыпаетъ. Скоро назначеніе страннаго оружія дѣлается вполнѣ яснымъ. Едва только дѣти успѣваютъ устроиться спокойно, какъ полъ покрывается буквально сотнями крысъ. Кончетта дѣлаетъ нѣсколько не имѣющихъ никакихъ послѣдствій ударовъ, прежде чѣмъ Пеппиньелло поднимаетъ руку; при первомъ же его ударѣ ему удается ранить одну изъ крысъ, которая издаетъ пронзительный писк и исчезаетъ. Въ концѣ концовъ палка падаетъ изъ рукъ Пеппиньелло и онъ погружается въ крѣпкій сонъ.

V.

Просыпаясь, Пеппиньелло инстинктивно чувствуетъ, что уже свѣтаетъ, хотя ни одинъ лучъ не проникъ еще даже во входъ жилища; затѣмъ онъ будитъ Кончетту. Она устала и охотно проспала бы еще одинъ или два часа, какъ обыкновенно это дѣлаетъ, но въ такомъ случаѣ ей не удастся пойти съ братомъ къ обѣднѣ, она поднимается и они идутъ въ сосѣднюю церковь.

Еще почти совершенно темно, большія звѣзды не успѣли угаснуть на небѣ и свѣжесть утренняго воздуха чувствуется даже въ тѣхъ узкихъ улицахъ, по которымъ лежитъ ихъ путь. Здѣсь всюду царитъ тишина и непривычное освѣщеніе на самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, что производитъ сильное впечатлѣніе на обоихъ дѣтей, главнымъ образомъ на Кончетту, которая никогда не встаетъ такъ рано, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда идетъ къ обѣднѣ. Они проходятъ мимо главнаго входа въ церковь и имъ кажется, что сіяніе свѣчей надъ алтаремъ, блескъ полированнаго мрамора и яркіе цвѣта занавѣсей составляютъ странный контрастъ не только съ тишиной окружающей темноты, но также и съ ихъ обычной обстановкой. Для васъ и для меня церковь выглядитъ пестро и безвкусно; для нихъ же она является проблескомъ роскоши, которую они чувствуютъ особенно живо, такъ какъ она слишкомъ различна со всѣмъ остальнымъ, окружающимъ въ ихъ повседневной жизни. Они находятся здѣсь въ полной безопасности. Какъ бы ни были къ нимъ суровы люди, никто не запретитъ имъ входить сюда и не столкнетъ со ступеней алтаря, гдѣ они встали на колѣни. Это не человѣческій дворецъ, но домъ, принадлежащій Богу и Мадоннѣ, и даже за отверженными дѣтьми признается право занимать въ немъ мѣсто.

Обѣдня начинается и Пеппиньелло припоминаетъ о множествѣ бездѣлицъ и проситъ за нихъ прощенія. Онъ раздумываетъ о томъ soldo, которое ежедневно утаиваетъ отъ сестры, но только на половину склоняется прекратить это, такъ какъ не вполнѣ убѣжденъ, грѣхъ ли это, затѣмъ благодаритъ Бога и Мадонну, что они такъ часто заботились о немъ, въ особенности вчера, и проситъ ихъ быть всегда такими же добрыми къ нему, къ сестрамъ, къ Марьяннинѣ и къ той дѣвушкѣ, которая такъ ласково помогала ему вчера. За остальныхъ своихъ друзей и благодѣтелей онъ молится въ общихъ словахъ и по обычной формѣ; онъ не упоминаетъ особо даже о доннѣ Амаліи или донѣ Антоніо (хотя, конечно, помолится за нихъ, если они попросятъ объ этомъ) и еще меньше объ англійскихъ матросахъ; когда же онъ повторяетъ заученное имъ прошеніе о своихъ врагахъ, я сомнѣваюсь, мелькаетъ ли у него какое бы то ни было воспоминаніе о доннѣ Эстере. Послѣ того, какъ совершено вознесеніе св. даровъ и наступаетъ время поминовенія усопшихъ, Кончетта тихо пожимаетъ его руку и начинаетъ молиться о душахъ своихъ родителей, о матери Марьяннины и «о всѣхъ, покоющихся во Христѣ». Она больше помнитъ ихъ старый домъ и чаще думаетъ о немъ, чѣмъ Пеппиньелло, и настоящая часть службы, о которой онъ иногда совсѣмъ забываетъ, трогаетъ ее гораздо больше.

Раскаявается ли онъ въ своихъ настоящихъ грѣхахъ—въ своей лжи и воровствѣ? Боюсь, что нѣтъ. Нѣсколько времени тому назадъ онъ повелъ сестру посмотрѣть на чудо св. Януарія, и когда раствореніе крови слишкомъ замедлилось, онъ не приписалъ это кому-нибудь изъ остальныхъ, наполнявшихъ церковь посѣтителей, а заключилъ, что какой-то его собственный грѣхъ оскорбилъ святого. Вслѣдствіе этого онъ началъ перебирать грѣхи и припомнилъ, что за нѣсколько времени передъ этимъ отказался удѣлить часть своего скуднаго обѣда одной бѣдной женщинѣ, хотя она просила объ этомъ во имя Мадонны, и что грубо говорилъ съ матерью донны Лючіи нѣсколько дней тому назадъ, и далъ себѣ слово быть на будущее время добрѣе и ласковѣе со всѣми пожилыми и немощными людьми. Въ это время чудо свершилось и онъ до сихъ поръ держитъ свое обѣщаніе. Что же касается до лганья и воровства, то онъ ихъ совсѣмъ не помнитъ. Когда онъ будетъ готовиться въ слѣдующій разъ къ исповѣди, они будутъ, вѣроятно, самыми послѣдними грѣхами, о которыхъ онъ вспомнитъ. Между тѣмъ, когда священникъ утверждаетъ, что это безнравственно, мальчикъ искренно трогается, чувствуетъ полное раскаяніе, рѣшаетъ окончательно исправиться и впродолженіе одного или двухъ дней бываетъ дѣйствительно настойчивымъ; затѣмъ ему приходитъ желаніе взглянуть на дѣло съ житейской точки зрѣнія. Священникъ, безъ сомнѣнія, правъ. Самъ Пеппиньелло съ трудомъ можетъ представить себѣ, чтобы какой-нибудь святой воровалъ изъ чужихъ кармановъ, но для него и нѣтъ никакой надежды сдѣлаться святымъ, а святые

хорошо знаютъ, какъ тяжела жизнь бѣднаго mozzonare, и не осудятъ его слишкомъ строго. Въ концѣ концовъ, разсуждая такимъ образомъ, онъ, вѣроятно, придетъ къ тому заключенію, что абсолютная честность слишкомъ большая роскошь, настолько же недоступная его силамъ, какъ трубянки и приморскія башеньки *), которыя грудами лежатъ на лоткахъ разносчиковъ и лакомый запахъ которыхъ такъ часто напрасно возбуждаетъ его аппетитъ.

Между тѣмъ обѣдня оканчивается и Пеппиньелло съ Кончеттой выходятъ изъ церкви; все кругомъ позолочено лучами утренняго солнца, и дѣти расходятся въ разныя стороны, гдѣ каждый изъ нихъ начинаетъ свой трудовой и богатый приключеніями день.

*) Морскія раковины.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(*Продолженіе* *).

V.

Мы знаемъ, два журнала по преимуществу *Отечественныя Записки* и *Современникъ*, сосредоточили вниманіе комитета второго апрѣля. Уже третьяго апрѣля кн. Меншиковъ сообщалъ гр. Уварову высочайшее повелѣніе—объявить редакторамъ и издателямъ обоихъ журналовъ, что за ними правительство «имѣетъ особенное наблюденіе» и, въ случаѣ чего-либо предосудительнаго или двусмысленнаго, изданія ихъ немедленно будутъ прекращены и сами редакторы подвергнутся строгому взысканію.

Уваровъ поспѣшилъ повелѣніе это осуществить на Краевскомъ, предложилъ попечителю петербургскаго округа призвать издателя *Отечественныхъ Записокъ*, предоставить ему на выборъ или измѣнить «въ основаніяхъ» направленіе журнала, или идти на неминуемое запрещеніе и строгое взысканіе. Краевскому давался «послѣдній срокъ», какъ милость, и онъ обязанъ былъ «рѣшительно принять прямыя мѣры».

Попечитель исполнилъ предложеніе министра, далъ Краевскому аудіенцію въ присутствіи цензоровъ *Отечественныхъ Записокъ* и сообщалъ Уварову о вполнѣ удовлетворительномъ результатѣ: «Краевскій принялъ съ должнымъ уваженіемъ и полною признательностью сообщенныя ему мною замѣчанія и объяснилъ въ подпискѣ, что предписаніе вашего сіятельства онъ принимаетъ къ надлежащему и точному исполненію».

Краевскій принялъ предписаніе съ самымъ легкимъ духомъ и немедленно засвидѣтельствовалъ перемѣну въ направленіи своего журнала. Сдѣлано это было основательно и на столько убѣдительно, что Бутурлинъ счелъ нужнымъ выразить гр. Уварову особое одобреніе статьѣ Краевскаго. Среди сотрудниковъ *Отече-*

*) См. «Міръ Божій», № 8. Августъ.

ственныхъ Записокъ или не нашлось подходящаго труженика, или издатель не рѣшился довѣрить столь отвѣтственной задачи другому: онъ самъ выступилъ въ качествѣ публициста и пожалъ обильные лавры. Комитетъ доложилъ о статьѣ государю и Краевскому было передано объ этомъ фактѣ. Краевскій могъ торжествовать. Раньше онъ съ гордостью заявлялъ: «напишетъ такъ, что самъ Булгаринъ расчихается». И дѣйствительно, написалъ.

Статья была окончена 25-го мая, т. е. наканунѣ смерти Бѣлинскаго и хоронила всѣ идеи, какими великій критикъ одушевлялъ журналъ. Краевскій вырывалъ непроходимую пропасть между прошлымъ и настоящимъ своего изданія. До какой степени шагъ отличался рѣшительностью, въ Москвѣ доказали съ неопровержимой наглядностью.

Погодинъ и Шевыревъ глубоко возмутились превращеніемъ петербургскаго журнала. Редакторъ *Москвитянина* усмотрѣлъ въ статьѣ сплошной плагіатъ изъ собственныхъ разсужденій и блистательно доказалъ это. Онъ приготовилъ *Нѣсколько словъ и выписокъ* изъ параллельныхъ мѣстъ статей *Москвитянина* и статьи Краевскаго. Совпаденія выходили поразительныя. *Россія и Западная Европа въ настоящую минуту*, какъ представлялъ ихъ петербургскій публицистъ, оказывались ничѣмъ инымъ, какъ давнишними славянофильскими формулами. Краевскій торжественно съ *Москвитяниномъ* излагалъ исторію Россіи и Европы, противопоставлялъ завоевательный процессъ на Западѣ патріархальной отеческой власти въ Россіи, сравнивалъ кротость и искренность русской церкви съ инквизиціей и монашескимъ лицемѣрствомъ католичества, а въ политическомъ вопросѣ воспроизводилъ духъ Бородинскихъ статей Бѣлинскаго. Погодину, конечно, не было нужды указывать на это совпаденіе. Но такое сличеніе вышло бы еще эффектнѣе, чѣмъ открытіе идей *Москвитянина* на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ*, еще ярче обнаружилась бы вся головокружительность поворота, совершеннаго Краевскимъ. Впрочемъ, достаточно было и того, что Погодинъ припоминалъ свою прежнюю полемику съ петербургскимъ журналомъ какъ разъ по вопросамъ, теперь разрѣшеннымъ вполнѣ удовлетворительно на самый правовѣрный московскій взглядъ. *Отечественныя Записки* даже пересаливали въ восторгѣ предъ удѣльнымъ періодомъ и въ національной русской гордости предъ Западной Европой всевозможными культурными успѣхами. Погодинъ эти чувства называлъ крайностями.

Статья Погодина, несомнѣнно, произвела бы впечатлѣніе даже на публику конца сороковыхъ годовъ. Но въ Петербургѣ нашли ее «неудобной» и, конечно, совершенно основательно. Такъ мѣнялись люди и пѣсни! Редакторъ *Отечественныхъ Записокъ* удостои-

вался похвальнаго листа за патріотизмъ и благонамѣренность, а издатель *Москвитянина* попадалъ въ опалу. Могъ ли ожидать Бѣлинскій такого приключенія при всѣхъ своихъ сильныхъ чувствахъ противъ Краевскаго?

Но оставимъ въ покоѣ человѣка, промышлявшаго литературой. Ему, можетъ быть, законно и даже обязательно подчиняться какимъ угодно обстоятельствамъ и превосходить самыя смѣлыя ожиданія «среды». Любопытнѣе вопросъ о людяхъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Краевскимъ въ его журналѣ. Какъ же они приняли подвигъ своего редактора—подвигъ, вызвавшій даже въ душѣ Шевырева невообразимое омерзѣніе?

Мы, напримѣръ, знаемъ, съ какой нервностью относился Боткинъ къ своему имени, какъ главы чайнаго торговаго дома. Онъ не могъ допустить, чтобы это имя появилось въ разсказѣ Дружинина о поѣздкѣ ихъ къ Тургеневу. Боткинъ приходилъ въ ужасъ при одной мысли, что скажутъ московскіе купцы по случаю такого чрезвычайнаго происшествія? Не подумаютъ ли они, что онъ заплатилъ фельетонисту и тотъ пропечаталъ его ради славы [50])? Это значитъ дорожить общественнымъ мнѣніемъ.

Съ другой стороны, намъ извѣстно весьма критическое отношеніе Боткина къ славянофиламъ. Онъ признавалъ за ними исключительно отрицательную заслугу, т. е. протестъ противъ крайняго западничества, и подвергалъ жестокой насмѣшкѣ положительные идеалы московской партіи и ея отдѣльныхъ представителей [51]).

И послѣ всего этого ни капли вниманія выходкѣ Краевскаго, отъ которой даже Булгаринъ могъ расчихаться! Куда же дѣвался дѣвственный трепетъ за честь своего имени и западническіе принципы? Или купеческая честь казалась Боткину несравненно дороже, чѣмъ литературная, и чайный складъ болѣе почтеннымъ учрежденіемъ, чѣмъ журналъ?

Во всякомъ случаѣ, Краевскій и послѣ своей статьи остается «любезнымъ Андреемъ Александровичемъ» для сотрудниковъ, не ощущавшихъ никакого давленія обстоятельствъ и ничѣмъ не обязанныхъ издателю *Отечественныхъ Записокъ*. По крайней мѣрѣ, Боткинъ былъ нарасхватъ: Некрасовъ писалъ ему жалкія письма на счетъ его обязательствъ предъ *Современникомъ* и Боткинъ не зналъ, какъ вывернуться предъ двумя журнальными соперниками, притязавшими на его работу [52]). По этому факту можно судить, до какой степени глухое время стояло въ русской литературѣ, но

---

[50]) Письмо къ Краевскому отъ 8 авг. 1855 г. *Отчетъ Имп. публ. библ. за 1889 годъ*, стр. 107—108.

[51]) Письмо къ Анненкову отъ 14 мая 1847 года. *Анненковъ*, стр. 538—539.

[52]) Письмо Некрасова къ Боткину и письма Боткина къ Краевскому. *Отчетъ*, стр. 105—106, 102 etc.

положеніе Боткина только выигрывало отъ подавляющаго безлюдья и необходимость ухаживать за какимъ бы то ни было издателемъ—являлась исключительно потребностью души, а не вліяніемъ среды.

Помимо Боткина, *Отечественныя Записки* имѣли и другихъ сотрудниковъ, далеко не лишенныхъ правъ на самостоятельность и нравственную энергію. Мѣсто перваго критика послѣ Майкова занялъ Дудышкинъ: его привѣтствовалъ Бѣлинскій. Мы увидимъ, насколько эти привѣтствія заслуженны. Пока для насъ поучительна благодушная уживчивость безусловно необходимаго человѣка съ невѣроятными упражненіями издателя. Потому что мы должны помнить: въ *такой мѣрѣ* «исполненія предписанія» отъ Краевскаго не требовалось даже обстоятельствами сорокъ восьмого года. Онъ могъ не вызывать восторга у Бутурлина и проявить, по крайней мѣрѣ, сдержанность *Современника*. Краевскій, напротивъ, сообщилъ статьѣ такой преднамѣренно разгоряченный тонъ, что даже въ настоящее время, на разстояніи пятидесяти лѣтъ, она производитъ впечатлѣніе искусственнаго, насильственно вытверженнаго и суетливо наложеннаго урока. Особенно конецъ статьи съ лирическимъ обращеніемъ къ «драгоцѣнному нашему отечеству», съ воинственнымъ провозглашеніемъ непоколебимаго русскаго «нравственнаго карантина» противъ «развратныхъ ученій» Запада вызываетъ невольное удивленіе, какъ Бутурлинъ могъ до такой степени восхититься поступкомъ Краевскаго и мгновенно увѣровать въ столь радикальную перемѣну фронта? [53]). Усердіе явно хватило черезъ край и новый патріотъ обнаруживалъ всѣ характерныя черты испуганнаго, но чрезвычайно лукаваго раба.

И въ современной литературѣ подвигъ прошелъ безнаказанно. Восклицательные знаки и многоточія, способныя испугать даже Шевыревыхъ и Погодиныхъ, только укрѣпили положеніе и редакторскій авторитетъ Краевскаго. Впослѣдствіи, повидимому, даже и воспоминаніе о фактѣ сгладилось у снисходительныхъ современниковъ. Анненковъ, человѣкъ несомнѣнно благородной души и либеральныхъ сочувствій, много лѣтъ спустя припоминалъ, что *Современникъ* и *Отечественныя Записки* послѣ Бѣлинскаго продолжали полемику съ славянофилами и поддерживали даже «огонекъ». Какъ было бы кстати припомнить здѣсь и о той копоти, какую *Отечественныя Записки* поспѣшили напустить въ журналистику при первомъ же случаѣ!

Можно сказать, эпизодъ съ Краевскимъ—своего рода пробный камень для современныхъ литераторовъ и извѣстное отношеніе къ знаменитой статьѣ едва ли не самая краснорѣчивая характери-

---

[53]) *Отеч. Записки.* 1848, т. 59. *Современная хроника Россіи*, стр. 19—20.

стика, какую можно представить для людей конца сороковыхъ годовъ.

Въ западническомъ лагерѣ быстро научились толковать: «Мы можемъ обойтись безъ Европы», «мы не совѣтуемъ французскимъ говорунамъ пріѣзжать къ намъ: умрутъ съ голода, никто не приметъ ихъ, пусть роются въ своемъ домашнемъ хламѣ». Какихъ же рѣчей слѣдовало ожидать отъ славянофиловъ, уже давно убѣжденныхъ въ гніеніи Запада? Въ силу непостижимаго процесса мысли они открыли наступающее всемірное торжество Россіи именно въ западно-европейскихъ политическихъ замѣшательствахъ. Хомяковъ въ мартѣ 1848 года уже задавалъ вопросъ, съумѣетъ ли Россія воспользоваться «минутой великой, предугаданной»? Орлинымъ взоромъ окидывалъ онъ басурманскія земли, и видѣлъ всюду смерть, разложеніе и отчаяніе. Совершенно въ другомъ положеніи Россія. Задача ея ясна и Хомяковъ излагаетъ ее въ такой формѣ, что цензурѣ слѣдовало бы отказаться отъ предубѣжденій противъ славянофиловъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ. Жаль только, что начальство съумѣло раскусить хомяковскій геній и давало о немъ отзывъ, который сдѣлалъ бы честь самому тонкому психологу. По поводу статьи Хомякова для *Московскаго сборника* цензура рисовала такой портретъ славянофильскаго философа, живо напоминающій остроумныя насмѣшки Герцена и негодующую рѣчь Бѣлинскаго.

«Этотъ человѣкъ весьма ученый и поэтъ: убѣжденія его болѣе умственныя, нежели душевныя; любитъ прешія и готовъ спорить за и противъ».

Очевидно, внушительнаго авторитета не могъ имѣть подобный артистъ ни въ какомъ направленіи. Фактъ, достойный сожалѣнія: Хомяковъ начертывалъ въ общихъ чертахъ программу образцовой цензуры. Онъ писалъ:

«Перевоспитать общество, оторвать его совершенно отъ вопроса политическаго и заставить его заняться самимъ собою, понять свою пустоту, свой эгоизмъ и свою слабость: вотъ дѣло истиннаго просвѣщенія, которымъ наша русская земля можетъ и должна стать впереди другихъ народовъ. Корень и начало дѣла—религія, и только явное, сознательное и полное торжество православія откроетъ возможность всякаго другого развитія» [54]).

При извѣстномъ діалектическомъ искусствѣ слова эти можно истолковать совершенно въ томъ самомъ смыслѣ, за какой статья Краевскаго была одобрена комитетомъ. Только развѣ въ толкованіи православія комитетъ разошелся бы съ Хомяковымъ: из-

---

[54]) *Изъ писемъ Хомякова къ А. П. Попову. Русскій Архивъ*, 1884, II, 290—291.

вѣстно, что онъ собирался процензуровать Библію и удалить изъ нея духъ неблагонамѣренности. Но вполнѣ было достаточно смертнаго приговора Западу именно за его попытки улучшить положеніе общества и опредѣленіе русскаго прогресса, какъ религіознаго и нравственнаго покаяннаго самосозерцанія. Естественно, гражданскій духъ философа не поднимается выше жалобъ на московскую цензуру за непропускъ его богословской статьи, а вообще философъ «здоровъ и веселъ», непримиримый врагъ «либеральства», «западную мысль» считаетъ «нарядомъ всего горничнаго міра», т.-е. мыслью толпы и плебеевъ, былъ бы очень радъ отставкѣ Грановскаго, Рѣдкина и Кавелина. Правда, цензура его очень безпокоитъ, но онъ не рѣшается выступить противъ нея, не по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ и не изъ страха предъ особенно тяжелой расплатой, а просто потому, что это будетъ «дурно принято» и возстановитъ противъ него начальство.

Съ такими гражданами, конечно, власти нечего было особенно изощряться, обстоятельствамъ и средѣ незачѣмъ было заѣдать ихъ. Они сами являли изъ себя обстоятельства и создавали среду. По крайней мѣрѣ, тотъ же Хомяковъ неодобрительно отзывается о простыхъ, не свѣдущихъ смертныхъ, недовольныхъ «молчаніемъ словесности»: «никто добраго слова не хочетъ сказать» [55]). Хомяковъ не говорилъ такого слова и совѣсть его была спокойна, потому что онъ былъ «человѣкъ весьма ученый». А такому, очевидно, можно было говорить даже и дурныя слова.

Энергичнымъ единомышленникомъ Хомякова явился поэтъ Тютчевъ, его личный другъ. Этотъ поставилъ вопросъ гораздо опредѣленнѣе, безъ всякихъ философскихъ украшеній и богословскихъ откровеній. *Россія* и *революція*—двѣ истинныя державы, исчерпывающія судьбы міра. Имъ предназначена смертельная взаимная вражда, потому что Россія — христіанство по преимуществу, а революція — одушевлена антихристіянскимъ духомъ. Очевидно, Россія должна бороться съ революціей не у себя дома, а вообще гдѣ бы революція ни обнаружилась. Это — провиденціальное назначеніе Россіи и отъ него зависитъ «вся политическая и религіозная будущность человѣчества». Февральская революція окончательно доказала, что исторія Европы за послѣдніе тридцать три года была лишь «долгою мистификаціей». «Мудрость вѣка» осрамилась безусловно, и Россіи остается спасать міръ [56]).

---

[55]) Ib., 306, 307, 310, 294.

[56]) *La Russie et la Révolution*—трактатъ Тютчева былъ написанъ лѣтомъ въ 1848 году, напечатанъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1873 года.

Авторъ, конечно, не могъ неодобрить, съ своей точки зрѣнія, всѣхъ мѣръ, какія принимались въ Россіи противъ западной заразы. Краевскій открыто привѣтствовалъ заставы, устроенныя для заграничныхъ книгъ.

Мы видимъ, на какой твердой *общественной* почвѣ стояло оффиціальное направленіе сорокъ восьмого года. Комитетъ безъ большихъ затрудненій могъ бы, если бы желалъ, оградить себя весьма краснорѣчивыми философскими и политическими идеями. Бутурлину надо было только принять исповѣдь современныхъ попечителей о судьбахъ человѣчества. Правда, онъ не получилъ бы отъ нихъ полномочія на цензурованіе Библіи, но набралъ бы достаточное количество культурныхъ и нравственныхъ принциповъ, оправдывающихъ возникновеніе охранительнаго учрежденія. Наконецъ, онъ услышалъ бы жалобы не столько на свои распоряженія, сколько на крайне запуганныхъ цензоровъ. И виноватыми оказались бы разные Крыловы и Фрейганги, а не высшіе борцы съ революціей.

Намъ предстоитъ сдѣлать послѣдній шагъ въ нашемъ обзорѣ русскаго общества и подойти къ людямъ, далеко превосходившимъ не только Краевскихъ и Хомяковыхъ, талантомъ и искренностью убѣжденій, но даже сосредоточивавшихъ на себѣ надежды старѣйшихъ дѣятелей и ужъ, конечно, младшихъ современниковъ. Имена этихъ людей до сихъ поръ остались на страницахъ нашей исторіи свѣтлыми и вдохновляющими. Очевидно, потомство не могло припомнить ни одного сознательно ложнаго поступка и лживаго слова изъ жизни своихъ избранниковъ и не оставило на ихъ славѣ ни одного пятна.

Мы отнюдь не намѣрены посягать хотя бы на одинъ лучъ этой славы. Мы только возможно точнѣе опредѣлимъ ея источникъ и пристальнѣе вглядимся въ лица, озаренныя традиціоннымъ блескомъ.

VI.

Намъ неоднократно приходилось указывать, какая рѣзкая нравственная черта отдѣляла Бѣлинскаго отъ его ближайшихъ друзей. Мы безпрестанно могли видѣть, съ какимъ трудомъ понимали они «неистовство» Орланда и какъ легко переходили къ отрицательнымъ настроеніямъ по поводу его идей и увлеченій. На первомъ мѣстѣ среди этихъ невольныхъ грѣшниковъ стоялъ Грановскій. Сама природа, уравновѣшенная, наклонная къ снисхожденію и примиренію, лишила талантливаго профессора чуткости къ страстнымъ впечатлѣніямъ и чувствамъ, волновавшимъ Бѣлинскаго до конца дней. И Грановскій весьма нерѣдко выступалъ

противъ критика, подвергалъ суровому суду его излишества, изрекалъ обвинительные приговоры даже надъ нѣкоторыми принципами его направленія, напримѣръ, въ вопросѣ о народности. Мы знаемъ, здѣсь было гораздо больше недоразумѣнія, чѣмъ анализа, но именно этотъ фактъ и поучителенъ: онъ показываетъ, какъ различна можетъ быть практика людей, по существу единомышленныхъ и одинаково благородныхъ, но съ разными законами нравственной природы.

Величайшее испытаніе ожидало Грановскаго въ страшный сорокъ восьмой годъ. И не потому только, что профессору предстояло подвергнуться общей участи, ограничить свое слово и мысль. Ему пришлось страдать какъ ученому и мыслителю едва ли не глубже, чѣмъ какъ русскому обывателю. Источникъ страданій былъ доступенъ далеко не всякому современнику событій, не по умственной ограниченности наблюдателей, а по недостатку особаго рода идейной чувствительности и тонко развитого страха за будущее европейскаго прогресса.

Этотъ страхъ свидѣтельствовалъ объ изящной аристократичности воззрѣній въ лучшемъ смыслѣ слова, о нѣкоторой оранжерейности и изысканности культурныхъ сочувствій и принциповъ, въ практическомъ отношеніи обличалъ натуру болѣе пассивную и созерцательную, чѣмъ энергію борца и иниціатора. Люди подобнаго склада приходятъ въ смущеніе и даже растерянность отъ фактовъ слишкомъ стремительныхъ и противорѣчащихъ предварительно обдуманной программѣ. Эти люди инстинктивно враждебны всякому стихійному, бурному процессу и склонны видѣть въ немъ зло только въ силу его стихійности и быстроты. Они желали бы вѣчно присутствовать при упорядоченной постепенной эволюціи добра и свѣта, безъ экстренныхъ толчковъ и внезапныхъ вдохновеній и капризовъ жизни и людей. Они ежеминутно готовы разочароваться и охладѣть къ той самой цѣли, какая начинаетъ угрожать имъ всевозможными сюрпризами и настойчивыми запросами къ твердости ихъ воли и ясности ихъ взгляда. Тогда они способны остановиться на излюбленномъ пути, даже податься въ сторону или назадъ, лишь бы не имѣть дѣла съ непонятнымъ непреодолимымъ дыханіемъ таинственной исторической силы.

Къ типу этихъ людей принадлежалъ Грановскій.

Онъ не могъ не знать, какой порядокъ вещей представляла іюльская монархія, не могъ не понимать, какой смыслъ имѣла конституція, превратившая многомилліонную страну въ добычу хищной мѣщанской олигархіи. Профессоръ исторіи не могъ не отдавать яснаго отчета въ источникахъ и цѣляхъ движенія, приведшаго къ февральскому перевороту. Какому-нибудь Хомякову было естественно лицезрѣть одинъ лишь страшный жупелъ въ явленіи,

быстро овладѣвшемъ всей западной Европой, Грановскому была бы непростительна такая національная философія, и онъ, конечно, не страдалъ ею. Но ему и на умъ не могло придти, чтобы всемірная исторія дѣлалась такъ грубо и скоропалительно, какъ это произошло во Франціи.

Онъ составилъ себѣ чрезвычайно стройное и эстетическое представленіе объ историческомъ прогрессѣ. Существуютъ массы и личность. Массы «коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій», и только отдѣльная личность «освобождается мыслью» отъ этой тяжести. Число такихъ личностей наростаетъ, образуется общество, «сообразное требованіямъ личности», и въ этомъ заключается процессъ исторіи...

Очень увлекательно и художественно! Такъ думали и французскіе либералы вплоть до послѣдняго роковаго часа. Развѣ мыслимы событія безъ великихъ людей и движенія безъ вождей? Грановскій пишетъ *массы*, во Франціи либеральнѣйшіе журналисты выражались еще откровеннѣе—*la populace*, или даже *les couches inferieures de la population*, т. е. чернь, низшіе слои населенія. Высшими политиками на этой глубинѣ не признавалось существованіе «политическихъ животныхъ» и не допускалась возможность, чтобы здѣсь когда-либо возникло какое-либо «политическое представленіе» [58]). Государственныхъ мужей постигъ жестокій урокъ, и даже не одинъ. Оказалось, «низшимъ слоямъ» не представилось нужды въ руководителяхъ, чтобы покончить сначала съ аристократическимъ феодализмомъ, а потомъ заставить образумиться зазнавшихся мѣщанъ въ дворянствѣ.

Не всѣмъ, конечно, эта неожиданность пришлась по вкусу въ самой Франціи и еще іюльская революція расплодила въ литературѣ и въ политикѣ «дѣтей вѣка» съ роковой печатью разочарованія на благородномъ челѣ и съ прорицаніями Кассандры на поблекшихъ устахъ. Поэты въ родѣ Мюссе и политики отвлеченнаго либерализма, какъ чистаго искусства, въ стилѣ Ройэ-Коллара—создали даже особый жанръ лирической художественной тоски и платонической гражданской скорби. Они до конца не могли преодолѣть врожденной оторопи предъ темной силой, именуемой демократіей, соціальными задачами времени, и отводили свои экзотическія души въ іереміадахъ и филиппикахъ, столь же краснорѣчивыхъ, сколько и безплодныхъ.

Русскій профессоръ впалъ въ подобное настроеніе. Онъ ужаснулся шумнаго появленія на сцену новой силы, лишенной, повидимому, вѣковыхъ украшеній цивилизаціи и даже не чувствующей къ нимъ особаго почтенія. Грановскій задумался: не наступаетъ ли

---

[58]) *National.* 22 juillet 1830.

свѣтопреставленіе стараго міра? Не грозитъ ли гибель культурѣ и не готовится ли на вѣковую цивилизацію нашествія новыхъ варваровъ? Профессоръ былъ глубоко убѣжденъ, что судьба цивилизаціи связана съ тѣмъ порядкомъ, какой вызвалъ движеніе массъ. Представлялось разрѣшить дилемму: или долженъ погибнуть этотъ порядокъ и вмѣстѣ съ нимъ человѣческая культура и просвѣщеніе, или «массы» должны быть возвращены на старое мѣсто и обязаны ждать систематическаго выполненія программы, начертанной просвѣщенными историками.

Грановскій не зналъ, какъ выйти изъ затрудненія. Выходъ собственно не представлялъ непосильной трудности для болѣе или менѣе вдумчиваго и безпристрастнаго наблюдателя. Для историка движенія массъ не могли казаться явленіемъ поразительнымъ до столбняка: онъ могъ припомнить не мало этихъ движеній изъ прошлаго Западной Европы и могъ бы сообразить ихъ общій смыслъ. А что̀ касается варварства февральской революціи, достаточно было собрать болѣе тщательныя свѣдѣнія, чтобы разсѣять страшный призракъ. Даже русскій очевидецъ изумлялся умѣренному поведенію массъ и сообщалъ фактъ, повидимому, весьма благопріятный для будущаго цивилизаціи.

Во время смутъ на парижскихъ улицахъ луврскую картинную галлерею охраняли сами блузники и не только никого не пускали въ музей, но даже возбраняли всякое скопленіе народа въ этомъ мѣстѣ. Впослѣдствіи гуманность и сдержанность февральскихъ революціонеровъ будетъ подтверждена образцовымъ либераломъ, историкомъ Токвилемъ[59]). Слѣдовательно, нечего было пѣть отходную цивилизаціи и просвѣщенію и, главное, было совсѣмъ неосновательно и въ историческомъ смыслѣ нелогично цивилизацію отождествлять съ іюльской конституціей и властью Людовика-Филиппа. Но Грановскому не представлялось ничего отраднаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Онъ сѣлъ на рѣкахъ Вавилонскихъ и принялся повторять стихи Гёте, полные не то горькой иронiи надъ погибающимъ міромъ, не то эпикурейскаго равнодушія къ его участи [60]).

Грановскій вдругъ пережилъ свои желанія и мечты. Жизнь утратила для него пріятный вкусъ и превратилась въ безцѣльное подневольное прозябаніе. Онъ сталъ завидовать покойникамъ не потому, чтобы обстоятельства неумолимой силой поражали его энергію и заключали въ невыносимо-тѣсный кругъ его волю, а

---

[59]) Анненковъ. *Воспоминанія*. I, 270. *Воспоминанія Алексѣя Токвиля*. М. 1893, стр. 81.

[60]) *Грановскій*. I, 219.

потому, что совсѣмъ исчезали и энергія, и воля, сами собой, безъ всякихъ столкновеній съ внѣшними стихіями.

И подобныхъ мгновеній приходилось переживать не одно. Все это мы должны принять во вниманіе, но мы не можемъ забыть, что всевозможныя отдѣльныя испытанія падали уже на омертвѣвавшую почву. Грановскій былъ готовъ для воспріятія холодныхъ душей,—такъ же, какъ и его современники, намъ извѣстные,—только по разнымъ причинамъ. Тѣ вообще никогда не жили идеалами и свѣтлыми надеждами, а Грановскій пересталъ жить ими, независимо отъ событій личной жизни. Тѣмъ нечего было сжигать, незачѣмъ было мѣнять религію: торжествующій фактъ былъ ихъ единственнымъ божествомъ. Грановскій если ничего не сжегъ и ничему не измѣнилъ, во всякомъ случаѣ пересталъ быть дѣятельнымъ исповѣдникомъ своей вѣры, усомнился въ ея догматахъ и на него больше не вѣялъ отъ прежняго храма бодрящій духъ.

Ему ни на минуту не могла придти мысль пойти на встрѣчу времени, но въ то же время не оказывалось силъ противодѣйствовать ему, хотя бы со всевозможной скромностью и осмотрительностью, но съ твердымъ сознаніемъ правоты своего дѣла. Онъ безпрестанно говоритъ друзьямъ, что его душа больна и «едва ли выздоровѣетъ», что у него «впереди все такъ пусто и темно», что онъ добыча «безвыходной будничной хандры» и что, наконецъ онъ не вѣритъ въ успѣхъ какой бы то ни было своей работы. Онъ убѣжденъ, что его существованіе погибло и эта мысль «безпрестанно грызетъ его».

Если такія фразы изрекаетъ двадцатилѣтній юноша, смертельной опасности не предвидится ни для будущаго, ни для жизни. Но если это обычный тонъ зрѣлаго мужа и даровитаго общественнаго дѣятеля,—агонія несомнѣнна и на излѣченіе дѣйствительно нѣтъ надеждъ.

Но Грановскій продолжалъ состоять профессоромъ, занималъ едва ли не самое видное мѣсто среди московской интеллигенціи, ему волей-неволей приходилось дѣйствовать. И онъ дѣйствовалъ, думалъ, говорилъ, и каждымъ словомъ подтверждалъ печальную истину: здѣсь жизни нѣтъ и вѣры нѣтъ.

VII.

Мы возьмемъ два наиболѣе крупныхъ дѣла Грановскаго послѣ сорокъ восьмого. Одно въ высшей степени важное и отвѣтственное по оффиціальному положенію профессора,—составленіе программы учебника по всеобщей исторіи. Распоряженіе исходило отъ министра Ширинскаго-Шихматова и уже этого было достаточно превратить задачу въ исключительно-тягостный подвигъ. Кромѣ того,

на помощь министерству не замедлили явиться добровольцы изъ среды педагоговъ. Они предлагали подвергнуть исторію радикальной реформѣ, исключить, напримѣръ, изъ преподаванія всю греческую и римскую исторію до временъ Августа и вообще удалить русское юношество отъ историческихъ сочиненій, написанныхъ язычниками въ родѣ Геродота, Ѳукидида, Ливія и Тацита. Министръ требовалъ учебниковъ «въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія». Составленіе программы было поручено Грановскому.

Работа шла съ большимъ трудомъ, «замучила меня», писалъ Грановскій, наконецъ была кончена и къ программѣ присоединена объяснительная записка. Она подвергала рѣзкой критикѣ иностранные учебники за равнодушіе къ византійской исторіи и къ основательному опроверженію теорій, противоположныхъ монархическому принципу. Эта критика врядъ ли требовалась задачей автора: онъ могъ бы изложить «русское воззрѣніе», не обвиняя иностранцевъ въ преступленіяхъ, съ точки зрѣнія западнаго историка не постижимыхъ. Это тѣмъ болѣе было бы умѣстно, что программа построена на вполнѣ благонамѣренныхъ основахъ, совершенно убѣдительныхъ независимо отъ сравненія русскихъ учебниковъ съ иностранными.

Программа все-таки не имѣла успѣха въ высшихъ сферахъ и Грановскій не пріобрѣлъ довѣрія министерства. Не смотря на безукоризненно русское направленіе, Шевыревъ все-таки стоялъ во мнѣніи власти несравненно выше Грановскаго.

Другой фактъ еще любопытнѣе: на немъ проявилась личная инціатива профессора. Правда, энергія быстро упала и дѣло не было доведено до конца, но Грановскій успѣлъ высказать нѣсколько мыслей, не менѣе краснорѣчивыхъ для послѣдняго періода его жизни, чѣмъ оффиціальная записка къ программѣ.

На этотъ разъ предъ нами черновой набросокъ письма къ попечителю Назимову по слѣдующему поводу, характеризующему эпоху.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья, безъ подписи автора, подъ заглавіемъ *О старомъ и новомъ поколѣніи*. Подъ статьей стояло *сообщено* и она приписывалась въ публикѣ одному изъ родственниковъ попечителя. Трудно опредѣленно отвѣтить, какія цѣли преслѣдовалъ авторъ. Говорилъ онъ въ чрезвычайно повышенномъ и реторическомъ тонѣ, рисовалъ нестерпимо жестокія картины, и самъ же подъ конецъ уничтожалъ свое сооруженіе, отнималъ у него, по крайней мѣрѣ, цѣлесообразность на столбцахъ русской газеты.

Авторъ нападалъ на понятія *старое* поколѣніе и *новое* поколѣніе, приписывалъ изобрѣтеніе этихъ страшныхъ словъ коммунистамъ, соціалистамъ и фурьеристамъ, вообще «нечистому духу

нечестія и безначалія». Дальше раздавались вопли: крамола, насиліе, грабежъ, убійство и слѣдовало политическое соображеніе на счетъ «духа сего»: «Главными дѣятелями его были языкъ и перо; они служили проводниками его нелѣпыхъ и дерзкихъ мнѣній, которыя, какъ тонкій ядъ, по каплямъ распускались въ азбукахъ и повѣстяхъ, въ драмахъ и романахъ, въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ. Извѣстнымъ словамъ даны прогрессистами условныя, символическія значенія; такъ напримѣръ, *отстать отъ вѣка*, *не идти наравнѣ съ вѣкомъ*, *быть въ застоѣ* значило у нихъ «кто не съ нами, тотъ противъ насъ», *отрясти прахъ отцовъ отъ ногъ своихъ*—отречься отъ вѣрованій отеческихъ или разорвать связь со всѣмъ прошедшимъ. Такъ *обновленіе*, *возрожденіе* у нихъ принималось въ смыслѣ разрушенія общественнаго порядка, революціи; *собственность* называли воровствомъ, *общность* значило «что твое, то мое» и т. д. Словомъ, все у нихъ шло на выворотъ, наперекоръ здравому смыслу и совѣсти. Замѣтьте, что всѣ утописты, соціалисты, коммунисты и тому подобныя исчадія нечестія выдавали себя за представителей и ходатаевъ человѣчества и народа, между тѣмъ какъ ни то, ни другое не вызывало ихъ на этотъ подвигъ и не поручало имъ своего дѣла. «Нація,—говорили они,—должна имъ безусловно покориться для произведенія надъ нею опытовъ» [61]).

Проницательность, достойная Бутурлинскаго комитета! Даже въ *азбукахъ* наслѣженъ коммунизмъ и соціализмъ и разъ навсегда пригвождены къ позорному столбу нѣкоторыя нечестивыя слова. Цензура также питала непреодолимое отвращеніе къ нѣкоторымъ выраженіямъ, напримѣръ *организація* [62]), неизвѣстный авторъ открывалъ ядъ въ чисто-русскихъ общеупотребительныхъ словахъ и, конечно, оказывалъ существенную услугу подлежащему вѣдомству.

Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, вообще къ чему стремился и чего хотѣлъ?

Въ отвѣтъ конецъ статьи гласитъ:

«Но благодареніе Богу! Русскому уму и сердцу чужды дикія и чудовищныя понятія Запада, который можетъ служить западнею для легкомысленныхъ и заблужденныхъ; русскому несродно враждебное дѣленіе соотечественниковъ на старое и новое поколѣніе; для него они, въ духѣ христіанской любви и въ здравомъ понятіи, составляютъ одно отечество, одно христіанское *жительство*, у котораго одинъ общій отецъ-Богъ, а на землѣ одинъ отецъ народа своего-царь».

Слѣдовательно, авторъ вразумлялъ европейцевъ и *Московскія*

---

[61]) *Московскія Вѣд.* 1851 г. № 40.

[62]) *Историч. свѣд.* стр. 67.

Вѣдомости долженствовали внести страхъ и смущеніе въ среду французскихъ соціалистовъ! Не иначе, потому что Россія оказывалась вполнѣ обезопашенной отъ духа нечестія. Но оговорка, превращавшая весь краснорѣчивый походъ неизвѣстнаго публициста въ войну съ вѣтряными мельницами, не теряла весьма существеннаго практическаго значенія при извѣстныхъ настроеніяхъ власти и общества. Лишній разъ въ литературѣ языкъ и перо объявлялись виновниками величайшихъ бѣдствій, и, естественно, статья обезпокоила прежде всего университетъ; его оффиціальный органъ, неизвѣстно по какимъ поводамъ, внезапно поднялъ воинственный крикъ.

Грановскій рѣшилъ возражать на статью. Публично было невозможно и онъ принялся составлять письмо къ попечителю Назимову. Онъ объяснялъ, какую услугу статья оказываетъ врагамъ просвѣщенія, ненавистникамъ литературы и писателей, какъ опрометчиво переносить понятія и термины съ Запада на русскую почву и дѣлать опальными слова, «освященныя нашими великими писателями»: робкій литераторъ будетъ ихъ избѣгать, и робкій цензоръ вычеркивать и изъ-за фразы заподозрѣвать цѣлую книгу [63]).

Эти указанія сопровождались болѣе чѣмъ успокоительными соображеніями профессора насчетъ неприкосновенности Россіи къ искушеніямъ Запада. Грановскій отвергаетъ всякую вражду между русскими поколѣніями, утверждаетъ, что духовныя основы нашего общества не измѣнялись, а было лишь движеніе впередъ и развитіе и благодаритъ Бога за то, что у насъ нѣтъ партій за старое и за новое... Заявленіе противорѣчащее собственному напоминанію автора о гонителяхъ образованія и литературы. «Дѣды этихъ людей ненавидѣли Петра Великаго,—говоритъ Грановскій,—внуки ненавидятъ его дѣло». Если такъ, это настоящая партія, и мы знаемъ, она не только существовала, но и дѣйствовала: иначе Грановскому не пришлось бы возражать на статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Очевидно, онъ въ угнетеніи духа просмотрѣлъ и тѣ, правда, не ослѣпительные и немногочисленные проблески мужественнаго разрыва новаго со старымъ, о какихъ несомнѣнно знала кратковременная исторія русскаго общества, и слишкомъ рѣшительно приписалъ оффиціальному ходу русскаго просвѣщенія всѣ успѣхи отдѣльныхъ поколѣній. Собственное поколѣніе Грановскаго могло бы представить весьма сильныя возраженія и именно *московскій университетъ* съ своими профессорами—Каченовскимъ, Давыдовымъ, Побѣдоносцевымъ, Саидуно-

---

[63]) Письмо къ В. И. Назимову—*Грановскій*. II, 477 etc.

вымъ, Маловымъ и студентами-недоучками Бѣлинскимъ, Лермонтовымъ и отнюдь не учениками, хотя и кандидатами—Станкевичемъ, Герценомъ. Этотъ университетъ не вышелъ бы изъ испытанія въ такой красотѣ, какъ рисуетъ его Грановскій. Слѣдовало бы понизить патріотическій и слишкомъ обязательный тонъ рѣчи и лучше бы не касаться острыхъ вопросовъ.

Но и такое письмо не было отправлено по адресу, даже, повидимому, не дописано до конца.

Съ каждымъ годомъ настроенія Грановскаго становились мрачнѣе и даже заря новой эпохи не усладила его души. Онъ утрачивалъ вѣру и въ русскій народъ, и въ русское общество. Всюду находилъ онъ нравственную тлю и не переставалъ жаловаться не на какія бы то ни было притѣсненія цензуры, а именно на общественное рабство и общественную нетерпимость. Удручающими красками онъ рисуетъ поведеніе дворянства во время выборовъ въ ополченіе: полное отсутствіе понятій о чести и о правдѣ! И при этомъ — мракобѣсіе и реакціонные инстинкты. «Общество притѣснительнѣе правительства», таковъ приговоръ Грановскаго русской интеллигенціи даже въ началѣ новаго царствованія [64]). И мы знаемъ, сколько по истинѣ трагической правды заключалось въ этомъ обвиненіи.

Можно бы написать пространную исторію любительской цензуры и героями исторіи явились бы русская публика и русская литиратура. Задолго до сорокъ восьмого года русскіе образованные люди вожделѣли о цензурной розгѣ. Оффиціальный источникъ разсказываетъ, съ какой нервной дрожью и скрежетомъ зубовнымъ «весьма значительная часть общества» встрѣчала намеки на крѣпостное право. Когда въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья объ освобожденіи негровъ во французскихъ колоніяхъ, въ жандармское управленіе посылались жалобы и извѣстія о неблагопріятныхъ толкахъ. Въ то же время нашелся журналъ, напечатавшій слѣдующее молитвословіе:

«Ну вотъ хоть и литература наша: еще слава Богу, что у насъ есть цензура! не будь ея, сейчасъ бы явились у насъ свои Польде-Коки и Жоржъ-Занды. Стоитъ только припомнить два несчастные романа *Тайна* и *Мертвыя Души*. Но всего достойнѣе сожалѣнія, что въ Россіи нашлись два какіе-то профессора, которые смотрѣли на *Мертвыя Души* не какъ на злоупотребленіе великаго таланта, но... увы!.. Какъ на образцовое твореніе! Ахъ, слава Богу, что у насъ есть цензура!» [65]).

---

[64]) Письмо къ Кавелину, II. 455.

[65]) *Маякъ.—Историч. сѣдѣнія*, стр. 60—61.

Отчего же было цензурѣ при такой общественной и литературной атмосферѣ не преслѣдовать *Хижину дяди Тома*, не запрещать романовъ Жоржъ Занда, не усматривать повсюду обиняки и намеки на соціализмъ и коммунизмъ? Было бы странно, если бы цензурное вѣдомство не стояло, по крайней мѣрѣ, на уровнѣ патріотическихъ чувствъ добровольныхъ спасателей отечества. Да если бы цензура и вздумала проявить терпимость, публика не замедлила бы призвать ее къ порядку. Мы знаемъ, *Московскій Телеграфъ* былъ затравленъ прежде всего доносами лицъ не оффиціальныхъ и тотъ же оффиціальный источникъ сообщаетъ, что по поводу журнала Полевого «анаѳемѣ предавалъ» всѣхъ мыслителей не цензоръ, а *писатель* [66]). Очевидно, русское общество въ своей средѣ давно уже имѣло обширный комитетъ, зорко наблюдавшій за дѣйствіями цензуры и не пропускавшій безъ замѣчаній и жалобъ малѣйшаго упущенія. Одинъ Булгаринъ стоилъ сотни цензоровъ по изощренности чутья, а по значенію его сыски нельзя и сравнивать съ оффиціальными открытіями: *Сѣверная Пчела* являлась распространеннѣйшимъ органомъ печати и *Ѳ. Б.* имѣлъ обширную и благодарную публику во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

И мы видѣли, отпора этой дѣятельности неоткуда было ждать. Лучшіе люди безнадежно опустили руки и, можетъ быть, даже неожиданно для самихъ себя впадали въ неподобающій тонъ. При взглядѣ на эти испуганныя или горько страдающія лица становится прямо страннымъ толковать о вліяніяхъ среды, о давленіяхъ обстоятельствъ. И то, и другое предполагаетъ извѣстную силу, на которую оказываются вліянія и производятся давленія, вообще составляется представленіе о какой бы то ни было борьбѣ. Ничего подобнаго мы не видимъ. Люди никнутъ и вянутъ, будто экзотическія растенія, захваченныя морозомъ. Они заранѣе не приспособлены къ перемѣнѣ температуры, ихъ природа—благородна, но она бѣдна нервами активности, она страдаетъ неустойчивостью, впечатлительностью, мягкотѣлостью незрѣлаго организма. Да, мы не должны отступать предъ этимъ фактомъ: культурная незрѣлость и, слѣдовательно, недостаточная самосознательность—такова нравственная почва, съ какою сорокъ восьмой годъ встрѣтился у лучшихъ русскихъ людей. Незрѣлость мы понимаемъ, конечно, не въ смыслѣ ограниченности или наивности общественныхъ идей, а общаго духовнаго склада, характеризующаго человѣка какъ дѣятельную умственную и практическую силу. Всѣмъ извѣстны недоразвившіеся по какимъ-либо обстоятельствамъ художественные таланты крупной величины. Ихъ про-

[66]) Ib., стр. 61.

изведенія могутъ поражать блескомъ формы и даже глубиной содержанія, но въ нихъ будетъ что-то недосказанное, какая-то полуобъясненная тайна, будто внезапно прерванный могучій размахъ органической силы. Таковы, напримѣръ, поэзія Лермонтова и отчасти Пушкина. Оба художника застигнуты смертью несомнѣнно далеко отъ грани естественнаго развитія своихъ дарованій, и Пушкинъ унесъ съ собой въ могилу недопѣтые мотивы національнаго и народнаго творчества, а Лермонтовъ не успѣлъ создать цѣльный, положительный идеалъ, во имя котораго онъ творилъ стихи, облитые горечью и злостью.

Такіе же не законченные, не вполнѣ сложившіеся таланты возможны вездѣ, и въ русскомъ обществѣ, преимущественно въ области гражданской культуры. Мы только что познакомились съ настроеніями Грановскаго, захваченнаго врасплохъ историческими событіями. Настроенія до такой степени характерны, что ихъ можно приписать не отдѣльной личности, а цѣлому типу русскихъ людей. Они только не разсказали намъ о себѣ съ такой откровенностью, какъ Грановскій; такимъ людямъ вообще свойственны молчаливыя томленія духа, да ихъ и не могло быть особенно много въ русскомъ обществѣ сороковыхъ годовъ. Но вотъ еще одинъ примѣръ, благороднѣйшаго перепуганнаго наблюдателя грозныхъ событій. Мы говоримъ о Жуковскомъ.

Никто глубже его не чувствовалъ неправдъ крѣпостного права, никто искреннѣе не могъ желать облегченія народныхъ страданій. Онъ одинъ изъ первыхъ далъ свободу своимъ крестьянамъ. Но лишь только Франція возстала противъ своего правительства, поэта охватилъ ужасъ. Онъ мгновенно вообразилъ, что смуты западной Европы грозятъ политическому строю Россіи и что власть русскаго монарха, опирающаяся на милліоны преданнаго народа, можетъ поколебаться отъ междоусобныхъ счетовъ французской демократіи съ буржуазіей. Жуковскій жилъ заграницей и съ каждымъ днемъ все больше проникался страхомъ за свое отечество.

И какихъ только мыслей не подсказалъ гуманному и мягкосердечному поэту этотъ страхъ!

Жуковскій теперь горячій сторонникъ смертной казни, принципіальный врагъ суда присяжныхъ, какъ орудія безнаказанности, какъ гибели правосудія. Онъ, конечно, весьма интересуется положеніемъ русской литературы, отлично понимаетъ его послѣ учрежденія комитета второго апрѣля, но онъ не можетъ не сочувствовать воинственному натиску цензуры даже на романы. Онъ самъ не позволилъ бы выставлять въ беллетристикѣ дурную сторону крѣпостного состоянія и вообще касается отрицательныхъ явленій современнаго положенія вещей. Цензура, правда, чрезмѣрно строга, но даже отдаленнѣйшіе намеки литературы на существующій по-

рядокъ недопустимы... Очевидецъ, передающій всѣ эти свѣдѣнія, прибавляетъ:

«Робость въ Жуковскомъ чрезвычайная; задумавшись, онъ сказалъ: «конечно цензурѣ трудно быть не нелѣпою, но во что бы то ни стало надобно охранять самодержавіе и общество образованное» [67]).

Психологія—вполнѣ естественная и не требуетъ особыхъ поясненій. Мы теперь представляемъ, при какихъ условіяхъ жила общественная мысль и развивалась литература послѣ смерти Бѣлинскаго. И та, и другая были поставлены въ очень тѣсныя границы, подвергнуты необыкновенно пристальному и пристрастному надзору. Но дѣйствія этой силы не должны поглощать всего вниманія историка. Одновременно съ оффиціальнымъ надзоромъ пышно разцвѣтали такого рода «обстоятельства» и «вліянія», что наши воспоминанія о тяжеломъ прошломъ по справедливости должны быть распредѣлены между обществомъ и властью, «личностями» и «средой». Даже больше. Содержаніе и направленіе русской критики описываемаго періода убѣдятъ насъ, что въ «личностяхъ» весьма часто заключалось горшее зло, чѣмъ въ самой «средѣ», что литература, по своей доброй волѣ, измѣняла достойнѣйшимъ преданіямъ своего еще вчерашняго дня и независимо отъ какихъ бы то ни было давленій, по движенію собственнаго сердца и по капризу собственнаго вкуса, бросала камнями въ эти преданія. И мы не можемъ даже прибавить: «по убѣжденію», потому что та же литература вскорѣ измѣнила свои чувства и публично отреклась отъ своихъ приговоровъ.

Почему она поступила такъ?—мы не найдемъ отвѣта, лестнаго для ея достоинства, и должны будемъ смиренно сознаться въ прискорбной истинѣ: русскія «личности» не только не обнаружили никакого притязанія на *личность* рядомъ съ обстоятельствами, но даже оказались не въ силахъ спасти отъ внѣшнихъ вліяній ясное и твердое представленіе о достоинствѣ человѣка и чести писателя.

VIII.

Бѣлинскій незадолго до смерти успѣлъ встрѣтить добрымъ словомъ нѣкоторыхъ своихъ преемниковъ, критика Дудышкина и беллетриста Дружинина. Оба они вскорѣ заняли мѣста первыхъ критиковъ, одинъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, послѣ смерти Майкова, другой въ *Современникѣ*. Бѣлинскій съ завистью говорилъ о «превосходной критикѣ сочиненій Фонвизина» и о «прекрасныхъ рецензіяхъ». Авторомъ былъ Дудышкинъ и критикъ *Современника* завидовалъ счастью Краевскаго [68]).

---

[67]) А. И. Кошелевъ. *Біографія*. II, 211.

[68]) *Анненковъ и его друзья*. 595.

Еще болѣе лестныхъ отзывовъ удостоился Дружининъ. Въ его повѣсти *Полинька Сакс* Бѣлинскій нашелъ много истины, много душевной теплоты, вѣрнаго сознательнаго пониманія дѣйствительности, много самобытности. Правда, упоминалась также незрѣлость мысли, но Дружининъ могъ успокоиться за свои успѣхи: «онъ,— говорилъ Бѣлинскій,—для женщинъ будетъ то же, что Герценъ для мужчинъ» [69]). Карьера не особенно возвышенная, но, во всякомъ случаѣ, видная.

На сколько же дебютанты заслуживали такихъ привѣтствій и предсказаній?

Путь Дудышкина вполнѣ опредѣлился съ самаго начала. Съ первой статьи до послѣдней критикъ оставался неизмѣннымъ. Никакихъ рѣзкихъ увлеченій, никакихъ глубокихъ идейныхъ опытовъ, ни одной смѣлой и оригинальной мысли. Статьи писались ровно, гладко, достаточно умно, даже солидно, обнаруживали въ авторѣ основательныя познанія по русской литературѣ, несомнѣнную личную добросовѣстность. Всѣ эти добродѣтели критику *Отечественныхъ Записокъ* превратили въ своего рода оффиціальный корректный отдѣлъ. Ежемѣсячный долгъ предъ подписчиками уплачивался сполна, большими статьями и многочисленными рецензіями. Но самый чуткій читатель врядъ ли могъ за цѣлые годы встрѣтить здѣсь какую-либо волнующую оригинальную идею, почувствовать трепетъ живой человѣческой души въ невозмутимо и размѣренно льющемся потокѣ общихъ истинъ и банальныхъ приговоровъ.

Иныхъ результатовъ нельзя было ожидать ни по духу, управлявшему журналомъ, ни по личности его главнаго литературнаго судьи. Краевскій, столь блистательно ознаменовавшій свое публицистическое поприще, конечно, не могъ явиться вдохновителемъ на смѣлыя и самостоятельныя кампаніи. Вся задача издателя ограничивалась искусствомъ лавировать между Сциллой цензурныхъ строгостей и Харибдой либеральныхъ подписчиковъ. Издательство выходило сплошнымъ компромиссомъ, тонкимъ коммерческимъ экивокомъ, съ полной готовностью, во всякую минуту, податься въ сторону Сциллы, а Харибду удовлетворить какимъ-нибудь восклицательнымъ знакомъ или чувствительнымъ вздохомъ съ гражданскимъ оттѣнкомъ.

Журналъ въ теченіе многихъ лѣтъ ловко выполнялъ эту программу двусторонняго фронта и пребывалъ въ званіи либеральнаго органа. Направленіе, пожалуй, дѣйствительно можно было считать либеральнымъ, въ смыслѣ неограниченной терпимости ко всѣмъ запросамъ времени, къ внушеніямъ Бутурлинскаго коми-

---

[69]) *Сочиненія*. XI, 419. *Анненковъ*, письмо отъ 15 февраля, 1848 г., стр. 610.

тета и къ неумиравшимъ проблескамъ самостоятельной общественной мысли. Впослѣдствіи критика шестидесятыхъ годовъ отдастъ должное межеумочному либерализму журнала, вспоеннаго потомъ и кровью Бѣлинскаго, но пока онъ могъ совершать акробатическія упражненія невозбранно и даже съ одобренія почтенной публики.

До какой степени психологія Дудышкина отличалась гибкостью и тактичностью, показываютъ его успѣхи въ редакціи журнала. Краевскій сдѣлалъ его соредакторомъ и соиздателемъ, раздѣляя съ нимъ труды и доходы. Никакая междоусобная брань не нарушала добраго согласія. Оно могло омрачаться только постепеннымъ упадкомъ журнала одновременно съ проясненіемъ горизонта надъ русской литературой.

Дудышкинъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ. Съ юныхъ лѣтъ ему, сыну провинціальнаго разорившагося купца, пришлось вынести не мало лишеній. Въ Петербургѣ ему удалось отдохнуть благодаря знакомству съ семьей Майковыхъ. Онъ весьма часто посѣщалъ ихъ домъ, проводилъ много времени въ художественно-литературной атмосферѣ, учился привычкамъ культурнаго просвѣщеннаго общества и впослѣдствіи Валеріану Майкову былъ обязанъ началомъ своей карьеры: Майковъ ввелъ его въ *Отечественныя Записки*.

До сотрудничества въ журналѣ Дудышкинъ пробавлялся уронами и переводами, неудачными и совершенно не сулившими ему литературной славы. Рекомендація, а потомъ быстрая смерть Майкова открыли, наконецъ, широкую дорогу. Статья о Фонвизинѣ— первый большой опытъ Дудышкина: она довольно точно характеризуетъ его личность и талантъ.

Бѣлинскій назвалъ статью «превосходною»: критикъ обнаружилъ свою обычную снисходительность къ литературнымъ дебютантамъ, подающимъ надежды. На самомъ дѣлѣ статья весьма обыкновеннаго содержанія, даже для 1847 года. Она открываетъ длинный рядъ произведеній особаго литературно-критическаго жанра, чрезвычайно популярнаго въ журналистикѣ по смерти Бѣлинскаго. Это—историко-литературное изслѣдованіе, а не критика. Здѣсь исключительную роль играютъ фактическія свѣдѣнія автора, и почти незамѣтны его личныя сужденія. Онъ достаточно *сообщаетъ* и почти совсѣмъ *не разсуждаетъ*. Критика превращается въ историческія справки или докладныя записки. Нѣкоторые читатели могли признать ее очень дѣльной. Но эта дѣльность не мѣшала оставаться ей крайне безжизненной и совершенно безплодной именно на томъ пути, какой только и могла преслѣдовать русская журналистика наканунѣ шестидесятыхъ годовъ: на пути къ развитію общественной культурной мысли.

Именно эта цѣль исчезла безслѣдно изъ міра руководящей печати, лишь только замолкъ голосъ Бѣлинскаго. Журналисты сбросили съ себя отвѣтственное бремя руководителей и, при извѣстныхъ условіяхъ, творцовъ общественнаго мнѣнія. Можно, конечно, вспомнить о грозныхъ препятствіяхъ, безъ конца загромождавшихъ эту дорогу. Но мы снова повторяемъ: препятствіямъ было естественно оказывать пресѣкающее, *отрицательное* вліяніе на литературу, ихъ *положительные* плоды всецѣло зависѣли отъ доброй воли самихъ литераторовъ. Они *не могли* многаго писать, но *могли* также многое и не писать изъ того, что мы читаемъ на страницахъ передовыхъ журналовъ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ.

Кто, напримѣръ, заставлялъ Дудышкина восхвалять вѣкъ Екатерины II, какъ вѣкъ неограниченной славы и могущества во внѣшней и внутренней политикѣ? Именовать его «вѣкомъ *маленькихъ заблужденій* и сплошныхъ побѣдъ и блеска? Мы знаемъ, цензура не допустила бы напоминаній о пугачевщинѣ, о ней можно было и не упоминать, но не позволительно было многое забывать, безъ передышки изумляться «величію и благодѣтельнымъ результатамъ» внутренняго управленія Россіи при императрицѣ, въ списокъ великихъ людей заносить даже Орловыхъ. Авторъ, несомнѣнно, свѣдущій человѣкъ: какъ же онъ могъ начертать слѣдующія строки:

«Честь и слава вѣку Екатерины, въ который каждый о себѣ говорилъ: «я человѣкъ!»

Мыслимо ли было наслѣднику Бѣлинскаго настаивать преимущественно на военныхъ успѣхахъ Екатерины и рѣчь о «геніальныхъ людяхъ» ея царствованія ограничивать генералами и даже просто «баловнями фортуны»? Отдавалъ ли критикъ ясный отчетъ въ своихъ словахъ, прославляя *Наказъ*, какъ *практическій* законодательный памятникъ и сравнивая его въ этомъ смыслѣ съ морскими, воинскими и административными уставами Петра? Могъ ли студентъ, хотя бы поверхностно знакомый съ русской исторіей эпохи Екатерины, праздную компиляцію временной поклонницы экциклопедистовъ называть «краеугольнымъ камнемъ для исторіи просвѣщенія Россіи»?

Задалъ ли авторъ самому себѣ простѣйшій вопросъ, въ какихъ именно людяхъ и явленіяхъ выразилось это *философское* просвѣщеніе? Онъ разсказываетъ, какъ и съ какими побужденіями знатные подданные Екатерины запасались французскими книжками. Они являлись къ книгопродавцу и заказывали цѣлыя библіотеки. На вопросъ, какихъ собственно книгъ имъ требуется, слѣдовалъ отвѣтъ на французскомъ языкѣ:

«Вы знаете это лучше меня. Это ваше дѣло. Толстыя книги

внизъ, потоньше, на верхъ: такъ именно онѣ разставлены у императрицы».

На этомъ устройствѣ можно было и прекратить просвѣщеніе и всякую философію. Такъ и поступали не только какіе-нибудь Орловы, Зубовы и Потемкины, но даже Фонвизины. Дудышкинъ читалъ заграничныя письма автора *Недоросля*. Въ этихъ письмахъ нелитературной брани подвергнуты знаменитѣйшіе французскіе философы. Критикъ не понимаетъ источника этихъ выходокъ и готовъ приписать ихъ какимъ угодно національнымъ добродѣтелямъ сатирика, только не подлинной причинѣ. Эта наклонность все покрывать лакомъ и умащать цвѣтами чиновничьяго славословія основывается у критика на рѣшительной и многообѣщающей истинѣ: недуги времени иногда безвыходны. Этого сознанія достаточно. Кѣмъ и чѣмъ создана эта безвыходность, кто заражаетъ время недугами и кто долженъ бы лѣчить ихъ? Эти вопросы не входятъ въ программу публициста. Ему и на умъ не придетъ разстраиваться отъ какихъ-то несчастныхъ «случайностей» или неотразимыхъ необходимостей и онъ съ легкимъ сердцемъ изобразитъ: «Императрица покровительствовала каждому рождающемуся таланту въ Россіи»... Надо полагать, Новиковъ и Радищевъ или не таланты, или родились не въ Россіи.

Послѣ этихъ публицистическихъ данныхъ мы можемъ предугадать психологическую проницательность критика. То и другое связано неразрывно и публицистъ извѣстнаго направленія въ сущности только развитіе моралиста. Нашъ критикъ чрезвычайно краснорѣчиво обнаружилъ свой талантъ мимоходомъ, характеризуя резонеровъ Фонвизина. По его мнѣнію, Чацкій точь-въ-точь такой же Стародумъ комедіи Грибоѣдова, какого для своихъ надобностей создалъ Фонвизинъ [70]).

Это отождествленіе обличаетъ не столько психологическую близорукость критика, сколько его непониманіе извѣстныхъ нравственныхъ и общественныхъ явленій. Чацкій для него искусственное и мертворожденное лицо, потому что оно не желаетъ признавать безвыходности недуговъ своего времени, потому что оно воплощаетъ борьбу и протестъ, все равно, какъ бы ни были ограниченны предѣлы и силы этой воинствующей энергіи. Критикъ не можетъ сочувствовать ей и, слѣдовательно, не въ силахъ понимать.

Съ годами это настроеніе нисколько не смягчалось. *Отечественныя Записки*, показавшія рѣдкостную способность примиряться и преклоняться, не могли простить другимъ желанія по возможности стоять во весь ростъ и съ сохраненіемъ человѣческаго достоинства.

---

[70]) *Отеч. Зап.*, т. 53, 1847, стр. 24, 29, 32 etc. т. 54, 24, 46.

Десять лѣтъ спустя Дудышкинъ неустанно преслѣдовалъ природу Чацкаго, гдѣ бы она ни встрѣчалось на его журнальномъ пути. По поводу *Повѣстей и разсказовъ* Тургенева онъ написалъ своего рода сатиру на русскихъ людей, страдающихъ «недовольствомъ». Какое именно «недовольство» непріятно критику, мы узнаемъ вполнѣ опредѣленно: недовольство «пошлостью» и «самодовольствомъ». Было бы, разумѣется, странно, если бы умный человѣкъ, даже не писатель, взялъ на себя крайне рискованную обязанность защищать эти распространеннѣйшія явленія русской дѣйствительности. Критикъ достаточно осмотрителенъ и политиченъ: онъ понятія пошлости и самодовольства украшаетъ *трудомъ* и *дѣятельностью*. Онъ смѣется надъ лишними людьми и идеалистами, бѣжавшими на корабляхъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ въ чужія края изъ своего отечества. А здѣсь оставались именно подвижники труда, жизни, любви.

Конечно, при такой философской и общенравственной постановкѣ вопроса не можетъ быть сомнѣнія въ славѣ тружениковъ и позорѣ бѣглецовъ. «Все трудящееся, работающее было пошло», такъ восклицали тунеядцы, по свѣдѣніямъ критика,—и уже этимъ восклицаніемъ побуждали потомство увѣнчивать ихъ жертвъ вѣнками подвижничества и гражданскаго мужества.

Очень удачный оборотъ, но на горе критика, ни одного вопроса изъ исторіи общества нельзя рѣшать отвлеченно, путемъ идеальной морали и чистой идеологіи. Мы обязаны доподлинно знать, кто именно бѣжалъ и кто оставался, отъ чего и отъ кого бѣжали и что дѣлалось? Мы обязаны знать имена и личности и точно опредѣлить дѣла, тогда только возъимѣемъ право подводить итоги и набрасывать широкія общія характеристики.

И попробуйте выполнить это нравственно-обязательное и логическое условіе, картина немедленно мѣняется. Ходить не слишкомъ далеко. Чацкій сѣлъ въ карету, а Фамусовъ остался въ своемъ салонѣ: кто изъ нихъ дѣйствительно пошелъ, кто заслуживаетъ нашего сочувствія, какія дѣла любви совершены оставшимся и чѣмъ онъ можетъ посрамить бѣжавшаго? Намъ незачѣмъ идеализировать бѣглеца, согласимся даже, что и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой заслуги предъ отечествомъ сѣсть въ карету и отправиться на теплыя или кислыя воды. Но Молчалинъ, напримѣръ, несомнѣнно не убѣжитъ, напротивъ онъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы порядки въ московскихъ канцеляріяхъ и гостиныхъ стали другими. Неужели же поэтому онъ—соль русской земли? Пусть Чацкій не герой и не гражданинъ, но и Фамусовы съ Молчалиными еще менѣе герои и граждане. Правда, они работаютъ и даже трудятся, но гдѣ же развивается *жизнь* и торжествуетъ *любовь*, какъ плоды этихъ трудовъ? Не лучше ли было бы для жизни и любви,

если бы Фамусовы совсѣмъ перестали подписывать бумаги, а Молчалины дѣлать доклады и награжденья брать?

Очевидно, критикъ перепуталъ, и притомъ намѣренно, совершенно различныя понятія и явленія. Вмѣсто того, чтобы осудить *форму* борьбы съ пошлостью, онъ осудилъ самую борьбу и отождествилъ завѣдуемую пошлость съ высокой *идеей* труда, онъ одновременно унизилъ людей благородныхъ стремленій, хотя и печальной воли, и возвысилъ дѣльцовъ и проходимцевъ, шарлатановъ и эгоистовъ. Вѣдь такіе именно труженики и заставляли лишнихъ людей бѣжать отъ родной жизни: такъ, по крайней мѣрѣ, представляла вопросъ литература, вызвавшая критика на разсужденія.

Она строго отличала разныя породы лишнихъ и разочарованныхъ, рядомъ съ Печоринымъ она спѣшила указать на Грушницкихъ и даже, можетъ быть, съ незаслуженной жестокостью казнила ихъ. И раньше критика понимала намѣренія художниковъ. Бѣлинскій, лично отнюдь не способный на безплодное, чисто-отрицательное человѣконенавистничество «героя нашего времени», понялъ органическую силу личности и распозналъ горечь и безъисходность страданія въ надменномъ сердцѣ. Теперь критика не желаетъ знать ни тонкихъ оттѣнковъ, ни бьющихъ въ глаза отличій. Печоринъ просто соблазнитель, Донъ-Жуанъ, напыщенный бѣглецъ и тунеядецъ. Онъ ничѣмъ не лучше любого кавалера въ военномъ мундирѣ, грозы наивныхъ провинціальныхъ дѣвицъ.

Этого мало. Безпощадныя чувства критика не останавливаются на герояхъ. Они посягаютъ на самихъ авторовъ и слава Лермонтова подвергается сильнѣйшей опасности предъ именемъ Баратынскаго, изобразившаго просто пошлаго искателя приключеній. Наконецъ, критикъ дѣлаетъ послѣдній шагъ и говоритъ о ненавистномъ героѣ: «онъ могъ быть безнравственнымъ подъ однимъ условіемъ: держать въ себѣ замкнутыми великія силы». Тогда ему все прощалось. Если же не было подозрѣнія, что въ немъ заперты необыкновенныя силы—онъ пропащій человѣкъ: его забросаютъ грязью. Первый могъ ничего не дѣлать; а этотъ что ни дѣлай, какое благо ни приноси—онъ пошлый человѣкъ, въ немъ ничего нѣтъ идеальнаго».

Гдѣ, въ какомъ произведеніи русской литературы, критикъ нашелъ подобное *авторское* воззрѣніе? Чей великій поэтическій талантъ уполномочилъ его на рѣшительный выводъ о совершенно извращенныхъ нравственныхъ представленіяхъ нашей литературы въ какую бы то ни было эпоху? Какой поэтъ заклеймилъ презрѣніемъ даже благородныхъ и мужественныхъ дѣятелей только за то, что въ нихъ не подозрѣвались «замкнутыя великія силы»? Напротивъ, литература представляла богатую галлерею комедіан-

товъ разочарованія и мнимыхъ идеальныхъ порывовъ, и если выражала свое сочувствіе лишнимъ людямъ, отнюдь не за ихъ тунеядство и не въ поношеніе чужому трудолюбію.

Дудышкинъ, естественно, ополчается и на критику, рѣшавшую иначе поставленный вопросъ. Писатель поумнѣвшихъ *Отечественныхъ Записокъ* дѣятельно опровергаетъ взгляды Бѣлинскаго и слѣдуетъ въ этомъ случаѣ популярнѣйшей модѣ описываемой эпохи. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Бѣлинскій будто бѣльмо на глазу у русской критики. Оффиціально о немъ писать запрещено, его преемники пойдутъ дальше запрещенія, они станутъ противъ него какъ разъ за тѣ самыя свойства его личности и таланта, какія могли бы заставить ихъ почувствовать хотя бы нѣкоторый конфузъ за излишнее усердіе.

Имъ ненавистна непримиримость съ дѣятельностью. Человѣкъ долженъ уничтожить разногласіе мысли и жизни: это ихъ правило. Онъ «долженъ найти средства примиренія», иначе онъ никогда не станетъ «дѣйствительно мыслителемъ». Дудышкинъ припоминаетъ даже философію Карамзина, какъ учительницу чисторусской мудрости, и стремится доказать, что Тургеневъ и творецъ *Исторіи Государства Россійскаго* народность и космополитизмъ понимаютъ совершенно одинаково. Критикъ усиливается другихъ пристегнуть къ возможно болѣе раннему періоду русской общественной мысли, потому что самъ отступаетъ далеко вспять сравнительно съ дѣятельностью своего предшественника. Сочиненіе Карамзина вдругъ опять превращается въ кодексъ національной гражданственности, а *положительное* творчество Пушкина, по мнѣнію критика, характеризуется пристрастіемъ поэта къ русскому древнему міру [71]).

Развѣ всѣ эти идеи не гармоническое дополненіе къ манифесту Краевскаго и развѣ возможно было изъ этого лагеря ждать живого движенія и хотя бы даже вдумчивой и смѣлой литературной критики? Дудышкинъ, несомнѣнно, искренень, и эта искренность являлась для журнала еще болѣе зловѣщимъ признакомъ, чѣмъ политика издателя. Критику случалось даже ссылаться на Бѣлинскаго, все равно, какъ онъ могъ бы опереться на нѣкоторыя его статьи и въ вопросѣ о примиреніи съ дѣйствительностью. Но эти ссылки входили клиньями въ разсужденія самого автора.

Мы, напримѣръ, читаемъ о необходимости *идеи* въ литературномъ произведеніи. Рѣчь очень настойчива и подкрѣпляется длинной выпиской изъ статьи Бѣлинскаго. Почему Бѣлинскій попалъ въ такую честь—понятно: статья, хотя бы и съ похвалой фило-

---

[71]) *Отеч. Записки.* 1857, январь, стр. 5, 21, 25 etc.

софіи Карамзина, пишется уже въ то время, когда нѣтъ настоятельной нужды примиряться и укрощаться и имя стараго критика снова становится во главѣ литературнаго движенія. Въ другомъ, болѣе молодомъ и даровитомъ кружкѣ журналистовъ оно станетъ боевымъ кличемъ и знаменемъ. Не отставать же *Отечественнымъ Запискамъ*, имѣющимъ возможность вспоминая Бѣлинскаго, вспоминать себя самихъ.

И Дудышкинъ воюетъ съ теоріей чистаго искусства, довольно ловко отождествляетъ ее съ идеей индифферентизма въ вопросахъ жизни, съ шаткимъ представленіемъ о добрѣ и злѣ. Онъ негодуетъ на Писемскаго, не знающаго *цѣли* въ своемъ творчествѣ, и приходитъ къ заключенію: «художникъ безъ идеи быть не можетъ» [72]).

Все это прекрасно, но вопросъ только намѣченъ. Идею понимать можно весьма разнообразно, слить ее просто съ извѣстнымъ смысломъ произведенія, т. е. опредѣленнымъ продуманнымъ содержаніемъ или придать ей общественную или политическую окраску. Трудно представить талантливаго писателя, сочиняющаго совершенно безсознательно, поющаго подобно птицѣ. *О такомъ* чистомъ искусствѣ не стоитъ и толковать. Также не заслуживаетъ особенной защиты и идея, понятая какъ очевидный *смыслъ* творчества. Дудышкинъ, повидимому, такъ и представлялъ идею.

Онъ нашелъ ее въ раннихъ разсказахъ гр. Толстого. Она состоитъ въ преслѣдованіи всего мишурнаго, ложнаго, неестественнаго и въ прославленіи лучшихъ свойствъ простого человѣка [73]).

Въ высшей степени смутная идея! Она можетъ повести къ многочисленнымъ, трудно разрѣшимымъ недоразумѣніямъ. Гр. Толстой своей позднѣйшей дѣятельностью блистательно доказалъ, какъ можетъ быть капризно и нетерпимо понятіе о ложномъ и до какой степени искусственна идея правды и простоты. Давать такія общія истины въ полное распоряженіе чисто художественной натурѣ и ждать поучительныхъ нравственныхъ результатовъ отъ ея вдохновеній, значитъ не понимать и не цѣнить *идеи*. Критика мертваго періода съ неустаннымъ усердіемъ восхваляла независимость литературной дѣятельности гр. Толстого... На этомъ восхваленіи ей слѣдовало остановиться и не навязывать молодому писателю идейности, въ чемъ онъ былъ совершенно неповиненъ.

Быть идейнымъ художникомъ — значитъ быть художникомъ-мыслителемъ, а не только художественнымъ талантомъ, не лишеннымъ общечеловѣческаго здраваго смысла и логики. Такимъ идейнымъ писателемъ гр. Толстой никогда не былъ. Онъ могъ попеременно творить и резонерствовать, внушенія своей поэтиче-

---

[72]) *Ib.*, апрѣль, стр. 59, 61, 62 etc.

[73]) *Отеч. Зап.* 1855 г., декабрь.

ской натуры перемѣшивать съ чисто-разсудочными комментаріями и трактатами, т. е. дѣлать два совершенно различныхъ дѣла, отнюдь не представляющихъ цѣльнаго акта вдохновеннаго творчества. Но мыслить образами ему не дано, такъ же какъ и мыслить идеями онъ всегда могъ только въ весьма слабой, поверхностной и крайне запутанной формѣ. Въ чисто-отвлеченномъ мышленіи порадоксальность подчасъ выкупаетъ основную немощь и смуту мысли, въ художественномъ произведеніи — непримиримый разладъ между идеологіей и творчествомъ до боли мечется въ глаза.

Но Дудышкинъ, ссылаясь даже на Бѣлинскаго и унижая Писемскаго, все-таки открылъ въ гр. Толстомъ идейнаго художника. Зато въ Тургеневѣ онъ усмотрѣлъ почти исключительно мыслителя только «съ инстинктомъ поэтической красоты» и «художественную отдѣлку» повѣстей признала «самой слабой стороной» тургеневскаго таланта...

Можно ли до такой степени страдать критическимъ дальтонизмомъ? Отъ другого современнаго критика мы услышимъ нѣчто совершенно обратное о Тургеневѣ, какъ о поэтѣ по преимуществу. Краснорѣчивый примѣръ смуты, царствовавшей даже въ руководящихъ сужденіяхъ критики!

Овцы будто очутились безъ пастыря и не знали, по какому направленію идти. Имѣя предъ глазами текстъ учителя, они не понимали истиннаго смысла словъ. Произнося приговоры надъ самыми ясными и крупными талантами эпохи, они сбивались и противорѣчили себѣ въ нагляднѣйшихъ фактахъ.

Смута шла еще дальше.

Взгляды критиковъ съ теченіемъ времени, нельзя сказать мѣнялись, а умножались чуждыми идеями, раньше отвергнутыми и осужденными. Происходило это независимо отъ личнаго идейнаго развитія критиковъ, а исключительно подъ вліяніями внѣшней атмосферы. Мы могли замѣтить подобное явленіе въ статьяхъ Дудышкина, еще ярче оно скажется въ многолѣтней и очень плодовитой критикѣ Дружинина. И показать его можно вовсе не на какихъ-либо тонкостяхъ эстетики, а на судьбѣ самого простого вопроса о значеніи и талантѣ Бѣлинскаго.

IX.

Дружининъ одинъ изъ баловней писательскаго счастья. Правда, потомство имъ мало интересуется и восьмитомное собраніе сочиненій когда-то популярнаго и разносторонняго таланта остается въ пренебреженіи даже у самыхъ просвѣщенныхъ русскихъ читателей.

На несправедливость такого отношенія нельзя пожаловаться. Дружининъ врядъ ли можетъ научить современную публику какимъ-либо плодотворнымъ истинамъ, не доставитъ и художественнаго удовольствія.

Совершенно иное положеніе занималъ Дружининъ полвѣка тому назадъ.

Мы знаемъ отзывы Бѣлинскаго; не менѣе сочувственно встрѣтилъ будущаго критика и славянофильскій лагерь. Григорьевъ, звѣзда новаго славянофильства, съ особеннымъ удовольствіемъ и неоднократно говоритъ о Дружининѣ. Онъ не раздѣляетъ слишкомъ благосклонныхъ чувствъ Бѣлинскаго къ *Полинькѣ Саксъ*, но зато онъ безпрестанно воздаетъ хвалы Дружинину-критику.

Дружининъ — «самый образованный и самый умный изъ нашихъ критиковъ», онъ одаренъ чуткостью и тонкостью, онъ авторъ лучшихъ статей о Пушкинѣ «за послѣднее время», т. е. за пятидесятые годы, онъ написалъ блестящую статью о Тургеневѣ [74]).

Другой критикъ москвитянинской арміи Алмазовъ возмѣстилъ суровость своего товарища и восхвалилъ Дружинина, какъ автора романовъ; онъ большой знатокъ человѣческаго сердца, онъ перечувствовалъ и много думалъ о чувствахъ, тонко понимаетъ любовь и дружбу [75]).

Очевидно, нашъ писатель долженъ былъ считать свою карьеру блестящей, тѣмъ болѣе, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на любительское поприще.

По происхожденію сынъ важнаго чиновника, по образованію—воспитанникъ пажескаго корпуса, по службѣ—лейбъ-гвардейскій офицеръ, потомъ чиновникъ военнаго министерства,—Дружинина, казалось, внѣшняя судьба удаляетъ отъ литературы [76]). Но врожденная наклонность создала изъ него сначала беллетриста, потомъ публициста и критика, превратила его даже въ редактора *Библіотеки для Чтенія*.

Способности, конечно, весьма важный залогъ для дѣятельности писателя, но онѣ далеко не исчерпываютъ вопроса, особенно въ литературѣ новаго времени, и именно въ публицистической. Чисто-литературное дарованіе, т. е. хорошій стиль, извѣстная наблюдательность, бойкость ума могутъ создать множество разнообразныхъ писательскихъ ступеней, отъ уличнаго фельетониста до

---

[74]) Григорьевъ. *Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Эпоха*, 1864, май, стр. 150. *Сочиненія*, стр. 60, 238, 307.

[75]) *Сочиненія*. М. 1892. III, 645.

[76]) Біографія Дружинина у Венгерова. *Критико-біографическій словарь*, томъ V, Спб. 1897. Кирпичниковъ. *Очерки по исторіи новой русской литературы*. Спб. 1896.

полноправнаго руководителя общества. Если для поэтическаго таланта безусловно необходимо нравственное содержаніе, а для художественнаго генія—чуткость къ явленіямъ общечеловѣческой и общественной жизни, публицистъ безъ руководящаго строго обдуманнаго и религіозно-воспринятаго принципа скорѣе отрицательное явленіе, чѣмъ дѣйствительное пріобрѣтеніе для какой бы то ни было бѣдной литературы. Предъ внѣшнимъ міромъ, предъ всей окружающей дѣйствительностью онъ долженъ явиться съ богатымъ личнымъ нравственнымъ міромъ, съ неограниченно отзывчивой душой и мучительно вдумчивой мыслью. Пусть каждый фактъ встрѣтитъ въ немъ отвѣтный откликъ, пусть одинаково и мелкія и крупныя явленія жизни вызываютъ въ немъ безкорыстный процессъ идей, направленный къ одной истинѣ и справедливости. Это будетъ процессъ неустаннаго развитія ума и нравственнаго чувства, выработка зрѣлой энергіи и умѣнья вносить въ жизнь опыты и завоеванія своей личности.

Съ какими же силами и задачами подошелъ будущій критикъ къ тяжелой русской дѣйствительности своего времени?

Онъ началъ повѣстью и имѣлъ блестящій успѣхъ, преимущественно среди дамской публики. Очевидецъ описываетъ довольно картинно положеніе писателя на зарѣ его славы.

«Очень юный гвардейскій офицерикъ, смазливый, деликатный съ вѣчно опущенными глазами, вѣчно застѣнчивый и пугливый... Дружинину открыты были двери всѣхъ гостиныхъ, салоновъ и будуаровъ... Каждая дама того времени считала за счастье увидѣть Дружинина, хотя украдкой взглянуть на этого милаго человѣка, дорогаго адвоката женскаго сердца, а познакомиться съ нимъ, съ авторомъ *Полиньки*, для каждой молодой дамы и дѣвицы было верхомъ блаженства» [77]).

Предсказаніе Бѣлинскаго, слѣдовательно, исполнялось. Но всякій успѣхъ налагаетъ на своего героя и свою жертву, извѣстную отвѣтственность. Дружининъ, по слѣдамъ Жоржъ Зандъ, очень трогательно защищалъ права женскаго сердца, рисовалъ мужа, идеальнаго джентльмэна, выдающаго собственную жену замужъ за любимаго ею человѣка. Полинька Саксъ являлась, слѣдовательно, новой героиней, но какъ большинство героинь этой породы, рѣшительно не желала знать идейной и философской основы своего героизма. Ея мужъ, страдающій отъ направленія жены, напротивъ, поклонникъ французской романистки. Онъ желаетъ при помощи романовъ Жоржъ Зандъ просвѣтить Полиньку. Но она «зѣвала, зѣвала и бросила книги съ отвращеніемъ» [78]).

[77]) А. В. Дружининъ. Изъ воспоминаній стараго журналиста А. Старчевскаго. *Наблюдатель*. 1885, апрѣль, стр. 115.

[78]) *Сочиненія*. Спб. 1865, I, 5.

Петербургскимъ дамамъ естественно было сочувствовать даже такой представительницѣ эмансипаціи, но для насъ любопытны чувства автора. Онъ явный почитатель «генія» Жоржъ Зандъ и въ то же время выбираетъ въ героини своего романа ничтожнѣйшее въ нравственномъ отношеніи существо, окружая его всѣми узорами обязательной кавалерской любезности. Очевидно, идеи Жоржъ Занда въ ихъ серьезномъ общественномъ значеніи не занимали русскаго беллетриста и онъ слѣдовалъ гораздо больше литературной модѣ, торжествующему современному направленію критики, чѣмъ личному убѣжденію. Плохой признакъ для будущаго: чисто-литературное увлеченіе такъ же легко можетъ быть забыто, какъ и усвоено.

Свѣтскій успѣхъ съ самаго начала наложилъ на новаго беллетриста своего рода узы. Онъ непремѣнно долженъ быть *интереснымъ*, приспособлять свои творенія для дамскаго чтенія, возможно чаще острить, блистать разнообразіемъ, оригинальностью, переполнять свои страницы анекдотами, каламбурами, вообще салонными шалостями, все равно, о чемъ бы ни шла рѣчь и въ какой бы формѣ ни излагались чувства мысли,—въ формѣ ли веселаго фельетона или критической статьи. Авторъ долженъ нравиться и развлекать: иначе дамы перестанутъ открывать ему двери салоновъ и будуаровъ.

Русская литература уже пережила однажды періодъ подобной кавалерской, беззаботно-порхающей словесности. Карамзинъ—журналистъ, единственной цѣлью своей полагалъ «занимать публику пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ слогомъ». Совершенно такой же идеалъ намѣтилъ и авторъ *Полиньки Сакс*. Это—воскрешеніе карамзинской школы со всей ея беззаботностью на счетъ просвѣтительныхъ задачъ литературы, съ ея чувствительной угодливостью предъ праздными и умственно-неповоротливыми сускрибентами, съ ея пристрастіемъ къ пустякамъ и курьезамъ. Это одна сплошная «смѣсь» и одинъ неограниченно царствующій фельетонъ съ придуманно-пестрой и преднамѣренно-забавной болтовней. Сходство съ допотопной салонной словесностью шло еще дальше, до увлеченій Дружинина западной литературой. Онъ, конечно, зналъ неизмѣримо больше Карамзина, усердно читалъ журналы и книги на англійскомъ языкѣ, составилъ рядъ до сихъ поръ полезныхъ компиляцій объ англійскихъ писателяхъ.

Но въ общемъ его и здѣсь больше тянуло къ какой-нибудь достопримѣчательности, мѣщански поучительной и любопытной чертѣ, чѣмъ къ глубокому культурному и общественному смыслу изображаемыхъ лицъ и фактовъ.

Современникъ очень зло называетъ Дружинина пажемъ—всюду,

въ обществѣ, въ кругу дамъ, въ литературѣ [79]). Это, можетъ быть, не совсѣмъ заслуженно, но что Дружининъ не былъ писателемъ по натурѣ и по всему складу своего ума, не можетъ быть сомнѣнія. Для него существеннѣйшіе интересы литературы были довольно безразличны, онъ просто не сознавалъ ихъ, не чувствовалъ ни достоинства, ни позора того самаго поприща, гдѣ подвизался столько лѣтъ. Онъ до конца оставался литераторомъ *in partibus infidelium*, весело пописывая и почитывая гдѣ угодно и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Мало того. Случались обстоятельства, когда именно Дружининъ оказывался «драгоцѣннѣйшимъ сотрудникомъ» и даже въ такихъ журналахъ, какъ *Современникъ*.

Незамѣнимость будущаго критика обнаружилась какъ разъ въ «эпоху цензурнаго террора». Какимъ образомъ это было открыто, намъ разсказываетъ одинъ изъ близкихъ свидѣтелей всей дружининской дѣятельности.

Сначала онъ говоритъ трагически о «громахъ» сорокъ восьмого года, грянувшихъ надъ литературой и просвѣщеніемъ, потомъ описываетъ растерянность литераторовъ и просвѣтителей и изображаетъ, наконецъ, оригинальное общество, съумѣвшее спасти хорошее настроеніе духа подъ громомъ и бурями. Даже невзгода особенно поощрила нашихъ героевъ и они принялись жить припѣваючи среди всеобщаго болѣзненнаго стона или мрачнаго молчанія.

Кружокъ молодыхъ людей учредилъ нѣчто въ родѣ маленькой домашней академіи въ стилѣ Возрожденія. Бесѣды отличались больше чѣмъ непринужденностью и могли часто соперничать съ новеллами Декамерона. Члены академіи наперерывъ щеголяли другъ передъ другомъ пародіями, стихотвореніями и прозаическими шутками, «уморительными» анекдотами. Уморительность, разумѣется, создавалась пикантнымъ острословіемъ и соблазнительнымъ букетомъ юнаго вдохновенія. Скоро составилась обширная литература, получившая въ кружкѣ наименованіе *Чернокнижія*. Авторы задумали связать плоды своего творчества одной нитью и измыслили похожденія праздныхъ чудаковъ, шатающихся по Петербургу и переживающихъ разныя веселыя приключенія. Академія не страдала честолюбіемъ и не намѣрена была предавать гласности свои труды.

Иначе рѣшилъ Дружининъ.

Упражненія «чернокнижниковъ» онъ перенесъ на страницы *Современника*. Самъ ли онъ додумался до этого рѣшенія или сообща съ Панаевымъ—издателемъ журнала и участникомъ «чернокнижія»—вопросъ не важный, но въ высшей степени важно вни-

---

[79]) *Наблюдатель. Іѣ.*, стр. 119.

маніе, оказанное первостепеннымъ и передовымъ журналомъ скарроновскому творчеству петербургскихъ юношей. Некрасовъ также принималъ усердное участіе въ фельетонахъ, вносилъ свою лепту и извѣстный намъ Милютинъ. Сотрудничество это касалось, по крайней мѣрѣ, трехъ первыхъ главъ *Сентиментальнаго путешествія Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ*, и скоро, надо думать, прекратилось [80]). Другіе члены кружка энергично стали протестовать противъ появленія въ печати такого рода статей, но Дружининъ и *Современникъ* полагали иначе, и *Путешествіе* тянулось цѣлый годъ. Впослѣдствіи въ другихъ изданіяхъ оно смѣнилось похожденіями «Петербургскаго туриста»— «увеселительными» или даже «увеселительно-философскими очерками».

Ничего, конечно, нельзя было бы возразить противъ фельетоннаго отдѣла журнала. Вопросъ не въ фельетонѣ и не въ остроумныхъ настроеніяхъ автора, а въ предметахъ его остроумія и въ его авторскихъ цѣляхъ. Чернокнижниковъ недаромъ вызвалъ протестъ даже у поставщиковъ веселаго матеріала: его разсказы о «прелестной шалуньѣ съ сигарой въ пунсовыхъ губкахъ», о знакомствѣ нѣкоего петербургскаго обывателя съ «дамами-камеліями» и живописное описаніе панны Юзи, мадамъ «или, быть можетъ», мадемуазель Эрнестинъ, врядъ ли служили украшеніемъ литературы [81]). Фельетонистъ вполнѣ окровенно потѣшалъ ту самую публику, какую въ жизни интересовали «жестокіе красавцы» и «иностранныя пѣвицы», и продолжалъ свое дѣло даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Фактъ вполнѣ краснорѣчивый. Онъ неразрывно связанъ съ содержаніемъ всей литературности Дружинина. Писатель приступилъ къ ней вовсе не съ литературными, еще менѣе идейными задачами. Его чрезвычайно свободные переходы изъ одного журнала въ другой, изъ *Современника* Некрасова въ *Библіотеку для Чтенія* Сенковскаго свидѣтельствовали въ лучшемъ случаѣ о дилетантизмѣ, если просто не о ремесленничествѣ. Дружининъ также будетъ относиться и къ своимъ мыслямъ и взглядамъ, будетъ исправлять ихъ, раскаяваться и совершать этотъ процессъ будто съ квартирой, костюмомъ или обѣденнымъ блюдомъ. Но и здѣсь не лишена интереса одна черта. Перемѣна и раскаяніе потребуются относительно, напримѣръ, Бѣлинскаго, но предъ лицомъ Сенковскаго Дружининъ останется твердъ и вѣренъ себѣ.

Редакторъ *Библіотеки для Чтенія* сохранитъ свою внушительность и свои достоинства при всяческихъ обстоятельствахъ, также

---

[80]) Лонгиновъ. *Вмѣсто предисловія* къ VIII тому *Сочиненій* Дружинина.
[81]) *Сочиненія*. VIII, 500, 511 etc.

какъ и личное уваженіе нашего критика. О Бѣлинскомъ будутъ высказаны весьма настойчивыя отрицательныя сужденія въ періодъ, неблагопріятный для памяти критика, и будутъ замѣнены другими въ болѣе счастливыя времена. Достаточно было бы одного этого приключенія, чтобы освѣтить истиннымъ свѣтомъ глубину и принципіальность идей Дружинина.

Но онъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе семи лѣтъ занималъ мѣсто самаго авторитетнаго критика въ западническомъ лагерѣ и, мы видѣли, встрѣчалъ одобренія даже у славянофиловъ. Мы обязаны изслѣдовать основы этой авторитетности; она—самое яркое явленіе въ исторіи русской передовой критики за всю промежуточную эпоху отъ смерти Бѣлинскаго до появленія людей шестидесятыхъ годовъ.

X.

Дружининъ являлся драгоцѣннымъ человѣкомъ при извѣстныхъ условіяхъ литературы не только въ качествѣ увеселителя публики, но преимущественно какъ чрезвычайно осторожный и предупредительный литераторъ. Онъ дрожалъ предъ цензурой, готовъ былъ перечеркивать свои статьи при малѣйшемъ подозрѣніи насчетъ цензорскихъ неудовольствій, даже лично просить цензора «просмотрѣть построже» особенно, по его мнѣнію, сомнительныя мѣста въ его писаніяхъ [82]).

Такая предупредительность могла бы показаться невѣроятной, плодомъ чужого злостнаго вымысла. Но, къ сожалѣнію, она не противорѣчитъ прямымъ заявленіямъ Дружинина и особенно настроеніямъ, господствующимъ въ его статьяхъ.

Эти статьи—*Письма иногороднаго подписчика*—печатались въ «Современникѣ» съ 1848 года по 1854-й, за исключеніемъ послѣдняго мѣсяца 1851 года и всего 1852, когда Дружининъ перенесъ ихъ въ *Библіотеку для Чтенія*.

Съ перваго же *Письма* авторъ поспѣшилъ заявить публикѣ о своихъ писательскихъ вкусахъ. Онъ является предъ ней литераторомъ вполнѣ довольнымъ, веселымъ и беззаботнымъ. Онъ радъ, что полемика, недавно еще, наполнявшая русскую печать, прекратилась, что теперь публика можетъ разсчитывать на однѣ лишь новости и живой фельетонъ. Самъ критикъ въ литературѣ любитъ изображеніе настоящей петербургской жизни—не унылой и бѣдной, а шумной, веселой и блестящей, въ повѣстяхъ изъ провинціальной жизни ищетъ идиллій, «сцену изъ жизни добраго и веселаго помѣщика». Въ жизни все такъ интересно, за исключеніемъ развѣ только «знаменитыхъ писателей»: читать ихъ «какъ-то

[82]) *Наблюдатель*. 1885, іюнь, стр. 260.

утомительно», да еще думать «какъ-то не хочется». А все прочее—чрезвычайно забавно, и его надо искать всѣми силами всюду: въ литературѣ и въ дѣйствительности [83]).

И горе журналу и автору, поставляющимъ этотъ матеріалъ въ недостаточномъ количествѣ.

Въ такой-то книжкѣ такого-то журнала «мало забавнаго», у русскихъ авторовъ «напрасно ищемъ мы какихъ-нибудь остроумныхъ замѣтокъ», «бойкой выходки». Все это плохая литература.

Она не удовлетворяетъ своему назначенію. Она должна «обильно» доставлять намъ «спокойствіе» и «тихія радости», отрѣшать насъ «отъ плачевной дѣйствительности», создавать произведенія на образецъ гётевскихъ—исполненныя «невозмутимаго, неподражаемаго спокойствія», переносить людей, смирившихся передъ уроками Провидѣнія, въ невозмутимую область изящнаго. Пусть кругомъ царитъ какая угодно смута, пусть отечество дрожитъ отъ грозныхъ опасностей, идеаломъ останется все-таки Гёте съ его полнымъ, совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ «плачевной дѣйствительности». Русской словесности, по мнѣнію критика, предстоитъ блестящій путь именно въ этомъ направленіи къ «ароматическимъ цвѣтамъ» [84]).

Она развивается среди спокойствія и ея современное положеніе внушаетъ критику «сладкую увѣренность» въ ея будущемъ. Только пусть она окончательно усвоитъ два правила: успокоиться отъ внутреннихъ раздоровъ и сосредоточитъ свое вниманіе исключительно на прелестяхъ родной жизни и на добродѣтеляхъ русскихъ людей.

Миръ, неограниченное благоволеніе и забавное или усладительное вдохновеніе—вотъ предѣлы національнаго русскаго творчества.

И авторъ не устаетъ убѣждать русскихъ журналистовъ—оставить свою прежнюю исключительность, излѣчиться отъ запальчивости и нетерпимости, вообще изгнать всякую полемику.

Она прежде всего скучна, совершенно безполезна, «тишина и согласіе» гораздо пріятнѣе и «иногородный подписчикъ» не можетъ безъ веселаго смѣха вспомнить время «забавной нетерпимости» журналовъ,—*Отечественныхъ Записокъ*, *Современника*, *Москвитянина*. «Къ крайнему удовольствію» автора этотъ недугъ сталъ исчезать, и отнынѣ журналисты и редакторы будутъ беречь свое здоровье и заботиться о «веселости духа» [86]).

А путей къ этой цѣли множество. Въ мірѣ дѣйствительности

---

[83]) *Сочиненія*. VI, 8, 13, 17, 19.

[84]) *Ib.*, стр. 78, 106, 116, 117, 118.

[85]) *Ib.*, стр. 86, 137, 466, 583.

[86]) *Ib.*, стр. 58, 59, 390.

множество пріятностей и неисчерпаемыхъ источниковъ удовольствія, напримѣръ, женщины. Если русскому публицисту недоступны общественные вопросы и даже разговоръ о художественной литературѣ подъ запретомъ, онъ свою статью можетъ превратить въ психологическое изслѣдованіе женскаго сердца и въ любовное объясненіе предъ прекраснымъ поломъ. Сколько чувства, пафоса и познанія жизни можетъ обнаружить онъ въ столь благодарной и поучительной роли! Одно перечисленіе женскихъ добродѣтелей какой эффектъ можетъ представить, въ особенности, если сравнить ихъ съ пороками мужчинъ! Это будетъ чисто-беллетристическая страница, не вошедшая въ чувствительную повѣсть и читательницы будутъ неотразимо завоеваны новымъ жанромъ литературной критики. Она вполнѣ замѣнитъ «десертную часть въ журналахъ», по наблюденіямъ автора, пришедшую за послѣднее время въ упадокъ. Это—«смѣсь», когда-то великолѣпная, теперь скучная [87]).

Дружининъ поддержитъ славу старинныхъ поваровъ. У него имѣется одно блюдо, до чрезвычайности разнообразное. При искусномъ приготовленіи оно можетъ удовлетворить самый прихотливый вкусъ и оказаться неистощимымъ источникомъ веселья. Это—анекдотъ, по истинѣ всецѣлительное средство отъ скуки и непріятныхъ впечатлѣній. И нашъ критикъ широко воспользуется имъ, такъ, какъ еще не пользовались до него призванные развлекатели русской публики — издатели *Сына Отечества*, *Сѣверной Пчелы*, *Библіотеки для Чтенія*. Дружининъ по всей справедливости можетъ быть названъ царемъ анекдота, спеціалистомъ диковинокъ и курьезовъ. Если бы возможно, онъ всѣ свои статьи превращалъ бы въ вереницы анекдотовъ, біографіи писателей составлялъ бы изъ анекдотовъ, произведенія ихъ оцѣнивалъ бы при помощи курьезныхъ цитатъ и забавныхъ эпизодовъ. Но, къ сожалѣнію, о такомъ счастьѣ доступно только мечтать! Даже при громадномъ количествѣ десертныхъ эпизодовъ, въ жизни и, слѣдовательно, въ литературѣ, все-таки остается много слишкомъ серьезнаго и даже грустнаго.

Письма Дружинина безпрестанно открываются анекдотами, часто даже несвязанными съ темой автора. Онъ болтаетъ ради болтовни и только спустя долгое время приходитъ въ себя и принимается говорить о главномъ предметѣ. Но ему не всегда удается выдержать тонъ и онъ на каждомъ шагу готовъ впасть въ анекдотическій гипнозъ.

Обыкновенная программа критической статьи такая: сначала цѣлый залпъ *диковинокъ*,—исторіи про *одного* ученаго, про *одного* англичанина, про *одного* пріятеля, про великую пѣвицу, анекдотъ о благо-

---

[87]) *Ib.*, стр. 139, 191, 195, 200, 730, 243, 293, 129, 185.

дарной щукѣ, «свирѣпое» приключеніе молодаго графа де Б., «чрезвычайно милый» разсказъ, слышанный отъ одного англичанина, «милая и даже драматическая исторія» про русскаго вельможу... Когда десертный столъ, по соображенію милаго историка, достаточно сервированъ, онъ заявляетъ: «теперь потолкуемъ объ *Отечественныхъ Запискахъ*». Но пусть читатель не пугается и не воображаетъ, будто сейчасъ и начнется разговоръ о скучныхъ матеріяхъ. Нѣтъ. У автора еще обильный запасъ личныхъ дѣтскихъ и всякихъ другихъ воспоминаній. У него былъ «англійскій учитель, джентльмэнъ не совсѣмъ изящной, но тѣмъ не менѣе интересной наружности, англичанинъ *pur sang*, длинный, тощій, рижеватый, съ зубами непомѣрной длины». Потомъ авторъ когда-то въ молодости живалъ въ маленькихъ дешевыхъ комнатахъ и въ семнадцать только лѣтъ въ первый разъ услышалъ *Донъ-Жуана*. Все это чрезвычайно забавно и должно найти свое мѣсто на страницахъ *Современника* [88]).

Но, наконецъ, пора же дѣйствительно потолковать объ *Отечественныхъ Запискахъ*, о *Москвитянинѣ*, о *Сынѣ Отечества*, о *Библіотекѣ для Чтенія*. И толки начинаются по слѣдующей системѣ.

Помимо современныхъ журналовъ, авторъ читаетъ еще съ большимъ удовольствіемъ и пользой всѣ забытыя сочиненія. Это очень странно для такого любителя веселья и разнообразія. Но дѣло совершенно очевидное. Авторъ только что передалъ своимъ читателямъ любопытную исторію объ итальянской торговкѣ и о Данте, умилился до глубины души и сдѣлалъ принципіальный выводъ: «Отыскивать въ старыхъ книгахъ подобные разсказы, пояснять ими жизнь и образъ мыслей любимыхъ своихъ писателей, — это наслажденіе высокое, которое, право, стоитъ удовольствія написать повѣсть съ отчаянно трагическимъ окончаніемъ» [89]).

Разумѣется! И авторъ будетъ продолжать поиски за такими же удовольствіями и въ новыхъ книгахъ. Онъ готовъ удалиться отъ своего предмета «на страшное разстояніе», лишь бы поймать анекдотецъ и исторію, хотя бы даже о совершенно нелитературныхъ привередничествахъ Потемкина и водевильныхъ эксцентричностяхъ англійскаго лорда. Анекдотъ выполняетъ рѣшительно всѣ обязанности, возлагаемыя литературой на критика: онъ и исторія, и эстетика, и философія. Онъ забавляетъ, но онъ же и доказываетъ. Предъ критикомъ всегда развернуты сборники веселыхъ разсказовъ и разныхъ «чертъ» изъ жизни знаменитыхъ людей, и онъ беретъ отсюда ежемѣсячныя порціи для русской публики.

---

[88]) *Ib.*, стр. 33, 357.

[89]) *Ib.*, стр. 457, 286, 472, 313, 281.

Естественно, столь тонкій гастрономъ и кондитеръ долженъ питать профессіональное сочувствіе уже прямо къ кулинарному искусству. Ни съ того, ни съ сего, просто по влеченію сердца и игрѣ ума онъ сообщитъ читателямъ подробный рецептъ испанскаго блюда, ольи подриды, обстоятельно опишетъ самый процессъ приготовленія, просмакуетъ вкусъ и только тогда воскликнетъ: «однако пора обратиться къ журнальнымъ новостямъ».

Здѣсь имѣется особенный отдѣлъ, заслуживающій глубокаго вниманія нашего обозрѣвателя,—именно отдѣлъ *модъ*. Критикъ изслѣдуетъ его съ чисто научной основательностью, потому что онъ любитъ «всматриваться и вдумываться во все микроскопическое». Движимый этимъ вкусомъ, онъ очень часто и охотно возвращается къ идеально-микроскопическому вопросу, къ такъ-называемой «механической части нашихъ періодическихъ изданій».

Это означаетъ—критика опечатокъ и бумаги. Авторъ, пожалуй, и согласенъ, что подобные пустяки не стоятъ шума, но съ сердцемъ и умомъ ничего не подѣлаешь: приходится собирать диковинки и въ этой области. Напримѣръ, такой приговоръ надъ журналомъ положительно необходимъ: «Книжка сшита весьма худо, обертка дурно пригнана и слишкомъ мягка, отчего скоро мнется и представляетъ видъ довольно не изящный». Кромѣ того, можно припомнить поучительную исторію объ англичанинѣ и французѣ, взапуски отыскивавшихъ опечатки въ газетахъ изъ патріотическаго самолюбія. Въ англійскомъ изданіи не оказалось ни одной опечатки, а во французскомъ—нѣсколько, между прочимъ, точка съ запятой не на своемъ мѣстѣ.

Впрочемъ, журналы сами даютъ обильную пищу остроумію критика: они безпрестанно заводятъ междоусобные счеты изъ-за «механической части», анализируютъ бумагу другъ у друга, ловятъ типографскіе промахи и авторскія описки, уснащаютъ свои открытія шутливыми примѣчаніями и даже стихами. Очевидно, таково направленіе вѣка, и не завѣдомо-милому фельетонисту идти противъ всеобщаго вкуса [90]).

Легко судить, въ чемъ будутъ состоять собственно литературныя разсужденія Дружинина, какое знамя водрузитъ онъ на томъ журнальномъ оплотѣ, гдѣ застрѣльщикомъ и вождемъ былъ такъ еще недавно Бѣлинскій. Разумѣется, его преемнику придется возможно скорѣе разорвать всѣ нравственныя и идейныя связи съ прошлымъ и занять независимую позицію. Дружининъ отлично понялъ свое положеніе и во всеоружіи анекдотовъ и свирѣпыхъ исторій направился вялыми, будто танцующими, но вполнѣ опредѣленными шагами противъ «забавной нетерпимости» и серьезности своего предшественника.

[90]) *Ib.*, стр. 300, 231, 180, 69.

XI.

Гоголь и Бѣлинскій—два принципіальныхъ противника передового, но въ сильной степени остепенившагося журнала. Разсчетъ съ Гоголемъ чрезвычайно простъ и нагляденъ. Новое міросозерцаніе *Современника* требуетъ во что бы то ни стало веселья и смѣха, близко интересуется вопросами: «возможенъ ли русскій водевиль? Забавенъ ли русскій водевиль?» Заботится о статьяхъ, «нужныхъ для свѣтскаго человѣка», не желаетъ знать иныхъ героевъ, кромѣ здоровыхъ, жизнерадостныхъ, влюбленныхъ молодыхъ людей и проектируетъ даже двѣ спеціальныхъ науки—«разговора» и «супружеской жизни», исключительно для мужчинъ. Ясно, кто долженъ пасть жертвой столь утонченнаго и культурнаго направленія.

Дружининъ терпѣть не можетъ повѣстей, гдѣ завязка происходитъ на чердакѣ, а не въ красивой комнатѣ, и готовъ пропѣть восторженный гимнъ скорѣе рыцарственной правдивости, благородству, высокой поэтической грусти Шатобріана—автора *Замогильныхъ записокъ*, чѣмъ признать поэзію въ гоголевской школѣ. Да, русскій критикъ подвергнется чисто-психопатическому головокруженію отъ дерзкой шумихи пустозвонныхъ фразъ и театральныхъ бутафорскихъ эффектовъ, но онъ не усмотритъ въ русскомъ писателѣ ни таланта, ни правдивости, разъ онъ не живописуетъ изящныхъ любовныхъ томленій, не слагаетъ романсовъ въ честь женщинъ и не освѣщаетъ горизонта русской жизни незаходящимъ солнцемъ всеобщаго благополучія и довольства? Редакція *Современника*, повидимому, еще сдерживаетъ порывы своего критика, и онъ больше сосредоточивается на приготовленіи собственнаго десерта, чѣмъ на уничтоженіи чужихъ грубыхъ блюдъ. Но стоитъ нашему эстетику получить полную свободу, и онъ всѣ свои маленькія средствица, шпильки и булавки направитъ на враговъ всероссійскаго веселья.

Общій характеръ *Писемъ* Дружинина въ *Библіотекѣ для Чтенія* тотъ же, что и въ *Современникѣ*, но нѣкоторыя подробности въ высшей степени замѣчательны. Онѣ, прежде всего, рисуютъ эстетическія воззрѣнія критика, а потомъ не оставляютъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ нравственнаго достоинства его личности.

Въ *Современникѣ* «иногороднаго подписчика» пугала тѣнь Бѣлинскаго и онъ не могъ развернуться во всю ширь тамъ, гдѣ еще вѣялъ духъ великаго гонителя литературной пошлости и шутовства. Но Дружининъ попадаетъ въ журналъ, искони ненавистный Бѣлинскому, поступаетъ подъ верховное руководительство того самаго Барона Брамбеуса, котораго Бѣлинскій считалъ одной изъ злѣйшихъ язвъ русской журналистики, становится первымъ

сотрудникомъ органа, въ былыя времена заклейменнаго наименованіями лавочки и аферы.

Одинъ переходъ уже достаточно краснорѣчивъ, тѣмъ болѣе, что совершилъ его Дружининъ безъ всякихъ затрудненій. Его «перетянули» изъ *Современника* при помощи дамской политики, предложили какой угодно отдѣлъ въ журналѣ и онъ переѣхалъ въ него со всѣмъ багажомъ своихъ анекдотовъ и старыхъ книгъ. Привезъ онъ и еще кое-что, именно чего особенно могъ требовать могущественный баронъ,—привезъ открытую вражду къ Бѣлинскому и къ натуральной школѣ. Измѣны убѣжденіямъ здѣсь, разумѣется, не было, по очень простой причинѣ, за неимѣніемъ самыхъ убѣжденій. Но усердіе, подогрѣтое внѣшними обстоятельствами, несомнѣнно.

Одна изъ благодарныхъ темъ для остроумія Дружинина—гоголевскій смѣхъ сквозь слезы. Критикъ, конечно, не смѣетъ возобновить штучки барона Брамбеуса на счетъ грязнаго хохлацкаго жанра великаго художника, но онъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи слегка защипить непріятнаго писателя, хихикнуть надъ незримыми міру слезами и заявить уже развеселившемуся читателю, что эти слезы «даже у автора *Мертвыхъ душъ* зримы не всякому глазу». Критикъ впадетъ потомъ въ серьезное настроеніе и прибѣгнетъ къ солидной рѣчи, чтобы поразить послѣдователей Гоголя, между ними перваго Писемскаго. За что же именно? Можетъ быть, за мрачныя преувеличенія, за недостатокъ творчества, за слишкомъ рѣзкую тенденціозность?

Нѣтъ, просто за то, что литературные потомки Гоголя пренебрегаютъ героями, «довольными свѣтомъ и довольными судьбой» и обнаруживаютъ пристрастіе къ человѣческому горю и пороку. Критикъ, разумѣется, не въ силахъ отличить талантовъ одного и того же направленія. Для него Писемскій только подражатель и даже не умѣющій хоронить концы. Критикъ до потери ясности взгляда и разсудка подавленъ мракомъ «ультра-дѣйствительности» и ставитъ дурную отмѣтку за поведеніе всѣмъ писателямъ грустнаго настроенія.

Участь Островскаго, поэтому, не лучше. Онъ, по всей видимости, также выученикъ Гоголя, и усердно надоѣдаетъ публикѣ юношами изъ породы Хлестакова, глупой и разсуждающей прислугой, свахами, сплетницами, крѣпколобыми пріобрѣтателями. Всѣ эти персонажи не менѣе скучны и утомительны, чѣмъ скромные Эрасты и прекрасныя Софіи, Честоны и Правдолобы и могутъ «погубить силу писателя». Островскій тотъ же классикъ со своимъ «океаномъ житейской пошлости», и критикъ находитъ полезнымъ преподать ему слѣдующей совѣтъ: «пусть онъ дастъ одному изъ своихъ слѣдующихъ произведеній счастливый конецъ, выведетъ

на сцену нѣсколько лицъ, глядящихъ на жизнь съ свѣтлой, утѣшительной и разумной точки зрѣнія, пусть онъ придастъ лицамъ этимъ нѣсколько хорошихъ и благородныхъ сторонъ»... По мнѣнію Дружинина, все это представитъ точнѣйшее изображеніе дѣйствительности, безъ «малѣйшаго уклоненія» отъ жизненной правды.

«Мы не хотимъ тоски» — восклицалъ критикъ еще въ *Современникѣ*, и теперь онъ это нежеланіе ставитъ основнымъ принципомъ своей эстетики. Онъ горячій поклонникъ стиховъ, особенно ихъ «музыкальной части». По его мнѣнію, сочиненія грустнаго, на его языкѣ значитъ болѣзненнаго, содержанія пишутся «чрезвычайно легко», но «истинно гармоническіе стихи» даже «жидкаго содержанія»,—весьма трудно, и зато они заслуживаютъ полнаго предпочтенія. Поэзія вообще ближе къ музыкѣ, чѣмъ кажется многимъ читателямъ, и какое дѣло «иногородному подписчику» до блестящихъ идей, даже до «художническихъ» подробностей, если стихи не музыка? На поэзію нельзя нападать, даже осуждая «безтолковую» манеру стихотвореній Гейне, именно на поэзію стиля и звуковъ [91]).

Понятно, въ какомъ положеніи оказывался Бѣлинскій. Ему рѣшительно не находилось мѣста среди всѣхъ этихъ деликатесовъ и пряностей. На него сочиняется прозрачный памфлетъ въ духѣ Сенковскаго, на него «знаменитаго критика», чье мѣсто можно занять съ нѣсколькими фразами изъ одной нѣмецкой эстетики, передѣланной французомъ. Его памяти наносится ударъ привѣтствіемъ появленія Кукольника на страницахъ *Современника*, торжествуется фактъ: «пора узкой исключительности миновалась», и намекается, что Кукольникъ страдалъ отъ «пристрастныхъ оцѣнокъ» и что до подобныхъ мнѣній журналистовъ нѣтъ дѣла подписчикамъ.

Но и это не все. Критикъ возстаетъ вообще на «критическія теорія», и подъ теоріями разумѣетъ не какія-либо эстетическія системы, а просто опредѣленныя воззрѣнія на нравственный и общественный смыслъ искусства и талантовъ отдѣльныхъ писателей. Онъ, еслибы дожилъ до нашего времени, съ наслажденіемъ причислилъ бы себя къ безпечному хору импрессіонистовъ. Въ его глазахъ вертится какой-то калейдоскопъ съ картинками, а не совершается строго послѣдовательное развитіе общественной мысли. Критику онъ уподобляетъ вѣчному жиду, желая фигурально объяснить фантастичность и случайность ея идей и увлеченій. Онъ не понимаетъ ни идеализма, ни художественности и съ торжествующимъ видомъ смѣется надъ идеалистами и поклонниками чистаго искусства. Онъ смѣется и надъ самимъ

---

[91]) *Ib.*, стр. 590, 640, 676, 373—4, 380.

собой—безсознательно, невольно, все равно, какъ ребенокъ, не разсчитавши размаха своей неопытной руки, бьетъ самого себя

Вѣдь приходится даже нашему беззаботному поклоннику цвѣтовъ и грацій разбирать и судить, правда, пока лишь изрѣдка. Но вскорѣ наступитъ время, болѣе отвѣтственное. Золотая пора анекдотовъ и диковинокъ минуетъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. А злая судьба довершитъ ударъ, превративъ Ивана Черноокнижникова въ редактора толстаго журнала. Поневолѣ пойдетъ рѣчь и о художественности, и объ идеализмѣ, даже о теоріи искусства.

Жалкое положеніе! И мы увидимъ, какое печальное зрѣлище представитъ любимецъ впечатлительныхъ дамъ и легкомысленный сынъ мертвой эпохи среди дѣйствительно литературной публики и среди мыслящихъ и живыхъ дѣятелей.

Но пока это еще далеко и Дружининъ смѣло можетъ совершать прямые и косвенные набѣги на критику Бѣлинскаго и задавать многозначительный вопросъ: «У кого въ памяти остались пышные диѳирамбы въ честь Жоржа Занда или мадамъ Дюдванъ, женщины, погубившей великую часть своей славы въ послѣднее время?» [92]).

Вопросъ очень кстати, потому что именно злополучные романы Жоржъ Зандъ привлекли особенное вниманіе цензуры. Бѣлинскій, мы знаемъ, состоялъ на еще худшемъ оффиціальномъ счету: нечего щадить и его, а позже при другихъ обстоятельствахъ, можно будетъ раскаяться весьма искренне и мило. Гоголь также не числился благонамѣреннымъ писателемъ: ему можно противоставить поэзію вообще, какъ силу, автору *Мертвыхъ душъ* невѣдомую, и доказать ненатуральность его направленія. Пушкинъ долженъ явиться спасительнымъ противодѣйствіемъ мрачному творчеству Гоголя, у Пушкина — «упоительная поэзія», свѣтъ повсюду, даже въ зимней вьюгѣ, въ осенней мглѣ, и въ той самой дорогѣ, гдѣ Гоголь открылъ лишь толчки и пьянаго Селифана [93]).

Нѣтъ необходимости возражать восхищенному и негодующему автору. Безнадеженъ критическій взглядъ, разъ онъ не разглядѣлъ тѣней русской жизни въ свѣтлой поэзіи Пушкина и не почуялъ захватывающей поэзіи въ гоголевскихъ картинахъ пошлости. Такъ и должно случиться. Не Дружинину разсуждать о поэзіи и правдѣ, не ему проникать въ творческую душу поэта и раскрывать свойства и задачи талантовъ. Даже если бы насъ не сопровождала въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ побрякушка увесе-

---

[92]) *Іb.*, стр. 560, 552, 567.

[93]) *Сочиненія.* VII, 59—60.

лителя, если бы не уставали очаровывать насъ забавными анекдотами и безконечной «смѣсью», мы безошибочно могли бы опредѣлить уровень психологической проницательности и культурно-историческихъ свѣдѣній по непостижимому впечатлѣнію, какое Шатобріанъ произвелъ на «иногороднаго подписчика».

Дружининъ гордился своими статьями по англійской литературѣ. Всѣ эти статьи—чисто ремесленническія компиляціи, съ той же преобладающей анекдотической окраской и шаблонными чувствами удивленія и восторга предъ общепризнанными знаменитостями. Но даже такія произведенія были, несомнѣнно, полезны въ свое время, не утратили значенія и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ съ фактической стороны и особенно благодаря обилію обширныхъ цитатъ изъ художественныхъ произведеній и подробному пересказу ихъ содержанія. Дружининъ владѣлъ стихомъ и его не затруднялъ переводъ поэмъ и драмъ. Все это — положительный капиталъ, хотя и не особенно цѣнный. Дружининъ трудолюбиво переводилъ и добросовѣстно заимствовалъ, но весьма поверхностно и даже мало—понималъ. Его статьи доступны для очень зеленаго юношества, по тону, содержанію, по наивности и незамысловатости критическихъ сужденій и историческихъ картинъ. До какой степени мысль и анализъ Дружинина работали плохо и безнадежно—юношески, показываетъ именно его поразительный отзывъ о Шатобріанѣ. Это вполнѣ удовлетворительный образчикъ философскаго полета нашего критика.

Чего только ни вычиталъ добросердечный иногородный подписчикъ въ *Замогильныхъ Запискахъ*! Изъ иностранныхъ журналовъ онъ могъ бы узнать, что даже почитатели Ренэ пришли въ смущеніе отъ дѣтскаго хвастовства, комическаго геройства, болѣзненнаго самообожанія и преднамѣреннаго искаженія исторіи—преобладающихъ качествъ шатобріановской исповѣди. Именно она освѣтила яркимъ свѣтомъ всю мелкоту и смѣхотворность личности прирожденнаго лицедѣя, и со временъ *Записокъ* его драматическій спектакль былъ окончательно проигранъ въ глазахъ всѣхъ болѣе или менѣе мыслящихъ французовъ.

Какую же роль разыгрывалъ русскій критикъ, сообщая своей публикѣ такія, напримѣръ, впечатлѣнія:

«Предсмертная исповѣдь поэта—*Замогильныя Записки*—этого великаго таланта срываетъ съ моихъ глазъ завѣсу, скрывавшую отъ меня благородную, нѣжную, истинно-рыцарскую личность ихъ автора; я начинаю понимать эту высокую поэтическую грусть, это разочарованіе страстной души, разрѣшившееся не отчаяніемъ, а смиреніемъ и любовью къ ближнимъ, сквозь которыя такъ ярко свѣтится безотрадная, безвыходная душевная боль, смѣшанная съ проблесками скептицизма, глубокаго, непроизвольнаго скептицизма»

Дальше въ такомъ же тонѣ декламируется о глубоко и много любившемъ сердцѣ Шатобріана, и автору даже извѣстно, будто Ренэ «претерпѣлъ отъ людей все, что можно было претерпѣть», и все-таки онъ не роптalъ, а желалъ всю жизнь только одного спокойствія!.. [94])

Прямо невѣроятно читать весь этотъ вздоръ. Намъ неизвѣстно другого образчика подобнаго невѣжества и такой неизглаголанной невинности ума и души. Дружининъ любилъ щеголять своей литературной образованностью, съ удовольствіемъ указывалъ на неопытность и непросвѣщенность русской критики, сочинялъ даже сатиры на критиковъ скороспѣлыхъ недоучекъ, но рѣшительно никому изъ русскихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ журналистовъ, за исключеніемъ Булгарина, не удалось столь краснорѣчиво расписаться въ невѣжествѣ и недомыслiи, какъ это сдѣлалъ веселый фельетонистъ *Современника*. Именно открытіями въ шатобріановской душѣ человѣколюбія, смиренія, жажды спокойствія Дружининъ какъ нельзя болѣе заслужилъ извѣстную эпиграмму Тургенева:

Дружининъ корчитъ европейца,
Но ошибается, чудакъ;
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ.

Можно бы и еще прибавить кое-что по адресу психолога, выудившаго поэтическую грусть въ сердцѣ Ренэ и посмѣявшагося надъ гоголевскими слезами, оцѣнившаго душевную боль вѣрнѣйшаго и любимѣйшаго артиста сенъ-жерменскихъ психопатокъ, и не распознавшаго великой *человѣческой* силы въ сатирическомъ талантѣ автора *Мертвыхъ душъ*.

Можно думать, и восторги предъ Шатобріаномъ были позаимствованы у какого-нибудь французскаго журнальнаго недоросля. Можно даже остановиться на мысли, что позаимствованія и пережевыванья составляли истинное назначеніе Дружинина, какъ *толкователя* важныхъ литературныхъ явленій на Западѣ. Можно, наконецъ, вполнѣ справедливо на этомъ основаніи оцѣнить русскую критику нашего автора. Объ ея достоинствахъ до половины пятидесятыхъ годовъ не можетъ быть двухъ мнѣній, и собственно не объ ошибкахъ или недоразумѣніяхъ иногороднаго подписчика, а объ его общемъ не-литературномъ направленіи.

Съ обычной наивностью и заученной, такъ сказать, свѣтской безпашабашностью. Дружининъ неоднократно, отчасти сознательно, отчасти безотчетно, успѣлъ очертить свою литературную физіономію въ первый же періодъ своей дѣятельности.

Въ *Современникѣ* онъ заявлялъ:

---

[94]) VI, 69—70.

«Я не имѣю горячей привязанности къ современной нашей литературѣ и смотрю на нее болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ полнымъ сочувствіемъ». Подобныя мысли онъ повторялъ неоднократно, давая весьма точную картину литературнаго эпикурейства и литераторскаго бонвиванства. Входить въ оцѣнку этой психологіи нѣтъ нужды. Беззаботный туристъ самъ оцѣнилъ себя.

Онъ горько сѣтовалъ, что въ русской литературѣ нѣтъ идеальнаго фельетониста. Это значитъ «преданнаго сердцемъ интересамъ русской словесности». Поприще многотрудное, и Дружининъ увѣренъ,—его невозможно совершать безъ любви, великой любви къ литературѣ [95]).

А вотъ самъ же авторъ, по собственному сознанію, не имѣлъ этой любви и все-таки совершалъ поприще, сначала только фельетониста, а потомъ совершенно серьезнаго критика и даже руководителя журнала.

Произошло это событіе въ концѣ 1856 года и должно было обнаружить свои вліянія на литературу при другомъ порядкѣ вещей. Впослѣдствіи мы встрѣтимся съ вопросомъ, какой вкладъ сдѣлала *Библіотека для Чтенія* подъ руководствомъ сначала одного Дружинина, потомъ Дружинина и Писемскаго, въ чрезвычайно оживленное движеніе общественныхъ идей. Теперь же пока оставимъ «иногороднаго подписчика» и остановимся еще на одномъ критикѣ промежуточной эпохи и передового направленія.

XII.

На первый взглядъ кажется страннымъ, какъ можно именовать критикомъ Анненкова? Если критики Полевой, Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ и первостепенныя свѣтила славянофильскаго лагеря, что̀ же общаго съ критикой у издателя сочиненій Пушкина и автора обширныхъ литературныхъ воспоминаній? Критика вѣдь это живая и дѣйствующая общественная мысль, одновременно философія, публицистика и личная исповѣдь автора. Бѣлинскій съ гордостью говорилъ объ исключительной популярности критическихъ статей именно у русской публики. Она привыкла въ этихъ статьяхъ искать руководительства по всѣмъ вопросамъ, съ какими приходится встрѣчаться просвѣщенному человѣку. И руководительства яснаго, убѣжденнаго, принципіальнаго для самого критика, непогрѣшимаго для его нравственнаго чувства.

И вдругъ *критикъ*, даже во снѣ не грезившій ни о чемъ подобномъ, какой-нибудь иногородный подписчикъ, при всей беззаботности своихъ фельетонныхъ упражненій, все-таки глубоко

[95]) VI, 87, 697.

убѣжденъ, что фельетонъ есть вещь, именно по его значенію для читателей. Онъ, устраивая дѣтскія увеселенія, не желаетъ забыть, что онъ работаетъ для публики зрѣлаго возраста, поучаетъ ее и во всякомъ случаѣ является органомъ ея вкусовъ и увлеченій.

А здѣсь какая-то отшельническая, необыкновенно кропотливая, но совершенно *замкнутая* работа, совершается будто ради редакторовъ, корректоровъ и ближайшихъ друзей автора. Съ какой цѣлью человѣкъ изводилъ такое колмчество бумаги на *критическія* статьи? Напиши онъ еще нѣсколько томовъ этихъ статей, онъ не прибавилъ бы къ своей славѣ ни единаго самаго ничтожнаго лавроваго листка. Онъ такъ и остался бы для благосклоннѣйшаго потомства авторомъ біографіи Пушкина, примѣчаній на его сочиненія и многихъ весьма любопытныхъ записокъ по исторіи русской литературы и отчасти общества.

Впрочемъ, потомство припомнило бы еще одинъ фактъ. Анненковъ былъ близкимъ пріятелемъ почти всѣхъ современныхъ ему литературныхъ знаменитостей, и отношенія съ Тургеневымъ особенно лестны для памяти нашего скромнаго мемуариста. Тургеневъ питалъ большое довѣріе къ его художественному вкусу, предлагалъ на его судъ свои произведенія до печати и многое исправлялъ на основаніи его замѣчаній.

Это очень важно и, пожалуй, опровергаетъ наше слишкомъ холодное сужденіе о критическихъ талантахъ Анненкова. Къ сожалѣнію, нисколько.

Обладать вкусомъ, быть умнымъ и образованнымъ читателемъ, дѣльно судить о романѣ *Рудинъ* вовсе не значитъ быть талантливымъ критикомъ. Содержаніе тургеневскихъ романовъ до такой степени жизненно и богато, что трудно было бы отыскать болѣе или менѣе думающаго человѣка, не способнаго высказать по поводу ихъ двухъ-трехъ дѣльныхъ мыслей. Мы увидимъ, — даже безнадежное ослѣпленіе тенденціей не помѣшало стремительному Писареву сдѣлать нѣсколько разумныхъ замѣчаній о Базаровѣ. Такова сила истиннаго реализма и вдумчиваго идейнаго творчества!

Не мудрено, — Анненковъ судилъ иногда весьма правильно и тонко, особенно въ области чисто-художественныхъ вопросовъ и общечоловѣческой психологіи. Основательное образованіе и обширная начитанность еще больше изощряли вкусъ судьи. Но лишь только ему приходилось свои сужденія представить въ формѣ связной статьи, пріятельскую бесѣду перенести на страницы журнала, искры эстетической воспріимчивости и разсудочнаго анализа меркли подъ пепломъ необыкновенно тягучаго, банальнаго резонерства. Предъ публикой являлся будто совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ авторъ заграничныхъ писемъ и воспоминаній.

Письма и воспоминанія свидѣтельствовали объ очень наблюдательномъ и часто проницательномъ психологѣ и историкѣ. Они, кромѣ того, доказывали его несомнѣнное тяготѣніе въ сторону свободной благородной мысли, положительнаго культурнаго прогресса. Но вскорѣ становилось очевиднымъ, что это тяготѣніе тоже своего рода вкусъ, т. е. непосредственное, пассивное проявленіе доброй и честной души. Отъ природы она преисполнена свѣтлыми задатками, но въ такой же степени лишена живыхъ самостоятельныхъ побужденій, всесторонне и настойчиво опредѣлить практическій смыслъ и цѣли этого свѣта. Анненковъ не эгоистъ и не откровенный эпикуреецъ въ родѣ Боткина. Онъ только пассивенъ и робокъ, точнѣе—мнителенъ и лѣнивъ.

Вращаясь всю жизнь на вершинахъ русской и даже западной общественной мысли, Анненковъ до конца дней, вѣроятно, не могъ бы точно отвѣтить на вопросъ: кто онъ самъ? Въ дѣйствительности онъ желанный гость во всѣхъ литературныхъ кружкахъ. Его имя, единственное среди извѣстныхъ, осталось за предѣлами боевого поля русской журналистики, и вовсе не потому, чтобы онъ являлся только равнодушнымъ зрителемъ, или своего рода журнальнымъ всечеловѣкомъ. Совершенно напротивъ.

Въ *Библіотекѣ для Чтенія* и въ *Москвитянинѣ* отлично знали, какъ Анненковъ думаетъ о Бѣлинскомъ или о Гоголѣ, но думы эти всѣмъ казались до такой степени безобидными и не влекущими къ послѣдствіямъ, что съ ними, по общему молчаливому согласію, не стоило считаться.

А между тѣмъ, при другомъ складѣ нравственной природы Анненковъ могъ бы явиться однимъ изъ доблестнѣйшихъ воиновъ передового строя нашей критики почти трехъ десятилѣтій. Во многихъ отношеніяхъ онъ выгодно отличается даже отъ Грановскаго, личности, — отчасти родственной ему психологически. Прочтите, напримѣръ, его заграничныя впечатлѣнія, и вы будете поражены яснымъ, чисто историческимъ разсказомъ о самыхъ смутныхъ явленіяхъ западно-европейской современности.

Грановскій, напримѣръ, не могъ отдать себѣ отчета въ движеніи сорокъ восьмого года. Анненковъ стоитъ на высотѣ задачи, насколько это было возможно для русскаго путешественника и иностранца, не посвящающаго себя нарочито французскимъ общественнымъ вопросамъ. Анненковъ рисуетъ картину февральскихъ дней настолько вѣрно и поучительно, что даже свидѣтели, въ родѣ Токвиля, не сообщатъ намъ ничего новаго послѣ разсказа нашего автора. Отъ него, конечно, нельзя требовать всесторонней оцѣнки событія: онъ лично не демократъ и не свой человѣкъ въ европейскихъ соціальныхъ вопросахъ, хотя и знакомецъ Маркса. Но уже достаточно безпристрастнаго описанія

самихъ фактовъ и очень умнаго сужденія о началѣ и развитіи движенія [96]).

Не менѣе ярко въ письмахъ Анненкова отразилось другое, противоположное историческое явленіе—меттерниховскіе порядки въ началѣ сороковыхъ годовъ. Краткая, но живописная картина Вѣны,—настоящій документъ и показываетъ въ авторѣ даже искусство сатирика [97]).

Все это по части образованности и наблюдательности. Не меньше развита у Анненкова и психологическая проницательность. Нѣкоторыя замѣчанія о нравственной личности Каткова прямо драгоцѣнны: они схватываютъ самую сущность его характера, какъ будущаго публициста и притомъ еще въ юный откровенный моментъ развитія. Равнодушіе Каткова—юноши къ темнотѣ и грубости русской общественной среды, подозрительное отношеніе даже къ *Мертвымъ душамъ* Гоголя, и все это въ то время, когда будущій издатель *Московскихъ Вѣдомостей* безпрестанно впадалъ въ тонъ романтика и поэта, черты историческія и безусловно лестныя для остроты зрѣнія нашего историка.

Еще любопытнѣе многочисленныя мелочи изъ жизни Гоголя, представлявшаго неизмѣримо болѣе трудную задачу для наблюдателя, чѣмъ Катковъ. Что же касается разсказовъ Анненкова о Бѣлинскомъ, безъ нихъ мы не имѣли бы представленія о весьма существенныхъ чертахъ личности критика и человѣка. Никто, напримѣръ, съ такой мѣткостью выраженія и глубиной анализа не опредѣлилъ основной черты психологіи Бѣлинскаго: способности проникать въ процессъ чужой мысли послѣдовательнѣе самихъ авторовъ и приводить этотъ процессъ къ неотразимымъ логическимъ выводамъ [98]). Подобныя страницы воспоминаній и писемъ Анненкова никогда не утратятъ своего историческаго значенія.

Не лишена интереса его обширная переписка съ первостепенными писателями эпохи, съ тѣмъ же Бѣлинскимъ и особенно съ Тургеневымъ. Чьихъ писемъ нѣтъ, о томъ у Анненкова имѣется обстоятельный личный разсказъ, напримѣръ о Писемскомъ. Вообще русская литература сороковыхъ, пятидесятыхъ и отчасти тридцатыхъ годовъ нашла въ лицѣ Анненкова добросовѣстнаго и въ высшей степени дѣльнаго наблюдателя и историка.

Заслуги по изданію сочиненій Пушкина еще очевиднѣе. Анненковъ первый воспользовался рукописями поэта. Впослѣдствіи неоднократно указывалось, что это пользованіе оставляетъ желать многаго по части полноты и тщательности. Но Анненковъ первый

---

[96]) *Воспоминанія и очерки*. I, 242—7 etc.

[97]) II, 62.

[98]) III; 51—2; 96.

представилъ русской публикѣ болѣе или менѣе полное собраніе сочиненій поэта и первый собралъ матеріалы для его біографіи. Современная критика не знала, какъ и выразить свой восторгъ.

Дружининъ изданіе называлъ «первымъ памятникомъ великому писателю отъ потомства», «широкимъ незыблемымъ фундаментомъ» для будущихъ сооруженій въ честь поэта [99]). Добролюбовъ въ литературѣ и общественной жизни начала пятидесятыхъ годовъ трудъ Анненкова считалъ «событіемъ» [100]). Позже восторги охладѣли и тотъ же Добролюбовъ не раздѣляетъ сильныхъ чувствъ Дружинина, но замѣчателенъ былъ уже одинъ фактъ появленія великаго поэта въ глохнувшей средѣ петербургскихъ туристовъ и иногородныхъ подписчиковъ.

Всѣ эти заслуги Анненкова неоспоримы. Но онъ не желалъ ограничиться пересказомъ наблюденій надъ людьми и событіями, кружковой репутаціей тонкаго художественнаго цѣнителя, болѣе или менѣе искуснаго библіографа. Ему мало было даже извѣстной гражданской славы послѣ борьбы съ цензурой за произведенія Пушкина. Анненковъ пожелалъ явиться критикомъ не только въ такихъ часто непозволительно благосклонныхъ слушателей, какимъ былъ Тургеневъ, но для настоящей большой публики. Онъ упустилъ изъ виду громадную разницу, вести ли пріятельскую бесѣду съ высоко одареннымъ и просвѣщеннымъ художникомъ — лично великимъ эстетикомъ, или выносить свою рѣчь на улицу, передъ толпу. Мысли и замѣчанія, ясныя избранному собесѣднику съ полуслова и вызывающія у него самого вереницу отвѣтныхъ соображеній и еще болѣе глубокихъ замѣчаній, на страницахъ журнала должны быть всесторонне выяснены, рѣзко и точно опредѣлены и сильно высказаны. Для читателей не могли быть рѣшающимъ фактомъ несомнѣнныя сочувствія Анненкова всему идеальному и прекрасному. Публика даже послѣ знакомства съ превосходными заграничными письмами автора все-таки потребовала бы отъ него прочныхъ и энергическихъ принциповъ критики.

И вотъ здѣсь-то Анненковъ никакъ не могъ бы отвѣтить съ полной увѣренностью на неизбѣжный вопросъ: кто онъ?

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[99]) *Сочиненія*. VII, 32.
[100]) *Сочиненія*. I, 462—3.

УЧИТЕЛЮ.

(С. С. А—и).

Вдали сиротѣя, подъ гнетомъ страданій
Ты рукъ не слагаешь, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ, колебаній
Одинъ не поникнувъ могучей душой.
Какіе столпы вкругъ тебя упадали,
Какіе герои бросали свой щитъ!
Какія картины стыда и печали
Твое наболѣвшее сердце хранитъ!
Но бодро ты свѣточъ держалъ идеала,
И путь нашъ, окутанный въ холодъ и мракъ,
Твоя величавая мысль озаряла,
Ученій твоихъ путеводный маякъ.

. . . . . .

И сколько отважныхъ бойцовъ безъ упрека
Въ слезахъ проводилъ ты, какъ нѣжная мать,
Въ тотъ путь неизвѣстный, далеко, далеко,—
И многихъ ли принялъ въ объятья опять?
Какъ старое дерево, вѣтви теряя,
Стоишь ты недвижно, титанъ-инвалидъ,
Послѣдній изъ славныхъ, о комъ помышляя,
Душа молодая восторгомъ дрожитъ.
Подъ небомъ отчизны, во мракѣ чужбины

. . . . . .

Намъ свѣтятъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучемъ!

П. Я.

Капитализація земледѣльческой промышленности.

*(Продолженіе *).*

VI.

Заморская конкурренція.

1.

Неожиданное появленіе хлѣбной заморской конкурренціи.—Ея развитіе и отношеніе къ ней европейской публицистики.—Увеличеніе ввоза заморскихъ продуктовъ.

Появленіе заморской конкурренціи на хлѣбномъ рынкѣ въ нашей части свѣта можетъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ мало цивилизованный человѣкъ господствуетъ надъ имъ же созданными производительными силами, и насколько онъ потерялъ способность предвидѣнія, что въ водоворотѣ экономической жизни принесетъ завтрашній день. Это соперничество было полнѣйшей неожиданностью для земледѣльцевъ, даже для вожаковъ мѣщанской экономіи, и въ то время, когда послѣдствія отъ наплыва американскаго хлѣба оказывали уже чувствительное дѣйствіе, экономисты спорили, должно ли смотрѣть на это явленіе серьезно. Мы могли бы привести много выписокъ изъ извѣстныхъ экономистовъ, утверждавшихъ въ полнѣйшей увѣренности, что нашей части свѣта нечего бояться соперничества со стороны Сѣверной Америки на хлѣбномъ рынкѣ. Они твердили впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, что народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ растетъ гораздо скорѣе, чѣмъ средства пропитанія, и что янки никогда не будутъ вывозить хлѣбъ. Mac E-Culloch, одинъ изъ авторитетовъ экономической науки, въ 1854 году писалъ, что «на будущее время вывозъ хлѣба и муки долженъ быть сравнительно меньше». Другіе, какъ Мишель Шевалье, который ѣздилъ спеціально въ Соединенные Штаты для изученія тамошняго земледѣлія, увѣряли, будто кумъ Іонатанъ такъ необдуманно хозяйничаетъ и такъ хищнически обрабатываетъ землю, что его ждетъ самое худшее будущее. «Американскій поселянинъ владѣетъ незначительнымъ капиталомъ,—писалъ Шевалье,—а потому у него нѣтъ возмож-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

ности употреблять навозъ. Онъ вскорѣ истощитъ окончательно землю. Колонисты все болѣе и болѣе спѣшатъ на западъ, потому что на востокѣ поля оскудѣли». Французскій экономистъ приходитъ на основаніи этихъ фактовъ къ выводу, что Америка никогда не можетъ удовлетворить потребностямъ въ хлѣбѣ нашей части свѣта. Другіе оказались болѣе сдержанными. Но и они, допуская, что Соединенные Штаты будутъ имѣть излишекъ хлѣба, утверждали, что высокая цѣна транспорта не допуститъ перевозки хлѣба въ Европу, и тѣмъ болѣе мяса и другихъ продуктовъ *).

Не будемъ, однако, смѣяться надъ этими неудачными предсказаніями. 30 — 40 лѣтъ тому назадъ никто не имѣлъ правильнаго представленія о величинѣ и плодородіи земель, лежащихъ надъ Красной и Гудсоновой рѣками, никто не предвидѣлъ, до какихъ усовершенствованій дойдетъ въ столь короткое время техника транспорта. Въ земледѣліи не употребляли тогда машинъ, такъ сберегающихъ человѣческій трудъ и дающихъ возможность возникновенію большой хлѣбной продукціи въ пустынныхъ мѣстахъ. И только развитіе желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ преріи далекаго запада съ шумными центрами торговли и промышленности, безпрестанныя усовершенствованія техники транспорта, вызывающія пониженія тарифа, и прогресъ въ организаціи торговаго посредничества—создали излишекъ хлѣба и сдѣлали возможнымъ вывозъ его. Эти перемѣны наступили такъ скоро, что, при поверхностномъ сужденіи, американская пшеница пріобрѣла европейскіе рынки какъ бы внезапно. Элементы такого нашествія накоплялись естественнымъ образомъ, медленно и постепенно, и болѣе внимательныя и добросовѣстныя наблюденія позволили бы, быть можетъ, предвидѣть возможность катаклизма. Но въ границахъ индивидуальнаго хозяйства, когда каждый дѣйствуетъ на собственную руку и нѣтъ возможности охватить однимъ взглядомъ народное производство, тѣмъ болѣе оцѣнить производительныя силы, возникающія въ немъ,—рѣдко случается, чтобы нашлось много умовъ, способныхъ къ надлежащему анализу условій. Переворотъ наступилъ неожиданно, именно тогда, когда въ Европѣ ожидали повышенія цѣнъ. 1879 годъ останется надолго памятнымъ въ исторіи экономическаго развитія, какъ время перелома. Зима 1878—1879 г. была болѣе сурова, чѣмъ обыкновенно, весна холодна и дождлива, лѣто не благопріятствовало урожаю. Недостатокъ въ хлѣбѣ угрожалъ всей Европѣ. Разсчитывали на дефицитъ въ 19%. По опытамъ прошлыхъ годовъ можно было ожидать повышенія цѣнъ на 80%; такія цифры были получены экономистами настоящаго вѣка **) на основаніи опыта. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, цѣны не поднялись, но остались такія же,

*) *Annuaire de l'Economie Politique.* 1855.

**) Tooke («*History of prices*», 1848) и *Cherbullies* («La Dizette» въ *Diction. de l'econ. politique*, 1852) разсчитали, что дефициту въ 10% хлѣба соотвѣтствуетъ повышеніе цѣнъ въ 30%, дефициту же въ 20%—повышеніе 80%.

какъ во время урожайныхъ годовъ *). Это совершила Америка. Органъ англійскихъ мельниковъ объявилъ: «если мы напишемъ въ Нью-Іоркъ, что намъ необходимо 50 милліоновъ гектолитровъ хлѣба, намъ отвѣтятъ по телеграфу: получите ихъ, хотя бы вся Европа васъ обманула... Американскіе порты вдоль всего Атлантическаго океана засыпаны хлѣбомъ въ теченіе одной недѣли выслано два милліона гектолитровъ» **).

Такъ началась новая эпоха въ развитіи производительныхъ силъ въ самой рутинной и упорной сферѣ продукціи—въ земледѣліи.

При первомъ наплывѣ американской пшеницы на европейскіе рынки, въ нашей части свѣта, утѣшали себя тѣмъ, что это явленіе случайное и временное. П. Лафаргъ въ небольшой, но цѣнной статьѣ, посвященной заморской конкурренціи, приводитъ очень характерные примѣры самомнѣнія публицистовъ нашей части свѣта. «Иллинойсъ, Минезота, Айова,—увѣряетъ органъ англійской земельной аристократіи, *Standard*, именно тогда, когда выслали уже изъ Америки грузъ,—производятъ столько хлѣба, какъ треть Франціи. Но они владѣютъ только семью милліонами штукъ рогатого скота, а должны имѣть 12, чтобы стоять на высотѣ этого края. Урожаи не соотвѣтствуютъ количеству навоза. Американскій земледѣлецъ, не возвращая ничего землѣ, долженъ ее истощить. Излишняя продукція хлѣба на Западѣ не можетъ долго продолжаться» ***). Однимъ словомъ, когда американское соперничество проявлялось уже довольно сильно, отнеслись къ нему пренебрежительно и сомнѣвались, чтобы оно было чѣмъ-то постояннымъ.

Какъ во всякой области промышленности, производящей на международный рынокъ, точно также и въ вывозѣ хлѣба въ Европу можно замѣтить отливы и приливы. И самъ характеръ земледѣльческой продукціи зависящей отъ капризовъ природы, также содѣйствуетъ существованію значительныхъ отклоненій. Всякое уменьшеніе хлѣбнаго потопа, прибывающаго изъ-за атлантическихъ странъ, принимали за предсказаніе приближающагося кризиса. Выслали нѣсколько спеціальныхъ экспедицій въ Соединенные Штаты для изслѣдованія положенія. Онѣ возвращались съ утѣшеніями, что господство дяди Іонатана на европейскомъ рынкѣ опирается на очень шаткомъ основаніи.

Но слова оставались словами, а жизнь текла своимъ путемъ. Вопреки

*) Вотъ таблица, дающая понятіе объ отношеніяхъ цѣнъ и урожаевъ:

1870 г.	хорошій урожай, цѣна центнера пшеницы	26,28 fr.
1871 »	плохой урожай	31,75 »
1872 »	» »	33,50 »
1873 »	» »	35,65 »
1874 »	хорошій урожай	26.50 »
1879 »	плохой урожай	26,75 »

Цѣны относятся къ сентябрю и лондонскому рынку.

**) «*The Miller*», на основаніи П. Лафарга «*Das amerikonische Getreide etc.*» въ *Neue Zeit* годъ III, 247.

***) *Lafargue*, ib. 248.

увѣреніямъ и доказательствамъ, заморская конкурренція не прекращалась. Вскорѣ убѣдились, что приливъ сѣверно-американскаго хлѣба только авангардъ еще большаго нашествія. Послѣ Соединенныхъ Штатовъ на хлѣбномъ рынкѣ появилась Индія, встрѣченная тѣми же заявленіями спеціалистовъ, что погромъ и съ той стороны окажется лишь краткровременнымъ. Еще позже на европейскій рынокъ началъ прибывать аргентинскій, австралійскій хлѣбъ и т. д. Оказалось, соперники размножаются, земледѣльческая продукція, разсчитанная на рынки нашей части свѣта, возникаетъ въ самыхъ далекихъ закоулкахъ міра, и число заморскихъ соперниковъ еще болѣе увеличится, если только этому будутъ благопріятствовать рыночныя условія, т. е. если цѣны будутъ держаться достаточно высоко.

Нужно было, наконецъ, признать тотъ важный фактъ, что американская конкурренція, а далѣе индійская и австралійская, словомъ—заморская, не представляетъ временнаго нарушенія, чего-либо случайнаго въ исторіи экономическаго развитія, но результатъ всѣхъ современныхъ условій: подъ оплодотворяющимъ дуновеніемъ капитализма, а также благодаря развитію и прогрессу путей сообщенія, на дѣвственныхъ земляхъ колоній начали новую жизнь совсѣмъ другія методы хозяйничанья, народились производительныя силы, о какихъ цивилизованныя группы рода человѣческаго не имѣли ни какого понятія полвѣка тому назадъ; наконецъ, наступила новая историческая эпоха, задача которой состоитъ въ указаніи отрицательныхъ послѣдствій индивидуальнаго хозяйничанья въ земледѣліи. Какъ слѣдствіе излишняго господства человѣка надъ природой, мы должны ожидать не только изобилія въ хлѣбѣ, но даже голодовъ! Порабощенныя силы природы будутъ до тѣхъ поръ сѣять бѣдствіе и разрушеніе, толкая земледѣльцевъ въ пропасть банкротства, пока человѣческая воля не устроитъ надлежащимъ образомъ производства матеріальныхъ благъ и не укротитъ господствующаго своеволія производительныхъ силъ. Общественныя силы похожи теперь на шумный горный потокъ. Приведенный въ порядокъ, онъ оказался бы очень полезнымъ; оставленный въ первобытномъ дикомъ состояніи онъ несетъ только злополучіе и истребленіе.

Мы говорили о хлѣбѣ или, вѣрнѣе, только о пшеницѣ, однако, заморское соперничество не ограничивается только этимъ продуктомъ. Мы останавливались надъ появленіемъ заморскаго хлѣба на международномъ рынкѣ единственно потому, что переломъ произошелъ въ очень короткое время и своимъ характеромъ рѣзко проявилъ свойства современной экономической жизни. Теперь мы должны прибавить, что такой же переворотъ происходитъ во всякой области земледѣлія, и вообще въ области труда, направленнаго на эксплуатацію силъ живой органической природы. Европейская шерсть играетъ на международномъ рынкѣ все меньшую роль, американское и австралійское мясо прибываетъ къ намъ все обильнѣе и т. д.

Искусство замораживанія продуктовъ, безвреднымъ для нихъ образомъ, сдѣлало возможнымъ перевозку яицъ и масла. Въ лондонскихъ ресторанахъ можно получать къ обѣду калифорнійскія вина, въ потребительныхъ магазинахъ нашихъ столицъ сушоныя сливы и яблоки, растущія на берегу Тихаго океана.

2.

Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи.—Обширность дѣвственныхъ земель въ Сѣверной Америкѣ, Индіи и Аргентинѣ.—Время, необходимое на захватъ степей.

Современный упадокъ цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ является видимымъ и осязательнымъ доказательствомъ громаднаго развитія производительныхъ силъ въ земледѣліи,—развитія, какого даже не предчувствовали нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Въ виду увеличенія хлѣбной продукціи, выводы о томъ, что существуетъ диссонансъ между количествомъ желудковъ и размѣрами потребительныхъ продуктовъ, являются анахронизмомъ—по крайнѣй мѣрѣ въ настоящую эпоху. Заморская конкурренція не только доставила дешевый хлѣбъ городскимъ жителямъ Европы, но и освободила ихъ отъ теорій, которыми пользовались во все время XIX вѣка, чтобы доказать, что всякая мысль о постоянномъ и всеобщемъ благосостояніи народовъ представляетъ мечту, владѣющую сердцами, но не умами людей и фактами. Зато наступилъ новый диссонансъ—также между сферою потребленія и производства, но совсѣмъ другой. Размѣры производства могутъ теперь увеличиваться произвольно, и только низкія цѣны на рынкѣ задерживаютъ ростъ количества хлѣба, производимаго на земномъ шарѣ. Дошло до того, что фермеры на далекомъ западѣ сѣверной Америки топили печи пшеницею, потому что такое топливо оказалось дешевле угля. Говоря, что низкія цѣны являются препятствіемъ дальнѣйшаго роста земледѣльческой продукціи, мы этимъ только подтверждаемъ, что дальнѣйшее развитіе земледѣлія встрѣтило затрудненія въ общественномъ строѣ, а не въ законахъ природы.

Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи хотя и велико, но не даетъ все-таки даже малѣйшаго понятія о томъ переворотѣ, который въ случаѣ надобности могъ бы произойти, если бы капиталы въ соотвѣтственномъ количествѣ были употреблены въ этой области производства. Мы желали бы разобрать именно эту сторону отношеній. Мы увидимъ, что цивилизованныя вѣтви рода человѣческаго владѣютъ неисчерпаемыми источниками плодородныхъ силъ природы, въ такой степени, что съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Мальтусъ, мы могли бы утверждать, что въ настоящее время продукты потребленія могли бы расти въ геометрической пропорціи, между тѣмъ какъ народонаселеніе проявляетъ тенденцію увеличенія въ ариѳметической. Какова, напр., величина пространствъ, теперь не обрабатываемыхъ, но въ будущемъ могущихъ быть занятыми подъ обработку хлѣба? Нѣкоторые писатели утверждаютъ,

что американцы своимъ хищническимъ способомъ веденія хозяйства скоро истощатъ землю. Это «скоро» выступаетъ въ ихъ выводахъ, какъ время очень близкое. Между тѣмъ, свободныхъ пространствъ столько, что пока они будутъ всѣ заняты и оскудѣютъ, пройдетъ не одинъ десятокъ лѣтъ, другими словами: этотъ излишекъ хлѣба, который появился на рынкахъ, будетъ существовать долго, какъ постоянное явленіе. Въ далекомъ будущемъ отношенія примутъ, можетъ быть, другой характеръ, но не современное поколѣніе будетъ свидѣтелемъ этой перемѣны.

Остановимся надъ Сѣверной Америкой (Соединенными Штатами и Канадой), Индіей и Аргентиной, т. е. надъ тремя главными странами, высылающими хлѣбъ въ Европу.

Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то правительственный отчетъ земледѣльческаго департамента въ Вашингтонѣ въ 1892 году заявляетъ:

«Относительно производства зерна мы должны указать одно явленіе, имѣющее громадное значеніе въ будущемъ для американскаго земледѣлія. Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, т. е. въ эпоху усиленнаго роста населенія съ 17 милліоновъ человѣкъ въ 1840 году до 62½ въ 1890 г., количество хлѣбнаго продукта, выпадающаго на долю каждаго жителя, удвоилось и страна наша оказалась несомнѣнно во главѣ международнаго соперничества, какое проявится въ ближайшемъ будущемъ. Является вопросъ, удержится ли и долѣе современное количество плодовъ на этомъ же уровнѣ? Кажется вполнѣ вѣроятнымъ, что оно упадетъ—не вслѣдствіе того, что у насъ окажется недостаточно необработанной земли или вслѣдствіе недостатка въ жителяхъ, могущихъ въ случаѣ надобности увеличить производительность старыхъ полей, но только потому, что тогда явился бы излишекъ хлѣба, который можетъ оказать отрицательное вліяніе на рынки и сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее производство».

Иными словами, увеличеніе производства хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ можетъ встрѣтить препятствіе—не въ недостаткѣ земель, но въ низкихъ цѣнахъ, не приносящихъ земледѣльцу требуемыхъ барышей! Какъ велико пространство земель, ожидающихъ человѣческой руки, показываетъ состояніе Сѣверной Дакоты, изъ которой и происходитъ пшеница заливающая европейскіе рынки. «Сѣверная Дакота заключаетъ около 45 милліоновъ акровъ земли, изъ которыхъ только 4 милліона занято подъ пшеницею. Три четверти всего пространства, по крайней мѣрѣ, годится для обработки, что дастъ около 30 милліоновъ акровъ самой плодородной земли на свѣтѣ, теперь остающейся необработанной, но способной сдѣлаться убѣжищемъ богатыхъ земледѣльцевъ. Въ нашемъ штатѣ можетъ помѣститься два раза столько жителей и еще на долю каждаго останется 9 акровъ земли. Если бы Сѣверная Дакота была такъ густо населена, какъ Массачузетсъ, то считала бы болѣе жителей, чѣмъ всѣ Соединенные Штаты въ 1840 году или всѣ штаты и территоріи, лежащіе теперь на западъ отъ Миссисипи». То же самое

или почти то же могъ бы о себѣ сказать каждый штатъ, лежащій на правомъ берегу Миссисипи.

Еще болѣе обширныя пространства ожидаютъ земледѣльцевъ въ Канадѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, земли, расположенныя въ окрестностяхъ Гудсонова залива, считались слишкомъ холодными для пшеницы. Это положеніе оказалось ложнымъ. Пшеница родится тамъ самаго лучшаго сорта. Канадское управленіе лѣсовъ и государственныхъ земель, понуждаемое частными предпринимателями, принялось за изслѣдованія. Земледѣльцы на другой сторонѣ границы, т. е. въ Соединенныхъ Штатахъ, очень обезпокоились результатами этихъ изслѣдованій. Оказалось, что земли орошаемыя рѣками Нельсонъ, Саскачеванъ и Черчиль, превышаютъ своимъ плодородіемъ даже знаменитую область надъ Красной рѣкой. Средній урожай зерна съ акра въ штатѣ Иллинойсъ считается 14,20 гектолитровъ, а области надъ Красной рѣкой даютъ 22,50, надъ рѣкою же Саскачеванъ даже 25! Названное управленіе оцѣнило, что на территоріяхъ, чрезъ которыя протекаютъ Нельсонъ и Саскачеванъ, находится 104 милліона гектаровъ земли, до сихъ поръ не обработанной и годной для пшеницы. По разсчетамъ знатоковъ, если бы третью часть обработали и если бы урожай давалъ не 25, а 15 гектолитровъ съ гектара,—получилось бы 500 милліоновъ гектолитровъ пшеницы, т. е. столько, сколько нужно для прокормленія всего населенія земного шара!

Обратясь къ Индіи, мы остановимся на выводахъ Юрашека *).

«Возможность увеличенія производства пшеницы очень велика. Среди земель, лежащихъ подъ паромъ въ 1889 году, нашли 90 милліоновъ акровъ, годныхъ къ обработкѣ (т. е. пространство въ три раза больше, чѣмъ все пространство, занятое теперь подъ обработку пшеницы). Оказалось также, что изъ всего пространства, занимающаго 149 милліоновъ акровъ, только 26,4 милліона было прорѣзано каналами и въ томъ числѣ 6,2 милліона акровъ земли, занятой подъ пшеницею. Нужно надѣяться, что раньше или позже, пространство, засѣянное пшеницею и другимъ хлѣбомъ, назначеннымъ для вывоза въ Европу, значительно увеличится и, благодаря проведенію каналовъ, надъ постройкой которыхъ индійское правительство усиленно работаетъ, урожаи возрастутъ и количество неурожаевъ уменьшится».

Наконецъ, касательно Аргентины замѣтимъ, что въ 1887 году, послѣднемъ, относительно котораго у насъ есть данныя, подъ хлѣбной обработкой находилась только сотая часть всей земли. Въ случаѣ надобности эта страна могла бы замѣнить на рынкѣ Соединенные Штаты, если бы тѣ, вслѣдствіе увеличенія населенія, оказались не въ состояніи вывозить болѣе.

---

*) *Uebersicht der Weltwirtschaft.*

Мы взяли только нѣкоторыя страны, тѣ, о которыхъ чаще говорятъ. Цифры показали намъ, какъ несбыточны надежды, что за моремъ не хватитъ земли въ близкомъ будущемъ. Безъ сомнѣнія, что касается пшеницы, земли очень много. Она ждетъ только капиталовъ, которые бы начали производство, и главнымъ образомъ лучшихъ цѣнъ, при которыхъ бы барыши оказались больше. Даже самое необузданное хозяйничанье не скоро истощитъ эти пространства. Земли столько, что на долгія времена предложеніе пшеницы на рынкѣ будетъ превышать спросъ на нее.

Надо, значитъ, только капиталовъ или, вѣрнѣе, достаточно высокихъ цѣнъ, и дѣвственныя поля въ нѣсколько или нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлались бы неузнаваемы.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ представляетъ много характерныхъ образцовъ, доказывающихъ могущество производительныхъ силъ капитализма. Десятилѣтіе 1871—1880 гг. произвело въ тамошнемъ земледѣліи глубокій переворотъ, ибо, благодаря расчисткѣ степей, количество пахатной земли почти удвоилось:

	Число гектаровъ подъ пшеницею	Число гектаровъ подъ кукурузою.
1871.	8.000.000	13.800.000
1880.	15.300.000	25.200.000

Особенно 1876—1880 года являются эпохой перелома.

	Число гектаровъ подъ пшеницею	Число гектаровъ подъ кукурузою.
1876.	11.100.000	19.800.000
1880.	15.300.000	25.200.000

Размѣры урожаевъ (въ гектолитрахъ):

	Пшеницы.	Кукурузы.
1876.	101.900.000	452.200.000
1880.	175.600.000	605.000.000

т. е. количество произведенной пшеницы впродолженіи четырехъ лѣтъ возросло на 73 милліона гектолитровъ или въ семь разъ больше, чѣмъ средній сборъ въ королевствѣ Польскомъ. Этотъ переворотъ наступилъ вслѣдствіе водворенія такъ-называемаго *wheat centre* на территоріяхъ надъ Красной рѣкой, той земли, которую достаточно «поласкать плугомъ», какъ говорятъ американцы, чтобы она «залилась отъ благодарности обильнымъ урожаемъ». Потокъ людей разлился по преріи, какъ полноводный горный ручей. Степи, бывшія недавно совершенно пустынными, заволновались золотистою безконечною поверхностью. Въ исторіи земного шара нельзя указать другого похожаго момента, чтобы въ такое короткое время столь громадныя пространства превратились въ центръ богатства и цивилизаціи. Поселенцы часто прибывали голые, какъ турецкій дервишъ, и спустя десять лѣтъ становились богачами.

Покореніе преріи надъ рѣкой Красной и вообще на западъ отъ Миссисипи, совершенное въ столь короткое время и въ такихъ размѣрахъ, доказываетъ, что въ случаѣ надобности и другія дѣвственныя пространства земли могутъ такъ же скоро обратиться въ центры прогрессивнаго земледѣлія. Цивилизованныя группы располагаютъ всѣми необходимыми къ тому элементами. Капиталовъ масса, труда человѣческаго, не приложеннаго ни къ чему, всегда хватитъ. Чтобы вспахать пустоши и превратить ихъ въ волнующіяся хлѣбомъ нивы нужно только одного — достаточной приманки для капитала. Приманкой же служитъ одно—большой барышъ, ничто другое.

Размѣры хлѣбнаго производства зависятъ отъ рыночныхъ условій, а это условія вполнѣ общественныя, не зависящія отъ желѣзныхъ законовъ природы, о которыхъ столько говоритъ Мальтусъ и его ученики.

3.

Неувѣренность въ продажѣ.—Механизмъ вліянія рынковъ на производство хлѣба.—Увеличеніе производства кукурузы.—Пшеница и кукуруза; упадокъ цѣнъ первой зависитъ отъ избытка другой.

Мы отмѣчали уже нѣсколько разъ, что развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи привело къ избытку земныхъ плодовъ на рынкѣ. Перепроизводство становится явленіемъ, все болѣе частымъ въ сферѣ земледѣльскихъ отношеній. Мы должны однако замѣтить, что это не касается всѣхъ сортовъ хлѣба.

Положеніе дѣлъ оказывается различнымъ, соотвѣтственно продуктамъ, которые будемъ разсматривать.

Существуютъ нѣкоторыя вѣтви земледѣльческаго производства, испытывающія на себѣ систематически всѣ прелести анархіи рынковъ и отрицательныя послѣдствія, отсюда происходящія. Такъ обстоятъ дѣла особенно въ тѣхъ деревенскихъ промыслахъ, которые такъ или иначе втянуты въ водоворотъ большого капитала. Первое мѣсто въ числѣ такихъ занятій принадлежитъ обработкѣ свекловицы. Излишекъ продукта представляетъ основное явленіе въ сахароводствѣ. Происходящіе въ этой области кризисы оказываютъ вліяніе и на земледѣліе. Земледѣльцы, занимающіеся производствомъ свекловицы при неожиданномъ уменьшеніи спроса на этотъ продуктъ, не всегда умѣютъ приспособиться къ рынкамъ. Кромѣ этого вліянія, рыночная анархія дѣйствуетъ и непосредственно въ увеличивающейся неувѣренности продажи даже, когда дѣла на сахарныхъ заводахъ обстоятъ хорошо. Послѣдніе года пріучили нашихъ земледѣльцевъ къ такому непостоянству и познакомили съ послѣдствіями конкурренціи. Вслѣдствіе уменьшенія доходовъ, нѣкоторые въ Царствѣ Польскомъ взялись за обработку хмеля. Первые, принявшіеся за это, получили сначала довольно хорошіе барыши. Но скоро обработка этого растенія такъ распространилась,

товаръ въ такомъ количествѣ появился на рынкѣ, что барыши исчезли и продажа оказалась неувѣренной. Къ тому же результату привелъ опытъ разведенія свекловицы на сѣмена. Многіе, обезкураженные такими примѣрами, проклинаютъ «всѣ эти новинки». А между тѣмъ именно такіе опыты, кончающіеся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разочарованіями, служатъ предвѣстниками новой эпохи, къ требованіямъ которой земледѣлецъ, радъ или не радъ, долженъ приспособиться — онъ долженъ принять непостоянство рынковъ за основной принципъ современной жизни. Неувѣренность въ сбытѣ и колебанія спроса въ другихъ странахъ, проведеніе каждаго новаго желѣзнодорожнаго пути, всѣ усовершенствованія перевозочной техники увеличиваютъ соперничество, вызываютъ излишекъ того или другого продукта на рынкѣ и заставляютъ земледѣльца перенести центръ хозяйственной тяжести на другую отрасль производства. Соединенные Штаты представляютъ въ этомъ отношеніи классическую страну. Мы видѣли, какъ въ продолженіи 10 лѣтъ пространство пахатныхъ полей, засѣянныхъ пшеницею и кукурузою, увеличилось въ два раза и какъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ количество получаемой пшеницы увеличилось въ семь разъ. Излишекъ хлѣба, произведеннаго на западѣ, главнымъ образомъ оказалъ вліяніе на штаты, расположенные подъ Атлантическимъ океаномъ. Цѣны упали и земледѣлецъ, подъ угрозою разоренія, бросаетъ обработку хлѣба и расширяетъ, вмѣсто того, другія отрасли: выкармливаніе птицъ, обработку овощей, садоводство. Изобрѣтательность янки производитъ чудеса, чтобы только получить прежній барышъ съ земли. И не смотря на величину размѣровъ, переворотъ произошелъ въ очень короткое время. Европейскій земледѣлецъ, находясь въ такомъ положеніи, обанкротился бы.

Мы замѣтили, что существуетъ нѣсколько отраслей земледѣльческаго производства, испытавшихъ уже всѣ отрицательныя послѣдствія рыночной анархіи; другія не достигли еще этой степени. Это явленіе мы наблюдаемъ даже въ сферѣ производства зерна, продукта, болѣе всѣхъ втянутаго въ международный водоворотъ. Нѣкоторые сорта хлѣба ограничиваются еще мѣстнымъ рынкомъ, или играютъ на международномъ незначительную роль. Напротивъ, другія сдѣлались продуктами международной торговли. Овесъ, напр., находится относительно въ регрессивномъ положеніи, пшеница же принадлежитъ къ продуктамъ, производимымъ издавна на международный рынокъ. Судьбы этихъ злаковъ въ продолженіи 1870—1891 гг. очень разнородны: цѣны пшеницы на англійскомъ рынкѣ значительно упали, овесъ-же удержался на томъ же уровнѣ. Это временная разница. Въ виду столь разнообразнаго положенія пшеницы и овса на рынкѣ, производство послѣдняго должно увеличиться. И дѣйствительно, если сравнимъ статистическія данныя, окажется, что производство овса растетъ больше, чѣмъ пшеницы, какъ показываетъ слѣдующая таблица.

	Пшеница.	Овесъ.
1870—1880 г.	1,00	1,00
1881 »	1,14	1,13
1883 »	1,03	1,16
1884 »	1,12	1,18
1885 »	1,07	1,13
1886 »	1,06	1,26
1887 »	1,18	1,25
1888 »	1,13	1,30
1889 »	1,07	1,22

Производство овса будетъ и должно расти, пока рынокъ для этого сорта хлѣба не дойдетъ до того же состоянія, какъ для пшеницы. Тогда наступитъ моментъ развитія другой отрасли земледѣльческой промышленности, именно той, которую менѣе всего затронулъ водоворотъ всемірнаго обмѣна, и которая пока обѣщаетъ дать земледѣльцу болѣе всего барышей.

Этотъ примѣръ очень ярко показываетъ механизмъ развитія земледѣлія въ настоящую эпоху. Одна отрасль хозяйства за другой принимаетъ характеръ, соотвѣтствующій требованіямъ современной эпохи. Нѣкоторые плоды наполняютъ уже рынокъ и земледѣлецъ, высылающій ихъ на продажу, испытываетъ всѣ отрицательныя послѣдствія перепроизводства. Другіе не достигли еще той степени, но такую независимость отъ рынковъ нужно считать временнымъ явленіемъ, которое должно остановиться раньше или позже. Земледѣлецъ, которому не оплачивается обработка нѣкоторыхъ растеній, расширяетъ тѣ вѣтви хозяйства, которыя не познакомились еще съ послѣдствіями переполненія рынка, и, конечно, въ короткое время доводитъ ихъ до степени совершенства. И одна область хозяйства за другой начинаютъ производить для рынка международнаго. Земледѣльческія предпріятія, движимыя логикою фактовъ, катятся по наклонной плоскости въ водоворотъ конкурренціи, все болѣе напряженной, каждое усовершенствованіе путей сообщенія ускоряетъ этотъ моментъ, увеличеніе подвижности земледѣльцевъ вліяетъ точно также. Земледѣлецъ для собственнаго мимолетнаго интереса создаетъ вокругъ себя еще большее непостоянство и, осиливъ его, начинаетъ ту же работу въ еще большихъ размѣрахъ. Онъ похожъ на мальчика въ сказкѣ, который нанялся къ кудеснику и въ его отсутствіе расторгнулъ заклятыя силы и въ испугѣ освобождаетъ все новыя и новыя, еще страшнѣйшія. Взаимная конкурренція становится все болѣе ужасной и всеобщей. Въ общемъ вихрѣ все мѣняется. Исчезаютъ съ поверхности цивилизованныхъ окраинъ земного шара давніе обычаи, существовавшіе въ теченіе тысячелѣтій. Вмѣсто сырого продукта, появляются готовыя фабричныя издѣлія, напр., мука вмѣсто зерна.

*

Разсмотримъ хотя бы два изъ вышесказанныхъ явленій.

Пока производили хлѣбъ непосредственно на мѣстный рынокъ, цѣны значительно колебались соотвѣтственно временамъ года. Послѣ жатвы хлѣба на рынкахъ бывало достаточно, и если удавался урожай, цѣны стояли низкія. Во время зимы и къ веснѣ онѣ поднимались и, наконецъ, въ весеннее время достигали самой большой высоты, чтобы снова упасть во время жатвы. Такая правильность отношеній доставляла безошибочное указаніе для спекуляторовъ, а также для разсчетливыхъ земледѣльцевъ, которымъ не надо было спѣшить съ продажею плодовъ. Дѣла приняли другой оборотъ съ увеличеніемъ международнаго обмѣна. Въ оборотѣ находится теперь пшеница, прибывающая изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ обмѣнной территоріи и собранная въ различное время года, какъ видно изъ слѣдующей таблицы.

Январь. Въ Австраліи, Новой Зеландіи, Аргентинѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Чили. Февраль и Мартъ. Въ Индіи. Апрѣль. Въ Мексикѣ, Египтѣ, Персіи и Сиріи.

Май. Въ Китаѣ и Японіи, въ сѣверныхъ окраинаюъ Малой Азіи въ Тунисѣ и Алжирѣ и Марокко.

Іюнь. Въ Калифорніи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Греціи и сѣверной Франціи.

Іюль. Въ центральной и южной Франціи, южной Германіи, Венгріи и Австріи, въ южной Россіи и нѣкоторыхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Августъ. Въ западной и центральной Россіи, сѣверной Германіи, въ Бельгіи, Голландіи, Даніи, Англіи и южной Канадѣ.

Сентябрь и до извѣстной степени октябрь. Въ Швеціи, Шотландіи, сѣв. Россіи и Канадѣ.

Правда, не всѣ страны высылаютъ зерно на англійскій рынокъ (т. е. международный), но, и тѣхъ, которыя теперь высылаютъ, достаточно для отмѣны скудной страдной поры и уничтоженія зависимости цѣнъ отъ временъ года. Австралія, Аргентина, Индія, Венгрія, Россія, Соединенные Штаты и Канада такъ согласуются, что разница между весною и осенью относительно количества хлѣба на рынкѣ исчезла, дальнѣйшее же развитіе путей сообщенія, способствующее наплыву хлѣба изъ разныхъ мѣстъ, еще болѣе выровняютъ цѣны.

Болѣе важнымъ представляется другое явленіе: увеличеніе кукурузы на международномъ рынкѣ. Извѣстно повсюду, какой переворотъ въ техникѣ вызвало открытіе гальванизаціи предметовъ. Посеребренные предметы также удовлетворяютъ нашему эстетическому чувству, какъ серебро, а стоютъ гораздо меньше. Они вытѣснили предметы изъ чистаго серебра. Нѣчто похожее происходитъ на хлѣбномъ рынкѣ: между рожью, пшеницею и кукурузой ведется борьба, въ которой послѣдняя побѣждаетъ и распространяется все болѣе.

Средняя годичная.	Рожь.	Пшеница.	Кукуруза.
1870—1880.	1,00	1,00	1,00
1881.	0,92	1,14	1,30
1883.	0,89	1,03	1,25
1884.	1,01	1,02	1,41
1885.	1,02	1,07	1,51
1886.	0,99	1,06	1,13
1887.	1,10	1,18	1.19
1888.	1,03	1,13	1,55
1889.	0,89	1,07	1,85

Эта таблица показываетъ, что производство ржи уменьшается, пшеницы немного поднялось, кукурузы же увеличилось неслыханно. Еще краснорѣчивѣе указываетъ на эту перемѣну избытокъ ввоза надъ вывозомъ въ нѣкоторыя страны въ 1892 г.

Излишекъ ввоза надъ вывозомъ въ 1892 г. въ бушеляхъ:

	Пшеницы.	Кукурузы.
Въ Германію	18.767.000	9.413.000
» Голландію	8.591.000	6.600.000
» Швейцарію	10.867.000	1.145.000
» Англію	105.527.000	60.829.000
Въ общей суммѣ . . .	143.752.000	77.987.000

т. е. ввозъ пшеницы въ вышеназначенныя страны составляетъ два раза столько, сколько кукурузы, между тѣмъ какъ два десятка лѣтъ тому назадъ о послѣдней тамъ даже не слыхали! Прибавимъ, что количество собранной ржи и кукурузы въ среднемъ было 1870—1880 г. 27 : 41 : 32; въ 1889 г. это отношеніе измѣнилось на 19 : 44 : 37. Иными словами, роль кукурузы въ производствѣ хлѣба и употребленіе ея все болѣе увеличиваются. Мы уже замѣчали нѣсколько разъ, что цѣны пшеницы упали, вслѣдствіе избытка хлѣба на рынкѣ. Этотъ излишекъ происходитъ не столько отъ увеличенія количества находящейся тамъ пшеницы, сколько отъ того, что кукуруза, прибывая все въ большихъ размѣрахъ, вытѣсняетъ соперницу. Перепроизводство этого хлѣба — вотъ настоящій источникъ упадка цѣнъ пшеницы.

4.

Современный земледѣлецъ и варваръ.—Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи.—Недостатокъ въ необходимыхъ статистическихъ данныхъ.—Теорія Мальтуса съ точки врѣнія французскихъ отношеній.—Каждая эпоха имѣетъ свой собственный законъ населенія.

Указанное развитіе производительныхъ силъ предвѣщаетъ въ исторіи рода человѣческаго наступленіе новой исторической эпохи: смѣлаго отношенія человѣка къ природѣ въ сознаніи своихъ силъ и власти надъ ней. Варваръ-земледѣлецъ, которому неурожай угрожалъ бѣдствіемъ голода и болѣзнями, даже и тогда, когда въ ближайшей окрест-

ности существовалъ излишекъ продуктовъ,—ожидалъ новаго года съ боязнью, очищался отъ грѣховъ суровымъ покаяніемъ, скорбѣлъ и плакалъ, чтобы боги простили ему его грѣхи и не наказывали неурожаемъ. Страхъ и безконечная немощь составляютъ основной мотивъ празднествъ у первобытныхъ земледѣльцевъ во время посѣва или жатвы, землю-матерь окропляли человѣческой кровью, чтобы она оказалась ласковой и благодѣтельной. И многіе вѣка такою же оставалась психика крестьянина. Другія чувства овладѣли человѣческой душой на нивахъ Дакоты или Минесоты. Въ виду батареи косилокъ, машинъ и элеваторовъ на горизонтѣ, заставляющихъ догадываться о желѣзнодорожной линіи, тревога исчезаетъ совсѣмъ. Человѣкъ не боится болѣе капризовъ природы. Свободный отъ покорности и терпѣнія земледѣльца-варвара, подчинивъ себѣ природу, онъ смѣло предписываетъ ей условія. Переворотъ въ его психикѣ, незамѣтно для него самого, совершался постепенно подъ вліяніемъ успѣховъ техники производства, И такова всеобщая психологія настоящаго.

Слѣдовало бы подкрѣпить это развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи соотвѣтственными цифрами. Но это, однако, очень трудно. Для отдѣльныхъ странъ мы могли бы привести статистическія данныя, хотя бы въ родѣ ниже помѣщенной таблицы, показывающей, сколько изъ года въ годъ приходится фунтовъ мяса на жителя Великобританіи:

Года.	Всего.	Производство мѣстное.	Ввозъ.
1868	100,51	93,20	7,31
1872	109,18	94,57	14,61
1876	111,42	89,98	21,14
1880	114,09	80,40	33,69
1881	108,33	78,88	29,45
1882	103,28	80,84	22,44
1883	111,56	82,17	29,39
1884	110,36	83,24	27,12
1885	112,11	83,51	28,60
1886	109,22	81,35	27,87
1887	107,43	80,80	26,63
1888	106,97	78,58	28,38
1889	114,97	78,68	36,29
1890	127,49	83,45	41,04

Эта таблица касается небольшого промежутка времени и потому нельзя на основаніи ея выводить слишкомъ смѣлыя заключенія. Количество мяса, которое достается каждому гражданину Великой Британіи, возросло вслѣдствіе увеличенія ввоза. Чтобы оцѣнить развитіе производительныхъ силъ въ выкармливаніи скота, нужно было бы принять во вниманіе не только Англію, потому что эта страна потеряла экономическую самостоятельность, но всю международную обмѣнную

территорію. Но исполнить это невозможно, ибо мы не владѣемъ вполнѣ точнымъ статистическимъ матеріаломъ. И точно тоже мы могли бы сказать о всякомъ земледѣльческомъ продуктѣ, служащемъ для питанія. Самое большое, что̀ возможно, это вычисленіе для хлѣба, и то сомнительное. Приблизительно оказывается, что для пшеницы, ржи и кукурузы въ границахъ международной территоріи, размѣры годичнаго производства въ теченіе 1880—1889 возрасли отъ 100 до 125.

Однако, факты развитія производительныхъ силъ, въ сопоставленіи съ другими явленіями общественной жизни, такъ краснорѣчивы и несомнѣнны, что для нашей эпохи окончательно опровергаютъ боязнь учениковъ Мальтуса. Въ нашихъ статьяхъ мы упоминали уже объ этой теоріи и замѣчали, что расцвѣтъ продуктивныхъ силъ въ послѣднія десятилѣтія окончательно разбилъ ее. Мы должны остановиться немного долѣе на ней.

По закону Мальтуса, средства пропитанія увеличиваются въ ариѳметической пропорціи: 1, 2, 3, 4, населеніе же страны выказываетъ тенденцію къ увеличенію въ геометрической: 1, 2, 4, 8... Чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, напр., число жителей какой-нибудь страны можетъ увеличиться въ 256 разъ, но средства пропитанія возрастутъ только въ 9 разъ, что, очевидно, мѣшаетъ такому размноженію. Однимъ словомъ, природа создаетъ болѣе живыхъ существъ, чѣмъ приготовила для нихъ корму. Мы не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія послѣдствія этой теоріи, ограничимся только замѣчаніемъ, что сформулированный законъ признали истиной, обязательной для всѣхъ эпохъ исторіи, и на него взвалили нищету и невѣжество, существующія въ обществахъ Европы. Представители мѣщанской экономіи спорили о второстепенныхъ пунктахъ теоріи учителя, напр., удваивается ли населеніе въ 20, 30 или 50 лѣтъ, но ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался въ истинности и правдивости ея. Сила этой доктрины надъ умами могла соразмѣряться только съ недостаткомъ доказательствъ для поддержанія ея, а также и опроверженія.

Присмотримся къ желѣзному закону Мальтуса при свѣтѣ фактовъ общественной жизни Франціи.

Foville доказалъ, что эта страна достигла громаднаго прогресса въ сферѣ производительныхъ силъ. Мы не говоримъ объ увеличеніи производства фабричныхъ издѣлій, потому что даже самые яростные послѣдователи теоріи англійскаго экономиста не сомнѣвались, что въ этой сферѣ человѣческой дѣятельности можно всегда произвести произвольное количество продуктовъ. Статистическія цифры насъ убѣждаютъ, что производство хлѣба въ теченіе 1821 — 1890 возрасло во Франціи на 100%, т. е. удвоилось, при чемъ такой прогрессъ произошелъ въ значительной степени отъ увеличенной производительности того же куска земли. Такъ, въ 1821—1830 годахъ гектаръ давалъ 11 гектолитровъ хлѣба; въ началѣ настоящаго десятилѣтія это число увеличи-

лось до 15 гектолитровъ. Потребленіе сахару въ тотъ же промежутокъ времени увеличилось въ 10 разъ, кофе—6 разъ, вина—1½. Разведеніе скота и рыболовство доставляютъ каждому жителю гораздо больше продуктовъ, чѣмъ прежде. Это господство человѣка надъ силами природы еще болѣе обнаружится, если переведемъ силу паровыхъ и другихъ двигателей, какими владѣетъ Франція, на человѣческую и разсчитаемъ, сколько такихъ желѣзныхъ невольниковъ работаетъ на каждаго жителя. Мы получимъ тогда цифру 2,78. А такъ какъ семья въ среднемъ состоитъ изъ пяти членовъ, то на каждую достается около 14 невольниковъ. Развѣ древнія государства могли похвалиться такимъ обиліемъ рабовъ, столь терпѣливыхъ, способныхъ и обученныхъ?

Не смотря на такой ростъ производительныхъ силъ и средствъ пропитанія, населеніе Франціи задержалось почти на одномъ и томъ же уровнѣ, и даже падаетъ. Въ 1890 году оказалось, что число смертныхъ случаевъ превышало число рожденій: первыхъ считалось на тысячу жителей 22,9, вторыхъ—21,8. Населеніе Франціи упало въ этомъ году на 40.000; «депопуляція» приняла бы еще большіе размѣры, если бы не наплывъ иностранцевъ. Не будемъ разбирать, какія причины заставляютъ родителей избѣгать многочисленнаго потомства. Для насъ достаточно факта, что населеніе Франціи не растетъ и что въ этой странѣ мы встрѣчаемся съ неслыханнымъ фактомъ развитія производительности и именно въ самой упорной сферѣ—въ земледѣліи.

Франція не представляетъ исключенія. Разсматривая другія страны Европы и сравнивая годовую ступень увеличенія населенія, вездѣ замѣчаемъ то же основное явленіе, именно, что эта ступень становится все ниже.

Увеличеніе населенія (на 1.000 жителей).

	1879 г.	1890 г.	Упадокъ ступени роста.
Англія и Валлисъ . .	34,7	30,2	4,5
Шотландія.	34,3	30,2	4,3
Швейцарія.	30,5	26,6	3,9
Нидерланды	36,6	32,9	3,7
Германія	38,9	35,7	3,2
Франція	25,9	21,8	3,2
Бельгія	31,5	28,7	2,8
Швеція	30,5	27,7	2,8
Пруссія.	39,2	36,6	2,6
Австрія	39,2	36,7	2,5
Норвегія.	32,0	30,7	2,0
Венгрія	45,0	43,7	2,0
Ирландія	25,2	22,3	1,9
Италія	37,6	35,4	1,7
Данія	32,5	30,6	1,4

Франція въ 1890 году перешагнула тотъ порогъ, на которомъ находится надпись: «депопуляція». Это обстоятельство доказываетъ, что причины, дѣйствующія во всей Европѣ и повсюду уменьшающія годичный приростъ населенія, проявляются здѣсь болѣе энергично. Это обезлюденіе находится въ извѣстной связи, кажется, съ ростомъ капитализма, потому что во главѣ приведенной таблицы находятся страны, въ которыхъ господствуетъ индустріализмъ; въ концѣ же тѣ, сельское производство которыхъ составляетъ фундаментъ національнаго хозяйства. Значитъ, съ одной стороны — ростъ производительныхъ силъ и порабощеніе природы, какого родъ человѣческій не зналъ до сихъ поръ, съ другой—упадокъ годового прироста населенія и даже въ одной изъ странъ призракъ депопуляціи! И эти столь противорѣчивыя стремленія проявились именно въ то время, когда прогрессъ путей сообщенія сдѣлалъ доступнымъ неизмѣримыя пространства дѣвственной земли, зоотехника накопила нетронутый даже въ сотой части усовершенствованный и обильный кормъ, рыболовы говорятъ о неисчерпаемыхъ источникахъ пропитанія въ водахъ океана. Наши выводы и статистическія данныя касались только Франціи и не принимали во вниманіе заморскихъ земель, представляющихъ самое обширное поле для техническаго переворота въ эксплуатаціи силъ живой органической природы. Явилась безграничная возможность увеличенія населенія земного шара, родъ же человѣческій отвѣчаетъ на это уменьшеніемъ плодовитости! Наша эпоха представляетъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ другое зрѣлище, нежели времена общиннаго владѣнія. Деревенская община, представляющая организацію взаимнаго обезпеченія, способствовала росту населенія. Отъ каждаго поколѣнія отдѣлялось число выходцевъ изъ родной деревни и уходило расчищать лѣса для новыхъ усадебъ. Историки не оцѣнили еще достаточно значеніе этого факта для колонизаціи земного шара въ первобытныя времена. Ява можетъ намъ дать болѣе точное понятіе о напряженія роста населенія во время общиннаго владѣнія. Въ 1816 году она считала до $4^1/_2$ милліоновъ жителей, а въ 1886 г. имѣла уже 22! Пустоши давали убѣжище этимъ толпамъ, и будучи обработаны, доставляли пропитаніе. Современная цивилизація способствуетъ еще болѣе размноженію, въ томъ смыслѣ, что владѣетъ большими территоріями, болѣе могущественными средствами эксплуатаціи природы и ея порабощенія. Но цивилизованныя народы не пользуются существующею возможностью.

Что будетъ за сто или тысячу лѣтъ, когда весь земной шаръ будетъ колонизированъ, эти вопросы предоставимъ нашимъ потомкамъ. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что современная эпоха опровергла въ своихъ предѣлахъ теорію Мальтуса и главнымъ образомъ основной принципъ, будто формулированное имъ положеніе есть желѣзный законъ, *естественный*, обязательный для всѣхъ эпохъ исторической эволюціи. Мы противопоставляемъ ему факты, показывающіе, что каждая

экономическая формація имѣетъ свой законъ населенія, который *à priori* невозможно открыть, но надо сначала познакомиться съ силами, дѣйствующими среди даннаго строя. Спеціально говоря о нашемъ времени, времени господства капитализма, нужда и невѣжество происходятъ не вслѣдствіе естественныхъ причинъ, не вслѣдствіе разницы между числомъ кандидатовъ на жизненномъ пиру и количествомъ средствъ пропитанія, но лишь вслѣдствіе общественныхъ причинъ. Существуетъ армія рабочихъ, лишенная заработка, которые могли бы обработать всѣ дѣвственныя степи; существуетъ накопленіе силъ органической природы, не эксплуатируемыхъ по причинѣ невѣжества и рутины, неразлучныхъ съ раздѣленіемъ земли на небольшія хозяйства; существуютъ еще громадныя области, лежащія втунѣ, потому что разныя причины не позволяютъ человѣческой рукѣ оплодотворить эти пустоши. Трудно обвинять природу, какъ создательницу нужды, когда фермеръ на «далекомъ Западѣ» топитъ печи пшеницей, когда земледѣлецъ банкрутируетъ вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, и въ то же время тысячи умираютъ отъ голода въ Парижѣ или Лондонѣ! Имя Мальтуса въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ гремѣло, не смотря на все новые аргументы, которые доставляли болѣе глубокіе умы и еще болѣе горячія сердца, его теорія непоколебимо господствовала на страницахъ учебниковъ экономіи и на столбцахъ газетъ. Однако, достаточно было двухъ десятковъ лѣтъ, чтобы лишить эту доктрину очарованія. Она пала безъ борьбы, вѣрнѣе, ее забыли подъ давленіемъ фактовъ экономическаго развитія.

5.

Общія указанія, касающіяся конкурренціи.—Будущее по Юрашеку и Лафаргу.—Международные голода, какъ послѣдствіе избытка земледѣльческихъ плодовъ на рынкѣ.

Мы замѣчали уже нѣсколько разъ, можетъ быть недостаточно ясно, что упадокъ цѣнъ хлѣба и другихъ земледѣльческихъ плодовъ не представляетъ временнаго и случайнаго явленія, но вытекаетъ изъ глубже лежащихъ причинъ и предвѣщаетъ наступленіе новой исторической эпохи. Экономическое развитіе въ первой половинѣ настоящаго вѣка избаловало земледѣльцевъ. Промышленникъ, производящій ткани или желѣзныя издѣлія, всегда подвергался отрицательнымъ послѣдствіямъ анархіи рынка; бываютъ года, когда онъ производитъ товаръ безъ прибыли, лишь бы реализировать капиталъ, находящійся въ машинахъ и постройкахъ; есть также періоды застоя, во время которыхъ онъ радъ, если ему удастся продать продукты даже ниже стоимости. Производитель хлѣба не былъ знакомъ съ этими непріятностями. Онъ производилъ свекловицу, зерно или молочные продукты, увѣренный, что для плодовъ его полей всегда найдется мѣсто на рынкѣ.

Заморское соперничество измѣнило сразу ходъ дѣлъ, и сравняло земледѣльца съ фабрикантомъ, вѣрнѣе, сравниваетъ, потому что оно началось сравнительно недавно. Современныя условія требуютъ отъ земледѣльца, чтобы у него былъ купеческій умъ и пониманіе рыночныхъ указаній.

Принципъ свободной конкурренціи, осиливъ оковы, въ которыхъ находилось средневѣковое производство, повліялъ положительно на развитіе производительныхъ силъ въ каждой сферѣ промышленной дѣятельности. Перерабатывающая индустрія вступила на дорогу безпрестаннаго усовершенствованія. И земледѣліе не устояло противъ вліяній, вытекающихъ изъ того же источника. Этотъ громаднѣйшій прогрессъ зоотехники, къ которому мы присматривались, эти дѣйствительно «мамонтовыя» фермы, появляющіяся за моремъ, весь прогрессъ техники путей сообщенія и механизмъ посредничества, все это плоды, медленно созрѣвшіе подъ дѣйствіемъ современныхъ экономическихъ отношеній. Конкурренція на рынкѣ земледѣльческихъ плодовъ со всѣми послѣдствіями это только одно изъ звеньевъ цѣлаго ряда причинъ, это только неизбѣжное послѣдствіе капитализма, господствующаго въ обществѣ. Задержать это развитіе дѣло невозможное и даже не желательное. Невозможное, ибо мы не видимъ такой общественной силы, которая могла бы задержать прогрессъ въ сферѣ производства потребительныхъ продуктовъ, уничтожила бы нынѣшніе пути сообщенія, остановила всемірный обмѣнъ. Нежелательное, потому что, вмѣсто господства надъ природой, повернули бы насъ назадъ, во времена древняго крестьянскаго хозяйничанья. Разрѣшенія надо искать на другомъ пути, принимая неизбѣжность образцовъ, осуществовленныхъ уже, а также тѣхъ, которые только появляются, найти же его можно только въ сознательномъ порабощеніи сильно выросшихъ производительныхъ силъ. До сихъ поръ въ развитіи земледѣльческой продукціи существовалъ только одинъ регулирующій факторъ,—это стихійная *vis medicatrix* общественной природы, о которой Спенсеръ написалъ столько страницъ, припоминающихъ своимъ характеромъ не выводы ученаго, но гимнъ мистика въ честь богини. Рынокъ въ своемъ механическомъ дѣйствіи накладываетъ узду на производство—низшими цѣнами. Когда онѣ падутъ ниже извѣстнаго уровня, размѣры полей въ колоніяхъ уменьшаются, что возможно вслѣдствіе заморскаго хозяйничанья.

Но эта способность расширенія и уменьшенія представляетъ, быть можетъ, самую большую опасность для Европы въ заморскихъ методахъ производства.

Повторяемъ, развитіе идетъ стихійнымъ образомъ, порабощеніе природы растетъ, производительныя силы, производительность и количество продукта возрастаютъ, и все это окончательно создаетъ бѣдствіе и безсиліе. И помимо всего является вопросъ, что принесетъ дальнѣйшее будущее?

Вотъ предъ нами двѣ попытки дать отвѣтъ на него. «Современныя средства транспорта,—пишетъ Юрашекъ *),—а также опирающаяся на нихъ международная торговля освободили цивилизованныя вѣтви человѣческаго рода не только отъ голода и высокихъ цѣнъ, но путемъ безпрестаннаго уравновѣшиванія предложенія и спроса, держать высоту цѣнъ почти на томъ же уровнѣ на всѣхъ углахъ земного шара. Способствуя обработкѣ дѣвственныхъ полей въ отдаленныхъ мѣстахъ и болѣе дешевой рабочей силой, они вызвали постоянное пониженіе цѣнъ къ большей досадѣ европейскихъ земледѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Ростъ обработанныхъ земель, увеличенная производительность почвы, недавно занятой, сохраненію давняго способа культуры въ старыхъ странахъ, хотя доходы уменьшились, лучшая обработка полей въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и другія причины повліяли на то, что производство начало быстро подниматься, продукты скоро превысили спросъ со стороны потребителей и вслѣдствіе этого избытка цѣны упали. Нѣкоторая часть этихъ факторовъ перестала вліять; цѣны же такъ низко пали, что не дѣйствуютъ уже возбуждающимъ образомъ на увеличеніе полей въ Соед. Штатахъ. Въ виду этого, нельзя ожидать дальнѣйшаго пониженія цѣнъ, а также ихъ повышенія. Всеобщій сборъ на земномъ шарѣ подлежитъ меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ это случалось нѣкогда въ отдѣльной странѣ, и потому цѣны въ будущемъ будутъ держаться болѣе постояннаго уровня, чѣмъ это было въ прошломъ. Производство пшеницы и хлѣбная торговля дѣйствуютъ, какъ предохранительные клапаны!»

Эти выводы и вообще все представленіе настоящаго положенія дѣлъ относятся отрицательно ко всѣмъ положеніямъ нашей статьи. Оптимизмъ нѣмецкаго статистика можно сравнить только съ его способностью не замѣчать болѣе важныхъ сторонъ конкурренціи.

Передъ нами еще и другое сужденіе **) быть можетъ, слишкомъ смѣлое, но все-таки болѣе близкое къ правдѣ, чѣмъ взгляды Юрашека.

«Чтобы стряхнуть съ себя иго американскихъ спекуляторовъ, Англія поощряетъ на своихъ рынкахъ международную конкурренцію земледѣльческими плодами, распространяетъ производство хлѣба во всѣхъ частяхъ земного шара и толкаетъ къ ней всѣ народы. Обязательно появляются международные кризисы вслѣдствіе перепроизводства зерна. Хлѣбная продукція и въ Новомъ, и Старомъ свѣтѣ, лихорадочно развиваясь, привела къ тому, что предложеніе превысило спросъ. Въ будущемъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ мы увидимъ тѣ же явленія, что нѣкогда на національномъ. Въ первой половинѣ настоящаго вѣка французское земледѣліе не знало заморской конкурренціи, во-первыхъ, благодаря трудности обмѣнныхъ отношеній, во-вторыхъ, вслѣдствіе

*) Fiv. Juraschek «*Uebersichten der Weltwirthschaft*».

**) Lafargue, *N. Zeit* 1886. «*Der Getreidehandel der Veveinigten Staaten*». 550.

пошлинъ. Неурожаи вызвали дефицитъ хлѣба, который поднялъ цѣны и пріохотилъ земледѣльцевъ къ увеличенію пахатныхъ полей. Необузданный ростъ обработанной земли вызвалъ перепроизводство, цѣны упали и, чтобы ихъ сравнить съ прежнимъ уровнемъ, земледѣльцы уменьшили размѣръ полей.

«Всемірная продукція пройдетъ тѣ же фазисы: будетъ быстро расти и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ рынокъ переполнится хлѣбомъ. Пока фермы были небольшой величины, пока капиталы, тамъ заключенные, были незначительны, земледѣлецъ могъ задержать производство. Но капиталы, помѣщенные на большихъ фермахъ Америки, такъ огромны, что не могутъ лежать непродуктивно. Въ каждой вѣтви производства случаются періоды, когда фабрикантъ производитъ не для продажи, не для полученія барышей, а только для того, чтобы машины работали. Фермы капиталистической системы встрѣтятся съ тою же необходимостью: будутъ производить, чтобы только производить, хотя бы рынокъ былъ переполненъ товарами, и вызовутъ въ хлѣбной торговлѣ такіе же международные кризисы, какіе происходятъ въ шелковой, бумажной и т. п. Цѣна хлѣба упадетъ ниже стоимости производства, банкротства поведутъ къ ограниченію размѣровъ земледѣлія и уменьшенію производства. Цѣны неожиданно перейдутъ отъ одной крайности къ другой, періоды международнаго голода будутъ наступать послѣ періодовъ международнаго излишества. Свободная торговля началась съ привоза плодовъ одного края на заграничные рынки; она привела къ однообразію цѣнъ и предупредила голоды. Но, распространивъ производство по всему земному шару и создавъ всемірный обмѣнъ хлѣба, она же снова создастъ внезапныя и большія колебанія и возобновитъ голода—не мѣстныхъ и національныхъ, но всемірныхъ размѣровъ!»

Таковы пророчества! Голода отъ избытка хлѣба, бѣдствія вслѣдствіе порабощенія природы! Можетъ быть, это и преувеличенная картина, хотя, нѣтъ сомнѣнія, она составляетъ только логическій выводъ изъ фактовъ дѣйствительности.

Л. Крживицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I.

Къ воротамъ скромнаго дома въ дальней части Васильевскаго Острова подъѣхала изящная коляска, запряженная парой. На лошадяхъ была блестящая новая англійская упряжь и кучеръ тоже былъ одѣтъ по-англійски. Въ колескѣ сидѣлъ Дмитрій Поликарповичъ Спонтанѣевъ.

Онъ медленно и какъ будто неохотно сошелъ на троттуаръ. На немъ была длинная голубовато-сѣрая студенческая шинель съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ. Сверху падалъ широкими хлопьями снѣгъ, быстро таявшій. Спонтанѣевъ оглядѣлся вокругъ и выразительно поморщился. На него произвели удручающее впечатлѣніе стѣна дома съ облѣзшей штукатуркой, глубокая темная подворотня, во мракѣ которой можно было подозрѣвать какіе угодно ужасы и полное безлюдье кругомъ.

Было около часу дня. Ноябрьское солнце въ этотъ день вовсе не показывалось и плыло гдѣ-то далеко отъ людскихъ глазъ, спрятавшись за однообразными сѣроватыми облаками, закрывшими все небо.

Онъ отыскалъ ручку висячаго звонка и нервно потянулъ ее внизъ. Ему отвѣтилъ во дворѣ развинченный, разбитый, сиплый звонъ и залаяла собака.

„Здѣсь даже дворовыя собаки водятся!“ брезгливо подумалъ Спонтанѣевъ. Ему пришлось повторить звонъ. Не скоро, медленно ступая ногами, обутыми въ валенки, вышло мохнатое существо, оказавшееся дворникомъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

— Бертышевъ здѣсь живетъ?—спросилъ молодой Спонтанѣевъ и въ голосѣ его слышалось легкое презрѣніе, очевидно къ тому, о комъ онъ спрашивалъ.

— Живетъ,—отвѣтилъ дворникъ,—со двора пожалуйте!—прибавилъ онъ, проникаясь почтительностью послѣ того, какъ разглядѣлъ шинель и пышный воротникъ. — Вонъ тамъ дверь, по лѣстницѣ и поднимитесь.

Дмитрій Спонтанѣевъ отыскалъ дверь и, подымаясь по ступенямъ деревянной, не особенно чистой лѣстницы, изумлялся самой лѣстницѣ, полутьмѣ и охватившему его спертому воздуху.

„Какъ однако онъ невзрачно живетъ,—думалъ Спонтанѣевъ.—Странно! Неужели онъ не воруетъ? Неужели онъ такой дуракъ, какъ думаютъ о немъ мать и сестра? А можетъ быть, изъ осторожности откладываетъ? Однако, какъ это непріятно, что приходится таскаться по грязнымъ лѣстницамъ чуть ли не въ качествѣ просителя. Удивительно, какъ нелѣпо распорядился отецъ".

На одной изъ площадокъ лѣстницы онъ нашелъ дверь, на которой была выставлена визитная карточка Бертышева. Онъ позвонилъ. Дверь отворила прислуга.

— Господинъ Бертышевъ дома?— тѣмъ же тономъ, какимъ спрашивалъ у дворника, произнесъ Спонтанѣевъ.

— Они дома. Они кушаютъ.

— Все равно. Передайте ему мою карточку и скажите, что мнѣ надо его видѣть.

Горничная взяла карточку и удалилась. Черезъ минуту она вернулась.

— Пожалуйте.

Онъ вошелъ въ переднюю, снялъ съ себя шинель и, повидимому, не зналъ, куда дѣвать ее. Въ передней было темно, а горничная, впустивъ его, сейчасъ же ушла. Наконецъ, онъ увидѣлъ вѣшалку и пристроилъ на ней свою шинель.

Послышались частые шаги. Изъ столовой вышелъ Владиміръ Николаевичъ, держа въ рукахъ его карточку и, повидимому, съ удивленіемъ и даже недовѣріемъ читая ее.

— Дѣйствительно ли это вы, Дмитрій Поликарповичъ? — съ чуть-чуть замѣтной ироніей спросилъ Бертышевъ.

— Да-съ, какъ видите, это дѣйствительно я, настоящій и неподдѣльный!—отвѣтилъ Спонтанѣевъ, входя въ большую комнату, въ которой всю мебель составляли: мольбертъ съ давно начатой картиной, этюды, наброски и нѣсколько безпорядочно разставленныхъ стульевъ.

Владиміръ Николаевичъ взглянулъ на Спонтанѣева и его поразили какія-то странныя новыя черты въ его лицѣ. Этого молодого человѣка онъ не такъ давно еще видѣлъ здоровымъ и цвѣ-

тущимъ, а теперь передъ нимъ стояло существо неимовѣрно поношенное, потасканное и въ его молодыхъ еще глазахъ было что-то старческое.

„Несчастный,—подумалъ Владиміръ Николаевичъ,—какъ онъ торопится жить".

— Я предположилъ, что въ этотъ часъ вы завтракаете и, слѣдовательно, я навѣрно найду васъ дома...—сказалъ Спонтанѣевъ.

— Вы не ошиблись. Въ этотъ часъ я почти всегда дома. Прошу васъ, садитесь и извините за отсутствіе удобствъ.

Спонтанѣевъ сѣлъ, снялъ съ носа пенснэ и началъ протирать его кончикомъ полы своего мундира, скрывая этимъ движеніемъ свое волненіе.

— Какъ, однако, вы далеко живете!—сказалъ онъ, наконецъ.

— Я давно живу здѣсь,—отвѣтилъ Бертышевъ. — Мы привыкли къ этимъ мѣстамъ. Для моихъ дѣтей здѣсь хорошій воздухъ.

Бертышевъ тоже сѣлъ и ждалъ, что гость начнетъ объяснять свое неожиданное посѣщеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Поликарпъ Антоновичъ, послѣ непріятной сцены въ день его похоронъ, они ни разу не встрѣчались лицомъ къ лицу. Молодой Спонтанѣевъ, очевидно, считалъ его своимъ кровнымъ врагомъ и тщательно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ и, если бывалъ въ домѣ матери и сестры въ то время, когда пріѣзжалъ къ нимъ Бертышевъ, старался уйти другимъ ходомъ, чтобъ не встрѣтить человѣка, котораго онъ считалъ врагомъ.

И вдругъ онъ является сюда, къ нему, и по всему видно, что онъ не намѣренъ продолжать тотъ разговоръ, который такъ рѣзко оборвалъ Бертышевъ послѣ похоронъ Поликарпа Антоновича.

Но Спонтанѣевъ объясненія не начиналъ. Кажется, онъ ждалъ вопроса, а пока дѣлалъ видъ, что разсѣянно осматривалъ этюды и все, что было въ комнатѣ.

— Вы, конечно, пріѣхали ко мнѣ по дѣлу!—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ, чтобъ какъ-нибудь начать.

— Къ сожалѣнію, да!—отвѣтилъ Спонтанѣевъ.

— Къ сожалѣнію?

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы устроили себѣ эту причину для сожалѣнія?

— Да-съ, къ сожалѣнію, потому что вообще терпѣть не могу просить. А когда приходится просить то, что въ сущности принадлежитъ тебѣ, но, благодаря какому-то непонятному капризу, отдано въ другія руки, то это, согласитесь, еще въ милліонъ разъ непріятнѣе. Наконецъ, мы съ вами не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы мнѣ доставляло удовольствіе просить васъ о чемъ бы то ни было.

— Да вамъ и не о чемъ просить меня! — сказалъ Бертышевъ,—вамъ достаточно заявить ваше желаніе...

— Чтобъ оно было не исполнено? Не такъ ли?—саркастически докончилъ фразу Спонтанѣевъ.

— Напротивъ... если оно не нарушаетъ условій, выраженныхъ въ завѣщаніи вашего покойнаго отца...

— А я, право, не знаю, нарушаетъ или не нарушаетъ... вамъ извѣстно, что это завѣщаніе ассигновало на жизнь нашей семьи пятнадцать тысячъ въ годъ...

— Но, кромѣ того, у васъ есть квартира, отопленіе и лошади... это составитъ гораздо больше...

— Это ровно ничего не составляетъ, потому что всѣмъ этимъ я пользовался и при жизни отца. Я и тогда занималъ отдѣльную квартиру въ нашемъ домѣ на Лиговкѣ и теперь занимаю ее и этотъ домъ, какъ вамъ небезъизвѣстно, будетъ моимъ... но вотъ что странно. При жизни отца я никогда не тратилъ менѣе тысячи рублей въ мѣсяцъ. И деньги эти давалъ мнѣ самъ отецъ, слѣдовательно, онъ зналъ объ этомъ. И не могу понять, почему онъ по духовному завѣщанію заставилъ меня довольствоваться какими-то тамъ пятью тысячами, составляющими третью часть пятнадцати, ассигнованныхъ имъ для всѣхъ трехъ наслѣдниковъ. Ну-съ, я говорю вамъ прямо: я не могу обходиться этой суммой... я просто не привыкъ. Мнѣ не хватаетъ...

— Пять тысячъ въ годъ... для молодого человѣка и притомъ еще студента, при готовой квартирѣ и лошадяхъ, право же, это очень большія деньги!—сказалъ Бертышевъ.

— Очень можетъ быть, и я не смѣю спорить. Но вѣдь это все такъ относительно. То, что вамъ кажется огромнымъ, на мой взглядъ ничтожно... притомъ отецъ прямо-таки былъ несправедливъ. Онъ оставилъ всю картинную галлерею сестрѣ, а я знаю, что въ эту галлерею онъ ухлопалъ тысячъ восемьсотъ!.. это цѣнность!

— Зато домъ на Офицерской, доставшійся Вѣрѣ Поликарповнѣ, бездоходный, а вашъ на Лиговкѣ приноситъ около восьми тысячъ въ годъ доходу.

— Допустимъ... хотя я этого дохода не получаю.

— Вы будете получать его, когда произойдетъ раздѣлъ.

— О, да! И это будетъ ровно черезъ шесть лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ, когда кончится ваше полномочіе,—совершенно какъ у президента Соединенныхъ Штатовъ.

— Нѣтъ, я надѣюсь, что ликвидацію можно будетъ окончить черезъ три года, назначенные Поликарпомъ Антоновичемъ, какъ минимумъ. Я даже увѣренъ въ этомъ.

— Это очень пріятно, конечно, но черезъ три года я, быть

можетъ, захочу пойти въ монахи и мнѣ эти доходы не будутъ нужны...—съ видимымъ раздраженіемъ воскликнулъ Дмитрій Поликарповичъ.

Бертышевъ понялъ, что такимъ образомъ они легко могутъ дойти до ссоры и что вообще этотъ разговоръ ни къ чему не ведетъ. Онъ рѣшилъ прямо поставить вопросъ. Онъ сказалъ:

— Вы пріѣхали ко мнѣ съ опредѣленной цѣлью. Будьте же добры, объясните ее.

— Да, это будетъ самое лучшее!—согласился Спонтанѣевъ.— Вы сказали, что черезъ три года окончится ликвидація, не такъ ли?

— Я на это надѣюсь...

— Прекрасно. Мнѣ выдается на жизнь пять тысячъ рублей въ годъ, то-есть, меньше пятисотъ рублей въ мѣсяцъ. Чтобы быть довольнымъ и сводить концы съ концами мнѣ необходима по крайней мѣрѣ, тысяча рублей въ мѣсяцъ, то-есть, двѣнадцать тысячъ въ годъ. Такимъ образомъ, мнѣ не хватаетъ семь тысячъ ежегодно. Такъ какъ это несомнѣнный фактъ, что я унаслѣдую третью часть всего, что осталось послѣ моего отца и такъ какъ эта третья часть навѣрно составитъ капиталъ тысячъ въ четыреста...

— По моему разсчету, не много болѣе трехсотъ, за исключеніемъ домовъ, разумѣется...—сказалъ Бертышевъ.

— А, это не дѣлаетъ большой разницы... Словомъ, я хотѣлъ бы, чтобы эти недостающія мнѣ семь тысячъ рублей въ годъ выдавались мнѣ авансомъ впредь до раздѣла, а при раздѣлѣ были бы вычтены изъ моей части.

— Но вы очень хорошо знаете, что я не имѣю права сдѣлать этого.

— Позвольте! почему же? Отецъ оставилъ вамъ такія широкія полномочія,—вы можете все...

— Вы ошибаетесь. Вашъ отецъ очень точно опредѣлилъ: семьѣ на жизнь пятнадцать тысячъ. Остальное при дѣлежѣ. Онъ самъ это опредѣлилъ.

— Но я и не прошу больше на жизнь. Я прошу авансомъ изъ капитала.

— Неужели вы не понимаете, что это только другія слова? И что всякое такое дѣйствіе было бы съ моей стороны прямымъ нарушеніемъ моего долга.

— А, я такъ и зналъ, что вы будете драпироваться въ долгъ... Что жъ, вамъ угодно, чтобы я подписывалъ векселя съ уплатой впослѣдствіи по три тысячи за одну?

— Это ваше дѣло. Вы будете платить послѣ раздѣла, значитъ изъ своихъ денегъ... До раздѣла же, то-есть, изъ общаго капитала, ни одинъ вашъ векселъ не будетъ уплаченъ. Вы это знаете.

— Значитъ, вы не даете мнѣ никакого выхода и такимъ образомъ толкаете меня на путь разорительныхъ сдѣлокъ?..

— Позвольте. Вы приписываете мнѣ такія дѣйствія, которыя должны быть приписаны только вамъ самому. Смѣшно называть безвыходнымъ положеніе человѣка, который, ничего не дѣлая, получаетъ пять тысячъ въ годъ, квартиру, лошадей... Такъ можно говорить только въ шутку. Но мало ли что вы можете сдѣлать? Вы можете за тысячу рублей продать всѣ ваши наслѣдственныя права,—почему же я буду считаться виновникомъ вашего безумія? Вашъ покойный отецъ, насколько я понимаю, дѣйствовалъ съ очень тонкимъ разсчетомъ. Онъ назначилъ вамъ пять тысячъ, а раздѣлъ отдалилъ минимумъ на три года, очевидно, въ надеждѣ, что вы къ тому времени настолько образумитесь, что съумѣете выгодно распорядиться вашей частью.

— Вы мнѣ даете урокъ благоразумія? И это все потому, что отъ васъ зависитъ мое благополучіе... извольте, извольте, я готовъ выслушать вашу лекцію. Только, пожалуйста, и вы исполните мое желаніе.

— Я не могу...

— Позвольте, можетъ быть, я выбралъ неудачную форму? Такъ придумайте другую, мнѣ все равно. Ну, не авансомъ, а заимообразно, какъ вамъ угодно...

— Будьте добры, прочитайте еще разъ внимательно завѣщаніе вашего отца, единственное основаніе всѣхъ моихъ дѣйствій. И если вы тамъ найдете хоть одно слово, позволяющее мнѣ исполнить ваше желаніе, я тотчасъ же исполню его. Кстати, вы юристъ...

— Не стоитъ и читать этого неудачнаго документа...

Спонтанѣевъ всталъ.

— Итакъ, вы не согласны?

— Я не могу быть ни согласнымъ, ни не согласнымъ. Я только могу имѣть право и не имѣть его. Въ данномъ случаѣ я не имѣю права.

— И если васъ будетъ просить объ этомъ моя мать, вы тоже не сдѣлаете?

— Нѣтъ, не сдѣлаю.

— Право, можно подумать, что не мы наслѣдуемъ послѣ нашего отца, а вы...

— Это можно подумать только, недостаточно серьезно и, пожалуй, недостаточно добросовѣстно отнесясь къ дѣлу!—отвѣтилъ Бертышевъ.

— Однимъ словомъ, я жалѣю о потраченномъ времени!—умышленно рѣзко промолвилъ Спонтанѣевъ и, не только не протянувъ руки, но, даже не поклонившись, повернулся и направился къ выходу.

*

Владиміръ Николаевичъ тѣмъ не менѣе, въ качествѣ хозяина, пошелъ за нимъ въ переднюю и кликнулъ горничную, чтобъ подала шинель.

— А почему бы вамъ не устроить эту комбинацію у вашего дяди, Авксентія Антоновича?—спросилъ онъ,—у него навѣрно есть свободныя деньги и онъ, конечно, не рѣшится взять съ васъ большіе проценты.

— О, предоставляю вамъ дѣлать займы у этого... негодяя...

— Вотъ какъ? Этого я не ожидалъ.

Спонтанѣевъ набросилъ на плечи шинель и шумно вышелъ на лѣстницу. Владиміръ Николаевичъ вернулся въ столовую.

— Какъ жаль, что ты не взглянула на этого молодого человѣка! Онъ идеально типиченъ, типичнѣе ничего нельзя вообразить себѣ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ Петровнѣ, которая вмѣстѣ съ дѣтьми сидѣла за столомъ.

— Прежде всего ѣшь кулебяку, она и такъ почти простыла!—промолвила Вѣра Петровна.

Владиміръ Николаевичъ сѣлъ за столъ, продолжалъ завтракать и говорилъ съ увлеченіемъ.

— Не въ мѣру насладившійся юноша! Ему двадцать одинъ годъ, а лицо его носитъ всѣ признаки истощенія, пресыщенія, пессимизма. Если бы ты видѣла это лицо! Еще годъ тому назадъ у него были розовыя щеки, а теперь точно изъ него выпустили кровь. Отецъ сперва держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ,—это было въ періодъ патріархальный, когда они жили еще по дѣдовскимъ обычаямъ; но потомъ къ нему прикоснулась культура, пошла новая жизнь; самъ онъ себя отпустилъ, а сына такъ даже распустилъ, въ простотѣ души полагая, что культура этого требуетъ, и юноша за годъ-полтора съумѣлъ превратить свой сильный организмъ въ тряпку. Глаза у него какіе-то стеклянные, бездушные, углы рта безпомощно опущены... Никогда мнѣ такъ не хотѣлось записать свое впечатлѣніе, какъ теперь. Мнѣ кажется, что въ моемъ воображеніи врѣзалась каждая мельчайшая черточка этого лица... Я бы написалъ эту фигуру и назвалъ бы: „наслажденіе“...

— Напиши, Владиміръ!—вдругъ неожиданно для него попросила Вѣра Петровна.

— Некогда... некогда!..

— Пустое! Ты такъ увлекательно говоришь, что навѣрно набросаешь очень быстро...

— Ахъ, нѣтъ, Вѣра, право же у меня нѣтъ времени!

Вѣра Петровна очень внимательно всмотрѣлась въ него и потомъ, какъ бы собравшись съ силами, сказала:

— Знаешь что, Владиміръ... я никогда ни о чемъ не прошу

тебя, но... если ты хочешь доказать, что... ты самъ знаешь что... то исполни эту мою просьбу, напиши... дѣла какъ-нибудь потерпятъ. А ты вотъ сейчасъ послѣ завтрака возьми и набросай. Это будетъ для меня.

— Для тебя, Вѣра? Ты просишь?

— Для меня... я прошу...

— Хорошо...

— Спасибо.

Они замолкли оба и кончили завтракъ въ молчаніи. Потомъ Вѣра Петровна увела дѣтей въ спальню и занялась ими, а Владиміръ Петровичъ вышелъ въ большую комнату и минутъ десять шагалъ по ней, часто потирая рукой лобъ.

Затѣмъ онъ рѣшительно подошелъ къ мольберту, снялъ съ него давно начатый холстъ и поставилъ на его мѣсто другой.

Опять нѣсколько минутъ раздавались его шаги. Онъ остановился у подоконника, на которомъ въ безпорядкѣ лежали краски, взялъ палитру, кисти и посмотрѣлъ на нихъ съ усмѣшкой.

Какъ странно, что онъ столько времени не держалъ ихъ въ рукахъ! Какъ странно, что его къ нимъ даже не тянуло. А прежде казалось, что онъ сросся съ ними нераздѣлимо. И станутъ ли они его слушаться? Надо попробовать.

Онъ быстро приблизился къ холсту, установилъ мольбертъ поудобнѣе, чтобъ получилось нужное освѣщеніе, и началъ писать.

Онъ набрасывалъ вчернѣ, быстрыми мазками, точно шутя, и въ первую минуту казалось, что онъ задался мыслью написать каррикатуру. Но писалъ онъ неустанно, съ какой-то жадностью, точно вотъ-вотъ должны были придти и потребовать отъ него отчета.

А въ сосѣдней комнатѣ все затихло. Вѣра Петровна увела дѣтей въ спальню. Она подозрѣвала, что Владиміръ началъ работу и знала, что ему только надо было взять въ руки кисть, положить первый мазокъ, чтобы увлечься и она хотѣла, чтобы ничто не напомнило ему объ окружающей дѣйствительности.

Она знала, что прошло больше двухъ часовъ, но онъ не зналъ этого. Онъ былъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ живетъ какъ бы внѣ времени, когда минута, часъ, мгновеніе, ничѣмъ не отличаются отъ вѣчности.

Стало темнѣть. Она оставила дѣтей въ спальнѣ, а сама тихонько вошла въ столовую, потомъ пріотворила дверь въ мастерскую.

Владиміръ Николаевичъ стоялъ у самой стѣны, рядомъ съ дверью, и какъ будто съ изумленіемъ смотрѣлъ на мольбертъ. А съ мольберта глядѣло лицо,—живое, характерное лицо юноши, утомленнаго жизнью, пресыщеннаго, почти состарившагося.

— Владиміръ, Владиміръ! какъ хорошо, какъ дивно!—тихонько произнесла Вѣра Петровна, дивясь этому созданію, исполненному въ какіе-нибудь два часа.—Это набросокъ, это почти шутка! Но какъ онъ много говоритъ. Ты кончишь это! Ты сдѣлаешь изъ этого картину! Правда?

— Да, еслибъ солнце не отказалось свѣтить еще часовъ двадцать, то я не положилъ бы кисти... это будетъ твоя картина, Вѣра.

— Спасибо!

Она протянула ему руку, онъ крѣпко пожалъ ее и поцѣловалъ. Потомъ онъ направился въ переднюю.

— Ты уходишь?—спросила Вѣра Петровна.

— Да, въ конторѣ меня ждутъ,—отвѣтилъ онъ изъ передней, гдѣ надѣвалъ пальто.

Потомъ онъ, уже одѣтый, вошелъ въ мастерскую и еще разъ взглянулъ на свою работу.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ удалось выраженіе!—сказалъ онъ:—ты права. Ну, до свиданья, Вѣра. Спасибо за твою просьбу. Къ обѣду едва ли буду. Навѣрно предстоятъ длинныя объясненія по поводу требованій этого молодого человѣка.

Онъ уѣхалъ, а Вѣра Петровна долго, пока совсѣмъ не стемнѣло, стояла у мольберта и смотрѣла на живое лицо.

Оно не было по чертамъ сходно съ лицомъ молодого Спонтанѣева. Владиміръ Николаевичъ умышленно избѣжалъ сходства. Но та суть, о которой онъ говорилъ и которая такъ увлекла его, была передана неподражаемо.

Когда стемнѣло, она съ глубокимъ вздохомъ и съ печальными глазами отошла отъ картины.

II.

Владиміръ Николаевичъ поѣхалъ въ главную контору, которая помѣщалась въ маленькомъ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, на Мойкѣ. Здѣсь его встрѣтилъ Иванъ Семеновичъ.

Почтенный старикъ, получивъ столь внезапное повышеніе и перейдя съ какихъ-нибудь четырехъсотъ рублей на полторы тысячи нисколько не измѣнился ни своимъ внѣшнимъ видомъ, ни обращеніемъ. Онъ остался въ томъ же кафтанѣ, высокихъ сапогахъ и синей фуражкѣ.

Владиміръ Николаевичъ сдѣлалъ въ лицѣ его прекрасный выборъ, такъ какъ Иванъ Семеновичъ оказался и дѣльнымъ, и знающимъ и добросовѣстнымъ и наполовину освободилъ его отъ излишней ѣзды по городу.

Здѣсь Бертышевъ провелъ не больше часу и отсюда поѣхалъ на Офицерскую.

Онъ давно не переживалъ такого душевнаго настроенія, въ какомъ находился теперь. Послѣднія недѣли отъ достигъ, наконецъ, того уравновѣшеннаго состоянія, котораго такъ долго искалъ. Это было полное безразличіе, способность не думать ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Все сдѣлается само собой, какъ нибудь да сдѣлается. Нельзя, чтобъ ничего не сдѣлалось. Изъ настоящаго непремѣнно вытечетъ какое нибудь будущее.

Онъ понималъ, что такое настроеніе ужасно, что оно обозначаетъ нравственный упадокъ, но такъ ему было легче и онъ держался за него изо всѣхъ силъ.

Сегодня вдругъ въ душѣ его произошелъ безпорядокъ. Сердце застучало, голову охватилъ горячій туманъ, кровь лихорадочно переливалась въ жилахъ. То напряженное состояніе, которое онъ пережилъ въ теченіе двухъ часовъ, когда съ жадностью клалъ краски на холстѣ и изъ подъ его кисти постепенно раждалось живое лицо, не прошло ему даромъ.

Самъ онъ сознательно не дѣлалъ никакихъ выводовъ, но гдѣ-то въ глубокихъ нѣдрахъ его существа жила мысль: „а, значитъ, я остался тѣмъ же, что и былъ, я остался художникомъ, во мнѣ живетъ сила, которая только притаилась,—живая и могучая“...

И почему-то казалось ему, что это открытіе должно имѣть роковое значеніе въ его жизни. Почему-то при этомъ рядомъ съ тѣмъ живымъ лицомъ, которое такъ удалось ему на холстѣ, стоялъ образъ Вѣры Петровны, точно они представляли что-то неразлучное, нераздѣлимое.

И когда онъ пріѣхалъ на Офицерскую и сталъ подыматься по лѣстницѣ во второй этажъ, то чувствовалъ, что сегодня является сюда не такимъ, какимъ былъ здѣсь вчера, что въ немъ есть что-то новое. Даже ноги его ступали какъ-то тверже и увѣреннѣе.

Подымаясь по широкой лѣстницѣ, онъ услышалъ, что наверху стукнула дверь и увидѣлъ, что кто-то спускается сверху. Онъ узналъ Дмитрія Спонтанѣева.

— Ахъ, вы?—промолвилъ тотъ, остановившись на минуту,—ну, такъ я подожду внизу.

— Зачѣмъ?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ, но тотъ не отвѣтилъ, а просто продолжалъ спускаться по лѣстницѣ.

Бертышевъ пожалъ плечами и пошелъ дальше. Онъ рѣшилъ пройти прямо къ Марьѣ Ивановнѣ и былъ очень смущенъ, заставъ ее плачущей.

— Что это васъ такъ огорчило?—сочувственно спросилъ онъ, здороваясь съ нею.

— Ахъ, ахъ, Владиміръ Нихолаевичъ!.. просто и не знаю! Сынъ... Дмитрій... все требуетъ, требуетъ... ужъ я изъ своихъ

годовыхъ ему двѣ тысячи отдала. Ужъ себя я вотъ какъ урѣзала... Вы не повѣрите,—прежде, бывало, въ Казанскомъ соборѣ по праздникамъ на три рубля свѣчей ставила, а нынче всего на полтинникъ приходится... Экономимъ. Даже передъ старостой церковнымъ неловко! И во всемъ такъ...

Владиміръ Николаевичъ невольно улыбнулся.

— Дмитрій Поликарповичъ недавно былъ у меня и теперь я его встрѣтилъ на лѣстницѣ; онъ обѣщалъ зачѣмъ-то ждать внизу. Развѣ вы что-нибудь посулили ему?

— Что я могла посулить? Конечно, я, какъ мать... мнѣ жаль его, покойникъ самъ виноватъ... распустилъ мальчика. Денегъ много давалъ ему, а тутъ вдругъ ограничилъ.

— И если бы васъ не сдерживало завѣщаніе, если бы между вами не стоялъ я, то вы дали бы ему денегъ, сколько угодно?

— Должно быть, что дала бы, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ! Гдѣ мнѣ спорить съ нимъ? У него языкъ, точно гвоздь. Вотъ и сейчасъ накричалъ на меня, обидныхъ словъ наговорилъ.

— Но вѣдь вы этимъ погубили бы его! — возразилъ Бертышевъ.—Онъ черезъ два-три года сталъ бы нищимъ...

— Сама знаю, что погубила бы... ужъ это навѣрно, что погубила бы... слушайте, Владиміръ Николаевичъ, дайте вы ему, ради Бога, то, что онъ требуетъ.

Владиміръ Николаевичъ сѣлъ въ кресло и нѣкоторое время ничего не отвѣчалъ. Удивляться такой просьбѣ со стороны Марьи Ивановны ему не приходилось. Онъ зналъ, что это была простая, полуграмотная женщина и что о законахъ она, конечно, не имѣла ни малѣйшаго понятія.

Если юристъ Дмитрій Спонтанѣевъ находилъ возможнымъ пройти мимо постановленій духовнаго завѣщанія, то ей и подавно было это извинительно. И ему уже не разъ приходилось излагать ей законы, на основаніи которыхъ онъ долженъ безусловно соблюдать завѣщаніе.

Онъ и теперь посмотрѣлъ на нее тѣмъ снисходительнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на дѣтей, когда они по незнанію просятъ неисполнимаго.

— Видите ли, Марья Ивановна, для того, чтобы это могло сдѣлаться, я прежде долженъ отказаться отъ всякаго участія въ ликвидаціи вашего дѣла...

На лицѣ Марьи Ивановны выразился испугъ.

— Что вы, что вы, Владиміръ Николаевичъ? Вы этого никогда не сдѣлаете! Сохрани васъ Богъ! Этимъ вы насъ погубите. Тогда сейчасъ дѣло попадетъ въ руки братца Авксентія и отъ него мы увидимъ только дымъ! Ахъ, да! вѣдь вотъ... Знаете, что отвѣтилъ братецъ Авксентій Дмитрію, когда онъ пошелъ къ

нему насчетъ денегъ? Я, говоритъ, дамъ тебѣ денегъ; отчего, говоритъ, не дать, коли ты мнѣ родственникъ? Я, говоритъ, дамъ тебѣ двадцать тысячъ, только ты вексель напиши на пятьдесятъ. Я, говоритъ, съ тебя пятьдесятъ тысячъ не возьму, а только это необходимо сдѣлать, потому что ты кутила и неизвѣстно еще, сколько ты за три года другимъ векселей надаешь, и пускай, кромѣ того, говоритъ, твоя мать за тебя поручительство дастъ... Господи! Чтобъ я да на старости лѣтъ векселя стала подписывать?.. Такъ ужъ лучше я въ монастырь пойду... Нѣтъ, ужъ вы, Владиміръ Николаевичъ, не покидайте насъ съ Вѣрушей.

— Я и не собираюсь покидать васъ! Но я не могу сдѣлать то, чего хочетъ Дмитрій Поликарповичъ...

— Никакъ нельзя?

— Совершенно невозможно.

— А ежели изъ моей части?

— Марья Ивановна, да вѣдь никакихъ частей не существуетъ. Части будутъ послѣ дѣлежа, а теперь есть только общій капиталъ и по завѣщанію мы не имѣемъ права къ нему прикасаться. Онъ долженъ лежать въ государственномъ банкѣ и приносить проценты. За всякое нарушеніе условій завѣщанія насъ могутъ предать суду.

— Суду? Господи, ты Боже мой! Какъ же быть-то? Вѣдь онъ, Дмитрій, надаетъ какихъ угодно векселей. Съ него все станется. Ему все нипочемъ.

— Да, онъ на это способенъ. Вообще это очень непріятно, что Дмитрій Поликарповичъ такъ нетерпѣливъ. Если бы у меня были свои деньги, или если бы я могъ достать ихъ, я съ удовольствіемъ далъ бы. Я вѣдь знаю, что если онъ разоритъ себя раньше времени, то потомъ начнетъ разорять васъ и вы по слабости характера поддадитесь. Постойте!—вдругъ прибавилъ онъ съ видомъ человѣка, которому пришла въ голову необыкновенно блестящая мысль, и поднялся съ кресла.—Мнѣ надо поговорить съ Вѣрой Поликарповной... у меня есть одинъ планъ...

— Такъ, Вѣрочка же у себя!..—радостно сказала Марья Ивановна, такъ какъ ей ужасно хотѣлось исполнить желаніе сына, къ которому, не смотря ни на что, она питала большую слабость именно за то, что онъ былъ сынъ.—Она была здѣсь, когда пришелъ Дмитрій, но какъ онъ сталъ грубить, она ушла. Они дня не могутъ прожить въ мирѣ. У нихъ всѣ мысли разныя. Такъ, вы говорите, можетъ, что и выйдетъ?

— Я говорю только, что у меня есть планъ... Я, можетъ быть, въ состояніи буду достать денегъ. Но ничего не могу сказать, не посовѣтовавшись съ Вѣрой Поликарповной.

— Идите же, идите, Владиміръ Николаевичъ! А я подожду.

Владиміръ Николаевичъ ушелъ, а Марья Ивановна позвала горничную и послала ее внизъ къ Дмитрію тихонько шепнуть ему, чтобы тотъ не уходилъ.

— Скажи, молъ, можетъ случиться надобность въ немъ.

Вѣра Поликарповна лежала на диванѣ лицомъ вверхъ, подложивъ обѣ руки подъ голову и лицо ея выражало какую-то напряженную досаду. При появленіи Владиміра Николаевича, она неохотно привстала.

— Ты прямо ко мнѣ или былъ у матери? — спросила она, протягивая ему руку.

— Я былъ у Марьи Ивановны!—отвѣтилъ Бертышевъ.

— Значитъ, тебѣ извѣстно домогательство Дмитрія?

— Оно было мнѣ извѣстно гораздо раньше. Ровно въ часъ дня сегодня онъ сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ.

— О, даже до этого дошло. Если принять во вниманіе ваши отношенія, то я не буду высокаго мнѣнія о его гордости.

— Даже смѣшно говорить здѣсь о настоящей гордости,— сказалъ Владиміръ Николаевичъ, садясь на стулѣ неподалеку отъ нея.—Гордость можетъ жить въ человѣкѣ, который стоитъ выше своихъ потребностей. Но когда человѣкъ поступилъ въ рабство къ своимъ потребностямъ, то гордости уже нѣтъ мѣста. Гордость потребностей заключается въ томъ, чтобъ онѣ были удовлетворены. Какъ жаль, что твой братъ былъ оставленъ безъ хорошаго вліянія! Вѣдь онъ теперь погибъ. Ты немного виновата въ этомъ.

— Я? Ты думаешь, что я могла вліять на него?

— Безъ сомнѣнія. Ты стояла выше его, ты была сильнѣе, ты должна была взять его за руку и вести.

— О, какое скучное занятіе ты мнѣ навязываешь! Это, кажется, обязанность родителей и наставниковъ?

— Но родители твои стояли ниже тебя, они не могли этого сдѣлать. Ты сама вѣдь—только счастливая случайность... Впрочемъ, вы всѣ типичные эгоисты и это въ порядкѣ вещей. Вамъ слишкомъ много было удачи... Я хочу поговорить съ тобой объ этомъ домогательствѣ твоего брата...

— Значитъ, это еще вопросъ не конченный?

— О, онъ только начинается. Видишь ли, твой братъ еще слишкомъ молодъ. Но такъ какъ въ жилахъ его течетъ кровь твоего отца, то въ глубинѣ его натуры непремѣнно лежитъ практическая смѣтка и разсчетливость. Когда въ немъ окончательно перегорятъ преждевременно разбуженныя низменныя страсти, тогда навѣрно выплывутъ наружу практичность и разсчетливость. По всей вѣроятности, его больше, чѣмъ на три года, не хватитъ и черезъ три года мы будемъ имѣть въ его лицѣ экземпляръ солиднаго, хотя и нѣсколько поношеннаго, гражданина, который бу-

детъ исполнять какія-нибудь почетныя общественныя обязанности и умножать свой доходъ... Разумѣется, если къ тому времени останется что умножать. Поэтому лучше бы теперь исполнить его въ сущности не слишкомъ большое требованіе...

— Исполни, если можешь... хотя для меня нѣтъ ничего привлекательнаго въ этомъ будущемъ гражданинѣ...

— Я не могу, ты знаешь, что завѣщаніе не даетъ мнѣ возможности сдѣлать это. Но ты можешь.

— Я?

— Да, ты, только одна ты...

— Какимъ же образомъ?

— У тебя есть особый капиталъ, который не вошелъ въ общій счетъ...

Вѣра Поликарповна густо покраснѣла.

— Ты говоришь о ста тысячахъ?.. Они мнѣ подарены отцомъ въ день моихъ именинъ и до нихъ нѣтъ никому дѣла.

— Никто и не отнимаетъ ихъ у тебя... Я говорю только, что ты могла бы избавить мать и себя отъ непріятной возни въ будущемъ съ разорившимся братомъ. Ужъ онъ навѣрно съумѣетъ надѣлать долговъ въ полмилліона и впослѣдствіи будетъ у васъ же висѣть на шеѣ.

— Не понимаю, какъ это могло придти тебѣ въ голову!— почти гнѣвно возразила Вѣра Поликарповна.

— А я не понимаю, откуда у тебя берется такая твердость въ данномъ случаѣ... Почему ты такъ дорожишь этими ста тысячами?

— Потому, что онѣ мои. Единственное, что есть у меня моего, дѣйствительно моего, чѣмъ я владѣю навѣрное... А то, что будетъ, неизвѣстно... Мало ли какія бываютъ чудеса и, можетъ быть, въ день раздѣла окажется, что я владѣю нулемъ...

— Ты очень предусмотрительна, но это напрасный страхъ... Краха никакого не можетъ быть; я тебѣ за это ручаюсь. Ты получишь болѣе трехсотъ тысячъ...

— Да, наконецъ... наконецъ, ты хочешь поставить меня въ отвратительное положеніе. Ни братъ, ни мать не знаютъ о существованіи этихъ денегъ.

— Какъ? это тайна и для Марьи Ивановны?.. — съ изумленіемъ спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, тайна. Отецъ, давая мнѣ эти деньги, сказалъ: помни, что это я даю въ твои руки и только въ твои,—для твоихъ капризовъ. И если бы я сказала о нихъ матери, то сейчасъ же начались бы разговоры, узналъ бы Дмитрій и вышла бы цѣлая исторія, которая кончилась бы тѣмъ, что я швырнула бы эти деньги ему въ лицо...

— Все это весьма практично, но несправедливо.

— Какъ несправедливо?

— Несправедливо. Что тамъ ни говори, а ты владѣешь на сто тысячъ больше, чѣмъ твой братъ. Пусть такъ и будетъ, не я, конечно, возьму на себя трудъ возстановлять тутъ справедливость. Но ты, по крайней мѣрѣ, должна помочь намъ избавить этого безвольнаго человѣка отъ краха въ будущемъ, который прежде всего отразился бы на твоей матери... и ты это сдѣлаешь, Вѣра...

— Я этого не сдѣлаю.

— Нѣтъ, ты это сдѣлаешь... Это надо сдѣлать...

— Иначе ты объявишь брату о существованіи этихъ денегъ?— промолвила Вѣра Поликарповна и въ ея глазахъ блеснулъ злобный огонь.

Владиміръ Николаевичъ посмотрѣлъ на нее такимъ внушительно-строгимъ взглядомъ, отъ котораго она съежилась. Онъ сказалъ:

— Послѣ этого мнѣ слѣдовало бы сказать: все кончено между нами и уйти, чтобъ больше не возвращаться. Но... ты по всей вѣроятности жалѣешь о сказанныхъ словахъ.

Онъ отошелъ къ окну и сталъ тамъ, повернувшись къ ней спиной.

— Да, я жалѣю! — замѣтно упавшимъ голосомъ промолвила Вѣра Поликарповна.—Иди сюда...

Онъ не двинулся съ мѣста. Что-то мѣшало ему подойти къ ней, что-то почти враждебное шевелилось у него въ сердцѣ.

— Ты не хочешь подойти ко мнѣ, Владиміръ?

— Въ эту минуту не хочу!—сказалъ онъ, повернувшись къ ней и оставаясь на мѣстѣ.

— Ты меня ненавидишь?

— Нѣтъ, не то... но нѣкоторыя черты въ твоемъ характерѣ оскорбляютъ меня. Ихъ не должно быть. Онѣ унизительны.

— Подойди ко мнѣ, Владиміръ!—умоляющимъ голосомъ произнесла она и протянула къ нему руки.

Онъ неохотно приблизился къ ней. Она взяла его за руки и насильно усадила его съ собой.

— Да, это какое-то проклятіе—говорила она взволнованнымъ голосомъ и глаза ея были полны слезъ.—Это проклятіе неправедно нажитыхъ денегъ моего отца. Я знаю, онъ выжималъ эти деньги изъ бѣдняковъ, онъ душилъ своихъ работниковъ, эксплуатировалъ ихъ... И въ нихъ, въ этихъ деньгахъ, должно быть, осталось проклятіе этихъ людей... Во мнѣ тоже течетъ кровь моего отца... Но я хочу побороть ее... Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь. Возьми, сколько надо ему и сдѣлай, какъ найдешь лучшимъ... Только не

презирай меня. Во мнѣ много и такого, за что меня можно любить... и люби меня, Владиміръ!

— Ну, успокойся. Все хорошо, что хорошо кончается,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.—Я устрою это какъ-нибудь искусно. Я скажу твоей матери, что деньги досталъ частнымъ образомъ. Три года мы будемъ выдавать ему по семи тысячъ. А о твоихъ деньгахъ они ничего не узнаютъ.

— И ты примиришься со мной? Ты уже примирился?

— Нѣтъ, Вѣра, еще нѣтъ, мягко—сказалъ онъ.

— Какъ это ужасно!

— Не съ тобой, не съ той Вѣрой, которую я знаю, а съ этой... съ этой спонтанѣевской кровью...

— Ужасно, ужасно! Значитъ, могутъ быть часы, дни, недѣли, когда ты питаешь ко мнѣ вражду?

— Это не вражда, это оскорбленная любовь... Не должно быть въ тебѣ этого... это не должно унижать тебя... пойми.

Онъ хотѣлъ уйти, но она удержала его и приложила голову къ его плечу.

Милый, я понимаю... Ты страшно снисходителенъ ко мнѣ, страшно. Ахъ, да, я хотѣла съ тобой поговорить... Впрочемъ, нѣтъ, это послѣ. Иди къ нимъ, устрой это дѣло...

— Что-нибудь важное?

— Да, пожалуй. Но послѣ... Объ этомъ говорить надо долго.

— Хорошо. Но сегодня мы не успѣемъ. Я прощаюсь съ тобой.

— Ты не зайдешь?

— Нѣтъ, ужъ до завтра.

— Ты такъ настроенъ противъ меня, что тебѣ не хочется еще разъ повидаться со мной?

— Нѣтъ, не то; а завтра мы встрѣтимся лучше, чѣмъ сегодня.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ къ Марьѣ Ивановнѣ, которая ждала его съ нетерпѣніемъ.

— Вы можете утѣшить Дмитрія Поликарповича...—сказалъ онъ ей.

— Голубчикъ, можно?

— Да, я придумалъ комбинацію... попросите его сюда, вѣдь онъ внизу?

Черезъ три минуты Дмитрій Спонтанѣевъ былъ у Марьи Ивановны.

— Мнѣ хотятъ объявить приговоръ?—саркастически спросилъ онъ, входя въ комнату.

— Голубчикъ, Митя, ты долженъ быть благодаренъ Владиміру Николаевичу. Ты видишь, какъ онъ для тебя старается!—сказала Марья Ивановна.

— Извольте, извольте, я готовъ быть благодаренъ!—прежнимъ тономъ заявилъ Спонтанѣевъ.

— Я вовсе не старался для Дмитрія Поликарповича,—возразилъ Бертышевъ,—я имѣлъ въ виду интересы сонаслѣдниковъ, которые косвеннымъ образомъ могли бы пострадать, если бы Дмитрій Поликарповичъ началъ неосторожно выдавать векселя.

— Такъ что я освобождаюсь отъ благодарности? Тѣмъ лучше. Ну-съ, въ какой же формѣ совершится мое благополучіе? То, что было полчаса тому назадъ невозможно, по достаточномъ размышленіи стало возможно?

— Нѣтъ, совсѣмъ не такъ. Я частнымъ образомъ досталъ для васъ деньги и вы дадите мнѣ обязательство уплатить ихъ по совершеніи раздѣла. Изъ наслѣдственныхъ суммъ нельзя взять ни одного рубля.

— Гм... вотъ что! Я вижу, что вы пользуетесь не дурнымъ кредитомъ. А впрочемъ, признаюсь, это мнѣ совершенно безразлично.

— Завтра вы получите семь тысячъ и будете получать ихъ ежегодно до раздѣла.

— А нельзя ли сегодня?

— Ахъ, Митя, неужели ты не можешь подождать одну ночь?—воскликнула Марья Ивановна.

— Одна ночь, мамаша, иногда стоитъ цѣлой вѣчности...

— Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ,—я долженъ получить эти деньги у третьяго лица.

— Дѣлать нечего. Прикажете вторично посѣтить васъ?

— Нѣтъ, вы получите деньги здѣсь, у Марьи Ивановны. Я думаю, что это можно будетъ сдѣлать часа въ три.

— А нельзя ли раньше, часовъ въ одиннадцать?

— Нѣтъ, нельзя,—рѣзко отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ, которому надоѣло торговаться изъ пустяковъ.

— И это ужъ не подлежитъ перемѣнѣ?—спросилъ Спонтанѣевъ.

— Это навѣрно.

Спонтанѣевъ довольно холодно поцѣловалъ руку у матери, церемонно, не безъ ломанья, поклонился Бертышеву и уѣхалъ.

— Наказалъ меня Богъ сыномъ,—сказала Марья Ивановна, вытирая слезы, — истинно наказалъ! А вамъ большое спасибо, Владиміръ Николаевичъ, и Вѣрочкѣ спасибо за то, что надоумила васъ.

Владиміръ Николаевичъ въ самомъ дѣлѣ не зашелъ къ Вѣрѣ Поликарповнѣ. Онъ только попросилъ Марью Ивановну передать ей, что будетъ у нея завтра утромъ часовъ въ двѣнадцать и попросить, чтобъ она была готова ѣхать вмѣстѣ по дѣлу.

Онъ поѣхалъ прямо домой, испытывая непріятное настроеніе. Никакъ не могъ онъ свыкнуться съ этими „денежными чувствами“, какъ онъ называлъ ихъ.

Всякій разъ, когда въ домѣ Спонтанѣева возникали денежные вопросы, приходилось считаться съ „спонтанѣевскими инстинктами“, которые иногда бурно проявлялись въ Вѣрѣ Поликарповнѣ и накладывали густую тѣнь на свѣтлый образъ дѣвушки, жившій еще въ его душѣ.

А завтра предстоитъ важный разговоръ съ Вѣрой Поликарповной. Чтобы это было? Онъ не могъ себѣ представить. Неужели опять изъ той же области „спонтанѣевскихъ инстинктовъ“? Однако, какъ глубоко засѣли они, эти инстинкты... Жадная кровь! Вѣдь Вѣра Поликарповна никогда въ деньгахъ не нуждалась, никогда не считала денегъ, а какъ цѣпко умѣетъ держаться за нихъ, за тѣ деньги, которыя случайно къ ней попали!

Вѣра, Вѣра! Изящная, тонкая, слегка символичная Вѣра... О, какъ не идетъ ей говорить такимъ образомъ о деньгахъ и какъ жаль, что это случилось. Лучше бы не было этого разговора.

И удивительно, что сегодня его влечетъ домой. Сегодня у него въ отношеніяхъ съ Вѣрой Петровной проглянуло что-то „человѣческое“.

Давно уже они довольствовались условными отношеніями. Условная близость, условная терпимость, снисходительность, условное признаніе его слабостей. Все для того, чтобъ сохранить нерушимою внѣшнюю форму ихъ жизни. Все для видимости, для дѣтей. Слава Богу, они растутъ, не подозрѣвая, что вокругъ нихъ дѣлается. Слава Богу! И это благодаря Вѣрѣ.

Но отъ всей этой условности имъ обоимъ было тяжело и оба были счастливѣе, когда оставались по одиночкѣ.

Но сегодня между ними повѣяла какая-то теплая струя. Это старое звено, которое въ давнія времена ихъ соединило. Это— искусство, его талантъ. Онъ словно позабылъ о немъ, а Вѣра Петровна заставила его вспомнить и повѣрить въ то, что онъ остался въ неприкосновенномъ видѣ.

И онъ торопился домой безъ всякихъ опредѣленныхъ ожиданій, просто потому, что сегодня ему дома было хорошо, лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ такъ широко проявились „спонтанѣевскіе инстинкты“.

III.

Дома все было тихо. Вѣра Петровна уложила дѣтей и сидѣла въ столовой за чайнымъ столомъ, повидимому, поджидая его.

— Я очень радъ, что ты еще не спишь,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— А что? Ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ? — спросила Вѣра Петровна.

— Нѣтъ, такъ, просто радъ. Сегодня такой хорошій день.

— Чѣмъ? Ты получилъ еще прибавку?

Владиміръ Николаевичъ вздрогнулъ и почувствовалъ, точно лихорадочная струя прошла черезъ его тѣло.

— Ну, вотъ, хорошій день и кончился! — печально сказалъ онъ и, сѣвъ за столъ, подперъ голову обѣими руками.

— Извини, Владиміръ... я этого не хотѣла.

— А если не хотѣла, то, значитъ, и не считается!—сказалъ Бертышевъ и опять повеселѣлъ. Да,—говорилъ—онъ,—хорошо, когда между людьми есть что-то теплое, какая-то незримая связь... Теплота, теплота,—это условіе жизни. Пока въ больномъ, иногда недвижномъ, тѣлѣ есть теплота, оно еще живетъ и можетъ возродиться.

— Можетъ?—тономъ сомнѣнія спросила Вѣра Петровна.

— Можетъ, клянусь честью, можетъ, если только...

— Что?

— А, ты знаешь что... ты вѣдь само терпѣніе. Тебѣ я изумляюсь... ну и вотъ... пусть пройдетъ время... пусть улягутся заблужденія, и если заблудившійся странникъ придетъ въ свой старый домъ...

— Ты не опоздалъ къ дѣламъ?—спросила Вѣра Петровна, очевидно, перебивая разговоръ.

— Нѣтъ, Иванъ Семеновичъ все сдѣлалъ за меня.

— А молодого человѣка удовлетворили?

— Да, хотя съ большимъ трудомъ... Ахъ, Вѣра, я могъ бы тебѣ разсказать много интереснаго изъ области „кровныхъ вліяній“... но это потомъ... вообще многое приходится откладывать на потомъ... А завтра я встану рано и...

— И уѣдешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ только появится солнце, сейчасъ же примусь за молодого человѣка.

— Онъ тебя еще интересуетъ?

— Страшно! Можетъ быть, именно потому, что это для тебя...

— Ты сегодня рѣшительно балуешь меня, Владиміръ.

— Не такъ бы хотѣлъ я побаловать тебя, мой другъ, Вѣра... Постой, дай срокъ... а впрочемъ, это все не то... Истинно прекрасное не должно быть называемо словами. Слова — страшно грубая вещь, они портятъ прекрасное, налагаютъ не него отпечатокъ пошлости...

— Какъ ты странно настроенъ сегодня!

— Я чудно настроенъ! Я настроенъ такъ, что нигдѣ въ мірѣ не чувствую себя такъ хорошо, какъ дома, вотъ здѣсь, въ бесѣдѣ

съ тобой. Чего же лучше? Для меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ничего лучше этого,—какъ для перваго человѣка, еслибъ ему разрѣшили вернуться въ рай, еслибъ архистратигъ опустилъ свой мечъ...

— Безъ тебя былъ здѣсь Скорбянскій!—опять умышленно перебила разговоръ Вѣра Петровна.

— Да? Что жъ, по дѣлу! или такъ?

— По поводу Вольтова. Онъ совсѣмъ кончилъ свою работу и сидитъ, не зная, что съ нею дѣлать. Денегъ не хватаетъ. Березова собрала все, что у нея нашлось; оказалось нѣсколько сотенъ; этого мало, надо тысячи три-четыре. Сидятъ они вдвоемъ и тоскуютъ по своей передвижной выставкѣ для народа...

— Да онъ-то самъ, Матвѣй Ивановичъ, видѣлъ картины?

— Онъ ѣздилъ туда.

— И что же нашелъ?

— Говоритъ, что картины произвели на него сильное впечатлѣніе. Цѣлая поэма, нѣчто цѣльное, законченное...

— Что жъ, мы могли бы съэкономить и выдѣлить какую-нибудь тысячу рублей. Вѣдь мы теперь богачи.

— Я намекала на это Скорбянскому. Но все-таки этого мало.

— Да, мало. Объ этомъ надо подумать. Да надо и намъ съѣздить туда въ деревню и посмотрѣть, что это за картины. Скорбянскій можетъ ошибаться... онъ вѣдь пристрастенъ къ Вольтову. Съѣздимъ какъ-нибудь?

— А дѣти?

— Мы и дѣтей возьмемъ. Кстати, они еще ничего не видѣли, кромѣ Петербурга. Надо же убѣдиться имъ, что на свѣтѣ есть кое-что другое. Вѣдь это часовъ семь ѣзды, не больше.

— Трудно. Но я проѣздилась бы съ удовольствіемъ.

— Отлично. Я выберу денька два и надѣюсь, что Иванъ Семеновичъ меня отпуститъ. А ты приготовься...

— Да, я приготовлюсь!—сказала Вѣра Петровна и по глазамъ ея было видно, что предстоящая поѣздка сулитъ ей удовольствіе.

Въ этотъ вечеръ Владиміръ Николаевичъ рано легъ спать, съ надеждой завтра пораньше начать работу. Онъ давно не испытывалъ такого мирнаго настроенія въ своемъ домѣ, и давно его сонъ не былъ такъ спокоенъ.

На другой день онъ проснулся довольно рано и при этомъ у него было какое-то странное ощущеніе, которое онъ въ первую минуту принялъ за тревогу.

Но, когда онъ сообразилъ всѣ обстоятелсства, то понялъ, что это было особое волненіе, отъ котораго онъ отвыкъ и потому не узналъ его.

Прежде, когда онъ начиналъ какую-нибудь интересовавшую его картину, это ощущеніе нетерпѣнія, желаніе кончить, завершить начатый трудъ, не отступало отъ него въ теченіе многихъ дней, пока картина не была готова.

Еще въ спальнѣ не началось движеніе, когда онъ, пользуясь благопріятнымъ небомъ въ это утро, сталъ у мольберта и началъ работать.

Тихонько, сдержанно вставали дѣти, въ это утро не было обычныхъ шалостей, незамѣтно они пили утренній чай, затѣмъ, одѣвшись, вышли изъ дому и бѣгали на лужайкѣ около дома, гдѣ за ночь нападалъ снѣгъ, отвердѣвшій отъ легкаго перваго мороза.

И только около одиннадцати часовъ въ столовой послышались дѣтскіе голоса, началась возня съ посудой и минутъ черезъ десять его позвали завтракать.

Вѣра Петровна сама вошла въ мастерскую.

— Ну, какъ находишь? подвигается дѣло? — спросилъ Бертышевъ.

— Какъ нельзя лучше!—отвѣтила Вѣра Петровна.—Я пріобрѣла хорошую картину. Она будетъ замѣчена на выставкѣ.

— На выставкѣ? Ты думаешь, что ее слѣдуетъ выставить?

— Еще бы! Если бы ты даже не хотѣлъ. Вѣдь это моя собственность. Ты знаешь, что вчера сказалъ Скорбянскій? Если не испортитъ, то это будетъ козырная вещь на выставкѣ.

— Легко же у васъ достается успѣхъ.

Они пошли завтракать. Владиміръ Николаевичъ торопился, потому что ему надо было ѣхать къ Спонтанѣевымъ. Онъ наскоро перехватилъ кое что и черезъ полчаса уже ѣхалъ.

На улицѣ произошла перемѣна. Не было слышно обычнаго грохота экипажей, извозчики выѣхали въ саняхъ и съ непривычки движеніе на улицахъ производило такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ остерегались кого-то обезпокоить.

Владиміръ Николаевичъ тоже ѣхалъ въ саняхъ, ему попался быстрый извозчикъ.

Онъ немного опоздалъ и засталъ Вѣру Поликарповну одѣтой къ выѣзду. Она была вся въ черномъ, въ каждой мелочи ея туалета проглядывалъ трауръ и это ей не шло. Черный цвѣтъ дѣлалъ ее старше на десять лѣтъ.

— Я не велѣла запрягать лошадей. Надѣюсь, у тебя есть извозчикъ.

— Да, я велѣлъ ему подождать, но боюсь, что ты останешься недовольна. Извозчичьи сани не такъ удобны.

— Еще менѣе удобно, чтобы кучеръ зналъ, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ.

— Ты боишься кучера?

— Не боюсь, а знаю, что всѣ сплетни у насъ идутъ изъ людской.

— Какъ? Развѣ были сплетни?

— Да, кое-что было. Мать намекала мнѣ. А ей намекнулъ одинъ изъ Брухмановъ... помнишь, у которыхъ отецъ хотѣлъ купить лѣсъ, который мы ѣздили осматривать...

— Какое же онъ имѣлъ право дѣлать такіе намеки?

— А видишь ли, у него какіе-то виды на меня. По крайней мѣрѣ, мать что-то очень не ясно сообщала мнѣ, что предстоятъ какія-то перемѣны... какое-то новое родство...

— А, ну, что жъ... Брухманъ завидная партія! Кажется, онъ очень богатъ.

— Завидная, но не для меня... Ѣдемъ. Я тебѣ разскажу свой планъ.

Они, никому не сказавшись, вышли на улицу и сѣли въ извозчичьи сани, которыя Владиміръ Николаевичъ оставилъ для себя, чтобъ ѣхать потомъ въ контору.

Когда онъ вступилъ въ управленіе дѣлами Спонтанѣевыхъ, послѣ смерти Поликарпа Антоновича, ему предложили по обыкновенію экипажъ и лошадей Спонтанѣевскихъ, но онъ отказался, не желая давать ни малѣйшаго повода къ нареканіямъ, къ которымъ была склонность у Дмитрія и Авксентія Спонтанѣевыхъ, и сталъ ѣздить на извозчикахъ.

Кучеру было приказано ѣхать на Невскій, въ одинъ изъ банковъ, гдѣ Вѣра Поликарповна держала свои деньги.

— Слушай, Владиміръ,—промолвила Вѣра Поликарповна,—ты можешь сдѣлать для меня нѣкоторое отступленіе отъ твоихъ строгихъ правилъ?

— Что это значитъ? Какія правила ты имѣешь въ виду?

— Нѣтъ, ты отвѣчай просто, въ принципѣ.

— Но если ты потребуешь, чтобы я для тебя честное сталъ считать подлымъ и наоборотъ... то... то это мнѣ во всякомъ случаѣ не удастся.

— О, нѣтъ, я не такъ требовательна. А вотъ что. Могъ бы ты, если бы я тебя попросила, мѣсяца на два оставить дѣла?

— Но зачѣмъ?

— Зачѣмъ бы то ни было.

— Это очень трудно. Ты знаешь, что я несу огромную отвѣтственность. Дѣло ликвидаціи еще только понемногу организуется. Какъ же я могъ бы это сдѣлать?

— Я говорю: для меня, Владиміръ.

— Погоди. Зачѣмъ такъ неопредѣленно и таинственно ставить вопросъ? Не лучше ли опредѣлить ясно, въ чемъ дѣло?

Вмѣстѣ обсудимъ и рѣшимъ, что можно сдѣлать и чего нельзя. Не такъ ли?

— Занятіе дѣлами сдѣлало тебя до скучнаго точнымъ... прежде ты не былъ такимъ. Ты не оставляешь ни малѣйшаго мѣста для моего... ну, хотя бы для моего каприза...

— Но, однако, нельзя же ставить дѣло такъ, чтобъ на одной чашкѣ вѣсовъ былъ твой капризъ, а на другой такое громадное дѣло, какъ ликвидація цѣлаго милліоннаго предпріятія...

— Ну, хорошо... я объясню тебѣ... только теперь ужъ поздно. Сейчасъ мы пріѣдемъ на Невскій! Твой извозчикъ нестерпимо быстръ!..

И они больше не возобновляли этого разговора. Скоро сани остановились у большого зданія, гдѣ помѣщался банкъ. Они вмѣстѣ поднялись наверхъ и здѣсь не остались въ общемъ помѣщеніи, гдѣ публика совершала свои ежедневныя сдѣлки, а прошли въ отдѣльную комнату для особо чтимыхъ денежныхъ кліентовъ. Вѣра Поликарповна боялась, чтобы кто-нибудь изъ публики не узналъ ея.

Къ удивленію Владиміра Николаевича, она потребовала не семь тысячъ, какъ было нужно для передачи Дмитрію, а ровно пятнадцать.

— Зачѣмъ это тебѣ?—спросилъ онъ.

— Я объясню это потомъ.

Вся эта таинственность удивляла его. Ему пришла мысль, что Вѣра Поликарповна хочетъ истратить остальныя восемь тысячъ на какое-нибудь доброе дѣло, другого объясненія онъ не могъ придумать, такъ какъ дома она рѣшительно ни въ чемъ не нуждалась.

Совершивъ всѣ формальности, они поѣхали обратно.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

Вѣра Поликарповна смѣялась и отдѣлывалась туманными шуточными фразами. Она обѣщала все объяснить дома, когда они будутъ вдвоемъ.

Когда они пріѣхали на Офицерскую, Владиміръ Николаевичъ зашелъ къ Марьѣ Ивановнѣ и попросилъ ее послать за Дмитріемъ.

— Деньги готовы, — сказалъ онъ, — я дождусь его у Вѣры Поликарповны.

Марья Ивановна даже пролила слезы отъ удовольствія и благодарности. Ей, обладательницѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, Владиміръ Николиевичъ казался благодѣтелемъ. Она тотчасъ же послала на Лиговку за сыномъ, а Владиміръ Николаевичъ пошелъ къ Вѣрѣ.

Вѣра Поликарповна ждала его. Повидимому, ей больше, чѣмъ ему, хотѣлось подѣлиться съ нимъ своимъ планомъ.

Она не успѣла переодѣться и была въ томъ же черномъ платьѣ

съ бѣлыми кружевами, игравшими роль траура. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы онъ никогда не видалъ ея въ свѣтломъ, какъ прежде, не смотря на то, что она любила свѣтлые цвѣта.

— Итакъ, твой планъ, или проектъ, или, можетъ быть, даже заговоръ!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, если хочешь, заговоръ... противъ тебя...

— Съ кѣмъ же ты сговорилась? Чтобъ вышелъ заговоръ, надо, чтобъ было, по крайней мѣрѣ, двое.

— Насъ двое, я—и мой эгоизмъ.

— Вѣрный союзникъ; такъ, говори же.

— Ты видишь эти мрачныя одежды?

— Я вижу ихъ уже три мѣсяца.

— И я тоже. Онѣ мнѣ надоѣли страшно. Надоѣли, это ничего, онѣ меня энервируютъ. Я не переношу ничего мрачнаго и печальнаго. Три мѣсяца печали, это слишкомъ много для меня. Ты, можетъ быть, сочтешь это психопатіей, но я говорю тебѣ, что отъ этихъ траурныхъ одеждъ я ощущаю непрестанную лихорадочную дрожь...

— Такъ сними трауръ. Зачѣмъ же ты его носишь, если онъ не соотвѣтствуетъ твоему настроенію?

— О, настроеніе! кому есть дѣло до моего настроенія? Я очень любила отца, потому что онъ былъ ко мнѣ исключительно добръ и мнѣ очень жаль его. Въ первое время я даже тосковала по немъ, мнѣ недоставало его. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я проводила жизнь, какъ монахиня въ кельѣ.

— Проводи ее иначе, проводи, какъ тебѣ нравится.

— Но это невозможно. Общество требуетъ извѣстнаго проявленія печали. Въ теченіе года я должна носить черныя одежды и лишать себя всѣхъ удовольствій. Мнѣ, напримѣръ, нестерпимо хочется съѣздить въ театръ. Въ Михайловскомъ театрѣ идетъ пьеса, которая меня страшно интересуетъ. Въ Александринскомъ начались первыя представленія. Я прежде не пропускала ни одного изъ нихъ. Но если бы я вздумала поѣхать, то, не говоря уже о томъ, что мать была бы прямо оскорблена, на меня всѣ пальцами показывали бы. Притомъ странно ѣхать въ театръ въ траурныхъ одеждахъ.

— Вообще, странно носить траурныя одежды въ то время, какъ самъ всей душой возмущаешься противъ нихъ. Это такое проявленіе рабства передъ взглядами другихъ, какого я менѣе всего ожидалъ въ тебѣ. Помилуй Богъ! Ты всегда и во всемъ была такъ самостоятельна, и вдругъ такое малодушіе...

— Если бы я была одна, если бы у меня не было матери, брата, родственниковъ, знакомыхъ...

— О, милый другъ, согласись, что это смѣшной доводъ. Если

бы ты была одна, тогда не требовалось бы никакого мужества. Да и не много мужества надо для того, чтобы пойти наперекоръ этому чисто языческому, а въ наше время въ большинствѣ случаевъ лицемѣрному обычаю. Мать ты можешь убѣдить въ томъ, что перемѣна цвѣта нисколько не означаетъ перемѣны чувствъ. Наконецъ, она же отлично знаетъ, какъ ты была привязана къ отцу и въ чувствахъ твоихъ не усомнится. Мнѣніе брата ты должна презирать; остальное общество... неужели же ты чувствуешь себя связанной мнѣніями ограниченныхъ людей, привыкшихъ жить шаблонными формами, людей, которымъ въ сущности даже нѣтъ до тебя дѣла? Хрони свою печаль въ душѣ подъ свѣтлыми одеждами и смотри всѣмъ въ глаза гордо и они же передъ тобой преклонятся.

— Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать.

— Словомъ, ты чувствуешь себя недостаточно сильной для этого и пасуешь. Хорошо. Оставимъ это и пойдемъ дальше. Какой же исходъ ты нашла?

— Я поѣду заграницу.

— О, въ самомъ дѣлѣ, какъ это просто! Переѣхать границу для того, чтобы переодѣть платье! Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, я узнаю тебя съ твоимъ умѣньемъ просто рѣшать затрудненія.

— Ты не издѣвайся. Я хотѣла бы, чтобъ и ты поѣхалъ съ нами.

— Съ нами? Кто же съ тобой ѣдетъ?

— Конечно, мать...

— Это уже рѣшено?

— Нѣтъ, я еще объ этомъ не говорила съ ней. Но она не откажется; я буду настойчива, а она не отпуститъ же меня одну.

— Да, и это предусмотрительно. Не хорошо только, что ты будешь таскать старуху по отелямъ въ то время, какъ ей нуженъ покой, и она привыкла къ своему дому.

— Но что жъ дѣлать, если я больше не могу оставаться на этой мертвой точкѣ, безъ движенія, безъ малѣйшаго просвѣта. Владиміръ, перестань, пожалуйста, критически обсуждать мой поступокъ. Мнѣ это надо, понимаешь, я чувствую, что мнѣ надо освѣжиться, и исполни мою просьбу: устрой такъ, чтобы дѣла мѣсяца два могли идти безъ тебя и поѣдемъ съ нами.

— Этого я не могу сдѣлать, Вѣра.

— Почему?

— По многимъ, очень многимъ причинамъ.

— Скажи лучше,—вдругъ вскипѣвъ, промолвила Вѣра Поликарповна,—по одной, которая для тебя важнѣе всего...

— Что ты разумѣешь?

— Ты очень хорошо понимаешь... я не хочу называть...

— Если ты думаешь, что эта причина — моя семья, то не ошибаешься.

Вѣра Поликарповна быстрымъ движеніемъ закрыла уши.

— Я не хочу этого слышать! я больше не хочу этого слышать!

Владиміръ Николаевичъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и ужасомъ.

— Чего жъ ты требуешь отъ меня?

— Не я требую, а наши отношенія этого требуютъ... Такъ не можетъ больше идти. Что я такое въ твоей жизни? Свѣтлый, уютный уголокъ, куда ты можешь придти развлечься и успокоиться отъ твоихъ семейныхъ заботъ и тревогъ? Духовникъ, которому ты можешь повѣрять для собственнаго облегченія нѣкоторыя тайны? Твоя семья, твоя семья... вотъ главное звено твоей жизни. Вотъ около чего вращаются всѣ твои мысли и заботы. . Это, наконецъ, оскорбляетъ меня...

Владиміръ Николаевичъ остановился у стола и застылъ на мѣстѣ, словно вдругъ потерялъ способность къ движенію. Опять на него налетѣлъ цѣлый рой мыслей, сомнѣній и недоумѣній, отъ которыхъ онъ съ такимъ тягостнымъ страданіемъ наконецъ, было, избавился. Опять онъ потерялъ равновѣсіе, котораго такъ долго добивался.

— Вѣра, ты, значитъ, требуешь, чтобъ я покинулъ мою семью?

— Я требую, чтобъ наши отношенія стали ясными, я требую только этого. Эта туманность, эта неопредѣленность, этотъ романтизмъ, все это годилось, пока наши чувства стояли на дѣтской ступени. А теперь это становится смѣшнымъ. Владиміръ, знай, что это не слова, на этотъ разъ это не слова. Я думала, что ты чувствуешь точно такъ же, какъ я... Я думала, что послѣ того... послѣ нашего путешествія, когда ты могъ видѣть, на что я способна, ты больше не станешь колебаться, у тебя больше нѣтъ выбора; но я вижу, что это не такъ. Кажется, никогда прежде ты не стоялъ такъ твердо на этой своей семейной опорѣ. Владиміръ, слышишь ли? это должно такъ или иначе кончиться. Ты поѣдешь со мной?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не поѣду!—съ необыкновенной твердостью отвѣтилъ Бертышевъ.

— Ну, значитъ... значитъ, я поѣду одна... я поѣду съ матерью... а ты... ты распорядись собой, какъ хочешь...

— Что это, ссора? разрывъ?

— Какое слово! Развѣ это имѣетъ какое-нибудь значеніе? Развѣ достаточно произнести слово, чтобъ сейчасъ же оно превратилось въ дѣло? Разрывъ это или нѣтъ, это намъ скажетъ будущее, а теперь я просто уѣзжаю... Если я тебѣ нужна, ты найдешь меня... если ты сможешь обойтись безъ меня, то разрывъ

самъ собой произойдетъ. Это только на сценѣ все происходитъ въ ту минуту, когда это нужно автору. А мы съ тобой, къ сожалѣнію, не авторы, а дѣйствующія лица. Я уѣзжаю послѣ завтра; еще есть два дня, чтобъ подумать...

Она остановилась на порогѣ двери, которая вела въ ея спальню. Можетъ быть, она ждала, что Владиміръ Николаевичъ подойдетъ къ ней и скажетъ, что перерѣшилъ; но онъ не двигался съ мѣста. Съ минуту она стояла, какъ бы выжидая. Потомъ вдругъ скрылась и затворила за собой дверь.

Владиміръ Николаевичъ нѣсколько минутъ стоялъ въ недоумѣніи, чувствуя въ головѣ какое-то отупѣніе, полную неспособность понять столь внезапно осложнившееся положеніе. Потомъ онъ вышелъ и сталъ тихо спускаться по лѣстницѣ. Онъ дошелъ уже до нижней передней, когда вспомнилъ, что долженъ зайти къ Марьѣ Ивановнѣ. Въ это время во дворъ шумно вкатила пролетка, съ нее соскочилъ Дмитрій Спонтанѣевъ и влетѣлъ въ переднюю.

— Меня звали?—громко спросилъ онъ.

— Да... пойдемте къ Марьѣ Ивановнѣ!—глухо отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

Дмитрій почти бѣжалъ по лѣстницѣ. Видно было, что онъ страшно торопился. Владиміръ Николаевичъ пришелъ позже его. Тутъ Дмитрій подъ его диктовку написалъ обязательство и получилъ деньги.

— Значитъ, я теперь вашъ должникъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Такимъ образомъ, я вступаю съ вами въ самыя тѣсныя родственныя отношенія, ибо нѣтъ болѣе близкаго родства, какъ между должникомъ и кредиторомъ! — сказалъ Дмитрій Спонтанѣевъ, разсмѣялся своей остротѣ, спряталъ деньги и, наскоро поцѣловавъ мать въ щеку, умчался.

Владиміръ Николаевичъ поѣхалъ въ контору и тамъ удивилъ Ивана Семеновича своей растерянностью и несообразительностью. Самыя простыя вещи затрудняли его. Наконецъ, онъ бросилъ дѣла, сѣлъ въ сани и велѣлъ кучеру безъ цѣли прокатить его за городъ, гдѣ была чудная снѣжная дорога.

Только къ обѣду онъ вернулся домой.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУШКИНСКІЙ УГОЛОКЪ ЗЕМЛИ.

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Пушкинъ.

Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ.
(«Онѣгинъ») *Пушкинъ.*

I.

26-го мая будущаго 1899 года, послѣдняго въ этомъ столѣтіи, исполнится ровно сто лѣтъ съ того дня, когда, въ послѣднемъ же году прошлаго вѣка, родился Пушкинъ. Уже стали появляться въ газетахъ кое-гдѣ напоминанія о предстоящемъ юбилеѣ, можно сказать, не только Пушкина, но и всей русской литературы. Академія наукъ, какъ слышно, готовитъ къ этому дню какое-то особое изданіе, а Псковское земство даже собирается пріобрѣсти въ собственность отъ сына поэта знаменитое село Михайловское, чтобы устроить тамъ въ память Пушкина какое нибудь народное просвѣтительное учрежденіе, въ видѣ школы и т. п.

А пока «*уголокъ земли*» собирается отпраздновать достойно великій предстоящій праздникъ, захотѣлось мнѣ въ это лѣто съѣздить въ тѣ мѣста, гдѣ покоится прахъ поэта; гдѣ онъ такъ много пережилъ и перечувствовалъ, и гдѣ такъ ярко и пышно разцвѣлъ его геній. Я не буду описывать эти мѣста,—они уже описаны,—ни открывать о Пушкинѣ что́-либо новое:—всѣ близкіе къ нему, здѣшніе, люди давно покоятся въ могилахъ, и только одна почтенная дама, младшая дочь П. А. Осиповой, Екатерина Ивановна Фокъ, помѣщица села Батова, напротивъ Тригорскаго, еще помнитъ Пушкина въ послѣдніе годы его жизни, когда сама была еще дѣвочкой. Мнѣ просто хотѣлось узнать на мѣстѣ, сохраняется ли здѣсь память о поэтѣ; знаетъ ли его грамотный народъ; какъ содержится его могила, наконецъ, вообще, что это за край, который собирается чествовать своего поэта,—словомъ, хотѣлось посмотрѣть, каковъ-то этотъ «*уголокъ земли*» въ настоящее время, наканунѣ пушкинскаго столѣтія.

«*Уголокъ*»—это не только село Михайловское, это небольшая часть Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи, гдѣ, на незначительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, въ гористой, чудной, мѣстности, омываемой живописными рѣками Великой и Соротью и многими озерами, сгруппировалось нѣсколько селеній, тѣсно связанныхъ съ именемъ Пушкина: Святогорскій монастырь въ 55 верстахъ отъ города Острова, съ селомъ Михайловскимъ или Зуевымъ, отстоящимъ отъ него версты на четыре, красивѣйшее мѣстечко Тригорское и рядомъ съ нимъ, на Лысой горѣ, имѣнье Батово, всего въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго—вотъ, такъ сказать, собственно пушкинскій центръ, *уголокъ*, связанный съ именемъ поэта наиболѣе. Но къ «*уголку*» причислили бы мы еще и село *Голубово*, о которомъ рѣчь впереди. Вотъ и весь *уголокъ*, если не считать городовъ: Опочки, Острова, наконецъ, Пскова, гдѣ Пушкинъ бывалъ по дѣламъ.

Утромъ 6 іюля нынѣшняго года выѣхалъ я изъ Валдая, по новой желѣзной Рыбинско-Бологовско-Псковской дорогѣ, на Псковъ.

Въ вагонѣ, противъ меня, помѣстился пресимпатичнѣйшій гимназистикъ одной изъ петербургскихъ гимназій, лѣтъ четырнадцати, какъ я узналъ отъ него, перешедшій однимъ изъ первыхъ изъ третьяго класса въ четвертый. Спрашиваю: знаетъ ли онъ, что въ будущемъ году столѣтіе рожденія Пушкина, и что это такое, напр., за село Михайловское, или Святогорскій монастырь. Оказывается—не знаетъ.—«Неужели васъ такъ и не знакомилъ съ Пушкинымъ учитель?»—Ничего—отвѣчаетъ—не говорилъ: еще не дошли до Пушкина; это въ старшихъ классахъ будетъ.—«Да вы-то сами читали Пушкина?»—Некогда, уроковъ очень много.—«А разбиралъ когда-нибудь въ классѣ учитель стихи Пушкина?»—Нѣтъ.—«Что же онъ у васъ дѣлаетъ?»—Задаетъ уроки, спрашиваетъ, баллы ставитъ.—«Хорошій же, подумалъ я, у нихъ учитель, а еще, по словамъ гимназиста, молодой. Будемъ питать сладкую надежду, авось, хоть ради юбилея, гимназіи озаботятся ознакомить съ Пушкинымъ въ этомъ году своихъ питомцевъ не только одного старшаго возраста, но и младшихъ».

Переночевавъ въ Псковѣ, куда поѣздъ изъ Бологое приходитъ около 11 ч. вечера, въ 8½ часовъ утра отправился я по Варшавской желѣзной дорогѣ въ городъ Островъ, куда и прибылъ около 10 часовъ. Никого въ пушкинскихъ мѣстахъ я не зналъ, точно такъ же, какъ и мѣстности, и потому запасся рекомендательнымъ письмомъ предсѣдателя опочецкой земской управы, П. П. Болычева, къ одному изъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Павлу Ѳедоровичу Карпову, земскому начальнику, выбранному отъ псковскаго дворянства въ коммиссію по чествованію столѣтія Пушкина, проживающему въ 45 верстахъ отъ Острова, въ своемъ имѣніи Вѣче. Къ нему-то прямо и порѣшилъ я отправиться, нарочно, чтобъ ѣхать не торопясь, нанявъ лошадей обывательскихъ, и

поѣхалъ въ городъ на постоялый дворъ на извозчикѣ. Вокзалъ отстоитъ отъ города на три версты, и дорога къ нему довольно-таки убійственная. Хозяинъ постоялаго двора оказался грамотнымъ и почитывающимъ книги и газеты. Онъ сообщилъ мнѣ, что лѣтомъ въ Михайловское и Святогорскій монастырь, на поклоненіе могилѣ Пушкина, ѣздятъ довольно часто; что Пушкина въ городѣ грамотные читаютъ, что у многихъ простыхъ людей есть даже и его сочиненія, и что будущимъ чествованіемъ столѣтія, затѣваемымъ губерніей, и особонно Опочецкимъ уѣздомъ, въ городѣ интересуются. Хозяинъ, кажется, правъ. Въ одной изъ большихъ лавокъ Острова меня прямо-таки спросили, не къ Пушкину ли ѣду, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, разсказали, что въ городѣ Пушкина знаетъ молъ всякій грамотный, и что сочиненія его, по крайней мѣрѣ, между торговымъ людомъ, распространены, а одинъ изъ приказчиковъ, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ здѣшней городской школѣ, оказался даже горячимъ поклонникомъ поэта, знающимъ много его стиховъ наизусть.

Выѣхалъ я въ Вѣче изъ Острова на одной лошади, въ самодѣльной, очень удобной, линейкѣ, около часу дня. Дорога верстъ двадцать идетъ по прекрасному шоссе, отчасти по берегу порожистой рѣки Великой, но потомъ сворачиваетъ въ сторону по проселку, лѣсомъ и полями, засѣянными, большею частью, льномъ. Здѣсь Пушкина тоже знаютъ,—только не Александра Сергѣевича, а его сына, Григорія Александровича, помѣщика въ Михайловскомъ. «Строгій, говорятъ, баринъ». А на счетъ моей поѣздки удивляются: «зачѣмъ это на могилу къ сочинителю ѣду. И не вы, молъ, одинъ, а многіе себя утруждаютъ»...

По дорогѣ мнѣ попадалось много дѣтей. Съ нѣкоторыми я заговаривалъ, иного подсаживалъ къ себѣ на линейку и ѣхалъ по нѣскольку верстъ. Ребята славные, большинство ходитъ въ школу и грамотны; къ школѣ относятся съ любовью, хотя одинъ мальчикъ, учащійся у учительницы, на мой вопросъ, не дерется ли, пренаивно замѣтилъ: «а какъ же—попадаетъ, да не очень». О Пушкинѣ почти никто изъ дѣтей не слыхалъ; одинъ только мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати прекрасно прочиталъ наизусть «*Птичку*», выученную въ школѣ по «Родному Слову». сказавъ, что написалъ стихи сочинитель Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, который похороненъ въ Святыхъ Горахъ. Грамотныхъ и толковыхъ школьниковъ встрѣчалъ я здѣсь много и потомъ. Какъ я узналъ, въ Опочецкомъ уѣздѣ изъ общаго бюджета земства 126.831 р. на образованіе тратится 36.747 р. и на медицину 39.297 р. Всего населенія въ уѣздѣ 133.564 ч. обоего пола, изъ дѣтей школьнаго возраста (къ сожалѣнію, общей цифры узнать мнѣ не удалось) учится въ земскихъ школахъ мальчиковъ 1.727, дѣвочекъ только 289; всего же учатся на счетъ земства 2.016 ч. Въ уѣздѣ три министерскихъ двуклассныхъ школы: въ Святыхъ Горахъ на 250 челов., при трехъ учи-

теляхъ и законоучителѣ; въ Пелянахъ и въ Вельѣ, при двухъ учителяхъ. Всѣ эти школы, какъ и другія, переполнены учащимися, и потребность въ грамотѣ величайшая. Кромѣ этихъ министерскихъ школъ, въ уѣздѣ есть еще 19 нормальныхъ школъ, содержимыхъ земствомъ же, съ трехгодичнымъ курсомъ, имѣющихъ особыя, довольно красивыя, помѣщенія, выстроенныя по одному образцу; есть 24 школы съ двухгодичнымъ курсомъ по 30 человѣкъ въ каждой, нанимающія частныя помѣщенія. Кстати сказать, лѣтъ двадцать назадъ, въ 1877 году, во всемъ уѣздѣ земскихъ школъ не было ни одной, и первая школа явилась только, благодаря бывшему попечителю учебнаго округа, князю Михаилу Сергѣевичу Волконскому, исхлопотавшему пособіе въ 5.000 р., на ея постройку. Насколько случалось мнѣ разспрашивать о школьномъ дѣлѣ въ уѣздѣ, всюду встрѣчалъ я полное сочувствіе народному образованію, къ которому помѣщики и земства относятся съ большимъ вниманіемъ, жалуясь только на крайне ограниченный бюджетъ, далеко не позволяющій удовлетворять все болѣе и болѣе возрастающей въ народѣ потребности учиться.

Около 7 часовъ вочера, 7-го іюля, прибылъ я въ Вѣче, гдѣ и былъ принятъ чрезвычайно радушно его владѣльцемъ, Павломъ Ѳедоровичемъ Карповымъ и его милой семьей. Желаніе мое посѣтить эти мѣста встрѣчено здѣсь какъ нельзя болѣе сочувственно, и Павелъ Ѳедоровичъ любезно предложилъ быть моимъ руководителемъ. «Здѣсь, изъ знавшихъ Пушкина,—сказалъ онъ мнѣ;—остается въ живыхъ только одна послѣдняя изъ обитательницъ Тригорскаго, младшая изъ дочерей Прасковьи Александровны Осиповой отъ второго брака, вдова-помѣщица Екатерина Ивановна Фокъ, живущая въ своемъ имѣніи Батовѣ, на Лысой горѣ, рядомъ съ Тригорскимъ. Она знала Пушкина еще дѣвочкой и любитъ его вспоминать. Больше о немъ могла бы вамъ разсказать старшая ея сестра, Марія Ивановна, но она недавно умерла. Къ Екатеринѣ Ивановнѣ и слѣдовало бы вамъ поѣхать прежде всего, но, къ сожалѣнію, она теперь въ Севастополѣ». Однако, какъ скажу далѣе, мнѣ все-таки удалось ее повидать, а пока пришлось, по совѣту моего любезнаго чичероне, начать знакомства съ «*уголкомъ*» съ *Голубова*, куда мы и поѣхали на другой день вечеромъ.

Голубово — имѣніе бывшаго туркестанскаго генералъ-губернатора, барона Александра Борисовича Вревскаго, въ 25 верстахъ отъ Святогорскаго монастыря, живописно расположенное на холмахъ вблизи погоста. Издавна принадлежало оно богатому, старинному роду бароновъ Вревскихъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка одинъ изъ нихъ, молодой и красивый гусарскій офицеръ, баронъ Борисъ Александровичъ, былъ знакомъ съ извѣстной тригорской помѣщицей Прасковьей Александровной Осиповой, ея сыномъ отъ перваго брака, Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, ея старшими дочерьми, Анной и Евпраксіей

Николаевной, а также и съ Пушкинымъ, проживавшимъ два года (1824—1826) въ Михайловскомъ и по временамъ туда наѣзжавшимъ. Въ одну-то изъ дочерей, извѣстную веселостью и живостью характера, симпатичную красавицу Тригорскаго, Евпраксію Николаевну, большую пріятельницу Пушкина, посвятившаго ей стихотвореніе *Если жизнь тебя обманетъ*, баронъ влюбился. 8-го іюля 1831 года состоялась ихъ свадьба, и молодые (баронъ вышелъ въ отставку) поселились въ Голубовѣ, въ единственномъ старомъ, небольшомъ домикѣ, сохранившемся и обитаемомъ и до сихъ поръ. Узнавъ о помолвкѣ, еще за недѣлю до свадьбы, 29 іюня 1831 года, Пушкинъ писалъ Прасковьѣ Александровнѣ: «*Поздравляю васъ и желаю Евпраксіи Николаевнѣ всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое*». (Соч. Пушкина, изд. Суворина, VIII, 253). Въ слѣдующемъ 1832 г., узнавъ о беременности баронессы первымъ ребенкомъ, онъ заботливо пишетъ: «*Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно, и чтобы здоровье ея поправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошѣетъ; дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровы*» (Ib., 256), а осенью того же 1832 г. онъ уже поздравляетъ Прасковью Александровну съ внукомъ: «*дай Богъ здоровья ему и его матери*» (Ib., 257). Желаніе Пушкина исполнилось: Евпраксія Николаевна, сохранившая, по разсказамъ лицъ ее знавшихъ, до глубокой старости, веселость нрава, привѣтливость и обаятельную симпатичность, при ясномъ умѣ и крѣпкой памяти, имѣла 13 человѣкъ дѣтей, доживъ до 1883 года.

Вотъ, въ эту-то послѣднюю въ пушкинскомъ уголкѣ старинную семью, свято хранящую память о поэтѣ, кромѣ одинокой Екатерины Ивановны Фокъ, сынъ которой только наѣзжаетъ къ ней по временамъ, и повезъ меня прежде всего мой руководитель. Перечислю сначала всѣхъ членовъ этой семьи, радушно меня встрѣтившей и любезно подѣлившейся со мной воспоминаніями. Прежде всего—глава семьи, почтенный, заслуженный генералъ, сынъ Евпраксіи Николаевны; затѣмъ его сынъ, отставной кавалергардъ Павелъ Александровичъ, съ женой Свѣтланой Николаевной; сестра генерала, Софья Борисовна Вревская, нынѣшняя владѣлица Тригорскаго, которое сдано ею въ аренду и гдѣ она сама не живетъ; еще двѣ сестры, Александра и Анна Борисовны и, наконецъ, внучка Евпраксіи Николаевны, дѣвица Наталья Михайловна Петропавловская. Кромѣ этихъ лицъ, по сосѣдству съ Голубовымъ, въ своемъ имѣніи Александровскомъ, въ бывшемъ дворцѣ князя Куракина, живетъ братъ Александра Борисовича, вдовецъ, мѣстный земскій начальникъ, баронъ Степанъ Борисовичъ Вревскій. Въ семьѣ же Александра Борисовича въ этотъ вечеръ 8-го іюля, случайно совпавшій съ памятнымъ днемъ свадьбы Евпраксіи Николаевны, о чемъ тутъ же и вспомнили, видѣлъ я еще и гостью, дочь двоюродной сестры Евпраксіи Ни-

колаевны, Анны Петровны Керн, за которой ухаживалъ Пушкинъ, старушку Екатерину Ермолаевну Шакальскую.

Подъѣзжая къ имѣнію, встрѣтили мы на дорогѣ молодого барона Павла Александровича съ его супругой, которымъ и представилъ меня мой спутникъ, отправившійся со Свѣтланой Николаевной смотрѣть что-то по хозяйству, а я остался съ барономъ, поведшимъ меня осматривать садъ и домъ и сообщившимъ мнѣ кое-что интересное изъ фамильныхъ преданій, подтвержденныхъ потомъ и остальными членами семьи, еще не вернувшимися съ прогулки.

Когда женился покойный Борисъ Николаевичъ, въ 1831 г., имѣніе было заброшено и неустроено. Въ негустомъ, нерасчищенномъ, паркѣ стоялъ всего одинъ небольшой домикъ, куда и переѣхали молодые. Въ этотъ-то домикъ, гдѣ свято сохраняется до сихъ поръ вся старинная обстановка, мебель, портреты Вульфа, самой Евпраксіи Николаевны и др., жила она уже вдовой, и потомъ, почти до самой смерти, почти наканунѣ которой ее, уже умирающую, перенесли въ большой, новый домъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ 1831 г. молодые стали строиться и культивировать паркъ, въ настоящемъ своемъ видѣ необыкновенно красивый, густой, съ чудесными аллеями большихъ деревьевъ, прудками, старинной бесѣдкой и множествомъ цвѣтовъ. Сюда-то, въ эту, тогда еще не культивированную, скромную, обитель влюбленной четы, жившей въ маленькомъ домикѣ, и наѣзжалъ нѣсколько разъ, по семейному преданію, Пушкинъ, какъ одинъ, такъ разъ и съ женой, почти во всякій свой пріѣздъ въ Михайловское, до самого послѣдняго пріѣзда въ 1835 г., что и очень естественно по его особенно дружескимъ отношеніямъ къ Евпраксіи Николаевнѣ, Вульфу и ихъ роднымъ. Все здѣсь живетъ и дышитъ великимъ именемъ. Въ устройствѣ сада и постройкахъ принималъ Пушкинъ, по фамильному преданію, самое горячее участіе: самъ копалъ гряды, разсадилъ множество деревьевъ, что, какъ извѣстно, было его страстью, а на многіе, теперь уже почтенные великаны, и до сихъ поръ указываютъ какъ на посаженные именно имъ (въ большой густой аллеѣ); разсаживалъ онъ и цвѣты, и принималъ даже участіе въ рытьѣ пруда. Такой добровольный трудъ надъ гнѣздышкомъ близкихъ людей, повидимому, давалъ поэту среди любимой природы отрадный отдыхъ отъ треволненій и гнетущей тоски послѣднихъ лѣтъ жизни. И не удивительно: здѣсь, какъ и въ Тригорскомъ, его любили, принимали въ немъ сердечное участіе, а оно было ему такъ необходимо... Не даромъ рвался онъ изъ столичной сутолоки въ тишину сельскаго уединенія; не даромъ еще въ тридцатомъ году пишетъ матери Евпраксіи Николаевны: «*Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы оцѣнить вполнѣ голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ-либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ*», а въ декабрѣ 1835 г. говоритъ прямо: «*По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству* нахожу я въ душѣ моей все такою же, всегда полною и ненарушимою».

(Соч. Пушкина, изд. Суворина, VIII, 262). А если это такъ, въ чемъ, зная всегдашнюю искренность поэта, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то, насколько извѣстна намъ его біографія, послѣ самой хозяйки Тригорскаго, Прасковьи Александровны, Евпраксія Николаевна (Зизи) была едва ли не самая большая любимица Пушкина изъ всѣхъ обитательницъ Тригорскаго. Живая и веселая, подвижная и остроумная, коноводъ всѣхъ игръ и затѣй, съ художественнымъ огонькомъ, она всегда умѣла развеселить, развлечь его и едва ли въ значительной степени не послужила своей личностью, какъ матеріаломъ, для созданія дѣвическихъ типовъ Евгенія Онѣгина. И хотя Пушкинъ и самъ говоритъ, что онъ зналъ ту—

Съ которой обрисованъ
Татьяны милой идеалъ,—

какую-то будто бы одесскую даму; но Анненковъ положительно утверждаетъ, что прототипами для Татьяны и Ольги послужили дочери Осиповой, Анна и Евпраксія, черты характера которыхъ, конечно, претворенныя художественнымъ творчествомъ, несомнѣнно, какъ намъ кажется, вошли въ типы онѣгинскихъ дѣвушекъ. Наконецъ, въ этотъ же вечеръ моего пребыванія въ Голубовѣ, дочь Евпраксіи Николаевны, Софья Борисовна Вревская, говорила мнѣ со словъ матери, что Пушкинъ особенно любилъ читать ей Онѣгина, котораго прочитывалъ по мѣрѣ написанія, и показала мнѣ экземпляръ Онѣгина, изданія 1826 г., съ собственноручнымъ посвященіемъ книги ей, Евпраксіи Николаевнѣ, и—что особенно важно—экземпляръ 1828 г., на обложкѣ котораго, поперекъ внутренней стороны, крупнымъ почеркомъ самимъ Пушкинымъ написано: *Евпраксіи Николаевны Вульфъ*

А. Пушкинъ.

Твоя отъ твоихъ.

22 Февраля
1828 г.

Изъ сада маленькаго домика повелъ меня молодой баронъ въ большой домъ, выходящій широкимъ балкономъ въ садъ, съ чудеснымъ видомъ на паркъ и теряющіяся въ огромномъ пространствѣ дали.

На всей обстановкѣ дома (какъ я слышалъ, многое перевезено изъ Тригорскаго, вѣроятно, по смерти П. А. Осиповой въ 1859 г.) яркій отпечатокъ отжившей старины, свято сохраняюшейся потомками пушкинскаго вѣка. Старинная, немудреная, мебель, на которой сиживалъ Пушкинъ и его близкіе люди изъ «уголковъ родной земли»; по угламъ, въ залѣ, бюсты Пушкина и Дельвига; надъ однимъ изъ диванов старинная, нѣкогда модная, гравюра вѣнскаго конгресса, Въ залѣ и другихъ комнатахъ много интересныхъ портретовъ: самой покойной хозяйки, ея мужа барона Бориса Александровича, А. Н. Вульфа — пріятеля Пушкина, отца Вульфа и друг. Въ кабинетѣ прекрасный бюстъ Императора Николая Павловича, еще молодого. Со многихъ портретовъ,

и стараго, и новаго дома, барономъ Павломъ Александровичемъ Вревскимъ, хорошо рисующимъ, сняты копіи. Вообще, вся эта обстановка, показывающая уваженіе къ родной и исторической старинѣ, трогательное сердечное отношеніе всѣхъ членовъ семьи къ матери и бабушкѣ, къ Пушкину, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Какъ пріятно поражаетъ въ домѣ отсутствіе всякой претензіи на роскошь, и слава Богу, что нѣтъ здѣсь, какъ во многихъ старинныхъ домахъ, никакихъ миѳологій въ видѣ статуй и картинъ, или раритетовъ въ видѣ бронзы рококо и т. под. Ничему этому здѣсь нѣтъ мѣста. Это не опытъ музея изящныхъ искусствъ, — здѣсь музей особаго рода, это, такъ сказать, маленькій музей пушкинской старины, если и не его личной, то близкихъ ему людей...

За ужиномъ, гдѣ собралась вся семья, меня угостили какой-то особой, спеціальной, только здѣсь приготовляемой, по рецепту Прасковьи Николаевны, настойкой, которую, по преданію, пили Пушкинъ, Языковъ, Вульфъ и др. въ Тригорскомъ, а Софья Борисовна показала мнѣ серебряную старинную ложку Евпраксіи Николаевны, съ длинной ручкой, для разливанія жженки, до которой михайловская молодежь была большая охотница и которую мастерски умѣла приготовлять покойная хозяйка.

Но самое интересное, что я не только увидѣлъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ, но даже и получилъ въ дорогую память посѣщенія его въ памятный день свадьбы покойной хозяйки, 8-го іюля, это — списанное для меня тутъ же, рукой внучки Евпраксіи Николаевны, Натальею Михайловною Петропавловскою, кажется, нигдѣ еще ненапечатанное и совершенно мнѣ неизвѣстное стихотвореніе Пушкина, найденное въ альбомѣ покойной Анны Николаевны Вульфъ, сплошь составленномъ изъ стихотвореній Пушкина, но уже напечатанныхъ. Въ этотъ-то альбомъ и былъ вложенъ листочекъ съ этимъ стихотвореніемъ, но безъ подписи Пушкина и безъ даты, когда оно написано. Листокъ этотъ недавно посланъ барономъ П. А. Вревскимъ въ академію наукъ, академику Дубровину. Съ согласія главы семьи барона Александра Борисовича позволяю себѣ подѣлиться съ читателями интересною новинкой:

Отче нашъ.

Я слышалъ—въ келіи простой
Старикъ молитвою чудесной
Молился такъ передо мной:
«Отецъ людей! Отецъ небесный!
«Да Имя Вѣчное Твое
«Святится нашими сердцами!
«Да придетъ царствіе Твое,
«Твоя да будетъ Воля съ нами,
«Какъ въ небесахъ, такъ на земли!
«Насущный хлѣбъ намъ ниспошли

«Твоею щедрою рукою;—
«И какъ прощаемъ мы людей,
«Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
«Прости, Отецъ, Твоихъ дѣтей!
«Не ввергни насъ во искушенье,
«И отъ лукаваго прельщенья
«Избави насъ!»—Передъ крестомъ
Такъ онъ молился, Свѣтъ лампады
Чуть чуть мерцалъ издалека;
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

Утверждать, что это стихотвореніе принадлежитъ непремѣнно Пушкину, я, конечно, не могу; да не утверждаетъ этого и семья Вревскихъ, но читалъ я его Е. И. Фокъ, тоже его не знавшей, и многимъ другимъ, и всѣ говорятъ единогласно, что оно можетъ принадлежать только ему, какъ по поэтической образной силѣ, сжатости и стиху, такъ и по своему характеру, совсѣмъ пушкинскому; а что до сего времени оно извѣстно не было, только случайно найденное недавно,—въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Пушкинъ, какъ и Лермонтовъ, писалъ очень много и въ альбомахъ, и на клочкахъ бумаги, даря свои экспромты тому или другому изъ знакомыхъ или близкихъ, и часто забывалъ о написанномъ. Мы увѣрены, что такихъ сюрпризовъ отыщется еще не мало. Если же стихотвореніе принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ Пушкину, то относится оно, по всей вѣроятности, приблизительно, къ послѣднему періоду его дѣятельности (1834—1836 гг.), когда, особенно съ 1834 г., начинаетъ проявляться въ поэтѣ, подъ вліяніемъ угнетающихъ обстоятельствъ жизни, и всякихъ предчувствій, раздумья надъ прожитой жизнью, настроеніе религіозное. Оно то и вызвало нѣсколько чудныхъ вещей въ этомъ родѣ; напр., *Странникъ* (1834 г.) и въ 1836 г. *Подражаніе итальянскому* (Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ...) и особенно извѣстная *Молитва*—переложеніе молитвы Ефрема Сирина: *Отцы пустынники и дѣвы непорочны*, написанное на дачѣ на Каменномъ островѣ 22 іюня 1836 г. Это же настроеніе легко могло вызвать и *Отче нашъ*, составляющее какъ бы pendant къ предъидущему. Извѣстно также, что Пушкинъ въ послѣдніе годы жизни изучалъ Четьи-Минеи и Прологъ, переложивъ на простой языкъ *Житіе игумена Саввы*, и даже принималъ въ 1835 г. участіе въ составленіи *Словаря о святыхъ Россійской церкви*.

Но прежде, чѣмъ разстанусь съ почтеннымъ семействомъ барона Александра Борисовича, которому, какъ и всѣмъ членамъ семьи, приношу мою глубочайшую признательность за пріемъ и сообщенныя мнѣ свѣдѣнія, не могу не упомянуть объ одной изъ послѣднихъ, остающихся въ живыхъ, современницъ Пушкина, встрѣченной въ томъ же домѣ. Это гостящая у Вревскихъ дочь покойной, нѣкогда красавицы, А. П.

Керн, двоюродной сестры Евпраксіи Николавны Вревской, вдова Екатерина Ермолаевна Шакальская, обыкновенно живущая съ сыномъ въ Петербургѣ. Я увидѣлъ старушку одну въ залѣ, внимательно раскладывавшею граппасьянъ. Небольшого роста, худая, сморщенная, довольно слабая на видъ (она и ушла скоро спать), очень симпатичная и легко оживляющаяся, веселая и разговорчивая, она, когда меня представилъ ей молодой баронъ, сказавшій, зачѣмъ я пріѣхалъ, встрѣтила меня чрезвычайно привѣтливо и сама заговорила о Пушкинѣ, вспоминать котораго ей видимо пріятно. Вся оживилась старушка и, говоря о немъ, все время улыбалась. «Маленькая, батюшка, тогда я была, какъ онъ еще жилъ,—разсказывала она,—очень маленькая, лѣтъ десять, въ тридцатыхъ годахъ было это, что ли? Смолянка я была,—очень это давно. Онъ добрый былъ, Александръ Сергѣевичъ: — въ институтъ ко мнѣ разъ пріѣхалъ. А то разъ и конфектъ прислалъ, два фунта, и съ запиской. До сихъ поръ помню:—«Посылаю, пишетъ, два фунта, потому что вы маленькая, а какъ выростете и сдѣлаетесь такая же хорошенькая, какъ ваша мама, пришлю и четыре». Какъ извѣстно, Пушкинъ не забылъ А. П. Керн и послѣ женитьбы. Въ 1831 г., возвратясь въ Петербургъ, онъ разъискалъ ее, лишившуюся тогда матери и бывшую въ очень затруднительномъ положеніи; утѣшалъ ее и, естественно, принималъ участіе и въ дочери. А. П. Керн въ своихъ запискахъ восхищается имъ, «какъ геніемъ доброты». Не мудрено, что и дочь сохранила о Пушкинѣ самыя теплыя воспоминанія. Было уже холодно, семья барона собиралась ужинать. Старушка устала и поднялась идти къ себѣ въ комнату. «Спасибо вамъ—сердечно сказала она, на прощанье подавъ мнѣ руку: — спасибо, что помните Пушкина. Мало его нынче помнятъ... Хорошій, очень хорошій человѣкъ!..»

II.

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно,
Я приступилъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца.....

Пушкинъ.

На другой день, 9-го іюля, часовъ въ 6 вечера, поѣхалъ я со всѣмъ семействомъ П. Ѳ. Карпова въ Михайловское. Благодаря больше всего неутомимому покойному біографу Пушкина Анненкову (*Мат. для біографіи Пушкина*. Спб. 1873 г., стр. 39—40; 109—164 и его же *Пушкинъ въ Александровскую эпоху*. Спб. 1874, стр. 265—293) и другимъ, довольно многочисленнымъ, мемуарамъ и статьямъ, читателямъ извѣстно,

какую великую роль игралъ этотъ «уголокъ земли» въ жизни Пушкина, и поэтому напомнимъ о значеніи Михайловскаго только въ самыхъ общихъ чертахъ. Сюда, въ это дѣдовское имѣніе, доставшееся матери поэта, уѣзжаетъ Пушкинъ тотчасъ же по выходѣ изъ лицея въ 1817 году и все лѣто проводитъ въ удовольствіяхъ деревенской жизни, на лонѣ любимой природы; сюда пріѣзжаетъ онъ почти каждое лѣто до ссылки на югъ; подъ живыми впечатлѣніями уединенія въ родномъ селѣ пишетъ онъ свое, едва ли не первое по времени, въ смыслѣ глубины и серьезности, стихотвореніе «*Деревня*» (Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ), съ знаменитымъ заключительнымъ воззваніемъ: *Увижу ль я народъ освобожденный и рабство падшее по манію царя?*»; эти мѣста поэтически воспроизводитъ онъ въ стихотвореніи «*Домовому*» (1819 г.): «*Помѣстья мирнаго незримый покровитель, тебя молю, мой добрый домовой, храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой и скромную семьи моей обитель!*» Здѣсь, въ этомъ, такъ сказать, центрѣ всего его творчества, въ періодъ ссылки 1824—1826 г., приводится въ исполненіе многое изъ задуманнаго еще на югѣ, какъ *Цыгане* и *Онѣгинъ*, особенно четвертая глава, такъ тѣсно связанная съ тогдашней жизнью Пушкина. Здѣсь же ставится на твердую ногу самообразованіе поэта и создаются, кромѣ множества лучшихъ лирическихъ шедевровъ, *Борисъ Годуновъ* и *Графъ Нулинъ*. Мало того, едва ли не все лучшее изъ созданнаго Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни, какъ, напримѣръ, *Русалка*, *послѣднія главы Онѣгина*, *Египетскія ночи*, получаетъ свое творческое начало именно здѣсь же, въ эти «*два года, незамѣтныхъ*» за творческимъ трудомъ, самообразованіемъ, напряженной работой мысли и мирными удовольствіями любимой сельской жизни. Сюда же пріѣзжаетъ онъ много разъ и потомъ, проживая здѣсь по мѣсяцамъ и въ 1827, и въ 1828 г.г., и въ 1835 г., когда создаетъ элегію «*Опять на родинѣ*», наконецъ, въ послѣдній разъ въ апрѣлѣ 1836 г., когда онъ пріѣхалъ хоронить мать. Словомъ, это Михайловское связано съ Пушкинымъ самымъ тѣснымъ образомъ. Сюда стремился онъ всю жизнь, уже на закатѣ своихъ дней, мечтая поселиться здѣсь, или вблизи села, купивъ какое-то сельцо Савкино, о чемъ онъ такъ настоятельно проситъ сосѣдку П. А. Осипову. Здѣсь же, наконецъ, въ Михайловскомъ же, мечталъ Пушкинъ построить и храмъ во имя Вознесенія Господня. Родившійся 26 мая, пришедшееся въ день Вознесенія, вѣнчавшійся въ февралѣ 1831 г. въ Москвѣ, тоже въ церкви Стараго Вознесенія, онъ, въ послѣдніе годы жизни особенно наклонный къ суевѣрію, незадолго до своей смерти задумчиво говорилъ одному изъ своихъ друзей о таинственной якобы связи этого праздника со всѣми важнѣйшими событіями его жизни. «*Ты понимаешь*, — говорилъ онъ, — *что все это произошло не даромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая*», и передалъ другу твердое свое намѣреніе выстроить современемъ церковь во имя Вознесенія Гос-

подня именно въ Михайловскомъ. Словомъ,—обратимся ли мы къ сочиненіямъ Пушкина, къ его біографіи, письмамъ — все это, такъ или иначе, прямо или косвенно, по большей части, съ этимъ мѣстечкомъ связывается и Михайловское, для насъ, русскихъ, едва ли имѣетъ еще не большее значеніе, чѣмъ для англичанъ Стрэдфортъ, или для нѣмцевъ Веймаръ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, или Вюртенбергъ, по отношенію къ Гёте и Шиллеру.

Все это припомнилось мнѣ въ этотъ вечеръ 9-го іюля, когда ѣхалъ я «*по границѣ владѣній дѣдовскихъ, гдѣ въ гору поднимается дорога, изрытая дождями*», и я напрасно искалъ глазами традиціонныхъ трехъ сосенъ, «*шорохъ вершинъ которыхъ привѣтствовалъ поэта знакомымъ шумомъ, когда онъ еще юношей проѣзжалъ мимо нихъ изъ Тригорскаго при свѣтѣ лунной ночи*». Не сбылось пророчество Пушкина о томъ, что «*разростутся онѣ нѣкогда въ рощу. которая заслонитъ старую главу ихъ отъ глазъ прохожаго*». Еще въ 1873 году, пишетъ Анненковъ: «одна изъ нихъ была срублена какимъ то старостою и очень просто пошла на мельницу; да той же участи, вѣроятно, скоро подвергнутся и остальныя по приговору какого-нибудь другого старосты. И они правы. Что за надобность беречь имъ предметы, связанные съ литературными и семейными воспоминаніями, когда тѣми же предметами не очень то дорожатъ и люди, заинтересованные въ ихъ сохраненіи по родству и воспитанію» (*Пушкинъ въ Александровскую эпоху*, стр. 279). Анненковъ предсказалъ вѣрно. Еще въ 1883 г., по словамъ Л. Поливанова, «сохранилась одна сосна, но уже лишенная зелени. Огромнымъ темнымъ остовомъ, раскинувъ голые сучья, стоитъ она». А теперь, въ 1898 г., нѣтъ уже и ея. Вправо отъ дороги, поднимаясь въ село отъ Тригорскаго, все пусто и голо, только кто-то посадилъ здѣсь двѣ новыя, молодыя, сосенки, обнесенныя жердями, но принимаются онѣ плохо. За то, по странной игрѣ природы, какъ разъ напротивъ, только съ лѣвой стороны, высоко разрослись *тоже три* новыхъ большихъ сосны, и *тоже* именно «*одна поодаль, двѣ другія другъ къ дружкѣ близко*»; но стоятъ онѣ не въ разбросъ, а чинно, рядышкомъ, на самомъ краю дороги.

Въ самомъ Михайловскомъ не видѣлъ я буквально ничего, сохраняющаго память о Пушкинѣ, кромѣ природы и общаго красиваго вида на озера съ террасы большого барскаго дома, гдѣ живетъ уже много лѣтъ и понынѣ сынъ поэта, отставной генералъ Григорій Александровичъ Пушкинъ. Все здѣсь перестроено еще въ шестидесятыхъ годахъ. Не сохранился даже и «*опальный домикъ, гдѣ жилъ поэтъ со своей бѣдной няней*». По телеграммѣ Григорія Александровича, присланной изъ Вильны 3-го іюля сего года въ Святыя Горы, на имя извѣстнаго нашего художника, академика Василія Максимовича Максимова, въ настоящее время рисующаго видъ «*уголка*» и спрашивавшаго у отсутствовавшаго владѣльца позволенія осмотрѣть домъ и проч.,—телеграммѣ,

приводимой мной буквально, значится слѣдующее: «*единственная постройка, сохранившаяся со временъ отца въ Михайловскомъ,—флигель, который предоставляю осмотрѣть; остальныя постройки возведены мною и лишены историческаго интереса. Пушкинъ*». Этотъ флигель мы посѣтили; въ немъ, говорятъ, жила одно время няня; въ настоящее время перестраивается зачѣмъ-то и онъ. За отсутствіемъ владѣльца, не удалось осмотрѣть внутри и домъ, въ разсчетѣ найти, можетъ быть, хоть что-нибудь изъ вещей Пушкина; но позволенія на это мы не имѣли, а управляющій впустить кого бы то ни было безъ особаго разрѣшенія не уполномоченъ. Впрочемъ, кажется, потерялъ я немного, такъ какъ изъ вещей Пушкина и библіотеки не сохранилось, говорятъ, у сына ничего. По крайней мѣрѣ, въ извѣстной книгѣ К. Случевскаго *По сѣверу Россіи. Путешествіе Великаго Князя Владиміра Александровича въ 1884—85 годахъ, изд. 1896 г. т. I* на 120 стран. говорится, что единственныя, сохранившіяся отъ Пушкина вещи, видѣнныя Великимъ Княземъ, ночевавшимъ у Григорія Александровича: «кресло, ятаганъ, подаренный Пушкину гр. Паскевичемъ на Кавказѣ, и четыре биллiардные шара». Ради этого добиваться осматривать домъ, конечно, не стоило. Въ заключеніе своей, признаться-таки, краткой и довольно печальной, лѣтописи моего посѣщенія Михайловскаго, позволю себѣ привести характерный отрывокъ изъ статьи подъ псевдонимомъ W. «*Неопубликованные три документа, относящіеся къ перевозу тѣла А. С. Пушкина въ Святогорскій монастырь*», помѣщенной въ газетѣ *Псковскій городской листокъ* (№ 72, воскресенье, 22 сентября 1896 г.). Авторъ сопутствовалъ одному высокопоставленному лицу, вознамѣрившемуся проѣздомъ поклониться могилѣ поэта и посѣтить Михайловское (какъ мнѣ говорили, это лицо — государственный контролеръ Т. И. Филипповъ). «По прибытіи въ сельцо, домъ оказался запертымъ на замокъ, по случаю отсутствія владѣльца имѣнія, роднаго сына поэта, Григорія Александровича Пушкина, проживающаго въ городѣ Вильнѣ. Когда же былъ приглашенъ управляющій имѣніемъ, то, на просьбу показать внутренность дома, отвѣчалъ, что у него ключей отъ дома нѣтъ; что владѣлецъ весьма недоволенъ, когда домъ осматриваютъ въ его отсутствіе, почему ключи увозитъ съ собой». «Сначала—добавилъ управляющій—на время отъѣзда Григорій Александровича ключи оставались у меня, но когда онъ узналъ, что я позволялъ посѣтителямъ ходить по дому, то онъ высказалъ мнѣ особенное неудовольствіе, и съ того времени ключи отъ дома беретъ всегда съ собой на всякую свою отлучку изъ села. Высокій посѣтитель ограничился только тѣмъ, что сорвалъ нѣсколько цвѣтковъ, выросшихъ около дома. Нужны ли комментаріи къ этому?»—знаменательно заключаетъ авторъ статейки.

Этимъ отзывомъ другого посѣтителя священнаго для насъ, русскихъ, «уголка» и заключаю замѣтку о кратковременномъ моемъ посѣщеніи

Михайловскаго, откуда уѣхалъ я съ самымъ тяжелымъ чувствомъ какой-то острой неловкости, полученнымъ отъ поразительнаго равнодушія къ дорогой памяти величайшаго русскаго поэта и собственнаго родного отца.

III.

Два чувства дивно близки къ намъ,
Въ нихъ сердце обрѣтаетъ пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
(*Изъ набросковъ Пушкина*).

Чудной лѣсной дорогой, въ видѣ длинной аллеи изъ высокихъ деревъ, засаженныхъ, какъ говорятъ, Пушкинымъ, поѣхали мы изъ Михайловскаго въ Святогорскій монастырь. Изъ лѣсу выѣхали мы скоро въ открытое поле и со всѣхъ сторонъ открылись передъ нами, въ мягкомъ, ласкающемъ глазъ, вечернемъ освѣщеніи, необъятныя, холмистыя, дали, на которыя, какъ на Днѣпръ Гоголя, глядишь, и не наглядишься, и не налюбуешься. Издали доносился изъ монастыря всенощный звонъ, но самого монастыря еще не видно: онъ пока еще прячется на горѣ за густой зеленью. Но, вотъ, наконецъ, показались изъ-за лѣсу скромная колокольня и голубой куполъ, и по довольно отлогой горѣ въѣхали мы черезъ ворота на четырехугольный небольшой монастырскій дворъ. У самыхъ воротъ—особый, довольно большой флигель, для церковно-приходской школы; далѣе кельи, службы и двухъэтажный флигель, гдѣ живетъ игуменъ, отецъ Іоаннъ, управляющій монастыремъ уже года четыре. Но его не оказалось дома, и мы, по оригинальной, очень старинной, идущей вверхъ извивами, лѣстницѣ, сложенной изъ крупныхъ, поросшихъ травой, камней, поднялись на довольно высокую гору, гдѣ и расположено небольшое кладбище и церковь. Тотчасъ же, вправо отъ лѣстницы, первая могила съ небольшимъ мраморнымъ памятникомъ, съ образомъ Воскресенія Христова и надписью: «*Здѣсь покоится тѣло незабвеннаго строителя Святогорскаго монастыря архимандрита Геннадія*»: ни года рожденія, ни смерти — нѣтъ. При этомъ настоятелѣ былъ обнесенъ монастырь крѣпкой оградой; славился архимандритъ святой жизнью и умеръ въ сороковыхъ годахъ болѣе чѣмъ столѣтнимъ старцемъ. Онъ-то и напутствовалъ въ могилу тѣло поэта въ утро его погребенія 6-го февраля 1837 года.

Рядомъ съ Геннадіемъ, прямо противъ алтаря, у церкви, надъ обрывомъ осыпающейся горы—могила Пушкина. Еще въ 1872 г. надъ ней былъ только черный простой крестъ съ лаконическою надписью «*Пушкинъ*», весь заросшій травой и покосившійся. Теперешній памятникъ—небольшой простенькій бѣлый обелискъ, вывѣтрившійся и тоже покосившійся отъ времени, съ кирпичнымъ, поростающимъ травой, подножіемъ,

окруженный простой желѣзной рѣшеткой, съ надписью: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, род. 26 мая 1799 г., скончался 29 января 1837 г.*. Поставленъ онъ, кажется, въ восьмидесятыхъ годахъ, а можетъ быть, и въ 1880 г., ко времени постановки памятника поэту въ Москвѣ. Ничья заботливая рука, какъ видно, не прикасается къ памятнику. Обелискъ поростаетъ травой, грязенъ и испещренъ надписями посѣтителей, которые даже отмѣтили на памятникѣ свои имена. Впрочемъ, часть надписей на-днихъ смыта по просьбѣ художника В. М. Максимова. Онъ пріѣхалъ сюда съ студентомъ-сыномъ фотографировать и снимать виды *«Пушкинскаго уголка»*, и мы встрѣтили его тутъ же, у могилы, за рисункомъ съ нея. Нѣсколько дней назадъ посѣтили также могилу: академикъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ и попечитель харьковскаго учебнаго округа Ив. Ив. Хрущовъ, и возложили на обелискъ лавровый металлическій вѣнокъ съ надписью: *«Отъ Леонида Майкова и Ивана Хрущова»*.

Рядомъ съ могилой поэта, слѣва, ветхая плита съ почти стершеюся надписью надъ могилой дѣда Пушкина, Осипа Абрамовича Ганибалла. Ни матери, ни отца Пушкина могилъ не сохранилось. Рядомъ съ Ганибалломъ маленькій новый каменный крестикъ съ надписью: *Нюня*— умерла 8 іюля 1889 г., а за «Нюней», у самаго уже обрыва, древняя, совсѣмъ покосившаяся, плита надъ бабушкой Пушкина, Марьей Алексѣевной. Кстати сказать, что, по словамъ игумена и многихъ другихъ лицъ, постоянное, хотя и медленное, осыпаніе Святой горы замѣчается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и если не будутъ во-время приняты мѣры къ укрѣпленію горы, то неминуемое разрушеніе грозитъ не только могилѣ поэта и его родныхъ, но и самому собору.

Разыскивали мы и могилу няни Пушкина, къ которой, еще въ 30-хъ годахъ, обращался поэтъ Языковъ съ трогательными стихами:

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
Твой прахъ улегся изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ, печальной головою
Склонюся, много вспомню я—
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

Но могилы старушки указать намъ не могли: говорятъ, схоронена гдѣ-то на другомъ, приходскомъ, кладбищѣ, около монастыря.

Отслуживъ на могилѣ Пушкина панихиду, мы вышли изъ монастыря черезъ другія, большія, святыя, ворота въ монастырскую слободу Тоболинецъ, гдѣ, замѣтимъ между прочимъ, есть почтовая станція и гдѣ можно, недорого и довольно удобно, остановиться. Тоболинецъ—мѣстечко интересное, и о немъ сказать нѣсколько словъ стоитъ. Густо населенное, относительно достаточное, благодаря двумъ ежегоднымъ ярмаркамъ; почти поголовно грамотное, съ большой двухклассной школой на

250 человѣкъ при трехъ учителяхъ, мѣстечко, какъ разсказываютъ, своею нѣкоторою культурностью много обязано, между прочимъ, нѣкоему мѣстному дѣятелю, о которомъ и до сихъ поръ живетъ въ народѣ благодарная память, Александру Иродіоновичу Раевскому. Сначала псаломщикъ, потомъ діаконъ единственной мѣстной приходской церкви, онъ, еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ, завелъ здѣсь свою безплатную школу на 30-ть дѣтей, и повелъ дѣло такъ успѣшно, что въ сороковыхъ годахъ обратило на него вниманіе министерство государственныхъ имуществъ и основало здѣсь свою школу, куда и пригласило его учителемъ. Съ открытіемъ въ 1866 г. земствъ, первое опочецкое земское собраніе торжественно привѣтствовало старика, перваго безкорыстнаго здѣсь просвѣтителя народа, адресомъ, послѣ чего онъ продолжалъ еще учить дѣтей до самой своей смерти уже въ семидесятыхъ годахъ, неся учительскій трудъ болѣе пятидесяти лѣтъ.

Въ этомъ-то Тоболинцѣ, по иниціативѣ самихъ крестьянъ и подъ руководствомъ мѣстнаго земскаго начальника съ 1891 г. Павла Ѳедоровича Карпова, въ послѣдніе годы возникло своеобразное учрежденіе—*Богадѣльня и читальня имени А. С. Пушкина*, удачно названная въ 1896 г. «Новымъ Временемъ» (см. Приложеніе къ «Нов. Вр.» 1896 г. № 7234) «*Крестьянскимъ памятникомъ на могилѣ А. С. Пушкина*». Исторія этого любопытнаго учрежденія такая. Еще въ 1893 г. разрѣшено было крестьянамъ давать позволеніе на открытіе кабаковъ въ предѣлахъ земель всего тоболинецкаго общества Вороненской волости, Опочецкаго уѣзда. Сначала цѣлый годъ крестьяне открывать кабаковъ у себя не разрѣшали; но, наконецъ, порѣшили—кабакъ открыть, за который и получили до 3.000 руб. Эти-то деньги, за вычетомъ повинностей, и порѣшено было крестьянами употребить на открытіе богадѣльни и читальни, а также отдѣлить часть и въ пользу пожарнаго общества. На содержаніе собственно богадѣльни волостной сходъ ассигновалъ ежегодно по 217 руб., уже изъ своихъ личныхъ средствъ, что и занесено въ мірскую раскладку. На содержаніе читальни тоболинское общество опредѣлило ежегодно по 100 руб.; опочецкое земство дало единовременно 100 руб., прислалъ 100 руб. отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, книги прислалъ московскій комитетъ грамотности и др., словомъ, дѣло закипѣло, и къ 1895 г. былъ выстроенъ особый домъ и открыта богадѣльня, а въ іюлѣ 1896 г. и читальня. 31-го декабря 1895 г. состоялся приговоръ крестьянъ, который и привожу полностью:

«1895 года декабря 31-го дня, мы нижеподписавшіеся крестьяне-домохозяева тоболинскаго общества Вороненской волости, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, собравшись на нашъ сельскій сходъ въ полномъ и законномъ составѣ, въ присутствіи мѣстнаго старосты, имѣли сужденіе о томъ, что въ Святогорскомъ монастырѣ, расположенномъ среди земли нашего сельскаго общества, погребенъ нашъ

мѣстный помѣщикъ А. С. Пушкинъ, извѣстный всей Россіи поэтъ. Люди со всѣхъ концовъ Россіи пріѣзжаютъ почтить память великаго поэта и со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы, что на мѣстѣ погребенія память Пушкина мало чтима и недостаточно увѣковѣчена, такъ какъ, кромѣ скромнаго семейнаго памятника на могилѣ его въ Святыхъ Горахъ, ни въ селѣ Михайловскомъ, родовомъ имѣніи Пушкина, расположенномъ въ 4-хъ верстахъ отъ Святыхъ Горъ, нѣтъ ничего, что напоминало бы о великомъ имени, поэтому домохозяева постановили: выстроенное въ 1895 году на наши средства и на нашей землѣ, около могилы Александра Сергѣевича Пушкина, двухъэтажное полукаменное зданіе, предназначенное нами для пріюта на 30 человѣкъ нашихъ престарѣлыхъ односельчанъ, и частью для общественной народной читальни, назвать *Пушкинскими* для увѣковѣченія памяти высочтимаго нами человѣка, о чемъ и просить Высочайшаго разрѣшенія, а въ виду того, что нашихъ мѣстныхъ средствъ недостаточно, для содержанія вышеозначенныхъ учрежденій въ надлежащемъ видѣ достойномъ памяти носимаго ими имени, мы постановили просить Высочайшаго разрѣшенія на сборъ пожертвованій для образованія капитала, процентами съ котораго вышеозначенныя учрежденія (пріютъ и читальня), а *также памятник поэта*, содержались бы въ надлежащемъ видѣ» *).

Богадѣльня съ читальней—почти у самаго монастыря, тотчасъ же направо, по выходѣ изъ св. воротъ. Это—очень красивое, полукаменное, зданіе съ маленькимъ голубымъ куполкомъ и крестомъ на крышѣ надъ маленькой молельной съ образомъ и неугасимой лампадой; посрединѣ широкое крыльцо. Налѣво вверху и въ нижнемъ, подвальномъ, этажѣ, богадѣльня съ 24 призрѣваемыми (четверо мужчинъ, девятнадцать старухъ и одна слабоумная дѣвочка-сиротка). Богадѣльней завѣдуетъ *безплатно* мѣстный крестьянинъ и церковный староста Иванъ Ивановичъ Бахусовъ. Направо — читальня. Это большая свѣтлая комната сажени въ 4 въ длину, около 3-хъ въ ширину и 4½ аршина высоты. Посрединѣ большой столъ и висячая яркая большая лампа. По стѣнамъ два шкапа, большой и малый, для книгъ, портреты Государя, Государыни, Императора Александра II-го и бюстъ Пушкина. Тутъ же, временно, помѣщенъ и большой органъ, купленный всего за 250 руб. для предполагаемой къ открытію большой чайной. По праздникамъ его иногда заводятъ, и доставляетъ онъ народу великое удовольствіе. Завѣдуетъ читальней, *также безплатно*, вполнѣ грамотный мѣстный крестьянинъ, всѣми уважаемый Александръ Ивановичъ Харинскій. Онъ и ведетъ всю переписку, вѣдаетъ выписку журналовъ и газетъ и даетъ отчеты инспектору народныхъ училищъ. Кромѣ того, ежедневно, по

*) Съ удовольствіемъ прочелъ я въ № 197 «Новостей» отъ 20-го іюля сего года, что Всемилостивѣйшее соизволеніе на открытіе сбора пожертвованій по всей имперіи на образованіе капитала съ означенной цѣлью содержанія богадѣльни, читальни и памятника воспослѣдовало 9-го іюля сего года. *В. О.*

буднямъ и праздникамъ, круглый годъ, ведутся очередныя дежурства изъ грамотной мѣстной тоболинской молодежи. Къ 15 сентября 1897 г. всѣхъ книгъ состояло до 600 и, кромѣ того, еще до 600 брошюръ. Есть полныя собранія почти всѣхъ разрѣшенныхъ русскихъ писателей: Пушкинъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ; получается «Нива», «Всемірная Иллюстрація», «Паломникъ», «Странникъ». Духовныя чтенія точно такъ же, какъ и иллюстрированныя изданія, особенно любимы. Есть книги и сельскохозяйственныя, которыя тоже читаются. Записи книгъ и читающихъ лицъ ведутся точно. Народъ видимо любитъ свою читальню и читаетъ охотно (особенно школьники). Лѣтомъ, конечно, народу бываетъ мало; но по зимамъ и въ посту часто не хватаетъ мѣста. Ходятъ и безграмотные смотрѣть картинки: имъ нерѣдко читаютъ и мѣстные грамотѣи изъ крестьянъ, и помѣщики, тоже берущіе отсюда книги, земскій начальникъ и другія лица. Вообще, впечатлѣніе отъ читальни самое отрадное. Она, такъ сказать, главный просвѣтительный центръ, прилегающій къ мѣсту вѣчнаго успокоенія поэта, освятившаго читальню своимъ именемъ, и надо надѣяться, что наступленіе въ будущемъ году столѣтія рожденія Пушкина вызоветъ съ разныхъ мѣстъ Россіи пожертвованія какъ книгами, такъ и деньгами для поддержанія и дальнѣйшаго развитія этихъ симпатичнѣйшихъ, чисто народныхъ, учрежденій.

Осмотромъ читальни, куда пришелъ познакомиться со мной и возвратившійся въ монастырь игуменъ, отецъ Іоаннъ, и закончился второй мой пушкинскій день. Но мнѣ захотѣлось ознакомиться съ монастыремъ и мѣстными преданіями поподробнѣе, и я рѣшился остаться въ слободѣ, у художника В. М. Максимова, чтобъ завтра побесѣдовать съ отцомъ игуменомъ, а затѣмъ ѣхать вмѣстѣ съ художникомъ въ Тригорское.

На другой день, 10-го іюля, утромъ, еще разъ поклонившись могилѣ Пушкина, я воспользовался приглашеніемъ отца игумена, и вотъ что узналъ отъ него о монастырѣ.

Къ сожалѣнію, монастырь—усыпальница поэта, до сихъ поръ даже въ своей школѣ не имѣетъ ни портрета, ни бюста, ни его сочиненій въ библіотекѣ. Только въ гостиной игумена, на стѣнѣ, виситъ широкая лента съ надписью сверху: *26 мая 1880 г.*, а на самой лентѣ стихи:

Поникла тихо безъ отвѣта
Лавръ гордо несшая глава,—
Но живъ въ Россіи духъ поэта,
И пѣсня дивная жива.

Надъ лентой—фотографія могилы и видъ монастыря. Лента была прислана кѣмъ-то изъ Москвы, еще при предшественникѣ игумена, ко дню открытія памятника Пушкина.

Хотѣлось мнѣ узнать что-нибудь относительно основанія монастыря, его исторіи и святынь; но, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ нѣтъ о монастырѣ ни книги, ни брошюры. Скудный матеріалъ, изъ котораго кое-что я узналъ,—это уцѣлѣвшій въ монастырѣ единственный старый

экземпляръ крошечной, всего въ 9 страничекъ, брошюрки, напечатанной еще 77 лѣтъ назадъ, въ 1821 году, въ Дерптѣ: *Описаніе Святогорскаго Успенскаго монастыря*. Монастырь воздвигнутъ въ XVI вѣкѣ, на самомъ высокомъ изъ святогорскихъ холмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Синичьей горы. Въ 1563 г., въ царствованіе Іоанна Грознаго, «пятнадцатилѣтній юродивый пастухъ Тимоѳей, пася скотъ при близлежащей рѣчкѣ Лугвицѣ, видѣлъ въ воздухѣ, а потомъ на горѣ, Богородичную икону *Умиленіе*, находившуюся по близости, въ мѣстной Вороничской приходской церкви, и слышалъ гласъ, что чрезъ шесть лѣтъ потомъ просіяетъ на сей горѣ благодать Божія. Но тогда онъ никому не объявилъ о семъ. По прошествіи уреченнаго времени, паки пришедши на сію гору, нашелъ тамъ, при соснѣ стоящую, другую Богородичную икону *Одигитріи*. Онъ сдѣлалъ близь ея кущу и пещеру и проводилъ тамъ въ моленіи 40 дней, послѣ коихъ гласъ, отъ иконы происшедшій, повелѣлъ ему объявить о томъ въ пригородѣ Вороничѣ, дабы священство и народъ пришли въ пятокъ, по недѣлѣ всѣхъ святыхъ, съ иконой Умиленія Божія Матере изъ Воронича на Синичью гору. При учрежденномъ для сего крестномъ ходѣ, когда икона донесена была до рѣки Луговицы, гдѣ первое видѣніе было пастуху, начались исцѣленія болящимъ и продолжались до Синичьей горы и тамъ на мѣстѣ. О всѣхъ сихъ происшествіяхъ псковскій царскій намѣстникъ, князь Георгій Токмаковъ, сперва самъ изслѣдовалъ, потомъ немедленно донесъ Государю, отъ котораго также присланы были слѣдователи, и, по несомнѣнному осмотру и удостовѣренію объ исцѣленныхъ, повелѣно было на сей горѣ, съ тѣхъ поръ прозванной *Святою*, поставить часовню для прихода и впредь туда съ св. иконами изъ Воронича. Въ слѣдующую осень, по благочестію и усердію народа, произведенъ туда и паки крестный ходъ съ иконами на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Но, по совершеніи праздника, въ ту же ночь, нечаянно загорѣлась часовня, и пламень истребилъ все въ ней бывшее, кромѣ чудотворныхъ иконъ Умиленія и Одигитріи, оставшихся невредимыми. По новомъ изслѣдованіи, донесено и о семъ Царю, который повелѣлъ на семъ мѣстѣ устроить уже монастырь и на Святой горѣ воздвигнуть каменную церковь во имя Успенія Богородицы такъ, чтобы алтарь занималъ то самое мѣсто, гдѣ при соснѣ было явленіе иконы Одигитріи; а икону Умиленія поставить въ той самой церкви. Такимъ образомъ, основаніе церкви на Святой горѣ и основаніе монастырю при подошвѣ ея съ южной стороны положено было съ 1569 года, а описаніе нѣсколькихъ чудесъ отъ сихъ иконъ собрано въ лѣтописи сего монастыря. Въ память оныхъ, отъ самаго начала обители, установлено ежегодное празднованіе святымъ чудотворнымъ иконамъ Богородичнымъ, Умиленія, въ девятую пятницу по Пасцѣ; а Одигитріи, въ день Покрова Богородицы, и съ тѣхъ поръ до нынѣ дни сіи при стеченіи народа сдѣлались многолюднѣйшими торговыми ярмарками при монастырѣ».

Нѣкогда монастырь былъ богатъ, и даже, по словамъ брошюры, «пожертвовалъ въ 1812 г. въ войну съ Наполеономъ отечеству довольно значительнымъ подаяніемъ денегъ и вещей золотыхъ и серебряныхъ»; въ настоящее же время положеніе его по истинѣ жалкое. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, но изъ богатаго, лѣтъ за восемьдесять, монастырь постепенно пришелъ въ полное оскудѣніе. Почтенный отецъ игуменъ Іоаннъ, вступивъ въ управленіе обителью въ 1895 г., засталъ все здѣсь пришедшимъ въ ветхость и запустѣніе. Пришлось перелить четыре колокола; въ январѣ 1897 г. снесло вѣтромъ куполъ древняго храма, и нужно было поставить новый куполъ и шпиль; игуменомъ же построена лавочка для иконъ, поправлена разрушавшаяся ограда и крыша на храмѣ, черезъ которую заливало дождемъ алтарь. Все это ввело монастырь въ долгъ, и его остается и до сихъ поръ до 2.000 р. А между тѣмъ, нуждъ множество: ворота гнилы, и нѣтъ средствъ ихъ поправить; гора осыпается и грозитъ разрушеніемъ не только памятнику, но и самой церкви; нѣтъ даже и гостинницы, гдѣ бы, по монастырскому обычаю, могли остановиться пріѣзжающіе, а пріѣзжаетъ посѣтителей, особенно лѣтомъ, не мало. Населеніе монастыря—12 монаховъ (съ игуменомъ), 25 послушниковъ, да человѣкъ 5 рабочихъ, всего человѣкъ до 45. Кромѣ того, въ церковно-приходской монастырской школѣ, открытой въ 1885 г. въ память посѣщенія монастыря въ 1884 г. великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, обучается на полномъ содержаніи до 40 мальчиковъ при учителѣ, получающемъ на всемъ готовомъ 22 р. въ мѣсяцъ и законоучителѣ изъ приходской церкви получающемъ по 5 р. Школа ведется хорошо, но не на что завести ни порядочной библіотеки, ни ввести ремесла, что необходимо крайне.

Вотъ хозяйственная часть монастыря. Всего земли у него 28 десятинъ, обрабатываемыхъ крестьянами изъ половины; но хлѣба хватаетъ едва на два мѣсяца, и приходится прикупать. Изъ лѣса можно вырубать дровъ только до 5 саженъ, а ихъ нужно *триста*. Нѣтъ и рыбной ловли; очень скудное и молочное хозяйство—всего шестнадцать коровъ; лошадей же только три при двухъ жалкихъ экипажахъ: возокъ да дрожки. Правда, монастырь получаетъ еще за двѣ ярмарки, до 800 р. доходу; но ежегодно приходится платить налогъ земству, который все увеличивается,—такъ что въ 1897 г. монастырь платилъ всего 282 р. а въ нынѣшнемъ, 1898 г., уже 368 р.

Таково жалкое матеріальное положеніе пушкинской усыпальницы, о которомъ съ великимъ сокрушеніемъ говорилъ мнѣ игуменъ. Но онъ не теряетъ надежды, что, можетъ быть, хотя близкое наступленіе столѣтія рожденія поэта и предполагаемое здѣсь, по этому случаю, торжество обратитъ вниманіе жертвователей на эту древнюю, высокочтимую народомъ, обитель въ Святыхъ Горахъ, которую необходимо какъ можно скорѣе облагообразить и обезопасить отъ грозящаго ей разрушенія отъ осыпки горы.

Разспрашивалъ я у игумена, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о настоятелѣ Іонѣ, назидавшемъ Пушкина въ 1824—1826 гг.; не слыхалъ ли разсказовъ о самомъ поэтѣ, или его похоронахъ; но узналъ я очень мало. Преданій здѣсь не сохранилось почти никакихъ, а старики всѣ попримерли. Единственно остается еще въ живыхъ въ слободѣ Тоболинецъ 81-лѣтній старикъ Иванъ Ивановичъ Лощóникъ, бывшій монастырскій служка. Его я видѣлъ самъ у художника В. М. Максимова, снявшаго съ него фотографію. Этотъ древній старецъ однако помнитъ только одно, что Пушкинъ былъ баринъ очень добрый, страстно любилъ охотиться, и что, когда онъ умеръ, всѣ его жалѣли. Лощóникъ былъ пѣвчимъ и пѣлъ при погребеніи поэта утромъ 6 февраля 1837 года.

Впрочемъ, все-таки кое-что я узналъ. Отецъ игуменъ отзывался о настоятелѣ Іонѣ съ самой лучшей стороны и увѣрялъ меня, будто отношенія къ нему Пушкина были самыя сердечныя. Пушкинъ ходилъ къ нему каждую субботу, и Іона нерѣдко бывалъ самъ у поэта въ гостяхъ въ Михайловскомъ.

Но за что я особенно признателенъ игумену, — эта за два любопытныхъ №№ «Псковскаго Городского Листка» 1896 г. (№№ 72 и 99), гдѣ напечатаны неопубликованные документы о перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь, извлеченные изъ архива монастыря. Оказывается, перевезеніе тѣла было окружено канцелярской тайной, такъ какъ этому перевезенію великаго поэта въ имъ же самимъ при жизни выбранное мѣсто для вѣчнаго упокоенія, былъ приданъ характеръ чуть не политическаго событія. Такъ, отъ 1 февраля 1837 г. за № 389, идетъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Блудова, предложеніе псковскому губернатору, дабы «въ случаѣ буде тѣло камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина еще не предано землѣ и закупорено въ засмоленомъ гробѣ, учинены были зависящія отъ губернатора въ семъ случаѣ по части гражданской распоряженія въ Псковской губерніи». Затѣмъ псковскій губернаторъ Пещуровъ, отъ 8 февраля 1837 года, за № 1.098, даетъ министру отпускъ донесенія, что «вслѣдствіе отношенія управляющаго III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи распоряженія о привозѣ тѣла уже имъ сдѣланы еще до полученія бумаги отъ министра. Наконецъ, островскій исправникъ Бородинъ посылаетъ, отъ 9 февраля 1837 года, за № 3, рапортъ съ отмѣткой «*секретно*», что, во исполненіе предписанія псковскаго губернатора отъ 4-го февраля тѣло умершаго въ С.-Петербургѣ камеръ-юнкера Александра Пушкина (sic!) черезъ сей уѣздъ 5-го числа и 6-го поутру, весьма рано командированнымъ мною состоящимъ при занятіи дѣлами въ земскомъ судѣ поручикомъ Филипповичемъ препровождено на мѣсто погребенія и предано землѣ». Покороны поэта, нашей гордости и славы, состоявшіяся рано утромъ, какъ бы тайкомъ, въ присутствіи какого-то мелкаго чиновника Филипповича, присланнаго исправникомъ, не нашедшимъ для себя удобнымъ присутствовать при

погребеніи самому, удостоились и еще одного невольнаго поклонника праху отъ полиціи: по преднисанію земскаго опочецкаго исправника и кавалера, Карпова, находился при преданіи тѣла землѣ и истребовалъ отъ кого слѣдуетъ открытый отъ министерства листъ на провозъ тѣла сельскій засѣдатель Петровъ.

Вотъ и всѣ факты, которые удалось собрать на мѣстѣ погребенія поэта. Въ заключеніе долженъ повторить, что, хотя преданій, въ общемъ, о Пушкинѣ здѣсь почти не сохранилось; но память его весьма чтится, и молодежь единодушно говоритъ, что слышала отъ стариковъ о покойномъ баринѣ только одно хорошее.

Уже передъ моимъ уходомъ пришелъ къ отцу игумену мѣстный мѣщанинъ, отецъ котораго, умершій уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ глубокой старости и очень долго служившій при монастырѣ, много разсказывалъ о Пушкинѣ сыну, и даже оставилъ какую-то рукопись, которую сынъ и передалъ посѣтившему монастырь незадолго до меня академику Леониду Николаевичу Майкову.

По просьбѣ игумена и моей, мѣщанинъ охотно передалъ мнѣ кое-что изъ слышаннаго отъ отца; но почти все это уже не разъ было напечатано. Въ виду нѣкоторыхъ небезъинтересныхъ *подробностей*, позволю себѣ привести и его разсказъ.

Народъ Пушкина любилъ очень и пользовался онъ въ Святыхъ горахъ популярностью величайшею. Одѣвался онъ по крестьянски: бѣлая рубаха съ красными ластовками, порты мужицкіе съ бахромой; на ногахъ берестовые поршни, въ родѣ глубокихъ калошъ; поясъ—красная лента, которую онъ закидывалъ черезъ плечо, и большая съ широкими полями соломенная шляпа. Въ такомъ нарядѣ появлялся онъ на бывающей здѣсь въ девятую пятницу по Пасхѣ ярмаркѣ, пивалъ сбитень, угощался у калачницъ, заманивавшихъ тароватаго барина калачами съ селедками, особенно же любилъ ходить по Колесному ряду, гдѣ слушалъ присказки и пѣсни. Водился онъ и съ нищими и пѣвалъ съ ними вмѣстѣ про Лазаря и про Алексѣя Божія человѣка,—даже самъ принималъ отъ богомольцевъ заказы на пѣніе, кому какой стихъ спѣть: одному про Лазаря, другому—про Алексѣя, самъ же дирижировалъ хоромъ, размахивая «желѣзной дубинкой съ бубенчиками», и «собиралась у монастырскихъ воротъ толпа пребольшущая». «Вотъ, съ Пушкинымъ какая разъ исторія произошла. Пѣлъ это онъ въ Девятницкую нашу ярмарку съ нищими Лазаря и деньги собиралъ. Народу набилось столь много, что въ воротахъ ни пройти, ни проѣхать. А тутъ самъ г. исправникъ идетъ—нѣтъ ему ходу, да и только. Осерчалъ, кричитъ: «взять его, молъ, подъ арестъ!» Вотъ, двое соцкихъ и повели Пушкина. Тотъ идетъ себѣ, ничего. Только вдругъ это ему на встрѣчу становой приставъ: — Александръ,—говоритъ,—Сергѣичъ! Куда это вы, батюшка?—Да, вотъ, говоритъ, подъ арестъ ведутъ.—Кто жъ это васъ арестовалъ?—Исправникъ.—Да, Богъ съ вами, ступайте домой.—А Пушкинъ-то: «Нѣтъ,—

говоритъ,—не хочу. Арестованъ и пойду». Тогда ужъ становой за исправникомъ послалъ, который Пушкина-то и не зналъ, а узнавъ, кто дескать это онъ, отпустилъ и даже пѣть разрѣшилъ: «пусть, — говоритъ,—поетъ», а для проѣзда велѣлъ открыть другія ворота. Отецъ разсказывалъ, что очень хорошъ до народу баринъ былъ Пушкинъ и совсѣмъ простой, со всѣми нами свой человѣкъ и какой веселый! Ужъ какъ жалѣлъ его народъ, какъ убили-то его».

Поблагодаривъ радушнаго отца игумена Іоанна (это еще далеко не старый человѣкъ, образованный, бывшій артиллерійскій офицеръ) за его гостепріимство и пожелавъ успѣха всѣмъ его добрымъ начинаніямъ, я простился съ монастыремъ и поѣхалъ съ В. М. Максимовымъ въ Тригорское, куда дала мнѣ письмо къ арендатору М. И. Пальмову, владѣлица имѣнія, баронесса Софья Борисовна Вревская.

IV.

Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои извибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой,—
Тамъ, у раздолья, горделиво,
Гора трехолмная стоитъ.
На той горѣ, среди лощины,
Передъ лазоревымъ прудомъ,
Бѣлѣется веселый домъ
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

Языковъ (Тригорское).

Болѣе семидесяти лѣтъ протекло съ того лѣта 1826 года, когда въ гостепріимномъ домѣ Прасковьи Александровны Осиповой проводили такъ весело время Пушкинъ, Вульфъ и Языковъ, описавшій въ стихахъ Тригорское, къ которому подъѣзжали мы теперь. Та же ширь и дали безъ конца; та же красавица зеркальная Сороть съ чистымъ песчанымъ дномъ; тотъ же густой садъ, съ вѣковыми деревьями; тотъ же, какъ и тогда, длинный одноэтажный господскій домъ, съ чуднымъ видомъ съ балкона вдаль на разстилающіяся поля и деревушки, съ мостомъ черезъ Сороть;— все тоже... Только давно уже опустѣлъ домъ умершихъ его обитательницъ; никого давно нѣтъ въ живыхъ и изъ его гостей. Запустѣніе и тишина царятъ и въ домѣ, и въ саду, и одни грустныя воспоминанія навѣваетъ этотъ уголокъ, гдѣ такъ много Пушкина любили. Съ Тригорскимъ трогательно прощался онъ, когда уѣзжалъ отсюда еще въ сентябрѣ 1817 года юношей:

Прости,—пишетъ онъ,—Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!

Быть можетъ (сладкое мечтанье!)
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды,
На скатъ тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума!

И поэтъ безпрестанно бывалъ здѣсь въ каждый изъ своихъ пріѣздовъ въ Михайловское; живалъ по недѣлямъ; въ отсутствіе хозяйки, какъ это было въ 1825 г., навѣщалъ здѣсь ея младшихъ дочерей—дѣвочекъ, и просиживалъ въ библіотекѣ цѣлые дни. Сколько веселыхъ вечеровъ проводилъ онъ здѣсь въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ; сколько было здѣсь и написано, и задумано изъ безсмертныхъ произведеній: Какое теплое участіе во всей его жизни, особенно въ эти два года ссылки въ Михайловское, принимали въ немъ добрыя обитательницы Тригорскаго! Вѣдь у Пушкина, въ характерѣ котораго было столько и семейныхъ инстинктовъ, своей-то семьи не было никогда вовсе, ни въ домѣ родительскомъ, ни въ несчастномъ супружествѣ, его и погубившемъ; и единственной семьей для него, хотя и чужой по родству, была семья Осиповыхъ. Въ этомъ-то, кажется, и весь смыслъ отношеній поэта къ Тригорскому, которое, если и не играетъ особенной роли въ его творчествѣ, то, во всякомъ случаѣ, давало ему отрадный отдыхъ и душевный покой, восполняя недостатокъ жизни личной, сердечной, семейной. Не даромъ, говоря въ письмѣ къ П. А. Осиповой о пошлости и глупости обѣихъ столицъ, онъ шутливо говоритъ: «*еслибъ мнѣ дали объ на выборъ, то я выбралъ бы Тригорское, почти такъ же, какъ арлекинъ, который, на вопросъ, предпочитаетъ ли онъ быть колесованъ, или повѣшенъ, отвѣчалъ: «я предпочелъ бы молочный супъ»*». Довольно перечитать задушевныя письма Пушкина къ П. А. Осиповой, къ которой сохранилъ онъ самыя теплыя отношенія до самой смерти; довольно вспомнить, какъ хотѣлось поэту, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ супружества, свить себѣ гнѣздо именно по сосѣдству съ нею, чтобъ видѣть, до какой степени эти отношенія его къ ней были близки.—*Повѣрьте мнѣ, милая т-те Осипова*,—пишетъ онъ ей за полтора года до смерти,—*жизнь, при всемъ томъ, что она «сладкая привычка», содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское*». Говоря же съ грустью о всѣхъ печальныхъ, происшедшихъ съ нимъ перемѣнахъ, послѣднее письмо къ Осиповой, отъ 26-го декабря 1835 г., онъ заключаетъ словами: «*По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою*».

Съ такими-то воспоминаніями подъѣхали мы къ Тригорскому, чтобы посмотрѣть на мѣстѣ, что же и въ какомъ видѣ осталось здѣсь отъ прежняго. Мало, очень мало; печальнѣйшее запустѣніе! Домъ очень старъ и ветхъ, и не поддерживается вовсе; большая часть вещей вы-

везена, кажется, въ Голубово, о чемъ я уже говорилъ; но есть еще много старинной мебели, и, между прочимъ, столикъ, который ставили передъ постелью Пушкина; нѣкогда столикъ былъ съ живописью, но кѣмъ-то состругана. Всякихъ вещей и хлама довольно много, но все это въ пыли и безпорядкѣ. Сохранилась и библіотека, принадлежавшая еще отцу Осиповой, одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, Вандомскому; но что въ ней, кромѣ старыхъ журналовъ,— неизвѣстно. Я видѣлъ черезъ стекло шкаповъ много старинныхъ книгъ, а разбиралъ ли ее кто-нибудь — узнать я не могъ. Каталога же какъ намъ сказали, нѣтъ. А жаль, можетъ быть, отъискалось бы много интереснаго, напр., хоть книги съ помѣтками самого Пушкина, который, читая, всегда ихъ дѣлалъ...

Особенно грустный видъ запустѣнія носитъ великолѣпный садъ съ поросшими травой, едва сохранившимися, густыми аллеями. Нѣкогда, повидимому, онъ содержался въ полномъ порядкѣ, и былъ даже роскошенъ; но поддерживать его теперь, при платномъ трудѣ крестьянъ, было бы слишкомъ дорого, да и имѣніе-то въ арендѣ у чужого человѣка, для котораго, конечно, особеннаго интереса садъ и не представляетъ. Очень красива часть сада, спускающаяся къ рѣкѣ Сороти. На берегу, на скатѣ, старая баня, почти разрушающаяся, и кажется, опредѣленная на сломъ. Въ этой банѣ жилъ Пушкинъ, въ веселое лѣто 1826 года, съ Вульфомъ и поэтомъ Языковымъ, и отсюда прямо спускался въ рѣку купаться:

Туда, туда, друзья мои,
На скатъ горы, на брегъ зеленый,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи;
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ,
Дугою выдалась она
По глади выгнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежды прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя,
И бухъ!—блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю,
И бодръ и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ.

Языковъ. (Тригорское).

Отъ садовой старины, связанной съ обитателями Тригорскаго и его гостями, сохранилось немногое: чудная, заросшая совсѣмъ травой, лужайка, вся окруженная липами, — такъ называемая, *липовая зала*, гдѣ, по разсказамъ, недавно умершей, дочери Прасковьи Александ-

ровны, Маріи Ивановны, часто танцовали подъ странствующій, заходившій сюда по временамъ, оркестръ. Очень хороша громаднѣйшая ель, подъ которой сиживалъ Пушкинъ, да большой старый дубъ, окруженный террасой со сходомъ, едва уже замѣтными, ступеньками, къ воротамъ изъ яблонь, отъ которыхъ шла аллея. Вотъ и вся старина сада, мѣстами засаженнаго уже грядами съ огородной овощью.

Этимъ бѣглымъ осмотромъ Тригорскаго, произведшаго на меня и моего спутника В. М. Максимова сильное впечатлѣніе своею красотою и какимъ-то элегическимъ, успокаивающимъ, примиряющимъ душу, характеромъ, собственно говоря, и долженъ былъ закончиться осмотръ пушкинскаго уголка, и мы изъ Тригорскаго поѣхали въ Вѣче, къ П. Ѳ. Карпову, откуда на другой день собирался я уже и ѣхать домой. Но счастливая встрѣча доставила мнѣ возможность побесѣдовать еще съ младшей дочерью П. А. Осиповой, Екатериной Ивановной Фокъ, послѣдней изъ обитательницъ Тригорскаго, еще помнящей Пушкина очень хорошо. Оказалось: она неожиданно вернулась изъ Севастополя къ себѣ въ Батово. Случайно пріѣхавъ къ Карповымъ и узнавъ отъ нихъ о моемъ пріѣздѣ и его цѣли, она пожелала меня повидать, и даже осталась ожидать насъ, но не дождалась. Почти у имѣнія, на узкой дорогѣ, мы встрѣтили ее, ѣхавшую въ коляскѣ домой, и, свернувъ въ сторону, пріостановились, чтобъ дать ей проѣхать. Предполагая, не мы ли и есть ожидаемые гости, а можетъ быть, и узнавъ насъ, по описанію Карповыхъ, она любезно окликнула меня, и мы оба тутъ же ей и представились, давъ обѣщаніе непремѣнно у нея побывать.

V.

Къ Е. И. Фокъ привезъ меня сосѣдъ П. Ѳ. Карпова, мѣстный образцовый хозяинъ и земскій дѣятель Георгій Сергѣевичъ Корсаковъ, старинный ея пріятель, у котораго въ имѣніи на горѣ, въ барскомъ домѣ въ видѣ замка, съ прекраснымъ видомъ на рѣку Великую, провелъ *я* пріятнѣйшій вечеръ. Съ сыномъ Екатерины Ивановны, командиромъ одного изъ расположенныхъ на югѣ полковъ, Александромъ Викторовичемъ Фокъ, познакомился *я* еще у П. Ѳ. Карпова, а, къ нашему пріѣзду оказался дома и онъ. Екатерина Ивановна живетъ въ своемъ имѣньи Батово, расположенномъ на Лысой горѣ, одной изъ трехъ, рядомъ лежащихъ горъ, въ виду Тригорскаго. Это та «*малютка*», самая младшая изъ дочерей Осиповой, отъ второго брака послѣдней, о которой Пушкинъ въ письмѣ къ уѣзжавшей въ Ригу хозяйкѣ Тригорскаго, отъ 1-го августа 1825 года, пишетъ: «*Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно*»; «*Малютка*,—повторяетъ онъ въ другомъ письмѣ отъ 11-го августа,—*совершенно здорова, и прехорошенькая*».

«*Малютка*» осталась привѣтливѣйшей и любезнѣйшей хозяйкой и до старости (ей уже теперь лѣтъ за семьдесятъ пять). Эта послѣдняя

представительница тригорской семьи можетъ дать нѣкоторое представленіе намъ, поколѣнію позднѣйшему, о томъ, что это была за семья. Очень благообразная, сохранившая еще слѣды замѣчательной когда-то красоты, Екатерина Ивановна съ перваго взгляда внушаетъ къ себѣ полное уваженіе, и видомъ, и манерами, и образованіемъ, напоминая типъ хорошаго стариннаго, барскаго, домашняго воспитанія въ достаточной и порядочной семьѣ. Худая, высокая, съ блестящими умными глазами и выразительнымъ лицомъ, она хотя, говорятъ, и прихварываетъ, но еще здорова на столько, что совершаетъ часто одна большія поѣздки и ежедневно по цѣлымъ часамъ одна же гуляетъ въ своей прекрасной рощѣ. Она сохранила вполнѣ память, ясность мысли и тонкій умъ въ оцѣнкѣ людей, которыхъ опредѣляетъ очень мѣтко, и прекрасно говоритъ, оставляя въ собесѣдникѣ самое пріятное впечатлѣніе. Многое она знаетъ и видѣла, и чрезвычайно жаль, что, какъ я слышалъ, не ведетъ она записокъ, или не записываютъ за ней ея разсказовъ близкіе.

Встрѣтила она меня очень радушно. Какъ видно, она вся живетъ въ прошломъ, а все, что относится до Пушкина и Тригорскаго, для нея въ жизни самое дорогое.

Къ сожалѣнію, я могъ поговорить съ Екатериной Ивановной только какой-нибудь часъ, такъ какъ торопился домой, и вотъ то немногое, что удалось мнѣ отъ нея узнать.

Когда умеръ Пушкинъ, ей было уже лѣтъ тринадцать, а сестрѣ ея, Марьѣ Ивановнѣ, восемнадцать. Но Екатерина Ивановна помнитъ Пушкина очень хорошо, и по сейчасъ, по ея выраженію, онъ передъ ней какъ живой. «Это былъ,—говорила она:—человѣкъ симпатичнѣйшій, неимовѣрно живой, въ высшей степени увлекающійся, подвижный, нервный, Кто его видѣлъ,—не забудетъ уже никогда. У насъ его очень любили; онъ пріѣзжалъ сюда отдыхать отъ горя. А какъ бѣдствовалъ-то онъ, вѣчно нуждался въ деньгахъ; не хватало ихъ на петербургскую жизнь... А въ Михайловскомъ какъ бѣдствовалъ страшно: имѣніе-то было запущено... Я сама, еще дѣвочкой, не разъ бывала у него въ имѣніи и видѣла комнату, гдѣ онъ писалъ. Художникъ Ге написалъ на своей картинѣ *«Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ»* кабинетъ совсѣмъ невѣрно. Это—кабинетъ не Александра Сергѣевича, а сына его, Григорія Александровича. Комнатка Александра Сергѣевича была маленькая, жалкая. Стояли въ ней всего на все простая кровать деревянная съ двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халатъ, а столъ былъ ломберный, ободранный: на немъ онъ и писалъ, и не изъ чернильницы а изъ помадной банки. И книгъ у него своихъ въ Михайловскомъ почти не было; больше всего читалъ онъ у насъ въ Тригорскомъ, въ библіотекѣ нашего дѣдушки по матери, Вандомскаго. Много страдалъ онъ и изъ за своихъ родныхъ, особенно отъ своего брата Льва, запоминавшаго его стихи и разносившаго ихъ по знакомымъ; самъ же читать своихъ стиховъ не любилъ».

Хотѣлось мнѣ еще узнать у Екатерины Ивановны что-нибудь о похоронахъ и вотъ разсказъ, записанный почти дословно.

«Когда произошла эта несчастная дуэль, я, съ матушкой и сестрой Машей, была въ Тригорскомъ, а старшая сестра, Анна въ Петербургѣ. О дуэли мы уже слышали, но ничего путемъ не знали, даже, кажется, и о смерти. Въ ту зиму морозы стояли страшные. Такой же морозъ былъ и 5-го февраля 1837 года. Матушка недомогала, и послѣ обѣда, такъ часу въ третьемъ, прилегла отдохнуть. Вдругъ видимъ въ окно: ѣдетъ къ намъ возокъ съ какими-то двумя людьми, а за нимъ длинныя сани съ ящикомъ. Мы разбудили мать, вышли на встрѣчу гостямъ: видимъ, нашъ старый знакомый, Александръ Ивановичъ Тургеневъ. По-французски разсказалъ Тургеневъ матушкѣ, что пріѣхали они съ тѣломъ Пушкина, но, не зная хорошенько дороги въ монастырь и перезябши вмѣстѣ съ везшимъ гробъ ямщикомъ, пріѣхали сюда. Какой, вѣдь, случай! Точно Александръ Сергѣевичъ не могъ лечь въ могилу безъ того, чтобъ не проститься съ Тригорскимъ и съ нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тѣло распорядилась везти теперь же въ Святыя Горы вмѣстѣ съ мужиками изъ Тригорскаго и Михайловскаго, которыхъ отрядили копать могилу. Но ее копать не пришлось: земля вся промерзла,—ломомъ пробивали ледъ, чтобы дать мѣсто ящику съ гробомъ, который потомъ и закидали снѣгомъ. На утро, чѣмъ свѣтъ, поѣхали наши гости хоронить Пушкина, а съ ними и мы обѣ—сестра Маша и я, чтобы, какъ говорила матушка, присутствовалъ при погребеніи хоть кто-нибудь изъ близкихъ. Рано утромъ внесли ящикъ въ церковь и послѣ заупокойной обѣдни всѣмъ монастырскимъ клиромъ съ настоятелемъ, архимандритомъ, столѣтнимъ старикомъ Геннадіемъ во главѣ, похоронили Александра Сергѣевича въ присутствіи Тургенева и насъ двухъ барышенъ. Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадій вынуть ящикъ и закопать его въ землю уже окончательно. Склепъ и все прочее устраивала сама моя мать, такъ любившая Пушкина, Прасковья Александровна. Никто изъ родныхъ такъ на могилѣ и не былъ. Жена пріѣхала только черезъ два года, въ 1839 году».

Этотъ разсказъ, слышанный мною изъ устъ самой очевидицы, былъ послѣднимъ фактомъ изъ немногихъ, какіе удалось собрать на мѣстѣ о Пушкинѣ. Сердечно простился я съ почтенной Екатериной Ивановной и ея сыномъ, и, на ея же лошадяхъ, былъ любезно доставленъ въ Святыя Горы, откуда на почтовыхъ поѣхалъ на желѣзную дорогу въ Островъ.

VI.

Какъ ни кратковременно было мое пребываніе въ «*Пушкинскомъ уголкѣ*», какъ ни случайны и отрывочны собранныя свѣдѣнія, все же попробую подвести итоги.

«*Русскіе люди лѣнивы и не любопытны*»,—замѣтилъ еще и самъ Пушкинъ, и эти слова, какъ нельзя лучше, примѣняются и къ памяти о немъ самомъ. Даже собственныя его дѣти,—позволяемъ сказать это прямо,—обезпеченные въ своемъ воспитаніи Монаршей милостью именно ради заслуги великаго отца, не озаботились ни охранить могилы, на поддержку которой, по почину крестьянъ, съ Высочайшаго соизволенія открыта подписка; ни сохранить Михайловскаго гнѣзда въ его историческомъ значеніи: не говорю уже о томъ, что никто изъ родныхъ и не подумалъ о *просвѣщеніи* «уголка земли». Нѣтъ и никакихъ записокъ мѣстныхъ современниковъ поэта о его пребываніи въ Михайловскомъ въ «*два незамѣтные года*», и его позднѣйшихъ туда поѣздкахъ. Давно уже смолкли михайловскія и тригорскія поля и лѣсъ, и «*поросли травой забвенья*». Но все-таки нельзя сказать, чтобы *забвенье* это было полное. Мало-по-малу просвѣщается край, хотя бы одною грамотностью. Въ помѣщикахъ, которые меня такъ радушно встрѣтили, замѣтилъ я, уже не говоря о П. Ѳ. Карповѣ и его семействѣ, о Екатеринѣ Ивановнѣ Фокъ, семьѣ барона Вревскаго, Г. С. Корсаковѣ, самое теплое отношеніе къ памяти поэта. Даже въ народѣ, по крайней мѣрѣ, въ Островѣ и Святыхъ Горахъ, имя Пушкина уважается, и крестьянская Пушкинская читальня очевидное этому доказательство. Нужно, значитъ, только распространить и утвердить эту память о поэтѣ; объяснить народу, чей священный прахъ покоится на его землѣ и возможно болѣе связать имя Пушкина съ распространеніемъ въ краю просвѣщенія. Вѣдь сознаніе потребности для Россіи, прежде всего, именно просвѣщенія, страстная любовь къ образованію, красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь поэта. Именно здѣсь, въ этомъ краю, онъ особенно старался «*вознаградить недостатки своего проклятаго воспитанія*». Въ этомъ-то именно «*пустынномъ уголкѣ, пріютѣ спокойствія, трудовъ и вдохновенья*», на лонѣ природы, съ особеннымъ увлеченіемъ предавался Пушкинъ изученію Шекспира и другихъ «писателей—этихъ, «ободрявшихъ его духъ, «*оракуловъ вѣковъ*»; такъ много учился и читалъ, «*чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ*» Но, за этими трудами, которымъ съ такимъ увлеченіемъ предавался поэтъ, «*среди цвѣтущихъ нивъ и горъ*», *омрачала его душу ужасная мысль о томъ, что здѣсь*»:

Другъ человѣчества печально замѣчаетъ,
Вездѣ невѣжества губительный поворъ.

Вотъ объ этомъ-то просвѣщеніи народа, столь любимаго Пушкинымъ и такъ любившаго его самого, и нужно было бы прежде всего озаботиться здѣсь, въ краю, въ этомъ пушкинскомъ уголкѣ, въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Ближайшее осуществленіе такихъ заботъ было бы самымъ приличнымъ и достойнымъ выраженіемъ почтенія къ памяти писателя, которому не пришлось самому, во очію, увидѣть «*освобожденный народъ и рабство, падшее по манію царя*».

Вотъ, по моему мнѣнію. самая первая задача для комитета, образованнаго псковскимъ дворянствомъ, думой и земствомъ для выработки плана мѣстнаго чествованія столѣтія Пушкина 26-го мая будущаго года. Прежде всего нужно поддержать и расширить уже существующую Пушкинскую читальню въ Святыхъ Горахъ, собравъ сюда, по возможности, все наиболѣе важное и интересное по отношенію къ Пушкину (портреты, Пушкинскій альбомъ, изданный въ Москвѣ, фотографіи картинъ Ге и Наумова — *Дуэль Пушкина*; критики и біографическія сочиненія, напр., дешевое изданіе Суворина статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, Анненковъ, Стоюнинъ, книги Авенаріуса—*Отрочество и юность* Пушкина и проч., не говоря уже о пріобрѣтеніи возможно большаго количества экземпляровъ сочиненій и дешевыхъ брошюръ о поэтѣ). Сочиненія Пушкина въ полномъ собраніи и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, вмѣстѣ съ біографіей и портретами, должны быть заранѣе разосланы въ каждую изъ существующихъ школъ Опочецкаго уѣзда, чтобы портреты и сочиненія имѣлись въ каждой школѣ непремѣнно, и чтобы каждый учитель или учительница обязательно, заранѣе, въ этомъ же учебномъ году, разсказали ученикамъ біографію поэта и, по возможности, прочли съ ними нѣсколько его сочиненій и разучили стихотворенія. Если бы ко всему этому, впродолженіи года, повсемѣстно при школахъ уѣзда, были устроены еще и народныя чтенія изъ Пушкина съ туманными картинами, что́ могли бы взять на себя и представители мѣстной интеллигенціи, которая, вѣрно, не откажется помочь народу подготовиться къ торжеству, весь грамотный, да въ значительной степени даже и безграмотный, людъ уѣзда, къ 26-му мая будущаго года Пушкина бы зналъ. Очень было бы желательно также, чтобы христіанское, высоко гуманное, значеніе поэта было разъяснено и въ церквахъ священнослужителями, подобно тому, какъ это было прекрасно сдѣлано, въ 1880 году, въ Москвѣ, при открытіи памятника, митрополитомъ Макаріемъ.

Все это относится къ школамъ и читальнѣ, уже существующимъ; но какъ было бы прекрасно, если бы ко дню столѣтія было открыто по всему уѣзду возможно большее число и новыхъ читаленъ и школъ, которымъ всѣмъ слѣдовало бы присвоить наименованіе Пушкинскихъ. Тогда Опочецкій уѣздъ, такъ тѣсно связанный съ именемъ Пушкина, въ ближайшемъ будущемъ могъ бы быть огрaмотенъ весь, и вопросъ объ обязательномъ обученіи былъ бы здѣсь рѣшенъ.

Но центромъ мѣстнаго просвѣщенія, конечно, должно быть село Михайловское, почему намѣреніе псковскаго дворянства пріобрѣсти его въ собственность заслуживаетъ самаго широкаго сочувствія всей Россійской Имперіи; на этотъ предметъ должна быть открыта съ Высочайшаго разрѣшенія повсемѣстная подписка. Здѣсь-то должна быть устроена большая образцовая школа съ широкимъ курсомъ сельскохозяйственнымъ и ремесленнымъ, куда могли бы посту-

пать лучшія изъ кончившихъ курсъ въ низшихъ школахъ, прежде всего, конечно, уѣзда, губерніи, а затѣмъ, пожалуй, и вообще Россіи. Такое учрежденіе, гдѣ бы учащіеся обоего пола получали основательное общее и профессіональное образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и гуманное воспитаніе, было бы широкимъ разсадникомъ не только просвѣщенія вообще, но и способствовало бы экономическому подъему края. Въ этомъ «*Пушкинскомъ домѣ*», основанномъ въ память столѣтія русской литературы, а вмѣстѣ и просвѣщенія, могли бы происходить и народныя чтенія, и общедоступныя лекціи, на которыя приглашались бы лекторы и изъ столицъ, и спектакли, и т. под., а на ряду со школами общеобразовательной и профессіональной, могли бы со временемъ учредиться еще и школы рисованія и музыки, что, какъ нельзя болѣе, подходило бы къ тому мѣсту, гдѣ жилъ и творилъ свои созданія величайшій художникъ. И если бы только псковскому дворянству и земству удалось такое предпріятіе осуществить, Псковская губернія воздвигла бы Пушкину самый лучшій, не боящійся тлѣнія, памятникъ, за который признательна была бы вѣчно вся Россія. А что такой памятникъ именно здѣсь, въ Михайловскомъ, такъ или иначе, воздвигнется, въ этомъ, я увѣренъ вполнѣ: въ краю много достойныхъ, образованныхъ и энергичныхъ людей, которые такое, истинно патріотическое, русское дѣло привести въ исполненіе съумѣютъ.

Викторъ Острогорскій.

Валдай.
1898 г. іюля 30.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.**

КНИГА III.

Десятина діавола.

*(Продолженіе *).*

XI.

На другой день вечеромъ,—это было какъ разъ въ воскресенье,—цѣлая толпа народу осадила домикъ для причта. Все это были «скелеты», шумно толковавшіе между собой объ арестѣ супруговъ Шарки. «На полгода, гляди, засадятъ».—«А все эти поганые попы!» Чарли Уилькъ, пользовавшійся въ этой компаніи репутаціей юмориста, напѣвалъ, приплясывая:

«Батя Стормъ душа-человѣкъ:
Удружитъ—не забудешь во вѣкъ!..»

Два джентльмена прокладывали себѣ дорогу сквозь толпу къ ярко освѣщенному домику. Одинъ изъ нихъ былъ грекъ-домовладѣлецъ; другой—лордъ Робертъ Юръ. Войдя въ просторную комнату, расположенную въ нижнемъ этажѣ, они наткнулись прежде всего на Джона Сторма, въ рясѣ и скуфейкѣ. Онъ стоялъ у двери и здоровался за руку со всѣми входившими и выходившими. При видѣ ихъ, онъ не выказалъ никакого удивленія, учтиво поклонился и пропустилъ ихъ. У него не было минуты свободной. Комната была полна молодыхъ дѣвушекъ. Однѣ

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

дѣвушки были поглощены чтеніемъ; другія болтали между собой, смѣялись, играли на фортепіано, пѣли. Въ воздухѣ стоялъ точно птичій щебетъ; лица у всѣхъ были веселыя, счастливыя. «Добрый вечеръ, батюшка», говорили онѣ входя, и уходя: «доброй ночи, батюшка».

Новоприбывшіе постояли нѣсколько минутъ, оглядывая комнату. Многія замѣтили, что лордъ Робертъ Юръ не снялъ шляпы. Одна изъ сестеръ слышала, какъ онъ сказалъ: «Я думаю, годится, если кое-что передѣлать». Минуту спустя онъ вышелъ, одинъ; грекъ же домовладѣлецъ направился къ Джону Сторму.

Джонъ не сразу могъ выслушать его, онъ былъ занятъ и, когда наконецъ освободился, заговорилъ съ оживленіемъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

— Смотрите, — сказалъ онъ, радостно улыбаясь и жестомъ руки указывая на дѣвушекъ, — какъ намъ здѣсь тѣсно! Скоро придется, пожалуй, расширять помѣщеніе.

— Отецъ Стормъ,—началъ грекъ,—я имѣю сообщить вамъ нѣчто серьезное, хотя оффиціальное извѣщеніе вы получите, по всей вѣроятности, инымъ путемъ.

Лицо Джона омрачилось.

— Къ сожалѣнію, я долженъ предупредить васъ, что намъ, повѣреннымъ, сдѣлано весьма выгодное предложеніе относительно этого зданія...

Онъ встрѣтилъ пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ своего собесѣдника и запнулся.

— Ну?

— И мы рѣшили продать его.

— *Продать*? Вы сказали прода..? Кому? Что это значитъ?

— Правду говоря, его покупаетъ синдикатъ одного казино.

Джонъ тяжело дыша, отшатнулся назадъ.

— Ушамъ своимъ не вѣрю... Да если бы я предвидѣлъ, что такая вещь *можетъ* случиться...

— Мнѣ очень жаль, что вы такъ приняли это къ сердцу, отецъ Стормъ. Правда, вы потратили много денегъ на перестройки, но смѣю васъ увѣрить, завѣдующіе не станутъ извлекать выгоду...

— Выгода? Деньги? Да развѣ я объ этомъ говорю? Тяжка обида, оскорбленіе святыни!.. Кто же эти люди?.. Неужели этотъ... лордъ...

Грекъ кивнулъ головой. Джонъ распахнулъ настежь двери.

— Вонъ отсюда! Вонъ отсюда, Іуда!

Грекъ не успѣлъ перешагнуть черезъ порогъ, какъ дверь захлопнулась за нимъ.

Этотъ инцидентъ обратилъ на себя вниманіе и въ клубѣ водворилась мертвая тишина, но Джонъ только крикнулъ: «Давайте, споемъ что-нибудь, дѣвушки!» и когда одна изъ сестеръ запѣла его любимый гимнъ «Назаретъ», голосъ его покрылъ всѣ остальные.

Тѣмъ не менѣе, все стало для него ясно. «Глорія» возвращается, всѣ его труды за нѣсколько мѣсяцевъ пропали даромъ!

На углу переулка его поджидалъ м-ръ Джупъ, чтобъ попросить у него прощенія и совѣта. «Батюшка» сказалъ правду насчетъ м-рсъ Джупъ. Шарки выдали ее; теперь она арестована.

— Вчера насъ пропечатали во всѣхъ вечернихъ газетахъ, — хныкало это жалкое существо, — и сегодня нашъ клубный распорядитель объявилъ мнѣ, чтобъ я искалъ себѣ другого мѣста. Ахъ, бѣдная моя хозяюшка! Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Отсѣчь ее, какъ сгнившую вѣтвь! — презрительно сказалъ Джонъ и зашагалъ дальше. Человѣческое море волновалось вокругъ него; ему хотѣлось броситься въ самую глубь и захлебнуться.

Прибѣжавъ домой, онъ прежде всего бросился къ м-рсъ Каллендеръ и съ какимъ-то торжествомъ крикнулъ ей свою новость. Его церковь продали подъ носомъ у него, его выгоняютъ на улицу; вѣдь онъ не болѣе, какъ греко-турецкій капелланъ. Онъ дико засмѣялся и принялся издѣваться надъ Глори; его точно что подмывало.

— Моей преемницей будетъ дѣвчонка, — кричалъ онъ,—одна изъ тѣхъ, которыя умильно присѣдаютъ грязной толпѣ ротозѣевъ и посылаютъ имъ воздушные поцѣлуи!

Внезапно онъ весь побѣлѣлъ и, дрожа, опустился на стулъ. У м-рсъ Каллендеръ у самой подергивалось лицо и, чтобъ не расплакаться, она принялась издѣваться, яростно раскачивая свое кресло-качалку.

— Ну вотъ! я такъ и знала! Умные люди говорятъ: съ горемъ да съ бѣдой не разбогатѣешь, зато научишься уму-разуму. А виню я больше всѣхъ перваго министра. Старый олухъ! очень нужно было деньги давать. Ей-Богу, какъ поглядишь на этихъ премудрыхъ ословъ... здоровый человѣкъ съ ума спятитъ! Я вѣдь тебѣ говорила, чѣмъ это все кончится, а ты не вѣрилъ, бранилъ меня старой ворчуньей. Еще бы, вы и не подозрѣвали, что такая штука можетъ случиться, а Джэнъ Каллендеръ гдѣ же слушать; она вѣдь старая дура, сама не знаетъ, что говоритъ!..

Тутъ она вскочила съ кресла, кинулась Джону на шею и разрыдалась, какъ дѣвочка.

— Сыночекъ мой! Родненькій! И я еще на него накинулась. Паренекъ ты мой милый! Экій народъ-то безжалостный на свѣтѣ живетъ!..

Джонъ цѣловалъ старуху; она уговаривала его заставить себя поѣсть.

— Ну полно, полно, скушай хоть кусочекъ, ну самый махонькій. Что жъ ужину-то пропадать даромъ!

— Богъ точно умеръ, до неба далеко,—бормоталъ онъ.

— И глоточекъ водки не повредилъ бы—хоть глоточекъ?

— Одно для меня ясно: Богъ видитъ, что я не гожусь для этого дѣла, вотъ онъ и отнялъ его у меня.

Старуха отошла отъ стола, и ужинъ остался нетронутымъ.

Съ слѣдующей почтой пришло письмо отъ Глори:

Гарденъ-гоузъ, Клементсъ - линъ.

«Простите меня! Я вернулась въ городъ! Я не въ силахъ была остаться, положительно не въ силахъ. Лондонъ тянулъ меня къ себѣ. Что мнѣ было тамъ дѣлать? Все устроилось; тетки поступили учительницами въ школу для дѣвочекъ, а я—я просто умирала отъ усталости, умирала, задыхалась!

И потомъ я получила такое соблазнительное предложеніе. Не казино — не подумайте этого. Относительно того вы были совершенно правы. Нѣтъ, — театръ, настоящій театръ! М-ръ Дрэкъ купилъ какое-то заброшенное старое зданіе и превращаетъ его въ великолѣпный театръ,—спеціально для меня. Я буду играть Джульетту. Подумайте, Джульетту!—и въ своемъ собственномъ театрѣ! Я уже теперь чувствую себя, какъ освобожденный невольникъ, переплывшій Красное море.

Не думайте также, что женское горе подобно глупымъ старымъ законамъ, которые имѣли силу всего на три дня. *Онъ* похороненъ въ моемъ сердцѣ—не въ землѣ—и я всегда буду любить и чтить его память! Но вѣдь вы сами сказали, что эта смерть не должна останавливать теченія моей жизни?

Черкните словечко, Джонъ, скажите, что вы меня прощаете. Отвѣчайте немедленно и—лично. Вы найдете меня здѣсь, у Розы. Приходите, приходите, приходите! Я никогда не прощу вамъ, если вы не придете скоро,—никогда, никогда!

Глори».

XII.

Прошло двѣ недѣли, а Джонъ Стормъ все еще не посѣтилъ Глори, хотя вѣсти о ней доходили до него изо дня въ день, черезъ посредство газетъ. Каждое утро онъ пробѣгалъ длинные черные столбцы, отыскивая имя, которое рѣзко выдѣлялось для него изъ среды всѣхъ остальныхъ, какъ будто напечатанное кровью. Вѣстей было много и все какія-то таинственныя. Говорилось, прежде всего, о томъ, что блестящая молодая артистка, которая имѣла такой необычайный успѣхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, возвратилась въ Лондонъ и въ скоромъ времени вернется къ многообѣщающей карьерѣ, теченіе которой было прервано болѣзнью и семейнымъ трауромъ. Далѣе, что она предполагаетъ выступить на настоящей сценѣ, въ шекспировской драмѣ, въ роли, которая считается пробнымъ камнемъ для молодыхъ талантовъ. Затѣмъ, — что проектъ возобновленія «Ромео и Джульетты», по всей вѣроятности, уступитъ мѣсто еще болѣе часто-

любивому замыслу — выступить въ совершенно новой пьесѣ, принадлежащей перу извѣстнаго скандинавскаго автора и спеціально подогнанной къ особенностямъ — личности и таланта дебютантки. Наконецъ, сообщалось объ образованіи синдиката для покупки какого-нибудь стараго зданія, съ цѣлью перестройки его въ театръ, въ интересахъ новой пьесы и новой артистки.

Джонъ Стормъ горько смѣялся, говоря себѣ, что Глори не стоитъ даже того, чтобы думать о ней. Его долгъ—продолжать начатое дѣло и выкинуть ее изъ головы.

Пришло и оффиціальное увѣдомленіе о продажѣ церкви. Требовалось очистить ее черезъ мѣсяцъ, а домъ для причта черезъ два мѣсяца, и Джонъ старался уйти съ головой въ хлопоты по найму новаго помѣщенія для клуба и убѣжища. Въ верхнемъ этажѣ дома для причта жило теперь до двадцати молодыхъ матерей съ грудными дѣтьми, подъ надзоромъ сестеръ, но сынъ Полли оставался у м-рсъ Пинчеръ. Отъ времени до времени Джонъ навѣщалъ его, смотрѣлъ, какъ малютка, привязанный шарфомъ за талію къ стулу, пробирался невѣрными шажками вдоль стѣны къ двери и оттуда хитро поглядывалъ умненькими глазенками на Божій міръ, издавая какіе-то нечленораздѣльные звуки. У ребенка было маленькое смуглое личико и глаза матери, но Джонъ Стормъ любилъ смотрѣть на него: ребенокъ напоминалъ ему о Глори. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ былъ бы разстаться съ нимъ, и говорилъ себѣ, что если самъ лордъ Робертъ придетъ за сыномъ, онъ вышвырнетъ его за дверь.

Но въ одно прекрасное утро къ дому мр-съ Каллендеръ подъѣхала карета и изъ нея вышла лэди Робертъ Юръ. На блѣдномъ страдальческомъ лицѣ ея блуждала слабая, нервная улыбка униженныхъ и нелюбимыхъ.

— М-ръ Стормъ,— начала она своимъ кроткимъ голосомъ,—я пріѣхала по очень щекотливому дѣлу. Я не могла откладывать дольше. Это долгъ, который давно слѣдовало выполнить.

Дѣло шло о ребенкѣ Полли. Она слышала о томъ, что произошло въ госпиталѣ, а газеты, съ отчетами о свадебной церемоніи, послѣдовавшія за новобрачными въ Парижъ, досказали ей остальное. Вернувшись, она стала разыскивать ребенка и узнала, что онъ въ хорошихъ рукахъ.

— А все-таки заботиться о немъ — мое дѣло, м-ръ Стормъ, и я прошу васъ отдать его мнѣ. Что-то говоритъ мнѣ, что Богу не угодно будетъ даровать мнѣ дѣтей, слѣдовательно, я никому не причиню вреда; мужъ же мой никогда не узнаетъ, чье дитя я взяла на воспитаніе. Обѣщаю вамъ быть доброй къ нему. Онъ будетъ при мнѣ неотлучно. А если онъ, Богъ дастъ, выростетъ и будетъ любить меня, это поможетъ мнѣ забыть прошлое и простить себѣ за свою долю участія въ немъ. Я знаю, это слишкомъ мало, — вѣдь та, бѣдняжка

любила его, и я отняла его у нея. Но все же это мой долгъ, м-ръ Стормъ, и я не буду знать ни сна, ни покоя, пока не приступлю къ исполненію его.

— Не знаю, долгъ ли это вашъ, но если вы хотите взять ребенка, вы имѣете на то право.—Онъ сѣлъ въ ея коляску, и оба поѣхали въ Сого.

Ребенокъ, по обыкновенію, бродилъ вокругъ стула, лепеча что-то непонятное на своемъ дѣтскомъ языкѣ. Когда изящная карета, увозившая его, скрылась изъ глазъ женщинъ, стоявшихъ на крыльцѣ, м-рсъ Пинчеръ вернулась въ домъ съ красными глазами и чепцомъ, сбившимся на сторону, но Джонъ Стормъ говорилъ себѣ, что все къ лучшему. Послѣдняя связь между нимъ и Глори порвалась,—и слава Богу! Теперь онъ можетъ спокойно продолжать свое дѣло, не думая о ней.

Въ тотъ же день онъ пошелъ къ Клементсъ-линъ.

Гарденъ-гоузъ былъ хорошенькій домикъ, выходившій съ двухъ сторонъ въ садъ и уютно меблированный. Дѣвушка, отворившая ему дверь, сразу взяла фамильярный тонъ и успѣла сообщить гостю множество разныхъ разностей, пока они поднимались на лѣстницу. Ее зовутъ Лиза; она слышала его проповѣди; онъ заставилъ ее плакать; «миссъ Глорія» была знакома съ ея прежней госпожей, а на здѣшнее мѣсто ее рекомендовалъ м-ръ Дрэкъ.

Изъ гостиной доносился смѣхъ; смѣялась Глори. Дверь отворилась, и Джонъ увидалъ ее; она стояла посреди комнаты, въ черномъ платьѣ, блѣдная, но съ блестящими глазами и веселымъ смѣхомъ на устахъ. При входѣ Джона Сторма смѣхъ этотъ оборвался; Глори видимо растерялась и сконфузилась. Дрэкъ, лежавшій на кушеткѣ, всталъ и поклонился ему; миссъ Маккварри, поправлявшая длинные столбцы корректуры на конторкѣ возлѣ окна, подошла и поздоровалась съ нимъ. Глори крѣпко пожала ему руку обычнымъ своимъ долгимъ пожатіемъ, пристально глядя ему въ глаза. По его лицу пробѣжала судорога; Глори вспыхнула и быстро, нервно заговорила, упрекая его за то, что онъ забылъ ее.

— Я былъ занятъ,—началъ было онъ и запнулся, чувствуя, что кривитъ душой.—У меня было много хлопотъ и огорченій,—и онъ опять остановился, такъ какъ Дрэкъ опустилъ голову.

Глори засмѣялась, хотя смѣяться было нечему, и предложила пить чай. Она тараторила безъ умолку, роняя отрывистыя безсвязныя фразы; въ смѣхѣ ея слышались слезы.

— Позвоните, чтобы дали чаю, Роза! Ахъ, вы уже позвонили? Ага вотъ и чай! Спасибо, Лиза. Поставьте сюда. Ну-съ, кто желаетъ «дѣвчонки»? Помните?—и опять хохотъ.

Въ эту минуту вошелъ новый гость, лордъ Робертъ Юръ. Онъ поцѣловалъ руку у Розы, улыбнулся Глори, фамильярно кивнулъ головой Дрэку, присѣлъ на низенькій пуфъ возлѣ чайнаго столика, разгладилъ

складки брюкъ на колѣняхъ, расправилъ налившіяся кровью мышцы одной половины лица и выронилъ изъ глаза монокль.

Глори наливала чай; Дрэкъ передавалъ чашки, внимательно глядя на нее и досадуя на то, что приходъ Джона Стормa могъ вызвать такую перемѣну въ ея обращеніи. Вернувшись на свое мѣсто на диванъ, онъ принялся дразнить моську, которая лежала тутъ же, свернувшись калачикомъ, возмущаясь ея уродливостью и удивляясь, какъ Глори можетъ держать у себя это маленькое чудовище. Глори протестовала, увѣряя, что это ангелъ, а не собака; тогда Дрэкъ предположилъ, что въ настоящую минуту она грезитъ о раѣ,—прислушайтесь-ка! — Въ наступившей тишинѣ явственно раздался сладкій храпъ; всѣ засмѣялись, и громче всѣхъ Глори.

Пока они дурачились, Джонъ сидѣлъ въ сторонкѣ, углубившись въ свои мысли, мрачный, какъ туча. Онъ ощущалъ приливъ жгучей ненависти къ обоимъ пріятелямъ. «Все комедія, игра — и больше ничего!» думалъ онъ и говорилъ себѣ, что Глори достойна только его презрѣнія. Какъ можетъ ей нравиться подобное общество? Чѣмъ эти люди привлекаютъ ее? Развѣ только своимъ богатствомъ и общественнымъ положеніемъ, ибо атмосфера, которую они носятъ съ собой, должна претить ей.

Розѣ пора было идти въ редакцію. Дрэкъ проводилъ ее до двери. Джонъ тоже всталъ. Глори спросила: «Вы уже уходите?» но не пыталась удержать его. Они еще увидятся; ей такъ много нужно сказать ему. «Вы, вѣроятно, удивились, узнавъ о моемъ возвращеніи въ Лондонъ?» добавила она, глядя на его наморщенныя брови.

— Вы больше не придете!—сказала она, читая въ его душѣ, какъ въ раскрытой книгѣ.—Я вижу, вы рѣшили не приходить больше.

Онъ не могъ отрицать этого. Глори отперла дверь, и онъ вышелъ, едва передвигая ноги; онъ былъ совершенно разбитъ. Глори же вернулась въ свою комнату и бросилась на кровать лицомъ въ подушки.

Въ этотъ вечеръ отецъ Стормъ читалъ молитвы въ церкви совершенно машинально; сердце его въ нихъ не участвовало. Въ этомъ сердцѣ клокотала жгучая ненависть: онъ ясно видѣлъ Дрэка, ненавидѣлъ Глори, и больше всѣхъ ненавидѣлъ себя; ему казалось, что семь бѣсовъ вселились въ него, что онъ святотатецъ и лицемѣръ, который долженъ пасть мертвымъ у подножія алтаря.

— Отъ какой участи спасъ меня Всемогущій!—говорилъ онъ себѣ.— Глори связала бы меня по рукамъ и по ногамъ; тормозила бы все мое дѣло. Надо выкинуть ее изъ головы. Она достойна только презрѣнія.— И тутъ же онъ думалъ о томъ, какъ хороша она была въ своемъ траурномъ платьѣ, съ печатью страданья на чистомъ, блѣдномъ лицѣ, какъ она очаровательна, какую волшебную власть она имѣла надъ нимъ!..

По дорогѣ домой онъ наткнулся на группу мужчинъ. Одинъ изъ нихъ загородилъ ему дорогу и, нахально раскачиваясь, выговорилъ:

— Я и мои товарищи находимъ, что здѣсь развелось черезчуръ много поповъ. Вы какъ полагаете, сэръ?

— Я нахожу, что здѣсь еще больше игроковъ и воришекъ, дружище,—былъ отвѣтъ. Въ то-же мгновеніе Джонъ получилъ ударъ кулакомъ по лицу. Онъ схватилъ за горло оскорбителя, швырнулъ его на земь и продержалъ такъ съ минуту, потомъ выпустилъ и сказалъ.

— Теперь убирайся и чтобъ я больше не видалъ тебя!

— И не увидите сэръ, — выговорилъ голосъ за его спиной. Кучка негодяевъ разсыпалась въ разныя стороны, возлѣ Джона стоялъ полисменъ.—Этого молодца я подкарауливаю вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, батюшка.

И полисменъ повелъ молодого человѣка въ тюрьму. То былъ Чарли Уилькъ. Въ это самое утро, при допросѣ м-рсъ Джупъ, Агги, вызванная свидѣтельницей, принуждена была назвать имя своего соблазнителя. Оно попало во всѣ вечернія газеты, и владѣлецъ типографіи, гдѣ работалъ Чарли, поспѣшилъ отказать ему отъ мѣста.

XIII.

Недѣлю спустя, Джонъ Стормъ, раздосадованный продолжавшейся противъ него травлей въ газетахъ, взволнованный новой попыткой дяди, который явился къ нему лично уговаривать его бросить начатое дѣло и жениться. Джонъ Стормъ, проходя по Сого, неожиданно вздрогнулъ, увидавъ впереди себя фигуру старика въ рясѣ, опоясанной веревкой. То былъ отецъ настоятель Бишопсгэтскаго братства. Джонъ нагналъ его и поздоровался съ нимъ,

— А я шелъ навѣстить тебя, сынъ мой.

— Вы, значитъ, слышали, что случилось?

— Да; стрѣлы діавола летятъ быстро.—Онъ взялъ Джона подъ руку, и они пошли рядомъ.—Земныя скорби, какъ монашеская власяница, напоминаютъ намъ о Немъ; ударъ поразившій тебя, ниспосланъ тебѣ Богомъ, чтобъ напомнить тебѣ о нарушенномъ тобою обѣтѣ. Что я тебѣ говорилъ передъ твоимъ уходомъ? — что ты черезъ годъ вернешься къ намъ. И вернешься! Откажись отъ міра, сынъ мой! Онъ дурно обходится съ тобой. Человѣческія страсти царятъ въ немъ; сама церковь не болѣе, какъ христіанское общество, стоящее внѣ сферы вліянія и руководительства Духа Святаго. Оставь ихъ и вернись къ твоимъ невыполненнымъ обѣтамъ.

Джонъ покачалъ головой и повелъ отца настоятеля въ домикъ для причта, гдѣ уже собрались дѣвушки.

— Могу ли я оставить міръ, отецъ, когда у меня на рукахъ такое дѣло?

Въ этотъ вечеръ отецъ настоятель проповѣдывалъ вмѣсто Джона. Прощаясь съ нимъ у двери ризницы, старикъ сказалъ:

— Благочестивое начинаніе можетъ быть добрымъ, сынъ мой, если оно имѣетъ въ виду спасеніе душъ. Но что, если бы Господу угодно было оторвать тебя отъ всего этого, призвать тебя—ну хотя бы къ дѣятельности миссіонера?

Лицо Джона побѣднѣло и приняло испуганное выраженіе.

— Мнѣ нѣтъ надобности бѣжать. Лондонъ представляетъ достаточно обширное поле дѣятельности,

— А все-таки кто знаетъ? Можетъ быть, это окажется необходимымъ для блага души твоей, чтобы ты не поддался суетности, или любви къ славѣ или...или еще какому-нибудь изъ обольщеній сатаны. Однако, мнѣ пора. Прощай, сынъ мой. Господь съ тобою!

Тяжелый день выпалъ для Глори. Рано утромъ лордъ Робертъ заѣхалъ за нею и повезъ ее на считку новой пьесы. Считка происходила въ фойе одного изъ пустующихъ маленькихъ театровъ; тамъ же на нята была и сцена для репетиціи. Участвующіе—все болѣе или менѣе опытные актеры и актрисы—приняли ее съ видомъ учтивой снисходительности, какъ товарку, обязанную своей первенствующей ролью не таланту, а разнымъ другимъ причинамъ. Это укололо Глори; она чувствовала, что попала въ ложное положеніе и сердилась на себя, зачѣмъ позволила лорду Роберту заѣхать за ней. Но это были только цвѣточки, униженіе ея едва началось.

Въ комнату быстро вошелъ маленькій толстенькій человѣчекъ со связкой бумагъ въ рукѣ. Онъ подбѣжалъ къ лорду Роберту, извинился, что опоздалъ и отеръ платкомъ потъ съ лысой головы и лица. То былъ Сефтонъ.

— Это нашъ будущій режиссеръ,—объявилъ лордъ Робертъ. М-ръ Сефтонъ кивнулъ головой, подмигнулъ обоими глазами и сказалъ: «Очарованъ, ей-Богу очарованъ!».

Глори отъ стыда готова была провалиться сквозь землю, но не сказала ни слова. Она поняла, что когда женщинѣ нанесли самое жестокое оскорбленіе, — когда оскорблена честь ея,—самое лучшее, что она можетъ сдѣлать,—это молчать.

Всѣ усѣлись, и началось чтеніе. Начали съ дѣйствующихъ лицъ и именъ ихъ исполнителей; имя Глори стояло послѣднимъ. Всѣ нервы ея болѣзненно вздрогнули, когда режиссеръ прочелъ: «и *Глорія*—миссъ Глори Квэйль».

Пьеса изобиловала рискованными положеніями; героиня была ужасная женщина, разорившая и погубившая перваго человѣка въ странѣ. Каждый изъ участвующихъ слѣдилъ за своей ролью, отмѣчая въ умѣ выигрышныя мѣста, но Глори горѣла отъ стыда. Какъ она будетъ играть эту гадкую женщину, развращенную до мозга костей? Чтобъ войти въ такую роль, нужно совершенно отрѣшиться отъ самой себя, отъ своей души. Чтеніе кончилось; артисты поздравляли другъ друга; Сефтонъ подошелъ къ Глори и спросилъ, какъ она находитъ пьесу.

По его мнѣнію, она страшно бьетъ по нервамъ, а ея роль великолѣпна.

— Да, но только дурная женщина можетъ хорошо съиграть эту роль.

— *Вы* съиграете; вамъ вѣдь по опыту!—весело возразилъ режиссеръ. Глори уѣхала домой сконфуженная, удрученная стыдомъ и совершенно разбитая.

Дома ее ждала газета, изъ второразрядныхъ театральныхъ, еще сырая, только что снятая со станка, и одинъ столбецъ въ газетѣ обведенъ былъ синимъ карандашемъ. Это было нѣчто въ родѣ краткаго обзора ея предъидущей карьеры; здѣсь было все—продажа программъ, уборная, иностранные клубы, — вся темная сторона ея лондонской жизни, выставленная въ самомъ ужасномъ свѣтѣ; впечатлѣніе получалось такое, что Глори прошла огонь и воду, и мѣдныя трубы, что она была не только выброшена на улицу, но и сроднилась съ ней.

Ну что жъ! она избрала себѣ родъ жизни и должна принимать его такимъ, какъ онъ есть. Но какъ же свѣтъ безпощаденъ къ женщинѣ, если даже успѣхъ ея можетъ стать для нея позоромъ! Глори чувствовала, что прошлое,—неумолимое прошлое,—снова цѣпляется за нее и тянетъ ее къ себѣ, что ей не выбраться изъ этой грязи.

Въ тотъ же вечеръ она написала Джону Сторму, и на другое утро, раньше, чѣмъ вставала Роза,—которая просиживала далеко за полночь за работой и потому вставала поздно,—услышала голосъ внизу. Услыхала и собаченка ея и принялась лаять. Черезъ минуту Джонъ былъ уже въ гостиной, и она смѣялась, глядя въ его прекрасные черные глаза, потому что онъ засталъ ее на диванѣ зажимающей ротъ моськѣ, чтобы она не мѣшала ей прислушиваться.

— Это вы? Какъ хорошо, что вы пришли рано... Ахъ, противная собаченка! она просто ужасна!... Я хотѣла сказать вамъ, что я ничего не знала о церкви, ничего какъ есть... Если бъ мнѣ хоть въ голову пришло... Но они мнѣ ни слова не сказали—это было очень нехорошо съ ихъ стороны—ни слова. Я узнала ужъ, когда это попало въ газеты.

— Если они такъ васъ обманываютъ, какъ же вы можете быть дружны съ ними?

Джонъ стоялъ, облокотясь объ уголъ каминной рѣшетки; Глори подошла и, тоже прислонившись, стала противъ него.

— Вы хотите сказать, что мнѣ лучше все это бросить? Теперь уже поздно. И тогда было поздно, когда я узнала. И притомъ, что пользы? Ваше положеніе не измѣнилось бы, а я... театръ достался бы кому-нибудь другому,—только и всего.

— Я думалъ о будущемъ, Глори, а не о прошломъ. Люди, разъ обманувшіе насъ, способны и впредь обманывать.

— Правда... это правда... только... только...

У нея подгибались колѣни; онъ посмотрѣлъ на нее и отвернулся.

— Ну что жъ, поздно, такъ нечего и говорить. Сдѣланнаго не воротишь.

— Не воротишь,—какъ эхо, повторила она.

Онъ старался припомнить, зачѣмъ онъ шелъ сюда, что хотѣлъ сказать, но какъ ни старался, припомнить не могъ. Стоило ему взглянуть на нее, чтобы нить мыслей его оборвалась. Ея близость, точно ароматъ цвѣтовъ, туманила ему голову; ему хотѣлось дотронуться до нея. Наступило неловкое молчаніе; потомъ онъ переложилъ шляпу изъ руки въ руку и отошелъ отъ камина.

— Вы уже уходите? такъ скоро?

— Я занятъ и...

— Да, у васъ теперь должно быть очень много дѣла.

— И потомъ къ чему... Зачѣмъ длить это тягостное свиданіе, Глори?

Она поглядѣла на него изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ. Въ его усталомъ взорѣ свѣтилось что-то, отъ чего быстрѣе забилось ея сердце.

— Развѣ ужъ оно такъ тягостно?

— Глори, я хотѣлъ сказать вамъ, что я больше не стану приходить, не могу.

— Нѣтъ?! Вы такъ заняты? Неужели такъ ужъ заняты, что не выберете минутки повидать стараго друга?

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, словно отстраняя что-то.

— Это развлекаетъ... отвлекаетъ...

— Ахъ, вотъ что. Въ такомъ случаѣ,—она принужденно засмѣялась,—я сама буду навѣщать васъ. Да, да, серьезно.

— Вы не должны дѣлать этого, Глори. Это значитъ только мучить.

— Мучить! Господи, помилуй! Почему же мучить?

— Потому,—онъ заикнулся, и она видѣла, какъ дрожали его губы; но затѣмъ онъ пересилилъ себя и спокойно, очень спокойно, медленно выговаривая слова, ледянымъ тономъ докончилъ:—потому что я люблю васъ!

Она услышала, наконецъ, то, чего такъ жаждало ея сердце, и не отдала бы назадъ этихъ словъ за всѣ сокровища міра, а между тѣмъ ей было страшно, она вся дрожала.

— Мы съ вами разные люди, Глори, вотъ въ чемъ бѣда,—и такъ всегда было. У насъ нѣтъ ничего общаго, абсолютно ничего. Вы избрали себѣ путь въ жизни, я тоже, и наши дороги разошлись въ разныя стороны. Ваши друзья не друзья мнѣ. Мы совсѣмъ, совсѣмъ разные люди, и все-таки—все-таки я люблю васъ! Вотъ почему я не могу придти.

Это было сладостно, но ужасно, и такъ далеко отъ признанія, о которомъ она мечтала: «Люблю тебя!—ты для меня все!—я не могу жить безъ тебя!» И однако, онъ былъ правъ. Она убила его любовь, прежде чѣмъ она родилась, и она родилась мертвой. Срывающимся, упавшимъ голосомъ она выговорила:

— Вы несомнѣнно правы. Вамъ лучше судить. Вы, вѣроятно, все это обдумали...

— Не думайте, Глори, что мнѣ это легко достается. Я уже много выстрадалъ и знаю, что буду страдать еще дольше. Пусть, я бы снесъ... Но, ради моего дѣла...

— Ахъ, вотъ что... Конечно, я не могу ожидать... Вы, разумѣется, любите и свое дѣло...

— Да, я и дѣло свое люблю, и шутить этимъ нельзя. «Если глазъ твой соблазняетъ тебя»...

Глори была уязвлена.

— Ну, что жъ, если горю нельзя помочь, намъ остается пожать другъ другу руки и разстаться...

Никогда еще, до этой минуты, когда онъ произнесъ себѣ приговоръ, а она подписалась подъ нимъ, Джонъ не сознавалъ, какъ прекрасна она въ его глазахъ. Теперь ему хотѣлось крикнуть ей это; признаніе рвалось наружу.

— Не того я ожидалъ, Глори, не о томъ мечталъ столько лѣтъ.

— Такъ лучше,—кажется, что лучше.

— Я старался и вамъ приготовить мѣсто, но вы не захотѣли... уклонились... предпочли другой жребій.

Глори вспомнила Сефтона, газетку, роль—и закрыла лицо руками.

— Могу ли я продолжать, Глори, рискуя гибелью моей... Это опасно, просто опасно.

— Да, вы священникъ, а я актриса. Вамъ слѣдуетъ принять это въ соображеніе. Люди такъ невѣжественны, такъ жестоки; я увѣрена, что уже и теперь говорятъ...

— Вы думаете, что *это* могло бы смутить меня, Глори? — Она отвела руки отъ лица.—Вы думаете, что я способенъ придавать значеніе жалкимъ сплетнямъ свѣта?

— Значитъ, вы не будете думать обо мнѣ дурно?

— Я буду представлять себѣ насъ обоихъ какими мы были прежде, раньше, чѣмъ свѣтъ разлучилъ насъ, раньше, чѣмъ вы...

Ее неодолимо тянуло броситься ему на шею, но она поборола себя и мягко выговорила:

— Вы совершенно правы, судите вполнѣ разумно. Я избрала свой жребій и должна стараться извлечь изъ него что можно.

— Итакъ...—Онъ протянулъ руку.

Но она заложила руки за спину, думая:

«Нѣтъ; если мы пожмемъ другъ другу руки, тогда всему конецъ».

Глубокое, безнадежное отчаяніе выразилось на лицѣ его.

— Прощайте.

Она не заплакала. Роза, сойдя внизъ, застала ее сіяющей, улыбающейся.

*

— Здѣсь былъ вашъ другъ, м-ръ Стормъ? Да. Остерегайтесь его, дружокъ. Онъ способенъ разбить всю вашу карьеру и думать, что этимъ онъ служитъ Богу.

— Опасности нѣтъ, Роза. Онъ приходилъ только затѣмъ, чтобы сказать, что онъ не придетъ больше.—Въ ея глазахъ вспыхнулъ огонекъ, погасъ и опять вспыхнулъ.

— Да,—подумала Роза, — въ ней есть что-то необычайно привлекательное; всѣ другія женщины кажутся при ней безцвѣтными. Тутъ Роза вспомнила еще о комъ-то и вздохнула.

XIV.

Репетиціи начинались рано утромъ и продолжались далеко за полдень. Глори находила ихъ утомительными, угнетающими, нерѣдко унизительными. Кромѣ поддѣльныхъ страстей, которыя приходилось изображать на сценѣ, Глори нашла тамъ не мало страстей настоящихъ: зависть, ревность, злорадство, вражда, порождаемая жизнью, гдѣ борьба за существованіе достается всего тяжеле, попытки воспользоваться ея неопытностью, лишить ее лучшаго мѣста на сценѣ, выкинуть выигрышную фразу, не подать во-время реплики. Все это холодило ей сердце, полутьма, утомительное ожиданіе, пустыя кресла въ парусиновыхъ чахлахъ, внимавшія артистамъ, словно скопище безмолвныхъ привидѣній, и сознаніе, что за этими стѣнами свѣтъ, шумъ, кипучая жизнь и дѣятельность, приводили ее въ такое угнетенное состояніе, что она изо дня въ день возвращалась домой съ болью въ головѣ и въ сердцѣ, не имѣя силъ удержать слезы.

Когда же она, наконецъ, приспособилась къ этимъ условіямъ, кое-что передѣлала, кое съ чѣмъ примирилась и освоилась съ ролью настолько, что могла репетировать безъ тетрадки, явилось новое мученіе—отвращеніе къ типу, который она должна была изображать. Воображаемая Глорія, была страшно горда, тщеславна, эгоистична, она все попирала ногами, добиваясь побѣды надъ міромъ и земного счастья.

Тѣмъ временемъ живой Глоріи приходилось разыгрывать совершенно иную роль. Каждое утро, съ нестерпимо реальной болью въ сердцѣ, она просматривала газеты, ища извѣстій о Джонѣ Стормѣ. Искать приходилось недолго. О немъ сложилась цѣлая легенда, грубая и смѣшная, въ которой онъ выставлялся чѣмъ-то вродѣ современнаго Донъ-Кихота, воюющаго съ вѣтряными мельницами... На каждомъ шагу попадались каламбуры по поводу его фамиліи, рисунки, каррикатуры, всѣ виды шутки, которая перестаетъ быть шуткой, потому что переходитъ въ оскорбленіе.

Время отъ времени она позволяла себѣ украдкой поглядѣть на его дѣло, гуляла по Сого, прислушивалась къ разговорамъ обывателей, подходила къ церкви и слушала пѣніе.

«Странное обвиненіе противъ священника!» Озаглавленная такимъ образомъ статейка появилась въ одной изъ самыхъ дрянныхъ газетокъ. Въ ней разсказывалось, какъ одинъ юный негодяй (то былъ Чарли Уилксъ) былъ арестованъ за нападеніе на улицѣ на отца Сторма, какъ его приговорили къ двухнедѣльному тюремному заключенію и какъ, несмотря на заступничество отца Сторма и предложеніе взять обидчика на поруки, юноша обвинилъ своего благодѣтеля въ связи съ своей возлюбленной (Агатой Джонсъ).

Досада Глори на отношеніе общества къ Джону Сторму перешла мало-по-малу въ глубокую любовь къ *человѣку*, непонятому и попираемому ногами. Она узнала изъ газетъ, когда онъ будетъ служить въ послѣдній разъ, и пошла въ церковь. Церковь была биткомъ набита, главнымъ образомъ, бѣдняками; въ воздухѣ стоялъ тяжелый запахъ апельсиновъ и пива. Когда вошли пѣвчіе и впереди ихъ Джонъ Стормъ, въ черной рясѣ, сознаніе его близости радостной дрожью разлилось по тѣлу Глори.

Онъ проповѣдывалъ на текстъ: «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры!» Въ первой половинѣ проповѣди ораторъ громилъ безнравственность мужчинъ. Мы чисты только снаружи; хваленая нравственность англичанъ не что иное, какъ опрятный, прикрытый развратъ; подъ нимъ гниль, испорченность и грѣхъ! Между нами масса отъявленныхъ сластолюбцевъ, которыхъ общественное мнѣніе изъ лѣности оставляетъ въ покоѣ, людей,—которые даже не знаютъ, гдѣ искать своихъ дѣтей. Заставьте ихъ опуститься въ трущобы, и они отыщутъ сходство съ собою и—Боже прости имъ!—съ ихъ матерями въ лицахъ отщепенцевъ и преступниковъ. Вторая часть посвящена была защитѣ женщины. Отношеніе общества къ женщинѣ есть вопіющая несправедливость. Кто думаетъ о героизмѣ женщинъ, объ ихъ самоотверженности, ихъ незамѣтныхъ, ничѣмъ не вознаграждаемыхъ трудахъ? Почему женщина цѣнится въ наше время такъ низко? Она почти не нарушаетъ законовъ природы и, если нарушаетъ, въ этомъ виновенъ главнымъ образомъ мужчина. Мужчины соблазняютъ женщинъ нарядами, роскошью, деньгами, славой, заставляя ихъ уклоняться отъ ихъ истиннаго призванія; но настоящая женщина въ концѣ концовъ всегда вернется на путь истинный, предпочтетъ лживой мишурной славѣ невидимое и не кричащее дѣло матери и не сочтетъ это добродѣтелью, не поставитъ себѣ въ заслугу. «Да, матери, жены, дѣвушки—въ вашихъ рукахъ спасеніе Англіи. Живите для него и да наградитъ васъ Господь и Пречистая Матерь Его за вашъ тернистый жизненный путь вѣчною славой!»

Послѣ всенощной былъ крестный ходъ со знаменами, крестами, звѣздами, синими и зелеными цвѣтами лилій, но Глори ничего не видала. Она стояла на колѣняхъ, опустивъ голову, задыхаясь отъ волненія. Когда она замѣтила, что служба кончена, публика уже разо-

шлась; по церкви расхаживала только старушка въ траурѣ, позвякивая ключами.

— Отецъ Стормъ уже ушелъ?

— Нѣтъ, ма'мъ; онъ въ ризницѣ.

— Проводите меня туда.

Черезъ минуту она стояла лицомъ къ лицу съ Джономъ Стормомъ, въ маленькой комнаткѣ съ голыми стѣнами и почти безъ мебели, вся дрожа, вперивъ въ него взоръ, полный любви и страха.

— Глори, зачѣмъ вы пришли сюда?

— Я не могла не придти.

— Вѣдь мы простились и разстались.

— Вы, но не я. Это не такъ-то легко...

— Легко? Я вѣдь вамъ говорилъ, что это будетъ не легко, дитя; такъ оно и было. Я зналъ, что буду страдать, и страдалъ. Но я справился съ собой, вы видите, я перенесъ это. Не спрашивайте, какою цѣной.

— О, о, о!—Она закрыла лицо руками.

— Вначалѣ діаволъ мучилъ меня любовью. Всюду и вездѣ я видѣлъ и слышалъ только васъ, Глори. Но это я поборолъ въ себѣ; тогда онъ сталъ мучить меня угрызеніями совѣсти, зачѣмъ я оставилъ васъ одну среди соблазновъ свѣта, когда мой долгъ былъ слѣдить за вами. И это я поборолъ.

Она быстро вскинула на него глаза.

— Ахъ! вы этого не знали? Ну, да все равно. Теперь все кончено; я сталъ другимъ человѣкомъ. Зачѣмъ же вы приходите снова мучить меня? Вамъ вѣдь не больно, нисколько. Вамъ ничего не стоитъ разомъ все стряхнуть съ себя. Ужъ такая у васъ натура, Глори; съ этимъ ничего не подѣлаешь. Но развѣ вамъ недоступно состраданіе? Къ чему искать меня здѣсь, гдѣ я стараюсь помогать безпомощнымъ, честнымъ дѣвушкамъ, которыя настолько добродѣтельны, чтобъ оставаться бѣдными, настолько мужественны, чтобъ обходиться безъ друзей. Почему вы не можете оставить меня въ покоѣ? Что я для васъ? Ровно ничего! Вамъ нѣтъ дѣла до меня, никакого!..

Она опять взглянула на него, и на этотъ разъ любовь въ ея взорѣ пересилила страхъ. Онъ видѣлъ это и не могъ не сознаться себѣ, что это страшно на него дѣйствуетъ.

— Вернитесь въ избранную вами сферу, несчастная дѣвушка. Вы любите ее, — поневолѣ должны любить; вы пожертвовали ей лучшими стремленіями своего сердца!

Теперь она улыбнулась, прежней, лучезарной улыбкой, но съ оттѣнкомъ торжества, котораго Джонъ не замѣчалъ раньше. Отъ этой улыбки онъ чуть не обезумѣлъ. Чтобы справиться съ собой, онъ попробовалъ еще разъ оскорбить ее.

— Вернитесь къ вашимъ друзьямъ, къ людямъ, которые *играютъ*

въ дѣйствительную жизнь, строютъ карточные домики, отдаютъ душу и тѣло за аплодисменты въ театрѣ! Вернитесь къ лжи и лицемѣрію свѣта, къ безмозглымъ франтамъ, къ безсмысленному препровожденію времени, къ тѣмъ, кто прекрасно танцуетъ, чувствуетъ себя, какъ дома, въ гостиной, знаетъ всѣ тонкости спорта и закулисныя сплетни! Я ничего этого не знаю, за это меня бьютъ и ругаютъ, потѣшаются надо мной, травятъ, какъ нарушителя приличій, избѣгаютъ, какъ прокаженнаго! Зачѣмъ вы пришли?—выкрикивалъ онъ упавшимъ хриплымъ голосомъ.

Она протянула къ нему руки и сказала:

— Потому что я люблю васъ!

— Что вы говорите?—Онъ вздрогнулъ, какъ ужаленный.

— Я люблю васъ и всегда любила; и вы меня любите,—вы сами это знаете, вы все еще любите меня!

— Глори!

— Джонъ!

— Ради Бога! Глори!

Съ дикимъ крикомъ радости онъ бросился къ ней, схватилъ ее въ свои объятія, покрывая лицо и руки ея поцѣлуями. Минуту спустя, онъ шепнулъ: «Не здѣсь, не здѣсь»; и она тоже почувствовала, что стѣны давятъ ихъ, что нужно выйти на воздухъ, въ поле, въ паркъ.

Въ дверь постучали. М-рсъ Пинчеръ сообщила, что отца Сторма желаетъ видѣть какой-то господинъ. Посѣтитель оказался м-ромъ Джупомъ. Простоватое лицо его выражало странную смѣсь страха и радости; онъ какъ будто хотѣлъ улыбнуться и не рѣшался.

— Моя бѣдная хозяюшка освобождена и просится домой. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы мнѣ посовѣтовали, сэръ, какъ мнѣ быть.

— Возьми ее къ себѣ и прости ей; Христосъ велѣлъ прощать.

Сердце Джона было полно безграничной любовью ко всѣмъ и ко всему; проходя, онъ съ каждымъ прощался: Доброй ночи, м-рсъ Пинчеръ. Доброй ночи, Лидія.

— Вотъ это такъ настоящій *отецъ*,—сказалъ кто-то ему вслѣдъ.

На небѣ стояла полная луна; пока они шли по улицамъ, свѣтъ ея боролся съ свѣтомъ газовыхъ рожковъ въ окнахъ лавокъ, какъ пламя борется съ солнечнымъ свѣтомъ, но когда они вступили подъ зеленые своды деревьевъ, она засіяла полнымъ блескомъ, чистая и прекрасная, какъ невѣста. Необъятный сводъ небесный сверкалъ звѣздами; земля и небо, казалось, улыбались улыбкой любви. Довольно сильный южный вѣтеръ раскачивалъ деревья парка, и каждый листикъ въ этомъ райскомъ уголкѣ пѣлъ о любви!

Руки ихъ встрѣтились, и они пошли молча, боясь неосторожнымъ словомъ разрушить очарованіе, боясь проснуться отъ волшебнаго сна. Джону не вѣрилось, что они вмѣстѣ, что это не сонъ, а дѣйствительность, хотя отъ прикосновенія ея руки по тѣлу его разливался радост-

ный трепетъ, какого онъ никогда не зналъ прежде; ему казалось, что онъ несется по облакамъ. Глори тоже не чувствовала подъ собою ногъ; кровь ея кипѣла. Отъ времени до времени она отирала слезы съ блестящихъ глазъ, одинъ разъ она остановилась, нагнулась къ Джону и долго смотрѣла ему въ глаза; потомъ подняла голову и поцѣловала его.

— Хотите вы этого, или нѣтъ, а ваша жизнь связана съ моей — навсегда, навсегда,—шепнула она.

— Да, такъ должно быть. Теперь я знаю. Я не могу дольше обманывать себя.

— И мы будемъ счастливы, да? Несмотря на все, что ты говорилъ, мы будемъ страшно счастливы, правда?

— Да; это все надо забыть, Глори.

— И простить,—добавила она, вздохнула, покраснѣла и шепотомъ попросила его еще разъ поцѣловать ее.

— Любовь моя!

— Жизнь моя!

Вѣтеръ сбросилъ капюшонъ плаща съ ея головки, и Джонъ могъ обонять ароматъ ея волосъ.

Онъ старался припомнить, что онъ сдѣлалъ для того, чтобъ заслужить такое счастье, но все, выстраданное имъ, казалось ему ничтожнымъ въ сравненіи съ блаженствомъ этой минуты. Большіе часы на Вестминстерской башнѣ начали бить; звуки неслись по воздуху, какъ звуки органа, то мощные, то нѣжные, какъ лепетъ ребенка. Дальній рокотъ огромнаго города долеталъ до нихъ, какъ гулъ прибоя въ глубину тихаго островка, въ біеніи пульса ихъ соединившихся рукъ имъ слышалось біеніе пульса всего міра.

Онъ отвелъ ее домой; у дверей они простились.

— Не входите,—шепнула Глори. Ей хотѣлось остаться одной, чтобы мысленно пережить все происшедшее, каждое слово, каждый взглядъ. Долгое, нѣжное рукопожатіе, и они разстались.

Джонъ вернулся домой паркомъ, стараясь ступать на тѣ мѣста, гдѣ сохранились слѣды ея ногъ. Дойдя до парка, онъ нѣсколько разъ обошелъ его кругомъ. «Богъ не осудитъ насъ! — думалъ онъ. — Мы были созданы другъ для друга!» Онъ снялъ шляпу; вѣтеръ обвѣвалъ его разгоряченную голову, онъ былъ счастливъ, счастливъ, счастливъ. Когда онъ закрывалъ глаза, иллюзія ея близости становилась полной; ему трудно было повѣрить, что она не идетъ рядомъ съ нимъ.

Подъ утро вѣтеръ утихъ, пернатое населеніе лѣса замолкло, только шаги его гулко отдавались по гравію. Потомъ на востокѣ появилась желтая полоска; свѣжій вѣтерокъ, предвѣстникъ зари, пронесся надъ землей, шелестя верхушками травъ; закачались деревья, подернулась зыбью поверхность озера; міръ потянулся и зѣвнулъ.

Когда Джонъ возвратился домой, паркъ еще не открывалъ своихъ отяжелѣвшихъ вѣждъ; жильцы его, бездомные босяки, еще спали мир-

нымъ сномъ на скамейкахъ. Блѣдный туманъ окутывалъ Лондонъ, но башни Аббатства уже ясно вырисовывались на свѣтломъ небѣ, и вокругъ нихъ рѣяли голуби, какъ чайки вокругъ утесовъ. Что за ночь это была! Ночь грезъ, ночь любви и упоенія!

Дома его ждало письмо отъ епископа лондонскаго — всего двѣ строчки: «Приходите повидаться со мной въ Сентъ-Джемсъ-скверѣ».

XV.

Все, что было чарующаго и привлекательнаго въ жизни, отъ которой она готовилась отказаться, вдругъ представилось Глори. Стараясь остаться вѣрной своимъ измѣнившимся отношеніямъ съ Джономъ Стормомъ, она на другое утро не пошла на репетицію, но у нея не хватило духу сказать Розѣ правду, и она сослалась на усталость. Роза взялась сообщить о ея нездоровьи режиссеру; такимъ образомъ первое облачко скрытности омрачило ихъ дружбу.

Черезъ два дня пришла записка отъ режиссера: «Надѣюсь, вы отдохнули и скоро появитесь... Безъ васъ все кажется плоско, скучно, играютъ вяло, ни жизни, ни одушевленія... Злые языки шепчутъ, что вы трусите отвѣтственной роли. Дурачье! Если вы будете имѣть успѣхъ въ этой пьесѣ, ваша карьера обезпечена. А вы *будете* имѣть его!»

Вмѣстѣ съ этимъ ей прислали изъ театра еще три письма. Одно отъ агента, просившаго разрѣшенія взять на себя поставку всѣхъ газетныхъ замѣтокъ о ней, прилагая образчикъ: «Маленькая птичка шепнула намъ; что «Глорія» въ роли «Глоріи» дастъ нѣчто небывалое, поразительное. Кто присутствовалъ на репетиціяхъ, въ одинъ голосъ говорятъ—и т. д., и т. д.». Другое письмо было отъ издателя еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, съ просьбой разрѣшить ихъ спеціальному фотографу снять съ нея портретъ для заглавнаго листа; въ третье была вложена карточка интервьюера. Три дня тому назадъ Глори не придала бы всему этому никакого значенія; теперь она вся трепетала отъ радостнаго возбужденія.

Заѣхалъ Джэкъ, который не показывался цѣлыхъ двѣ недѣли. Онъ былъ блѣденъ и серьезенъ; обычной жизнерадостности не было и въ поминѣ; голосъ его вздрагивалъ, движенія были нервны. Глори никогда еще видала его такимъ взволнованнымъ, а Роза—та просто онѣмѣла отъ изумленія.

— Я поступилъ скверно, — началъ онъ, — и пришелъ сказать, что сознаю это. Подло было выгнать человѣка изъ его церкви и еще подлѣе—вмѣшать въ это васъ. Говорятъ, всѣ средства хороши на войнѣ и въ... — Онъ запнулся и покраснѣлъ какъ дѣвушка, потомъ прибавилъ: — Все равно, мнѣ жаль... очень жаль, и еслибъ я могъ быть чѣмъ, нибудь полезенъ ему...

Глори хотѣла возражать и не могла; сердце ея билось такъ сильно, что языкъ не повиновался ей.

— Я уже пробовалъ загладить, хотя отчасти, свою вину. У лорда Роберта есть приходъ въ Вестминстерѣ; я просилъ его передать этотъ приходъ въ распоряженіе епископа съ просьбой поручить его отцу Сторму.

— Но захочетъ ли онъ?

— Я сказалъ ему, что этого требуетъ долгъ. Необходимо что-нибудь предпринять, чтобы не потерять окончательно уваженія къ самимъ себѣ. И вообще, я усталъ отъ этого анти-Стормизма. Осуждать его образъ дѣйствій, отрицать его правоту, находить, что онъ не у мѣста въ нашъ вѣкъ и въ нашей странѣ, — все это хорошо для такихъ людей, какъ я; но чтобъ его травили въ религіозныхъ журналахъ духовные пастыри, проживающіе по пяти тысячъ въ годъ и называющіе себя послѣдователями Того, у Кого не было ни крова, ни второй одежды, чьи друзья были блудницы и грѣшники, хотя самъ Онъ не былъ грѣшникомъ, — это низко, это гнусно. Какъ бы онъ ни заблуждался, онъ строитъ на прочномъ основаніи; онъ правильно понимаетъ Христа; онъ человѣкъ и джентльменъ, и мнѣ стыдно, что я взялъ надъ нимъ верхъ. Теперь ужъ все равно, горю не поможешь; но еслибъ я хоть могъ надѣяться, что вы простите—и забудете...

— Да...—тихо выговорила Глори. Наступило молчаніе. Когда она подняла голову, Дрэка уже не было, Роза отирала заплаканные глаза.

— Все это было сдѣлано изъ любви къ вамъ, Глори. Женщина не можетъ ненавидѣть мужчину, когда онъ поступаетъ дурно изъ любви къ ней.

Джонъ Стормъ пришелъ попозже, когда Роза уже ушла, и засталъ Глори одну. Онъ казался другимъ человѣкъ, даже въ лицѣ пополнѣлъ; темные глаза его сверкали; тучи, омрачавшія его душу, исчезли; онъ весь кипѣлъ энтузіазмомъ. Какъ-то даже жутко было слышать его частый смѣхъ, видѣть неловкія попытки этого серьезнаго человѣка быть веселымъ, острить и шутить.

— Какъ бы вы думали, что случилось? Епископъ присылалъ за мной: предлагаетъ мнѣ приходъ въ Вестминетерѣ. Оказывается, что приходъ этотъ принадлежитъ лорду Роберту Юру, но самъ онъ тутъ ни при чемъ. Это лэди Робертъ устроила. Она была у епископа. Дѣла куча; кварталъ ужаснѣйшій. Архидіаконъ, кажется, прочилъ на это мѣсто своего зятя, Голяйтли. Преподобный Іосія былъ у меня нынче утромъ, все шпильки подпускалъ, но я его спровадилъ. Говоритъ, что приходъ этотъ былъ обѣщанъ ему. Вретъ, конечно. По лицу видно. Ха, ха, ха!

Онъ настаивалъ, чтобъ она сейчасъ же пошла съ нимъ взглянуть на арену ихъ будущей дѣятельности. Глори одѣлась, и они вышли. Вечеръ былъ субботній; узкія грязныя улицы, укрывавшіяся подъ

тѣнью Аббатства, были грубо освѣщены открытыми керосиновыми лампочками и загромождены телѣжками зеленщиковъ. Слышались пронзительные возгласы разнощиковъ, грубый хохотъ, брань, проклятія, рѣзкіе выкрики мясника, продававшаго съ торговъ груду темныхъ костей, взвизгиванья торговца жаренымъ картофелемъ; въ воздухѣ стоялъ запахъ прѣлыхъ овощей и жареной рыбы.

— Не правда ли, чудная картина? — сказалъ Джонъ. Глори было жутко и противно; она мечтала совсѣмъ о другомъ, но заставила себя оторваться отъ своихъ грезъ и отвѣтила:—Д-да.

Онъ повелъ ее по всѣмъ ходамъ и переходамъ, которыми изрѣзанъ Вестминстеръ, какъ лицо старика морщинами, показалъ ей «образцовыя» квартиры и пышно разукрашенные притоны, гдѣ пили и плясали дѣвушки съ солдатами.

— Что пользы говорить этимъ людямъ: Не пей! Не воруй! Они отвѣтятъ вамъ: «Живи ты въ этой трущобѣ, ты бы тоже пилъ». А мы имъ покажемъ, что можно жить здѣсь и не дѣлать ни того, ни другого. Это будетъ получше проповѣдей.

Онъ сталъ рисовать ей жизнь, полную самоотреченія, которую ей предстояло раздѣлить съ нимъ. «Деньги всѣ сданы вамъ на руки, Глори. Какъ знаете, такъ и распоряжайтесь. Вы не можете себѣ представить, какъ меня надуваютъ на каждомъ шагу. И потомъ я ужасно расточителенъ, когда у меня бываютъ деньги; впрочемъ, у меня онѣ не задерживаются. Ха-ха-ха! Откуда же ихъ взять. Объ этомъ не безпокойтесь. Богъ дастъ, все будетъ».

Они будутъ жить подъ самой церковью; одѣлять хлѣбомъ голодныхъ и одеждой неимущихъ; откроютъ новое убѣжище въ игорномъ притонѣ супруговъ Шарки, благо теперь онъ пустуетъ, и будутъ принимать туда недостойныхъ бѣдняковъ, такихъ, которымъ нечего сказать въ свою защиту, именно такихъ; этимъ они покажутъ, что не принадлежатъ ни къ мытарямъ и грѣшникамъ, ни къ книжникамъ и фарисеямъ.

— Надо только отречься отъ себя. Жить такъ, чтобы люди видѣли что мы ни въ одномъ своемъ поступкѣ не руководствуемся эгоизмомъ...

Они обошли кругомъ церковь. Джонъ восхищался на каждомъ шагу. Глорія тащилась за нимъ, какъ преступникъ къ позорному столбу. Въ Большой Кузнечной улицѣ у одного увеселительнаго заведенія столпились мужчины и женщины...

— Развѣ это не высоко, не прекрасно? Посвятить всю жизнь борьбѣ со зломъ и горемъ міра! И вы это сдѣлаете. Вы спуститесь въ притоны, видѣнные вами сегодня,—это колыбель грѣха и стыда которую качаетъ столица, — спуститесь туда, какъ ангелъ съ небеси, чтобъ исцѣлить страждущихъ и поднять упавшихъ,—они станутъ для васъ полемъ битвы. Развѣ это не лучше въ тысячу разъ, чѣмъ *играть* въ жизнь?

Глори заставляла себя соглашаться съ нимъ и отъ времени до времени дрожащимъ голосомъ повторяла: «да! о, да!» пока они не дошли до воротъ Гарденъ-гоуза. Здѣсь случилось нѣчто странное. Въ гостиной пѣли подъ акомпаниментъ фортепіано. Пѣлъ Джэкъ. Окно было открыто, и голосъ его далеко разносился по саду:

«Дитя, оглянись! младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ...»

И вдругъ Глори показалось, что въ ней живутъ двѣ женщины, — одна любитъ Джона Сторма, хочетъ жить и работать съ нимъ; другая любитъ свѣтъ и не въ силахъ отречься отъ него. И эти двѣ женщины борются между собой за ея сердце, и каждая стремится покорить его и завладѣть имъ навсегда.

Глори взглянула на Джона; онъ улыбался торжествующей улыбкой.

— Вы счастливы?—спросила она.

— Счастливъ ли! Сотни людей во сто разъ богаче меня, но ни одинъ изъ нихъ не испытываетъ и сотой доли того счастья, какое досталось мнѣ!

— Дорогой мой! — шепнула она, удерживая слезы, и, глядя въ сторону, прибавила: — И вы увѣрены, что я достойна такой жизни, полной самоотреченія?

— Достойна ли! — воскликнулъ онъ, и на минуту веселый смѣхъ его заглушилъ пѣніе.

— Но таково ли будетъ мнѣніе свѣта?

— Разумѣется. Да и кому какое дѣло до мнѣнія свѣта!

— Съ этимъ нужно считаться, милый — необходимо.

И подъ звуки «Лѣсного царя», вполголоса, презирая себя за свое лицемѣріе, Глори принялась развѣнчивать себя, напоминая о своей прежней жизни въ Лондонѣ, о табачной лавочкѣ, иностранныхъ клубахъ, казино, грязи и тинѣ, обрызгавшихъ ее.

— Вѣдь это все извѣстно, милый. Подумали ли вы объ этомъ? Вашъ долгъ принять это соображеніе.

Но Джонъ только смѣялся.

— Ну и что жъ изъ того? Свѣтъ состоитъ большею частью изъ людей грубыхъ, чувственныхъ, эгоистичныхъ, неспособныхъ вѣрить въ благородство души. Всякій новаторъ рискуетъ тѣмъ, что на него будутъ клеветать, злословить, смѣяться надъ нимъ, можетъ быть, запрутъ его въ сумасшедшій домъ. Но кто не предпочелъ бы быть лучше св. Терезой въ ея кельѣ, чѣмъ Екатериной I на тронѣ? И что же собственно можно сказать про васъ? Только то, что вы побывали въ пещи огненной и вышли изъ нея невредимой. Тѣмъ лучше; вы живой примѣръ тому, что можно и въ Вавилонѣ остаться чистой.

— Да, будь я мужчиной, вы были бы правы, но женщина совсѣмъ другое дѣло. Для мужчины честь, что онъ одержалъ побѣду

въ борьбѣ; для женщины позоръ, что она боролась. Вѣрьте мнѣ, я знаю, что говорю. Въ этомъ жестокая трагедія нашей женской доли; какъ вы ни прикрывайте ее, суть дѣла отъ этого не измѣнится. А вы на виду, вы обязаны считаться съ мнѣніемъ свѣта; а тутъ еще ваша семья, вашъ дядя.... Подумайте, что будетъ, если на васъ начнутъ указывать пальцами, чернить и васъ, и вашу миссію, ваше благородное прекрасное дѣло, — и все изъ за меня! Вы меня разлюбите, а я... я...

— Слушайте! Вотъ я стою здѣсь. Станьте рядомъ со мной и пусть волны общественнаго мнѣнія хлынутъ на насъ—мы устоимъ, или упадемъ вмѣстѣ!

— О, о, о!

Глори рыдала на его груди, но въ груди ея боролись самыя противоположныя чувства: радость, боль, восторгъ, страхъ, надежда, разочарованіе. Она пыталась унизить себя въ его глазахъ; еслибъ ей удалось, это разбило бы ея сердце; ей не удалось, онъ восторжествовалъ, но перенести это было еще труднѣе.

Сверху донеслась послѣдняя строфа пѣсни:

«Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ.
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ».

— Спокойной ночи!—шепнула Глори, исчезая въ дверяхъ. Въ столовой на каминѣ лежала адресованная ей телеграмма, отъ режиссера: «Авторъ сегодня прибылъ въ Лондонъ. Надѣется присутствовать на репетиціи въ понедѣльникъ. Будьте непремѣнно».

Свѣтъ простиралъ ей объятія; вымышленная Глорія соблазняла ее картинами блеска, успѣха. Глори прошла на цыпочкахъ въ свою комнату. Тамъ догоралъ огонь въ каминѣ, на стулѣ передъ каминомъ грѣлся ея пеньюаръ. Глори повѣсила его въ шкафъ, вытащила изъ подъ кровати сундучекъ и оттуда вынула костюмъ совершенно иного рода—выходной костюмъ сидѣлки, пріобрѣтенный ею при поступленіи въ госпиталь. Она приподняла его кончиками пальцевъ, посмотрѣла и положила назадъ со вздохомъ.

— Глорія! это вы?—окликнула ее снизу Роза.

— Не придетъ ли нашъ соловей спѣть намъ что-нибудь?—добавилъ веселый голосъ Дрэка.

— Поздно! Я ложусь. Спокойной ночи! — былъ отвѣтъ. Затѣмъ Глори зажгла свѣчу и сѣла писать письмо.

«Бороться безполезно, дорогой Джонъ; я не могу!... Ввести меня въ это святое дѣло —все равно, что бросить фальшивую монету въ кружку для бѣдныхъ. Не то, чтобъ я не понимала. Я восхищаюсь имъ, люблю его, преклоняюсь передъ нимъ. Это величайшее дѣло въ мірѣ; еще недѣлю тому назадъ мнѣ казалось, что я могу ради него всѣмъ пренебречь и все бросить, помня только, что я люблю васъ и что это самое главное. Но теперь я вижу, что это чувство было непрочное и

мимолетное, что при болѣе близкомъ знакомствѣ ваше дѣло отталкиваетъ меня—все равно, какъ госпиталь былъ мнѣ противенъ по утрамъ, когда приходилось убирать палаты и перевязывать раны.

«Простите, простите меня! Если бы я и была въ силахъ раздѣлить вашу жизнь, то, во всякомъ случаѣ, *не въ Лондонѣ*. Здѣсь «старый» змій, именуемый діаволомъ и сатаной, терзалъ бы меня неотступно. Я не могу жить вблизи Лондона, видя и слыша его, той жизнью, которой вы живете. Лондонъ тянулъ бы меня къ себѣ, точно прежній возлюбленный. Надо бѣжать отъ него. Возможно ли это? Не можемъ ли мы куда-нибудь уѣхать? Это чудовищное требованіе, знаю. Скажите, что вы не можете исполнить его; скажите прямо — я буду наказана по заслугамъ».

Было полночь, когда Глори опустила въ ящикъ письмо. Оно съ шумомъ упало на дно, и Глори, крадучись, какъ виноватая, вернулась домой.

XVI.

Въ воскресенье утромъ, Джонъ сообщилъ м-рсъ Каллендеръ, что онъ нашелъ женщину, которая рука объ руку съ нимъ будетъ служить его дѣлу и обѣщалъ привезти ее къ своей названной тетушкѣ, а въ понедѣльникъ съ первой почтой, онъ получилъ письмо Глори. Оно поразило его, какъ ударъ грома среди яснаго неба, ранило до глубины сердца. Потомъ, оставшись одинъ, онъ перечелъ его снова—и расхохотался; перечелъ въ третій разъ—и жестокая спазма сдавила ему горло. Первымъ побужденіемъ его было броситься къ Глори и оскорбить ее, сказать ей, что она сошла съ ума, или считаетъ его сумасшедшимъ. Изъ-за того, что она молодушная трусиха, рабыня свѣта, которая боится возстать противъ своей госпожи, она хочетъ и его видѣть трусомъ, хочетъ, чтобы онъ постыдно бѣжалъ отъ оскорбившаго, истерзавшаго его Лондона, поджавъ хвость, какъ битая собака?

Но вдругъ ему стало жутко, холодная дрожь побѣжала по тѣлу.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не въ одной только человѣческой слабости, тутъ играютъ роль высшія силы. Между ними—свѣтъ, безжалостный свѣтъ; онъ разъ уже оторвалъ ихъ другъ отъ друга, и вотъ, отрываетъ снова, на этотъ разъ безповоротно, не какъ нянька, которая, шутки ради, разсадитъ балованныхъ дѣтей по угламъ, но какъ потокъ, раздѣлившій утесы. «Оставь міръ, сынъ мой, и вернись къ твоимъ невыполненнымъ обѣтамъ!» Неужели это новое напоминаніе?

Потомъ пришла очередь состраданія. Что же такое, что Глори рабыня свѣта? всѣ мы рабы, у каждаго свои цѣли. Хуже всего быть рабомъ самого себя. Въ эту бездну онъ не осмѣлился заглянуть, но сердце его наполнилось нѣжностью къ Глори; онъ припомнилъ, чѣмъ она готова для него пожертвовать, припомнилъ свою досаду, и ему стало стыдно.

Прошла недѣля; Джонъ безпомощно цѣплялся за работу, какъ за якорь спасенія. Каждый день, когда онъ возвращался изъ Сого, на встрѣчу ему выбѣгала въ пріемную м-рсъ Каллендеръ, въ новомъ чепцѣ съ яркими бантами, и каждый разъ, видя, что онъ одинъ, говорила: «Значитъ, не сегодня?»—«Нѣтъ, въ другой разъ»,—отвѣчалъ онъ, и оба дѣлали видъ, что улыбаются

Въ слѣдующее воскресенье Джонъ направился въ Клементсъ-инпъ. Онъ пришелъ, наконецъ, къ рѣшенію и былъ спокоенъ, даже доволенъ, хотя счастье его походило на тыкву, которая выросла въ одинъ день, а на утро засохла на солнцѣ.

Всю эту недѣлю Глори каждый день бывала на репетиціяхъ. Въ понедѣльникъ, утромъ, садясь въ экипажъ, она сказала себѣ: «Не великъ грѣхъ побывать на репетиціи—вѣдь это не обязываетъ играть». Она вела роль очень нервно, тѣмъ не менѣе авторъ остался доволенъ и наговорилъ ей кучу комплиментовъ. Возвращаясь домой, Глори думала: «Можно бы даже съиграть на первомъ представленіи — и потомъ уйти. Уйти послѣ успѣха—вѣдь это геройство!»

Не получая вѣстей отъ Джона, она объясняла себѣ это тѣмъ, что онъ сердится и жалѣла его. «Онъ и не знаетъ, чѣмъ я готова для него пожертвовать!» Такъ вторая женщина искушала ее, увлекала за собой и съ каждымъ днемъ все больше завладѣвала ея сердцемъ.

М-рсъ Макрэ черезъ лорда Роберта пригласила ее къ себѣ на завтракъ. Глори поѣхала вмѣстѣ съ Розой и была очарована собравшимся обществомъ,—веселымъ, блестящимъ, оживленнымъ. Красивыя, остроумныя женщины, умные, изящные мужчины—все больше артисты. Глори была въ ударѣ, сыпала блестками остроумія направо и налѣво; она скоро сгруппировала около себя кружокъ мужчинъ и совершенно затмила томную леди, слывшую первой красавицей въ этомъ кругу.

Но не успѣла она выйти на улицу, какъ все ея оживленіе слетѣло съ нея. По дорогѣ домой, Роза съ гордостью говорила ей:—Вотъ видите! Общество не всегда глупо и пошло; и среди артистовъ есть люди, которые имѣютъ принципы и слѣдуютъ имъ, джентльмены въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Да, конечно. Но, Роза, есть другіе люди, для которыхъ любовь—религія, и если я когда-нибудь встрѣчу такого человѣка, готоваго пренебречь для меня всѣмъ на свѣтѣ, я думаю, я увѣрена, что я тоже все брошу и пойду за нимъ.

— Все бросить! Это было бы мило! Особенно теперь, когда все склоняется передъ вами, когда весь свѣтъ готовъ пѣть вамъ хвалы.

Роза ушла въ редакцію. а Глори придумывала себѣ какой-то костюмъ для сцены, когда вошла Лиза и объявила о приходѣ «батюшки».

— Бранить меня пришелъ, — подумала Глори и принялась пѣть, двигать стулья, переставлять вещи, словомъ, шумѣть; но при видѣ его

впалыхъ щекъ и широко раскрытыхъ глазъ ей захотѣлось кинуться ему на шею и зарыдать.

— Вы пришли сказать мнѣ, что не можете исполнить моей просьбы? Разумѣется, не можете.

— Нѣтъ, не то,—выговорилъ онъ медленно, очень медленно.—Я все обдумалъ и рѣшилъ, что могу, долженъ. Я согласенъ уѣхать, Глори; когда вы будете готовы, я буду тоже готовъ.

— Но куда же? куда?

— Пока не знаю; но я готовъ ждать, пока не развернется свитокъ, готовъ идти шагъ за шагомъ, не зная куда, готовъ идти, куда велитъ Господь, на жизнь или на смерть.

— Но ваше дѣло... ваша великая задача?

— Она въ рукахъ Божіихъ, Глори. Богъ и безъ насъ обойдется; это только мы безъ Него не можемъ обойтись. Солнце садится безъ посторонней помощи.—И блѣдное лицо сдѣлало попытку улыбнуться.

— Но Джонъ, милый, дорогой мой, это совсѣмъ не то, чего вы ждали, о чемъ думали и мечтали, на чемъ строили свои надежды.

— Нѣтъ, не то, и мнѣ грустно, очень грустно—за васъ, Глори. Я мечталъ для васъ о великой будущности. Не одно только дѣло помощи дѣвушкамъ; это могутъ дѣлать и другія. На свѣтѣ много добрыхъ женщинъ,—въ сущности, почти всѣ женщины добры,—но мало великихъ, а для того, чтобы спасти Англію, ей нужна теперь великая женщина... Что касается меня—Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Пути Его неисповѣдимы. Вы были только орудіемъ въ его рукахъ, дитя мое, и орудіемъ почти безсознательнымъ. Можетъ быть, онъ уготовалъ намъ другое дѣло, гдѣ-нибудь далеко отсюда, на краю свѣта, въ миссіи... кто знаетъ?

Чувство, близкое къ страху, сдавило ей горло; она вскинула на него испуганные глаза.

— Въ общемъ, я даже радъ, что такъ вышло. Это поможетъ мнѣ окончательно побѣдить въ себѣ эгоизмъ, навсегда отречься отъ своего *я*. Когда я покину Лондонъ, люди поймутъ, что никакихъ личныхъ разсчетовъ у меня не было, что я думалъ исключительно о своемъ дѣлѣ.

Отъ этихъ словъ щеки ея вспыхнули жаркимъ румянцемъ, и опять ей захотѣлось броситься къ нему на шею и заплакать. Но для этого онъ былъ слишкомъ спокоенъ, слишкомъ печаленъ и духовенъ. Когда онъ всталъ, чтобы проститься, она протянула ему обѣ руки, но онъ только поднесъ ихъ къ губамъ и поцѣловалъ.

Оставшись одна, Глори бросилась на полъ и зарыдала. «О Боже, дай мнѣ силу слѣдовать за этимъ человѣкомъ, который принимаетъ свою любовь ко мнѣ за любовь къ Богу!» Но даже и въ эти минуты, когда она сидѣла на полу поникнувъ головой и закрывъ лицо руками,

ее не покидало жуткое сознаніе того, что *другая* женщина старается простить!

Часъ спустя, послѣ обѣда, она снова вернулась въ гостиную. Роза сѣла за письменный столъ. Въ комнатѣ не было слышно другихъ звуковъ, кромѣ скрипа ея пера, шелеста отъ паденія «гранокъ» и глухо доносившагося колокольнаго звона, призывавшаго къ вечернѣ. Глори сидѣла у окна, опустивъ голову на руки, и смотрѣла въ садъ. Страшная тяжесть давила ей сердце. Она спрашивала себя, могла ли бы она поступить такъ же, ради блага любимаго человѣка, отказаться отъ него, отступить на второй планъ и думать только о немъ? И снова лицемѣріе закралось ей въ душу, и она отвѣтила себѣ мысленно: «Да, могла бы, могла бы» и тутъ же, въ лихорадкѣ нервнаго возбужденія написала письмо.

«Желанія женщины измѣнчивы, что вольный вѣтеръ. Я не могу ѣхать съ вами въ чужіе края, дорогой мой, потому что не могу позволить себѣ разбить вашу жизнь, а *такъ* было бы,—вы сами знаете, что я говорю правду. На свѣтѣ найдутся десятки тысячъ людой, годныхъ для проповѣди въ миссіяхъ, но для вашего дѣла въ Лондонѣ есть только одинъ подходящій человѣкъ, и это—вы. Это изъ той области знанія, которую Господь утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ. Съ моей стороны было бы безсовѣстно отнять у васъ это обширное поле дѣятельности. Я не смѣю. Отвѣтственность слишкомъ велика. Не знаю, какъ у меня хватило совѣсти потребовать этого. Но, слава Богу, теперь она проснулась; еще не поздно».

Но когда письмо было запечатано и отправлено на почту, Глори подумала: «Я, должно быть, съ ума сошла, и въ моемъ безуміи нѣтъ даже системы. Чего же я хочу? раздѣлить его жизнь въ Лондонѣ?— Она припомнила содержаніе своей записки, и ей показалось, что это писала другая жещщина, вымышленная Глорія, съ которой настоящая Глорія день ото дня сливалась все больше.

XVII.

Въ понедѣльникъ Джонъ Стормъ, рано утромъ, вышелъ изъ дому. Въ этотъ день истекалъ срокъ найма квартиры для клуба, и въ Сого ему предстояло много дѣла. Около полудня онъ зашелъ въ церковь въ Бишопсгэтъ-стритѣ; это было въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ братство. Шла обѣдня; проповѣдывалъ самъ настоятель о монашеской жизни.

— Въ человѣкѣ два существа: одно тлѣнное, другое вѣчное; два начала—тѣлесное и духовное. Жизнь—постоянная борьба между этими двумя началами; силы почти равны и часто трудно сказать, на чьей сторонѣ побѣда. Человѣкъ самъ себѣ злѣйшій врагъ. Въ каждомъ изъ

насъ сидитъ Іуда, готовый предать поцѣлуемъ, дай ему только волю. Плотоугодіе—смертный грѣхъ, цѣломудріе—изъ всѣхъ добродѣтелей наибольше угодное Богу. Хотите понять, чѣмъ можетъ быть жизнь монаха? Размыслимъ о вѣсти прилетѣвшей къ намъ изъ-за южныхъ морей. Какая вѣсть поразила нынче утромъ весь христіанскій міръ, какъ громовой ударъ,—нѣтъ, вѣрнѣе, какъ звукъ небесной трубы? Умеръ отецъ Даміанъ! Вспомните его одинокую жизнь на далекомъ островѣ, населенномъ навѣки осужденными, живыми мертвецами. Свободный какъ Христосъ, отъ узъ земной любви и земного брака, не имѣя никого, кто-бы могъ предъявить права на его привязанность, онъ былъ свободенъ посвятить себя Богу и страждущимъ. Онъ воистину сочетался Христу. Славная жизнь! Славная кончина! Вѣчная слава ждетъ его и вѣчное блаженство.

По окончаніи службы Джонъ Стормъ подошелъ къ настоятелю; глаза его горѣли, онъ былъ видимо взволнованъ.

— Я пришелъ предложить вамъ одинъ вопросъ,—началъ онъ,—но вы уже отвѣтили на него. Я поѣду на мѣсто отца Даміана. Я мечталъ о миссіи, но сомнѣвался, призванъ ли я, а безъ зова я страшно боялся идти. Еще сегодня утромъ я не зналъ, что нужно дѣлать, Богъ привелъ меня сюда; теперь я знаю, и рѣшеніе мое принято твердо.

Настоятель былъ не меньше взволнованъ. Оба принялись ходить по двору, строя планы, обсуждая, споря относительно разныхъ подробностей.

— Сначала ты примешь постригъ, сынъ мой!

— Постригъ?

— Ну да, великій постригъ.

— Но... но развѣ это необходимо?

— Такъ будетъ лучше. Подумай—эти несчастные отрѣзаны отъ міра страшной болѣзнью, ты будешь оторванъ отъ него своимъ обѣтомъ. Они прокаженные поневолѣ; ты самъ себя содѣлаешь прокаженнымъ ради царствія небеснаго.

— Но, отецъ мой, насколько же выше жертва, если со мной туда поѣдетъ женщина,—скажемъ, молодая и прекрасная собой, съ большими дарованіями...

— Съ тобой можетъ поѣхать братъ Эндрью.

— Да, и братъ Эндрью. Но святые во всѣ времена были связаны узами дружбы и привязанности съ добрыми женщинами, которыя жили и трудились рядомъ съ ними.

— То были сестры, сынъ мой, старшія сестры.

— И она сестра. И любовь ея глубока и чиста.

— Нѣтъ между людьми непобѣдимаго, сынъ мой; не надо презирать опасности.

— Опасности! Чего же стоитъ моя вѣра, если она не поможетъ мнѣ справиться съ собой!

— Ну хорошо, хорошо. Не торопись рѣшать. Сегодня вечеромъ я приду къ тебѣ въ Сого.

— Приходите. Сегодня послѣдній вечеръ. Надо сообщить бѣдняжкамъ о моемъ рѣшеніи. Пока до свиданія, отецъ.

— До свиданія, сынъ мой.

Джонъ вышелъ съ легкимъ сердцемъ и легкой поступью; настоятель вошелъ въ домъ грустный, поникнувъ головой, говоря себѣ со вздохомъ: «Пусть тотъ, кто думаетъ, что онъ стоитъ твердо, остерегается, какъ бы ему не упасть».

Это былъ день лорда-мэра; на улицахъ толпился народъ. Мальчишки продавали «Полную біографію отца Даміана», и Джону Сторму не скоро удалось добраться домой. Тамъ его ждало письмо отъ Глори. Онъ нервнымъ движеніемъ разорвалъ конвертъ, но, прочитавъ, громко разсмѣялся. «Господь съ ней! Вѣдь она еще не знаетъ». М-рсъ Каллендеръ уѣхала кататься. Она должна была вернуться къ завтраку, но Джонъ не сталъ ждать. Онъ черкнулъ ей нѣсколько строкъ карандашемъ, чтобы сообщить о своемъ великомъ рѣшеніи, и пошелъ къ Глори.

Возвращаясь съ репетиціи, Глори всю дорогу думала о своемъ письмѣ къ Джону, полу-стыдясь, полу-жалѣя, что написала его, но дома ее ждало платье, только что принесенное отъ портнихи,—костюмъ для третьяго акта, самаго главнаго въ пьесѣ. Это былъ чудный костюмъ изъ зеленаго брокара, отдѣланный затканными золотомъ кружевами и изумрудами. Глори не могла устоять противъ искушенія примѣрить и, какъ только она переодѣлась, женщина, которую она должна была изображать, снова завладѣла ею, изгнавъ изъ ея души стыдъ и раскаяніе.

Она пошла въ гостиную, заперла двери и принялась репетировать какъ разъ ту сцену, гдѣ эгоизмъ и тщеславіе мнимой Глоріи выказываются во всей своей силѣ. Глори такъ увлеклась, что говорила громко, забывая, что выражаетъ не свои мысли, и не сразу разслышала голосъ, спрашивавшій за дверьми: «Можно войти?»

Это былъ Джонъ. Глори сконфузилась за свой костюмъ, но уйти было некуда. «Конечно, можно», — отозвалась она, вся дрожа, почти боясь, что онъ увидитъ ее, и въ то же время гордясь своей красотой и роскошью наряда. Но Джонъ не обратилъ вниманія на ея костюмъ, и ей стало досадно. Онъ вошелъ, запыхавшись, почти вбѣжалъ, кинулся въ одинъ уголъ дивана, бросилъ шляпу въ другой уголъ.

— Что я вамъ говорилъ, Глори? Что путь откроется передъ нами,— и онъ открылся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вамъ ничего не пришло въ голову, когда вы просматривали утреннія газеты?

— А что?

— Отецъ Даміанъ умеръ.

— Но развѣ... вы думаете... вы намѣрены?..

— Да, Глори, да.

— Такъ вы не получили моего письма?

— Получилъ, дорогая; но вѣдь вы думали только обо мнѣ,— благослови васъ Боже,—о томъ, что я мѣняю большую арену дѣятельности на маленькую. А это — другого такого дѣла нѣтъ на свѣтѣ, Глори. Пожертвовать жизнью—это немного; но схоронить себя заживо, ежечасно распинать себя—вотъ настоящая жертва.

Ей казалось, что онъ схватилъ ее за горло и душитъ. А онъ вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ, спѣша высказаться.

— Да, дорогая, я жду отъ васъ великой жертвы. Далекій, заброшенный островъ, общество прокаженныхъ, пожизненное изгнаніе... Но Богъ вознаградитъ васъ съ лихвою. Подумайте только, Глори,—подумайте, чѣмъ будете вы для этихъ несчастныхъ! Молодая, красавица,— не скучный старый брюзга, вродѣ меня, который будетъ читать имъ проповѣди и наставленія, но юная, прелестная дѣвушка, которая будетъ смѣяться съ ними, придумывать для нихъ игры, разыгрывать для нихъ мимическія сцены, пѣть, какъ поютъ ангелы. О, они полюбятъ васъ, Глори, они будутъ боготворить васъ, какъ высшее существо. Я уже слышу, какъ они говорятъ между собой: «Спаси ее, Боже! Она могла видѣть свѣтъ у своихъ ногъ, имѣть славное имя, крупное состояніе, и всѣмъ, всѣмъ пожертвовала, изъ жалости и любви къ намъ!» Развѣ это не прекрасно, дитя мое? Что можетъ быть благороднѣе такой жертвы?

Она заставила себя отвѣтить:

— Да, безъ сомнѣнія... это высоко и благородно...

— Такъ вы согласны? О, я зналъ, что въ первомъ письмѣ вы говорили отъ души, что вамъ хочется бѣжать изъ Лондона. Ваше желаніе будетъ исполнено, ибо такова воля Божія.

Она нѣсколько овладѣла собой и сдѣлала попытку отговорить его:

— А ваша церковь въ Вестминстерѣ?

Онъ расхохотался, какъ школьникъ.

— Пусть ею владѣетъ Голяйтли,—на здоровье!

— А убѣжище, клубъ?

— Съ той минуты, какъ я снова встрѣтилъ васъ, Глори, я одну за другою разрывалъ цѣпи, приковывавшія меня къ Лондону. Теперь все порвано, развязано или разрублено и думать больше не о чемъ. Я заставилъ свое я отступить на второй планъ, и это ужъ навсегда. Теперь я могу предстать передъ Богомъ и сказать: «Дѣлай со мной, что хочешь, я готовъ на все, на все!»

— О!

— Вы плачете Глори, милая, родная дѣточка моя, о чемъ же вы плачете?

— Ничего, такъ.

— Правду ли вы говорите? Можетъ быть, я требую слишкомъ многаго, не надо обманывать себя, подумайте.

— Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.—Она засмѣялась.—Посмотрите на меня, Джонъ, хорошенькая я сегодня?

— Вы всегда хороши Глори!

— Но развѣ вы не замѣчаете разницы, напримѣръ въ костюмѣ?

Онъ посмотрѣлъ на нее и большіе глаза его загорѣлись

— Какая вы красавица, дорогая!

— Въ самомъ дѣлѣ, серьезно, я хорошенькая?

— Прелесть моя, красота моя!

Сіяя радостью, она откинула на-задъ головку.

— Не подходите слишкомъ близко, помнете платье!

— Нѣтъ, не бойтесь, мнѣ даже страшно подойти.

— Не то, чтобы совсѣмъ меня нельзя было трогать...

— Что они подумаютъ, эти несчастные изуродованные бѣдняки!

— Не правда ли, этотъ цвѣтъ идетъ къ моимъ волосамъ?

— Они примутъ васъ за мадонну, за самоё матерь Божію.

— Вы—вы боитесь меня въ этомъ нарядѣ, милый? Можетъ быть, пойти, переодѣться?

— Нѣтъ, нѣтъ, дайте еще поглядѣть на васъ.

— А все-таки я вамъ сегодня не нравлюсь...

— Вы!

— Знаете ли вы, что вы еще сегодня ни разу не поцѣловали меня?

— Глори!

— Любовь моя!

— И вы—спросилъ онъ, прижимаясь губами къ ея устамъ,—готовы на все?

— На все,—шепнула она. И тутъ же, не отнимая рукъ отъ его шеи, она отстранилась отъ него, чтобы смотрѣть одновременно и на него, и на свои кружевные рукава.

А у него вдругъ легла складка между бровями. Онъ вспомнилъ предостереженіе настоятеля.

— Но помните, я буду любить васъ только какъ сестру, Глори.

— А!

— Ради этихъ несчастныхъ, которымъ недоступна земная любовь, и мы будемъ любить другъ друга, какъ любятъ ангелы.

— Да, безъ сомнѣнія, это высокая, истинная чистая любовь, но...

— Что говорится въ Талмудѣ: «Кто отрѣшается отъ земныхъ радостей, уготовляетъ себѣ райское блаженство».

Влажными отъ слезъ глазами она глубоко заглянула ему въ глаза.

— Думать, что мы соединимся въ иномъ мірѣ, Глори, какой восторгъ, какое счастье!

— Люби меня въ этомъ мірѣ, мой ненаглядный!

— Ты будешь ихъ юностью, Глори, ихъ силою, ихъ счастьемъ.

— Будь моимъ милый, будь моимъ...

Но морщинка между бровями врѣзалась еще глубже, и онъ освободился изъ ея объятій раньше, чѣмъ губы ихъ встрѣтились снова. И опять онъ забѣгалъ по комнатѣ, бросая на ходу отрывочныя фразы. Имъ придется уѣхать скоро... очень скоро... безотлагательно. А теперь ему надо идти въ Сого. Дѣла куча, надо все устроить. У дверей онъ остановился, дрожа отъ наплыва страсти. не имѣя силъ разстаться съ нею. Она стояла, опустивъ головку, ей было и досадно, и стыдно.

— Итакъ, «au revoir»!—крикнулъ онъ неестественнымъ голосомъ и чуть не бѣгомъ спустился съ лѣстницы. Настоятель былъ правъ, думалъ онъ, нѣтъ между людьми непобѣдимыхъ, но, благодаря Бога, это минуло и больше не повторится.

Все возбужденіе оставило ее, ей стало холодно и тоскливо. Теперь все кончено! Она обязана отъ всего отказаться для человѣка, который всѣмъ пренебрегъ изъ-за нея. Она сѣла на диванъ, уронила голову на подушку и расплакалась, какъ ребенокъ. Въ глубинѣ души она отлично знала, что у нея не хватитъ духу уѣхать, но тѣмъ не менѣе мысленно прощалась съ своей прежней жизнью. Всѣ обаятельныя стороны Лондона проходили передъ ней волшебной панорамой, изъ которой были исключены сцены нищеты и горя. Какой чудный міръ она оставляетъ за собой! Всю жизнь она будетъ вспоминать его; всю жизнь ее будутъ мучать безплодныя сожалѣнія, и слезы еще обильнѣе заструились изъ-подъ пальцевъ, которыми она закрывала лицо.

Внизу позвонилъ почтальонъ. Принесли письмо отъ режиссера, писанное на спѣхъ, лаконическое какъ телеграмма: «Дѣло быстро подвигается; работаемъ день и ночь; декораціи почти готовы: не назначить ли день перваго представленія черезъ двѣ недѣли»?

Внутри было вложено письмо отъ автора:

«Вы наканунѣ необычайнаго успѣха, милая Глори; пишу, чтобы ободрить и поздравить васъ. Въ вашей игрѣ, быть можетъ, замѣтна еще нѣкоторая неопытность, недостатокъ простоты и развязности, но вы вносите въ свое исполненіе столько страсти и силы, что я предсказываю вамъ блестящій успѣхъ. Васъ ждетъ великое будущее, не уклоняйтесь отъ него, не бойтесь его, оно ваше, это такъ же вѣрно, какъ то, что надъ нами завтра встанетъ солнце».

Глори поднесла письмо къ губамъ, потомъ встала, откинула назадъ голову, закрыла глаза и улыбнулась. Вымышленная женщина медленно, но вѣрно завладѣвала ею.

За обѣдомъ Роза сообщила, что видѣла м-ра Дрэка и узнала отъ него, что принцъ собирается быть на первомъ представленіи. Роза уже слышала о смерти отца Даміана и о томъ, что Джонъ Стормъ намѣренъ замѣнить его; вечеромъ ей предстояло присутствовать, по порученію ре-

дакціи, на послѣднемъ собраніи клуба работницъ, гдѣ Джонъ долженъ былъ объявить о своемъ рѣшеніи.

Роза сейчасъ же послѣ обѣда ушла въ Сого, и Глори поневолѣ должна была вернуться къ мукамъ своей душевной борьбы. Она знала, что часъ насталъ и что теперь все зависитъ отъ нея. Она знала, что ей не найти въ себѣ силъ разбить оковы, въ которыхъ удерживали ее свѣтъ и ея профессія, знала, что другая женщина побѣдила, что нужно идти за нею и ужъ не оглядываясь назадъ. Но отречься отъ любви было ужасно. Утро было прелестное, мягкое, теплое; къ вечеру въ природѣ стало какъ-то тоскливо и мрачно; вѣтеръ сонно шевелилъ увядшими листами, сухими и сморщенными, какъ пальцы на рукѣ старой дѣвы. Глори присѣла къ столику у окна и принялась писать. Нѣсколько разъ она разрывала листокъ, отирала слезы и начинала съизнова; наконецъ, она написала:

«Милый Джонъ, это невозможно,—я не могу покинуть Лондонъ...»

XVIII.

Джонъ Стормъ вернулся домой веселый и радостный; м-рсъ Каллендеръ ждала его, мрачная, какъ судія. Глаза ея были заплаканы, но не успѣлъ Джонъ войти, какъ она накинулась на него:

— А, явился наконецъ! Вотъ такъ выдумалъ штуку! Это съ ума сойти. Околдовали тебя, что-ли? Возьму молъ и разорву все! Да нешто это можно? Къ прокаженнымъ! Самое тамъ тебѣ мѣсто!..

— Я былъ призванъ, тетушка, а когда Господь призываетъ человѣка, онъ можетъ только отвѣтить, какъ Самуилъ.

— Не мели вздора. У Самуила все-таки былъ даръ въ головѣ; онъ подождалъ, пока его позвали три раза; а я что-то не слыхивала, чтобъ ты дожидался третьяго зова...

Они пообѣдали вмѣстѣ и вмѣстѣ поѣхали въ Сого. Джонъ подъ наплывомъ энтузіазма говорилъ безъ умолку, но старушка пребывала въ угрюмомъ молчаніи, прерываемомъ только вздохами. На углу Доунингъ-стритъ Джонъ вышелъ, чтобы зайти къ первому министру. По дорогѣ онъ купилъ вечернюю газету, развернулъ ее, и первое, что попалось ему на глаза, было его собственное имя. Обсуждалось его рѣшеніе послѣдовать за отцомъ Даміаномъ, восторгались его героизмомъ, сожалѣли объ утратѣ такого выдающагося служителя церкви...

Джонъ смялъ газету и бросилъ ее, но нѣсколько минутъ спустя увидалъ такой же нумеръ въ рукахъ дяди. Лицо старика имѣло мягкое, грустное выраженіе; голосъ его слегка вздрагивалъ.

— Боюсь, что ты принесъ мнѣ дурныя вѣсти, Джонъ.

Джонъ громко разсмѣялся.

— Развѣ у меня такой видъ? Дурныя вѣсти! Напротивъ, самыя хорошія!

— Какія же, мой другъ?

— Я женюсь. Вы часто говорили, что мнѣ надо жениться; вотъ я и собираюсь послѣдовать вашему совѣту.

Увядшее старое лицо просіяло улыбкой.

— Значитъ, газеты распустили ложный слухъ?

— Нѣтъ, слухъ вѣренъ, и жена моя ѣдетъ сомной.

— Хорошо ли ты обсудилъ? Это страшная жертва для женщины. Женщины вообще религіознѣе мужчинъ, зато онѣ матеріалистки больше, чѣмъ мы. Подъ вліяніемъ религіознаго чувства женщина способна на великую жертву, но когда порывъ остынетъ...

— Не бойтесь этого, дядя.—И Джонъ повторилъ первому министру тоже, что онъ говорилъ м-рсъ Каллендеръ, т. е. что Глори сама предложила уѣхать изъ Лондона, что безъ этого онъ, можетъ быть, и не пришелъ бы къ такому рѣшенію.

Министръ слушалъ его и улыбался, но про себя думалъ:

— Что это значитъ? Или у нея *свои* причины желать уѣхать изъ Лондона?

— А знаешьли, дружокъ, ты вѣдь мнѣ еще не сказалъ, кто она.

Джонъ сказалъ, и въ памяти старика шевельнулось какое-то смутное воспоминаніе.

— Ты говоришь, она актриса?

— Да, но готова все бросить и всѣмъ пожертвовать для этого великаго дѣла.

— Прекрасно, благородно, большое мужество съ ея стороны!.. Но какъ же ты-то самъ?.. ты взялъ на себя такую отвѣтственность.

— Объ этомъ-то я и хотѣлъ переговорить съ вами.—Джонъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и принялъ дѣловой видъ. У него на рукахъ клубъ работницъ и убѣжище для дѣтей. Завтра ихъ гонятъ съ квартиры; онъ нанялъ другую въ Вестминстерѣ, но средствъ мало... Если у него еще осталось что-нибудь изъ материныхъ денегъ...

Первый министръ вглядывался въ лицо племянника, слѣдя за смѣной выраженій его лица и почти не слушая, что тотъ говоритъ. «Что это значитъ?»—спрашивалъ онъ себя, стараясь проникнуть въ сокровенныя побужденіи, руководившія Джономъ.

— Итакъ, ты готовъ покинуть Лондонъ?

— Почему же нѣтъ, дядя? Лондонъ самъ по себѣ для меня ничто, меньше чѣмъ ничто, и если мужественная дѣвушка, для которой онъ составляетъ все...

— Полгода тому назадъ тебѣ представлялся такой же случай, и ты...

— Тогда я увлекался разными мечтами. Теперь онѣ, благодаря Бога, разсѣялись, и я проснулся.

У старика министра дрогнули углы губъ и морщинки около глазъ вырисовались ярче.

— Все это самообманъ,—думалъ онъ.—Онъ самъ не вѣритъ тому,

что говоритъ. Бѣдный мальчикъ! Онъ слушается только своего сердца, онъ еще болѣе радъ, чѣмъ всѣ мы.

Вслухъ же онъ сказалъ:

— Не сбылись мои надежды, Джонъ; не того я ждалъ, и мнѣ грустно, очень грустно. Требованія жизни и любви не всегда совпадаютъ; я-то это отлично знаю.

Джонъ вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова.

— Когда ты покинешь меня, милый мой мальчикъ, мнѣ будетъ казаться, что я вторично потерялъ твою мать. Сказать правду, я все время слѣдилъ за тобой и думалъ о тебѣ, а ты и не зналъ этого. Ты же немножко неглижировалъ старикомъ. Я думалъ, что ты приведешь ко мнѣ твою жену, что я доживу до счастья видѣть внуковъ. А теперь всему конецъ, кажется, горю ужъ не поможешь,.. Говорятъ, самые благородные подвиги совершаются въ лихорадочномъ состояніи; можетъ быть, и ты... гм!.. Что касается денегъ, можешь взять ихъ, когда хочешь.

— Осталось развѣ немного, дядя. Я столько издержалъ.

— Нѣтъ, Джонъ, нѣтъ; ты тратилъ мои деньги; твои остались нетронутыми.

— Вы слишкомъ добры, дядя; еслибъ я зналъ, что вамъ хотѣлось бы чаще видѣть меня...

— Хорошо, хорошо! Умный былъ человѣкъ тотъ, кто сказалъ, что трудно совмѣстить любовь къ женщинѣ съ чѣмъ бы то ни было, хотя бы съ любовью къ Богу.

Джонъ понурилъ голову и повернулся къ выходу.

— Зайди еще разъ, прежде чѣмъ уѣдешь, если уѣдешь; а теперь прощай, да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!

Вѣсть о намѣреніи Джона Сторма замѣнить отца Даміана взволновала весь Лондонъ, улицы и переулки, ближніе къ церкви св. Магдалины, были полны народомъ. Эти простые люди видѣли, что человѣкъ идетъ на подвигъ и считали необходимымъ ободрить и поддержать его. «Прощайте, батюшка!» кричалъ ему вслѣдъ одинъ. «Спаси тебя Господи!» говорилъ другой. Какая-то молодая женщина, застѣнчиво потупившись, протянула ему руку, и всѣ, видѣвшіе это, послѣдовали ея примѣру. Джонъ старался отвѣчать на привѣтствія веселымъ тономъ, но спазма давила ему горло, и голосъ его звучалъ глухо. М-рсъ Пинчеръ, стоявшая въ дверяхъ клуба, рыдала навзрыдъ, утирая глаза передникомъ. «Развѣ въ Лондонѣ мало прокаженныхъ, сэръ, чтобъ вамъ идти за ними на край свѣта?» Джонъ засмѣялся и хотѣлъ отшутиться, но почему-то не нашелъ ни подходящихъ словъ, ни тона.

Зала клуба была полнымъ полна; въ толпѣ дѣвушекъ и сестеръ виднѣлись новыя, незнакомыя лица. М-рсъ Каллендеръ сидѣла на концѣ маленькой эстрады, гнѣвно поглядывая на другой конецъ, гдѣ стоялъ

отецъ настоятель, въ черной рясѣ, спокойный и бдительный; изъ за него выглядывало улыбающееся, расплывшееся лицо брата Эндрью. Дѣвушки пѣли, при видѣ Джона, голоса ихъ зазвучали полнѣе и торжественнѣе; по окончаніи гимна наступило минутное молчаніе; всѣ какъ будто ждали, что Джонъ заговоритъ, но онъ не подымался съ мѣста, и дама, сидѣвшая за гармоніумомъ, заиграла снова. Нѣкоторыя молодыя матери привели съ собой изъ убѣжища своихъ малютокъ, и высокіе тонкіе дѣтскіе голоса выдѣлялись среди остальныхъ.

«Тамъ, надъ яснымъ синимъ небомъ
Обитаетъ Другъ дѣтей».

Джонъ все время храбро боролся, но теперь онъ почувствовалъ, что силы измѣняютъ ему. Всѣ встали; онъ не могъ подняться съ мѣста. Лицо его выражало страхъ и стыдъ; душу терзалъ неясный укоръ. Еще не представляя себѣ ясно положенія дѣла, онъ смутно сознавалъ, что поступаетъ нехорошо. Въ сущности, онъ, какъ трусъ, покидаетъ свой постъ. Здѣсь истинная арена дѣятельности, живое, настоящее дѣло, если онъ уйдетъ, его вѣчно будетъ преслѣдовать раскаяніе. А между тѣмъ, нужно уйти, нужно все бросить, — это онъ сознавалъ и чувствовалъ совершенно ясно.

И вдругъ, Богъ вѣсть почему, ему припомнился одинъ эпизодъ изъ его дѣтства! Вмѣстѣ съ отцомъ онъ переходилъ Дэудонскіе пески. Море было далеко, очень далеко, но вдругъ оно повернулось и стало настигать ихъ; онъ слышалъ, какъ гнался за ними приливъ, какъ разбивались о берегъ валы. «Бѣги, мальчуганъ, бѣги! — кричалъ ему отецъ.—Дай мнѣ руку и бѣги!»

Онъ вернулся къ своей первоначальной мысли и спросилъ себя: «Почему мнѣ это вспомнилось? и тутъ же отвѣтилъ: «Я дамъ руку Небесному Отцу и пойду безъ страха». Ко второй строфѣ гимна онъ уже овладѣлъ собой, всталъ и присоединился къ хору. Послѣ говорили, что его густой басъ покрылъ собой всѣ голоса, что онъ пѣлъ не въ тактъ и съ каждымъ стихомъ спѣшилъ все больше.

Гимнъ подходилъ къ концу, когда сквозь толпу пробилась молоденькая дѣвушка и подала Джону письмо. Она улыбалась, видимо гордясь тѣмъ, что могла послужить «батюшкѣ». Джонъ хотѣлъ было отложить письмо въ сторону, но взглянулъ на него и не смогъ. На конвертѣ стояла помѣтка: «*спѣшное*»; почеркъ былъ Глори. Въ ушахъ его опять отдался рокотъ волнъ. Приливъ настигалъ его.

Дурное предчувствіе закралось въ его душу; онъ распечаталъ письмо и прочелъ. И все, чѣмъ онъ жилъ, сразу рухнуло. Сознаніе ничтожества своей жизни, ея безнадежной пустоты и безумія, ничтожества міра съ его обманчивыми радостями, любви съ ея жестокими и сладкими иллюзіями,—все, все разомъ нахлынуло на него, какъ обломки крушенія, выкинутые бурею. Истина вдругъ осѣнила его; онъ, наконецъ, понялъ самого себя. Для Глори онъ всѣмъ пожертвовалъ, обманывалъ

себя передъ Богомъ и людьми. А она не сдержала слова, бросила его въ послѣднюю минуту ускользнула изъ его рукъ. Приливъ настигъ его и потопилъ...

На другое утро, братія Геѳсиманской общины до свѣту собралась въ церковь на часы и заутреню. Освѣщенъ былъ только алтарь; остальная часть церкви тонула во мракѣ, но первые лучи разсвѣта уже заглядывали въ восточныя окна, борясь съ мерцаньемъ свѣчей на алтарѣ и свѣтомъ газовыхъ рожковъ на клиросѣ.

Джонъ Стормъ стоялъ у подножія алтаря, и рядомъ съ нимъ настоятель. На немъ была надѣта монашеская ряса, опоясанная веревкой съ тремя узлами. Все было тихо вокругъ; огромный городъ спалъ; жизнь на улицахъ какъ будто замерла. Отошли заутреня и часы; братія опустилась на колѣни, настоятель читалъ послѣднія слова формулы посвященія.

— Аминь! Аминь!

Ударили въ колоколъ, гдѣ то съ шумомъ захлопнулась дверь; органъ заигралъ:

«Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!»

Монахи поднялись и запѣли; темная церковь наполнилась звуками; мощныя трели органа неслись вверхъ, подъ невидимый куполъ.

«Святъ, святъ, святъ!..»

По щекамъ настоятеля текли слезы, но глаза его сіяли, и лицо свѣтилось радостью. Джонъ Стормъ стоялъ, поникнувъ головой. Онъ произнесъ обѣты бѣдности, цѣломудрія и послушанія и всецѣло предался волѣ Божіей.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

ВЪ СТРАНѢ СОПОКЪ.

(Изъ картинокъ Забайкальской природы).

1.

Семьею крестовъ дорогихъ заселенная,
Знакомая сопочка ярко блеститъ,
Волшебной луной озаренная, —
И къ ней моя дума летитъ.
Здѣсь черствые люди живутъ, безучастные!
Не знаетъ, не спроситъ никто —
Какія сердца тамъ зарыты прекрасныя,
Убитыя кѣмъ и за что...

— О, другъ мой, уйдемъ! Въ этомъ краѣ забвенія
И мертвымъ вѣдь холодно спать.
Богъ правды ужель намъ не дастъ утѣшенія
Въ родимой землѣ почивать?

2.

Горемыкой покинутымъ,
Далеко отъ друзей,
Въ мірѣ, Богомъ отринутомъ,
Въ краѣ тьмы и цѣпей,

Подъ снѣгами холодными
Ты лежишь, какъ живой,
Лишь волками голодными
Навѣщаемъ порой.

Въ эту полночь студеную
Грезишь ты, бѣдный другъ,
Про отчизну зеленую,
Про горячій свой югъ!

П. Я.

UNIV. OF CALIFORNIA

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Открытіе памятника Императору Александру II-му. Въ Москвѣ, 16-го августа состоялось торжественное открытіе памятника Императору Александру Николаевичу.

Первоначальная мысль о сооруженіи въ московскомъ Кремлѣ памятника Императору Александру II возникла среди московской городской думы и московскаго губернскаго земства, а именно—въ экстренномъ собраніи московской думы 8-го марта 1881 г., при городскомъ головѣ С. М. Третьяковѣ. Въ этомъ засѣданіи дума постановила ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ III о разрѣшеніи открыть какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи подписку на сооруженіе памятника Императору Александру II въ московскомъ Кремлѣ. По предложенію городского головы, думой ассигновано было 100.000 руб. на сооруженіе памятника и среди гласныхъ открыта подписка для пожертвованій на тотъ же предметъ.

7-го марта 1881 года состоялось экстренное московское губернское земское собраніе, на которомъ нынѣ покойный предсѣдатель губернской земской управы Д. А. Наумовъ обратился къ гласнымъ съ предложеніемъ возбудить ходатайство о сооруженіи въ московскомъ Кремлѣ памятника Императору Александру II. Собраніе приняло это предложеніе и ассигновало на сооруженіе памятника 25.000 руб.

По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія, кн. В. А. Долгоруковъ немедленно приступилъ къ организаціи дѣла. Прежде всего былъ учрежденъ комитетъ для завѣдыванія дѣломъ постройки памятника и въ іюлѣ 1881 г. открытъ сборъ пожертвованій. До 10 іюля того же года всего поступило пожертвованій по подпискѣ на сумму 993.960 р. 63 к., получено процентовъ 824.053 р. 49 к., отъ продажи брошюры объ Императорѣ Александрѣ II и старыхъ матеріаловъ съ мѣста постройки памятника получено 12.641 р. 35 к., возвращено 5%-наго государственнаго налога съ процентныхъ бумагъ 32.081 р. 50 к. и отъ продажи и вышедшихъ въ тиражъ процентныхъ бумагъ получено курсовой разницы свыше 14.000 р. Весь капиталъ на сооруженіе памятника къ 10-му іюля 1881 года, такимъ образомъ, составлялъ 1.877.667 р. 8 к.

Въ томъ же мѣсяцѣ были опубликованы условія конкурса на составленіе проекта памятника. Мѣстомъ постановки памятника назначалась площадь на кремлевскомъ плацъ-парадѣ, противъ малаго Николаевскаго дворца, у склона кремлевскаго холма, длиною не болѣе 108,8, а шириною не болѣе 41,8 саж. Характеръ, форма и размѣры памятниковъ предоставлялись усмотрѣнію составителя проекта, но требовалось, чтобы памятникъ былъ вѣрнымъ и яснымъ изображеніемъ личности, великихъ дѣлъ и событій славнаго царствованія Импе-

ратора Александра Николаевича. Матеріалами для памятника назначались гранитъ, порфиръ, мраморъ и бронза. Проекты предлагалось представлять какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ художникамъ. За лучшіе четыре проекта, представленные въ срокъ, удовлетворяющіе всѣмъ условіямъ программы и для выполненія своего требующіе не свыше милліона рублей собственно на памятникъ, комитетъ назначилъ 4 преміи.

На конкурсъ были представлены 32 проекта, но ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ коммиссіей, хотя и были выданы всѣ четыре преміи. Тогда былъ объявленъ вторичный конкурсъ. Срокомъ представленія проектовъ памятника назначено было 3-е сентября 1884 года. На этотъ разъ были представлены 36 проектовъ, изъ которыхъ четыремъ коммиссія присудила преміи, но коммиссія и на этотъ разъ ни одинъ не признала достойнымъ быть исполненнымъ, какъ памятникъ Императору.

Когда изъ всѣхъ 68-ми проектовъ, представленныхъ на оба конкурса, ни одинъ не былъ одобренъ, тогда иредсѣдатель комитета, московскій генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгоруковъ вошелъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу, Августѣйшему президенту академіи художествъ, съ просьбою указать художниковъ, которымъ комитетъ могъ бы поручить составленіе проекта памятника. Такими художниками указаны были скульпторы: фонъ-Бокъ, Лаверецкій, Опекушинъ, Чижовъ и Антокольскій. Комитетъ пригласилъ этихъ лицъ къ участію въ составленіи проектовъ памятника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ объявленъ третій конкурсъ. Срокомъ представленія проектовъ на конкурсъ назначено было 2-е октября 1887 г. На конкурсъ были представлены 32 проекта, но опять ни одинъ изъ нихъ не получилъ утвержденія. Вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла оставался открытымъ до 1890 года. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года предсѣдателемъ комитета московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ представленъ былъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе проектъ памятника Императору Александру II, составленный гражданскимъ инженеромъ Н. В. Султановымъ и художникомъ П. В. Жуковскимъ, который и получилъ Высочайшее утвержденіе въ томъ же мѣсяцѣ.

Памятникъ по внѣшнему своему виду состоитъ, по словамъ «Русск. Вѣд.», изъ поднимающагося надъ склономъ выступа въ 8 саж. высоты, обрамленнаго поверху съ трехъ сторонъ сквозною галлерейкою, съ статуей Государя, помѣщенной посрединѣ его подъ высокимъ балдахиномъ или сѣнью съ шатровымъ верхомъ. Выступъ этотъ виденъ только съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ Замоскворѣчью, Боровицкой и Спасской башнямъ и обработанъ съ внѣшней стороны на подобіе стѣнъ и башенъ Кремля и Китай-города. Всѣ части выступа облицованы необычайно твердымъ метлахскимъ кирпичемъ краснаго натуральнаго цвѣта. Съ средины двухъ боковыхъ лѣстницъ, спускающихся по сторонамъ памятника, и съ площадки нижняго широкаго схода въ Александровскій садъ во внутреннюю часть выступа ведутъ три бронзовыхъ двери, украшенныхъ орнаментомъ въ итальянскомъ стилѣ, съ изображеніемъ на нихъ древняго государственнаго герба въ видѣ орла. Внутри выступа въ центрѣ возвышается 4-хъ-угольный сложенный изъ кирпича столбъ, служащій фундаментомъ для статуи Государя съ сѣнью. Поднимаясь надъ уровнемъ нижняго кремлевскаго сада на 8 саженъ, столбъ этотъ подъ поверхностью сада углубляется въ землю на 6 саженъ. Столбъ, на разстояніи около сажени, окруженъ стѣной, на которую опирается наружная галлерейка; между стѣной и столбомъ помѣщаются пробныя кружала для опредѣленія степени осадки грунта. Въ теченіе трехъ лѣтъ не оказалось никакихъ признаковъ осадки, и въ сооруженіи не замѣчается никакихъ трещинъ. Ступени и площадки лѣстницъ, обнесенныхъ балюстрадой, сдѣланы изъ свѣтло-сѣраго финляндскаго гранита. Чтобы подняться изъ сада

по этой лѣстницѣ на площадь кремлевскаго холма, нужно пройти 96 ступенекъ. Сквозная галлерейка, идущая по верхнему краю выступа, сооружена изъ бѣлаго песчаника и имѣетъ въ длину 35 саж., въ ширину $2^1/_2$ саж. и въ высоту до крыши 2 саж. Ея арки и своды поддерживаются 152-мя колоннами, расположенными въ два ряда. По фризу галлереи, начиная съ лѣвой ея стороны, высѣчена надпись: «Сооруженъ добровольнымъ иждивеніемъ русскаго народа. Заложенъ въ лѣто отъ Рождества Бога Слова 1893-е Великимъ Государемъ нашимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ и оконченъ при Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ въ лѣто 1898-е». Крыша галлерейки состоитъ изъ бронзовыхъ зеленыхъ, оксидированныхъ и вызолоченныхъ черезъ огонь черепицъ, расположенныхъ въ узоръ, и украшена массивнымъ, отливнымъ изъ бронзы и вызолоченнымъ конькомъ. На двухъ заднихъ углахъ конька возвышаются бронзовыя вызолоченныя фигуры въ видѣ распустившагося цвѣтка. Спускающіяся съ галлереи водосточныя трубы сдѣланы также изъ оксидированной бронзы съ золочеными кольцами. Въ галлерею ведутъ два входа, въ видѣ сѣней, сооруженныхъ изъ бѣлаго песчаника и покрытыхъ шатровыми крышами, одинаковыми съ общей кровлей галлереи. Надъ крышей праваго входа помѣщенъ гербъ дома Романовыхъ, представляющій грифона съ мечемъ и щитомъ, а надъ лѣвой входной сѣнью — гербъ города Москвы, изображающій Георгія Побѣдоносца. Оба герба вылѣплены профессоромъ Опекушинымъ, исполнены изъ бронзы и вызолочены черезъ огонь. Высѣченные изъ камня орнаменты на входныхъ сѣняхъ сдѣланы въ стилѣ итальянскаго ренессанса. Внутри галлереи, по обѣимъ ея сторонамъ, между колоннами, помѣщены скамьи изъ песчаника, покрытыя дубовыми накладками. Скамьи поставлены для отдыха обозрѣвателей памятника, которые при этомъ могутъ любоваться открывающейся передъ ними панорамой Замоскворѣчья. Своды галлереи украшены мозаичнымъ золоченымъ орнаментомъ въ стилѣ итальянскаго ренессанса, въ видѣ розетокъ и звѣздъ. Эта мозаика служитъ узорнымъ фономъ, на которомъ расположены, въ самой срединѣ сводовъ, большіе медальонные мозаичные портреты русскихъ государей, начиная со св. Владиміра и кончая Императоромъ Николаемъ I. Всѣхъ портретовъ 33. Они начинаются съ лѣвой стороны галлереи, за входной ея сѣнью, и оканчиваются передъ правой входной сѣнью. Портреты до середины галлереи расположены головами по направленію обозрѣвателя, идущаго отъ праваго или лѣваго входа; находящійся же въ срединѣ свода галлереи портретъ царя Ѳеодора Ивановича обращенъ головой къ главной сѣни съ статуей Государя. По бокамъ портретовъ изображены года начала и конца царствованія каждаго государя. Эскизы портретовъ и орнаментовъ свода галлереи писаны художникомъ П. В. Жуковскимъ. По этимъ эскизамъ мозаика портретовъ и всей галлереи сдѣлана въ Венеціи двумя фабриками: Venezia-Murano и Società Musiva Veneziana. Въ двухъ заднихъ углахъ галлереи и въ ея входныхъ сѣняхъ орнаментъ свода сложнѣе, чѣмъ въ среднихъ частяхъ галлереи. Въ углахъ, кромѣ розетокъ и звѣздъ, на свѣтло-бронзовомъ фонѣ, помѣщены еще мозаичные гербы дома Романовыхъ и древніе государственные гербы, а во входныхъ сѣняхъ по четыремъ сторонамъ изображены двуглавые орлы старинныхъ государственныхъ гербовъ. Полъ галлереи покрытъ полированнымъ финляндскимъ гранитомъ. Въ боковыхъ входахъ и въ углахъ галлереи подвѣшены къ своду четыре бронзовыхъ вызолоченныхъ лампадорія для электрическаго освѣщенія памятника. Кромѣ того, монументъ будетъ освѣщаться еще четырьмя наружными электрическими фонарями, изъ которыхъ первые два поставлены по линіи фасада, а другіе два противъ угловъ террасы въ нижнемъ Александровскомъ саду.

Площадь между галлерей и главной сѣнью со статуей Императора, возвышающаяся на четыре ступени надъ уровнемъ плаца, покрыта темно-розовымъ, свѣтло-сѣрымъ и темно-зеленымъ финляндскимъ гранитомъ, четыре ведущихъ

къ ней ступени изъ темно-зеленаго полированнаго гранита. Подножіе средней или главной сѣни, расположенное тремя большими уступами, сооружено изъ темно-розоваго финляндскаго гранита. Высоко поднимающаяся надъ галлереей сѣнь сдѣлана также изъ темно-розоваго финляндскаго гранита и убрана украшеніями изъ темно-зеленой бронзы съ золотой бликовкой, изготовленными на фабрикѣ Берто въ Петербургѣ. Весь матеріалъ для главной сѣни, въ видѣ громадныхъ, до 650-ти пудовъ, обдѣланныхъ и полированныхъ кусковъ гранита, доставленъ изъ Ганге. Орнаментъ сѣни исполненъ также въ стилѣ итальянскаго ренессанса. Колонны сѣни, по четыре у каждаго угла, и карнизъ ея, кромѣ этого орнамента, украшены бронзовыми гербами, входящими въ составъ россійскаго государственнаго герба. Четырехсторонняя кровля главной сѣни, круто поднимающаяся кверху, сдѣлана изъ бронзовыхъ листовъ чеканной работы, вызолоченныхъ чрезъ огонь и украшенныхъ слабо-рельефнымъ орнаментомъ съ заливкою фона темно-зеленой эмалью. По общему своему виду кровля представляетъ собою какъ бы колоссальный парчевой шатеръ. Отъ гранитнаго карниза сѣни къ шатровой кровлѣ сдѣланъ красивый переходъ изъ вызолоченной бронзы съ валикомъ, перевитымъ эмалевою лентой. Накладки на ребрахъ кровли—витыя изъ золоченой бронзы. Шатеръ главной сѣни увѣнчанъ большимъ бронзовымъ золоченымъ двуглавымъ орломъ, модель котораго была слѣплена А. М. Опекушинымъ. Куполъ средней сѣни украшенъ болѣе крупными, чѣмъ своды галлереи, мозаичными розетками и звѣздами. Въ центрѣ его—изображеніе Императорской короны въ золотыхъ лучахъ. На трехугольныхъ сводахъ, или парусахъ, поддерживающихъ куполъ, изображены мозаичные же громадные двуглавые орлы. По краямъ купола сдѣлана слѣдующая надпись золотыми буквами: «Родился 17 апрѣля 1818 г. Вступилъ на престолъ 19 февраля 1855 г. Вѣнчался на царство 26 августа 1856 г. Въ Бозѣ почилъ 1 марта 1881 г.». При высотѣ сѣни въ 17 саж. отъ поверхности площади до вершины орла, ширина ея 4½ саж., а пролеты ея арокъ равняются 3 саж. Статуя Государя помѣщается подъ сѣнью на четырехстороннемъ пьедесталѣ изъ краснаго гранита. Исполненная профессоромъ скульптуры А. М. Опекушинымъ, статуя отлита изъ темно-зеленой бронзы; высота ея 7 арш. Императоръ Александръ II изображенъ въ одѣяніи, въ которомъ вѣнчался на царство, въ полной генеральской формѣ и въ Императорской порфирѣ. На лицевой сторонѣ пьедестала сдѣлана надпись: «Императору Александру II любовію народа».

Что касается общаго впечатлѣнія, то, по отзыву спеціальнаго корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «по артистической отдѣлкѣ деталей и, вообще, по воспроизведенію мысли авторовъ памятника онъ является созданіемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Осматривать памятникъ со всѣми его деталями, какъ прекрасная статуя Государя, отличная итальянская мозаика въ портретахъ русскихъ Царей и Императоровъ, золоченыя крыши,—сущее наслажденіе. Но издали, даже на разстояніи сотни—двухъ шаговъ, памятникъ какъ-то теряется среди другихъ кремлевскихъ построекъ; его шестнадцатисаженная главная сѣнь не можетъ соперничать съ высотой такихъ колоссовъ, какъ близъ стоящій Иванъ Великій. Самая статуя Государя, заключенная подъ куполообразнымъ сводомъ башни, какъ-то теряется, исчезаетъ изъ глазъ. Памятнику, полному изящества, недостаетъ, однако же, грандіозности, величія, если на него смотрѣть отъ Чудова монастыря или съ какого другого пункта самого Кремля. Но изъ Замоскворѣчья съ набережной Москвы-рѣки памятникъ очень величественъ. Его задняя стѣна, идущая отъ уровня Кремлевской площади внизъ до дорожки Нижне-Кремлевскаго сада на протяженіи восьми саженъ, увѣнчанная вверху колоннадой галлереи съ ея разноцвѣтною черепичною крышей и золотымъ гребнемъ, виднѣющійся изъ-за этой колоннады верхъ главной сѣни съ пирамидальною золоченой крышей—сразу выдѣляетъ памятникъ среди зеленѣю-

щаго Кремлевскаго холма. Отсюда высота памятника равняется 24 саженямъ, а съ Кремлевской площади съ вершины Кремлевскаго холма зрителю не виденъ спускъ внизъ на восемь саженъ, и видны, такимъ образомъ, лишь двѣ трети памятника, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что памятникъ не производитъ отсюда величественнаго впечатлѣнія, не взирая на грандіозный вѣсъ въ два милліона пудовъ.

«При образцовомъ исполненіи памятнику недостаетъ идейнаго содержанія. Онъ ничѣмъ не выражаетъ великихъ дѣяній Царя: всѣ эти башни, галлереи, восьмисаженныя лѣстницы внизъ,—не болѣе, какъ фонъ для статуи Государя, фонъ необыкновенно изящный, но безсодержательный. По роскоши отдѣлки, по замыслу, по величинѣ—это истинно-царскій памятникъ, но онъ ничѣмъ не говоритъ о Царѣ-Освободителѣ, на немъ нигдѣ не написано даже, что это есть памятникъ *Царю Освободителю*».

По отзывамъ другихъ газетъ и свидѣтелей торжествъ, памятникъ, вообще, производитъ монументальное впечатлѣніе.

Положеніе церковно-приходскихъ школъ. «Русь», пользуясь данными недавно опубликованнаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1894 и 1895 гг., приводитъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, характеризующихъ положеніе церковно-приходскихъ школъ. По словамъ отчета, въ 1894—1895 г. церковныхъ школъ насчитывалось 31.835 (въ томъ числѣ 18.865 школъ грамоты) съ 981.076 учащимися. При этомъ церковныхъ школъ больше всего въ неземскихъ губерніяхъ и всего меньше — въ тѣхъ земскихъ губерніяхъ, гдѣ земства особенно сочувственно относятся къ народному образованію. Средства на содержаніе церковныхъ школъ получаются самыми разнообразными путями: изъ государственнаго казначейства, изъ губернскаго земскаго сбора въ неземскихъ губерніяхъ, отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ, отъ попечителей, и благотворителей, отъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, отъ церквей и монастырей, отъ городскихъ управленій и пр. Отчетъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что земства въ отчетномъ году, въ сравненіи съ предъидущимъ, оказали пособія церковнымъ школамъ значительно меньше прежняго: въ 1893 — 1894 учебномъ году было отпущено земствами 455.000 р., а въ 1894—1895 году уже только 294.000 р. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ послѣдующіе годы (1896 и 1897 гг.) пособія отъ земствъ должны были еще болѣе понизиться. Въ 1894—1895 г. на церковныя школы было всего израсходовано 4.020.573 руб. 36½ коп., т. е., въ среднемъ, по 116 руб. на каждую школу. Эти 116 руб. не были израсходованы непосредственно на содержаніе школъ. Какъ отмѣчаетъ отчетъ, «значительная часть поступившихъ средствъ была расходуема на постройку новыхъ школьныхъ зданій». Очевидно, что матеріальная сторона церковной школы совсѣмъ не можетъ быть признана удовлетворительной. Около ⅛ всѣхъ школъ имѣютъ собственныя помѣщенія, остальныя школы помѣщаются въ наемныхъ, общественныхъ, частныхъ и причтовыхъ домахъ (въ томъ числѣ 3.548 школъ — въ церковныхъ сторожкахъ). Говоря о качествахъ школьныхъ помѣщеній, отчетъ замѣчаетъ, что большая часть помѣщеній «далеко не удовлетворяла школьнымъ требованіямъ».

Далѣе отчетъ свидѣтельствуетъ, что народъ любитъ церковную школу и расположенъ къ ней. Нѣсколько странное впечатлѣніе въ виду этого, замѣчаетъ газета, производятъ слѣдующія сообщенія отчета: «При всемъ своемъ расположеніи къ церковнымъ школамъ, крестьяне въ общемъ далеко не въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ ихъ матеріально» (стр. 397). «Крестьяне нерѣдко отказываются дѣлать ассигновки спеціально на содержаніе существующихъ у нихъ церковныхъ школъ». «Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ существуютъ, такъ-называемыя, волостныя школы, т. е. содержимыя на средства,

собираемыя по раскладкѣ съ крестьянъ всей волости, сельскія общества часто отказываются отъ содержанія церковныхъ школъ», и т. д. Такимъ образомъ, сочувствіе населенія церковно-приходской школѣ оказывается значительно ниже сочувствія того же населенія земской школѣ, на которую оно такъ охотно даетъ средства.

Духоборы-переселенцы на Кавказѣ. Корреспондентъ «Новаго Времени», путешествовавшій по черноморскому побережью Кавказа, случайно проспавъ станцію, на которой долженъ былъ выйти, попалъ въ деревню переселенцевъ-духоборовъ.

Мужики, пишетъ онъ, говорили со мной хорошимъ, понятнымъ языкомъ; у нихъ попадались иногда малороссійскія слова—трошки, сѣдайте, но за хохловъ я ихъ не могъ признать; во-первыхъ, они всѣ удивили меня особеннымъ костюмомъ, котораго хохлы не носятъ, во-вторыхъ, ихъ обращеніе между собою казалось чѣмъ-то инымъ, которое мнѣ совершенно неизвѣстно. Молодежь приходила тихо, скромно, старики садились въ передній уголъ; бабы выдвигали миски, гремѣли ложками... Видимое дѣло—всѣ собирались ужинать.

— Вы, господа, должно быть, переселенцы?—спросилъ я.

— Такъ точно, господинъ. Мы—духоборы.

Теперь я понялъ все. Совершенно случайно я попалъ въ селеніе духоборовъ. Я тутъ же порѣшилъ остаться у нихъ и ждать ночного поѣзда въ Батумъ. Духоборы были для меня интереснѣе Боржома.

— Мы здѣсь временно,—сталъ разсказывать мнѣ одинъ изъ старшихъ духоборовъ.—Первая наша партія уже сегодня проѣхала въ Батумъ, чтобы сѣсть на пароходъ. Это—изъ Сигнахскаго уѣзда. А мы—изъ Ахалкалакскаго уѣзда.

— Сколько времени вы живете въ Тифлисской губерніи, въ Горійскомъ уѣздѣ?—спросилъ я.

— Съ 1895 года. Теперь думали скоро тронуться, но что-то, слышно, задержка есть; говорятъ, еще подождать надобно, изъ-за земли на островѣ Киперѣ заминка случилась, а какая—намъ неизвѣстно...

— Скажите, у васъ здѣсь что же, есть земля?

— Земли, милый человѣкъ, нѣтъ.

— Чѣмъ же вы кормитесь?

— Работаемъ, батрачимъ на мѣстныхъ жителей, на помѣщиковъ, на князьевъ разныхъ кавказскихъ.

— Ну, и что же, какъ вашъ заработокъ?

— Да что, господинъ, плохо. Работа наша добре цѣнится, насъ нанимаютъ со всѣхъ сторонъ, только денегъ мало отдаютъ.

— Какъ такъ?

— А такъ. Вотъ я у одного помѣщика работалъ. Семьдесятъ рублевъ съ него надо получить, а онъ вынесъ семнадцать. Я ему говорю, а прочіе когда же отдашь? «Я, говоритъ, тебѣ пришлю послѣ, въ Гоми». Да ты ужъ, спрашиваю, отвѣть по совѣсти, пришлешь ли? «Не бойся, говоритъ, пришлю». Я ждалъ, долго ждалъ, прихожу, кланяюсь, а онъ меня чуть не въ шею: сказано, говоритъ, обожди!

— А то этакъ народъ обижаетъ: дастъ тебѣ землю, воздѣлывай, говоритъ, половину отдай мнѣ!—замѣтилъ другой духоборъ.—Я тружусь, ночей не досыпаю, половину огорода ему, владѣтелю, отдамъ, а онъ ночью изъ моей половины все перетаскаетъ... Да что: лошадей отнимаютъ! Какъ-то тутъ пріѣхалъ на зарѣ, хвать лошадь Демьяна. Тотъ ему кланяться и просить: побойся Бога, вѣдь это моя лошадь? Вынулъ тотъ кинжалъ, замахнулся: уйди, говоритъ, не то убью! Ну, Демьянъ и отступился: Богъ съ нимъ, пускай беретъ.

— Да вы бы на такія обиды въ судъ жаловались,—сказалъ я.

— Нѣтъ, господинъ, мы жаловаться не станемъ. Господь съ ними, съ обидчиками!

Долго мы такъ разговаривали; отъ домашняго обихода я попробовалъ разспросить духоборовъ объ ихъ нравственныхъ принципахъ, о сути ихъ ученія; не въ дорожныхъ замѣткахъ, конечно, распространяться объ этомъ фельетонисту-путешественнику, однако же, я долженъ сказать, что отъ духобора прежде всего требуется кротость.

— Наша молитва простая, господинъ!—говорили мнѣ духоборы.—Вотъ мы какъ молимся (тутъ духоборъ зачиталъ на-распѣвъ):

«Первое моленье—
Кротость и смиренье;
Второе моленье—
Тихій разговоръ,
Низкій поклонъ,
Умильный взглядъ»...

И то, что изложено въ этихъ стихахъ, по словамъ корреспондента, «въ самомъ дѣлѣ выполняется духоборами строго и точно», и не только какъ заученное правило, а какъ свойство, воспитавшееся и пріобрѣтенное поколѣніями. Всякій входящій низехонько кланялся; всякій, кто выходилъ вонъ, сердечно прощался; разговоры ведутся тихо, взгляды другъ на друга устремляются ласковые, умильные...

«Вглядываясь въ духоборовъ,—говоритъ корреспондентъ далѣе,—я замѣчалъ крѣпкую вѣру; въ физіономіяхъ не было и слѣда тупости (какъ мнѣ разсказывали разные господа), а, напротивъ, въ глазахъ сверкалъ спокойный умъ и смышленость. Съ 1895 года ихъ живетъ близъ станціи Гоми до 300 человѣкъ. Жизнь ихъ терпка: безземельные батраки, эксплуатируемые жадными инородческими хозяевами, они, однако же, одѣты несравненно лучше всѣхъ этихъ грузинъ, грековъ и т. п. мусора здѣшняго края, извѣстнаго только пьянствомъ, воровствомъ и грабежами; почему же духоборы, какъ это кажется съ перваго взгляда, и здоровѣе, и богаче кавказцевъ? А оттого, что они поддерживаютъ другъ друга, и самая горькая бѣда выносится ими сообща, дружно: напримѣръ, въ Гоми человѣкъ 15—20 сильно больны и работать не въ состояніи; прочіе духоборы работаютъ за больныхъ и кормятъ ихъ съ семьями; выздоровѣютъ больные—они начнутъ работать за вновь заболѣвшихъ, и все это совершается беззлобно, съ низкимъ поклономъ, съ умильнымъ взглядомъ»...

Корреспондентъ отвѣдалъ духоборческаго хлѣба-соли.

Не требовательны эти чернорабочіе: вода съ картофелемъ, лукомъ и огурцами—это у нихъ квасъ; квасъ съ огурцами—окрошка. Да еще говорятъ:

— Слава Господу и за это, господинъ! Есть хлѣбушка—дышимъ, славимъ Христа. А молоко и чай мы только больнымъ ребятишкамъ, да ужъ очень хворымъ большимъ даемъ. Для тебя, одначе, вскипятимъ воды, попотчуемъ тебя!

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо, не надо,—отказался я.—Я вотъ хлѣбъ ѣмъ, борщъ хлебаю... Что вы, господа,—развѣ я больной?

— Да вѣдь гость-то ты дальній, изъ Москвы. Выпей чайку, коли желаешь.

Я еще разъ отказался.

Послѣ ужина я вышелъ на крыльцо; часть духоборовъ помоложе (мужчины и женщины) сѣли въ сторонѣ и запѣли... это была стройная и заунывная пѣсня,—особенная, вродѣ церковной, но своеобразная.

— Вотъ и всѣ наши удовольствія, милый человѣкъ,—сказалъ мнѣ старый духоборъ. — День работаемъ, вечеромъ посидимъ наружѣ, попоемъ трошки и спать... Вся наша радость въ хвалѣ Господу Христу. Помогъ Онъ намъ прожить день безъ грѣха—мы поемъ псалмы пророка Давида...

Добываніе желѣзной руды въ Херсонской губерніи. Усиленное движеніе за послѣдніе четыре года въ криворожскомъ рудномъ районѣ въ отысканіи залежей желѣзной руды и ея добычѣ побудило херсонскую губернскую земскую управу собрать свѣдѣнія о положеніи руднаго дѣла въ такъ-называемомъ криворожскомъ районѣ, для чего и былъ командированъ въ м. Кривой Рогъ статистикъ. Несмотря на затрудненія, съ которыми приходилось встрѣчаться при собираніи свѣдѣній на мѣстѣ, и, слѣдовательно, нѣкоторую неполноту данныхъ, помѣщенный подъ вышеприведеннымъ заголовкомъ очеркъ въ «Сборникѣ херсонскаго земства» (май 1898 г.) представляетъ очень любопытный матеріалъ. Добыча руды въ криворожскомъ районѣ началась лишь въ 1881 г. на французскія деньги криворожскимъ анонимнымъ обществомъ на неудобныхъ земляхъ общества крестьянъ м. Кривого Рога. Условленная крестьянами съ обществомъ арендная плата по 7 руб. отъ десятины за землю, занятую подъ постройки, и 5 руб. отъ десятины за мѣста, занятыя подъ разработку, въ то время казалась крестьянамъ неслыханно высокой, такъ какъ удобную землю «на вѣчность» можно было тогда купить по 20—30 руб. за десятину. Несмотря однако на такую незначительную арендную плату, на богатство и высокое качество руды въ этомъ районѣ, добыча ея въ продолженіе 80-хъ годовъ производилась очень вяло. За первое пятилѣтіе въ среднемъ ежегодно добывалось немногимъ болѣе одного милліона пудовъ; во второе пятилѣтіе ежегодная добыча возрастаетъ до 6 съ лишнимъ милліоновъ. Но съ 90-хъ годовъ количество добытой руды сильно начинаетъ увеличиваться, достигая уже въ 1893 г. до 12½ милліоновъ пудовъ. Около этого времени и крестьяне м. Кривого Рога, сдавъ въ аренду неудобныя земли, начали сами разрабатывать рудники на своихъ усадьбахъ, пока руда добывалась почти на поверхности земли, безъ необходимости особыхъ затратъ и приспособленій. Появленіе массы предпринимателей русскихъ и иностранныхъ, начавшихъ предлагать владѣльцамъ рудныхъ усадебъ большія арендныя платы за право разработки руды,—причемъ деньги за весь арендный срокъ уплачивались единовременно,—совершенно измѣнило дѣло: усадьба за усадьбой стали переходить въ руки предпринимателей. Покупались усадьбы не съ цѣлью разработки, а главнымъ образомъ въ виду перепродажи. Возникла своего рода биржевая игра на рудныя усадьбы, которая приняла характеръ горячки въ іюнѣ прошлаго года, когда сельскій сходъ выдалъ приговоръ на право отдачи усадебъ отдѣльными домохозяевами предпринимателямъ. Несмотря на то, что приговоръ этотъ не утвержденъ губернскимъ присутствіемъ и мѣстнымъ земскимъ начальникомъ заявленъ протестъ на этотъ приговоръ, предприниматели дѣйствуютъ съ большой смѣлостью, совершая усиленно договоры внѣ предѣловъ Херсонской губерніи, чаще всего у екатеринославскихъ нотаріусовъ, такъ какъ мѣстный криворожскій нотаріусъ ихъ не свидѣтельствовалъ. Въ короткое время перепродажами наживаются большія состоянія: усадьба, купленная за 400 р., продана за 10.000 р.; въ другомъ случаѣ цѣны поднимаются съ 1.100 р. до 16.000 р.; купленныя въ февралѣ четыре усадьбы за 17.400 р., въ маѣ уже были проданы за 45.000 р. Изъ 16-ти предпринимателей, купившихъ усадьбы, пока лишь шестью дѣйствительно ведутся разработки. Остальные имѣютъ въ виду, можно думать, перепродать въ будущемъ законтрактованныя усадьбы по выгоднымъ цѣнамъ. Наиболѣе любопытнымъ примѣромъ является ростъ цѣнъ на право разработки рудъ на удобныхъ земляхъ криворожскаго сельскаго общества, когда соискателями этого права явилось нѣсколько конкуррентовъ. Въ 1892 году обществу было предложено по ¼ коп. съ пуда и 5.000 р. гарантіи, но другой конкурренть сейчасъ же предложилъ по ½ коп. и 25.000 р. гарантіи; въ концѣ концовъ цѣна опредѣлилась въ 1 к. съ пуда и гарантія въ 80.000 р. въ годъ. Значительныя суммы получаются и тѣми крестьянами, которые сдаютъ свои усадьбы для отваловъ, разъ въ этихъ усадьбахъ не предполагается суще-

ствованія руды. Есть владѣльцы, которые за право засыпки своей земли отвалами требуютъ болѣе 10.000 р., въ дѣйствительности же сдѣлки совершаются за цѣну отъ 30 до 2.000 р. за усадьбу. Въ настоящее время крестьяне при сдачѣ усадебъ ставятъ непремѣннымъ условіемъ договора предоставленіе имъ исключительнаго права на доставку руды къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ и на заводы по 1 к. съ пуда. Такимъ образомъ, въ руки владѣльцевъ усадебъ попадаетъ выгодный промыселъ (зарабатываютъ на парѣ лошадей до 8 р. ежедневно). Въ настоящее время, говорится въ очеркѣ, еще нельзя судить о вліяніи бѣшеныхъ денегъ, попавшихъ нежданно-негаданно въ руки криворожскаго общества крестьянъ и отдѣльныхъ хозяевъ, продавшихъ свои усадьбы. Послѣдними по настоящее время продано 75 усадебъ; ежегодная арендная плата составляетъ болѣе 35 р. Получившіе значительныя суммы за руду въ своихъ усадьбахъ,—по общему впечатлѣнію изъ разсказовъ лицъ, близко знакомыхъ съ ихъ жизнью,—въ большинствѣ случаевъ не истратили денегъ совершенно напрасно, хотя и не всегда употребляли ихъ исключительно на развитіе своего крестьянскаго хозяйства. Значительная часть денегъ пошла на улучшеніе жизненной обстановки. Въ иномъ положеніи находится вопросъ о деньгахъ, вырученныхъ отъ сдачи общественной земли. По условію съ брянскимъ обществомъ, заарендовавшимъ удобныя земли криворожскихъ крестьянъ, деньги по гарантіи (80.000) вносятся въ депозитъ губернскаго правленія. Судьба этихъ капиталовъ зависитъ всецѣло отъ того, будутъ ли поставлены ограниченія въ распоряженіи ими или общество получитъ свободный доступъ къ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ не трудно предсказать, что деньги эти распредѣлятся между членами общества. Уже теперь предложенія о покупкѣ земли внѣ предѣловъ губерніи и о выселеніи туда части хозяевъ не пользуются симпатіями криворожанъ, главнымъ образомъ потому, что въ извозѣ руды они видятъ для себя неисчерпаемую доходную статью. Рабочіе въ рудникахъ по преимуществу пришлые: главная масса ихъ изъ Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ. Работы ведутся партіями и большею частью сдѣльно. Цѣны на отрядныя работы колеблются отъ 75 к. до 1 р. 10 к., поденная плата отъ 50 и 80 к. до 1 р. Между рудопромышленниками и рабочими стоитъ цѣлый рядъ посредниковъ, въ рукахъ которыхъ остаются не малыя суммы изъ заработной платы. Случается, что рудопромышленникъ сдаетъ вскрышку штейгеру по $4^1/_2$ р. отъ куба, штейгеръ сдаетъ подрядчику эту работу за $3^1/_2$ р., а грабарь получилъ отъ подрядчика лишь $2^1/_2$ р. Добытая въ криворожскомъ районѣ руда, благодаря своему высокому качеству, имѣетъ возможность выдерживать перевозку на огромное разстояніе—1.800—2.000 верстъ въ Петербургъ. Главные потребители ея—южнорусскіе металлургическіе заводы, расположенные въ Екатеринославской губерніи.

Переутомленіе желѣзнодорожныхъ служащихъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена очень интересная и важная по темѣ статья г. Гончарова о переутомленіи желѣзнодорожныхъ служащихъ. Какъ важна роль этихъ служащихъ, которымъ мы ввѣряемъ тысячи жизней и громадныя имущества, понятно само собой. Между тѣмъ, условія ихъ дѣятельности таковы, что можно только удивляться, до чего выносливъ человѣкъ! Ради сбереженій въ бюджетѣ, количество служащихъ доведено до минимума, а работа, на нихъ лежащая, до максимума. Въ результатѣ — рядъ несчастій, вытекающихъ изъ страшнаго переутомленія. Чтобы дать понятіе объ этой работѣ, авторъ приводитъ массу фактовъ.

«Въ настоящее время на одной дорогѣ, на первоклассной станціи, проходятъ въ теченіе сутокъ до 60-ти поѣздовъ и постоянно работаютъ три маневрирующихъ паровоза. Станція раскинута на протяженіи трехъ квадратныхъ верстъ; передача вагоновъ происходитъ на двѣ дороги. Суточный обмѣнъ вагоновъ доходитъ до тысячи, и вотъ на этой-то станціи два помощника начальника станціи,

которые дежурятъ попеременно по 24 часа. Дежурному по станціи приходится въ теченіе сутокъ пройти и пробѣжать (не считая ежеминутнаго хожденія изъ конторы въ телеграфъ) по станціоннымъ путямъ отъ 20-ти до 25-ти верстъ. Кромѣ того, въ теченіе сутокъ онъ долженъ написать однѣхъ поѣздныхъ депешъ до 250-ти да служебныхъ до 60-ти. При этомъ онъ отвѣчаетъ за всякій поѣздъ, за его задержку (согласно Правиламъ, за задержку поѣзда полагается съ дежурнаго штрафъ: товарнаго—5 к., пассажирскаго—20 к. за минуту). Не стану перечислять другія обязанности дежурнаго, его непрерывную работу, его крайнее умственное напряженіе, его постоянныя заботы, куда принять поѣздъ, на какой путь поставить, разсчитать время пробѣга поѣздовъ, во-время составить ихъ и т. д. На подобной станціи когда-то я самъ дежурилъ и долженъ замѣтить, былъ въ полной силѣ и при хорошемъ здоровьѣ, и тѣмъ не менѣе однажды случилось обстоятельство, котораго я никогда не забуду.

«Это было около 3-хъ часовъ ночи. Сѣлъ я на диванъ въ конторѣ, хотѣлъ выпить стаканъ чаю, который стоялъ налитымъ съ 8-ми часовъ вечера, но не успѣлъ этого сдѣлать, какъ сторожъ докладываетъ мнѣ, что зовутъ въ телеграфъ. Я силюсь подняться, напрягая всѣ силы, хочу ступить, расправляю ноги, но ничто не помогаетъ: я точно приросъ къ дивану. «Да что это со мной»,— думаю я. Но голова не работаетъ, и на этотъ вопросъ я не могу дать себѣ яснаго отчета. Болѣе 30-ти минутъ находился я въ такомъ положеніи, затѣмъ пошатался немного и привсталъ, схватившись за столъ, чтобы не упасть. Что-то зазвенѣло у меня въ головѣ, глазамъ представились какіе-то огненные круги, но сознаніе еще работало; я зналъ, что надо идти въ телеграфъ, и, осиливъ себя, я машинально пошелъ, взялъ телеграфный журналъ, записалъ точно и вѣрно путь передачи, не помню что-то спросилъ по телефону, какое-то сдѣлалъ распоряженіе и направился далѣе въ контору. Что было дальше, не помню, знаю только одно, кто-то сильно дергалъ меня за ноги. Я немедленно вскочилъ; было около 5-ти часовъ утра. Передо мной стоялъ начальникъ станціи, который началъ упрекать меня, что я позволяю себѣ на дежурствѣ спать, что пришла передача, много пассажировъ на платформѣ; но мнѣ некогда было его слушать, я схватилъ съ пола фуражку и кинулся въ телеграфъ.

«Думаю, читатель спроситъ, что со мной было? Да ничего, сущій пустякъ, который не долженъ и допускаться у агента желѣзной дороги: полнѣйшее переутомленіе всего организма. Въ чемъ же заключалось это переутомленіе и чѣмъ оно было вызвано, тѣмъ болѣе у человѣка, привычнаго къ подобному труду?

«Съ 8 ч. вечера до $2^1/_2$ часовъ ночи я отправилъ 14 пассажирскихъ поѣздовъ, 8 товарныхъ, принялъ три передачи съ сосѣднихъ дорогъ и, какъ сейчасъ помню, по неимѣнію путей принялъ 60 вагоновъ передачи на первый пассажирскій путь, куда исключительно принимаются почтовые и курьерскіе поѣзда. Не знаю, можетъ быть, это обстоятельство и отразилось такъ на моихъ нервахъ, потому что возможны были печальныя послѣдствія и, самое меньшее, могли быть задержаны почтовый и скорые поѣзда, чего быть не должно во всякомъ случаѣ. Я былъ въ сильно нервно-возбужденномъ состояніи нѣсколько часовъ и при всемъ этомъ, навѣрно, сдѣлалъ еще дистанцію до 20-ти верстъ. Прочтя вышеписанное, желѣзнодорожный агентъ скажетъ: «Еще хуже бываютъ положенія, когда, что называется, душа съ тѣломъ разстается, когда умъ перестаетъ работать», но мнѣ кажется, что читатель, не зная желѣзнодорожной службы, заподозритъ меня, что я нарочно выбралъ такое исключительное положеніе и сгустилъ краски. Чтобы разсѣять подобное мнѣніе, я опишу маленькую заурядную станцію и ея начальника.

«Что такое начальникъ на подобной станціи? Прежде всего это—старшій агентъ, отвѣчающій за все и за всѣхъ. Познанія его въ технической части движенія, въ тарифномъ и коммерческомъ дѣлѣ должны быть безукоризненны;

но этого мало: онъ долженъ знать всѣ правила, постановленія, приказы и т. д., относящіеся къ движенію поѣздовъ, а также къ перевозкѣ пассажировъ и грузовъ, и, кромѣ того, обладать феноменальною памятью: иначе онъ рискуетъ остаться почти безъ жалованья, такъ какъ всѣ ошибки по тарифной и коммерческой части, вызывающія начеты контроля сборовъ, ложатся за его личный счетъ. Задержка поѣздовъ, неправильная выгрузка,—все это вызываетъ штрафы и взысканія безъ конца. Его прямыя обязанности заключаются въ слѣдующемъ: онъ долженъ знать службу телеграфа, онъ является билетнымъ и багажнымъ кассиромъ, онъ долженъ таксировать грузы, прибывшіе и отправляемые, долженъ все записывать; кромѣ того, онъ заботится о станціи и ведетъ ея инвентарь. является отвѣтственнымъ лицомъ за чистоту и порядокъ всѣхъ жилыхъ помѣщеній станціи, ея платформъ и пакгаузовъ въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ и, наконецъ, онъ долженъ дежурить черезъ день наравнѣ съ своимъ помощникомъ по 24 часа въ сутки при движеніи 20—26 поѣздовъ. Правила движенія возлагаютъ на него обязанность, чтобы ночью всѣ были на своихъ мѣстахъ и не спали; проспитъ, напр., поѣздъ телеграфистъ, съ него штрафъ 1 рубль, съ дежурнаго 2—3 рубля; онъ долженъ находиться при всякомъ принятіи поѣзда, лично осмотрѣть стрѣлку и убѣдиться, что тамъ находится стрѣлочникъ; словомъ, что бы ни случилось на дежурствѣ, отвѣчаетъ онъ. Теперь прослѣдимъ его отдыхъ въ свободныя отъ дежурства сутки. Согласно правиламъ движенія, агентъ, продежурившій 24 час., долженъ безусловно имѣть такой же отдыхъ. Теперь является вопросъ, какъ, сколько и когда онъ отдыхаетъ?

«Въ свободное отъ дежурства время онъ обязанъ встрѣтить лично скорые, курьерскіе, почтовые и товаро-пассажирскіе поѣзда, продать билеты пассажирамъ, подписать отчеты, а на нѣкоторыхъ дорогахъ лично составить кассовый отчетъ, протаксировать всѣ грузы, такъ какъ за правильность тарифа отвѣчаетъ онъ, сдать лично суточную выручку станціи, исполнить всю текущую переписку, явиться по первому требованію немедленно на станцію, напр., при проѣздѣ начальствующихъ лицъ, не считая другихъ непредвидѣнныхъ случаевъ, когда онъ долженъ лично быть на станціи, все равно, дежурный онъ или свободный. Вотъ краткій перечень его отдыха. Среднимъ числомъ онъ отдыхаетъ отъ 6 до 8 часовъ, и притомъ, самое главное, отдыхъ его является не непрерывнымъ. Тѣ же самыя обязанности исполняетъ и его помощникъ, но отдыхомъ пользуется все-таки нѣсколькими часами болѣе. Не мудрено, что послѣ нѣкотораго времени подобной службы начальникъ станціи является къ доктору и проситъ дать ему бюллетень на 3—4 дня.

«Да чѣмъ вы больны?»—спрашиваетъ докторъ.—«Переутомился! Усталъ! Все болитъ! Дайте хоть три ночи покойно соснуть. Ей-Богу, силъ нѣтъ!»—Послѣ этого докторъ, если онъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова, вручаетъ бюллетень.

«Машинѣ даютъ извѣстный отдыхъ; смѣю думать, что надо дать его человѣку, особенно при такомъ отвѣтственномъ положеніи. Пробыть въ нервно-возбужденномъ состояніи 24 часа положительно невозможно».

«Трудно понять читателю,—говоритъ авторъ,—что испытываетъ человѣкъ въ продолженіе ночи при нервномъ возбужденіи и мозговомъ переутомленіи. Вступая въ дежурство, онъ является нормальнымъ субъектомъ: его температура, пульсъ, дыханіе правильны. Въ продолженіе дня уклоненія очень незначительны, но вотъ подходитъ ночь, требуется усиленное напряженіе слуха, зрѣнія. Всякій сигнальный огонь, бѣлый, зеленый, красный, которыми ты обязанъ руководствоваться, начинаетъ тебя тревожить; въ головѣ невольно проскальзываетъ мысль: нѣтъ, это не огонь семафора или стрѣлки, это что-то другое. Неувѣренность начинаетъ волновать, пульсъ бьется учащенно, слышишь тревожные свистки

паровоза, инстинктивно кидаешься изъ конторы, кричишь за полверсты, что случилось, хорошо сознавая, что тебя никто не видитъ и не слышитъ, но все-таки кричишь. Мысль работаетъ усиленно, составителю даешь распоряженіе: такой-то поѣздъ осадить туда-то: старшему стрѣлочнику: задержать такой-то у семафора; кондукторской бригадѣ кричишь: немедленно принимать поѣздъ, хотя самъ смотришь на часы и видишь, что до отправленія поѣзда еще два часа. Начинаешь, что называется, шалѣть, память измѣняетъ (я въ это время изслѣдовалъ у себя пульсъ и нашелъ отъ 100 до 120 ударовъ). Появляется усиленное дыханіе, нерѣдко выступаетъ потъ. Идешь въ телеграфъ писать путь поѣзду, садишься на стулъ, схватываешь перо и начинаешь водить по журналу, или воткнешь перо въ журналъ, а самъ безсознательно устремляешь взоръ на часы, точно на нихъ написано, что надо писать. Телеграфистъ повторяетъ тебѣ: «Начальникъ, вторично просятъ путь»; но вотъ тутъ-то и вопросъ: ты забылъ названіе сосѣдней станціи. Какъ ни стараешься припомнить, голова не работаетъ. Дыханіе становится частымъ, руки трясутся, ногами нервно стучишь. Въ головѣ стоитъ: пиши, пиши! надо писать! Такое положеніе продолжается отъ 2 до 5 минутъ, и, долженъ сказать, самое мучительное. Опытный телеграфистъ видитъ твое положеніе, ударяетъ тебя по плечу, приводитъ въ сознаніе. «Пишите,—говоритъ онъ:—«Начальнику станціи такой-то. Ожидаю поѣздъ № 3» и т. д. Память возстановилась. Невольно моментально начинается снова сознательная мозговая работа».

«Да, дорогъ сонъ человѣку, и противъ природы бороться трудно! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ полной силѣ и здоровьѣ, мнѣ пришлось однажды продежурить безъ смѣны 30 часовъ. Наконецъ, я сѣлъ на табуретъ, прислонился къ стѣнѣ и въ такомъ положеніи проспалъ 8 часовъ. Никакія усилія не могли привести меня въ чувство. Приведу еще одинъ фактъ, котораго я былъ очевидцемъ. На одной изъ маленькихъ станцій находилось два телеграфныхъ аппарата, на которыхъ дежурилъ одинъ телеграфистъ. Надо замѣтить, что проявленіе гнѣва значительно лучше переносится человѣкомъ, если онъ можетъ проявить его непосредственно, но въ данномъ случаѣ такая ссора чисто-служебнаго свойства происходила при посредствѣ телеграфнаго аппарата. При сильномъ движеніи поѣздовъ справляться одному телеграфисту при двухъ аппаратахъ очень трудно. Дежурный по станціи требуетъ путь, поѣздъ ожидаетъ, но телеграфистъ не можетъ передать поѣздной депеши: ему мѣшаютъ съ сосѣдней станціи, перебиваютъ. Тысячи проклятій посылаетъ онъ своему собрату, но вѣдь это дѣлу не помогаетъ. Сильно возбужденное состояніе подобнаго телеграфиста не поддается описанію. И вотъ при такомъ-то положеніи произошло слѣдующее обстоятельство: телеграфистъ бросаетъ аппаратъ, садится на товарный поѣздъ, ѣдетъ на сосѣднюю станцію (разстояніе было пять верстъ), беретъ за волосы своего противника, который съ нимъ спорилъ или, лучше сказать, мѣшалъ ему работать, порядкомъ обдѣлываетъ его, — все это молча, точно исполняя работу,—садится на обратный поѣздъ, прибываетъ на станцію и. какъ ни въ чемъ не бывало, опять принимается за работу; на всю такую своеобразную процедуру онъ потратилъ времени не болѣе 20—25 минутъ. На мой вопросъ: «куда вы отлучались, что вы дѣлали»—онъ ничего не могъ припомнить, и всѣ данныя говорили, что все это онъ продѣлалъ совершенно безсознательно. Онъ самъ съ трудомъ могъ вѣрить, какъ это могло случиться. Вотъ какія сложныя психологическія явленія бываютъ у человѣка, находящагося въ нервно-возбужденномъ состояніи».

Ссылаясь на статистическія данныя, г. Гончаровъ приходитъ къ выводу, что ночь для дежурнаго по станціи—самое тяжелое время. «Наибольшее число крушеній, схода съ рельсовъ и тому подобныхъ случаевъ при движеніи поѣздовъ происходитъ въ ночное время, и это весьма понятно, такъ какъ всякій

агентъ въ такое время находится не вполнѣ въ нормальномъ состояніи, какъ бы онъ ни былъ привыченъ къ такой службѣ. Прочеты у билетныхъ кассировъ, ихъ всякаго рода ошибки при продажѣ пассажирскихъ билетовъ почти всегда случаются въ ночное время». Чтобы показать, насколько человѣкъ притупляется, исполняя нѣсколько лѣтъ однообразную работу, и какія отъ этого бываютъ послѣдствія, авторъ приводитъ слѣдующій фактъ.

«На одной большой станціи желѣзной дороги служилъ стрѣлочникъ около 8 лѣтъ и все это время находился на одной стрѣлкѣ. Человѣкъ онъ былъ степенный, трезвый, службу свою зналъ хорошо, а потому и былъ поставленъ начальникомъ станціи на самый отвѣтственный постъ, входную первую стрѣлку. Однажды я сидѣлъ въ конторѣ, когда этотъ стрѣлочникъ пришелъ къ начальнику станціи и обратился къ нему съ такой просьбою: «Господинъ начальникъ, ради Бога, переведите меня на другую стрѣлку или на время поставьте сторожемъ. Восемь лѣтъ на одномъ мѣстѣ, такъ она мнѣ (стрѣлка) надоѣла, что видѣть ее не могу! Поставишь ее, кажись, правильно, руками пощупаешь перо, отойдешь, издали поглядишь, кажись, все вѣрно, а себѣ все-таки не вѣришь. Ой,—говоришь,—Степанъ! подведетъ она тебя, окаянная, и начнешь ее, ваше благородіе, крутить!.. Больно ужъ она мнѣ намозолила глаза. На новенькое бы мѣстечко хотѣлось. Все бы, значитъ, разнообразіе». Начальникъ станціи наотрѣзъ отказалъ ему въ его просьбѣ. На четвертый день этотъ стрѣлочникъ неправильно поставилъ стрѣлку и пустилъ поѣздъ на поѣздъ, причемъ былъ убитъ кондукторъ и разбито семь вагоновъ. Долженъ сказать, что я очень интересовался этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ возможность слѣдить за нимъ. Мнѣ пришлось быть при допросѣ этого стрѣлочника судебнымъ слѣдователемъ. На вопросъ слѣдователя: «какъ это случилось, почему ты, такой опытный, всегда трезвый и хорошій работникъ, допустилъ эту оплошность?»—«Не могу знать,—отвѣчалъ онъ.—И самъ отчета не дамъ, какъ это произошло. Поставилъ ее, значитъ, правильно, пощупалъ перо, баланецъ крѣпко прижалъ, закурилъ трубочку, отошелъ поодаль,—очень, кажись, вѣрно, а самъ и думаю: охъ, нѣтъ! ошибся! Показался поѣздъ, а я все стою и думаю, злость разбираетъ! Побѣжалъ, значитъ, да передъ самымъ паровозомъ и перекинулъ ее. Ничего не знаю, сильно смотрѣлъ. Знать, лукавый попуталъ!» Слѣдователь объявилъ ему, что за подобную оплошность онъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ. Черезъ нѣсколько дней его не стало. Онъ заболѣлъ нервной горячкой и умеръ, оставивъ четверо дѣтей и жену».

Въ описанномъ случаѣ г. Гончаровъ видитъ несомнѣнное доказательство того, что при долгой однообразной службѣ на одномъ и томъ же посту человѣкъ теряетъ сознательное мышленіе. «Видѣть цѣлые годы одно и то же, быть вѣчно въ нервно-возбужденномъ состояніи, ежеминутно бояться,—все это такъ отражается на мозгѣ и умственныхъ способностяхъ, что человѣкъ до извѣстной степени превращается въ автомата и дѣлаетъ иногда противъ воли безсознательныя ошибки. Переутомленіе и нервно-возбужденное состояніе, напряженная мозговая дѣятельность и недостаточный отдыхъ,—все это вмѣстѣ взятое имѣетъ громадное значеніе для безопасности движенія и общаго строя всего желѣзнодорожнаго дѣла».

Къ сожалѣнію, на это не обращается вниманіе, и въ погонѣ за сбереженіемъ лишняго рубля губятся тысячи жизней и получаются милліонныя потери.

Истязанія денщиковъ. Читатели нашего журнала, можетъ быть, помнятъ тепло написанный разсказъ г. Ивановича «Степанъ Ежикъ», помѣщенный въ «М. Б.» за 1894 годъ. Въ разсказѣ просто и правдиво изложена трагическая судьба рядового-денщика, павшаго жертвой своего безправнаго положенія. Съ тѣхъ поръ не разъ обращалось вниманіе и въ общей, и въ спеціально-

военной литературѣ на ненормальное положеніе денщиковъ, поставленныхъ, въ силу воинскаго устава, въ безвыходное положеніе безотвѣтныхъ рабовъ. По уставу они—воинскіе чины, обязанные безпрекословнымъ повиновеніемъ начальству, въ жизни олицетворяемомъ въ образѣ членовъ семейства офицеровъ, у которыхъ они служатъ. Не будучи на дѣлѣ военными, денщики несутъ всю отвѣтственность военныхъ, что приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Для характеристики можетъ служить недавно разбиравшееся дѣло, о которомъ помѣщенъ подробный отчетъ въ «Терскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ».

Временнымъ военно-окружнымъ судомъ въ Пятигорскѣ, при огромномъ стеченіи публики, разбиралось интересное дѣло по обвиненію военнаго врача, доктора медицины, ст. сов. Степана Степановича Пашкевичъ и жены его Брониславы Осиповны Пашкевичъ, женщины-врача, въ истязаніи денщиковъ (по ст. 1.489 улож. о наказ.).

По обвинительному акту, сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. По распоряженію пятигорскаго воинскаго начальника, осенью 1895 г. было произведено военнымъ начальствомъ дознаніе по жалобѣ денщиковъ, рядовыхъ Купейтиса и Подгурскаго, на жестокое съ ними обращеніе со стороны гг. Пашкевичъ, у которыхъ они служили. Такъ какъ дознаніемъ подтвердилась жалоба потерпѣвшихъ, то, по распоряженію высшей военной власти, дѣлу данъ былъ ходъ. На предварительномъ слѣдствіи рядовой Подгурскій показалъ, что докторъ Пашкевичъ, когда былъ одинъ безъ жены, прислугу не билъ. Билъ онъ свою прислугу только при женѣ, била и послѣдняя. Били за всякую мелочь; разъ онъ былъ побитъ за плохо вычищенный замокъ, другой разъ получилъ отъ жены доктора за разбитое стекло, стоящее пять копѣекъ, настолько сильный ударъ полѣномъ въ спину, что проболѣлъ 4 дня. Били всѣмъ, чѣмъ попало, и по всему. Били и плетками, и кулаками. Вдобавокъ ко всему этому, денщики дурно довольствовались. Когда они жили со своими господами въ Желѣзноводскѣ, то на довольствіе были прикомандированы къ одной изъ ротъ ахульчинскаго батальона, расположеннаго въ Пятигорскѣ. Деньги на приварокъ изъ роты гг. Пашкевичъ получали на руки, а за хлѣбомъ денщики должны были путешествовать въ Пятигорскъ, но такъ какъ ихъ отпускали не болѣе одного раза въ недѣлю, то въ большинствѣ случаевъ они оставались безъ хлѣба, потому что забираемый запасомъ на продолжительное время хлѣбъ подъ конецъ недѣли совершенно портился, покрывался плѣсенью и дѣлался неудобосъѣдомымъ. Такъ какъ господа, жалѣя дрова, давали ихъ только черезъ день, то обѣдъ приходилось варить на два дня сразу, вслѣдствіе чего щи на другой день прокисали и денщики оставались безъ горячей пищи чрезъ день. Работы же было много, заставляли работать и для курсовыхъ квартирантовъ дома Пашкевичъ, и хотя послѣдніе платили за это незначительную сумму денегъ, но работа была принудительная. Жить вообще было трудно. Изъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи штабсъ-капитаномъ Глухаревымъ и штабсъ-капитаномъ Соболевымъ, видно, что денщики въ Пятигорскѣ помѣщались въ маленькой кухнѣ, гдѣ невозможно быть двоимъ; кухня была сырая и холодная. Г. Глухаревъ видѣлъ на спинѣ у Подгурскаго рубецъ и нѣсколько царапинъ, причемъ Подгурскій, на вопросъ о происхожденіи ихъ, отвѣтилъ, что баринъ сидѣлъ на немъ и держалъ, а барыня въ это время била его. Отставной полковникъ Полянскій, жившій въ 1895 г. въ Желѣзноводскѣ въ сосѣдствѣ съ Пашкевичъ, показалъ на предварительномъ слѣдствіи, что онъ всегда видѣлъ ихъ денщиковъ жалкими и несчастными, разъ видѣлъ денщика у воротъ плачущимъ, какъ маленькій ребенокъ, другой разъ слышалъ плачъ на дворѣ Пашкевичъ, причемъ изъ разспросовъ узналъ, что плачетъ денщикъ, котораго била барыня.

На судебномъ слѣдствіи воинскій начальникъ показалъ, что осенью 1895 г. явился къ нему въ управленіе денщикъ д-ра Пашкевича съ жалобою на цѣлый

рядъ побоевъ и лишеній, испытанныхъ въ Желѣзноводскѣ; по отъѣздѣ же доктора Пашкевича въ Шатой, жена его поселилась въ Пятигорскѣ въ собственномъ домѣ вмѣстѣ съ денщиками. Тутъ послѣдніе, довольствуясь изъ роты ахульгинскаго батальона, но отпускаемые туда на обѣдъ только послѣ 4-хъ часовъ дня, никогда обѣда не заставали. Выслушавъ жалобу денщика, воинскій начальникъ послалъ своего дѣлопроизводителя, г. Борисова, къ г-жѣ Пашкевичъ съ просьбою, чтобъ она отпускала денщиковъ въ роту не позднѣе 12 часовъ дня. Дѣлопроизводитель скоро вернулся отъ нея встревоженный и жаловался на встрѣченное имъ грубое обращеніе со стороны г-жи Пашкевичъ.

По поводу показанія полковника Волонцевича обвиняемая объяснила, что онъ относится къ ней вообще недружелюбно; вмѣсто того, чтобы «прогнать денщиковъ, которые кляузничаютъ на своихъ господъ», онъ придаетъ вѣру ихъ кляузѣ и даетъ ей ходъ.

Разсказывая о порокахъ своихъ денщиковъ, она воскликнула: «Участь русскаго солдата—врать, воровать, а подчасъ и разбойничать».

Сущность показаній штабсъ-капитана Соболева и штабсъ-капитана Глухарева сводится къ слѣдующему. Г. Глухаревъ въ октябрѣ 1895 г., по порученію командира батальона, направляясь для производства дознанія къ дому, гдѣ жила г-жа Пашкевичъ, встрѣтилъ штабсъ-капитана Соболева, который, узнавъ о порученіи, сказалъ: «Будьте осторожны, Пашкевичъ очень дерзкая особа». Боясь натолкнуться на оскорбленіе, г. Глухаревъ попросилъ г. Соболева сопровождать его въ качествѣ свидѣтеля, полагая, что при третьемъ лицѣ она не осмѣлится на дерзость. При входѣ во дворъ они встрѣтили денщика и пошли вмѣстѣ съ нимъ въ занимаемую денщиками кухню, особую постройку на дворѣ; свидѣтели не могли вспомнить, изъ какого матеріала эта постройка, какого она размѣра и сколько человѣкъ могло помѣститься въ ней. Не могли также припомнить свидѣтели, было ли помѣщеніе сыро и холодно, припомнили только, что около дверей были трещины и что помѣщеніе было грязно. Свидѣтели видѣли на спинѣ у денщика Подгурскаго темносиній рубецъ съ царапинами, причемъ Подгурскій объяснилъ, что это отъ побоевъ барыни,—«баринъ сидѣлъ на немъ верхомъ, а барыня била». На вопросъ, почему денщики не обратились раньше съ жалобою куда слѣдуетъ, послѣдніе отвѣтили свидѣтелямъ, что барыня показывала имъ, денщикамъ, данный ей царемъ орденъ, по которому она можетъ даже убить денщика и ей ничего за это не будетъ. Денщики на видъ были изнурены и болѣзненны. Г. Глухаревъ слышалъ отъ денщика разсказъ, какъ его въ Желѣзноводскѣ била плетью г-жа Пашкевичъ за пропажу мопсика, пока онъ, денщикъ, не спасся отъ нея на крышу дома, гдѣ барыня не могла уже его преслѣдовать. На вопросъ прокурора, не обращался ли г. Пашкевичъ съ жалобою на денщика къ нему, Глухареву, когда онъ былъ помощникомъ воинскаго начальника въ Желѣзноводскѣ, свидѣтель отвѣтилъ, что въ маѣ 1895 г. дѣйствительно обращался къ нему г. Пашкевичъ съ просьбой проучить и побить его денщика; на вопросъ, не жаловался ли самъ денщикъ, г. Глухаревъ показалъ, что не жаловался и не могъ жаловаться, такъ какъ онъ отнесся въ то время съ довѣріемъ къ заявленію г. Пашкевича и съ денщикомъ обошелся весьма сурово и строго.

Въ самомъ концѣ судебнаго слѣдствія было оглашено примирительное производство, состоявшееся 8-го августа 1896 г. у мирового судьи 3-го участка владикавказскаго мирового округа о примиреніи доктора Пашкевичъ съ денщиками Подгурскимъ и Купейтисомъ; послѣдніе согласились не искать за понесенные ими побои при условіи уплаты Пашкевичъ каждому изъ нихъ по 10 р., которые они въ свое время уже получили.

По окончаніи преній, судъ удалился въ совѣщательную комнату и послѣ продолжительнаго совѣщанія вынесъ резолюцію, по которой нашелъ доказан-

нымъ лишь причиненіе докторомъ Пашкевичемъ и его женою легкихъ побоевъ денщикамъ Купейтису и Полгурскому, а потому призналъ доктора Пашкевича подлежащимъ дисциплинарной отвѣтственности, отъ которой его освободить за силою Высочайшаго манифеста 1896 г. о льготахъ военно-служащимъ, а жену его женщину-врача Пашкевичъ считать свободною отъ всякой отвѣтственности за примиреніемъ, состоявшимся у Пашкевичъ съ денщиками 8-го августа 1896 г. у мирового судьи («Терск. Губ. Вѣд.).

Дѣло это, такимъ образомъ, вышло на свѣтъ Божій, но сколько подобныхъ дѣлъ остается никому невѣдомыми! Нужно принять во вниманіе, что число денщиковъ далеко не такъ мало, какъ кажется. Всѣхъ офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, числится больше 30.000, и если считать только по одному денщику на каждаго,—хотя штабъ-офицеры имѣютъ ихъ не менѣе двухъ,—то въ общей сложности получается почтенная цифра—цѣлый корпусъ военнаго состава, несущій службу, не имѣющую ничего общаго съ воинскими обязанностями. Одно время въ «Развѣдчикѣ» обсуждался проектъ о замѣнѣ денщиковъ выдачею особыхъ денегъ на прислугу, въ размѣрѣ 10 р. въ мѣсяцъ за 1-го денщика. Проектъ этотъ горячо обсуждался и въ общей печати, но, повидимому, заглохъ къ концѣ концовъ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Что читаетъ простой людъ въ С.-Петербургѣ. Въ Петербургѣ функціонируютъ 6 городскихъ безплатныхъ читаленъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ столицы и предназначенныхъ для простого люда; интеллигентныхъ посѣтителей бываетъ въ читальняхъ немного и притомъ они пользуются исключительно только періодическими изданіями; книгами же для чтенія пользуются всецѣло: прислуга, фабричные рабочіе и т. п. Запасъ книгъ въ читальняхъ ограничивается книгами, разрѣшенными для обращенія въ безплатныхъ читальняхъ. Эти книги раздѣляются на X отдѣловъ слѣдующимъ образомъ: I отд.—богословіе, II—исторія, III—исторія литературы и критика, IV—географія и путешествія, V—философія и психологія, VI — юридическія и общественныя науки, VII—естественныя науки, медицина и гигіена, VIII—промышленность, IX — беллетристика и X—справочныя книги. Изъ книгъ всѣхъ этихъ отдѣловъ болѣе требованій является на оригинальную (русскую) беллетристику. Въ прошломъ 1897 году во всѣхъ читальняхъ по этому отдѣлу было удовлетворено 12.254 требованія. Излюбленнымъ писателемъ у простолюдиновъ во всѣхъ читальняхъ является Н. В. Гоголь, на сочиненія котораго во всѣхъ читальняхъ самое большое число требованій. Остальные писатели во всѣхъ читальняхъ пользуются неодинаковымъ спросомъ: въ двухъ (Пушкинскихъ) читальняхъ, послѣ Гоголя, по количеству требованій стоитъ А. С. Пушкинъ, въ одной (гоголевской)—Полевой. въ другой (Лермонтовской)—Лейкинъ, въ третьей (Грибоѣдовской)—Авенаріусъ и въ четвертой (Крыловской)—Загоскинъ. Третье мѣсто послѣ Гоголя занимаютъ: въ двухъ Пушкинскихъ читальняхъ Л. Н. Толстой, въ одной (Гоголевской) — Вс. Крестовскій; въ другой (Лермонтовской) — Вс. Соловьевъ, въ третьей (Грибоѣдовской)—А. С. Пушкинъ и въ четвертой (Крыловской)—Л. Н. Толстой и И. А. Гончаровъ, количество требованій на сочиненія обоихъ писателей одинаково.

Въ общемъ, большимъ количествомъ требованій (отъ 100 до 766) въ 1897 году пользовались: въ 1-й Пушкинской читальнѣ: Н. В. Гоголь—766 тр., А. С. Пушкинъ — 249, Фурманъ (авторъ историческихъ романовъ: «Потемкинъ», «Саардамскій плотникъ» и др.)—201, Л. Н. Толстой—198, Загоскинъ—136, А. К. Толстой (исключительно романъ «Князь Серебряный»)—104, И. С. Тургеневъ—102; во 2-й Пушкинской: Н. В. Гоголь—240, А. С Пушкинъ—190, Л. Н. Толстой—151; въ Гоголевской читальнѣ: Н. В. Гоголь—121; въ Лермонтовской читальнѣ самое большое количество требованій (на соч. Н. В. Гоголя)

не превышаетъ 85; въ Грибоѣдовской читальнѣ: Н. В. Гоголь — 612, Авенаріусъ—229, А. С. Пушкинъ—182, Лейкинъ—161, А. К. Толстой—127, Данилевскій (авторъ романовъ: «Бѣглые», «Девятый валъ» и др.)—104, И. С. Тургеневъ—101; въ Крыловской: соч. Н. В. Гоголя—174 треб.

Самымъ минимальнымъ требованіемъ (отъ 1 — 20) во всѣхъ читальняхъ пользовались сочиненія слѣдующихъ писателей: Эртеля, Д. Л. Мордовцова, Погосскаго и Григоровича.

Изъ иностранныхъ беллетристовъ среди простыхъ читателей во всѣхъ читальняхъ пользуются большимъ успѣхомъ: Жюль Вернъ, Майнъ-Ридъ, Куперъ и Дюма. Менѣе популярны, къ сожалѣнію, такіе писатели, какъ Диккенсъ, Гюго, Оржешко.

Изъ другихъ отдѣловъ, кромѣ беллетристики, требовались книги въ сравнительно большомъ количествѣ по географіи (IV отд.)—до 2.000 треб., исторіи (II отд.)—1.825 тр. и богословію—1.064 тр. Менѣе спрашиваются книги по философіи и психологіи (103 тр.), юридическимъ наукамъ (73 тр.) и анатоміи (42 тр.).

Общій выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что петербургскій простой людъ болѣе всего ищетъ чтенія занимательнаго, менѣе интересуясь книгами научнаго содержанія, что, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что большинство нашихъ, такъ-называемыхъ популярно научныхъ книгъ написаны далеко не популярно и не только не научаютъ чему-либо читателя, а иногда даже отбиваютъ у него охоту къ чтенію научныхъ книгъ, благодаря отчасти сухости изложенія, а иногда и неопредѣленности содержанія.

М. Г. Черняевъ (Некрологъ). Въ началѣ августа скончался Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, имя котораго останется навсегда связаннымъ съ исторіей борьбы за освобожденіе балканскихъ славянъ и въ то же время займетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ русской арміи. М. Г. скончался въ Могилевской губерніи, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ. Родившись въ 1828 году, Черняевъ, избравшій военную карьеру, участвовалъ въ крымской кампаніи и кавказскихъ войнахъ, затѣмъ перешелъ на дипломатическое поприще и одно время состоялъ генеральнымъ консуломъ въ Бѣлградѣ. Въ 1864 году Черняевъ руководилъ военной экспедиціей въ Туркестанѣ и взялъ Ташкентъ. Штурмъ Ташкента, произведенный безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго военнаго начальства, повлекъ за собою увольненіе Черняева изъ русской арміи. Черняевъ поселился въ Москвѣ и издавалъ здѣсь газету «Русскій Міръ». Въ 1876 году Черняевъ получилъ приглашеніе изъ Бѣлграда принять участіе въ сербо-турецкой войнѣ. Ему была поручена южная или моравская армія, на долю которой приходилась самая серьезная часть борьбы и отвѣтственности. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Черняевъ успѣшно боролся съ затрудненіями всякаго рода—слабой организаціей сербской арміи, недостаткомъ боевыхъ припасовъ и опытныхъ офицеровъ, отчасти также съ соревнованіемъ сербскихъ генераловъ. При этомъ Черняевъ проявилъ рѣдкую энергію въ дѣлѣ привлеченія русскихъ добровольцевъ и пожертвованій. Моравская армія, подавленная превосходными силами турокъ, потерпѣла однако на высотахъ Дюниша рѣшительное пораженіе, которымъ и закончилась война вслѣдствіе ультиматума, посланнаго Турціи Россіей. Въ начавшейся вскорѣ русско-турецкой кампаніи Черняевъ не участвовалъ, обративъ всѣ свои усилія на развитіе благотворительной дѣятельности извѣстнаго «Славянскаго комитета». Въ 1882—1884 годахъ Черняевъ состоялъ генералъ-губернаторомъ Туркестанскаго края, затѣмъ до 1886 года членомъ военнаго совѣта, до 1890 года находился въ отставкѣ, въ маѣ 1890 года снова назначенъ членомъ военнаго совѣта.

Въ Черняевѣ предпріимчивость, личная энергія и организаторская способность соединялись съ очень живыми славянскими симпатіями.

Изъ прошлаго.

Оправдательная записка Ѳ. М. Достоевскаго. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» помѣщенъ переводъ изъ газеты «Neue Freie Presse» записки Достоевскаго по дѣлу Петрашевскаго, читанной въ 42-мъ засѣданіи слѣдственной коммиссіи 20 го іюня 1848 г. Записка эта извлечена, съ разрѣшенія русскихъ властей, изъ архива бывшаго Третьяго отдѣленія г-жею Ниной Гофманъ, занятой составленіемъ біографіи Достоевскаго. Приводимъ этотъ, чрезвычайно интересный для характеристики взглядовъ и мнѣній Достоевскаго въ молодости, документъ въ извлеченіяхъ.

Въ началѣ Достоевскій говоритъ о характерѣ Петрашевскаго и о своемъ знакомствѣ съ нимъ.

«Я никогда не находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Петрашевскому, хотя и являлся къ нему на пятничные вечера и хотя онъ также бывалъ у меня.

«Это—одно изъ тѣхъ знакомствъ, которыми я не особенно много интересовался, такъ какъ я ни по характеру, ни по многимъ взглядамъ не сходился съ Петрашевскимъ. Поэтому я поддерживалъ сношенія съ нимъ только въ той степени, въ какой этого требовала вѣжливость, т.-е. я посѣщалъ его, приблизительно, разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже. Отказаться совершенно отъ знакомства съ нимъ у меня не было никакого основанія. Кромѣ того, мнѣ иногда было интересно посѣщать его пятницы.

«Меня поразили многія эксцентричности и особенности въ характерѣ Петрашевскаго. Знакомство наше началось даже съ того, что онъ при первомъ же свиданіи возбудилъ во мнѣ любопытство. Я, однако, не часто къ нему ѣздилъ. Случалось, что я по цѣлымъ полугодіямъ не бывалъ у него. Въ прошлую зиму, начиная съ сентября, я былъ у него не больше восьми разъ. Мы никогда не были близки другъ къ другу и думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не бесѣдовали вмѣстѣ глазъ на глазъ болѣе получаса. Я даже положительно замѣтилъ, что, являясь ко мнѣ, онъ также исполнялъ долгъ вѣжливости и что продолжительная бесѣда со мною ему въ тягость. Съ моей стороны было то же самое, такъ какъ, повторяю, у насъ не было точекъ соприкосновенія ни во взглядахъ, ни въ характерахъ. Мы оба боялись говорить долго другъ съ другомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы съ десятаго же слова начали бы спорить, что было намъ обоимъ противно. Мнѣ кажется, что наши взаимныя впечатлѣнія были одними и тѣми же; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что я часто ѣздилъ на его пятничные вечера не столько изъ-за него самого или его «пятницъ», сколько для того, чтобы встрѣтить тамъ кое-какихъ людей, которыхъ я очень рѣдко видѣлъ, хотя и былъ знакомъ съ ними, и которые мнѣ нравились. Впрочемъ, я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ честнаго и благороднаго человѣка.

«Объ его эксцентричностяхъ и странностяхъ говорятъ многіе, почти всѣ, которые его знаютъ или слыхали о немъ, и даже по нимъ судятъ о немъ. Мнѣ часто приходилось выслушивать мнѣнія, что у Петрашевскаго больше ума, чѣмъ разума. И, дѣйствительно, было бы очень трудно объяснить себѣ многія изъ его странностей. Нерѣдко случалось, что его при встрѣчѣ на улицѣ спрашивали, куда онъ идетъ и что ему нужно, на что онъ отвѣчалъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, сообщалъ о какомъ-нибудь странномъ планѣ, который онъ и идетъ осуществлять, такъ что не знали что и думать какъ о планѣ, такъ и о самомъ Петрашевскомъ. Изъ-за какого-нибудь дѣла, не имѣвшаго ни малѣйшаго

значенія, онъ дѣлалъ столько шума, точно рѣчь шла о всемъ его состояніи. Иной разъ онъ торопился куда-нибудь на нѣсколько минутъ, чтобы покончить съ какимъ-нибудь ничтожнымъ дѣльцемъ, но оканчивалъ это «дѣльце», приблизительно, черезъ два года. Онъ—человѣкъ, который безпрерывно создаетъ для себя какое-либо дѣло, который вѣчно въ движеніи, котораго вѣчно что-нибудь занимаетъ. Онъ много читаетъ, высоко ставитъ систему Фурье и усвоилъ ее до мельчайшихъ подробностей. Кромѣ того, онъ занимается главнымъ образомъ изученіемъ законодательства. Вотъ все, что мнѣ извѣстно о немъ, какъ о частномъ человѣкѣ по даннымъ, которыя слишкомъ неполны для того, чтобы составить цѣльное понятіе о характерѣ подобнаго рода. Потому что, повторяю еще разъ, я никогда не находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ нему.

«Трудно сказать, чтобы Петрашевскій (если разсматривать его въ качествѣ политической личности) держался какой-либо опредѣленной системы въ своихъ взглядахъ и чтобы онъ имѣлъ какія-либо опредѣленныя воззрѣнія въ политическихъ дѣлахъ. Я замѣтилъ у него только одну логическую систему, да и та принадлежала не ему, а Фурье. Мнѣ кажется, что именно Фурье мѣшалъ ему особенно сильно относиться самостоятельно къ вещамъ. Впрочемъ, могу сказать безусловно, что Петрашевскій далекъ отъ мысли, что возможно непосредственное примѣненіе системы Фурье къ нашему общественному строю. Въ этомъ я всегда былъ убѣжденъ.

«Прежде чѣмъ сказать, по какой причинѣ я принималъ участіе въ этихъ спорахъ и какихъ темъ я, главнымъ образомъ, касался, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу того, въ чемъ меня обвиняютъ. Мнѣ только сообщили, что я принималъ участіе въ общихъ совѣщаніяхъ у Петрашевскаго, что я говорилъ въ качествѣ вольномыслящаго и, въ концѣ концовъ, прочиталъ статью: «Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ». Говорю отъ чистаго сердца, что до сихъ поръ для меня было тяжелѣе всего опредѣлить слово «свободомыслящій», «либералъ». Что разумѣютъ подъ этими словами? Человѣка, который говоритъ противозаконно? Но я видѣлъ людей, для которыхъ говорить противозаконно, значитъ, если они сознаются, что у нихъ болитъ голова, и я знаю, что есть и такіе люди, которые въ состояніи говорить на всѣхъ перекресткахъ все, что они только могутъ молоть своимъ языкомъ. Кто видѣлъ мою душу? У кого мѣрило вѣроломства, дурного вліянія и подстрекательства, въ которыхъ меня обвиняютъ? По какому масштабу сдѣлана эта мѣрка? Можетъ быть, что судятъ по нѣкоторымъ словамъ, которыя были сказаны мною у Петрашевскаго. Я три раза говорилъ: два раза о литературѣ и одинъ разъ о предметѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ политикою—о личности и человѣческомъ эгоизмѣ. Не помню, чтобы что-нибудь политическое или либеральное было въ моихъ словахъ. Не помню, чтобы я когда-либо высказывался у Петрашевскаго и показалъ себя такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ. Однако, себя я знаю, и если обвиненіе противъ меня основываютъ на нѣкоторыхъ словахъ, которыя подхватили на лету и написали на клочкѣ бумаги, то я такого обвиненія не боюсь, хотя изъ всѣхъ обвиненій оно самое опасное, потому что нѣтъ ничего болѣе портящаго, болѣе запутывающаго и болѣе несправедливаго, чѣмъ нѣкоторыя наскоро записанныя слова, которыя Богъ вѣсть откуда вырвались, Богъ вѣсть къ чему относятся,—слова, которыя были услышаны на лету и на лету же поняты, но чаще всего вовсе не были поняты. Но, повторяю, я знаю себя и поэтому такого обвиненія не боюсь.

«Да, если желать лучшаго есть либерализмъ и свободомысліе, то я, можетъ быть, въ этомъ смыслѣ свободомыслящій. Я свободомыслящій въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названъ всякій человѣкъ, который въ глубинѣ сердца чувствуетъ свое право быть гражданиномъ, такъ какъ онъ въ своемъ сердцѣ

*

носитъ какъ любовь къ отечеству, такъ и сознаніе того, что онъ никогда и ничѣмъ не будетъ ему вредить.

«Но это желаніе лучшаго—относилось ли оно къ возможному или къ невозможному? Пусть меня обвиняютъ въ томъ, что я желалъ перемѣны, уничтоженія насильственнымъ, революціоннымъ путемъ, путемъ подстрекательства къ озлобленію и ненависти!..

«Но почему мы всему придали такой характеръ, что громкое, открытое слово, которое сколько-нибудь напоминаетъ взглядъ и высказано безъ экивоковъ, считается эксцентричностью! Мое мнѣніе таково, что для насъ самихъ было бы гораздо лучше, если бы мы всѣ были искреннѣе. Меня всегда огорчало, что мы всѣ точно инстинктивно боимся чего-то, что, когда мы, напримѣръ, собираемся толпою въ публичныхъ мѣстахъ, одинъ относится къ другому съ недовѣріемъ, одинъ мрачно смотритъ на другого, мѣритъ его глазами сбоку и всегда кого-нибудь подозрѣваетъ. Если, напримѣръ, кто-нибудь начнетъ говорить о политикѣ, то онъ будетъ говорить шепотомъ и съ таинственнымъ видомъ, хотя бы республиканскія идеи были столь же далеки отъ него, какъ и Франція. Скажутъ: «Лучше, что у насъ не кричатъ на базарѣ». Несомнѣнно, никто противъ этого не можетъ возразить ни слова; однако, преувеличенное молчаніе и чрезмѣрная боязнь бросаютъ на нашу повседневную жизнь темный колоритъ, благодаря которому все выступаетъ въ мрачномъ, непривѣтливомъ свѣтѣ, и, что болѣе всего оскорбительно, колоритъ этотъ ложный, вся эта боязнь безпредметна, безполезна (я вѣрю въ это), всѣ эти опасенія не что иное, какъ наши выдумки, и мы только безпокоимъ безполезнымъ образомъ нашей таинственностью и нашимъ недовѣріемъ. Потому что, благодаря этому натянутому положенію вещей, происходитъ часто много шума изъ ничего. Тутъ самое обыкновенное громко сказанное слово получаетъ гораздо больше значенія и самый фактъ принимаетъ иногда, благодаря эксцентричности, въ которой онъ появляется, колоссальные размѣры и несправедливо приписывается другимъ (необычайнымъ и недѣйствительнымъ) причинамъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что сознательное убѣжденіе лучше, прочнѣе, чѣмъ безсознательное, которое неустойчиво, колеблется и падаетъ при дуновеніи всякаго вѣтерка. Сознаніе же не вырождается, не прекращается, если молчишь. Мы сходимъ съ пути общаго, мы раздробляемъ себя на маленькіе кружки или увядаемъ въ одиночествѣ. Кто же виною этому? Мы, мы сами, но никто другой—я такъ всегда думаю».

Затѣмъ Достоевскій опредѣляетъ общій характеръ разговоровъ и споровъ на вечерахъ Петрашевскаго, касаясь исключительно того, что было говорено имъ, распространяясь особенно о своихъ мнѣніяхъ по поводу цензуры.

«Я говорилъ о цензурѣ и ея чрезмѣрной строгости въ наше время. Я сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ чувствовалъ, что тутъ произошло недоразумѣніе, создавшее для литературы тяжелое и напряженное положеніе. Мнѣ было горько, что званіе писателя въ наши дни уничтожается, благодаря нѣкотораго рода недовѣрію; что цензура относится къ писателю еще прежде, чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, какъ къ своего рода врагу верховной власти и заранѣе готовится къ тому, чтобы съ явной предвзятостью раздробить его рукопись. Мнѣ печально слышать, что наши произведенія запрещаются не потому, что въ нихъ находятъ что-нибудь либеральное, вольномыслящее, что-нибудь противорѣчащее верховной власти, а потому, напримѣръ, что разсказъ или романъ кончается слишкомъ печально, что въ нихъ развернута слишкомъ мрачная картина, хотя картина эта никого въ обществѣ не обвиняетъ или не заподозриваетъ и хотя сама трагедія произошла случайно, по чисто внѣшней причинѣ. Пусть просмотрятъ все, что я написалъ, какъ печатное, такъ и не напечатанное, и пусть прочитаютъ рукописи моихъ напечатанныхъ произведеній, тамъ увидятъ, каковы были онѣ до своего поступленія въ цензуру; пусть найдутъ тамъ хотя бы одно слово,

которое было бы направлено противъ нравственности или существующаго порядка. И тѣмъ не менѣе я подвергся подобному цензурному запрещенію только потому, что набросанная мною картина была нарисована слишкомъ мрачными красками. Если бы только они знали, въ какое печальное положеніе былъ вслѣдствіе этого поставленъ авторъ запрещеннаго произведенія! Онъ очутился лицомъ къ лицу съ неизбѣжностью цѣлыхъ три мѣсяца оставаться безъ хлѣба, еще хуже этого, такъ какъ работа давала мнѣ средства къ существованію.

«Да, при всѣхъ лишеніяхъ, при всемъ своемъ унынiи, даже отчаяніи (потому что, не говоря уже о денежномъ вопросѣ, до отчаянія невыносимо видѣть, что произведеніе, которое любилъ, которому посвятилъ трудъ, здоровье, лучшія силы души, запрещено по недоразумѣнію, по одному недовѣрію), я долженъ былъ, говорю, въ лишеніяхъ, тоскѣ и отчаяніи находить веселые часы, чтобы въ это время изготовлять литературныя работы въ веселыхъ, яркихъ, пріятныхъ краскахъ. А писать я долженъ былъ безусловно, потому что жить мнѣ нужно было. И вотъ если я говорилъ объ этомъ, если я немного жаловался (а я такъ мало жаловался!), то я этимъ самымъ обнаружилъ свое вольномыслiе? По поводу чего собственно я жаловался? По поводу *недоразумѣнія!* Именно противъ него я всѣми силами протестовалъ, доказывая, что всякій писатель уже заранѣе заподозривается, что къ нему относятся неразумно, подозрительно, что они сами не стараются найти средства къ тому, чтобы уничтожить это гибельное недоразумѣніе. Гибельное потому, что литературѣ тяжело находиться въ столь затруднительномъ положеніи. Цѣлыя отрасли искусства должны этимъ путемъ исчезнуть. Сатира, трагедія не могутъ существовать при такихъ условіяхъ. При строгости нашей нынѣшней цензуры не могутъ существовать Грибоѣдовы, Фонвизины и даже маленькіе Рэскины. Какъ предоставить себѣ теперь хотя бы ничтожную долю свободы! Цензоръ видитъ во всемъ намекъ, предполагаетъ, что за работою кроется что-нибудь ѣдкое, что это направлено противъ какого-либо лица или какого-либо положенія вещей. Со мною самимъ часто было, что, забывъ всю свою тоску, я искренно смѣялся по поводу того, что цензоръ находилъ въ моихъ писаніяхъ или въ писаніяхъ другихъ авторовъ что-нибудь вредное для общества и недопустимое въ печати. Я смѣялся потому, что въ наше время никому, кромѣ цензора, не могутъ придти въ голову подобныя подозрѣнія. Въ самой невинной и чистой фразѣ ищутъ преступной мысли, за которою гонятся, напрягая всѣ свои умственныя силы, какъ за вѣчно неизмѣнною идеею, которую самъ цензоръ создалъ, которую онъ, колеблясь между страхомъ и недовѣріемъ, самъ снабдилъ плотью и кровью въ своемъ воображеніи, самъ нарисовалъ страшными, никогда не существовавшими красками, пока, наконецъ, не уничтожатъ своего фантома вмѣстѣ съ неповинною причиною его страха, первою безупречною фразою автора. Точно закрывая пороки и печальныя стороны жизни, закрываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ передъ глазами читателя настоящіе пороки и настоящія печальныя стороны жизни. Нѣтъ! Писатель, если онъ даже систематически скрываетъ отъ читателя эти печальныя стороны жизни, ничего отъ него не скроетъ, а скорѣе пробудитъ въ немъ подозрѣніе, что онъ не искрененъ, несправедливъ. Да развѣ можно рисовать только однѣми свѣтлыми красками? Какъ можетъ быть сдѣлана видимою свѣтлая сторона картины безъ темнаго фона? Можетъ ли быть какая-либо картина, на которой не было бы одновременно свѣта и тѣней? Мы о свѣтѣ имѣемъ понятіе только потому, что есть и тѣни. Говорятъ: пусть описываютъ только преимущества и добродѣтели. Но мы не узнаемъ вовсе добродѣтели безъ порока; самыя понятія добра и зла возникли вслѣдствіе того, что добро и зло всегда существовали рядомъ. Какъ только я захочу вывести на сцену грубость, порокъ, злоупотребленіе, надменность,—цензоръ тотчасъ же заподозритъ меня, будетъ думать, что я все это примѣняю ко всему безъ исключенія.. »

«Меня обвиняютъ въ томъ, что я однажды вечеромъ прочиталъ у Петрашевскаго статью: «Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ». Да, я прочелъ эту статью, но можетъ ли тотъ, кто указалъ на меня, сказать, на сторонѣ кого изъ обоихъ переписывавшихся я сталъ? Пусть онъ вспомнитъ, было ли въ моихъ взглядахъ (которыхъ, впрочемъ, я не высказывалъ), или въ моихъ намѣреніяхъ, въ моихъ жестахъ что-нибудь такое, которое могло бы свидѣтельствовать, что я пристрастенъ къ тому или другому изъ нихъ! Конечно, онъ этого не скажетъ. Письмо Бѣлинскаго слишкомъ странно написано, чтобы оно могло встрѣтить симпатію съ чьей-либо стороны. Ругательства отталкиваютъ сердца вмѣсто того, чтобы привлекать, а все письмо исполнено ругательствъ и желчи. Наконецъ, письмо— примѣръ безъ доказательствъ, недостатокъ, отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ отрѣшиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который постепенно увеличивался по мѣрѣ истощенія его физическихъ и умственныхъ силъ подъ вліяніемъ болѣзни. Письма эти были написаны въ послѣдніе годы его жизни, во время его пребыванія за границею. Въ теченіе нѣкотораго времени я былъ довольно близко знакомъ съ Бѣлинскимъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ одинъ изъ лучшихъ. Но болѣзнь, которая его сломила, сломила въ немъ также и человѣка. Она сдѣлала его умъ жестокимъ и рѣзкимъ и переполнила желчью его сердце. Его разстроенное, чрезмѣрное воображеніе увеличивало все до гигантскихъ размѣровъ и показывало ему только такія вещи, которыя онъ самъ былъ въ состояніи видѣть. У него появлялись недостатки и ошибки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ, обнаруживалось чрезвычайно раздражительное и чувствительное самолюбіе. Въ газетѣ, въ составѣ сотрудниковъ которой онъ числился и въ которой работалъ вслѣдствіе болѣзни очень мало,—редакція связала ему руки и не давала ему писать слишкомъ уже серьезныя статьи. Это его оскорбляло. Подъ вліяніемъ этого настроенія онъ и написалъ свое письмо къ Гоголю. Въ мірѣ литераторовъ очень многимъ небезъизвѣстенъ мой споръ и мой окончательный разрывъ съ Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы его жизни. Извѣстна также причина этого разлада: дѣло шло о взглядахъ на литературу и о направленіи ея. Мои взгляды были діаметрально противоположны взглядамъ Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ старается дать литературѣ особое, недостойное ея назначеніе, низводя ее *только* до описыванія, если можно такъ выразиться, *газетныхъ фактовъ* или скандальныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью никого къ себѣ не привлекаютъ и что смертельно можно надоѣсть всѣмъ и каждому, если останавливать перваго попавшагося намъ на дорогѣ, если хватать за пуговицу сюртука всякаго прохожаго, чтобы насильно прочитать ему проповѣдь и научить лучшему.

«Бѣлинскій сдѣлался золъ на меня и, такъ мы дошли, наконецъ, начиная съ охлажденія, до полнаго разрыва, такъ что въ теченіе послѣдняго года его жизни мы ни разу не видѣлись. Мнѣ долго хотѣлось прочесть эти письма. Въ моихъ глазахъ переписка эта—довольно замѣчательный литературный памятникъ. Какъ Бѣлинскій, такъ и Гоголь чрезвычайно важныя личности. Ихъ взаимныя отношенія весьма интересны, тѣмъ болѣе для меня, такъ какъ я былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ. Петрашевскій случайно замѣтилъ у меня въ рукахъ это письмо и спросилъ: «что это такое?» Такъ какъ у меня не было времени показать ему тотчасъ же, то я обѣщалъ принести его въ пятницу. Я самъ вызвался это сдѣлать и долженъ былъ сдержать слово. Статью эту я прочиталъ, какъ литературный памятникъ, ни больше, ни меньше, твердо убѣжденный, что она никому не придется по вкусу, хотя она и не лишена нѣкотораго литературнаго значенія. Что касается меня, то я не согласенъ буквально ни съ однимъ изъ заключающихся въ немъ преувеличеній».

Далѣе Достоевскій доказываетъ неосновательность взводимыхъ на него

обвиненій, ссылаясь на свои коренныя разногласія съ Петрашевскимъ и на общность и философскую подкладку этихъ споровъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ политикой. Въ заключеніе онъ говоритъ о фурьеризмѣ, какъ системѣ, не скрывая къ ней критическаго отношенія.

«Петрашевскій вѣритъ въ Фурье. Система Фурье—мирная: она очаровываетъ душу своею красотой, она захватываетъ сердце благодаря той любви къ людямъ, которая воодушевляла Фурье, когда онъ создавалъ свою систему, заставляетъ умъ удивляться своей гармоніи и не только привлекаетъ къ себѣ, но воодушевляетъ всякаго любовью къ человѣчеству. Система эта чужда всякой ненависти. Политическихъ реформъ Фурье не требуетъ. Реформа его — экономическая. Она не посягаетъ ни на верховную власть, ни на собственность, и въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты депутатовъ Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отрекся отъ всякаго посягательства на семью. Наконецъ, система эта—теоретическая и никогда не сдѣлается популярною критическаго отношенія.

«Въ теченіе всего періода февральской революціи фурьеристы ни разу не вышли на улицу, они оставались въ редакціи своей газеты, гдѣ болѣе чѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ проводили время въ мечтаніяхъ о будущей красотѣ фаланстеры. Однако, система эта безусловно вредна, во-первыхъ, уже потому, что она система, во-вторыхъ, какъ бы она ни была прекрасна, она всегда останется не имѣющей значенія утопіей. Но вредъ, который утопія эта причиняетъ, скорѣе, если мнѣ позволятъ такъ выразиться, комическій, чѣмъ страшный. Нѣтъ ни одной соціальной системы, которая была бы въ такой же степени непопулярна, которая была бы такъ осмѣяна и освистана, какъ система Фурье на западѣ. Она давно уже мертва и вожди ея сами не замѣчаютъ, что они уже больше ничто иное, какъ живые мертвецы. На западѣ, во Франціи, въ настоящую минуту всякая система, всякая теорія вредна для общества, такъ какъ голодные пролетаріи хватаются въ отчаяніи за всякое средство и изъ всякаго способа они въ состояніи сдѣлать себѣ знамя. Въ настоящую минуту тамъ дошли до крайности. Тамъ голодъ гонитъ людей на улицу, но о фурьеризмѣ забыли вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ нему. И даже *кабетизмъ*, самое безсмысленное въ мірѣ, встрѣчаетъ гораздо больше симпатій. Что же касается насъ, Россіи, Петербурга, то стоитъ только сдѣлать двадцать шаговъ на улицѣ для того, чтобы убѣдиться, что фурьеризмъ на нашей почвѣ можетъ существовать только или на неразрѣзанныхъ страницахъ книги, или въ мягкой, спокойной, мечтательной душѣ, но не иначе, какъ въ формѣ идилліи, или въ видѣ поэмы въ 24 пѣсни. Фурьеризмъ не можетъ причинить серьезнаго вреда. Во-первыхъ, если бы онъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ что-либо важное, то уже одно его распространеніе было бы утопіею, такъ какъ оно могло бы происходить безконечно медленно. Чтобы вполнѣ понять систему Фурье, нужно ее изучить; но это цѣлая наука, необходимо прочесть около двѣнадцати томовъ. Можетъ ли подобная система сдѣлаться популярною? Быть можетъ, съ каѳедры черезъ посредство учителей? Но это физически невозможно уже вслѣдствіе объема ученія Фурье. Повторяю, серьезнаго вреда система Фурье, по моему мнѣнію, причинить не можетъ и если какой-либо фурьеристъ вредитъ кому-либо, то только самому себѣ въ глазахъ общественнаго мнѣнія, въ глазахъ тѣхъ, которые обладаютъ здравымъ человѣческимъ разсудкомъ, такъ какъ, по моему, нѣтъ ничего комичнѣе дѣятельности, не приносящей никому никакой пользы. Фурьеризмъ же и вмѣстѣ съ нимъ всякая система, существующая на Западѣ, до того негодна для нашей почвы, до того претитъ нашимъ условіямъ, до того чуждъ характеру нашего народа, а съ другой стороны онъ до того порожденіе Запада, до того продуктъ существующаго тамъ положенія вещей, въ которыхъ вопросъ о пролетаріатѣ рѣшается во что бы то ни стало,—что фурьеризмъ съ его настойчивою

неизбѣжностью былъ бы теперь, у насъ, гдѣ нѣтъ никакого пролетаріата, чрезвычайно смѣшенъ, дѣятельность его—самою безполезною, а въ своихъ слѣдствіяхъ—самою комическою. Я считаю Петрашевскаго болѣе разсудительнымъ и никогда бы не предположилъ, чтобы онъ пошелъ дальше теоретической оцѣнки системы Фурье. Все же прочее я готовъ считать шуткою. Фурьеристъ—несчастный, а не преступный человѣкъ, таково мое мнѣніе. Наконецъ, я держусь того взгляда, что ни одинъ парадоксъ, сколько бы ихъ ни было, не можетъ держаться самъ по себѣ, собственными силами. Такъ учитъ насъ исторія. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ теченіе одного года во Франціи пали почти всѣ системы и именно благодаря самимъ себѣ, какъ только дѣло дошло до малѣйшаго подкрѣпленія ихъ. Сопоставляя все это, я долженъ сказать, что если бы я даже и зналъ (а я не зналъ, повторяю еще разъ), что Петрашевскій, не отступая передъ всякими насмѣшниками, старался бы распространить систему Фурье, то я все-таки воздержался бы считать его вреднымъ для общества. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ бы Петрашевскій быть вреденъ въ качествѣ распространителя фурьеризма? Это выше моего пониманія. Онъ могъ бы быть смѣшнымъ, а не вреднымъ. Таково мое мнѣніе. И это-то я могу по совѣсти отвѣтить на поставленный мнѣ вопросъ. Наконецъ, у меня возникло соображеніе, о которомъ я не могу умолчать, соображеніе чисто человѣческаго свойства, которое вызвала во мнѣ сама жизнь. Я долго носилъ въ себѣ убѣжденіе, что Петрашевскій охваченъ нѣкотораго рода самолюбіемъ. Именно самолюбіе заставляло его устраивать вечера по пятницамъ, и самолюбіе именно было причиною того, что пятницы ему не надоѣли. Изъ самолюбія онъ доставалъ много книгъ и ему видимо нравилось, если знали, что у него рѣдкія книги. Впрочемъ, все это—только мое личное наблюденіе, предположеніе, такъ какъ, повторяю, все, что мнѣ извѣстно о Петрашевскомъ, извѣстно мнѣ неполно, не совсѣмъ, а только по предположеніямъ относительно того, что я видѣлъ и слышалъ».

«Вотъ мой отвѣтъ, я сказалъ правду». Этими словами заканчивается записка, производящая впечатлѣніе полной искренности и правдивости.

Письма Тургенева къ своему управляющему. Въ «Нов. Вр.» помѣщенъ фельетонъ о нашей публичной библіотекѣ.

Говоря о книгахъ и рукописяхъ, которыми обогатилась въ послѣднее время библіотека, газета, между прочимъ, замѣчаетъ, что «въ библіотеку поступило собраніе собственноручныхъ писемъ и записокъ И. С. Тургенева (230) къ Н. А. Кишинскому, управлявшему имѣніями нашего знаменитаго писателя. Письма и записки относятся къ 1866—76 гг. и касаются, главнымъ образомъ, хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ Тургенева; но мѣстами въ этихъ письмахъ встрѣчаются интересныя черты и подробности, весьма характерныя для Тургенева».

Такъ, между прочимъ, изъ писемъ видно, что Тургеневъ очень интересовался «сельскимъ училищемъ въ Спасскомъ и устроенною имъ въ этомъ имѣніи богадѣльнею. «Въ обоихъ заведеніяхъ,—заявляетъ Тургеневъ,—я принимаю искреннее участіе». На нихъ назначалъ не мало денегъ И. С. и братъ его. «150 р. я,—пишетъ И. С.,—въ годъ могу удѣлить на содержаніе (училища) и, конечно, мнѣ было бы весьма желательно, чтобы это заведеніе дѣйствительно процвѣтало, а не лопнуло бы, какъ множество подобныхъ заведеній на Руси». Въ слѣдующемъ году, назначая запившему учителю (изъ дворовыхъ) пенсію, И. С. проситъ своего управляющаго похлопотать о пріисканіи новаго учителя: «я готовъ опредѣлить 200 р. въ годъ жалованья дѣльному учителю или учительницѣ, если таковая найдется. Невозможно допустить, чтобы въ моемъ имѣніи, въ имѣніи человѣка, который обязанъ всѣмъ своимъ значеніемъ перу,—существовала плохая и неудовлетворительная школа. Теперь же такъ много развелось хорошихъ руководствъ, азбукъ и т. д., что придерживаться старинной, столь не-

удобной и безплодной системы—грѣшно... Повторяю, школа въ Спасскомъ не должна быть только подобіемъ школы: надлежитъ поставить ее на высокую точку... Совѣтую съ твердостью продолжать начатое дѣло; если въ ней (школѣ) даже меньше учениковъ, но они хорошо учатся, то я въ этомъ вижу положительный успѣхъ. Вы можете прибавить жалованья учителю, если вы имъ довольны и если это удержитъ его на мѣстѣ». Почти въ каждомъ своемъ письмѣ къ управляющему И. С. спрашиваетъ о Спасской школѣ, дѣлаетъ какое-либо распоряженіе о ней (о закупкѣ книгъ, пособій, всѣхъ школьныхъ потребностей, составленія для нея библіотеки и т. п.), всегда высказываетъ сожалѣніе о потерѣ ею хорошаго учителя. «Если,—пишетъ, между прочимъ, И. С.,—от. діаконъ окажется усерднымъ и дѣльнымъ преподавателемъ, то уполномочиваю васъ поощрять его разными льготами и пособіями отъ моего имени». Между тѣмъ тургеневскою школою интересовалась и наша періодическая печать. По поводу одной, появившейся въ «Школьной жизни» статьи объ этой школѣ, Тургеневъ замѣчаетъ: «мнѣ особенно непріятно узнать, что въ школѣ находящейся въ моемъ имѣніи, употребляются тѣлесныя наказанія». И. С. отечески слѣдилъ за выдающимися по своимъ способностямъ учениками. «Что сдѣлалось съ умнымъ мальчикомъ Никитой,—спрашиваетъ онъ,—котораго я видѣлъ третьяго года въ школѣ, и который такіе дѣлалъ успѣхи? Живъ ли онъ и продолжаетъ ли хорошо учиться? И какъ идетъ вообще школа?» И, узнавъ благопріятныя вѣсти про этого хорошаго ученика, И. С. выказываетъ нѣжную о немъ заботу: «мнѣ пріятно слышать, что Никита Герасимовъ продолжаетъ хорошо учиться и вести себя. Прошу наблюдать за нимъ и оказывать ему всякое вспомоществованіе».

Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства прежняго времени. Въ «Рус. Старинѣ» помѣщены интересныя воспоминанія изъ быта духовнаго вѣдомства прежняго времени, въ высокой степени характерныя для нравовъ «добраго» прошлаго, очень, сравнительно, намъ близкаго. «Наши воспоминанія,—говоритъ авторъ, г. Н. Соловьевъ,—о переяславльскомъ (городъ Переяславль-Залѣсскій, Владимірской губ., слѣдовательно, въ самомъ центрѣ Россіи) духовномъ правленіи относятся къ концу пятидесятыхъ годовъ», т. е. наканунѣ возрожденія русской жизни. Въ Переяславлѣ сосредоточивалось управленіе духовенствомъ двухъ уѣздовъ—Переяславльскаго и Александровскаго. «Около зданія правленія во всякое время года толпились съ ранняго утра лица духовнаго званія обоего пола. Вдовы духовенства въ черныхъ платкахъ на головахъ и съ готовыми слезами на глазахъ; священники; діаконы, дьячки и пономари, въ присвоенномъ ихъ званію одѣяніи. Всѣ они пріѣзжали изъ своихъ деревенскихъ уголковъ, конечно, не по доброй волѣ, а въ силу крайней необходимости, такъ какъ здѣсь вершились дѣла и судьбы лицъ духовнаго сословія. Главнымъ воротилой въ духовныхъ дѣлахъ былъ «повытчикъ». Онъ для духовенства былъ сила великая—и прокуроръ, и адвокатъ.

«Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ правленскимъ повытчикомъ былъ нѣкій Иванъ Андреевичъ Тихонравовъ, предсѣдателемъ—настоятель переяславскаго Никитскаго монастыря Нифантъ и членами—четыре священника. Не смотря на многочисленность состава правленія, главной пружиной и пульсомъ его былъ повытчикъ. Къ нему обращались всѣ просители, и голосъ его имѣлъ перевѣсъ надъ всѣми голосами членовъ присутствія. Особенно доходны были дѣла судебныя между членами причтовъ, а также разныя погрѣшности и прегрѣшенія духовныхъ лицъ, въ родѣ неправильныхъ записей браковъ, ошибки въ метрикахъ и т. п. При правленіи была канцелярія, наполненная приказными, положеніе которыхъ было самое незавидное. Самъ повытчикъ получалъ 7 р. въ мѣсяцъ, а приказные отъ 2 р. 50 к. до 5 к. въ мѣсяцъ. Тѣмъ не менѣе, Тихонравовъ имѣлъ собственный большой домъ, а приказные собственныя хижинки.

«Очень интересенъ разсказъ о прибытіи въ г. Переяславль повытчика Тихонравова. Пріѣхалъ онъ вечеромъ и тотчасъ же отправился въ духовное правленіе. Здѣсь были на лицо всѣ приказные. Заняты они были разговоромъ о грядущихъ строгихъ временахъ, ибо слухъ о строгостяхъ Тихонравова дошелъ до Переяславля изъ Мурома, откуда Тихонравовъ былъ назначенъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ переяславскаго духовнаго правленія. Потолковавъ о томъ, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, приказные рѣшили пока что устроить пирушку въ канцеляріи правленія. Явилась четвертная водки, за нею другая, и пирушка окончилась потасовкой. Въ это самое время явился въ правленіе Тихонравовъ, приказалъ приказнымъ выстроиться по старшинству чина и приступилъ къ опросу фамилій.

«— Какъ твоя фамилія?

«— Тѣньковскій.

«— Какой считаешь чинъ?

«— На что намъ, сударь, чины, когда нѣтъ ни водки, ни ветчины,—отвѣчалъ пьяненькій приказный.

«Тихонравовъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ и выгналъ приказнаго вонъ. Опросивъ остальныхъ, Тихонравовъ вступилъ въ отправленіе своей должности. Онъ прежде всего наблюдалъ, чтобы днемъ приказные не пили въ зданіи правленія водку, а вечеромъ, когда они обязаны были находиться въ канцеляріи, заставлялъ ихъ читать газету «Сѣверную Пчелу». Для приказныхъ, не привыкшихъ къ чтенію, такое распоряженіе являлась неимовѣрною тяжестью, и подъ монотонное чтеніе дежурнаго они засыпали крѣпкимъ сномъ. Приходя въ правленіе, Тихонравовъ прежде всего экзаменовалъ приказныхъ изъ прочитаннаго и не исполнившихъ приказанія ставилъ на колѣни въ уголъ и сѣкъ розгами. Не смотря на всѣ строгости, приказные предпочитали водку «Сѣверной Пчелѣ» и напивались по старому. Заставая ихъ въ такомъ видѣ, Тихонравовъ разбивалъ полуштофы о головы виновныхъ, а дежурный приказный, достававшій водку, сажался на цѣпь внизу правленія. Кромѣ исполненія своихъ обязанностей, приказные исполняли недѣльныя дежурства у повытчика, замѣняя ему денщиковъ: кололи дрова, возили воду, парили его въ банѣ, и проч.».

И въ рукахъ этой-то орды находилась участь духовенства двухъ уѣздовъ. Самъ Тихонравовъ грабилъ живыхъ и мертвыхъ. Они являлись къ нему съ посулами, и правые, и виновные, и кто больше давалъ, тотъ и достигалъ желаемаго.

«Но болѣе капитальные, положительные и строго опредѣленные доходы у всего состава правленія, т. е. у членовъ, повытчика и приказныхъ были въ сентябрѣ и январѣ каждаго года. Въ сентябрѣ духовенство сдавало такъ называемыя духовныя исповѣдныя росписи, а въ январѣ метрическія книги и всю церковную экономическую отчетность. Означенные мѣсяцы были праздникомъ для всего духовнаго вѣдомства. Въ это время около правленія толкотня была невообразимая и пьянство приказныхъ весьма изрядное.

«При сдачѣ отчетовъ требовалось одно условіе—уплатить въ пользу правленія съ каждыхъ ста душъ въ приходѣ по рублю. Деньги дѣлились не только между служащими въ правленіи, но часть ихъ повытчикъ отвозилъ въ духовную консисторію. Насколько причты были обременены поборами въ пользу приказныхъ, можно видѣть изъ того, что до семидесятыхъ годовъ взималось въ консисторіи по одному рублю за каждый брачный обыскъ; что подчистки, помарки и описки въ книгахъ,—все это облагалось взятками разныхъ размѣровъ какъ въ духовныхъ правленіяхъ, такъ и въ консисторіяхъ.

«Какъ только выпадалъ снѣгъ и устанавливался санный путь, котораго правленскіе и консисторскіе приказные ждали, какъ манны съ неба, приказная братія, соблюдая строгую очередь, отправлялась собирать «новь». Одна

очередь чиновниковъ ѣздила съ ноября до Рождества, другая — съ половины января до Благовѣщенія. Приказные, обыкновенно вдвоемъ, обзаводились лошаденкой и устраивали своеобразныя повозки, столь извѣстныя духовенству того времени.

«Я, какъ сейчасъ, предъ собою вижу слѣдующую картину изъ своего ранняго дѣтства. Зимнія сумерки, мой батюшка въ сараѣ готовитъ кормъ скоту, къ крыльцу нашего дома подъѣзжаетъ рогожная повозка, изъ которой вылѣзаетъ полупьяная особа правленскаго приказнаго. Матушка спѣшитъ въ сарай оповѣстить батюшку о прибытіи гостя. Батюшка съ сердцемъ оставляетъ свое дѣло и ворча про себя спѣшитъ въ домъ. Приказный начинаетъ привѣтствіемъ, за которымъ слѣдуютъ росказни, новости, сплетни, причемъ ублаготворяется чаемъ, водкой, закуской, а на прощанье полтиной и мѣрой ржи и овса. Этотъ заѣзжій гость, начавъ со священника, навѣщаетъ всѣхъ членовъ причта, у всѣхъ угощается, получаетъ подаяніе и отправляется въ слѣдующее село. Не успѣетъ причтъ проводить правленскаго приказнаго, наѣзжаетъ болѣе дальный гость, приказный консисторскій, который также угощается и ублаготворяется подаяніемъ. За приказными въ скоромъ времени появляются консисторскіе сторожа, все за тѣмъ же подаяніемъ. Сухой пріемъ правленскихъ или консисторскихъ приказныхъ для нелюбезныхъ и экономныхъ членовъ причта навлекалъ непріятности, ибо какъ ни ничтожны были господа приказные, но и они могли вредить и вредили духовенству по службѣ. Бывали случаи, что по интригамъ приказной мелюзги священники переводились съ хорошихъ на худшіе приходы, а гостепріимные — изъ плохихъ приходовъ на хорошіе. Конецъ всѣмъ этимъ безобразіямъ, если не въ полной степени, то во всякомъ случаѣ въ достаточной, положенъ реформами императора Александра II, коснувшимися и нашего духовенства».

Въ дополненіе журналъ приводитъ «роспись мѣсячныхъ окладовъ содержанія служащихъ въ духовномъ правленіи въ 1851 г.» «Росписаніе учиненное въ Вязниковскомъ духовномъ правленіи о выдачѣ служащимъ въ ономъ столоначальнику, канцелярскимъ служителямъ и сторожамъ, за минувшій январь 1851 г. жалованья:

1) Столоначальнику губернскому секретарю Василію Тихонравову	4	руб.	71½ коп.
2) Губернскому секретарю Стефану Формозову . . .	1	»	20 »
3) Губернскому секретарю Василію Элпидинскому. .	1	»	20 »
4) Губернскому секретарю Стефану Тривоянскому. .	1	»	10 »
5) Писцу 2-го разряда Александру Нечаеву	—	»	79 »

Сторожамъ:

1) Михаилу Григорьеву	—	»	53½ »
2) Константину Аниpовскому	—	»	53½ »
Итого . .	10	руб.	7½ коп.

«1851 года февраля 5-го дня въ журналѣ Вязниковскаго духовнаго правленія подъ № 22-мъ заключено: согласно учиненному росписанію выдано служащимъ въ семъ правленіи чиновникамъ и сторожамъ жалованье по надлежащему.— Свѣрилъ: губернскій секретарь Формозовъ».

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», что все это творилось вполнѣ открыто, не вызывая ни жалобъ, ни протеста. Какъ ни тяжело положеніе сельскаго духовенства и въ наше время, все же оно избавлено во многомъ, и властвованіе дикой орды пьяныхъ приказныхъ съ новытчиками не можетъ быть сравниваемо съ современными тяготами. Великая эпоха шестидесятыхъ годовъ и въ этой области совершила чудо.

Царица Алая. Печальныя событія въ Андижанѣ обратили вниманіе на этотъ далекій уголокъ, откуда не доходили даже никогда извѣстія. А было о чемъ повѣдать міру. Такъ, въ интересныхъ воспоминаніяхъ Б. Л. Тагѣева, описывающаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» памирскій походъ, въ которомъ авторъ участвовалъ, находимъ любопытныя данныя о царицѣ Алая и ея царственномъ родѣ, насильственно прекращенномъ въ 1895 г. при значительномъ содѣйствіи бывшаго ферганскаго военнаго губернатора г.-м. Повало-Швейковскаго, какъ извѣстно, по Высочайшему повелѣнію недавно удаленнаго со службы.

Курбанъ-Джанъ-датха была женою извѣстнаго Алимъ-Бека, прославившаго свое имя въ Туркестанѣ своими дикими набѣгами и звѣрскими убійствами въ городѣ Ошѣ. Оставшись вдовою, датха приняла власть мужа и начала дѣятельно управлять Алаемъ, избравъ изъ среды батырей мужа, которому не позволяла вмѣшиваться въ управленіе страною. Долго благополучно царствовала датха, и слава объ ея мудромъ управленіи разнеслась далеко за предѣлы Коканда и Каратегина. Послѣ смерти Алимъ-бека, воспользовавшись безцарствіемъ на Алаѣ и вступленіемъ въ управленіе имъ алайской царицы, кокандскій ханъ объявилъ алайскихъ кочевниковъ своими подданными и обложилъ ихъ податью, но датха стряхнула съ себя это иго и, наконецъ, принудила кокандскаго хана Худояра подписать грамоту, въ которой онъ признавалъ въ ней законную правительницу Алая. Бухарскій эмиръ, кашгарскій ханъ Якубъ-бекъ и другіе, всѣ относились къ ней съ уваженіемъ и даже разъ въ годъ присылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатыми подарками. Сыновья датхи были ей помощниками въ управленіи, и каждый изъ нихъ завѣдывалъ извѣстною частью Алая. Старшій Абдулла-бекъ, прославившій себя потомъ въ борьбѣ съ нами, Махмудъ-бекъ, Канчи-бекъ, Хасанъ-бекъ и племянникъ датхи Мирза-Паясъ были вѣрной опорой алайской царицы и любимцами кочевого населенія. Объ этихъ бекахъ разнеслась слава далеко за предѣлы Алая, какъ о храбрыхъ батыряхъ и лучшихъ джигитахъ.

Кокандское ханство было завоевано нашими войсками, уступивъ «бѣлому генералу» Андижанъ, и узбеки, и киргизы стали стекаться на высоты снѣжнаго Алая—послѣднюю опору отважныхъ батырей. И тутъ, однако, они потерпѣли пораженіе. Царица Алая бросилась въ Кашгаръ; но по дорогѣ была ограблена китайскими разбойниками, бѣжала снова, была захвачена русскимъ отрядомъ и привезена къ Скобелеву.

Датха, въ сопровожденіи Канчи-бека и Мирза-Паяса, вошла въ комнату. Оба батыря отвѣсили низкій кулдукъ, плѣнная же царица стояла молча, низко наклонивъ свою голову.

Скобелевъ всталъ, подошелъ къ ней и протянулъ свою руку. Датха, повидимому, растерялась, она не ожидала такого пріема, и радостная улыбка озарила ея лицо. Она пожала руку героя и сказала ему что-то по киргизски.

— Скажите дахтѣ,—обратился Скобелевъ къ стоявшему здѣсь переводчику киргизу-поручику Байтакову, — что я очень радъ видѣть се въ добромъ здоровьѣ и надѣюсь, что она, пользуясь своимъ огромнымъ значеніемъ на Алаѣ, повліяетъ и на кочевое населеніе склониться къ миру и подчиниться требованіямъ Россіи. Я много слышалъ объ ея мудромъ управленіи и томъ значеніи, которое заслужила она у сосѣднихъ хановъ, а потому увѣренъ, что датха пойметъ безполезность враждебнаго отношенія къ русскимъ.

Генералъ совѣтовалъ ей уговорить сыновей вернуться изъ Афганистана на Алай, гдѣ онъ наградилъ героевъ; вслѣдъ затѣмъ онъ собственноручно надѣлъ на плѣнницу парчевый почетный халатъ и обратился къ батырямъ, увѣщевая ихъ вѣрно служить Россіи.

Умная царица сразу поняла свое положеніе и тутъ же дала обѣщаніе ге-

нералу, что миръ и тишина будутъ царить въ долинѣ Алая, пока живетъ она на свѣтѣ. По ея требованію, изъ Афганистана возвратился ея сынъ Махмудъ-бекъ и много другихъ батырей; только одинъ Абдулла-бекъ не послушался увѣщаній матери и не вернулся на Алай, а ушелъ въ Мекку, по дорогѣ куда и умеръ.

По прежнему поселилась датха въ Яга-Чартѣ, продолжая пользоваться безграничнымъ вліяніемъ на Алаѣ, а ея сыновья были назначены управителями алайскихъ волостей и приносили огромную пользу нашему правительству».

Такова исторія присоединенія Алая къ Россіи.

Авторъ, посѣтившій датху, по дорогѣ на Памиръ, нѣсколько лѣтъ спустя, такъ описываетъ царицу.

«Она сидѣла по-азіатски на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Она была уже не молодая, съ сильно сморщеннымъ лицомъ, съ маленькими, слезящимися глазами, добродушно улыбавшимися намъ. Она отдала какое-то приказаніе сыну, и въ ея жестахъ я уловилъ привычку повелѣвать. Она была одѣта въ парчевую кацавейку, отороченную мѣхомъ, а голова ея была обмотана огромною кисейною чалмою. Мы по очереди подошли къ сидящей старухѣ и пожали ей руку.

Черезъ три года, въ 1893 г., ужасное горе разразилось надъ датхою и ея сыновьями. Ихъ арестовали и посадили въ тюрьму по подозрѣнію въ участіи въ задушеніи русскаго таможеннаго стражника, задержавшаго контрабанду. Точныхъ уликъ не было и мать глубоко вѣрила, что сыновья не виновны.

Между тѣмъ, пока длилось дополнительное слѣдствіе, военный губернаторъ Ферганской области ген.-маіоръ Повало-Швейковскій усиленно хлопоталъ о переводѣ этого дѣла изъ подъ вѣдѣнія гражданскаго суда въ полевой военный; ходатайство его было уважено: беки преданы полевому суду.

Я навѣщалъ въ маргеланской тюрьмѣ несчастныхъ и долго бесѣдовалъ съ ними. Трудно было представить себѣ, чтобы эти люди, столько лѣтъ безпорочно служившіе русскому правительству, были участниками преступленія.

Судопроизводство происходило при закрытыхъ дверяхъ, нѣсколько дней длились пренія, судьями были командиры батальоновъ подъ предсѣдательствомъ генерала Корниловича, которые вынесли смертный приговоръ девяти человѣкамъ и въ числѣ ихъ Канчи-беку и его сыну, 12-лѣтнему мальчику, а Махмудъ, Мирза-Паясъ и другіе присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

Въ неописанномъ отчаяніи пріѣхала «царица Алая» и, несмотря на дряхлость свою и измученную горемъ душу, явилась къ военному губернатору и валялась въ ногахъ у него, вымаливая помилованіе сыновьямъ и внуку.

Да, велико было горе матери у которой судьба на глазахъ отнимала всѣхъ сыновей. Всѣ русскіе и туземцы были озадачены приговоромъ суда: ожидали полнаго оправданія бековъ, и вдругъ смертная казнь. Всколыхнулось алайское населеніе, и стали ходить слухи, что киргизы намѣрены освободить своихъ бековъ.

Военный губернаторъ понялъ, что ему грозитъ опасность со стороны киргизовъ, и усилилъ караулы. Вокругъ тюрьмы ходили патрули, а около его дома дежурили солдаты. Въ теченіе всего времени суда войска спали не раздѣваясь, дежуря поочередно и имѣя при себѣ боевые патроны; но всѣ эти предосторожности были напрасны. Послѣ конфирмованія смертнаго приговора надъ Канчи-бекомъ и киргизомъ Полваномъ они оба были отвезены въ Ошъ, гдѣ и повѣшены 2-го марта 1895 года, въ виду своей родины, дорогого имъ Алая. На казнь изъ города Маргелана за 90 верстъ пріѣхалъ и генералъ Повало-Швейковскій и руководилъ приведеніемъ въ исполненіе приговора суда. Принимая во вниманіе безпорочную службу Махмуда и Мирза-Паяса и несовершеннолѣтіе Арсланъ-бека каторжныя работы имъ и смертная казнь послѣднему были замѣнены ссылкою въ Сибирь, по дорогѣ куда Махмудъ-бекъ, не выдержавъ тягости пути, умеръ.

Послѣ этого печальнаго событія датха пережила новую метаморфозу: мозгъ

ея не выдержалъ тяжелаго горя; помѣшалась бывшая алайская царица, и теперь, въ рубищѣ, не подпуская къ себѣ никого, сидитъ она и молится Аллаху о спасеніи души своего сына. Такимъ образомъ угасъ царственный родъ на Алаѣ, и со смертью датхи только разсказы объ ея быломъ могуществѣ и силѣ будутъ ходить изъ ущелья въ ущелье, разносимые батырями по ауламъ».

За границей.

Европейскій концертъ и его результаты. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Гладстонъ, продолжавшій слѣдить за ходомъ европейской политики, несмотря на тяжкую болѣзнь, напечаталъ въ газетѣ «Daily Chronicle» открытое письмо, въ которомъ заключались слѣдующія строки: «Я не въ состояніи передать ни на какомъ языкѣ и никакими словами ту горечь, стыдъ и отвращеніе, которые возбуждаетъ во мнѣ положеніе дѣлъ на востокѣ. Это положеніе можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: 1) 100.000 армянъ подверглись избіенію и нѣтъ никакихъ гарантій, что такія массовыя избіенія не повторятся въ будущемъ. Убійцы извлекли изъ этого только выгоду; 2) Турція сдѣлалась болѣе могущественной, чѣмъ когда-либо со временъ крымской войны; 3) Греція сдѣлалась слабѣе чѣмъ когда-либо со времени своего преобразованія въ королевство; 4) все это результаты «европейскаго концерта», т. е. недовѣрія и ненависти, которыя питаютъ другъ къ другу европейскія державы!..»

Такъ охарактеризовалъ «великій старецъ» пресловутый европейскій концертъ, выступающій въ роли охранителя мира въ Европѣ. Съ поверхностной точки зрѣнія концертъ европейскихъ державъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ образовался съ благою цѣлью охраненія мира. Всѣ государственные дѣятели и главы государствъ при всякомъ удобномъ случаѣ, при каждой встрѣчѣ другъ съ другомъ, наперерывъ заявляли и продолжаютъ заявлять о «чрезвычайно сердечныхъ дружескихъ отношеніяхъ, существующихъ между державами, о взаимномъ довѣріи, миролюбіи и т. д. и т. д.». Всѣ эти завѣренія сдѣлались ходячею монетою въ послѣднее время. Всѣ желаютъ мира, всѣ питаютъ дружбу другъ къ другу и вотъ одержимыя такими благими стремленіями державы составили *стройный* европейскій концертъ, воодушевленный одною общею идеей—идеей мира!

Казалось бы чего же лучше и нашему «fin de siècle» оставалось только гордиться, что онъ оставляетъ грядущему вѣку такое прекрасное наслѣдіе, какъ «европейскій концертъ». Но мы уже видѣли какого мнѣнія объ этомъ концертѣ былъ умирающій Гладстонъ. Державы сплотились не ради общей великой идеи, а изъ чувства недовѣрія и чтобы лучше присматривать другъ за другомъ. Когда на политическомъ горизонтѣ снова показался зловѣщій призракъ вѣчнаго восточнаго вопроса, державы испугались и это общее чувство—боязнь опасностей и осложненій, заставило ихъ сблизиться и возобновить европейскій концертъ, нѣкогда уничтоженный Бисмаркомъ. Въ интересахъ каждой изъ державъ было не допускать дальнѣйшаго развитія восточнаго вопроса и въ этомъ отношеніи между ними господствовало единодушіе, но когда дѣло дошло до мѣропріятій, которыя должны были такъ или иначе измѣнить status quo, то тутъ и сказалось взаимное недовѣріе, подозрительность и вражда, не допускавшія безпристрастнаго сужденія и безкорыстнаго отношенія къ общему дѣлу.

Толчокъ къ образованію европейскаго концерта былъ данъ армянами. Послѣ массовыхъ избіеній армянъ, французскій, англійскій и русскій послы сдѣлали свои замѣчанія султану, который, чтобы удовлетворить ихъ, предложилъ имъ назначить своихъ делегатовъ въ слѣдственную коммиссію, что и было сдѣлано. Но турецкая администрація на каждомъ шагу тормазила дѣло. Съ первыхъ же

засѣданій коммиссіи сдѣлалось ясно, что все это не болѣе, какъ одна комедія, что работы коммиссіи не удовлетворятъ никого и убійцы не понесутъ наказанія. Дѣло не подвигалось ни на шагъ, хотя слѣдственная коммиссія, несмотря на всѣ препятствія, воздвигаемыя ей на каждомъ шагу, и подтвердила фактъ сассунской рѣзни. Дипломаты дѣлали представленія, султанъ завѣрялъ въ своемъ искреннемъ желаніи оказать правосудіе и давалъ уклончивые отвѣты. Тогда Англія, полагавшая, вѣроятно, что если всѣ великія державы выразятъ въ данномъ случаѣ свою коллективную волю, то легче будетъ произвести давленіе на султана, предложила пригласить всѣ три державы тройственнаго союза для совмѣстнаго дѣйствія. Франція и Россія согласились и такимъ образомъ народился пресловутый европейскій концертъ.

Хитрый султанъ смекнулъ, что разногласія и взаимное недовѣріе державъ, послужатъ ему лучше всего и дѣятельности европейскаго концерта ему надо опасаться еще менѣе, нежели дѣятельности отдѣльныхъ державъ. Онъ былъ увѣренъ, что единодушіе немыслимо при такихъ условіяхъ, и событія подтвердили это. Германія въ лицѣ императора Вильгельма и крупныхъ промышленниковъ, которымъ султанъ открылъ обширное поле для эксплуатаціи, оказалась на сторонѣ Турціи и фактически нѣмцы сдѣлались хозяевами въ Константинополѣ. Можно ли было ожидать безпристрастнаго отношенія отъ такихъ заинтересованныхъ участниковъ?

Такимъ образомъ грозный европейскій концертъ и даже присутствіе соединенныхъ флотовъ въ турецкихъ водахъ нисколько не безпокоило султана. Въ этомъ онъ видѣлъ скорѣе горантію своей полной безнаказанности. Положеніе дѣлъ въ Малой Азіи не улучшалось; голодъ, притѣсненія и убійства — вотъ извѣстія, которыя приходили оттуда. Въ самой столицѣ произошли безпорядки, вызвавшіе цѣлый рядъ репрессалій. Началось возстаніе на Критѣ. Что же дѣлалъ въ это время европейскій концертъ? Онъ совѣщался и дѣлалъ представленія султану, но тотъ уже зналъ, что ему бояться нечего. Члены европейскаго концерта, одержимые постояннымъ недовѣріемъ другъ къ другу, не могли проникнуться никакою общею идеей и безкорыстно отнестись къ общимъ интересамъ. Въ оффиціальной перепискѣ, опубликованной въ различныхъ «Синихъ», «Желтыхъ» и т. п. книгахъ, явно проглядываетъ это недовѣріе, стоитъ кому-нибудь сдѣлать какое-либо предложеніе, то каждая изъ державъ выражаетъ, свою готовность примкнуть къ нему, *«если только и всѣ прочія державы сдѣлаютъ то же самое»*. А чаще всего, прежде чѣмъ выразить свое мнѣніе объ этомъ предложеніи, державы заявляютъ, что желаютъ знать мнѣніе другихъ участниковъ конгрэсса. Никто не хочетъ открыто высказаться и всѣ какъ будто опасаются ловушки. Благодаря такому положенію дѣлъ, европейскій концертъ, стоящій на стражѣ мира, не могъ помѣшать греко-турецкой войнѣ и разгрому Греціи, что еще болѣе упрочило увѣренность султана въ полной безнаказанности своихъ дѣйствій. Одинъ только умирающій и неугомонный Гладстонъ величалъ его убійцей и громилъ Европу за ея бездѣятельность, но и тотъ теперь умолкъ на вѣки!..

Филиппинскіе острова. Испано-американская война окончилась и теперь начинается обычная дипломатическая работа, переговоры и обсужденіе разныхъ пунктовъ мирнаго договора. Надо отдать полную справедливость Соединеннымъ Штатамъ, что въ данномъ случаѣ они поступили такъ, какъ не поступала до сихъ поръ еще ни одна побѣдоносная держава. Въ мирномъ трактатѣ ни слова не говорится о денежной контрибуціи, которая всегда налагается на побѣжденное государство. Конечно, война потребовала огромныхъ расходовъ, но великая и богатая сѣверо-американская республика великодушно отказывается отъ пополненія этихъ расходовъ изъ кармана истощеннаго и побѣжденнаго врага. Съ этой

стороны, слѣдовательно, можно быть увѣреннымъ, что мировой договоръ не ляжетъ непосильною тяжестью на плечи Испаніи, но зато самолюбіе ея должно будетъ сильно пострадать, такъ какъ несомнѣнно, что ея роль колоніальной державы кончилась и ей придется уступить Соединеннымъ Штатамъ нѣкоторыя изъ своихъ колоніальныхъ владѣній.

Кровавая драма, послѣдній актъ которой только что кончился, разыгрывалась одновременно въ двухъ противоположныхъ пунктахъ: въ Антильскомъ архипелагѣ и у Филиппинскихъ острововъ. Но Европа, повидимому, гораздо болѣе интересовалась судьбою Кубы и всѣми перипетіями Кубинскаго возстанія, нежели тѣмъ, что творилось на Филиппинскихъ островахъ, которые оставались мало извѣстными большинству европейской публики, знавшей только, что эти острова со временъ Магеллана принадлежали Испаніи. Такое отношеніе къ положенію Филиппинскихъ острововъ объясняется отчасти ихъ отдаленностью и тѣмъ, что сношенія ихъ съ цивилизованнымъ міромъ всегда были весьма слабы.

Населеніе этихъ острововъ отличается необыкновенною разнородностью. Первобытные ихъ обитатели, негритосы, почти совсѣмъ исчезли и только въ горахъ и лѣсахъ нѣкоторыхъ острововъ можно встрѣтить жалкіе остатки этого племени, пребывающіе еще на самой низкой ступени цивилизаціи, но, разумѣется, и имъ суждено исчезнуть въ самомъ непродолжительномъ времени.

Когда первыя извѣстія о возстаніи на Филиппинскихъ островахъ появились въ европейской печати, они вызвали нѣкоторое изумленіе. Казалось, будто возстаніе это вспыхнуло внезапно и мотивы его были недостаточно опредѣленны. Между тѣмъ съ теченіемъ времени выяснилось, что оно подготовлялось давно; народъ давно уже стоналъ подъ тяжестью налоговъ, притѣсненій, всяческихъ вымогательствъ и произвола испанской власти, но масло въ огонь подлито было неосторожными рѣчами испанскихъ офицеровъ, которые на одномъ банкетѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, заговорили о необходимости истребить какъ можно скорѣе все туземное населеніе, осмѣливающееся роптать на испанское владычество. «Это дикіе звѣри, которымъ нужна плётка укротителя и которыхъ надо выгнать изъ ихъ логовищъ!» — говорили испанскіе офицеры, и такъ какъ они дѣйствительно не церемонились съ туземцами, то ничего нѣтъ удивительнаго, что народъ ихъ ненавидѣлъ почти столько же, сколько онъ ненавидѣлъ монаховъ, которые въ сущности были настоящими владѣльцами Филиппинъ. Число католическихъ монаховъ въ Филиппинахъ доходитъ въ настоящее время до 6.000 и они раздѣляются на три ордена: августинскій, доминиканскій и францисканскій. Самые богатые и могущественные — францисканцы, очевидно, совершенно позабывшіе о завѣтахъ основателя своего ордена, «апостола нищеты». Политическая власть почти вся находится въ рукахъ францисканцевъ, постоянно добивавшихся полнаго порабощенія туземцевъ. Когда вспыхнуло возстаніе, монахи потребовали самыхъ строжайшихъ мѣръ. «Возстаніе должно быть подавлено безъ всякаго милосердія», говорили они, и такъ какъ они засѣдали въ военныхъ судахъ, то всѣ плѣнные безъ разбора приговаривались ими къ смертной казни и даже говорятъ, обращеніе съ обвиняемыми или подозрѣваемыми въ замыслахъ противъ испанскаго владычества, напоминало ужасы испанской инквизиціи. Если даже допустить, что во всѣхъ этихъ разсказахъ много преувеличеній, тѣмъ не менѣе масса фактовъ, вполнѣ достовѣрныхъ, подтверждаетъ жестокость испанцевъ. Извѣстно, напримѣръ, что маршалъ Бланко, назначенный генералъ-губернаторомъ Филиппинскихъ острововъ, спустилъ съ лѣстницы одного офицера, который оказался виновнымъ въ жестокомъ обращеніи съ плѣнными. Такая расправа объясняется тѣмъ, что маршалъ Бланко прекрасно зналъ, что судъ оправдаетъ этого офицера-палача, поэтому онъ предпочелъ собственноручно расправиться съ нимъ. Извѣстно также, какія страшныя мученія перенесли плѣнные, посаженные въ подземную

темницу, извѣстную подъ названіемъ «Ямы смерти». Всѣ до одного погибли медленною смертью отъ недостатка воздуха.

Маршалъ Бланко, выгодно отличавшійся отъ всѣхъ прочихъ испанскихъ администраторовъ своею гуманностью, достигъ во время своего управленія хорошихъ результатовъ и филиппинскіе инсургенты объявили, что они готовы сложить оружіе, но на слѣдующихъ условіяхъ: они добивались представительства въ испанскомъ парламентѣ, реформы налоговъ, сокращенія гражданской власти монаховъ и увольненіе чиновниковъ, прославившихся своими притѣсненіями и вымогательствами. Маршалъ Бланко обѣщалъ поддержать эти требованія, но его предупредила депутація францисканскихъ монаховъ, отправившаяся въ Испанію, и... маршалъ Бланко былъ удаленъ!

Съ отъѣздомъ маршала Бланко жестокость репрессаліи увеличилась; казни слѣдовали одна за другой безъ перерыва. Мѣстомъ для нихъ служила «Luneta», любимое мѣсто прогулки великосвѣтскаго общества въ Манилѣ, для котораго эти казни служили пріятнымъ разнообразіемъ и развлеченіемъ. Каждое утро это мѣсто прогулки было переполнено избраннымъ обществомъ, дамы въ изящныхъ туалетахъ отправлялись туда въ собственныхъ экипажахъ, играла военная музыка, хлопали пробки шампанскаго, которымъ сидящіе въ экипажахъ и ожидающіе «зрѣлища» утоляли свою жажду. Оживленіе было большое и можно было бы подумать, что всѣ собрались на національный праздникъ, а не для того, чтобы смотрѣть на казнь. Тамъ же былъ казненъ и докторъ Ризаль, одинъ изъ тѣхъ, кто осмѣлился возвысить свой голосъ противъ притѣсненій испанской власти. Молодой и талантливый публицистъ, получившій свое образованіе, главнымъ образомъ, во Франціи, Ризаль, вернувшись на родину и возмущенный поведеніемъ испанцевъ, написалъ книгу «Noli me tangere», въ которой указывалъ на злоупотребленіе францисканскихъ монаховъ. Разумѣется, испанскія власти страшно вознегодовали на Ризаля и искали случая, чтобы погубить его. Случай этотъ не замедлилъ представиться, такъ какъ Ризаль пользовался большимъ вліяніемъ въ странѣ и инсургенты смотрѣли на него, какъ на одного изъ своихъ защитниковъ. Этого было вполнѣ достаточно для испанскихъ властей. Ризаля схватили и приговорили къ смертной казни. Казнь была назначена на слѣдующее утро, а наканунѣ вечеромъ онъ обвѣнчался въ тюрьмѣ съ молодою дѣвушкой, которую давно любилъ и которой суждено было съ восходомъ солнца сдѣлаться вдовой. Утромъ, по обыкновенію, «Luneta» была переполнена гуляющими, явившимися смотрѣть на казнь. Ризаль былъ поставленъ спиною къ взводу солдатъ (испанцы такимъ образомъ казнили всѣхъ бунтовщиковъ) и послѣ перваго залпа упалъ, обливаясь кровью, на землю. Испанскій офицеръ подошелъ къ нему и прикончилъ его выстрѣломъ изъ револьвера. А въ это время музыка играла какой-то веселый танецъ, въ знакъ радости, что правосудіе удовлетворено. Что же удивительнаго, что подобные факты только еще болѣе ожесточали населеніе, ненависть котораго къ испанцамъ дошла до апогея, и горе было испанцамъ, попадавшимъ въ руки бунтовщиковъ. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были личныя выгоды, которыя преслѣдовали американцы, объявляя войну, они все-таки окажутъ великую услугу цивилизованному міру, положивъ конецъ царству монаховъ на Филиппинскихъ островахъ и уничтоживъ господствующій тамъ произволъ.

Вечерніе университеты въ Англіи. Всѣ цивилизованныя націи, достойныя этого имени, давно уже признали необходимость доставить городскому рабочему населенію средства къ удовлетворенію жажды знанія и пріобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній. Но рабочій, проводящій цѣлый день на фабрикѣ, докахъ и т. п., не имѣетъ достаточно времени, чтобы посѣщать школу. Въ его распоряженіи остаются только праздники и воскресные дни, большинство же учебныхъ заве-

деній закрываетъ въ эти дни свои двери и у рабочаго остаются только вечера, когда, покончивъ съ дневною работой, онъ можетъ заняться чтеніемъ и позаботиться о расширеніи своихъ знаній. Въ виду этого, во многихъ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ устраиваются вечерніе курсы для рабочихъ. Къ сожалѣнію, однако, всѣ такіе курсы, большею частью, отличаются элементарностью и отсутствіемъ системы, чего, однако, нельзя сказать про лондонскіе курсы для рабочихъ, такъ какъ и въ этомъ отношеніи англичане, какъ и во многомъ другомъ, опередили всѣ прочія европейскія государства. «Revue des Revues» описываетъ одно изъ такихъ учрежденій въ Лондонѣ, которое справедливо можетъ быть названо университетомъ для рабочихъ. Это—«Институтъ Биркбекъ», основанный въ 1824 году докторомъ Биркбекомъ изъ Глазгова. Въ тѣ времена положеніе рабочаго, пожалуй, было еще тяжелѣе въ Англіи, нежели во всей остальной Европѣ. Заработная плата была очень низка и число рабочихъ часовъ опредѣлялось лишь степенью выносливости рабочаго. Разумѣется, ни о какихъ библіотекахъ для рабочихъ, ни о какихъ безплатныхъ музеяхъ тогда и рѣчи не было. Газеты по своей цѣнѣ были недоступны, да, впрочемъ, и рабочее населеніе было въ то время по преимуществу неграмотное и невѣжественное. Надо было, чтобъ появился достаточно энергичный и самоотверженный человѣкъ, одержимый горячею любовью къ человѣчеству, который взялъ бы на себя трудное дѣло борьбы съ невѣжествомъ и тьмою и взялся бы просвѣтить эту темную массу, посвятивъ этому дѣлу всю свою жизнь. Такимъ именно человѣкомъ и былъ докторъ Биркбекъ, начавшій свою просвѣтительную дѣятельность въ Глазговѣ и скоро достигшій такихъ прекрасныхъ результатовъ, что это побудило его основать механическій институтъ въ Лондонѣ, устроенный имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается великолѣпное зданіе института, носящаго его имя.

Это былъ смѣлый шагъ, такъ какъ въ Лондонѣ до этого не было и рѣчи о какой-нибудь просвѣтительной дѣятельности среди рабочихъ. Но докторъ Биркбекъ сразу нашелъ горячихъ послѣдователей среди членовъ либеральной партіи. Со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія и въ данномъ случаѣ особенную щедрость проявила лондонская аристократія. Успѣхъ былъ обезпеченъ и результаты этого предпріятія вызвали подражанія въ провинціи, не всегда, впрочемъ, удачныя. Но и механическому институту пришлось пережить довольнотаки трудный кризисъ и отъ окончательнаго упадка его спасъ Джорджъ Моррисъ, бывшій профессоромъ-добровольцемъ въ этомъ институтѣ. Онъ значительно расширилъ рамки его программы и дѣятельности и переименовалъ его изъ механическаго института въ «Институтъ Биркбека». Это не замедлило принести плоды. Число классовъ въ институтѣ было увеличено, но увеличилось и число учениковъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ помѣщеніе института уже оказалось слишкомъ тѣснымъ и не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ, а въ 1883 г. уже было заложено новое зданіе, оффиціальное открытіе котораго состоялось два года спустя въ присутствіи членовъ королевской семьи. Около тридцати лѣтъ мистеръ Моррисъ несъ всю тяжесть управленія такимъ учрежденіемъ на своихъ плечахъ и расходовалъ свои собственныя средства. Его преемникомъ былъ м-ръ Эрмитеджъ Смитъ, исполнявшій раньше должность почетнаго секретаря воспитательнаго комитета.

Учредители института Биркбека являются, кромѣ того, піонерами идеи совмѣстнаго воспитанія мужчинъ и женщинъ въ Англіи. Съ самаго основанія этого института было рѣшено, что классы его будутъ одинаково открыты какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, хотя въ тѣ времена идея такого совмѣстнаго воспитанія была въ высшей степени непопулярна и подвергалась ожесточеннымъ нападкамъ. Не было недостатка въ пессимистическихъ предсказаніяхъ и институту пророчили вѣрную гибель, если только въ немъ будетъ принятъ принципъ

совмѣстнаго воспитанія. Предсказанія эти не только не оправдались, но идея совмѣстнаго воспитанія восторжествовала во всѣхъ направленіяхъ, такъ какъ результаты его даже превзошли ожиданія. Совмѣстныя занятія съ женщинами оказывали на рабочихъ смягчающее и облагораживающее вліяніе и ни разу администраціи института не пришлось пожалѣть, что она приняла этотъ принципъ.

Названіе «вечерняго университета» было дано этому учрежденію профессоромъ Тиндалемъ. Въ институтѣ существуетъ прекрасная библіотека и читальный залъ, гдѣ можно получить прохладительные напитки по очень скромной цѣнѣ. Но тамъ нѣтъ ничего подобнаго тому, что существуетъ, напримѣръ, въ политехническомъ институтѣ въ Реджентъ-стритѣ, гдѣ устраиваются всевозможныя развлеченія для рабочихъ. Въ институтѣ Биркбекъ нѣтъ ни гимнастическихъ, ни концертныхъ залъ, такъ какъ всѣ заботы и вниманіе администраціи направлено исключительно на усовершенствованіе курсовъ, программа которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому-то эти курсы посѣщаются не одними только рабочими, а многими изъ тѣхъ, кто добивается поступленія въ лондонскій университетъ. Даже студенты, добивающіеся ученыхъ степеней, часто обращаются за помощью въ институтъ Биркбека и тамъ пополняютъ пробѣлы въ своемъ образованіи.

Преподаваніе искусствъ поставлено въ институтѣ на очень широкую ногу и художественные классы очень посѣщаются. Многіе изъ посѣщавшихъ эти классы теперь работаютъ въ различныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и художественныхъ мастерскихъ и уже составили себѣ имя. Кромѣ того, при институтѣ устроены также превосходныя лабораторіи, въ которыхъ занимается много студентовъ, производящихъ химическія и біологическія изслѣдованія. Преподаваніе химіи обставлено очень хорошо и прошедшіе курсъ химіи въ институтѣ всегда могутъ разсчитывать на хорошій заработокъ въ будущемъ.

Изъ бывшихъ учениковъ этого института многіе уже стяжали себѣ довольно громкую извѣстность. Изъ числа таковыхъ назовемъ экономиста Сидней Уэбба, издателя «Illustrated London News» Шартера, актеровъ Пэмбро и Шерлея и мн. др. Конечно, лондонское городское управленіе не могло не выказать сочувствія такому полезному дѣлу и въ 1891 году для поддержки института была назначена субсидія. Въ настоящее время этотъ институтъ образуетъ вмѣстѣ съ лондонскою городскою коллегіей и Норзгемптонскимъ институтомъ нѣчто вродѣ федераціи, въ которой каждый изъ членовъ сохраняетъ свою автономію и только планъ преподаванія остается общимъ для всѣхъ. Въ Норзгемптонскомъ институтѣ существуютъ всѣ тѣ приспособленія для организаціи развлеченій, какихъ не достаетъ Биркбекскому институту и такимъ образомъ этотъ существенный пробѣлъ теперь пополненъ.

Успѣхи женскаго движенія въ Австріи. Женское движеніе въ Австро-Венгріи началось сравнительно недавно и успѣхи его не такъ значительны, какъ въ другихъ государствахъ и сосѣдней Германіи, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что и австро-венгерскія женщины стремятся къ прогрессу и уравненію своихъ правъ. Въ Вѣнѣ, напримѣръ, уже нѣсколько лѣтъ существуетъ общество для поощренія высшаго образованія женщинъ. Четыре года тому назадъ, общество это открыло гимназію для дѣвочекъ, съ цѣлью дать имъ возможность получать такое же образованіе, какъ и въ мужскихъ гимназіяхъ, поэтому и программа этой гимназіи была такая же, какъ и мужской гимназіи. Докторъ Ханѣмъ, директоръ «Pedagogium», предоставилъ въ распоряженіе этой гимназіи нѣкоторые изъ классовъ своего заведенія и гимназія была открыта въ сентябрѣ 1892 года. Каждый годъ открывалось по одному классу и число всѣхъ дѣвочекъ, посѣщавшихъ классы, было 125. Такъ какъ законъ требуетъ, чтобы дѣвочки прошли восемь классовъ «Volks» и «Bürgerschule», то, слѣдовательно,

имъ не удастся поступить въ гимназію раньше 14 лѣтъ. Принимая это во вниманіе, дирекція женской гимназіи установила въ ней шестилѣтній курсъ.

Но это первая женская гимназія въ Австріи представляетъ частное учрежденіе и не пользуется поэтому никакими правами. Въ виду этого вышеназванное общество, устроившее ее, вошло съ ходатайствомъ къ правительству о присвоеніи женской гимназіи такихъ же правъ, какъ и мужской. Послѣдній классъ этой гимназіи, т. е. шестой, открытъ въ этомъ году, такъ что первый выпускъ долженъ былъ состояться какъ разъ къ юбилею императора Франца-Іосифа и сторонники высшаго женскаго образованія основывали на этомъ надежду, что окончившимъ курсъ гимназіи будутъ даны такіе же права, какъ и въ мужскихъ гимназіяхъ.

О занятіяхъ въ этой гимназіи всѣ отзываются съ большою похвалой. Одновременно съ учрежденіемъ этой гимназіи, члены названнаго общества втихомолку подготовляли почву къ открытію для женщинъ доступа въ университеты и даже частнымъ образомъ вступили въ переговоры съ министерствомъ просвѣщенія о допущеніи женщинъ въ вѣнскій университетъ на правахъ обыкновенныхъ студентовъ.

Однако, женщины въ вѣнскомъ университетѣ не составляютъ уже столь рѣдкаго явленія, какъ это принято думать. Многіе изъ профессоровъ охотно давали разрѣшеніе посѣщать ихъ лекціи тѣмъ изъ женщинъ, предварительная подготовка которыхъ давала имъ на это право. Но до сихъ поръ лишь не многія изъ нихъ рѣшались пользоваться этимъ правомъ въ виду еще болѣе укоренившагося въ Австро-Венгріи, чѣмъ въ другихъ странахъ, предубѣжденія противъ высшаго образованія женщинъ. Поэтому-то въ вѣнскомъ университетѣ можно было встрѣтить женщинъ всѣхъ національностей, но лишь очень немного австріячекъ. Женщины, однако, не могутъ получить никакой ученой степени въ вѣнскомъ унрверситетѣ и даже не допускаются къ экзаменамъ, но имъ зачисляются семестры и онѣ потомъ имѣютъ право сдавать экзаменъ на полученіе ученой степени въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ.

Общество для поощренія высшаго женскаго образованія достигло, однако, большихъ уступокъ отъ министерства просвѣщенія и женщинамъ разрѣшено теперь добиваться ученой степени доктора медицины въ вѣнскомъ университетѣ, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1) онѣ должны имѣть аттестатъ зрѣлости изъ какой-нибудь австрійской или венгерской мужской гимназіи, при которой онѣ держали экзаменъ; 2) онѣ должны представить удостовѣреніе, что слушали положенное число лекцій въ вѣнскомъ или иностранномъ университетѣ; 3) должны также представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи; 4) должны получить раньше дипломъ на степень доктора въ какомъ-нибудь другомъ университетѣ и затѣмъ уже держать экзаменъ въ вѣнскомъ университетѣ. Одна австріячка баронесса Поссанеръ, получившая ученую стемень въ Цюрихѣ, уже воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ и сдала экзаменъ въ вѣнскомъ университетѣ. Это первая женщина, получившая ученую степень въ Австріи и въ настоящее время она читаетъ лекціи по анатоміи и физіологіи въ «Damen Akademie», открытой осенью 1895 года нѣсколькими профессорами, пожелавшими придти на помощь тѣмъ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ, которыя не имѣютъ намѣренія или не могутъ поступить въ университетъ, но тѣмъ не менѣе хотятъ все-таки расширить кругъ своихъ познаній. Устроенная по образцу бедфордской коллегіи, эта академія въ первый же годъ привлекла 281 слушательницу и теперь успѣхъ ея обезпеченъ вполнѣ. Въ настоящее время болѣе 800 женщинъ посѣщаютъ различныя лекціи, которыя читаются въ академіи, причемъ огромный процентъ слушательницъ—замужнія женщины. Лекціи читаются по преимуществу профессорами университета и, кромѣ того, три женщины занимаютъ каѳедры въ этой академіи; одна изъ нихъ англичанка читаетъ лекціи

по англійской исторіи, двѣ другихъ австріячки читаютъ лекціи по физіологіи, анатоміи и исторіи искусства.

Примѣру Вѣны недавно послѣдовалъ Буда-Пештъ, учредившій женскую гимназію и открывшій двери университета одной женщинѣ г-жѣ Матильдѣ Шорръ, пожелавшей получить степень доктора медицины въ буда-пештскомъ университетѣ. Эта первая студентка въ венгерскомъ университетѣ раньше слушала лекціи въ цюрихскомъ университетѣ; она также какъ и баронесса Поссанеръ и г-жа Каммерлингъ, выдержавшая экзаменъ на званіе учителя гимназіи, служитъ піонеркой высшаго женскаго образованія въ Австро-Венгріи.

Такимъ образомъ австрійскія женщины мало-по-малу прокладываютъ себѣ дорогу. Въ Босніи одна женщина-врачъ, г-жа Краевская, занимаетъ уже три года оффиціальную должность. Недавно въ Краковѣ она прочла публичную лекцію о Босніи и представила результаты своей дѣятельности. Въ началѣ ей было очень трудно побѣдить недовѣріе босняковъ къ современной медицинѣ, но постепенно къ ней стали обращаться все чаще и чаще за медицинскою помощью. Въ теченіе трехъ лѣтъ у нея лѣчилось 20.000 человѣка и треть всѣхъ ея паціентовъ составляютъ магометане. Медицинскій гонораръ опредѣляется соціальнымъ положеніемъ паціента. Бѣдные люди, конечно, ничего не платятъ, болѣе же обезпеченные платятъ за докторскій визитъ яблоками и орѣхами и только богачи платятъ деньги врачу, но обыкновенно только за первый визитъ. Всего больше распространены въ Босніи первныя болѣзни и это происходитъ, по мнѣнію лекторши, отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкаго чернаго кофе, зато послѣдствія пьянства приходится наблюдать крайне рѣдко, такъ какъ населеніе отличается трезвостью.

Этическое движеніе въ Италіи. Несмотря на культурную среду, изъ которой возникло этическое движеніе въ Италіи, пропагандѣ этическихъ идей приходится бороться въ этой странѣ съ весьма большими затрудненіями и она медленно прокладываетъ себѣ дорогу въ народѣ. Итальянскіе соціалисты не примыкаютъ къ этому движенію, видя въ немъ выраженіе робости среднихъ классовъ, но главнымъ противникомъ движенія является, конечно, духовенство, которое открыто возстаетъ противъ какого бы то ни было нравственнаго ученія, не исходящаго отъ церкви и называетъ его «антирелигіознымъ». Притомъ же итальянское духовенство противится больше чѣмъ всякое другое и просвѣщенію народной массы.

Центромъ этическаго движенія служитъ «Circolo Etico Sociale» въ Венеціи, поставившее себѣ цѣлью нравственное и умственное возвышеніе народа. Общество это устроило бюро справокъ для народа, свободную библіотеку и свободную школу. Лѣтомъ оно устраиваетъ собранія на открытомъ воздухѣ и уже пріобрѣло много приверженцевъ среди рабочихъ союзовъ. Кромѣ того, общество обладаетъ уже своимъ органомъ «Cronache del Rinascimento Etico Sociale», выходящимъ еженедѣльно и проповѣдывающимъ объединеніе всѣхъ этически мыслящихъ людей и этическихъ учрежденій въ одинъ общій этическій союзъ. Журналъ этотъ отличается большою содержательностью и рѣшительно нѣтъ ни одного общественнаго вопроса, который не былъ бы въ немъ затронутъ. Въ каждомъ нумерѣ дѣлается обзоръ этическаго движенія въ другихъ странахъ и посвящаются статьи рабочему и соціальному вопросу, женскому движенію и движенію въ пользу мира, а также печатаются извлеченія изъ статей и трудовъ главнѣйшихъ иностранныхъ авторовъ, писавшихъ объ этихъ вопросахъ.

Но несмотря на такую просвѣтительную дѣятельность итальянскаго этическаго общества, успѣхи его весьма незначительны въ странѣ и до сихъ поръ ему не удалось организовать филіальныхъ отдѣленій въ виду необыкновеннаго равнодушія итальянцевъ къ этическимъ вопросамъ. Въ одномъ изъ нумеровъ итальянскаго этическаго журнала обсуждались причины этого прискорбнаго равнодушія

и авторъ статьи, посвященной этому вопросу, видитъ эти причины въ томъ гнётѣ, который тяготѣлъ и продолжаетъ тяготѣть надъ итальянскимъ народомъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century».—«Century Magazine».

Г-жа Бентцонъ, посвятившая уже нѣсколько весьма интересныхъ очерковъ американской жизни и американскому обществу, описываетъ въ «Revue des deux Mondes» французскую Канаду. По ея словамъ, современное канадское общество представляетъ въ миніатюрѣ французское общество стараго режима. Мѣсто прежняго феодальнаго владѣльца занимаетъ приходъ и духовенство, стоящее во главѣ, и вездѣ приходская организація заложена въ основу муниципальной организаціи, такъ какъ повсюду устройство религіознаго прихода предшествовало учрежденію муниципалитетовъ. До сихъ поръ канадскому духовенству принадлежитъ преобладающее мѣсто вездѣ и священникъ имѣетъ право осматривать школы въ своемъ приходѣ и изслѣдовать книги, такъ что его положеніе и права напоминаютъ положеніе и права французскаго духовенства до революціи. Въ Канадѣ дѣло образованія рѣшительно во всѣхъ классахъ общества находилось съ самаго начала, да и теперь еще находится почти исключительно въ рукахъ духовенства. Первыми воспитателями канадцевъ были отцы іезуиты, основавшіе коллегію въ 1633 г., раньше гарвардскаго университета, считающагося колыбелью знанія въ Соединенныхъ Штатахъ. Къ сожалѣнію, эта коллегія была разрушена, послѣ того какъ англичане превратили ее въ казарму, и теперь не осталось и слѣдовъ этого историческаго памятника. Наслѣдниками этой коллегіи являются двѣ семинаріи, въ Квебекѣ и Монреалѣ, соединенныя съ университетомъ, въ которомъ кромѣ богословскаго факультета, есть еще медицинскій, юридическій и словесный факультеты. Въ обоихъ городахъ университетъ этотъ носитъ названіе «университета Лаваля» въ честь знаменитаго епископа. Англичане также не захотѣли отставать и открыли въ Монреалѣ превосходный университетъ Макъ Жюлля, обладающій большими средствами и очень богато обставленный въ научномъ отношеніи. Что касается воспитанія женщинъ, то оно находится исключительно въ рукахъ монахинь и оставляетъ желать многаго. Однако, Канада, давно уже переставшая быть исключительно религіозною общиной, освобождается мало-по-малу отъ суроваго режима и умственныхъ путъ, наложенныхъ на нихъ католическимъ духовенствомъ; канадскія женщины стали свободнѣе и уже не подчиняются строгимъ монашескимъ правиламъ, воспрещавшимъ имъ всякія увеселенія и въ особенности танцы и бальные туалеты, но, тѣмъ не менѣе, въ томъ, что касается чтенія и умственнаго развитія, онѣ по прежнему руководствуются воззрѣніями своихъ духовниковъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что есть «дурныя» книги, канадцы ничего почти не читаютъ и, по словамъ г жи Бентцонъ, ничего не выглядитъ печальнѣе книжныхъ магазиновъ въ Квебекѣ и Монреалѣ. Трудно себѣ представить, какая масса англійскихъ и французскихъ книгъ,—произведеній выдающихся писателей,—изъята изъ обращенія, такъ какъ на нихъ наложено запрещеніе духовенства. Однако, въ настоящее время замѣчается въ канадскомъ обществѣ нѣкоторое движеніе, реакція противъ такихъ умственныхъ стѣсненій и починъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ женщинѣ, женѣ одного политическаго дѣятеля, г-жѣ Дандюранъ, которая смѣло выступала защитницей идеи женскаго высшаго образованія и умственнаго развитія женщины. Чтобы не возбудить противъ себя духовенство, г-жа Дандюранъ, въ публичной лекціи, посвященной этому предмету, ссылалась на авторитеты Фенелона, епископовъ

Дюпанлу и д'Юльста. «Господствующая тенденція нашего вѣка,—сказала она,—это стремленіе къ высшей культурѣ, но въ Канадѣ эту тенденцію поддерживаютъ только противники вѣры. Неужели католики всегда будутъ отсталыми въ этомъ отношеніи? Неужели женщины, пожелавшія расширить свои познанія, чтобы умѣть лучше воспитывать своихъ дѣтей, должны искать для этого средствъ въ иной средѣ, враждебной ихъ религіознымъ убѣжденіямъ?»

Благодаря такому искусному маневру, г-жа Дандюранъ не возбудила противъ себя вражды духовенства и мало-по-малу пріобрѣтала сторонниковъ. Для расширенія своей пропаганды она издаетъ теперь журналъ «Coin du feu», въ которомъ исключительно работаютъ только женщины. Сначала, когда появился этотъ журналъ, онъ произвелъ цѣлый скандалъ въ канадскомъ обществѣ, которое никакъ не могло примириться съ участіемъ женщинъ въ журналистикѣ, но теперь почти каждая канадская семья считаетъ своимъ долгомъ выписывать его и, благодаря такому смѣлому шагу, канадское общество мало по-палу перестало относиться съ предубѣжденіемъ къ литературной дѣятельности женщинъ и въ настоящее время въ Канадѣ есть уже нѣсколько женщинъ-писательницъ, пользующихся довольно большою извѣстностью, разумѣется, главнымъ образомъ, среди женской части канадскаго общества. Вообще, женское движеніе начинается и въ Канадѣ и, вѣроятно, недалеко то время, когда и канадскія женщины захотятъ во всѣхъ отношеніяхъ стоять рядомъ съ прочими американскими женщинами.

Подъ именемъ «желтой журналистики» въ Америкѣ подразумѣвается сенсаціонная печать, роль которой въ особенности сдѣлалась замѣтна во время испано-американскаго столкновенія. Газеты, принадлежащія къ этой печати, всячески старались возбудить шовинизмъ американцевъ и взапуски печатали всевозможныя сенсаціонныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, разсчитанныя на то, чтобы производить какъ можно болѣе сильное впечатлѣніе въ публикѣ. Американская писательница Елизавета Бэнксъ, въ своей статьѣ въ «Nineteenth Century», описывающей этотъ видъ американской журналистики, говоритъ, что названіе «желтая печать» было придумано, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однимъ американскимъ издателемъ, Чарльзомъ Дана, журналистомъ старой школы, презиравшимъ сенсаціонную журналистику, представителями которой тогда были двѣ газеты: «New-York World» и «New-York Journal». Первая газета, чтобы увеличить интересъ читателей, придумала печатать въ своемъ воскресномъ нумерѣ разсказъ о воображаемыхъ дѣйствіяхъ воображаемаго лица, котораго газета окрестила именемъ «Yellow Kid» (желтый козелъ). Портретъ этаго не существующаго субъекта, раскрашенный въ оранжево-желтый цвѣтъ, былъ приложенъ тутъ же. Конечно, художникъ постарался изобразить какое-то чудовище въ человѣческомъ образѣ, дѣянія котораго вполнѣ отвѣчали его отталкивающей наружности. Тѣмъ не менѣе, публика заинтересовалась разсказами о подвигахъ «Yellow Kid'a» и воскресные нумера газеты всегда раскупались нарасхватъ. Соперничествующая съ этою газетой другая газета подобнаго же рода «New-York Journal», позавидовавшая ея успѣху, пожелала переманить къ себѣ талантливаго автора воскресныхъ очерковъ и предложила ему чуть не впятеро больше того, что онъ получалъ въ редакціи «New-York World». Такимъ образомъ «Yellow Kid» перекочевалъ изъ столбцовъ одной газеты въ другую и тогда-то Чарльзъ Дана, возмущенный такими нравами печати, окрестилъ всю такую журналистику именемъ «желтой журналистики», «Yellow Journalism».

Въ настоящее время, по словамъ Елизаветы Бэнксъ, въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ отъ пятнадцати до двадцати газетъ, принадлежащихъ къ «желтой журналистикѣ». Эти газеты обладаютъ большими фондами и издатели ихъ не стѣсняются тратить огромныя суммы денегъ на то, что они считаютъ

полезнымъ и нужнымъ для газеты. Они не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы только получить самыя свѣжія новости, и часто уплачиваютъ за подобныя сообщенія громадныя суммы. Благодаря своему обширному распространенію, «желтая пресса» дѣйствительно имѣетъ вліяніе въ странѣ и въ особенности это вліяніе дало себя почувствовать во время послѣдней войны. Въ періодъ испано-американской кампаніи всѣ эти газеты имѣли обыкновеніе выпускать вечернія экстренныя прибавленія. Это дѣло поручалось извѣстнымъ сотрудникамъ, которые должны были дежурить въ редакціи до полночи въ ожиданіи новостей, получаемыхъ по телеграфу; если же новостей никакихъ не оказывалось, то сотрудники получали приказаніе выпустить все-таки экстренное прибавленіе, содержащее сенсаціонныя извѣстія, составлявшія въ такомъ случаѣ уже ничто иное, какъ продуктъ фантазіи и изобрѣтательности репортеровъ.

Участіе, которое принимаютъ женщины въ «желтой прессѣ», очень велико; въ каждой такой редакціи работаетъ столько же женщинъ, сколько и мужчинъ и подчасъ даже женщины больше зарабатываютъ, нежели мужчины. Во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость «желтой журналистикѣ», что она строго придерживается принципа равенства половъ. Впрочемъ, женская работа часто даже предпочитается мужской. Елизавета Бэнксъ разсказываетъ, что она самая, пріѣхавъ въ Нью-Іоркъ изъ провинціи, раньше всего устроилась при редакціи одной такой газеты. Тутъ ей пришлось близко познакомиться съ нравами желтой прессы, и узнать какого рода порученія даются женщинамъ-журналистамъ. Когда Елизавета Бэнксъ поступила въ редакцію, то первое же порученіе, данное ей издателемъ, показалось ей такимъ рискованнымъ, что она рѣшила отъ него отказаться. Ей поручено было отправиться въ самыя трущобныя улицы Нью-Іорка, дать себя арестовать полицейскимъ въ качествѣ женщины легкаго поведенія, провести ночь въ тюрьмѣ въ обществѣ такихъ женщинъ и на другой день написать объ этомъ статью въ газету. Самое главное: надо быть арестованной, и если бы все сошло благополучно для женщины, согласившейся на такое порученіе и, слѣдовательно, она избѣжала бы ареста, то въ глазахъ редакціи она сильно потеряла бы, такъ какъ это бы означало, что она не «съумѣла» устроить такъ, чтобы ее арестовали, что было нужно для сенсаціонной замѣтки и статьи, въ которой газета явилась бы въ роли «покровителя женщинъ» и «защитника слабыхъ противъ сильныхъ». Подобныя порученія часто бываютъ сопряжены не только съ нравственными непріятностями, но и съ опасностями для здоровья и жизни женщины, берущейся за нихъ. Но что же дѣлать, иначе нельзя имѣть успѣха въ «желтой журналистикѣ» и такая сотрудница должна помнить, что газета, въ которой она работаетъ, чисто комерческое предпріятіе, которое должно приносить какъ можно больше дохода своему собственнику и, слѣдовательно, прежде всего надо заботиться о томъ, чтобы угодить вкусу массы, падкой на всякія новинки и не пытающейся провѣрить, насколько онѣ правдоподобны. «Трудно даже приблизительно составить себѣ понятіе о томъ, какія порученія даются иногда сотрудницамъ желтой газеты,—говоритъ г-жа Бэнксъ.—Нѣкоторыя изъ этихъ порученій должны бы поразить своею нелѣпостью каждаго мыслящаго человѣка, другія же настолько отвратительны, что невольно возбуждаютъ удивленіе, какъ это въ Америкѣ, въ странѣ, славящейся своимъ рыцарскимъ отношеніемъ къ женщинѣ, находятся издатели, эксплуатирующіе подобнымъ образомъ своихъ сотрудницъ. Что между этими послѣдними всегда находятся готовыя исполнять подобныя рискованныя порученія, это насъ не должно удивлять, такъ какъ мало ли какія тяжелыя условія побуждаютъ женщинъ браться за такой трудъ».

Г-жа Бэнксъ разсказываетъ, между прочимъ, что одинъ издатель чикагской газеты поручилъ одной изъ своихъ сотрудницъ «убѣдиться» въ томъ, какіе изъ чикагскихъ врачей могутъ быть подкуплены и согласятся за деньги произвести

операцію, не дозволяемую закономъ. Молодая женщина исполнила это порученіе и гонораръ ея былъ удвоенъ. Газета произвела настоящій скандалъ, напечатавъ разсказъ своей сотрудницы и въ результатѣ нѣсколько человѣкъ изъ выдающихся врачей попали въ тюрьму. «Это самый обыкновенный фактъ въ исторіи желтой прессы!» прибавляетъ г-жа Бэнксъ.

Если издатель такой газеты поручаетъ одной изъ сотрудницъ интервьюировать кого-нибудь, то она должна во что бы то ни стало исполнить это порученіе, иначе ея репутація погибла. Бываетъ, что сотрудница, будучи не въ состояніи выполнить это порученіе, пишетъ вымышленное «interview», но если она съумѣетъ придать ему правдоподобный характеръ, то издатель не бываетъ на нее въ претензіи за выдумку. Къ какимъ уловкамъ прибѣгаютъ иногда сотрудницы, чтобы добиться «interview» съ какимъ-нибудь выдающимся или высокопоставленнымъ лицомъ, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ: во время одной изъ грандіозныхъ стачекъ, какія бываютъ въ Америкѣ, издатель одной изъ «желтыхъ» газетъ поручилъ своей репортершѣ отправиться въ Вашингтонъ и интервьюировать самого президента Соединенныхъ Штатовъ. Хотя президентъ и не слишкомъ стѣсненъ правилами этикета, тѣмъ не менѣе интервьюировать его не легко, такъ какъ, если бы онъ допустилъ къ себѣ какого-нибудь репортера, то это вызвало бы цѣлый скандалъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Однако, молодая женщина съумѣла выполнить возложенное на нее порученіе. Она назвалась «коммиссаромъ труда», явившимся съ цѣлью изложить президенту истинное положеніе стачечниковъ, и президентъ принялъ ее и бесѣдовалъ съ нею!

«Предпріимчивая женщина-репортеръ, — говоритъ г-жа Бэнксъ, — должна умѣть пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, если ей поручаютъ интервьюировать какое-нибудь высокопоставленное лицо, выдающагося сенатора, судью и т. п. Она не должна отказываться, если это высокопоставленное лицо пригласитъ ее обѣдать или ѣхать съ нимъ въ театръ, хотя бы этотъ человѣкъ и пользовался такою репутаціею, что появленіе съ нимъ публично было бы равносильно соціальному самоубійству. Молодая женщина, на которую возложено подобное порученіе, не должна обращать вниманія на то, съ кѣмъ ей приходится имѣть дѣло и только въ такомъ случаѣ она можетъ надѣяться на успѣхъ въ желтой прессѣ. Она должна совершенно забыть свои личныя симпатіи и антипатіи, исполняя такія порученія, и превратиться въ машину. Чтобы зарабатывать въ газетѣ 50 или 100 долларовъ въ недѣлю, ей надо отложить въ сторону всякую женскую щепетильность и предразсудки. Наибольшая часть труда въ желтой прессѣ всегда выпадаетъ на долю женщинъ, такъ какъ на нихъ-то именно и возлагаются наиболѣе затруднительныя и щекотливыя порученія, требующія большой смѣлости, предпріимчивости и находчивости. Безъ сомнѣнія, и мужчинамъ-репортерамъ приходится зачастую рисковать если не жизнью, то цѣлостью своихъ членовъ, исполняя порученія, возложенныя на нихъ редакціей, но женщина-репортеръ часто рискуетъ еще большимъ, не только жизнью, но и честью, въ поискахъ за матеріаломъ для сенсаціонной замѣтки или статьи!»

Эта мрачная картина нравовъ «желтой прессы», нарисованная г-жей Бэнксъ, нѣсколько смягчается другими фактами, указывающими, что репортерская дѣятельность въ Соединенныхъ Штатахъ не всегда носитъ такой характеръ и въ лучшей части, какъ американской печати, такъ и американскаго общества, замѣчается реакція противъ такого злоупотребленія печатнымъ словомъ. Конечно, газеты стремятся превзойти одна другую въ изобрѣтательности, но изобрѣтательность эта касается не только однѣхъ сенсаціонныхъ новинокъ и вымышленныхъ «interview». Редакціи зачастую снаряжаютъ цѣлыя ученыя экспедиціи на свой счетъ, отправляютъ своихъ сотрудниковъ во всѣ закоулки земного шара и такимъ образомъ не только возбуждаютъ интересъ читателей какими-нибудь

сенсаціонными разоблаченіями, но и способствуютъ въ огромной степени дѣлу цивилизаціи и прогресса.

Въ «Century Magazine» напечатаны впечатлѣнія одной школьной учительницы, миссъ Анны Фолькомеръ, завѣдывающей школой, устроенной на берегу рѣки Юкона, въ Аляскѣ, вблизи полярнаго круга. Безъискусственный разсказъ этой учительницы еще разъ подтверждаетъ, какъ много самоотверженія требуется отъ лицъ, отдающихъ себя дѣлу просвѣщенія и часто вынужденныхъ работать въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Когда американское правительство рѣшило открыть школу въ этой мѣстности для дѣтей колонистовъ, т. е. золотоискателей и эскимосовъ, обитающихъ въ окрестностяхъ, то оно вызвало желающихъ занять должность школьной учительницы въ Аляскѣ. Къ удивленію, такихъ желающихъ явилось очень много и правительство остановило свой выборъ на миссъ Фолькомеръ, главнымъ образомъ, потому, что она казалась самой здоровой изъ всѣхъ кандидатокъ.

Новая учительница послѣ долгаго и труднаго пути достигла наконецъ мѣста назначенія и 1-го октября 1896 года она открыла свою школу. Помѣщеніе еще не было устроено, ни столовъ, ни скамеекъ не было и она со своими учениками сидѣла на бревнахъ, устроивъ изъ досокъ импровизированный столъ. Все бы это было ничего, но когда наступили холода, то бѣдная учительница не знала, какъ ей согрѣться. Во всемъ поселеніи, состоящемъ изъ 1.500 жителей, не нашлось ни одного стекла, такъ что окна въ зданіи школы такъ и остались невставленными и ихъ заложили досками и хлопчатой бумагой, чтобы сколько-нибудь сохранить тепло въ школѣ. Такимъ образомъ учительница промучилась всю долгую, полярную зиму. Наконецъ температура стала мягче и Юконъ мало-по-малу освободился отъ своего ледяного покрова. Съ первымъ же пароходомъ, пробившимся черезъ ледъ, разрыхлѣвшій подъ вліяніемъ весеннихъ лучей, были доставлены оконныя стекла для школы. Радость была всеобщая. Въ настоящее время зданіе школы имѣетъ вполнѣ приличный видъ и надъ нимъ гордо развѣвается звѣздное знамя американской республики.

Миссъ Фолькомеръ, благодаря своему крѣпкому здоровью, вынесла благополучно суровую зиму и, несмотря на всѣ трудности, не прекращала занятій въ школѣ, которая охотно посѣщалась дѣтьми. Предполагалось при устройствѣ этой школы, что врядъ ли въ ней будетъ больше 12-ти учениковъ, а между тѣмъ съ самаго начала набралось 36 учениковъ, изъ нихъ только шестеро были дѣти колонистовъ, остальные же—дѣти индѣйцевъ и эскимосовъ. Возрастъ дѣтей, посѣщавшихъ школу, колебался между 5 и 15 годами. Только трое изъ этихъ учениковъ, двое краснокожихъ 14 лѣтъ, проживавшихъ передъ тѣмъ два года въ англиканской миссіи, да еще одинъ бѣлый десяти лѣтъ, умѣли читать и писать, но всѣ говорили и понимали по-англійски. Всѣ эти ученики, принадлежавшіе къ тремъ различнымъ расамъ, прекрасно уживались вмѣстѣ, помогали другъ другу въ занятіяхъ и отличались понятливостью, кротостью и послушаніемъ. Только два мальчика 15 лѣтъ, янки, оказались настолько испорченными, что миссъ Фолькомеръ должна была исключить ихъ изъ школы немедленно.

Итакъ, эта школа, вѣроятно, самая сѣверная на свѣтѣ, существующая подъ самымъ полярнымъ кругомъ, теперь процвѣтаетъ и, по мнѣнію учительницы, скоро, вѣроятно, придется расширить ея помѣщеніе, такъ какъ не хватитъ мѣста для желающихъ. Миссъ Фолькомеръ справедливо видитъ хорошій симптомъ въ томъ, что дѣти бѣлыхъ колонистовъ учатся рядомъ съ краснокожими и эскимосами. Это обстоятельство, конечно, должно способствовать сближенію расъ и прогрессу. Впрочемъ, тамъ, за полярнымъ кругомъ, расовый антагонизмъ выражается менѣе рѣзко и въ «Circle-City» — такъ называется поселеніе, гдѣ устроена школа—часто устраиваются публичные балы въ пользу

школы и фонда на устройство больницы и библіотеки, и балы эти весьма охотно посѣщаются не только колонистами, но и краснокожими и эскимосами и очень часто можно видѣть, какъ дочери колонистовъ танцуютъ съ индѣйцами и наоборотъ. Вообще эта область быстро цивилизуется и въ «Circle-City» уже устраиваются теперь публичныя чтенія въ школѣ и даже образовалось нѣчто вродѣ клуба, организующаго литературныя собранія и научныя бесѣды для своихъ членовъ.

Новый факторъ въ духовной жизни Франціи.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій).

Въ настоящее время Франція переживаетъ событія, исходъ которыхъ способенъ внушать справедливыя опасенія за судьбу «величайшихъ силъ и идей, какими живетъ современный европейскій міръ» *).

Ниже приводимыя строки, написанныя еще въ прошломъ году, но, въ свое время не попавшія въ печать, могутъ, по моему мнѣнію, послужить до нѣкоторой степени къ объясненію того, что происходитъ въ Парижѣ.

Во время моей заграничной поѣздки въ прошломъ году, предпринятой по порученію редакціи одного журнала для описанія нѣкоторыхъ научныхъ учрежденій Италіи, Франціи и Германіи, я съ особеннымъ интересомъ прислушивался ко всему, что говорилось и писалось о Россіи, и отношеніяхъ къ ней западноевропейскаго общества. Благодаря моей спеціальной миссіи, ставившей меня въ соприкосновеніе съ представителями ученаго и литературнаго міра, я имѣлъ возможность, на ряду съ голосомъ общественнаго мнѣнія, выслушивать иногда и взгляды тѣхъ, чье служебное или общественное положеніе заставляетъ быть осторожнымъ въ выраженіи своихъ истинныхъ мнѣній.

Болѣе всего меня, конечно, интересовало отношеніе къ намъ французскаго общества. Статьи, направленныя противъ Россіи въ газетѣ «Figaro», въ особенности послѣ тѣхъ восторговъ, съ которыми Франція встрѣчала нашего Государя, естественно, наводили на мысль о томъ, насколько эти восторги были всеобщи и искренни. Еще въ Италіи, гдѣ Россія, понятно, не пользуется симпатіями общества, мнѣ пришлось слышать мнѣнія о томъ, что франко-русскій союзъ приноситъ матеріальныя выгоды одной только Россіи, Франція же довольствуется проблематическою увѣренностью, что, въ случаѣ войны, Россія ее выручитъ. «Но и эта увѣренность,—прибавляли со злорадною улыбкою мои собесѣдники,—въ послѣднее время, благодаря разоблаченіямъ Бисмарка, значительно ослабла».

Просматривая французскую періодическую печать, я былъ пораженъ крайне рѣдкимъ упоминаніемъ о Россіи. Помню, прежде, сколько писалось о ней и вздора, и правды, хотя рѣдко хорошей. Теперь же рѣшительно ничего. Даже юмористическіе журналы не изощряютъ своего остроумія на нашъ счетъ. Говоря съ однимъ хорошо знакомымъ мнѣ литераторомъ по поводу этого обстоятельства, я не могъ не выразить своего удивленія.

— Дурного,—возразилъ онъ,—мы писать не хотимъ, а хорошаго не можемъ...

— Но, вѣдь, печать у васъ свободна, а существуютъ разныя партіи...

— Конечно. Но мы, французы, *всѣ безъ исключенія* большіе политики..,

---

*) Ив. Ивановъ, «Изъ западной культуры», «Міръ Божій», № 8, 1898 г.

Въ другой разъ, разговаривая съ извѣстнымъ профессоромъ, отлично изучившимъ Россію и даже превосходно говорящимъ по-русски, я перевелъ разговоръ на интересовавшую меня тему о франко-русскихъ отношеніяхъ.

— Я политикою не занимаюсь,—замѣтилъ мой собесѣдникъ,—но мнѣ кажется, что этотъ союзъ приноситъ выгоду одной только Россіи. Она отъ насъ получила деньги, усовершенствованное оружіе, порохъ, возможность болѣе широкаго пользованія флотомъ; ея естественныя богатства начинаютъ разрабатываться, благодаря нашимъ капиталамъ...

— Да, но вы не забывайте, что все это не безъ выгоды для самихъ капиталистовъ...

— Естественно... Но мы все-таки рискуемъ: отчего же нѣмцы, которые къ вамъ ближе, съ которыми вы ведете болѣе оживленную торговлю, не дали вамъ денегъ, а когда и давали, то дѣлали съ вашимъ курсомъ, что имъ хотѣлось?.. Отчего они не попробовали вложить капиталы для разработки вашихъ нетронутыхъ богатствъ? Навѣрно, не отъ недостатка предпріимчивости...

На этотъ разъ нашъ разговоръ не могъ быть конченъ, такъ какъ профессоръ получилъ какое-то письмо и долженъ былъ уходить. Но почти тѣ же мысли пришлось мнѣ слышать отъ очень многихъ лицъ, самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Нѣкоторыя изъ нихъ прибавляли:

— Союзъ съ Франціею сдѣлалъ Россію могущественною: раньше достаточно было Бисмарку пригрозить призракомъ войны, и въ Россіи курсъ падалъ, начиналась паника...

Всѣ эти разговоры, въ которыхъ мнѣ даже не всегда приходилось принимать активное участіе, слишкомъ отзывались французскою фанфаронадою, но они до извѣстной степени указывали на извѣстную, обыкновенно, скрытую сторону въ отношеніяхъ къ намъ французскаго общества.

Въ литературныхъ кружкахъ, на ряду съ недовольствомъ по поводу безвозмезднаго пользованія произведеніями «французскаго генія», подчасъ приходилось слышать и сожалѣнія, что судьба и недостатки современнаго строя раздѣлили двѣ великія націи, французовъ и нѣмцевъ... При этомъ нѣкоторые прибавляли съ ироніею: «зато она же (судьба) соединила несоединимое...» Но что, повидимому, болѣе всего раздражаетъ нѣкоторую часть французскаго общества, это та второстепенная роль, которую, по общему мнѣнію, играетъ теперь Франція.

— Мы не имѣемъ ни своего желанія, ни мнѣнія и должны прислушиваться къ тому, что рѣшаютъ въ Петербургѣ... Это унизительно! Событія на востокѣ и «вынужденное къ нимъ равнодушіе Франціи», въ которомъ, по общему мнѣнію, виновата Россія, еще болѣе подкрѣпляютъ это скрытое недовольство.

Мнѣ пришлось опять говорить съ вышеупомянутымъ профессоромъ. На этотъ разъ онъ былъ чѣмъ-то разсерженъ и взволнованъ.

— Знаете,—сказалъ онъ,—Франція въ угоду Россіи играетъ слишкомъ недостойную ея роль... Эта Турція, это... Впрочемъ, я даже и говорить не хочу...—оборвалъ онъ и снова заговорилъ объ устройствѣ одной интересовавшей насъ обоихъ лабораторіи. Но потомъ, вмѣсто отвѣта на мой вопросъ, котораго, занятый своими мыслями, онъ, повидимому, даже не слышалъ, профессоръ сказалъ, очевидно, продолжая прерванную нить своихъ размышленій:

— И вѣдь, замѣтьте, во всемъ этомъ для Франціи нѣтъ, какъ я понимаю, ни малѣйшей выгоды; напротивъ, все это отвлекаетъ ее отъ болѣе для нея существеннаго, отъ Египта...

— Странно, — замѣтилъ я,—вы говорите, что Франція не извлекаетъ ни малѣйшей выгоды изъ союза съ Россіей, даже, судя по вашимъ словамъ, она теряетъ, и это не одно только ваше личное мнѣніе...

— Конечно, конечно, такъ думаютъ очень многіе здравомыслящіе французы...

— Тѣмъ болѣе. Стало быть, по вашему мнѣнію, союзъ этотъ непроченъ?

— Ну нѣтъ, я этого не скажу.

— Такъ какъ же?

Этотъ вопросъ, видимо ставившій его въ затруднительное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ заставилъ его успокоиться. Помолчавъ немного, онъ сталъ говорить что-то относительно политическаго равновѣсія, но, очевидно, самъ чувствовалъ, что послѣ того, что было имъ говорено раньше, эта аргументація слаба.

— А, впрочемъ, знаете, — сказалъ онъ онъ послѣ нѣкотораго неловкаго молчанія,—если ужъ на то пошло, то, говоря правду, дѣло вовсе не въ томъ... Ваше счастье, что существуетъ нѣмцы: только благодаря Германіи, гегемонія понемногу начинаетъ переходить въ руки Россіи. Вы не понимаете этого парадокса? Только благодаря нѣмцамъ, которыхъ мы, что ни говори, боимся больше огня, больше самой смерти, существуетъ столь противоестественный союзъ, союзъ высшей культуры съ... вы меня извините... съ полуварварствомъ, союзъ... Представьте себѣ, вѣдь я чуть не сказалъ: союзъ духа съ грубою силой! Это была бы величайшая нелѣпость такъ какъ у насъ-то и нѣтъ духа. Мы имѣемъ, говорятъ, прекрасную армію (я не военный и судить не берусь), превосходный флотъ, отличныя крѣпости, оружіе и т. д., но духу-то, духу у насъ и нѣтъ! Вотъ почему мы дорожимъ Россіей и... почему не сказать правды,—заискиваемъ передъ нею; своею помощью она должна придать намъ увѣренность въ возможность борьбы съ Германіей, вернетъ намъ нашу всѣмъ извѣстную смѣлость.

Странно было слышать подобныя рѣчи изъ устъ француза. Конечно, въ нихъ не было ничего новаго, но самый тонъ грубоватой откровенности и несвойственное французамъ признаніе въ отсутствіи той самоувѣренности, отъ которой не могла отучить ихъ даже исторія, невольно обращали на себя вниманіе. Слушая этого серьезнаго ученаго, съ жаромъ разсуждающаго о мало интересующей его политикѣ и съ грустью сознающагося въ малодушіи своихъ соотечественниковъ, мнѣ невольно вспомнилось то восхищеніе французскою арміею, по поводу маневровъ 1895 года, которое высказывалъ Драгомировъ передъ репортеромъ газеты «Figaro».

Само собою понятно, что отзывъ столь компететнаго въ военномъ дѣлѣ лица долженъ имѣть первенствующее значеніе. Но въ словахъ нашего генерала есть нѣкоторыя особенности, заставляющія думать, что высказываемыя имъ о французахъ мнѣнія проникнуты большимъ оптимизмомъ. Можно сколько угодно восхищаться прекрасною выправкою и выносливостью солдата, техническимъ совершенствомъ снаряженія арміи, превосходною ея организаціею, удачнымъ комбинированіемъ силъ и т. п., но дѣлать какія-либо заключенія о духѣ арміи, на основаніи впечатлѣній о маневрахъ—это, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Генералу Драгомірову извѣстна, конечно, лучше, чѣмъ кому бы то ни было разница между маневрами и дѣйствительною войною, точно такъ же, какъ и то различіе въ степени подъема духа, который нуженъ для перенесенія усталости и разныхъ невзгодъ,—на войнѣ и во время маневровъ. Если на послѣднихъ достаточно интеллигентному французскому солдату знать, что на него смотритъ знаменитый русскій генералъ, чтобы легко перенести четырнадцатичасовой переходъ и козыремъ пройтись мимо иностранныхъ гостей, то на войнѣ, гдѣ слава пріобрѣтается не такъ легко и гдѣ идти приходится не подъ хлопанье холостыхъ зарядовъ, а при несносномъ жужжаніи непріятельскихъ пуль и зловѣщемъ свистѣ осколковъ гранатъ, — для подъема духа нужно кое-что другое... Нашему знаменитому генералу, конечно, нельзя было не сказать нѣ-

сколько комплиментовъ по адресу арміи дружественной націи, но дѣйствительно ли онъ такъ думаетъ, въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Повторяя очень часто о присутствіи у французовъ «сердца» и на этомъ основывая предположенія о будущихъ успѣхахъ французскаго оружія, нашъ генералъ, очевидно, подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ подъемъ духа. Легко сказать: «когда есть сердце, то можно сѣсть верхомъ на собаку... и все-таки достигнуть цѣли». Эта фраза, если и не красива, то, во всякомъ случаѣ, оригинальна, но, понятно, ей нельзя придавать серьезнаго значенія. Никто лучше генерала Драгомірова не знаетъ всей важности въ военномъ дѣлѣ духовнаго подъема, но въ послѣднія сорокъ лѣтъ французы стали совсѣмъ иными и говорить о ихъ духовномъ уровнѣ, на основаніи прежней славы, а тѣмъ болѣе по показнымъ маневрамъ, положительно рискованно. Согласитесь, что народъ, въ которомъ возможны случаи такого упадка духа, такой трусости, что большой городъ Нанси сдается *четыремъ* (!) прусскимъ гусарамъ *), не можетъ внушать большого къ себѣ довѣрія. А вѣдь съ тѣхъ поръ французамъ не пришлось еще чѣмъ-либо доказать возрожденіе въ нихъ прежняго духа... и, во всякомъ случаѣ, о подобномъ возрожденіи приходится судить не на основаніи мимолетныхъ впечатлѣній оффиціальныхъ гостей Франціи. Съ этой точки зрѣнія можно придавать большую цѣнность мнѣнію лица, знающаго французовъ десятки лѣтъ, постоянно живущаго среди нихъ и знакомаго съ французскою арміею не по одной только, такъ сказать, наслышкѣ. Авторъ только что упомянутой книги, довольно извѣстный литераторъ и публицистъ **), который во время франко-прусской кампаніи былъ организаторомъ и предводителемъ французскихъ гверильясовъ, оказавшій значительныя услуги арміи, смотритъ гораздо болѣе пессимистически на будущую войну, если только она когда-либо будетъ.

— Я самъ,—говорилъ онъ,—началъ съ простого солдата и потому имѣю право сказать, что знаю французскую армію сверху до низу. Но я скажу, что если наступятъ событія (événements), и французы вначалѣ потерпятъ одно, два пораженія,—они совсѣмъ потеряютъ голову. Тогда съ ними повторится то же, что было въ 70 году. Страхъ французовъ передъ нѣмцами въ теченіе этихъ двадцати шести лѣтъ нисколько не ослабъ, но онъ превратился въ чувство, подобное тому, какое мы испытываемъ передъ стихіями: мы сознаемъ ихъ могущество, хотя не боимся; но достаточно намъ увидѣть эти грозныя силы въ дѣйствіи, чтобы нами овладѣло чувство безпомощности и ужаса передъ непреодолимымъ. Французскій солдатъ хорошъ только, когда ему сопутствуетъ успѣхъ,—тогда съ нимъ можно легко побѣждать. Но нѣмцы, силу которыхъ французы даже преувеличиваютъ, представляютъ для нихъ врага, котораго они всею душею ненавидятъ и готовы бы, подобно слабой женщинѣ, броситься, чтобы выцарапать ему глаза, но побѣдить едва ли надѣются...

— Шовинистовъ у насъ много,—говорилъ мнѣ другой французскій литераторъ, съ которымъ мы ѣхали изъ Парижа въ Берлинъ, гдѣ онъ подолгу проживаетъ,—но увѣряю васъ, что сдѣлай намъ германскій императоръ авансы, которые были бы одобрены его народомъ и, повѣрьте, въ Парижѣ его встрѣтили бы едва ли хуже, чѣмъ русскаго царя.

— Сторонники реванша!—Да, есть такіе, но насколько они искренни, позволительно сомнѣваться. Среди нихъ, насколько мнѣ извѣстно (я говорю только о литературномъ мірѣ), не мало семитовъ, а это элементъ, храбростью не отличающійся. Не вѣрю я въ ихъ искренность. Конечно, между реваншистами есть

---

*) «Une page d'histoire campagnes de 1870—1871 et 18...» par A. L. Wolowski, deuxième édition, Paris, 1893, p. 4.

**) Онъ много лѣтъ завѣдывалъ дѣлами «l'Echo de France» и «Messager d'Occident» и былъ редакторомъ-издателемъ «La Volonté Nationale».

не мало горячихъ головъ изъ молодежи, не нюхавшей пороху, которые не дают себѣ отчета въ томъ, о чемъ кричатъ, но бо́льшая часть это трусы, старающіеся крикомъ заглушить свой страхъ... Эти господа напоминаютъ мужа, находящагося подъ башмакомъ своей жены, когда его кто-нибудь подзадоритъ. «Я ей покажу, я ей покажу, кто изъ насъ господинъ!»—кричитъ онъ. И, не давая остынуть этой искусственной смѣлости, бѣжитъ къ женѣ, кричитъ, топаетъ ногами, а самъ боится даже взглянуть своей страшной половинѣ въ глаза, такъ какъ знаетъ по опыту, что тогда все пропало. Вотъ вамъ наши реваншисты.

— Стало быть, вы полагаете, что искреннихъ поборниковъ идеи реванша во Франціи нѣтъ?

— Я не беру на себя смѣлости утверждать это, но сомнѣваюсь, чтобы реваншъ, какъ идея, могъ приниматься въ соображеніе при обсужденіи политическихъ вопросовъ. Другое дѣло, реваншъ, какъ слово... О! оно у насъ очень популярно, но его употребляютъ лишь, какъ пугало для нѣмцевъ, которые, къ нашему счастью, кажется, точно также преувеличиваютъ и наши силы.

Таковы мои прошлогоднія впечатлѣнія относительно настроенія французскаго общества. Послѣдующія событія, выразившіяся въ громкой трагикомедіи, именуемой судебнымъ процессомъ Золя, и другими отголосками «дѣла Дрейфуса», вполнѣ доказали неслучайность моихъ наблюденій. Комментаріевъ они не требуютъ.

Я предпочелъ бы, конечно, чтобы мое предположеніе, вынесенное изъ путевыхъ впечатлѣній и чтенія, оказалось бы ошибочнымъ. Французы и трусость! Какъ это звучитъ странно! Но tempora mutantur et nos mutamur in illis...

В. Битнеръ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Путешествіе Свенъ Хедина.

(Географическій очеркъ).

Четыре года тому назадъ молодой шведскій путешественникъ Свенъ Хединъ отправился въ Среднюю Азію, чтобы изслѣдовать Памирскія озера и нѣкоторые изъ горныхъ хребтовъ, образующихъ нагорье Памира. Эта высокая нагорная область, лежащая у верховьевъ Аму-Дарьи и составляющая какъ бы узелъ величайшихъ горныхъ системъ Азіи, Тянь-Шаня, Гиндукуша, Каракорума, Куэнь-Луня и Гималаевъ, давно уже привлекала вниманіе путешественниковъ, а за послѣдніе годы пріобрѣла даже политическое значеніе, вслѣдствіе того, что она преграждаетъ путь въ Индію съ сѣвера и является такимъ пунктомъ, гдѣ сталкиваются интересы Россіи и Англіи. Народился даже спеціальный «памирскій вопросъ», вызвавшій цѣлую дипломатическую переписку и довольно ожесточенную полемику, но послѣ продолжительныхъ переговоровъ вопросъ этотъ разрѣшился англо-русскимъ соглашеніемъ, установившимъ границы сферъ вліянія Россіи и Англіи въ области Памира.

Но для ученыхъ и путешественниковъ Памиръ, именуемый «крышей міра», представляетъ совершенно особый интересъ, не имѣющій ничего общаго съ политикой. Эта громадная пустынная и все еще недостаточно изслѣдованная горная область хранитъ въ себѣ остатки древнихъ цивилизацій и, несмотря на свой суровый климатъ и скудную растительность, можетъ представить большую поживу и для естествоиспытателя, такъ какъ животный міръ на Памирѣ достаточно богатъ и разнообразенъ. Въ силу этого, несмотря на трудность странствованія по песчаной пустынѣ, лишенной на большихъ разстояніяхъ воды и растительности, на всевозможныя лишенія, холодъ и зной, на неприступныя скалы, мрачныя ущелья и ледники, Памиръ все-таки часто служилъ цѣлью научныхъ экскурсій. Первый европейскій путешественникъ, прошедшій черезъ Памиръ, былъ знаменитый Марко Поло, доставившій много любопытныхъ свѣдѣній объ этой доселѣ неизвѣстной странѣ. За нимъ послѣдовали другія, но когда Памиръ обратилъ на себя вниманіе политическаго міра, то экспедиціи туда участились и въ послѣдніе годы очень много сдѣлано какъ русскими, такъ и англичанами въ дѣлѣ изученія Памира. Кромѣ научныхъ экспедицій, производились и военныя развѣдки, результатомъ которыхъ явилось учрежденіе русскаго военнаго поста на Памирѣ (Памирскій постъ), гдѣ круглый годъ теперь содержится военный гарнизонъ.

Всѣ эти экспедиціи только увеличивали интересъ къ этой области. Разсказы о городахъ, погребенныхъ въ пескѣ, о найденныхъ тамъ буддійскихъ манускриптахъ, образцахъ буддійскаго искусства, древнихъ монетахъ и т. п. возбуждали любопытство ученыхъ. Не было сомнѣнія, что тамъ въ этой пустынной области, обиталъ нѣкогда арійскій народъ, говорившій на языкѣ родственномъ индусскомъ нарѣчіямъ. Это обстоятельство также можетъ служить объясненіемъ того, что

Марко Поло могъ безъ особенныхъ затрудненій пройти эту область, такъ какъ она не была тогда такъ пустынна и необитаема какъ теперь, а за два или за три столѣтія до него, ее проходили китайскіе путешественники. Кромѣ того эта область могла заинтересовать ученыхъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Движеніе песковъ, измѣняющееся ложе рѣкъ и озеръ, положеніе ледниковъ, указывающее, что климатъ этой мѣстности измѣнился въ сравнительно недавнее время,— все это интересовало ученыхъ не менѣе, чѣмъ древніе города, засыпанные пескомъ. Зоологовъ же занималъ вопросъ о дикихъ верблюдахъ, стада которыхъ водятся на Памирѣ, и о переселеніи птицъ, проводящихъ весну и лѣто въ Сибири и на зиму отправляющихся въ Индію, перелетая, слѣдовательно, высочайшее плоскогорье и Гималаи. Этотъ вопросъ заинтересовалъ, между прочимъ, и нашего русскаго путешественника Пржевальскаго, который писалъ о немъ въ своихъ трудахъ.

Каждому изъ путешественниковъ, изслѣдовавшихъ эту область, приходилось преодолѣвать громадныя затрудненія и подвергать зачастую опасности свою жизнь. Отчетъ молодого шведскаго географа Свенъ Хедина о его путешествіе по центральной Азіи указываетъ, съ какими громадными препятствіями приходится бороться изслѣдователю этихъ негостепріимныхъ странъ. Вернувшись въ прошломъ году, осенью, изъ своего путешествія, Свенъ Хединъ прочелъ докладъ въ Лондонскомъ географическомъ обществѣ *) и изложилъ вкратцѣ результаты своей ученой экспедиціи, которую онъ предпринялъ съ цѣлью изслѣдованія памирской области и горныхъ массивовъ, входящихъ въ ея составъ.

Свенъ Хединъ покинулъ Маргеланъ въ февралѣ 1894 года, во главѣ каравана, состоящаго изъ 12-ти лошадей и четырехъ провожатыхъ. Проводникомъ у него былъ киргизъ, хорошо знакомый съ горными тропинками, по которымъ имъ приходилось пробираться на краю отвѣсныхъ скалъ, покрытыхъ снѣгомъ; чѣмъ дальше, тѣмъ дорога становилась круче.

Съ неимовѣрными затрудненіями, потерявъ одну лошадь, которая поскользнулась и свалилась въ пропасть, караванъ Свенъ Хедина достигъ гребня Алайскаго хребта и прохода Тенгисъ-бай, лежащаго на высотѣ 12.600 футъ. и покрытаго глубокимъ снѣгомъ. Проходъ этотъ составляетъ границу между округами Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Полюбовавшись чуднымъ видомъ на окрестныя горы, который открывался съ этой высоты, Свенъ Хединъ отправился дальше. Спускъ былъ крутой и путешественники каждую минуту наталкивались на слѣды лавинъ; наканунѣ обрушилась громадная снѣжная лавина и киргизъ проводникъ, указывая на нее Свенъ Хедину, прибавилъ что они счастливо избѣгли своей участи, запоздавъ на одинъ день. Не одинъ киргизъ нашелъ безвѣстную могилу въ этомъ проходѣ!

Главную опасность путешествія въ Памирѣ зимой представляютъ снѣжные бураны. Они свирѣпствуютъ тамъ съ страшною силой, и если какъ-нибудь караванъ будетъ застигнутъ бураномъ въ пути, — единственное спасеніе держаться всѣмъ плотно вмѣстѣ, такъ какъ стоитъ только отойти на шагъ и все исчезаетъ изъ глазъ. Въ шумѣ бури нельзя разслышать ни человѣческихъ голосовъ, ни даже выстрѣловъ и отставшій путешественникъ неминуемо погибаетъ. Только благодаря соблюденію этой предосторожности ни одинъ человѣкъ изъ каравана Свенъ Хедина не погибъ во время бурана.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Свенъ Хединъ перешелъ китайскую границу. Еще раньше слухъ о его экспедиціи достигъ китайскаго пограничнаго поста Булунь-Куль у прохода Чагатай и возбудилъ тревогу китайскихъ властей. Раньше приближенія путешественниковъ прошли слухи, что ихъ сопровождаютъ 60 русскихъ казаковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, и поэтому, когда Свенъ Хединъ

*) Подробный отчетъ о его докладѣ помѣщенъ въ «The Geographical Journal» 1898 г., мартъ—апрѣль.

приблизился къ китайскому посту, то его остановили и ему пришлось-таки не мало повозиться съ китайцами. На ночь къ его палаткѣ была приставлена китайская стража и китайцы заставили его вскрыть всѣ тюки и ящики съ провизіей, опасаясь, что въ нихъ онъ прячетъ русскихъ солдатъ, намѣревающихся пробраться черезъ границу. Киргизамъ было запрещено доставлять ему какіе бы то ни было припасы и только послѣ долгой проволочки ему удалось, наконецъ, добиться разрѣшенія «посѣтить гору Мустагъ-Ата». Съ этою горой у памирскихъ киргизовъ связано много легендъ. Мустагъ-Ата *)—священная гора, иначе именуемая «могилою святыхъ» (Masar), такъ какъ на ней погребено 72 святыхъ и въ томъ числѣ Моисей и Али и построенъ городъ Янайдаръ, жители котораго пользуются всѣми благами жизни. Тамъ царствуетъ вѣчная весна, деревья цвѣтутъ постоянно и приносятъ плоды и женщины красивы и никогда не старѣются. По словамъ киргизовъ, взобраться на эту гору невозможно и дерзновенный смѣльчакъ, нарушившій это священное убѣжище, неминуемо долженъ погибнуть.

Мустагъ-Ата принадлежитъ къ высочайшимъ горамъ на свѣтѣ (25.590 фут.) и представляетъ достойное продолженіе гигантскихъ хребтовъ Гималая, Куэнь-Луя, Каракорума и Гиндукуша, встрѣчающихся здѣсь на этой крышѣ міра, и самое названіе Мустагъ-Ата, что значитъ: «отецъ льдовъ», указываетъ на ея грандіозный характеръ. Конечно, восхожденіе на эту гору сопряжено было съ немалыми затрудненіями, но смѣлый путешественникъ былъ сторицею вознагражденъ за это массою наблюденій, которыя онъ произвелъ надъ ледниками и строеніемъ горы, состоящей почти исключительно изъ гнейса и кристаллическаго сланца. Ледники Мустагъ-Аты лѣтомъ имѣютъ поступательное движеніе, но зимою движеніе это почти совершенно прекращается и они какъ бы отступаютъ назадъ, вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ времени отъ нихъ отдѣляются частицы и ледники точно укорачиваются.

Вернувшись изъ этой горной экскурсіи и проведя зиму въ Кашгарѣ, Свенъ Хединъ снова отправился въ путь въ февралѣ 1895 года, намѣреваясь пересѣчь Такламаканскую пустыню и достигнуть Котанъ-Дарьи. Предполагая разстояніе это не болѣе, какъ въ 200 миль, Свенъ Хединъ разсчитывалъ найти у подошвы Мазаръ-Тага—хребта, который видѣли Пржевальскій и Карей—воду и растительность и даже, быть можетъ, слѣды древней цивилизаціи. Такъ какъ Свенъ Хединъ намѣревался прослѣдовать оттуда въ Тибетъ, то онъ захватилъ съ собою много вещей, большіе запасы провизіи, зимнюю одежду, палатки, оружіе и т. п., такъ что восемь прекрасныхъ верблюдовъ, составлявшихъ его караванъ, были очень тяжело нагружены, когда онъ тронулся въ путь на далекій и неизвѣстный востокъ.

Свенъ Хедина сопровождали четыре человѣка, изъ нихъ одинъ, по имени Касимъ, хорошо былъ знакомъ съ пустыней, по которой онъ часто странствовалъ, надѣясь найти золото, такъ какъ онъ твердо вѣрилъ, подобно многимъ изъ живущихъ на краю пустыни племенамъ, что въ пескахъ погребено много сокровищъ. Одно мѣсто этой пустыни даже такъ и называется «Декке-Декка», такъ какъ существуетъ повѣрье, что тамъ погребены въ пескахъ 1.001 городъ. Свенъ Хедину разсказывали про одного человѣка, который набрелъ случайно на такой городъ и нашелъ тамъ въ домахъ цѣлыя груды китайскихъ серебряныхъ монетъ. Захвативъ столько, сколько могъ унести съ собой, этотъ человѣкъ собирался уже въ обратный путь, какъ вдругъ на него напала цѣлая стая ди-

*) Въ 1890 г. былъ на вершинахъ этой горы русскій геологъ, извѣстный путешественникъ К. И. Богдановичъ, описавшій ея ледники. См. «Отчетъ объ экспедиціи полковника Пѣвцова».

ихъ кошекъ и онъ вынужденъ былъ бросить свою драгоцѣнную ношу и спасаться бѣгствомъ. Впослѣдствіи онъ уже никогда больше не могъ найти то мѣсто, гдѣ находилось сокровище. Въ другомъ такомъ городѣ въ домахъ была найдены трупы людей въ такомъ положеніи, какъ будто смерть застигла ихъ внезапно среди ихъ обычныхъ повседневныхъ занятій.

Разумѣется, такіе разсказы необыкновенно подстрекали любопытство молодого путешественника, нисколько не страшившагося опасностей, которыя его ожидали въ песчаной безводной степи. Въ началѣ все шло хорошо и путешественники ежедневно добывали воду, выкапывая колодезь, и хотя вода эта была солоноватая, но все же она была достаточно хороша для верблюдовъ, которые пили ее охотно. Наконецъ, они достигли подножія какихъ-то горъ, которыя, по мнѣнію Свенъ Хедина, должны были быть продолженіемъ Мазаръ-Тага. Тутъ они остановились на отдыхъ у двухъ красивыхъ маленькихъ озеръ, на берегахъ которыхъ расли тополи, тамариски и такъ называемый «Lasiagrostis splendeus». Спустя нѣсколько дней, когда они странствовали по песчаной пустынѣ, путешественники не разъ вспоминали объ этомъ мѣстѣ, какъ о земномъ раѣ.

Переходъ черезъ песчаную безводную степь оказался очень тяжелымъ. Запаса воды было взято мало, всего на четыре дня, но Касимъ утѣшалъ своихъ спутниковъ, говоря, что черезъ четыре дня они непремѣнно должны достигнуть такого мѣста, гдѣ есть вода, и такъ какъ это показаніе нисколько не противорѣчило имѣющимся у Свенъ Хедина картамъ, то онъ и положился на него.

Пустыня, по которой проходили путешественники, напоминала своимъ внѣшнимъ видомъ окаменѣлое море съ гигантскими волнами. Ничего, кромѣ песка. Песчаныя дюны, достигавшія порою высоты въ 150 фут., тянулись на необозримомъ пространствѣ. Нигдѣ не видно было и признака жизни и даже не было слышно жужжанія мухи, ни одинъ упавшій желтый листъ не нарушалъ однообразія пейзажа.

Но воды становилось все меньше и меньше. 26-го апрѣля путешественники покинули въ степи двухъ умирающихъ верблюдовъ, предоставивъ ихъ собственной судьбѣ. Никакія, однако, старанія найти воду не увѣнчались успѣхомъ. «Еслибъ мы могли предвидѣть, что случится, мы вернулись бы къ маленькимъ озерамъ», говоритъ Свенъ-Хединъ,—но въ то время ни онъ, ни его спутники не думали объ этомъ.

Однако, недостатокъ воды давалъ себя чувствовать и снова было приступлено къ рытью колодца, но тщетно. На глубинѣ одного ярда показалась сырая земля и надежды воскресли, но скоро наступило разочарованіе, сырость исчезла и появился снова песокъ. Но путешественники продолжали рыть землю, и всѣ животныя, даже куры, словно понимая важность этого момента, толпились у колодца, который все углублялся. Однако, вода не показывалась въ немъ и въ концѣ концовъ пришлось прекратить работу.

Изнеможенные путешественники опять отправились въ путь. Песокъ не уменьшался, и куда бы ни обращались взоры, всюду виднѣлись только однѣ нескончаемыя песчаныя дюны. Воды оставалось очень мало и животныя не получали уже ни одной капли. 27-го апрѣля на западномъ горизонтѣ показались тучи, въ душѣ Свенъ Хедина снова воскресла надежда, что пойдетъ дождь, и онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно собиранія дождевой воды. Но тучи пронеслись мимо и не выпало ни одной капли дождя. Къ довершенію несчастія, началась песчаная буря. Громадное песчаное облако заволокло путешественниковъ и скрыло отъ нихъ дневной свѣтъ. Воздухъ былъ наполненъ мельчайшимъ пескомъ и казался оранжево-желтаго цвѣта. Идти было трудно

и путешественники прижались другъ къ другу, чтобы не отставать и не потеряться въ этой ужасной пустынѣ. Страшный шумъ бури заглушалъ всѣ другіе звуки, въ двухъ шагахъ ничего не было слышно. Выбившись изъ силъ, путешественники должны были бросить большую часть своихъ запасовъ въ пустыни; воды же у нихъ оставалось только двѣ кварты, да и тѣ были украдены на другое утро. Приближался конецъ. На слѣдующія сутки (1-го мая) жажда такъ мучила путешественниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ попробовали выпить прогорклаго масла, служившаго пищей верблюдамъ, а Свенъ Хединъ выпилъ нѣсколько глотковъ китайской водки, которая раньше употреблялась для лампы. Водка эта парализовала его члены, такъ что онъ съ трудомъ могъ двигаться и плелся далеко позади каравана, едва передвигая ноги, готовый каждую минуту свалиться на раскаленный песокъ, освѣщаемый палящими лучами солнца. Онъ уже не слыхалъ колокольчиковъ верблюдовъ и тащился по слѣдамъ каравана, виднѣвшимся на пескѣ.

Протащившись такъ три мили, Свенъ-Хединъ, наконецъ, настигъ свой караванъ, но нашелъ всѣхъ лежащими навзничь на пескѣ: одни лежали неподвижно, другіе—съ воплями призывали Аллаха. Даже верблюды лежали на пескѣ, вытянувъ головы и въ полномъ изнеможеніи. Собравъ послѣднія силы, Свенъ Хединъ и его товарищи кое-какъ поставили палатку и, стащивъ съ себя платье, улеглись на песокъ, подъ тѣнью палатки, и такъ пролежали цѣлый день. Въ пустынѣ царило полное безмолвіе, нарушаемое только громкимъ сопѣніемъ верблюдовъ. Въ отчаяніи путешественники убили послѣднюю овцу, чтобы напиться ея крови, но кровь оказалась такою густой и тошнотворной, что никто не могъ сдѣлать ни одного глотка. Нѣкоторые изъ спутниковъ Свенъ Хединa, измученные жаждой, впрочемъ, стали употреблять питье еще худшаго качества, доставляемое имъ верблюдами, смѣшивая его съ уксусомъ и сахаромъ, и, по мнѣнію Свенъ Хединa, это питье ускорило гибель нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Когда солнце сѣло и наступила прохлада, Свенъ Хединъ почувствовалъ, что къ нему возвращаются силы. Оставивъ всѣ вещи въ палаткѣ, за исключеніемъ своихъ замѣтокъ, инструментовъ и денегъ, Свенъ Хединъ взобрался на верблюда и отправился далѣе, въ сопровожденіи двухъ людей, Ислама и Касима, и четырехъ верблюдовъ. Скоро, однако, наступила такая темнота, что пришлось подвигаться чуть не ощупью. На каждомъ шагу песчаныя дюны преграждали путь и тогда Свенъ Хединъ слѣзъ съ верблюда и пошелъ впередъ съ фонаремъ, чтобы поискать дорогу. Исламъ скоро не въ состояніи былъ слѣдовать за нимъ. Онъ легъ на песокъ, рядомъ съ верблюдомъ, а Свенъ Хединъ поставилъ возлѣ него зажженный фонарь и всѣ остальныя вещи и сказалъ ему, чтобъ онъ тотчасъ же отправлялся по ихъ слѣдамъ, какъ только почувствуетъ себя въ силахъ. Сдѣлавъ это, онъ пошелъ далѣе въ сопровожденіи Касима.

Тьма была глубокая и слабый свѣтъ фонаря, оставленнаго возлѣ Ислама, скоро пропалъ, скрытый дюнами. Путники съ трудомъ подвигались впередъ. Свенъ Хединъ взялъ съ собою только два хронометра, часы, компасъ, листъ бумаги и перо, немножко шоколада и жестянку консервовъ съ омарами; Касимъ же несъ заступъ для копанія колодца, два куска хлѣба, жирный кусокъ убитой овцы и кусочекъ свернувшейся крови. Но путешественники не могли ничего ѣсть и даже не ощущали голода, вслѣдствіе сильной жажды. Слизистая оболочка рта и горла высохла и сдѣлалась тверда, точно наружная кожа, глотать было невозможно. Свенъ Хединъ говоритъ, что въ первые дни ощущеніе жажды было особенно мучительно и доводило почти до безумія, но когда прекратилось потѣніе кожи, чувство это нѣсколько уменьшилось, зато появилась общая слабость, которая постепенно усиливалась и доводила до полнаго истощенія.

Но Свенъ Хединъ упорно боролся съ этою слабостью и всю ночь пропуте-

шествовалъ вмѣстѣ съ Касимомъ, хотя и съ многочисленными перерывами. Къ одиннадцати часамъ утра стало нестерпимо жарко, у нихъ потемнѣло въ глазахъ, и они должны были остановиться. Раздѣвшись догола, они зарылись въ песокъ и, воткнувъ заступъ въ землю, развѣсили на немъ свою одежду, чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя отъ безжалостнаго солнца. Къ шести часамъ вечера стало прохладнѣе и тогда несчастные путешественники снова возобновили свое странствованіе въ песчаной пустынѣ, казавшейся имъ безконечной. Куда бы ни обращались ихъ взоры, всюду передъ ними разстилался желтый песчаный океанъ и ничего больше. Утромъ 3-го мая, на второй день странствованія, Касимъ вдругъ остановился и, тронувъ Свенъ-Хедина за плечо, указалъ ему на востокъ. Сколько ни смотрѣлъ Свенъ Хединъ туда, куда указывалъ ему Касимъ, онъ ничего разглядѣть не могъ, но орлиный взоръ сына пустыни различилъ вдали зелень тамариска. Тамъ было спасеніе и туда поспѣшили путешественники, напрягая всѣ свои оставшіяся силы. Нечего и говорить, съ какимъ наслажденіемъ они стали обсасывать, точно верблюды, сочныя иглы тамариска, какъ только добрались до него. Отдохнувъ подъ тѣнью другого тамариска до семи часовъ вечера, они отправились дальше и къ ночи добрались до группы изъ трехъ тополей, зелень которыхъ была совсѣмъ свѣжая. Они начали-было рыть тутъ колодезь, но у нихъ не хватило силъ продолжать работу, и они развели огонь, чтобы Исламъ, если только онъ живъ, увидалъ, гдѣ они находятся. На слѣдующій день, однако, они снова увидали передъ собою огромное пространство безплодной песчаной пустыни. Это привело ихъ въ отчаяніе и, когда миновала дневная жара и Свенъ Хединъ снова собрался въ путь, Касимъ объявилъ, что не въ состояніи идти съ нимъ. Свенъ Хединъ пошелъ одинъ, но, добравшись до тамариска, свалился около него въ полномъ изнеможеніи. Спустя нѣсколько часовъ, къ нему присоединился Касимъ, кое-какъ дотащившійся до этого мѣста и дальше они пошли уже вмѣстѣ. Силы ихъ постепенно убывали и 5-го мая они уже едва передвигали ноги. Но вдругъ на горизонтѣ показалась темная линія: это былъ лѣсистый берегъ Котанъ-Дарьи! Надежда снова воскресла въ душѣ путешественниковъ; рѣка была не далеко, но добраться до нея они были не въ силахъ, тѣмъ болѣе днемъ, во время жары. Они достигли все-таки деревьевъ и улеглись въ тѣни одного изъ нихъ. Въ семь часовъ вечера Свенъ Хединъ принудилъ себя встать на ноги и, взявъ вмѣсто посоха рукоятку заступа, отправился черезъ лѣсъ къ рѣкѣ. Касимъ лежалъ на спинѣ, безъ всякаго движенія, съ широко открытыми глазами и открытымъ ртомъ, и ничего не отвѣчалъ Свенъ Хедину, когда тотъ позвалъ его съ собой.

Свенъ Хединъ пошелъ одинъ; пробираясь мѣстами на четверенькахъ, онъ достигъ, наконецъ, края лѣса и тутъ передъ нимъ внезапно открылась широкая равнина, освѣщенная свѣтомъ луны. Онъ понялъ тотчасъ же, что это было высохшее ложе рѣки. Тогда онъ рѣшилъ пробраться на другой берегъ, поросшій тростникомъ и деревьями, которыя чуть виднѣлись въ темнотѣ. Съ большими затрудненіями удалось ему привести свое намѣреніе въ исполненіе, — онъ потратилъ пять часовъ на то, чтобы пройти меньше двухъ миль. Вдругъ онъ почувствовалъ свѣжесть въ воздухѣ и увидалъ у своихъ ногъ маленькую лужицу чистой, прозрачной воды, оставшейся въ глубокой части рѣчного ложа.

Каждому понятно, что ощутилъ несчастный путешественникъ, когда увидѣлъ эту воду. Удовлетворивъ жажду, онъ вспомнилъ о своемъ умирающемъ товарищѣ и, наполнивъ свои сапоги водой до самыхъ краевъ, онъ повѣсилъ ихъ на палку заступа и пошелъ къ Касиму. Помощь подоспѣла во время, Касимъ былъ спасенъ, но онъ былъ такъ слабъ, что не могъ двигаться и Свенъ Хединъ пошелъ одинъ по ложу высохшей рѣки. Пространствовавъ три ночи и два дня

и питаясь въ это время травой и головастиками, Свенъ Хединъ встрѣтилъ, наконецъ, 8-го мая пастуховъ и всѣ его мученія кончились.

Вѣрный Исламъ, котораго Свенъ Хединъ оставилъ въ пустынѣ, также кое-какъ дотащился до ложа рѣки и даже привелъ съ собою послѣдняго изъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, къ которому привязалъ тетради Свенъ Хедина, кое-какіе инструменты и мѣшокъ съ китайскимъ серебромъ.

Страшныя испытанія, которыя пришлось перенести Свенъ Хедину въ пустынѣ, не помѣшали ему предпринять въ томъ же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, новое путешествіе по памирскому плоскогорью и Гиндукушу. До декабря онъ прожилъ въ Кашгарѣ, подготовляя свою экспедицію, и затѣмъ отправился по тому самому пути, по которому шестьсотъ лѣтъ тому назадъ проходилъ Марко Поло. Свенъ Хединъ на этотъ разъ взялъ съ собою только четырехъ человѣкъ и трехъ верблюдовъ и съ этимъ маленькимъ караваномъ онъ долженъ былъ перейти пустыню въ самой широкой ея части. На этотъ разъ, проученный опытомъ, онъ взялъ съ собой только самое необходимое, чтобы не бросать потомъ въ пустынѣ, какъ это ему пришлось сдѣлать въ первый разъ. Провизіи было взято только на 50 дней, но путешествіе продлилось $4^1/_2$ мѣсяца. Ни палатки, ни походной постели Свенъ Хединъ съ собою не взялъ и во все время пути онъ спалъ на землѣ, подобно своимъ спутникамъ, закутавшись въ мѣховое одѣяло. По дорогѣ въ Тавекокелъ онъ встрѣтилъ двухъ золотоискателей, которые обѣщали ему показать древній городъ, и дѣйствительно привели его туда. Въ долинахъ, между дюнами, на далекомъ разстояніи виднѣлись дома, выстроенные изъ тополеваго лѣса и имѣвшіе въ вышину не болѣе сажени. Странствующіе пески сильно испортили балки срубовъ, сдѣлавшіяся бѣлыми словно известка, твердыми и хрупкими, какъ стекло. Внутри домовъ стѣны были покрыты штукатуркой, мѣстами еще уцѣлѣвшей и сохранившей художественно исполненную стѣнную живопись; изображающую молящихся женщинъ арійскаго типа, сидящаго въ лотосѣ Будду, красивые орнаменты и т. п. Въ одномъ углубленіи найденъ былъ манускриптъ и нѣсколько гипсовыхъ слитковъ. По многимъ признакамъ Свенъ Хединъ заключилъ, что городъ этотъ буддійскаго происхожденія и что онъ существовалъ раньше арабскаго нашествія въ VIII вѣкѣ.

Во время дальнѣйшаго пути Свенъ Хединъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ географическихъ открытій. Онъ нашелъ, что Керія-Дарья протекаетъ далѣе, до $39^1/_2{}^\circ$ с. ш., между тѣмъ какъ раньше думали, что она скоро теряется въ пустынѣ. Въ Тонкусъ-бастѣ рѣка эта раздѣляется на два ложа, которыя періодически чередуются одно съ другимъ, а въ лѣсахъ, окружающихъ эту рѣку, обитаетъ племя номадовъ, совершенно изолированное отъ всѣхъ, о которомъ даже китайцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Къ западу отъ Тонкусъ-баста, въ пескахъ, Свенъ Хединъ нашелъ развалины еще одного древняго города, представляющаго такія же особенности, какъ и первый, который онъ осматривалъ. Такъ какъ оба города лежали на линіи, параллельной теперешнему теченію Керіи-Дарьи, то Свенъ Хединъ пришелъ къ заключенію, что съ того времени рѣка перемѣстилась къ востоку, подобно Яркандъ-Дарьѣ и Котанъ-Дарьѣ, на передвиженіе которыхъ указываютъ много признаковъ. Въ той области, гдѣ уже Керія-Дарья превращается въ маленькій ручеекъ, извивающійся между дюнами и въ концѣ концовъ теряющійся въ пескахъ, водятся большія стада дикихъ верблюдовъ, спокойствіе которыхъ никѣмъ не нарушается. Верблюды эти питаются тамарисками и лишь изрѣдка спускаются къ рѣкѣ, чтобы напиться. Пастухи въ низовьяхъ Керія-Дарьи увѣряли Свенъ Хедина, что дикіе верблюды совсѣмъ не пьютъ зимой и что ничто не можетъ такъ ихъ напугать, какъ дымъ костровъ: какъ только они почуютъ его, то бросаются бѣжать, не останавливаясь иногда два-три дня. Свенъ Хединъ объяснилъ это обстоятельство атавизмомъ и въ своемъ докладѣ лондонскому географическому обществу указалъ на

него, какъ на доказательство происхожденія дикихъ верблюдовъ отъ домашнихъ. У этихъ потомковъ домашнихъ верблюдовъ сохранилось инстинктивное чувство, заставляющее ихъ бояться дыма, указывающаго на присутствіе человѣка, ихъ врага, рабами котораго нѣкогда были ихъ предки, быть можетъ, двадцать-тридцать поколѣній назадъ, остававшіеся привязанными вблизи костровъ, когда владѣлецъ ихъ разбивалъ палатки и располагался лагеремъ. По словамъ пастуховъ, дикіе верблюды, пойманные молодыми, становятся совершенно ручными уже черезъ нѣсколько дней, что также говоритъ въ пользу того, что ихъ предками были домашнія животныя.

Въ Хотанѣ, куда Свенъ Хединъ добрался къ концу мая, онъ получилъ отъ старшины города большую часть вещей, брошенныхъ имъ въ пустынѣ. Вещи эти были доставлены пастухами и охотниками, нашедшими ихъ во время охоты за лисицами, растащившими провизію, оставленную путешественниками. Между прочимъ, Свенъ Хединъ получилъ назадъ и свой фотографическій аппаратъ, но, къ сожалѣнію, безъ негативовъ, такъ какъ туземцы воспользовались ими и обратили ихъ въ оконныя стекла.

Отдохнувъ немного въ Хотанѣ, Свенъ Хединъ дѣятельно принялся за приготовленіе къ новой трудной экспедиціи въ сѣверный Тибетъ, откуда онъ хотѣлъ добраться до Пекина. Караванъ, во главѣ котораго онъ намѣревался совершить свое путешествіе по Тибету, былъ очень великъ; онъ состоялъ изъ шести верблюдовъ, 21 лошади и 29 ословъ. Изъ этого числа 49 животныхъ погибли въ пути, что одно уже можетъ служить доказательствомъ, съ какими трудностями приходилось бороться путешественникамъ. Когда они достигли такихъ высокихъ областей Тибета, гдѣ совсѣмъ почти не было пастбищъ для скота, ежедневно погибало одно-два животныхъ, трупы которыхъ, не разлагающіеся въ холодной сухой атмосферѣ тибетской возвышенности, но высыхающіе и превращающіеся въ мумію, остались лежать на дорогѣ, представляя какъ бы верстовые столбы, указывающіе на пройденный путь.

Кромѣ вышеназванныхъ животныхъ, караванъ велъ съ собою еще 12 овецъ, представляющихъ странствующіе запасы провизіи, и трехъ сторожевыхъ собакъ, въ числѣ которыхъ находился и любимый песъ Свенъ Хедина, Солдатъ, никого не подпускавшій къ его палаткѣ.

Спутники Свенъ Хедина довольно-таки сильно страдали отъ горной болѣзни, вслѣдствіе разрѣженнаго воздуха. Въ первые дни не было ни одного здороваго человѣка во всемъ каравапѣ, всѣ жаловались на дурноту и головную боль. Свенъ Хедину пришлось даже отпустить нѣкоторыхъ изъ своихъ людей и въ томъ числѣ переводчика китайскаго языка, которые не въ состояніи были идти дальше.

Мѣстность, по которой шелъ караванъ, была пустынна и почти лишена растительности, что совершенно понятно, такъ какъ они находились на высотѣ 16.000 фут. Во время перехода каравану больше всего приходилось страдать отъ вѣтра и града. Съ удивительною правильностью, ежедневно, около часа пополудни, начинался западный вѣтеръ, ярость котораго все усиливалась. Утра бывали ясныя, но послѣ полудня на горизонтѣ появлялись темныя тучи, все увеличивающіяся. Вѣтеръ начиналъ бѣшено свистѣть и завывать; шумъ этотъ все усиливался и, наконецъ, все заволакивалось темнымъ туманомъ, такъ что путешественникамъ приходилось останавливаться, потому что не видно было дороги. Озера, постоянно встрѣчавшіяся на этой высотѣ, покрывались волнами и грозно шумѣли; въ обыкновенное же время они были неподвижны и казались совершенно необитаемыми. Свенъ Хединъ замѣтилъ особый родъ чайки на этихъ озерахъ; этимъ птицамъ, повидимому, нравилась буря, сопровождаемая снѣгомъ и градомъ, и когда бывала такая буря, онѣ сотнями покрывали поверхность озера, мирно качаясь на волнахъ.

Единственныя животныя, вносившія нѣкоторую жизнь въ эту пустынную и дикую страну, были яки и куланы, которые тамъ водились въ огромномъ количествѣ. Свенъ Хединъ и его спутники нѣсколько разъ устраивали охоту на этихъ животныхъ, особенно на яковъ. Однако убить яка оказалось не такъ легко; въ одного изъ нихъ Свенъ Хединъ всадилъ семь пуль и тотъ только тогда свалился. Вообще яка можно убить сразу лишь тогда, когда пуля попадетъ ему въ сердце; если же пуля попадетъ ему въ лобъ, онъ только чихнетъ и потрясетъ головой, и больше ничего. Поэтому охота на яка довольно опасна. Другое животное, которое водится въ большомъ количествѣ на этой возвышенности, это — куланъ, красивое и мощное животное, съ удивленіемъ смотрѣвшее на караванъ Свенъ Хедина, медленно подвигавшійся вдоль озеръ, по берегамъ котораго никогда еще не ступала нога человѣка. Свенъ Хединъ убилъ двухъ изъ этихъ прекрасныхъ животныхъ, но мясо ихъ оказалось совершенно несъѣдобнымъ. Мясо яка, однако, можно было употреблять въ пищу, хотя и оно было похоже на гуттаперчу и его надо было варить два дня, чтобы сдѣлать сколько-нибудь мягче. Впрочемъ, это отчасти зависитъ и отъ разрѣженности воздуха, такъ какъ вода закипала лишь при 180° Фаренгейта.

Свенъ Хединъ пространствовалъ около двухъ мѣсяцевъ по тибетскому плоскогорью, не встрѣтивъ ни одной живой души. Два раза за все это время онъ наткнулся на человѣческіе слѣды; въ первой разъ, къ сѣверу отъ Арка-тага онъ нашелъ слѣды пребыванія путешественника Литтльдаля, а во второй разъ— слѣды Бонвало и принца Орлеанскаго, которые тутъ побывали восемь лѣтъ тому назадъ. Слѣды ихъ сохранились въ теченіе этого времени въ полной неприкосновенности.

Наконецъ, послѣ долговременнаго странствованія, Свенъ Хединъ увидалъ признаки близости монголовъ, памятники, сложенные изъ камня въ честь горнаго божества. На камнѣ была очень искусно вырѣзана какая-то надпись, потомъ Свенъ Хединъ узналъ, что это было тибетское изрѣченіе: «Омъ Мани Падме Хумъ», выгравированное четыре тысячи разъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого караванъ подошелъ къ человѣческому жилью. Первое человѣческое существо, которое увидѣли путешественники послѣ такого долгаго времени, была старуха. Она выбѣжала къ нимъ на встрѣчу, въ сопровожденіи восьмилѣтняго мальчика, но разговориться съ нею было трудно, такъ какъ никто не понималъ по монгольски, а она не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе, Свенъ Хединъ съумѣлъ дать ей понять, показавъ ей китайскую монету, что онъ хочетъ купить у нея овцу. Мужъ этой старухи, явившійся потомъ, былъ первымъ учителемъ Свенъ Хедина монгольскаго языка и черезъ двѣ недѣли Свенъ Хединъ могъ уже объясняться съ монголами и больше никогда не прибѣгалъ къ переводчику.

На дальнѣйшемъ пути караванъ Свенъ Хедина чуть не подвергся нападенію со стороны степныхъ разбойниковъ, но, благодаря бдительности и осторожности, счастливо избѣжалъ опасности.

Пройдя южную цѣпь Куку-нора, черезъ проходъ Нокаотенъ-Коталь, караванъ Свенъ Хедина достигъ Голубого озера—Куку-нора, находящагося на высотѣ 9.975 фут. и имѣющаго соленую воду замѣчательно красиваго голубого цвѣта. Этому цвѣту озеро обязано своимъ названіемъ. Кромѣ того, уровень водъ этого озера мѣняется, лѣтомъ бываетъ выше, нежели зимой, что дало поводъ одному путешественнику предположить, что въ этомъ озерѣ есть приливъ и отливъ.

Добравшись до тибетскаго города Донкира (Donkyr), Свенъ Хединъ отправился осматривать возобновленный храмъ «Kumbum»—вѣрнѣе, цѣлый рядъ храмовъ, выстроенныхъ въ изящномъ тибетскомъ стилѣ. Главный храмъ «Sirkang» имѣетъ золотую крышу и внутри находится сидячее изображеніе бога «Sar-

dinaNiyee Tsung-koba», имѣющее 30 футовъ высоты и все покрытое золотомъ и драгоцѣнными тканями. Въ храмѣ господствовала мистическая полутьма, но передъ изображеніемъ божества горѣли пять лампъ, а возлѣ нихъ стояли богато разукрашенные сосуды, въ которыхъ хранились различные съѣдобные дары, подносимые божеству. Этотъ храмъ—настоящій музей, наполненный великолѣпными образцами тибетскаго искусства и безчисленными древними манускриптами. Верховный лама въ этомъ храмѣ былъ настолько любезенъ, что разрѣшилъ Свенъ Хедину осмотрѣть его, но взялъ съ него обѣщаніе не дѣлать никакихъ эскизовъ. Свенъ Хединъ, конечно, не сдержалъ этого обѣщанія.

Внѣшнія террасы храма уставлены молитвенными мельницами, состоящими изъ вертикальныхъ цилиндровъ, поворачивающихся вокругъ своей оси посредствомъ рукоятки. Эти мельницы наполнены кусочками бумаги, на которыхъ начерчено изреченіе: «Омъ Мани Падме Хумъ» и нѣкоторымъ изъ ламъ вмѣняется въ обязанность вертѣть ихъ и отправлять такимъ образомъ молитвы къ подножію престола боговъ. При храмѣ, какъ сказали Свенъ Хедину, находится 300 ламъ, рабски поклоняющихся священнымъ изображеніямъ, сдѣланнымъ ихъ же собственными руками. Свенъ Хединъ видѣлъ знаменитое дерево, листья котораго также покрыты изреченіемъ «Омъ Мани Падме Хумъ» и продаются паломникамъ по баснословной цѣнѣ. По словамъ вѣрующихъ, листья появляются уже съ готовымъ изреченіемъ, но переводчикъ сказалъ Свенъ Хедину по секрету, что ламы разрисовываютъ ихъ по ночамъ и вводятъ такимъ образомъ въ заблужденіе всѣхъ вѣрующихъ, конечно, извлекая изъ этого матеріальныя выгоды.

Изъ этого монастыря Свенъ Хединъ отправился въ укрѣпленный городъ Синингъ-Фу, на западныхъ воротахъ котораго красовались въ деревянныхъ клѣткахъ отрубленныя человѣческія головы; это были головы вождей дунганскаго возстанія. Дунганами называются китайскіе мусульмане, возставшіе въ Саларскомъ округѣ, въ декабрѣ 1894 года, послѣ того, какъ китайскіе мандарины вмѣшались въ религіозную распрю. Все окрестное населеніе тогда перебралось со всѣмъ своимъ имуществомъ въ городъ, населеніе котораго возросло такимъ образомъ до 50.000. Мятежники обложили городъ и осада продолжалась пять мѣсяцевъ. Въ городѣ наступилъ голодъ и эпидеміи. Всѣ, кто отваживался выйти за стѣны города въ поискахъ за пищей и топливомъ, подвергался страшной опасности; вездѣ въ засадѣ сидѣли дунганы и подстерегали каждаго, выходящаго изъ города. Всѣ храмы въ городѣ были обращены въ больницы, куда клали раненыхъ и больныхъ китайцевъ, за которыми съ величайшимъ самоотверженіемъ ухаживали два англійскихъ миссіонера, мистеръ Ридлей и его жена. Городъ уже готовъ былъ сдаться на капитуляцію и всѣ китайскія жены получили отъ своихъ мужей оніумъ, чтобы принять его въ послѣднюю минуту, но, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, городъ все-таки продержался до той минуты, когда явилось подкрѣпленіе въ лицѣ генерала Хо, вернувшагося со своимъ отрядомъ послѣ японской войны. Трудно даже составить себѣ приблизительное понятіе о тѣхъ жестокостяхъ, которыя совершались съ обѣихъ сторонъ. По приблизительному разсчету, во время этого возстанія погибло около 50.000 китайцевъ и столько же дунгановъ. Всѣ дунганы, взятые въ плѣнъ солдатами генерала Хо, были обезглавлены, причемъ горло у нихъ было перерѣзано тупыми ножами. Затѣмъ у каждаго изъ убитыхъ были вырѣзаны сердце и печенка и эти трофеи отнесены въ ближайшую китайскую кухню, гдѣ они были изжарены и съѣдены солдатами, такъ какъ у китайцевъ существуетъ повѣрье, что мужество убитаго врага переходитъ къ тому, кто съѣлъ его печенку и сердце. Дунганы гораздо храбрѣе китайцевъ, но они были плохо вооружены, иначе китайцамъ никогда бы съ ними не совладать; китайцы необыкновенно трусливы. Свенъ Хедину разсказывали слѣдующій фактъ: сильный отрядъ ки-

тайцевъ обложилъ магометанскій городъ вблизи Синингъ-Фу и въ теченіе трехъ дней обстрѣливалъ его стѣны, не рѣшаясь произвести атаку по той причинѣ, что китайцы опасались ловушки со стороны жителей, такъ какъ не видно было никакого движенія въ городѣ и на стѣнахъ даже не было разставлено часовыхъ. Когда явился генералъ Хо со своими солдатами, онъ немедленно приказалъ растворить ворота. И что же оказалось? Въ городѣ оставалось только одно живое существо, слѣпая старуха, которая сказала, что всѣ жители давно бѣжали въ горы и она никакъ не могла понять, зачѣмъ китайцы производятъ за стѣнами города такой шумъ своими пушками.

Свенъ Хединъ говоритъ, что вся эта область, гдѣ происходило возстаніе, теперь совершенно разорена и вездѣ попадаются только обгорѣлыя развалины городовъ и деревень и опустошенныя поля. Въ Тунгъ-Кванѣ всѣ улицы переполнены слѣпыми стариками, такъ какъ китайцы, взявъ этотъ городъ, пощадили жизнь старикамъ, но всѣхъ ослѣпили.

Путешествіе Свенъ Хедина по центральной Азіи закончилось Пекиномъ, куда онъ, наконецъ, добрался послѣ труднаго зимняго перехода черезъ Ордосскую пустыню, гдѣ онъ самъ и его люди сильно страдали отъ холода. Вернувшись изъ Пекина въ Европу, Свенъ Хединъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій. Полное описаніе его интереснаго путешествія, вѣроятно, появится осенью этого года.

Z.

НАУЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Солнечный свѣтъ. «Journal du Ciel» сообщаетъ любопытную теорію американскаго физика Вудворда о солнечномъ свѣтѣ. По мнѣнію этого ученаго, свѣтъ, получаемый нашею планетой отъ солнца, составляетъ результатъ того превращенія, которое претерпѣваютъ рентгеновскіе лучи, исходящіе отъ солнца, въ моментъ своего соприкосновенія съ земною атмосферой. Только этого рода лучи могутъ распространяться въ пустотѣ; свѣтовые же лучи не обладаютъ этою способностью и поэтому не могутъ достигать земли. Чтобы доказать это, Вудвордъ придумалъ слѣдующій опытъ: онъ беретъ стеклянный шаръ и покрываетъ его черною бумагой, въ которой продѣлываетъ три отверстія: два діаметрально противоположныхъ и одно по срединѣ, по направленію радіуса, идущаго перпендикулярно къ этому діаметру. Стеклянный шаръ соединяется съ воздушнымъ насосомъ и въ немъ производится пустота. Затѣмъ лучъ свѣта пропускается черезъ два первые отверстія. Если смотрѣть въ отверстіе, расположенное по срединѣ, то едва можно замѣтить этотъ лучъ свѣта, во время его прохожденія черезъ пустое пространство шара и у противоположнаго отверстія сила свѣта этого луча оказывается уже въ двадцать разъ меньше, чѣмъ у входного отверстія. Отсюда американскій ученый выводитъ заключеніе, что еслибъ удалось произвести въ стеклянномъ шарѣ абсолютную пустоту, то свѣтовой лучъ долженъ былъ бы погаснуть совсѣмъ.

Образованіе облаковъ, вызванное пожаромъ. Въ американскомъ метеорологическомъ журналѣ «Weathes Review» сообщается слѣдующее наблюденіе, сдѣланное въ обсерваторіи гарвардской коллегіи, въ Арскинѣ (Перу): «За склонами горы Шаркони, на разстояніи 24 километровъ, загорѣлся кустарникъ на большомъ пространствѣ и дымъ отъ этого пожара поднимался въ видѣ столба на высоту 4.300 метровъ. Вскорѣ непосредственно надъ этимъ столбомъ дыма, на тысячу метровъ отъ него, появилось маленькое облачко, небо кругомъ было совершенно чистое и ясное. Погода была совершенно тихая и безвѣтренная. Облачко скоро исчезло, словно испарилось въ воздухѣ, но затѣмъ тотчасъ же появилось другое, которое также исчезло черезъ пять минутъ. Это явленіе въ теченіе получаса повторилось семь разъ и затѣмъ образованіе облаковъ прекратилось тотчасъ же, какъ только прекратился дымъ». Какъ извѣстно, образованіе облаковъ во время пожаровъ подтверждается многими наблюдателями. Очевидно, и на этотъ разъ, несмотря на небольшой столбъ дыма, условія благопріятствовали такому образованію.

Электрическій истребитель тумана. Катастрофа съ французскимъ пароходомъ «Бургонь» произвела настолько сильное и потрясающее впечатлѣніе, что теперь снова особенно усиленно стали изыскивать способы предупредить столкновеніе судовъ во время тумана. По этому поводу «Cosmos» напоминаетъ, что

уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ были предложены способы уничтожать туманъ. Въ 1892 году Джонсонъ изъ Питтсбурга произвелъ въ бостонскомъ портѣ цѣлый рядъ опытовъ уничтоженія тумана посредствомъ электрическихъ искръ; разряженіе электричества вызывало превращеніе тумана въ дождь. Джонсонъ предлагалъ примѣнить этотъ способъ къ очищенію лондонской атмосферы и уничтоженію знаменитыхъ лондонскихъ тумановъ и высказывалъ даже предположеніе, что можно было бы предупредить много морскихъ катастрофъ, еслибъ снабдить всѣ суда «электрическимъ истребителемъ тумана». «Cosmos» предлагаетъ повторить теперь опыты Джонсона въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Вліяніе атмосферическихъ условій на результаты наблюденій въ обсерваторіяхъ. «Astronomische Nachrichten» печатаетъ изслѣдованія о вліяніи атмосферическихъ условій на отчетливость наблюденій надъ небесными тѣлами. Благодаря громаднымъ успѣхамъ и усовершенствованіямъ въ дѣлѣ устройства астрономическихъ инструментовъ, необходимо особенно тщательно выбирать мѣсто для постройки обсерваторіи и обращать вниманіе на атмосферическія условія, такъ какъ отчетливость образовъ въ значительной степени зависитъ отъ этихъ условій. Американскіе астрономы въ Перу, также какъ и нѣмецкіе астрономы, подтверждаютъ, что появленіе вокругъ звѣздныхъ образовъ, наблюдаемыхъ въ телескопъ, свѣтовыхъ круговъ въ видѣ бахромы, вызывается исключительно только атмосферными теченіями. Американскіе астрономы, Дугласъ и Пикерингъ, наблюдали въ обсерваторіи въ Перу, что около трехъ часовъ утра, когда неизмѣнно начинаетъ дуть холодный вѣтеръ съ горъ, отчетливость видимыхъ въ телескопъ образовъ небесныхъ тѣлъ тотчасъ же уменьшается. Порывы вѣтра смѣшиваютъ неправильнымъ образомъ воздушныя массы различной температуры, преломляющія неодинаковымъ образомъ свѣтовые лучи и вслѣдствіе этого получаются неясныя изображенія. При дурныхъ атмосферическихъ условіяхъ наблюденія производить трудно и даже въ сильные телескопы нельзя различить, напримѣръ, двойныхъ звѣздъ, между тѣмъ, эти звѣзды астроному Зее удалось открыть при помощи не очень сильнаго телескопа, но въ такой обсерваторіи, которая вполнѣ была защищена отъ дѣйствія атмосферныхъ теченій.

Автоматическій фотографъ. Въ Парижѣ недавно былъ сдѣланъ опытъ съ автоматическимъ фотографическимъ аппаратомъ, и примѣненіями его къ воздухоплаванію. Изобрѣтатель Кальетэ устроилъ такой аппаратъ, который дѣйствуетъ автоматически и черезъ каждыя $4^1/_2$ минуты получается снимокъ. Такой аппаратъ, приспособленный къ воздушному шару, дѣлаетъ снимки съ облаковъ и съ показаній барометра, такъ что по опусканіи шара можно узнать, какой высоты онъ достигъ въ своемъ полетѣ. Опытъ, произведенный въ Парижѣ нынче лѣтомъ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Спущенный безъ людей воздушный шаръ доставилъ 23 фотографическихъ снимка, по которымъ можно судить, что шаръ, черезъ 36 минутъ поднялся на высоту 13.700 метровъ и началъ опускаться, пролетѣвъ 420 километровъ. Температура на такой высотѣ была —65°. Фотографическіе снимки облаковъ съ различной высоты оказались очень отчетливыми и красивыми.

Телефонъ индѣйцевъ. «Geographical Journal» разсказываетъ, что одинъ изъ путешественниковъ по рѣкѣ Амазонкѣ обратилъ вниманіе на особенный инструментъ, посредствомъ котораго индѣйцы въ этой области, принадлежащіе къ племени «Caiuquinaru», сообщаются другъ съ другомъ на разстояніи около 1.500 метровъ. Инструментъ этотъ называется «Cambarysu»; индѣйцы, пользующіеся имъ, живутъ небольшими группами въ 100—200 человѣкъ между рѣками «Embyra» и «Embyrasu». Жилища ихъ, называемыя «malocca», отстоятъ обык-

новенно другъ отъ друга на 1.500 метровъ, но всѣ расположены по одной и той же прямой линіи съ сѣвера на югъ. Въ каждой такой хижинѣ «malocca» есть свой «cambarysu», служащій для сообщенія съ другими обитателями другихъ хижинъ. Устроенъ «Cambarysu» слѣдующимъ образомъ: въ землѣ дѣлается яма, дно которой выстилается крупнымъ пескомъ, хорошо утоптаннымъ, и на такомъ фундаментѣ устанавливается полый деревянный цилиндръ. Вся нижняя часть цилиндра, укрѣпленная на пескѣ, наполнена до половины своей высоты мелкимъ пескомъ, кусочками дерева, кусочками костей и порошкомъ слюды, образующими рядъ чередующихся слоевъ снизу вверхъ. Надъ порошкомъ слюды находится пустая полость и въ этомъ мѣстѣ стѣнки деревяннаго цилиндра толще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Дно этой полости находится на уровнѣ почвы, а верхъ ея закрытъ мѣдною пластинкой, затѣмъ деревомъ и наконецъ каучукомъ. Цилиндръ на половину погруженъ въ землѣ и окруженъ смѣсью изъ кусочковъ дерева, мѣди и смолы различныхъ деревьевъ. На уровнѣ почвы эта смѣсь покрыта твердымъ каучукомъ. Такимъ образомъ, весь аппаратъ представляетъ нѣчто вродѣ барабана съ деревянными стѣнками, наполовину погруженнаго въ землю и сверху закрытаго. Употребляютъ этотъ аппаратъ слѣдующимъ образомъ: если обитатель «malocca» желаетъ сообщить что-нибудь своему отдаленному сосѣду, то онъ ударяетъ деревяннымъ молоткомъ по «cambarysu». Такъ какъ аппаратъ находится внутри дома, то вибрація передается не черезъ воздухъ (снаружи даже совсѣмъ не слышно удара), а черезъ почву. Каждый ударъ передается на разстояніи 1.500 метровъ вполнѣ отчетливо и заставляетъ резонировать аппараты въ другихъ хижинахъ. Какъ только хозяинъ одной хижины услышитъ условный звукъ, онъ тотчасъ же отвѣчаетъ на него такимъ же условнымъ образомъ и завязывается разговоръ, не только посредствомъ постукиванія, но и непосредственно, такъ какъ звукъ голоса передается такъ же, какъ и звукъ удара, черезъ резонирующую поверхность. Изслѣдователь Bach, описывающій этотъ аппаратъ, высказываетъ предположеніе, что составъ почвы въ этой мѣстности способствуетъ передачѣ звуковъ и, вѣроятно, всѣ деревянные цилиндры покоятся на одномъ и томъ же скалистомъ основаніи, передающемъ звуки лучше, чѣмъ наносныя земли.

Древній госпиталь. Въ Швейцаріи, близъ Цюриха, въ связи съ произведенными недавно раскопками въ Виндишѣ (древняя «Vindonissa»), найдены остатки древняго римскаго военнаго госпиталя, имѣвшаго 14 палатъ и, повидимому, хорошо снабженнаго всякими медицинскими, хирургическими и фармацевтическими аппаратами и т. д. Найдены также серебряныя монеты временъ Веспасіана и Адріана и мѣдныя временъ Клавдія, Нерона и Домиціана.

Новое освѣщеніе. Въ Америкѣ открыли способъ получать изъ шлаковъ, образующихся въ доменныхъ печахъ при обработкѣ желѣза, особое вещество—карболитъ, выдѣляющее этиленъ при дѣйствіи на него воды. Газъ этотъ обладаетъ освѣтительною силой въ 15 разъ больше обыкновеннаго свѣтильнаго газа. Добываніе его обходится недорого. Для приготовленія карболита шлаки смѣшиваютъ съ коксомъ и накаливаютъ, пропуская черезъ нихъ сильный токъ. Въ настоящее время въ Америкѣ, въ штатѣ Индіана, уже строится заводъ спеціально для приготовленія карболита.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“

Сентябрь. 1898 г.

Содержаніе: Русскія и переводныя книги.—Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. — *Иностранная литература.* — «Современная Италія». *Ив. Иванова.* — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Эркманъ-Шатріанъ. «Сочиненія», 2 тома.

Сочиненія Эркмана-Шатріана въ двухъ томахъ. Изд. Павленкова. Спб. 1898. Повѣсти и романы Эркмана-Шатріана принадлежатъ къ тѣмъ знаменитымъ книгамъ, которыми увлекаются одно или два поколѣнія и которыя переходятъ затѣмъ изъ разряда читаемыхъ въ разрядъ только чтимыхъ книгъ, извѣстныхъ лишь по заглавіямъ и по имени авторовъ. Относительно Эркмана-Шатріана такое забвеніе наступило слишкомъ скоро и несправедливо. Успѣхъ двухъ эльзасскихъ писателей, слившихся въ одно нераздѣльное литературное имя, былъ вначалѣ очень великъ, благодаря, главнымъ образомъ, постороннимъ обстоятельствамъ, интересу Франціи къ потерянной провинціи, возбужденному патріотическому чувству и политической тенденціи повѣстей. Когда прошла обостренность эльзасскаго вопроса, прошелъ и живой интересъ къ произведеніямъ Эркмана-Шатріана, несмотря на ихъ несомнѣнныя чисто художественныя достоинства. А между тѣмъ, именно теперь возможна справедливая оцѣнка этихъ писателей. Политическая ихъ окраска поблекла и представляетъ лишь историческій интересъ; тѣмъ ярче выступаютъ поэтому положительныя стороны идилическаго спокойно-созерцательнаго таланта писателей, воплотившихъ духъ своей родины съ подкупающей искренностью и простотой. Русскіе читатели имѣютъ случай составить себѣ вѣрное понятіе объ Эркманѣ-Шатріанѣ по ихъ произведеніямъ, вышедшимъ въ изданіи Ф. Павленкова. Новый русскій переводъ эльзасскихъ повѣстей не является отголоскомъ литературной моды. Во Франціи самый жанръ Эркмана-Шатріана кажется устарѣлымъ сравнительно съ измышленіями сложныхъ психологическихъ романовъ послѣдняго десятилѣтія. Въ Россіи повѣсти Эркмана-Шатріана нравились прежде своей демократической окраской и уже давно перестали читаться. Тѣмъ интереснѣе возобновить ихъ теперь въ памяти и оцѣнить ихъ чисто литературно, помимо проповѣдуемыхъ въ нихъ политическихъ истинъ, ставшихъ уже большей частью общимъ мѣстомъ. По собраннымъ въ изданіи Ф. Павленкова повѣстямъ можно составить себѣ представленіе о творчествѣ Эркмана-Шатріана, хотя и не всѣ произведенія вошли въ изданіе. Переведены лучшіе изъ такъ-называемыхъ «національныхъ романовъ» Эркмана-Шатріана: «Исторія рекрута 1813 г.», «Ватерлоо», «Тереза», «Исторія крестьянина», а также эпизоды изъ новѣйшей исторіи «Исторія плебисцита», «Воспоминанія пролетарія» (несовсѣмъ точно «souvenir d'un homme du

peuple» названы «воспоминаніями пролетарія») и др. Но изъ хорошихъ повѣстей въ томъ же національно-демократическомъ духѣ не переведены ни «La guerre», ни «Blocus», дополняющіе исторію политической жизни Франціи текущаго вѣка и связанныхъ съ политикой переживаній народныхъ массъ. Еще болѣе пробѣловъ среди бытописательныхъ повѣстей, быть можетъ, наиболѣе привлекательныхъ изъ всего, написаннаго Эркманомъ-Шатріаномъ. Такъ, напр., пропущена повѣсть «Другъ Фритцъ» (L'ami Fritz), очень характерная для добродушно-юмористической и слегка чувствительной манеры романистовъ. Изъ типично-эльзасскихъ повѣстей Эркмана Шатріана въ русское изданіе включенъ разсказъ «Даніэль Рокъ»—одинъ изъ самыхъ сильныхъ по своеобразному драматизму. Въ общемъ, русское изданіе, вслѣдствіе нѣкоторой стѣсненности выбора, съуживаетъ представленіе о творчествѣ Эркмана-Шатріана (совершенно исключены фантастическіе разсказы, которыми Эркманъ-Шатріанъ впервые выступили въ литературѣ, «Contes fantastiques», «Contes de la montagne» и др.), но и въ этихъ предѣлахъ сказываются съ достаточной силой и ясностью особенности двухъ писателей, и то, что они внесли самобытнаго въ французскую литературу, съ которой они связаны языкомъ и симпатіями, но не духомъ.

Какъ ни странно, но эти патріоты-эльзасцы, восторженные приверженцы демократической Франціи, враги наполеоновской имперіи и войнъ, лишившихъ эльзасцевъ ихъ родины, всѣмъ своимъ существомъ, родомъ своего литературнаго таланта и даже своимъ образомъ жизни и привычками—чистѣйшіе нѣмцы. Эркманъ, уроженецъ Фальсбурга, изучавшій юриспруденцію въ Парижѣ, съ тѣмъ, чтобы вернуться въ свой городокъ, гдѣ говорятъ на нѣмецкомъ patois, а также Шатріанъ, его болѣе молодой на четыре года братъ, школьный учитель въ родномъ городѣ Эркмана, въ Фальсбургѣ,—оба готовились вести очень мирную, очень бюргерскую умѣренную во всемъ жизнь. Только ихъ случайная встрѣча и сразу установившаяся дружба, перешедшая въ неразрывное сотрудничество, измѣнила ихъ жизнь и сдѣлала ихъ бытописателями той среды и тѣхъ людей, которыхъ они поняли такъ глубоко, какъ можно понять лишь нѣчто очень близкое, родственное душѣ. Первые литературные опыты слившихся въ одно литературное имя писателей совершенно проникнуты вліяніемъ германской литературы. Они пишутъ по-французски, но подражаютъ въ своихъ первыхъ вещахъ нѣмецкому писателю Гофману. Ихъ фантастическіе разсказы: «L'illustre docteur Mathéus», «Oeil crevé», «Bourgmestre en bouteille» и другіе, написаны совершенно въ гофманскомъ духѣ; интересъ этихъ первыхъ опытовъ Эркмана-Шатріана заключается въ томъ, что молодые «французскіе» писатели, будущая опора французскихъ шовинистовъ, воспитались подъ нѣмецкимъ вліяніемъ и въ своихъ первыхъ произведеніяхъ стремились перенести нѣмецкій романтизмъ на французскую почву. Потомъ они нашли самобытный путь въ литературѣ, изучая историческое прошлое Франціи, поскольку оно отразилось на судьбахъ ихъ роднаго Эльзаса, и пользуясь своей тонкой наблюдательностью для изображенія той дѣйствительности, которая ихъ окружала съ дѣтства и съ которой они сроднились душой на всю жизнь. Даже образъ жизни двухъ неразлучныхъ друзей остался неизмѣннымъ послѣ того, какъ они покинули Эльзасъ и навсегда поселились въ Парижѣ. Есть множество разсказовъ о томъ, какъ они устроили себѣ уютный нѣмецкій очагъ среди легкомысленнаго, перемѣнчиваго Парижа, и тамъ, окруженные льнувшими къ нимъ соотечественниками, пили пиво, угощались излюбленными нѣмецкими «сосисками съ капустой», курили трубки какъ чистокровные нѣмцы и бесѣдовали на родномъ нарѣчіи, т. е. на слегка искаженномъ нѣмецкомъ языкѣ.

Французы, привыкшіе считать Эльзасъ коренной французской страной, не обращаютъ вниманія на то, что лучшіе изъ эльзасскихъ писателей, т. е. Эркманъ-Шатріанъ, во всѣхъ своихъ писаніяхъ чужды французскому духу. Въ

этомъ ихъ главное значеніе. Они внесли во французскую литературу нѣчто новое—интересъ къ оборотной сторонѣ громкихъ событій, къ тому, что совершается тихо и незамѣтно для свѣта, хотя и кроетъ въ себѣ какъ источники, такъ и слѣдствія міровыхъ происшествій. Содержаніе повѣстей Эркмана-Шатріана—войны первой и второй имперіи, предшествующая имъ эпоха французской революціи, вторженіе иностранныхъ войскъ на французскую почву, оборонительныя битвы эльзасскихъ горцевъ, защищающихъ родину отъ враговъ, затѣмъ позднѣйшія событія, революція 1848 года, плебисцитъ, предшествовавшій окончательной гибели Эльзаса. Но во всѣхъ этихъ событіяхъ авторовъ мало интересуетъ показная сторона. Они чужды французскаго патріотизма, который не можетъ не гордиться геніемъ Наполеона и не увлекаться грандіозностью событій. Они рисуютъ событія, посколько они коснулись быта Эльзаса и отразились на жизни маленькихъ людей, коренныхъ жителей страны, потревоженныхъ налетѣвшей на нихъ грозой и пострадавшихъ невиннымъ образомъ изъ за чуждыхъ имъ интересовъ. Протестомъ противъ войны во всѣхъ видахъ дышатъ всѣ разсказы Эркмана-Шатріана, и что можетъ быть болѣе чуждо задорному духу французовъ съ ихъ жаждой смѣняющихся впечатлѣній, съ ихъ особымъ умѣніемъ жить полно настоящей минутой, не думая о завтрашнемъ днѣ! Эркману-Шатріану, напротивъ того, мило все установившееся привычками многихъ поколѣній, всѣ переживанія старины, всѣ связи человѣка съ почвой, очагомъ и предками. Всѣ повѣсти изображаютъ тихія картины быта людей съ мирными, добрыми чувствами, связанныхъ между собой долголѣтней дружбой. Дѣти воспитываются у теплаго очага и вспоминаютъ потомъ съ умиленіемъ и о старухѣ-бабушкѣ съ ея сказками, и о доброй служанкѣ, готовящей неподражаемые щи; молодежь выростаетъ въ привычкѣ къ труду, въ согласіи съ отцами; сердечныя исторіи разыгрываются безъ особенныхъ катастрофъ, и вся эта несложная жизнь освѣщена большой любовью къ природѣ, культомъ старины, поэзіей историческаго прошлаго, сохранившагося въ пѣсняхъ и сказаніяхъ. Въ эту своеобразную атмосферу покоя, въ уголокъ мирно живущихъ людей, не нуждающихся въ благодѣяніяхъ культуры, врывается насильственно волна чуждой имъ жизни, непонятныхъ интересовъ честолюбія, жадности и превращаетъ идиллію подчасъ въ кровавую драму. Эту борьбу Эркманъ-Шатріанъ изображаютъ, болѣе всего останавливаясь на прежней идилліи. Повѣсти полны очаровательныхъ подробностей о дѣтяхъ съ ихъ лѣтними и зимними играми, о школахъ и безобидныхъ школьныхъ продѣлкахъ, о старикахъ, читающихъ по вечерамъ сказанія о старинѣ, о разныхъ предметахъ, съ которыми связана жизнь многихъ поколѣній. И среди этихъ рамокъ двигаются люди, наивныя существа съ простыми чувствами и понятіями. Только необычайныя событія пробуждаютъ въ нихъ спящую силу, какъ это видно, напр., изъ исторіи кузнеца Даніэля Рока, возставшаго противъ ненавистной, изсушающей души людей культуры. Борьба кузнеца и его сыновей противъ строющейся желѣзной дороги является своего рода донкихотствомъ, безуміемъ, но въ этомъ безуміи воплощена борьба за свободу личности, за интимный міръ души, страдающей отъ нивеллирующаго вліянія внѣшней культуры. Движеніе впередъ зависитъ только отъ духовнаго совершенствованія человѣка и должно исходить извнутри, изъ постигающей истину совѣсти и никакой матеріальный прогрессъ не создаетъ счастья людей—эту мысль безсознательно выражаетъ Даніэль Рокъ въ своихъ безумныхъ поступкахъ и въ этомъ внутренній смыслъ повѣсти, являющейся какъ бы эпопеей эльзасскаго населенія.

Идиллическая сторона, подробности быта, изображеніе національной жизни въ типахъ населенія преобладаютъ въ повѣстяхъ Эркмана-Шатріана и составляютъ вкладъ изъ германскаго духа во французскую литературу. Историческій элементъ, т. е. самое изображеніе войнъ и революцій и, главное, подготовки

этихъ событій въ умахъ и въ настроеніи жителей составляетъ драматическій интересъ повѣстей. Особенно ярко написана «Исторія плебесцита», проникнутая искреннимъ негодованіемъ; и въ ней, слѣдуя своему методу, авторы рисуютъ событія отраженными въ жизни мирной деревушки, продолжающей одновременно и быть центромъ національныхъ событій, и волноваться своими мѣстными происшествіями, разными личными отношеніями отдѣльныхъ обитателей. Это смѣшеніе частнаго и общаго создаетъ въ повѣстяхъ Эркмана-Шатріана особую атмосферу правдивости и простоты. Даже въ описаніи болѣе отдаленныхъ событій великой революціи (въ «Исторіи крестьянина», въ «Терезѣ») и наполеоновскихъ войнъ (Ватерлоо) есть множество эпизодовъ изъ маленькой тѣсной жизни поселянъ, благодаря чему историческій разсказъ озаряется общечеловѣческими интересами и становится художественнымъ отраженіемъ жизни—по существу одинаковой и въ томъ, что кажется людямъ великимъ и важнымъ, и въ томъ, что оставляется безъ вниманія, какъ слишкомъ мелкое.

Русскій переводъ Эркмана-Шатріана сдѣланъ хорошо и при чтеніи повѣстей не чувствуется за фразами слишкомъ близко переданный оригинальный текстъ, какъ это часто бываетъ въ русскихъ переводахъ художественныхъ произведеній.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Е. Левассеръ. «Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ».—*Б. Глинскій.* «В. Бѣлинскій и чествованіе его памяти».

Е. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Изд. О. Н. Поповой. Подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Т. I. 1898 г. Спб. Цѣна за оба тома 5 р. Съ книгой Левассера, вице-президента международнаго статистическаго института, наши читатели уже знакомы отчасти по изложенію г-жи К—ой, напечатанному въ іюньской книгѣ «Міра Божія» за текущій годъ. Вышедшій недавно переводъ этой книги представляетъ полный текстъ Левассера, дополненіемъ къ которому долженъ служить второй томъ, заключающій оригинальныя работы г.г. редакторовъ относительно образованія въ Россіи и Швейцаріи и статью г. Скалона по Финляндіи. Второй томъ ожидается въ ноябрѣ. Получится, такимъ образомъ, въ высшей степени цѣнное изданіе, которое представитъ огромный фактическій матеріалъ по народному образованію, какого до сихъ поръ въ нашей литературѣ не существовало. Нечего и говорить о важномъ значеніи такого труда именно теперь, когда вопросы просвѣщенія выдвигаются у насъ самой жизнью на первый планъ, и опытъ цивилизованныхъ странъ является крайне поучительнымъ и необходимымъ.

Что касается книги Левассера, то единственную, правда, весьма почтенную цѣнность ея составляетъ огромный фактическій матерьялъ. Выводы и взгляды самого Левассера или крайне легковѣсны, или узко-мѣщански. Левассеръ—солидный статистикъ, но какъ мыслитель и общественный человѣкъ, онъ чистокровнѣйшій французъ-мѣщанинъ, самодовольный, недалекій и подчасъ даже пошловатый. Такъ, въ общемъ обзорѣ успѣховъ просвѣщенія онъ замѣчаетъ, что распространеніе просвѣщенія «отчасти способствовало возникновенію новыхъ затрудненій. Изъ числа ихъ,—говоритъ онъ,—самымъ важнымъ является религіозный вопросъ, ибо для всякаго очевидно, что въ общемъ выводѣ (и вопреки тѣмъ исключеніямъ, которыя можно привести), образованіе скорѣе ослабило, чѣмъ укрѣпило въ массахъ религіозное чувство, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежалъ народъ. И это вполнѣ понятно: образованіе рождаетъ сомнѣніе, критическій духъ. И общество съ тревогой спрашиваетъ себя: можетъ ли школа замѣнить церковь? можетъ ли она такъ же глубоко и прочно укоре-

нить въ душѣ своихъ питомцевъ правила нравственности, необходимыя для общественной жизни?» Такая постановка этого вопроса обнаруживаетъ кончикъ ослинаго уха у мѣщанскаго философа, даже не замѣчающаго, въ какую западню онъ ловитъ самого себя. Неужели религіозный духъ массъ покоится только на невѣжествѣ и темнотѣ? Если подъ религіознымъ духомъ понимать мракъ суевѣрія, то, конечно, средніе вѣка должны служить недосягаемымъ нынѣ идеаломъ для господъ Левассеровъ. Къ счастью, это не такъ, и религіозный духъ массъ именно оживаетъ при благотворномъ вліяніи просвѣщенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ страны, стоящія во главѣ цивилизованнаго міра—Англія и Германія, гдѣ религіозный духъ всегда шелъ объ руку съ развитіемъ просвѣщенія и несравненно сильнѣе, плодотворнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ, напр., въ Италіи и Испаніи, занимающихъ и по нынѣ послѣднее мѣсто въ Европѣ по образованію массъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что Левассеръ высказываетъ сомнѣнія такого рода лишь вскользь, оставаясь вообще неизмѣннымъ сторонникомъ просвѣщенія и даже заявляя, что «въ двадцатомъ вѣкѣ будутъ удивляться, вѣроятно, какъ могъ XIX вѣкъ колебаться въ вопросѣ народнаго образованія». Очень немного вниманія обращаетъ Левассеръ на прямую и непосредственную зависимость развитія образованія отъ общественныхъ и экономическихъ условій, лишь бѣгло отмѣчая вліяніе демократическихъ учрежденій. Относительно земледѣльческихъ и индустріальныхъ странъ онъ лишь замѣчаетъ мимоходомъ, что въ первыхъ условія работы затрудняютъ посѣщеніе школы, а относительно вторыхъ говоритъ: «развитіе промышленности дастъ возможность имѣть школы большія, хорошо снабженныя и, благодаря густотѣ населенія, находящіяся на близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Зато, съ другой стороны, соблазняя дѣтей фабричныхъ возможностью имѣть заработокъ, эта промышленность слишкомъ рано отвлекаетъ ихъ отъ школы»,—и только. Такая поверхностность Левассера лишаетъ его книгу того общественнаго значенія, какое она могла бы имѣть, но, повторяемъ, собранный имъ богатый цифровый и фактическій матеріалъ не теряетъ отъ этого своей цѣнности.

Б. Глинскій. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и чествованіе его памяти. Съ пятью иллюстраціями и приложеніемъ его юношескаго «Журнала поѣздки въ Москву и пребываніе въ ней». Спб. Тип. А. С. Суворина. 1898 г. Ц. 75 коп. (Стран. 115). Чествованіе юбилеевъ писателей началось у насъ, кажется, не раньше 1844 г., когда совершенно оффиціально праздновалось у насъ пятидесятилѣтіе Крылова, въ 1866 г. столѣтіе Карамзина, а въ 1868—того же Крылова; затѣмъ чествованіе памяти Грибоѣдова, Жуковскаго, Фонъ-Визина, уже постепенно захватываетъ все болѣе и болѣе и общество, даже провинціальное, и учебныя заведенія, императорскіе и частные театры, устраивавшіе въ честь юбиляровъ особые торжественные спектакли. Чествовалась также и память Лермонтова и Кольцова, исключительно въ характерѣ общественномъ, не оффиціальномъ. Къ сожалѣнію, воспоминанія о торжествахъ такого рода затериваются въ старыхъ газетахъ, и только, единственное у насъ по торжественности и духовному подъему, чествованіе Пушкина въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1880 г. вызвало интересную памятную книгу *Вѣнокъ на памятникъ Пушкина 0. Б. 1880 г.*, съ подробнымъ отчетомъ-лѣтописью всего чествованія. Поэтому-то нельзя не отмѣтить юбилейной книжки г. Глинскаго, посвященной недавнимъ торжествамъ въ честь Бѣлинскаго.

Книжка составилась изъ статей, напечатанныхъ въ маѣ и іюнѣ настоящаго года въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, дополненныхъ газетными отчетами, обзоромъ вышедшихъ къ пятидесятилѣтію смерти Бѣлинскаго книгъ и брошюръ и т. п.; приложены два хорошихъ портрета писателя, снимокъ съ извѣстной картины Наумова—*Бѣлинскій передъ смертью*; оттиски съ фотографіи жены, дочери и свояченицы Б—го и его надгробный памятникъ; нако-

нецъ, изъ *Живописнаго Обозрѣнія* перепечатанъ *Журналъ* Б—скаго о его путешествіи изъ Пензы въ Москву въ университетъ (всего 8 страничекъ), имѣющій только значеніе образчика его юношескихъ литературныхъ упражненій и, отчасти, біографическое. Біографическій очеркъ (44 стран.) сжатъ, новыхъ фактовъ, конечно, нѣтъ, точно такъ же, какъ и какого-нибудь новаго освѣщенія; нѣтъ и критической оцѣнки дѣятельности. Но авторъ этимъ и не задавался, желая только дать небольшую, популярную, памятную книжку о писателѣ. Самое чествованіе занимаетъ большую часть книжки (62 стр.), и въ виду того, что она, пока, какъ отчетъ, единственная, имѣетъ и будетъ имѣть значеніе исторической справки. Сначала идетъ обзоръ приготовленій къ чествованію, которыя начались еще въ 1896 г. съ выхода удешевленнаго изданія сочиненія Бѣлинскаго, Павленкова; статья г. Филиппова въ *Научномъ Обозрѣніи* въ 1897 г.—*Философскія убѣжденія Бѣлинскаго*; рѣчь въ Кіевѣ преподавателя Александровскаго; въ 1898 г. въ посту лекціи о Бѣлинскомъ въ Москвѣ Г. Якушкина, а въ Петербургѣ въ Соляномъ Городкѣ В. П. Острогорскаго; 8 апрѣля торжественное чествованіе памяти Б—скаго въ Москвѣ обществомъ любителей россійской словесности, выставка въ память Б—скаго и альбомъ ея, изданный г. Фишеромъ; затѣмъ, уже одновременно съ чествованіемъ, явилось довольно много статей въ журналахъ и газетахъ, о которыхъ составитель и говоритъ. За обзоромъ статей дается обзоръ вышедшихъ къ 26 мая книгъ о Бѣлинскомъ: всего, по указанію г. Глинскаго, вышло въ обѣихъ столицахъ 13, всѣ почти исключительно характера педагогическаго или имѣютъ въ виду возможно широкую популяризацію имени Бѣлинскаго въ массѣ (біографическіе очерки гг. Алферова и И. И. Иванова въ Москвѣ).

Наиболѣе интересная часть книжки (со стран. 69) отмѣтки тѣхъ проявленій своего сочувствія Бѣлинскому, которыми заявило себя русское общество въ день годовщины смерти писателя. Оказывается, что, кромѣ Петербурга и Москвы, чествовали Бѣлинскаго до *пятнадцати* городовъ. Въ общемъ, принимая въ разсчетъ малое знакомство нашего общества съ Бѣлинскимъ, недавній еще запретъ даже его имени, массу всякихъ тормазовъ и затрудненій по части устройства чествованія и т. п. надо считать праздникъ удавшимся. Но были и курьезы. Напр., въ Пензѣ отстранили отъ чествованія педагоговъ и не дозволили служить панихиду въ соборѣ; а въ Тамбовѣ, основанное камергеромъ Э. Д. Нарышкинымъ, общество по устройству народныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ, къ которому обратилось скромное общество взаимопомощи приказчиковъ, чтобы просвѣтительное учрежденіе взяло на себя иниціативу чествованія, даже не удостоило обращеніе отвѣтомъ. Въ общемъ же собраніи членовъ этого учрежденія г. предсѣдатель заявилъ слѣдующее: «*ниже нашего достоинства пользоваться услугами общества приказчиковъ; что можетъ быть общаго между нами и ими?*» И вотъ, желавшіе чествовать Бѣлинскаго, уже на основаніи устава, заставили созвать общее собраніе и предложили широкую программу чествованія (засѣданіе общества народныхъ чтеній, съ рѣчью; публичныя лекціи съ приглашеннымъ изъ Москвы лекторомъ; народное чтеніе о Б—скомъ и пр.). Но правленіе и большинство членовъ «отнеслось къ предложенію, какъ къ партійной вылазкѣ». Отсюда — упрямое непризнаніе прикосновенности Б—скаго къ народному просвѣщенію и народной литературѣ и урѣзаніе программы. Такъ, для чтенія рефератовъ о Бѣлинскомъ создали коммиссію изъ преподавателей словесности, съ учителемъ гимназіи В. К. Выжлинскимъ во главѣ. Господинъ же Выжлинскій громко заявилъ, что «онъ недоумѣваетъ, какое можетъ быть торжество по поводу смерти, и что нельзя посылать въ Пензу привѣтственную телеграмму или адресъ, ибо то и другое опять-таки возможно лишь въ случаѣ именинъ, бракосочетанія и т. п. ра-

достныхъ событій». Тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторые недочеты, чествованіе все-таки въ общемъ удалось и обратилось въ торжественный праздникъ всероссійскаго просвѣщенія.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Л. Нидерле. «Человѣчество въ доисторическія времена».—*А. К. Бороздинъ.* «Протопопъ Аввакумъ».—*К. Н. Захарьинъ.* «Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго».

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898 г. XXVII+655 стр. Ц. 5 р. Доисторическая археологія—наука, повидимому, столь далекая отъ живыхъ интересовъ современности, пользуется довольно широкой популярностью среди читающей публики. По крайней мѣрѣ, появившійся 22 года тому назадъ русскій переводъ книги Леббока: «Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества» имѣлъ значительный успѣхъ, сравнительно быстро вышелъ изъ продажи и сталъ библіографической рѣдкостью. Этого явленія нельзя не признать отраднымъ. Знакомство съ общими результатами доисторической археологіи должно занимать опредѣленное мѣсто въ общемъ образованіи, такъ какъ ея главная цѣль—дать наглядное изображеніе того, какъ возникло и начало развиваться человѣчество—раскрываетъ передъ вдумчивымъ умомъ широкія перспективы въ прошлой жизни и, по выраженію д-ра Нидерле, «даетъ прочныя основы нашему міросозерцанію», выясняя намъ въ особенно наглядной формѣ тяжелую постепенность эволюціи человѣческой культуры. Первые шаги этой эволюціи, обнимающіе десятки тысячелѣтій до начала нашей эры, возстановляются съ трудомъ на основаніи скудныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ раскопками. За послѣднія двадцать лѣтъ количество этого матеріала значительно возросло, а методы его разработки получили иную, болѣе научную постановку. Обширный трудъ Нидерле подводитъ итогъ этимъ успѣхамъ, и, хотя въ выводахъ автора не мало спорнаго, въ общемъ даетъ превосходное резюме изслѣдованій по «доисторической археологіи Европы и, въ частности, славянскихъ земель». Трудъ этотъ появился, въ чешскомъ подлинникѣ, еще въ 1893 г. Но русскій переводъ надо считать «новымъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ изданіемъ книги д-ра Нидерле», такъ какъ авторъ сообщилъ переводчику цѣлый рядъ поправокъ и дополненій, послѣднюю главу совсѣмъ передѣлалъ, и вообще исправилъ и обновилъ свою задачу во всѣхъ частяхъ.

Трудъ Нидерле основанъ на широкомъ знакомствѣ съ археологическимъ матеріаломъ и съ литературой предмета. Многочисленныя иллюстраціи, помѣщенныя въ текстѣ, даютъ читателю возможность ознакомиться съ результатами раскопокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Европы; чрезвычайно обильныя примѣчанія библіографическаго характера могутъ служить пособіемъ для тѣхъ, кто заинтересуется отдѣльными вопросами, касающимися глубокой древности. Но самый текстъ разбираемаго труда, въ значительной степени, замѣняетъ сложную литературу, состоящую изъ множества отдѣльныхъ монографій и статей. Авторъ очень широко понялъ свою задачу и попытался дать обзоръ исторіи Европы съ древнѣйшихъ временъ до начала христіанекой эры. Такая задача едва ли будетъ когда-либо вполнѣ исполнима относительно эпохи, отъ которой до насъ ничего, кромѣ вещественныхъ памятниковъ, не дошло. Археологія даетъ намъ только внѣшній абрисъ этой исторіи, возстановляя, въ общихъ чертахъ, картину условій быта доисторическихъ временъ и слѣдя за постепеннымъ измѣ-

ченіемъ и усложненіемъ этихъ условій, подъ вліяніемъ постепенныхъ и медленныхъ успѣховъ техники ремесла и вообще хозяйства. Кромѣ того, путемъ сравненія вещественныхъ памятниковъ разныхъ странъ, она проливаетъ свѣтъ на первые шаги международныхъ отношеній, основанныхъ на обмѣнѣ естественными и искусственными продуктами. Въ этомъ пунктѣ археологія идетъ на встрѣчу исторіи, указывая «на важное значеніе Востока въ исторіи древнѣйшей культуры Европы и на мощное вліяніе, которое имъ оказывалось въ разныя эпохи на эволюцію искусства, техники, творческой мысли Запада» (Д. Анучинъ). Вопросъ этотъ получилъ недавно новое освѣщеніе въ русской литературѣ въ замѣчательномъ трудѣ Н. П. Кондакова: «Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода» (Спб. 1896 г.), который можетъ служить отличнымъ дополненіемъ къ общему обзору д-ра Нидерле. Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ и множество цѣнныхъ наблюденій, собранныхъ археологами, не даютъ вполнѣ яснаго представленія о доисторическихъ судьбахъ Европы, въ виду необычайной трудности основного для подобныхъ изслѣдованій вопроса: какія племена были носителями возстановляемыхъ изъ нѣдръ земли типовъ культуры? Трудъ Нидерле даетъ возможность познакомиться съ тѣмъ, какъ этотъ вопросъ стоитъ въ современной наукѣ и до чего онъ еще далекъ отъ надежнаго рѣшенія. Достаточно сказать, что вопросъ о томъ, греческая или нѣтъ та культура, которую Шлиманнъ открылъ въ Микенахъ и др. мѣстностяхъ Эллады—остается все еще спорнымъ. Одна археологія безсильна въ рѣшеніи подобныхъ этнографическихъ вопросовъ и должна ждать помощи отъ сравнительнаго языкознанія и, отчасти, изученія памятниковъ Востока. Къ сожалѣнію, ни авторъ, ни переводчикъ не воспользовались цѣннымъ трудомъ Макса Мюллера: «Азія и Европа по египетскимъ памятникамъ», который даетъ рядъ очень цѣнныхъ указаній для археологіи и этнографіи южной Европы въ доисторическія времена. Но выводы археолога относительно этнографіи средней и сѣверной Европы не имѣютъ подспорья въ свидѣтельствахъ съ Востока и принуждены опираться исключительно на антропологическихъ и археологическихъ данныхъ. Отсюда значительная спорность этихъ выводовъ. Авторъ, какъ славянинъ, особенно тщательно разсмотрѣлъ вопросъ о древнѣйшемъ типѣ и древнѣйшей культурѣ славянскаго племени. Многія его замѣчанія очень интересны, но не за всѣми его выводами можно признать твердую научность (напр., относительно измѣненія первоначальнаго физическаго типа славянъ). Впрочемъ, общее заключеніе автора представляется очень вѣроятнымъ: «славяне,—говоритъ онъ,—не представляютъ собою чистой антропологической единицы... Наиболѣе чистый славянскій типъ представляютъ собою теперь, повидимому, бѣлоруссы (?); великоруссы же проникнуты въ большей степени азіатскими примѣсями»; но «сохраненіе племенной чистоты чаще ослабляетъ народъ, а смѣшеніе съ другими племенами его усиливаетъ... Воспринятіемъ въ себя азіатскихъ элементовъ, которые, кажется, внесли въ русскій характеръ извѣстную долю выносливости, стойкости, самоотверженія, восточные славяне вознаградили то, что ихъ братья потеряли на западѣ. Если бы славянскій элементъ оказался такимъ же податливымъ на сѣверѣ и востокѣ, какъ на западѣ, то славяне никогда не достигли бы такого великаго значенія въ исторіи человѣчества. Теперь же они могутъ съ довѣріемъ смотрѣть на будущее».

А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Спб. 1898 г., стр. X + 348 + 171. Ц. 4 руб. Книга А. К. Бороздина доставила ему ученую степень магистра русской словесности; такимъ образомъ, историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета призналъ за ней опредѣленное научное значеніе. Кромѣ того, названный трудъ и по выбору темы заслуживаетъ вниманія: если не ошибаемся, это лишь второй примѣръ труда по исторіи раскола, принад-

лежащаго перу университетскаго ученаго. Первымъ была появившаяся въ 1889 г. диссертація В. Г. Дружинина: «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» Исторія раскола, какъ и вообще исторія церкви, находятся у насъ, почти исключительно, въ рукахъ преподавателей духовныхъ академій. И не по однѣмъ только внѣшнимъ причинамъ. Вопросы, связанные съ этими отдѣлами исторической науки, несомнѣнно, требуютъ отъ изслѣдователя солидной церковно-исторической и богословской подготовки, которая отсутствуетъ у воспитанниковъ университета. Конечно, расколъ—не только церковное явленіе и изслѣдователь, изучающій, подобно В. Г. Дружинину, главнымъ образомъ, его связь съ опредѣленными общественными движеніями, можетъ избѣжать трудной задачи—разбираться въ оттѣнкахъ богословскихъ ученій. Но А. К. Бороздинъ поставилъ себѣ болѣе сложную и глубокую задачу: написать «литературную біографію» крупнѣйшаго изъ расколоучителей, возстановить его идеи и тенденціи, характеризовать его учительную роль, его значеніе въ исторіи раскола. Такая задача налагала на автора обязанность преодолѣть сложныя затрудненія. Вполнѣ выяснить фигуру «богатыря-протопопа» возможно лишь на фонѣ того движенія, которое выразилось въ его дѣятельности, и, какъ признаетъ самъ авторъ, въ связи «съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца». Къ сожалѣнію, авторъ, посвятивъ свой трудъ изученію литературной дѣятельности Аввакума, слишкомъ мало остановился на выясненіи основныхъ чертъ культурнаго броженія, охватившаго русское общество въ XVII вѣкѣ, а также источниковъ и характера раскольничьяго протеста. Онъ какъ бы предполагаетъ эти общіе вопросы рѣшенными и ограничивается отдѣльными замѣчаніями тамъ, гдѣ требуется еще не мало научнаго анализа темныхъ и спорныхъ вопросовъ. Не выяснивъ себѣ, въ достаточной степени, общій историческій смыслъ изучаемыхъ явленій, авторъ обезсилилъ себя и въ ближайшей задачѣ своей—изучить содержаніе аввакумовскихъ писаній. Сочиненія эти детально изучены авторомъ; ему удалось найти рядъ еще неизвѣстныхъ текстовъ, послужившихъ матеріаломъ для обширныхъ приложеній. Но, излагая мнѣнія Аввакума, авторъ указываетъ, группируетъ и толкуетъ ихъ, не вдаваясь въ существенный вопросъ: что тутъ принадлежитъ лично Аввакуму, а что создано всей эпохой и каковы условія, въ которыхъ выработалось полное самобытной оригинальности міровоззрѣніе Аввакума. Напрасно авторъ думаетъ, что все рѣшено указаніемъ на свободу, съ которой Аввакумъ пользовался источниками; онъ слишкомъ съузилъ свою задачу, ограничившись анализомъ, какъ самъ говоритъ, «формальныхъ источниковъ его пріемовъ и взглядовъ» и отказавшись отъ болѣе трудной, но единственно плодотворной задачи указать культурно-историческіе и психологическіе источники этихъ взглядовъ и пріемовъ.

А между тѣмъ, яркая фигура протопопа Аввакума требуетъ объясненія, а не только описанія, какое даетъ авторъ. Въ русской исторіи немного такихъ сильныхъ и значительныхъ образовъ. Аввакумъ самъ даетъ намъ возможность присмотрѣться къ себѣ въ многочисленныхъ писаніяхъ и, особенно, въ автобіографіи. Его стиль, образный и увлекательный, образецъ чисто-народнаго и часто очень художественнаго языка, ставитъ его въ ряды крупныхъ писателей русскихъ. Могучая натура, полная самоотреченія и, несмотря на грубость, высокой нравственной силы и чистоты, дѣлаетъ его интересной и привлекательной личностью. Съ характеромъ и стилемъ Аввакума лучше всего познакомиться по «Житію Аввакума, имъ самимъ написанному»; наиболѣе доступное, старое изданіе Кожанчикова, подъ редакціею покойнаго Н. С. Тихонравова; лучше изданіе въ V томѣ «Матеріаловъ по исторіи раскола» проф. Субботина, гдѣ помѣщены и другія важнѣйшія сочиненія протопопа; наконецъ, интересный по большей полнотѣ текстъ житія изданъ въ приложеніяхъ къ диссертаціи А. К.

Бороздина. Кромѣ того, для знакомства съ замѣчательной личностью Аввакума весьма удобна брошюра В. А. Мякотина: «Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность», написанная не безъ таланта (въ «біографической библіотекѣ» Павленкова). Разборъ и оцѣнка «Житія», которое не «простая автобіографія, а написано съ тою цѣлью, «да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе», и потому есть, дѣйствительно, «житіе святого», одна изъ лучшихъ частностей въ изслѣдованіи А. К. Бороздина.

Но Аввакумъ интересенъ не только, какъ писатель и какъ замѣчательная личность. Онъ и оригинальный мыслитель. Въ его еретическихъ разсужденіяхъ, сильно смущавшихъ его послѣдователей, чувствуется большая сила мысли очень опредѣленнаго по складу ума. Едва ли нашъ авторъ вполнѣ правъ, выставивъ такой тезисъ: «еретичество Аввакума объясняется, какъ результатъ полемическаго увлеченія, стремленія опровергнуть воображаемую ересь противника и неумѣнія точно выражаться объ отвлеченныхъ богословскихъ предметахъ». Корни еретичества Аввакума лежатъ глубже. Оно, прежде всего, результатъ стремленія наглядно и ясно представить себѣ суть непостижимой догматической тайны, Тріединаго Бога. Оно, во-вторыхъ, результатъ весьма любопытной психологической особенности аввакумова ума, которую можно бы назвать стремленіемъ къ «динамическимъ» представленіямъ: Аввакумъ не можетъ понять «вездѣприсутствія Божія» иначе, какъ въ формѣ всюду разлитой дѣятельной силы Божіей, и говоритъ: «всюду Божія сила, а свойства блаженнаго Существа—въ вышнихъ пребываетъ» и учитъ, что Богъ вочеловѣчился не существомъ, но благодатью. Такъ и въ изложеніи мнѣній Аввакума авторъ ограничился указаніемъ *формальныхъ* источниковъ или, лучше сказать поводовъ, по которымъ они были Аввакумомъ оформлены, и оставилъ въ сторонѣ вопросъ о психологическихъ источникахъ этихъ мнѣній. Наконецъ, авторъ, по недоразумѣнію, устанавливаетъ, какъ основную черту историческаго значенія Аввакума, то, что онъ «разработалъ основы безпоповщины». На диспутѣ 17-го мая, П. С. Смирновъ указалъ, что тѣ взгляды Аввакума, которые А. К. Бороздинъ (какъ и В. А. Мякотинъ), считаетъ признаками безпоповства, признаются православной церковью и вполнѣ каноничны. Недостаточно выясненнымъ остается и вопросъ объ общественномъ характерѣ дѣятельности Аввакума, потому что авторъ, тщательно разобравъ отношенія протопопа къ царю, не связалъ вопросъ объ этихъ отношеніяхъ съ общими явленія той эпохи, такъ рѣзко измѣнившими положеніе церкви въ государствѣ. «Расколъ, скажемъ словами Тихонравова, былъ не церковнымъ только, а общественнымъ, политическимъ явленіемъ. Отрицая «благовѣріе» въ государѣ, старовѣры отказывались повиноваться ему; они отказывались подчиняться новому порядку вещей и обществу, которое приняло этотъ порядокъ». Вступивъ въ споръ съ высшей церковной іерархіей, расколоучители должны были стать въ оппозицію къ правительственной власти, особенно послѣ собора 1667 г., который положилъ начало подчиненію церковныхъ дѣлъ свѣтской власти, законченному Петромъ Великимъ. Этотъ процессъ вызвалъ упорный протестъ среди раскольниковъ, начиная съ Аввакума и его сотрудниковъ, не желавшихъ признать, чтобы авторитетъ свѣтской власти могъ имѣть какое-нибудь значеніе въ вопросахъ вѣры. Какъ сильно чувствовалось новое, политическое значеніе церковнаго спора, видно, напримѣръ, въ очеркѣ «Боярыня Морозова», Н. С. Тихонравова (Сочиненія, т. II).

Если, такимъ образомъ, многіе существенные вопросы вовсе обойдены или неправильно поставлены въ трудѣ А. К. Бороздина, то трудъ этотъ все-таки даетъ цѣнный вкладъ значительнымъ количествомъ новаго матеріала и рядомъ отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 г. и первое посольство въ Хиву въ 1842 г. Спб. Изд. П. П. Сойкина. 1898 г. Ц. 50 к. Съ нѣкоторымъ смущеніемъ отнесли мы книжонку г. Захарьина къ отдѣлу исторіи, съ которой новое произведеніе многообильнаго «поэта», «беллетриста» и нынѣ «историка» г. Захарьина имѣетъ крайне мало общаго, какъ увидимъ ниже. Мы имѣемъ въ виду не льстиво-хвалебный тонъ этой книжечки, написанной въ духѣ сугубо квасного и трактирнаго патріотизма; къ такимъ «исторіямъ» мы уже достаточно привыкли и обыкновенно, вмѣсто всякаго отзыва, просто опускаемъ ихъ въ сорную корзину. И если для г. Захарьина мы дѣлаемъ исключеніе, то именно въ виду одной его особенности, правда, тоже далеко не новой. Особенность эта можетъ быть лучше всего опредѣлена словами «травлей инородцевъ», а оригинальность нашего «историка» въ томъ лишь заключается, что онъ ухитрился припутать этотъ современный и модный мотивъ къ такому событію, какъ походъ въ Хиву, бывшій 60 лѣтъ тому назадъ и съ современными настроеніями не имѣющій, повидимому, ничего общаго. Однако, такъ «повидимому» только для неухищреннаго въ розыскѣ и сыскѣ простого читателя. Но «мужъ многоопытный», г. Захарьинъ, напр., видитъ ковы и козни инородческой крамолы даже въ дали вѣковъ и, обурѣваемый жаждой правды и справедливости, извлекаетъ ее, крамолу нѣмецкую и польскую, на свѣтъ божій изъ тьмы временъ въ поученіе потомству. «Да вѣдаютъ потомки православныхъ», что доблесть русскихъ военачальниковъ не знаетъ преградъ и терпитъ неудачи исключительно благодаря инородческимъ происканъ и зависти иноплеменныхъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Храбрый и геніальный русскій воитель, генералъ Перовскій, задумалъ «отмстить неразумнымъ» хивинцамъ, «ихъ нивы и села, за буйный набѣгъ обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ», но... «во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время *иноземцы*, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которымъ были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ далекомъ востокѣ, но даже его слава и государственная честь, такъ дерзко принижаемая и оскорбляемая, въ данномъ случаѣ, хивинскимъ ханомъ и его соправителями» (стр. 16). Эти-то «иноземцы», во-первыхъ, помѣшали Перовскому воодушевить своей идеей похода петербургскія сферы. Дальше, положимъ, мы узнаемъ, что «одинъ только военный министръ, графъ Чернышевъ продолжалъ оппонировать Перовскому» (стр. 23)— и, какъ увидимъ ниже, не безъ основанія,—но «иноземцы» не даромъ указаны нашимъ историкомъ. Дѣло въ томъ, что когда походъ былъ разрѣшенъ и приступили къ обсужденію подробностей уже на мѣстѣ, иноземцы съумѣли таки подгадить русскому оружію. Экспедицію Перовскій рѣшилъ начать глубокой зимой по совѣту *поляка*, генерала Ціолковскаго, а путь выбралъ по указанію *нѣмца* графа Берга,—и оба эти совѣта были гибельны. Зима, суровая и снѣжная, погубила отрядъ, а путь оказался самымъ безпутнымъ. Кромѣ того, полякъ Ціолковскій оказался злымъ демономъ Перовскаго. «Онъ, *по разсказамъ* (замѣтьте, осторожность нашего историка!), попалъ въ Оренбургъ вскорѣ послѣ польскаго мятежа 1831 г., въ качествѣ ссыльнаго полковника польскихъ войскъ, сильно скомпрометированный. Вскорѣ же по пріѣздѣ Перовскаго въ Оренбургъ (въ 1833 г.), полковникъ Ціолковскій съумѣлъ вкрасться къ новому губернатору въ такое довѣріе, такъ заискать передъ нимъ и расположить къ себѣ, что походъ 1839 г. засталъ его командиромъ башкирскаго войска, въ чинѣ уже генералъ-маіора. Существуетъ *весьма основательное* свѣдѣніе (какое, г. «историкъ»?), что государь, прощаясь съ Перовскимъ въ началѣ 1839 г. и хорошо, повидимому (опять, какая истинно-научная осторожность!), зная о томъ недобромъ вліяніи, какое имѣлъ Ціолковскій на молодого оренбургскаго губернатора, настоятельно совѣтовалъ ему не допускать къ себѣ этого ссыльнаго поляка. Тѣмъ не менѣе, Ціолковскій попалъ все-таки въ экспедицію (это въ

противность «настоятельному» совѣту Императора Николая!), и сталъ затѣмъ злымъ геніемъ отряда и всего похода». Онъ морилъ солдатъ, разстрѣливалъ ихъ зря, наконецъ, сталъ отравлять верблюдовъ, противъ чего «историкъ» скромно, но съ достоинствомъ осмѣливается возражать, замѣчая, что «это тяжкое обвиненіе, по нашему глубокому убѣжденію, *едва ли* (какая осторожность, тѣмъ не менѣе!) справедливо». Эта скромность не помѣшала ему опять выдвинуть тоже обвиненіе противъ «поляка» (стр. 103). Но, спроситъ иной читатель-простецъ, какъ же генералъ Перовскій этого не видѣлъ и не слышалъ? Вѣдь, онъ былъ главнокомандующимъ и одного его слова было довольно, чтобы уничтожить Ціолковскаго? Чего же онъ-то смотрѣлъ? На эти вопросы нашъ историкъ считаетъ за лучшее не отвѣчать, замѣтивъ лишь вскользь, что «когда узналъ объ этомъ генералъ Перовскій, то рѣшилъ, наконецъ, смѣстить этого варвара, и начальникомъ 1-ой колонны былъ назначенъ полковникъ Гекке» (стр. 63), но затѣмъ, хотя и понявъ все «варварство» измѣнщика-поляка, «приказомъ по отряду отъ 9-го января 1840 года назначилъ начальникомъ отдѣльной колонны (самый важный постъ послѣ главнокомандующаго!) Ціолковскаго» (стр. 85). Тутъ ужъ генералъ Ціолковскій развернулся «во вся» и на глазахъ у Перовскаго и всей арміи откалывалъ такія штуки.

«Затѣмъ, Ціолковскій установилъ такую систему шпіонства въ колоннѣ, что офицеры могли говорить откровенно между собою развѣ только шепотомъ... Должность оберъ-шпіона занялъ унтеръ-офицеръ изъ ссыльныхъ поляковъ Антоній Завадзкій, уроженецъ Виленской губерніи, называвшій себя «юнкеромъ» и вкравшійся въ полное довѣріе офицеровъ. Этотъ Завадзкій, равно какъ и 17 человѣкъ другихъ поляковъ, состоявшихъ въ колоннѣ большею частью въ унтеръ-офицерскомъ же званіи, были постоянными гостями генерала Ціолковскаго, обѣдали у него, ужинали, пили чай; иногда, въ видѣ особой милости, генералъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ кого-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ, или штабъ-офицеровъ, командировъ баталіоновъ, которые и попадали, такимъ образомъ, въ довольно своеобразное общество, говорившее, къ тому же, исключительно на польскомъ языкѣ. Генералъ Ціолковскій, боявшійся, ранѣе, злого языка прямодушнаго штабъ-капитана Никифорова, теперь уже не стѣснялся никѣмъ и ничѣмъ: онъ позволялъ себѣ на этихъ обѣдахъ открыто порицать дѣйствія главноначальствующаго, обвиняя генералъ-адъютанта Перовскаго въ «необдуманности похода»; онъ прямо высказывалъ мысль, что генералъ Перовскій не нынче-завтра долженъ-де быть уволенъ и отозванъ въ Петербургъ и что, по всей вѣроятности, онъ самъ догадается вернуться изъ Эмбенскаго укрѣпленія обратно въ Оренбургъ... что онъ, генералъ Ціолковскій, въ качествѣ старшаго генерала въ отрядѣ, долженъ будетъ принять главную команду—и постарается тогда взять Хиву... При этомъ онъ не разъ успокоивалъ обѣдавшихъ съ нимъ поляковъ унтеръ-офицеровъ, что всѣ они, за походъ, будутъ непремѣнно произведены въ офицеры. Такъ какъ эти и многія другія рѣчи начальника колонны сильно отдавали обычною польскою болѣзнью, политическимъ хвастовствомъ, то приглашаемые штабные стали, подъ разными предлогами, уклоняться отъ званыхъ обѣдовъ въ штабной кибиткѣ; затѣмъ, перестали ихъ приглашать и самъ генералъ Ціолковскій» (стр. 104—105).

Теперь для самаго неопытнаго въ военномъ дѣлѣ читателя понятно, что при такихъ начальникахъ, изъ которыхъ одинъ—полякъ стремился сгубить ненавистное ему русское воинство, другой—русскій ни на что не обращалъ вниманія,—походъ долженъ былъ кончиться гибелью, какъ оно и случилось.

Такимъ образомъ, цѣль г. Захарьина достигнута: геній русскаго военачальника очевиденъ, подлость иноземцевъ доказана, а «Промыселъ Божій и тутъ пришелъ на помощь къ изнеможенному духомъ человѣку» (такимъ язы-

комъ написана брошюра, стр. 81), пославъ намъ г. Захарьина, который достойно воспѣлъ «легендарнаго чудо-богатыря, русскаго солдата», какъ выражается нашъ авторъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

«Фабрично-заводская промышленность Россіи».—*А. Скворцовъ.* «Основанія политической экономіи».—*Н. Рейхсбергеръ.* «Статистика и наука объ обществѣ»,

Фабрично-заводская промышленность Россіи. Перечень фабрикъ и заводовъ. С.-Петербургъ 1897 г. Изданный департаментомъ торговли и мануфактуръ «Перечень фабрикъ и заводовъ» можетъ служить типичнымъ образчикомъ небрежнаго собиранія и обработки статистическаго матеріала нашихъ оффиціальныхъ изданій.

Въ Перечнѣ, какъ и во всякомъ статистическомъ сборникѣ, найдется много неисправленныхъ мелкихъ погрѣшностей: пропусковъ и ошибокъ. Такъ, т-во шерстяныхъ издѣлій Торнтона (№ 2.252) показано за Нарвской заставой вмѣсто Невской; типографія Линдау (№ 5.086) значится на площади Большого театра, тогда какъ таковой въ Петербургѣ нѣтъ, а есть просто театральная площадь; нѣкоторыя фабрики показаны въ Семирѣченской и Семипалатинской губерніяхъ (sic!)—№№ 2.290, 2.291, 2.297 и др.; въ иныхъ случаяхъ въ адресѣ поставлено названіе, но не указано—улица это или площадь; напр., Покровская—улица или площадь? и др. (№№ 4.007, 4.009, 4.027 и пр.); во многихъ заведеніяхъ не обозначено число рабочихъ дней въ году (по Петербургу въ 31-омъ заведеніи); пропущены №№ домовъ и т. п.

Со всѣми этими погрѣшностями можно было бы примириться, если бы къ приведеннымъ недочетамъ не прибавился массовый пропускъ фабрикъ и заводовъ. Въ Перечнѣ по одному Петербургу не показано до 200 заведеній (?!); пропущены, напр., заводы: Александровскій сталелитейный, Обуховскій, Путиловскій, чугунолитейный Нобеля, карточная фабрика, металлическихъ издѣлій Кумберга, Лангезипена, Пороховые заводы, патронный на Литейномъ, ситценабивная подъ фирмою «Гукъ», Глухоозерскій цементный, Громовская биржа и др., всего 200 съ лишнимъ заведеній. Немудрено поэтому, что послѣ подсчета въ Перечнѣ числа рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ Петербурга, вмѣсто, приблизительно, 110 тысячъ рабочихъ (кромѣ малолѣтнихъ), получается всего 83.150 человѣкъ. Такая значительная разница въ итогахъ, благодаря массовымъ пропускамъ, дѣлаетъ изданіе совершенно непригоднымъ для пользованія. Особенно является необходимымъ обратить вниманіе на исключительные недостатки Перечня составителямъ «Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности за 1895 г.», чтобы статистическія данныя, помѣщенныя въ Перечнѣ, а особенно итоги, которые будутъ подведены въ самомъ непродолжительномъ времени, въ самомъ дѣлѣ не были приняты за достаточный матеріалъ «для выясненія вопроса о томъ, въ какомъ направленіи совершается развитіе нашей промышленности, какія, соотвѣтственно этому, должны быть приняты новыя мѣры къ дальнѣйшему ея преуспѣянію и введеніе какихъ именно измѣненій въ дѣйствующія уже узаконенія было бы особенно полезно» (Перечень. Введеніе, стр. I). По свѣдѣніямъ «Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности Россіи за 1892 г.» общее число фабрикъ и заводовъ повсемѣстно въ Россіи равнялось 26.198, мелкія же промышленныя заведенія съ годовымъ производствомъ въ 1.000 р.,—а таковыхъ болѣе 101 тысячи заведеній,—въ это число включались; между тѣмъ въ 1895 г. по Перечню, куда включены не только

квасоварни и хлѣбопекарни, но и вѣтряныя и водяныя мельницы, производящія въ годъ продуктовъ на 78 и даже 36 р. (№№ 14.752, 14.721 и др.), общее число промышленныхъ заведеній равнялось только 22.264, т. е. по новымъ даннымъ на 3.934 заведенія меньше. Отсюда можно, не ошибаясь, заключить, что составители Перечня пропустили болѣе 4.000 промышленныхъ заведеній по всей Россіи. Если же мы обратимся къ числу рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, то окажется, что въ 1892 году таковыхъ было 1.171.100 человѣкъ, а въ 1895 г. по Перечню значится, послѣ подсчета, 1.174.529 человѣкъ, слѣдовательно, несмотря на массовый пропускъ промышленныхъ заведеній, число рабочихъ увеличилось на 3.529 человѣкъ. Если же принять въ разсчетъ пропускъ фабрикъ и заводовъ по Петербургу и по всей Россіи (напр., чугунолитейнаго завода въ Перми «Мотовилиха» съ 17 тысячъ рабочихъ и др. *), а также, что число рабочихъ во многихъ заведеніяхъ уменьшено сравнительно съ дѣйствительностью (напр., фабрика Кузнецова въ Тверской губерніи (№ 11.494) имѣетъ, по даннымъ Перечня, 1.417 рабочихъ, а въ дѣйствительности около 3.000 человѣкъ), то станетъ очевиднымъ, что число рабочихъ уменьшено по Перечню, по крайней мѣрѣ, вдвое.

Въ Перечнѣ всѣ промышленныя заведенія подраздѣлены на XII отдѣловъ, «смотря по преобладающему, въ смыслѣ суммы выработки, роду обрабатываемаго матеріала или характеру производства». Но подраздѣленіе это настолько спутано, что зачастую не выдерживаетъ критики. Возьмемъ частный примѣръ: красильня Дамма (№ 2.259) отнесена составителями безъ всякихъ видимыхъ причинъ во II отдѣлъ—обработки шерсти, тогда какъ красильни Адлера, Голаевскаго и др. (№№ 4.036, 4.037)—помѣщены въ V отдѣлѣ, отдѣлѣ смѣшанныхъ производствъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Возможная разница между ними въ томъ, что первая окрашиваетъ матеріи (шерстяныя?), а вторая—вещи, недостаточна для такого дѣленія. Въ этомъ случаѣ былъ болѣе правъ г. Орловъ, который помѣстилъ всѣ красильни въ I отдѣлѣ «Указателя фабрикъ и заводовъ», въ группѣ красильныхъ и набивныхъ производствъ.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе цѣлый рядъ курьезовъ, полученныхъ вслѣдствіе небрежности составителей, которые въ рубрику «Наименованіе производствъ въ промышленномъ заведеніи» включили также и предметы, заготовляемые заведеніемъ не для сбыта, а для себя—для нуждъ фабрики или завода. Такимъ путемъ на страницахъ изданія департамента торговли и мануфактуръ фигурируютъ заводы: ультрамариновые и вмѣстѣ съ тѣмъ гончарные (№ 23.245 Веге), прядильная фабрика и... газовый заводъ съ ремонтной мастерскою (№ 818 т-во Екатерингофской мануфактуры), уксусные, консервные и... бондарные (№ 20.029 Штурмъ) и т. п.

Перечень фабрикъ и заводовъ выполненъ подъ руководствомъ и редакціей фабричнаго ревизора В. И. Михайловскаго и вице-директора Н. П. Ланговаго; свѣдѣнія, помѣщенныя въ Перечнѣ, собраны непосредственно отъ г.г. фабрикантовъ и заводчиковъ, а самое собираніе и повѣрку статистическихъ свѣдѣній министръ финансовъ, какъ говоритъ Введеніе, возложилъ на фабричныхъ инспекторовъ и губернскихъ (областныхъ) механиковъ, и тѣмъ не менѣе въ изданіи явилось возможнымъ допустить такую опечатку (если это только опечатка), что въ шести промышленныхъ заведеніяхъ Петербурга (№ 5.035 Бехли. Альбомная

*) Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, перечислить всѣ пропуски, приводимъ на выдержку: *Москва*—Митищинскій вагонный; *Тверь*—Верхне-волжскій вагонный; *Николаевскъ*—Спб.—Анонимное общ., Акціон. общ. корабельный: *Харьковъ* — Южно-русскій машиностроительный; *Екатеринославская губ.* — Никополь-маріупольскій металлургическій, Провидансъ, Друшковскій, Петровскій, Гартмана, динамитныя фабрики; *Нижегородская губ.*—Сормовскій заводъ и т. д. Нѣтъ совсѣмъ горно-заводской промышленности.

фабрика; № 5.073 акц. о-во типографскаго дѣла въ С.-Петербургѣ. Типографія; № 20.000 Беренъ. Кондитерская; № 20.004 «Рабонъ». Кондитерская; № 20.029 Штурмъ. Уксусное и № 23.271 акц. о-во освѣщенія газомъ. Газовый заводъ) рабочіе круглый годъ (365 дней работы) не имѣютъ ни одного свободнаго отъ работы дня; что въ двухъ заведеніяхъ (№ 19.990 Циринъ. Булочная № 20.007 Гейнацъ. Паровая пекарня) имѣютъ всего пять свободныхъ дней въ году; что въ одномъ (№ 5.062. Суворинъ. Типографія «Новаго Времени») рабочіе свободны лишь семь дней въ году и т. п., а съ другой стороны встрѣчаются не менѣе абсурдныя данныя, по которымъ въ прядильнѣ Джемса Бека работаютъ только 146 дней въ году, а въ ватной фабрикѣ Кожевникова даже 115 дней.

Все вмѣстѣ взятое заставляетъ признать, что разсматриваемый почтенный трудъ, заключающій въ себѣ 1.047 страницъ и стоящій ни больше, ни меньше, какъ семь рублей, далеко не отвѣчаетъ ни цѣнѣ, ни тѣмъ надеждамъ, которыя возлагаетъ на него во Введеніи департаментъ торговли и мануфактуръ.

Правда, Департаментъ не считаетъ добытыхъ имъ свѣдѣній «во всемъ ихъ объемѣ вполнѣ удовлетворительными», но онъ признаетъ, что «и въ данномъ видѣ собранный матеріалъ можетъ служить достаточнымъ руководствомъ при многихъ надобностяхъ, какъ для правительственныхъ, такъ и для частныхъ учрежденій». Съ этимъ, однако, нельзя согласиться. Говоря вполнѣ объективно, трудъ департамента для какой-нибудь «надобности», пожалуй, и можетъ оказаться пригоднымъ, но чтобы служить достаточнымъ руководствомъ какъ для правительственныхъ, такъ и для частныхъ учрежденій—это ужъ врядъ ли *).

А. Скворцовъ. Основанія политической экономіи. Спб. 1898. Проф. Скворцовъ извѣстенъ въ русской экономической литературѣ, съ одной стороны, своими статьями по теоріи ренты и прибыли, съ другой—работами въ области экономіи сельскаго хозяйства («Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство» и «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи»). Въ нихъ онъ заявилъ себя серьезнымъ теоретикомъ-мыслителемъ и хорошимъ знатокомъ русской экономической жизни. Тѣмъ съ большимъ интересомъ будетъ встрѣченъ полный курсъ политической экономіи, только что вышедшій изъ подъ его пера. По заявленію автора, онъ «незадавался цѣлью создать учебника, но имѣетъ въ виду дать систематическій обзоръ всего цикла явленій, составляющихъ предметъ изслѣдованія науки». Прежде всего позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о формальной сторонѣ дѣла. Цѣль книги для насъ не совсѣмъ ясна. Если книга есть самостоятельное произведеніе, то непонятно, зачѣмъ попала въ нее, напр., глава о цѣнности, которая есть ничто иное, какъ изложеніе (правда, весьма удачное) теоріи Маркса, или многія другія главы, гдѣ сообщаются самыя элементарныя свѣдѣнія и гдѣ личному творчеству автора почти совсѣмъ не удѣлено мѣста (такова, напр., добрая половина всего отдѣла объ «обращеніи»). Если же цѣль автора была дѣйствительно дать «систематическій обзоръ», то надо было бы по крайней мѣрѣ выдержать эту систематичность. На самомъ дѣлѣ ея въ книгѣ очень мало; такъ какъ матеріалъ распредѣленъ очень неравномѣрно: ученіямъ о прибыли и рентѣ, напр., предмету спеціальныхъ изслѣдованій проф. Скворцова, удѣлено болѣе 100 стра-

*) Съ заключеніемъ почтеннаго рецензента тоже нельзя согласиться безусловно. Такъ, профессоръ Н. А. Карышевъ, пользуясь настоящимъ трудомъ департамента, написалъ статью, помѣщенную въ «Извѣстіяхъ Московскаго сельскохозяйственнаго института», въ которой, на основаніи такихъ «достовѣрныхъ» данныхъ, дѣлается любопытный выводъ, что абсолютное увеличеніе числа рабочихъ не поспѣваетъ за естественнымъ приростомъ, и далѣе, что число фабрично-заводскихъ рабочихъ у насъ составляетъ пока ничтожную часть населенія и притомъ едва ли увеличивающуюся соотвѣтственно приросту населенія. Не везетъ почтенному профессору съ его статистикой. (См., напр., книгу г. Туганъ-Барановскаго «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», стр. 348 и слѣд.). *Ред.*

ницъ, тогда какъ «заработная плата» излагается на семи страничкахъ. Кромѣ того, имѣются многія несообразности и въ распредѣленіи главъ по отдѣламъ: почему, напр., глава о цѣнности попала въ отдѣлъ «производства», а глава о формахъ производства въ отдѣлъ «распредѣленія»? Въ результатѣ книга производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе: не то учебника, не то спеціальнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ, къ которому ради приличія прибавлено нѣсколко замѣчаній по остальнымъ вопросамъ науки.

По характеру сообщаемыхъ свѣдѣній книга можетъ быть раздѣлена на двѣ части: одна часть ея (главы о прибыли, рентѣ, формахъ производства, рынкахъ и путяхъ сообщенія) посвящена самостоятельнымъ теоріямъ автора, другая (почти всѣ остальныя главы) содержитъ одни лишь элементарныя свѣдѣнія и приближается къ характеру учебника. Мы остановимся только на первой.

На половину она является повтореніемъ того, что было высказано проф. Скворцовымъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ. Таково, напр., почти все, что касается жгучихъ вопросовъ современности: развитія капитализма, судебъ крестьянства и общиннаго землевладѣнія. Пускаться въ подробное разсмотрѣніе всего этого мы не будемъ именно потому, что высказываемые авторомъ взгляды не являются новостью. Читатель, интересовавшійся всѣми этими вопросами, навѣрное уже знакомъ съ точкою зрѣнія и выводами проф. Скворцова. Незнакомымъ съ нимъ мы можемъ лишь усиленно рекомендовать изученіе какъ этого, такъ и прежнихъ произведеній автора. Въ нихъ читатель найдетъ серьезное и оригинальное изслѣдованіе многихъ запутанныхъ вопросовъ, массу свѣдѣній по техникѣ и экономикѣ сельскаго хозяйства и солидную обосновку такъ называемой «марксистской» точки зрѣнія. Мы перейдемъ къ самой интересной части работы проф. Скворцова—къ его ученіямъ о прибыли и рентѣ. Въ нихъ авторъ даетъ критику третьяго тома «Капитала» Маркса — и это одно уже даетъ книгѣ право на вниманіе общества. Проф. Скворцовъ предлагаетъ свое разрѣшеніе знаменитой «сфинксовой загадки» о соотношеніи между трудовой цѣнностью и среднимъ уровнемъ прибыли. Онъ думаетъ, что того отклоненія цѣны отъ цѣнности, которое счелъ нужнымъ установить Марксъ, вовсе не требуется: капиталы могутъ давать средній уровень прибыли, даже если продукты будутъ обмѣниваться строго соотвѣтственно труду, затраченному на ихъ производство. Основанія этому авторъ видитъ въ слѣдующемъ: 1) прибыль должна исчисляться не на весь затраченный въ предпріятіи капиталъ, какъ это думалъ Марксъ, а лишь на «авансированный», т. е. на оборотный и на ту часть основного, которая непосредственно входитъ въ цѣнность годового продукта. При такомъ исчисленіи не можетъ быть большой разницы въ нормахъ прибылей крупныхъ и мелкихъ капиталовъ, такъ какъ главная часть крупнаго капитала затрачивается на долго сохраняющіеся элементы производства, какъ зданія, машины и пр. 2) Остающаяся разница можетъ быть до извѣстной степени уничтожена тѣмъ, что въ крупныхъ предпріятіяхъ норма прибавочной цѣнности выше, и обращеніе быстрѣе, чѣмъ въ мелкихъ, и 3) наконецъ, полнаго равенства прибылей и не существуетъ: крупные капиталы должны довольствоваться меньшимъ процентомъ, нежели мелкіе. Теорію эту нужно признать совершенно несостоятельной: 1) прибыль исчисляется капиталистомъ всегда на весь затраченный капиталъ. Капиталисту нѣтъ дѣла до того, входитъ ли цѣнность капитала въ цѣнность продукта сейчасъ, или позднѣе. Онъ затратилъ деньги, и на эти деньги ждетъ себѣ соотвѣтствующей прибыли. Возраженіе Марксу, что «нельзя становиться на точку зрѣнія капиталиста», нелѣпо потому, что въ данномъ случаѣ точка зрѣнія капиталиста является сама факторомъ экономической жизни. 2) Разница въ быстротѣ оборота и нормѣ прибавочной цѣнности между крупными и мелкими капиталами можетъ уровнять разницу въ сложеніяхъ капитала только случайно.

и стало быть всегда остается возможность несовпаденія уровней прибыли. 3) Наконецъ, что касается того, что полнаго равенства нормъ прибыли и не существуетъ, то тутъ дѣло объясняется уже нѣкоторымъ монопольнымъ положеніемъ болѣе крупныхъ капиталовъ. Въ случаѣ же монополіи, продуктъ уже не продается по трудовой цѣнности, а по такой цѣнѣ, какая заблагоразсудится капиталисту или при какой онъ можетъ выручить максимумъ прибыли. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній мы должны считать попытку г. Скворцова объяснить задачу инымъ путемъ, чѣмъ это сдѣлано у Маркса, совершенно неудачной. Съ точки зрѣнія г. Скворцова, трудовая цѣнность является не идеальнымъ уравненіемъ цѣнъ, не «послѣдней инстанціей», опредѣляющей ихъ высоту, а реальнымъ фактомъ, обнаруживающимся чуть не при каждой продажѣ, что стоитъ въ вопіющемъ противорѣчіи со всѣмъ, что мы видимъ на каждомъ шагу.

Глава о рентѣ посвящена также разбору ученія Маркса, чего нельзя не привѣтствовать, такъ какъ геніальныя, хотя и не выработанныя мысли Маркса по этому вопросу до сихъ поръ еще не обратили на себя ничьего вниманія. За недостаткомъ мѣста, мы упомянемъ только, что критика проф. Скворцова вся почти основана на ложной посылкѣ о томъ, что прибыль исчисляется на авансированный капиталъ и что поэтому продукты продаются по полной трудовой цѣнности. Только опираясь на это невѣрное положеніе, онъ могъ вернуться къ теоріи ренты Родбертуса и не оцѣнить какъ слѣдуетъ замѣчательное ученіе Маркса объ абсолютной рентѣ (рентѣ съ худшаго участка, входящей въ цѣну продукта). За всѣмъ тѣмъ, ученіе проф. Скворцова содержитъ много интереснаго и поучительнаго, въ особенности въ тѣхъ ея частяхъ, которыя посвящены теоріямъ ренты Рикардо и Родбертуса, а также изложенію вліянія современной сельско-хозяйственной эволюціи на ренту.

Другія части книги проф. Скворцова также не лишены промаховъ. При разборѣ теоріи фонда заработной платы объявляется, что теорія эта заключаетъ въ себѣ «долю истины», потому что «сумма, которая можетъ быть употреблена на покупку рабочей силы, опредѣляется техникой производства, т. е. тѣмъ, насколько та или другая техника требуетъ участія въ производствѣ различныхъ составныхъ частей постояннаго капитала и, слѣдовательно, какая доля остается затѣмъ на перемѣнный капиталъ» (с. 106). Техника производства можетъ опредѣлить только число рабочихъ при данномъ размѣрѣ предпріятія, а никакъ не самую заработную плату.

Желательна была бы и менѣе поверхностная критика теоріи предѣльной полезности, которая заслуживаетъ менѣе презрительнаго къ себѣ отношенія хотя бы въ виду своей распространенности. Мы узнаемъ даже, что физіократы «мало (?) интересовались теоретической разработкой вопросовъ общественной экономіи», тогда какъ въ дѣйствительности именно ихъ система представляетъ собой первое теоретическое изученіе «капиталистическаго хозяйства въ его цѣломъ» (Марксъ). Историко-этическая школа, будто бы, «признаетъ основнымъ методомъ политической экономіи дедукцію».

Можно было бы указать еще на цѣлый рядъ подобныхъ ошибокъ, но мы сознаемъ, что la critique est aisée, и что гораздо полезнѣе отмѣтить хорошія, нежели дурныя стороны книги. Помимо упомянутыхъ выше главъ сочиненія, мы находимъ въ немъ весьма интересныя и поучительныя главы о деньгахъ, о кредитѣ и банкахъ, о рыночныхъ цѣнахъ, о теоріи Мальтуса (разборъ возраженій Чернышевскаго) и многія другія.

Въ нашей, столь бѣдной серьезными оригинальными произведеніями, экономической литературѣ книга проф. Скворцова займетъ по праву почетное мѣсто. Рекомендуемъ книгу всѣмъ, интересующимся какъ теоретической экономіей, такъ и вопросами современной экономической дѣйствительности.

Н. Рейхесбергеръ. Статистика и наука объ обществѣ. Перев. съ нѣмецкаго А. Струве. Изданіе ред. жури. «Образованіе». Спб. 1898 г. Ц. 50 к. Въ высшей степени содержательная, если имѣть въ виду ея объемъ, книжка Рейхесбергера, распадается на двѣ части. Въ первой авторъ даетъ характеристику тѣхъ направленій научной мысли, которыя ставили себѣ цѣлью изслѣдовать законы человѣческаго общежитія и тѣмъ создать возможность построенія соціальной науки на строго объективныхъ основаніяхъ. Когда въ срединѣ прошлаго столѣтія сброшены были окончательно цѣпи средневѣковой схоластики и успѣхи наукъ естественныхъ укрѣпили убѣжденіе въ закономѣрности всего происходящаго, совершился переворотъ и въ области понятій о человѣкѣ и человѣческомъ общежитіи. Явилось стремленіе пуститься на поиски точныхъ и неизмѣнныхъ законовъ и въ этой области. Одни пошли по дорогѣ изысканія «законовъ историческаго развитія», которые должны выражать ходъ историческихъ событій и бросать свѣтъ на будущее человѣчества. Однако выводы этой историко-философской школы Кондорсе, Гердера и другихъ оказались настолько случайными и субъективными, что могли только поколебать убѣжденіе въ возможности отысканія строгихъ законовъ человѣческаго общежитія. Вѣдь, процессъ историческаго существованія человѣчества на землѣ еще не законченъ, что является неизбѣжнымъ условіемъ для вывода искомой общей формулы историческаго развитія. Немногимъ больше успѣха имѣло въ достиженіи своей цѣли и другое направленіе—Конто-Спенсеровское, жизненнымъ нервомъ котораго служитъ тенденція переносить принципы естественныхъ наукъ въ область соціологіи. Обнаруживъ глубокую проницательность и научную серьезность, ученые этого направленія (Спенсеръ, Шеффле, Лилієнфельдъ (!) и др.) своими аналогіями между различными сторонами общественной жизни и явленіями природы не доказали строго научно ни одного основного положенія для дѣйствительнаго познанія соціальныхъ явленій. И причину тому авторъ видитъ въ томъ, что вся эта школа соціологовъ вовсе не воспользовалась статистикой, почти игнорировала ее, тогда какъ она для громаднаго большинства явленій общественной жизни представляетъ единственный и наиболѣе правильный методъ наблюденія.

Рейхесбергеръ находитъ причину такого отрицанія значенія и силы статистики въ дѣлѣ изученія общественныхъ явленій не только въ томъ, что указанная школа соціологовъ пыталась разрѣшить проблемы общественной жизни исключительно при помощи принциповъ естественныхъ наукъ, но также и притомъ главнымъ образомъ въ безусловно не состоятельномъ взглядѣ на общество и въ особенности на отношенія отдѣльнаго индивидуума къ цѣлому обществу. Посвятивъ главы IV и V вопросу о томъ, какъ понималось отношеніе отдѣльнаго индивидуума къ обществу въ различные историческіе періоды—въ греко-римскомъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ новѣйшей исторіи, авторъ приходитъ къ выводу, что для научнаго пониманія общественной жизни нельзя исходить ни изъ изученія отдѣльной личности, какъ таковой, ни изъ изученія общества, понимаемаго какъ цѣлое, стоящее внѣ совокупности личностей. Общественная жизнь можетъ быть понята только путемъ изученія общества, но это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что нужно встать на такую точку зрѣнія, съ которой отдѣльныя личности представлялись бы намъ не какъ конкретныя, опредѣленныя лица, а какъ члены общества; слѣдуетъ встать на такую точку зрѣнія, съ которой всякая индивидуальность, всякая особенность будетъ устранена, и въ отдѣльныхъ лицахъ выступитъ на первый планъ то, что представляется продуктомъ общественнаго вліянія. Такой точки зрѣнія не даетъ намъ никакой иной методъ научнаго изслѣдованія, кромѣ статистическаго метода (стр. 71). Въ послѣдующемъ изложеніи авторъ въ краткихъ словахъ описываетъ историческій ходъ развитія статистики и характеризуетъ двѣ школы, на которыя распалась эта область знанія, школу «описательной» статистики и школу ста-

тистики «аналитической». Статистика перваго, такъ-называемаго ахенвалловскаго типа, по опредѣленію, данному Роб. фонъ-Молемъ, есть наука, которая *изображаетъ* съ возможной точностью и правдивостью существующія въ какой-либо данный моментъ состоянія, и притомъ по преимуществу существующія въ опредѣленномъ государствѣ и имѣющія непосредственное отношеніе къ государственной жизни, въ цѣляхъ правительственныхъ и общаго образованія. Писатели другого направленія, имѣющіе во главѣ Кетлэ, понимаютъ подъ статистикой науку, которая ставитъ себѣ задачей *раскрытіе законовъ общественной жизни*. Законы эти выводятся путемъ массовыхъ наблюденій, выражаютъ причинную связь между различными сторонами явленій общественной жизни и позволяютъ видѣть основныя причины ихъ. Авторъ считаетъ раздѣленіе статистики на двѣ различныя науки вполнѣ правильнымъ, причемъ, старое ахенвалловское направленіе статистики есть нѣчто въ родѣ политической географіи, которая въ данный моментъ можетъ представлять извѣстный практическій интересъ, задачи же втораго рода статистики совпадаютъ болѣе или менѣе съ стремленіями современной соціологіи. Примыкая ко взглядамъ Онкена, разсматривающаго статистику, какъ логическій методъ объективной индукціи, Рейхесбергеръ, съ своей стороны, такъ опредѣляетъ статистическій методъ: его слѣдуетъ разсматривать, какъ такой методъ, который даетъ возможность понять сложный механизмъ массовыхъ явленій всѣхъ возможныхъ видовъ, и въ особенности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности ни путемъ индукціи заключать отъ частнаго къ общему, ни путемъ дедукціи отъ общаго къ частному. Примѣненіе этого метода къ соціальной жизни даетъ этой наукѣ возможность ознакомиться со свойствами факторовъ, которые вызваны къ жизни именно вслѣдствіе совмѣстной жизни людей въ обществѣ. Благодаря этому, статистическій методъ долженъ будетъ имѣть громадное значеніе для соціологіи.

Помимо обстоятельнаго, хотя и сжатаго изложенія главнаго предмета, которому посвящена книжка Рейхесбергера, она содержитъ въ себѣ много попутно затронутыхъ темъ, кратко, но въ высшей степени ясно разобранныхъ. Сюда относится разсмотрѣніе вопросовъ о монизмѣ, какъ философскомъ принципѣ (стр. 32—34), историческая характеристика отношеній личности къ обществу (глава IV), изложеніе основной идеи теоріи вѣроятностей (стр. 125—129). Все это увеличиваетъ богатство содержанія этой цѣнной работы, переводу которой можно только порадоваться.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Поль Жане. «Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ». — *К. Покровскій.* «Путеводитель по небу».—«Русскій астрономическій календарь».

Поль Жане. Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1898 г. Цѣна 40 к., стр. 96. Эта небольшая книжка распадается на двѣ части. Въ первой опровергается возможность самопроизвольнаго зарожденія, главнымъ образомъ, на основаніи работъ Пастера; во второй части авторъ полемизируетъ съ Дарвиномъ. Характерной чертой книги является то, что хотя она издана на русскомъ языкѣ въ 1898 г. (намъ неизвѣстенъ годъ подлинника), тотъ кругъ фактовъ и именъ, среди которыхъ вращается авторъ отдаетъ добрыми старыми временами и переноситъ въ шестидесятые годы. Опровергнувъ на первыхъ 30 страницахъ возможность произвольнаго зарожденія, авторъ переходитъ къ критикѣ теоріи Дарвина. Точка зрѣнія автора выясняется въ его заключеніи, онъ говоритъ: «представляются два глубоко различныя понятія міра и природы. По одному изъ нихъ міръ—

нисходящій рядъ причинъ и дѣйствій: нѣчто существуетъ въ вѣчности, съ первоначальными своими свойствами. Изъ этихъ свойствъ слѣдуютъ явленія, дающія, въ свою очередь, начало другимъ явленіямъ и такъ до безконечности. Эти скачки. порождающіе видимый міръ, вслѣдствіе безпредѣльности времени. По другому-же понятію, міръ есть какъ бы органическое, живое бытіе, развивающееся согласно извѣстной идеѣ и постепенно возвышающееся до вѣчнаго, недоступнаго въ своемъ абсолютномъ совершенствѣ идеала. Природа не есть болтовня, въ которой, кто бы что ни говорилъ, а выйдетъ подобіе разговора, она есть поэма, разумно веденная драма, въ которой всѣ наши дѣйствія, при своей запутанности, ведутъ къ извѣстной опредѣленной цѣли. Это нисходящій рядъ средствъ и цѣлей... Подобно тому, какъ разъяренному коню, незнающему прямого пути, указываетъ его мощная сила управляющей его руки, и слѣпая природа, изначала сдерживаемая уздою непостижимой воли, вѣчно и постепенно подвигается впередъ по пути, полному величія и благородства, къ первичному идеалу, его осуществляющему».

На основаніи этихъ отрывковъ можно судить объ языкѣ перевода. Прибавимъ только, что книжка издана съ довольно большимъ количествомъ опечатокъ. Особенно непріятны опечатки въ собственныхъ именахъ. Постеръ вмѣсто Пастеръ, ф. Бенедекъ вмѣсто ванъ Бенеденъ, Бальбіони вмѣсто Бальбіани. Названіе животныхъ коловратокъ (Botiferae) переведено словомъ вертляки. Но самымъ большимъ недостаткомъ книги, который лишаетъ всякаго значенія изданіе ея теперь, по нашему мнѣнію, заключается въ устарѣлости тѣхъ фактовъ, среди которыхъ вращается авторъ: какъ мы уже сказали, эта книга переноситъ читателя въ шестидесятые годы.

Путеводитель по небу. К. Покровскаго, астронома-наблюдателя Императорскаго юрьевскаго университета. 2-ое пересмотрѣнное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна 2 р. Авторъ задался цѣлью дать любителямъ - астрономамъ болѣе или менѣе полное руководство для самостоятельныхъ наблюденій, въ виду чего ему пришлось, конечно, «обратить исключительное вниманіе на практическую сторону дѣла, поставивъ себѣ задачей указать, что можно наблюдать невооруженнымъ глазомъ и трубой отъ 2-хъ до 5 дюймовъ въ діаметрѣ и пояснить какъ нужно наблюдать».

Нужно отдать полную справедливость г. Покровскому: онъ нигдѣ не выходитъ изъ начертанныхъ имъ рамокъ и въ продѣлахъ ихъ даетъ всѣ необходимыя указанія. Въ этой выдержанности, а также и въ изложеніи—систематическомъ, сжатомъ и ясномъ чувствуется опытный практикъ-учитель.

Вся, довольно объемистая, книга (293 стр.) разбита на 24 главы, изъ которыхъ первая (Астрономическая труба и общіе пріемы наблюденій) и вторая (Наблюденія невооруженнымъ глазомъ) касаются вообще всѣхъ астрономическихъ наблюденій, доступныхъ любителю; остальныя 21 главы вмѣщаютъ уже спеціальныя указанія для наблюденій отдѣльныхъ небесныхъ свѣтилъ, или группъ ихъ, напр., глава III—Солнце. гл. IV—Планеты, гл. V—Меркурій, гл. VI—Венера и т. д. Послѣдняя, 24-я глава знакомитъ читателя съ остроумнымъ и легко выполнимымъ способомъ г. Гарцера—«опредѣленія времени и географическаго положенія мѣстъ безъ астрономическихъ инструментовъ».

Къ книгѣ приложены карты, таблицы и рисунки, изъ которыхъ многіе *спеціально* для нея составленныя съ тою цѣлью, чтобы любитель-наблюдатель имѣлъ передъ собою картины, не превышающія деталями тѣ, которыя онъ самъ будетъ наблюдать при помощи своихъ скромныхъ приборовъ. Рисунки сдѣланы крайне отчетливо, а нѣкоторыя исполнены даже въ краскахъ, таковы карты—Марса и звѣзднаго неба сѣвернаго полушарія и «полное лунное затменіе». Полезнымъ приложеніемъ являются и различныя астрономическія таблицы 1) Звѣздное время въ средній полдень. 2) Для перевода средняго вре-

мени въ звѣздное. 3) Для перевода звѣзднаго времени въ среднее. 4) Для перевода времени въ дугу. 5) Для перевода дуги во время. 6) Элементъ большихъ планетъ и луны. 7) Годичная процессія. 8) Широта и долгота главнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи. 9) Положенія главнѣйшихъ звѣздъ сѣвернаго неба для 1900 г.

Издана книга роскошно.

Русскій астрономическій календарь на 1898 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей предсѣдателя общества С. Щербатова. Москва 1898. Цѣна 75 коп. Вотъ уже четыре года, какъ «Нижегородскій кружокъ любителей физики и астрономіи» началъ выпускать свой календарь—въ своемъ родѣ единственное въ Россіи изданіе, разсчитанное на самую широкую публику и дающее массу интересныхъ свѣдѣній. Кромѣ отдѣловъ, носящихъ чисто календарный характеръ, въ книжкѣ имѣются цѣлыя главы, посвященныя и общимъ вопросамъ астрономіи,—таковъ, напримѣръ, весь II-й отдѣлъ, трактующій о солнечной системѣ, отдѣлъ III-й, посвященный выясненію различныхъ терминовъ, связанныхъ съ суточнымъ вращеніемъ неба, понятій о звѣздномъ и среднемъ времени, о небесныхъ координатахъ, о видимыхъ собственныхъ движеніяхъ свѣтилъ и т. п., отдѣлъ IV, дающій рядъ указаній для наблюдателей-любителей, главы о спектральномъ анализѣ, объ успѣхахъ астрономіи за 1896 г., краткій историческій обзоръ этой науки и т. п. Въ книгѣ много рисунковъ и приложена подвижная карта звѣзднаго неба и солнечнаго затменія 10-го января 1898 года. Для астронома-любителя этотъ календарь явится, конечно, настольной книгой, но, по нашему мнѣнію, онъ необходимъ всякому болѣе или менѣе образованному человѣку, хотя бы и не занимающемуся астрономическими наблюденіями, и можно только пожелать, чтобы энергія и дѣятельность «Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи» крѣпла и росла съ каждымъ годомъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го іюля по 15-е августа 1898 года.

Бельшевскій, А. Гете, его жизнь и произведенія. Пер. Рохмановой подъ редакціей П. Вейнберга. Изд. Пантелѣева. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Феоктистовъ. Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Орловскій, С. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Что читать дѣтямъ? Выпускъ I. Разборъ 264 дѣт. книгъ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Къ сѣверному полюсу по теченію. Вятка. 1898 г.

Фирсовъ, С. Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. Казань 1898 г.

Ленцевичъ, А. Стихотворенія. Вятка 1898 г. Ц. 1 р.

Борзовъ, Н. В. В. Г. Бѣлинскій и его идеалъ. Томскъ. 1898 г. Ц. 30 к.

Хоцяновъ. Опытъ разбора комедіи «Горе отъ ума».

Хмѣлевскій, Л. К. Г-нъ Б. А. Шпаковскій и его правда объ Одесской психіатрической апопеѣ. Спб. 1898 г.

Наблюденія и впечатлѣнія поѣздки по миссіонерскимъ пунктамъ калмыцкой степи. Рѣчь астраханскаго епархіальнаго наблюдателя свящ. Э. Архангельскаго.

Отчетъ полтавской уѣздной земской управы за 1897 г. Полтава. 1898 г.

Артуръ Каннъ. Нервозность и велосипедная ѣзда. Пер. съ нѣмецкаго Остермана. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Робертъ Коппе. Алкоголь и государственные финансы. Москва. 1898 г.

Отчетъ совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 97 лѣтъ. Омскъ 1898 г.

Овсянаго, Н. Сербія и сербы. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Неждановъ, П. Нравственность. Москва. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Агаповъ. Новая тригонометрія. Изд. 2-ое. Оренбургъ. 1898 г. Ц. 85 к.

Вересаевъ. Очерки и разсказы. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кочетова, О. Краткая пластическая анатомія для начинающихъ. Съ 90 рис. на 7 отд. табл. Изд. 2-ое. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Статистическій сборникъ по Ярославской г. 1897 г. Вып. II. Сельскохозяйственный обзоръ губерніи. Съ 6-ю картогр. Ярославль. 1898 г. Ц. 80 к.

Bewusstsein und Hornlokalisation. Leipzig. 1898 г.

Трубниковъ. Канунъ XX вѣка. 1898 г. Ц. 10 к.

НОВАЯ КНИГА

З. ВЕНГЕРОВА.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Французскіе символисты: Прерафалисты.—Ибсенъ.—Гауптманъ.—Мередитъ.—Броунингъ и т. д. Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова. Спб. Литейный.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛІЯ.

По поводу сочиненія Filippo Ottonieri—*L'Italia presente e i suoi fati.* Roma 1897.

I.

Старая романтическая литература завѣщала намъ множество всевозможныхъ исключительныхъ и чудесныхъ героевъ, но вся ея нѣжность покоилась преимущественно на одномъ. На первый взглядъ это любимое дитя судьбы. Чарующая красота, царственный умъ, блестящая рѣчь и вдобавокъ сказочное богатство: всѣ данныя быть счастливымъ и совершать жизненный путь среди цвѣтовъ и пѣсенъ. Но какая-то злобная фея со дня рожденія героя разстроила его гороскопъ и отравила сладость бытія.

Едва юноша сталъ различать добро и зло и почувствовалъ въ себѣ желаніе и силы наслаждаться жизнью, какая-то роковая туча налегла на его прекрасное чело, неизбывная тоска завладѣла его сердцемъ, и ему нѣтъ мѣста подъ солнцемъ. Онъ не знаетъ, какъ задушить червя, грызущаго его душу. Онъ мечется отъ одной крайности къ другой. Сегодня онъ набрасывается на искусство, на идеальную красоту и мечтаетъ утонуть въ морѣ возвышенныхъ созерцаній. Завтра онъ готовъ опозорить какой угодно идеалъ, насмѣяться надъ мечтаніемъ и принести свой умъ и свое человѣческое достоинство въ жертву самымъ низменнымъ утѣхамъ плоти.

Какой злой духъ терзаетъ и гонитъ образцовое Божье созданіе?—никто не знаетъ, всякій ужасается темной стихіи и дивится фатальнымъ противорѣчіямъ природы. Поэты, по врожденной любви ко всему необыкновенному, таинственному и мощному, поддаются невольному очарованію предъ грозной загадкой и увѣнчиваютъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ—*демоническую натуру, прекрасную но мрачную генія, необъятную злую силу.* На языкѣ поэтовъ все это звучитъ искренне и художественно. Но кому не дано пылкаго воображенія и музыкальнаго слуха, для того геніальный злодѣй и прекрасный безумецъ—мучительнѣйшія нарушенія естественныхъ законовъ.

Романтизмъ умеръ и погребенъ, отошли въ невозвратную даль и его кошмарные образы. Но за цѣлые вѣка до нихъ на сценѣ дѣйствительности подвизалась героиня, трагическими контрастами затмевающая самые смѣлые вымыслы фантазіи, и она донесла

свою «роковую печать» до нашихъ дней. Героиня—цѣлая страна, и съ ея исторіей не могутъ даже отдаленно соревновать потрясающія біографіи всѣхъ Манфредовъ и Ренэ.

Вы помните, германскій поэтъ въ самомъ пламенномъ порывѣ лирическихъ желаній, не могъ представить ничего обаятельнѣе края, гдѣ лимоны цвѣтутъ, и трудно пересчитать, сколько поэтовъ всѣхъ народовъ и временъ воспѣвали «чары Цирцеи», ея красоту, геній, неистощимое художественное творчество. Все, что подъ другимъ солнцемъ созрѣвало въ процессѣ трудной работы и многими десятилѣтіями, здѣсь собиралось счастливыми обитателями, будто плоды почвы. Часто одинъ городъ производилъ столько великихъ художниковъ и ученыхъ, что ихъ хватило бы для славы цѣлой великой державы. Часто одинъ человѣкъ совмѣщалъ въ себѣ столько первостепенныхъ талантовъ, что его произведенія могли бы создать великую эпоху въ жизни многомилліоннаго культурнаго народа. Часто одно поколѣніе успѣвало столько пережить политически и нравственно, что его дѣла легко заполнили бы нѣсколько главъ умственной исторіи всего человѣчества.

И такъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ! Если бы какая-либо катастрофа уничтожила Аппенинскій полуостровъ и всѣ благодѣянія и чудеса цивилизаціи, какими онъ одарилъ міръ, наша планета очутилась бы снова въ борьбѣ съ варварствомъ, и народы окончили бы эту борьбу неизмѣримо медленнѣе и, навѣрное, съ гораздо меньшимъ блескомъ. И до сихъ поръ они все еще стремятся за творческимъ вдохновеніемъ и наукой красоты въ тотъ же чудный край. Никакіе историческіе перевороты и вновь возникшія политическія силы не въ состояніи разсѣять его древняго ореола—почти сверхъ человѣческой даровитости...

До сихъ поръ все—дары благодѣтельныхъ фей. Но здѣсь же рядомъ жесточайшая иронія зла, какую только можетъ допустить человѣческая мысль. На каждый подвигъ генія и свободы соотвѣтствующее нравственное уродство. Пройдите по музеямъ и галлереямъ—вы не найдете словъ оцѣнить достойно эту головокружительную мощь человѣческаго духа, раскройте Тацита и Данте, вамъ покажется, вы въ царствѣ чудовищъ и предъ ними всѣ издѣвательства Свифта надъ человѣческой грязью и ложью—наивный смѣхъ неопытнаго весельчака...

Развѣ осмѣлилась бы самая разнузданная фантазія заключить страсти артиста и эстетика въ натуру урода, приходящаго въ восторгъ предъ кровью, предъ воплями неописуемой агоніи, предъ утонченнѣйшими страданіями людей? Развѣ Данте додумался бы до героя, сжигающаго заживо двадцать тысячъ своихъ подданныхъ и со смѣхомъ бросающаго въ огонь самого составителя списка казненныхъ, чтобы онъ и на томъ свѣтѣ у самого діавола провѣрилъ количество жертвъ? Развѣ поэтъ дерзнулъ бы самовольно представить папу съ личностью и біографіей Александра Боржіа, облечь въ архіепископскую мантію палача въ родѣ Руджіери? Развѣ повѣрили бы драматургу, если бы онъ изобразилъ такую сцену: миланскій герцогъ не желаетъ бриться у обыкновенныхъ брадобрѣевъ, онъ предварительно подвергаетъ жесточайшимъ оскорбленіямъ и мукамъ своихъ придворныхъ, потомъ приказываетъ имъ брить его—своего мучителя: пусть люди знаютъ, до какой степени они жалки и трусливы! Развѣ можно бы ожидать на берегахъ

лазурныхъ венеціанскихъ лагунъ страшнѣйшихъ тюремъ и пытокъ, какимъ могли бы позавидовать дикари и варвары всѣхъ тропическихъ странъ? И не только здѣсь, а вездѣ въ Римѣ, въ Неаполѣ геніальнѣйшіе изобрѣтатели инквизиціонныхъ средствъ для укрощенія и уничтоженія тѣхъ самыхъ силъ духа, какія озарили безсмертной красотой все человѣчество.

И царство этой красоты отнюдь не прекращается злодѣйствами. Напротивъ, отвратительнѣйшіе вырожденцы нравственности часто усердные покровители наукъ и искусствъ. Они готовы выжать послѣднюю каплю крови у своихъ подданныхъ, лишь бы украсить дворецъ художественнымъ произведеніемъ. Они основываютъ университеты, принимаютъ къ себѣ на службу знаменитѣйшихъ ученыхъ и поэтовъ, соперничаютъ съ Нерономъ жестокостями и извращеніемъ всѣхъ чувствъ, даже эстетическаго. Они упиваются сонетами Петрарки и травятъ собаками людей всякаго пола и возроста. Они заботятся о тщательнѣйшемъ научномъ толкованіи поэмы Данте и составляютъ списки пытокъ на сорокъ одинъ день съ разсчетомъ окончить зрѣлище колесованіемъ. Во дворцѣ они бесѣдуютъ съ профессорами о сокровеннѣйшихъ тайнахъ древней филологіи и поэзіи, а на улицахъ рубятъ чернь ради забавы и развлеченія.

Все это подлинные факты. Представьте, что либо подобное нагромоздилъ бы писатель въ свой романъ или пьесу, критика признала бы его невмѣняемымъ и его произведеніе обозвала бы безумной клеветой на человѣческую природу. Вѣдь до сихъ поръ не перевелись философы, приписывающіе эстетическимъ наслажденіямъ глубокое и облагораживающее вліяніе на людей и готовые отождествлять эстетическое чувство съ гуманнымъ и нравственнымъ. Пусть бы они поговорили съ графами Висконти или съ герцогами Сфорцо: болѣе тонкихъ эстетиковъ и болѣе озвѣрѣлыхъ деспотовъ міръ не видалъ и врядъ ли увидитъ.

Таковы удивительные плоды края, гдѣ лимоны цвѣтутъ и апельсины зрѣютъ! Время сильно сократило, отчасти совсѣмъ уничтожило графовъ и герцоговъ, даже герцогства и графства превратило въ воспоминанія прошлаго, но оно нисколько не измѣнило основного тона итальянской жизни. Онъ по прежнему поражаетъ дисгармоніей: понизилась только внѣшняя сила звуковъ, но сущность разлада стала еще печальнѣе и глубже.

Беззаботные туристы по прежнему славословятъ природу и искусства, журналы и газеты кишатъ «впечатлѣніями» имянинъ сердца и медовыхъ мѣсяцевъ: Венеціи, какъ водятся, посвящаются сонеты, Неаполитанскому заливу—романы и повѣсти, Риму—разсужденія о развалинахъ и статуяхъ. Все, какъ было въ XVI вѣкѣ, когда франты всѣхъ странъ Западной Европы вздыхали по южнымъ Лаурамъ и Джульеттамъ: Италія—академія, салонъ, олеандровый садъ. Но и въ то далекое время она была также тюрьмой и полемъ нескончаемыхъ битвъ. Теперь стѣны тюрьмы, повидимому, раздвинулись еще шире, вся страна наканунѣ генеральнаго сраженія и опасность грозитъ не только будущему художественнаго генія націи, но и его уже накопленнымъ богатствамъ. Именно современная Италія, повидимому, готова оправдать всѣ ужасы эстетиковъ. Ея демократія не желаетъ щадить красоты красокъ

и камня, она больше не понимаетъ этой красоты и обращается съ ней, какъ германскіе варвары среднихъ вѣковъ.

Европейскую печать одновременно занимаютъ вопросы о матеріальной судьбѣ итальянцевъ и о быстрю развивающемся одичаніи блестяще-одареннаго народа. Отвѣты получаются самые печальные отъ искреннихъ друзей страны и даже отъ ея гражданъ. Нищій и варваръ—таковъ, будто бы, современный итальянецъ, какъ представитель массы. И факты не противорѣчатъ выводу, даже факты уже совершившіеся, а будущее, по единодушному признанію наблюдателей, грозитъ еще горшими бѣдствіями.

Не прошло и пяти лѣтъ послѣ возмущеній въ Сициліи, страна снова охвачена огнемъ. Тогда еще кое-чѣмъ можно было утѣшиться. Сицилія—это вѣдь почти Африка, царство неискоренимаго разбоя, неизлѣчимой умственной тьмы и необузданно-горячей крови. Человѣческая власть безсильна исправить такой естественный порядокъ вещей. Сициліецъ какъ былъ, такъ и останется тунеядцемъ, фанатикомъ и бандитомъ и даже прогрессивная итальянская печать о бѣдствіяхъ сицилійцевъ будетъ говорить гораздо спокойнѣе и снисходительнѣе, чѣмъ о положеніи *настоящей Италіи*.

Но вотъ приходитъ время и эта самая *L'Italia vera* поднимаетъ возстаніе. Миланъ — одинъ изъ культурныхъ центровъ страны, становится во главѣ смуты. Одновременно волнуются неаполитанскія провинціи. Это — тоже не совсѣмъ Италія, неаполитанцы—*popolo fiacco* и даже хуже, народъ—неполитическій, нравственно-немощный, искони изнѣженный своимъ солнцемъ и моремъ. Но его возмущеніе чрезвычайно краснорѣчиво.

Неаполитанецъ—варваръ, суевѣръ, въ каждую минуту готовъ схватиться за ножъ, но благодарнѣйшій въ мірѣ подданный. Онъ выносилъ даже режимъ Бурбоновъ и монаховъ и именно на неаполитанской черни зиждилась власть самыхъ реакціонныхъ правительствъ. Теперь—въ царство конституціи—онъ возсталъ и, конечно, обнаружилъ свои расовыя достоинства.

По выраженію англійскаго журнала, народъ на югѣ велъ себя, какъ курды, разрушалъ дома, убивалъ владѣльцевъ, въ одномъ случаѣ бросилъ даже въ огонь больную женщину, а мужа, доктора—изрубилъ на куски. Бунтовщикамъ отдавали деньги, имущество, одинъ промышленникъ бросилъ толпѣ все свое состояніе, 60.000 лиръ. Толпа не хотѣла и слышать о пощадѣ. Деньги были расхватаны, домъ сожженъ и хозяинъ убитъ. Толпа скоро утолила голодъ, но продолжала грабить склады хлѣба и бросала мѣшки съ мукой въ воду.

На югѣ смута началась исключительно изъ-за хлѣба. Ни о какой политикѣ неаполитанецъ не помышлялъ и кричалъ лишь одно: *хлѣба*! Но смута не ограничилась югомъ, и чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ рѣзче характеръ ея мѣнялся.

Лаццарони желали быть сытыми, но это не значило, чтобы они требовали работы. Въ Тосканѣ толпа кричала: *хлѣба или работы*! Еще сѣвернѣе, въ Ломбардіи, на сценѣ оказался совершенно другой мотивъ бунта.

Миланъ не нуждается въ настоящее время ни въ хлѣбѣ, ни въ работѣ. Сочувствовать Неаполю онъ не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія. И между тѣмъ, миланскіе безпорядки сильнѣе всѣхъ

другихъ обезпокоили правительство. Съ Неаполемъ вопросъ покончили просто и скоро: раздачей дешеваго хлѣба. Въ Миланѣ порядокъ водворили, но пришлось прибѣгнуть къ чисто-политическимъ мѣрамъ, прекратить изданіе газетъ, вчинить преслѣдованіе противъ журналистовъ и депутатовъ и вести его съ необыкновенной энергіей и суровостью.

Очевидно, смуты въ Миланѣ ни что иное, какъ попытка поднять междоусобную войну. Это движеніе не голодныхъ и нищихъ, а политическихъ соціалистовъ, враждующихъ съ царствующей династіей и даже съ государственной формой. Это не безпорядки уличной толпы, а возстаніе демократіи.

Слѣдовательно, правительство единой Италіи успѣло создать горючій матеріалъ и для политической открытой смуты, и для чисто-экономическаго возмущенія темной массы. Неаполитанскій лаццарони, получивъ свою порцію хлѣба или муки отъ городского синдика, опять можетъ отдаться dolce far niente на неопредѣленное время. На сѣверѣ давно организовалась обширная противоправительственная агитація, во главѣ съ серьезнѣйшими и распространеннѣйшими органами печати—*Secolo*, *Italia del Popolo*. Задолго до миланскихъ смутъ онѣ обсуждали вопросъ о замѣнѣ существующаго политическаго строя другимъ.

Будущей республикѣ даже успѣли подыскать наименованіе, не совсѣмъ только сговорились на счетъ срока ея возникновенія. *Secolo*—ожесточеннѣйшій врагъ Криспи и буржуазіи, ждалъ перемѣнъ отъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, *Italia del Popolo*—обнаруживала больше нетерпѣнія.

Всякому извѣстно, политическіе реформаторы иногда не только совсѣмъ не признаютъ соціальныхъ вопросовъ, но даже становятся въ рѣшительно враждебное отношеніе ко всякому соціальному движенію. Чистая политика—это перемѣна въ составѣ правящаго класса, точное осуществленіе принципа: «уйди, а я займу твое мѣсто». Въ этомъ направленіи нѣтъ никакой разницы между монархическими либералами и республиканцами. Собственно народъ для тѣхъ и для другихъ—предметъ совершенно посторонній и одинаково тягостный. И исторія западной Европы неоднократно доказывала, какъ мало выигрываетъ демократія отъ разныхъ пересмотровъ и даже коренныхъ передѣлокъ конституцій.

Въ Италіи долго вопросъ стоялъ въ обычномъ положеніи. Политическіе радикалы не желали имѣть ничего общаго съ соціалистами. Вражду уничтожило удручающее правленіе Криспи, его «мегаломанія», т. е. безумныя притязанія вести воинственную политику великой державы съ неокрѣпшими силами недавно объединеннаго государства, его цинически-откровенное нарушеніе свободы выборовъ и въ вѣнцѣ всѣхъ подвиговъ—несомнѣнная причастность къ банковскимъ хищеніямъ. Общій врагъ заставилъ сплотиться всю крайнюю оппозицію. Къ ней естественно примыкала клерикальная партія. Она состоитъ въ непримиримой междоусобицѣ съ демократами и соціалистами, но предметъ ненависти у всѣхъ одинъ и тотъ же, и въ миланскомъ возстаніи, несомнѣнно, таилась капля и католическаго яду.

Эта лига образовала своего рода государство. Нельзя сказать, чтобы оно управлялось добропорядочно и блистало талантами; напротивъ. Соціалистскіе органы, въ родѣ руководящаго рим-

скаго *Avanti* (Впередъ), поражаютъ иностранца крайней наивностью полемическихъ пріемовъ и фразистымъ, праздно-шумливымъ краснорѣчіемъ. На посторонній взглядъ, много терпитъ отъ такихъ доблестей несомнѣнно искреннее народолюбіе партіи и утрачиваютъ не мало внушительности даже благодарнѣйшія для соціалистовъ ошибки правительства.

Газета пользуется успѣхомъ у политиканствующаго юношества и, повидимому, на этомъ успѣхѣ разсчитываетъ упрочить свой авторитетъ. Она восторженно сообщаетъ, напримѣръ, о возникновеніи соціалистскаго кружка среди рабочихъ, въ возрастѣ отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Она привѣтствуетъ преобразованіе юношескихъ кружковъ народнаго просвѣщенія въ политическіе клубы. Соціалистомъ, несомнѣнно, быть пріятнѣе, чѣмъ просвѣщать народъ, но только для Италіи врядъ ли политическое краснорѣчіе нужнѣе образованія. *Avanti* почти ежедневно печатаетъ свѣдѣнія о постоянной подпискѣ въ его пользу: набирается лиръ 20—30, иногда болѣе сотни, но крайне рѣдко. Большинство взносовъ не превышаютъ лиры или двухъ и время отъ времени сопровождаются какимъ-нибудь протестующимъ motto. Очевидно, газета читается мелкой грамотной публикой и не имѣетъ широкаго распространенія.

И Миланъ это доказалъ.

Движеніе вспыхнуло раньше, чѣмъ предполагали вожди. Они поспѣшили явиться въ палату и принялись толковать ей, что они еще не готовы, что народъ долженъ разойтись по домамъ и предоставить имъ, журналистамъ и депутатамъ, приготовить день побѣды. Убѣжденія не дѣйствовали, толпа кричала: «Долой правительство! Долой династію!..» Войскамъ пришлось дать сраженіе,—и порядокъ пока водворенъ.

Именно пока. Такъ думаютъ и сочувственники, и противники возстанія. «Италія тяжело больна»—единогласный вопль итальянскихъ патріотовъ. И болѣзнь тѣмъ опаснѣе, что она разрушаетъ организмъ въ самыхъ глубокихъ источникахъ его жизни. Экономическія бѣдствія даже неаполитанца превращаютъ въ революціонера, цѣлый рядъ политическихъ ошибокъ правительства, отъ таможенной войны съ Франціей и тройственнаго союза до убійственной борьбы съ Абиссиніей, въ какихъ-нибудь десять лѣтъ создалъ и сплотилъ мощную оппозицію. Для единодушнаго дѣйствія массы и революціонной интеллигенціи не потребовалось даже особенной агитаціи, всенароднаго распространенія и разъясненія какихъ либо программъ и принциповъ. Единеніе создано простѣйшимъ чувствомъ, всѣмъ одинаково доступнымъ—всеобщимъ *недовольствомъ*. *Malcontento*—это пароль и лозунгъ страны. И онъ вполнѣ ясенъ каждому, потому что точно выражаетъ его личныя настроенія.

Но смутами и отдѣльными вспышками недовольства не ограничивается недугъ прекраснѣйшей въ мірѣ страны. Существуетъ нѣчто худшее.

Дороговизну хлѣба можно облегчить таможенной реформой, соціалистовъ итальянскаго типа не трудно укротить кое-какими реформами въ демократическомъ направленіи, уменьшеніемъ косвенныхъ налоговъ, сокращеніемъ военнаго бюджета и въ особенности заключеніемъ торговаго договора съ Франціей.

Въ положительныхъ чувствахъ къ этой странѣ для политиковъ изъ *Avanti* заключается весь символъ вѣры иностранныхъ отношеній: и ненависть къ тройственному союзу, и мечта освободить Европу отъ Турціи, и установить союзъ латинскихъ національностей—нѣчто въ родѣ романскаго панславизма. Вообще, вопросъ съ *партіями* разрѣшается сравнительно легко. Совершенно иначе обстоитъ дѣло относительно народа.

Единая Италія получила его отъ прежнихъ правительствъ погруженнымъ въ средневѣковую тьму. Папство воспитывало лишь матеріалъ для своей непогрѣшимой власти надъ душой и тѣломъ, неаполитанскіе монархи упорно держались семейныхъ бурбонскихъ преданій, и подавляющее большинство гражданъ новаго королевства оказалось безграмотнымъ, младенчески суевѣрнымъ и совершенно безпомощнымъ предъ политическими и нравственными запросами культурнаго государства новаго времени.

И фактъ вѣренъ не только относительно массы: буржуазія, призванные правители государства до сихъ поръ обнаруживаютъ некультурность истыхъ варваровъ. Они пользуются своей властью въ отечествѣ будто въ завоеванной странѣ, не щадя величественныхъ и поэтическихъ преданій прошлаго. И на этотъ разъ о тяжкой болѣзни Италіи вопіютъ уже не политики и экономисты, а ученые и художники.

II.

Въ западной литературѣ давно стало правиломъ оплакивать старый античный и средневѣковый міръ, осыпать укоризнами современное итальянское правительство въ вандализмѣ. Ученая Европа привѣтствовала гибель папскаго государства, но она немедленно подняла вопль негодованія, лишь только новые властители Рима стали по своему расправляться съ вѣчнымъ городомъ.

Первый возмутился мюнхенскій ученый Григоровіусъ, авторъ исторіи средневѣкового Рима. За этотъ трудъ онъ удостоился званія римскаго гражданина. Теперь новая власть налагала кощунственную руку на священныя древности, и какъ налагала!..

За Грегоровіусомъ послѣдовали другіе, вопросъ грозилъ стать международнымъ. По крайней мѣрѣ, Англія не остановилась даже предъ дипломатическими шагами. Неумѣлыя поправки въ венеціанскомъ соборѣ св. Марка сначала вызвали агитацію на столбцахъ *Times*'а, а потомъ правительство чрезъ своего посла сдѣлало представленія въ Римѣ.

Поступокъ Англіи встрѣтилъ восторженное сочувствіе у многочисленныхъ поклонниковъ древностей и величественныхъ преданій Рима. Они доказывали, что судьба итальянской столицы—вопросъ всѣхъ культурныхъ націй. Всѣ онѣ безконечно обязаны столицѣ древняго и средневѣкового міра. Здѣсь колыбель великихъ мыслей и великихъ людей: она должна быть священна и неприкосновенна. Римъ, духовное отечество всякаго культурнаго европейца, и кто бы ни владѣлъ имъ, долженъ считаться съ его міровымъ значеніемъ.

Очевидно, всякій ударъ историческому достоинству Рима—кровное оскорбленіе нравственному чувству и культурному сознанію всякаго просвѣщеннаго человѣка. И правительство объединенной

Италіи очутилось подъ строжайшимъ надзоромъ не дипломатовъ и политиковъ, а ученыхъ и эстетиковъ.

Нѣтъ ни одного города, игравшаго видную роль въ исторіи, не оплаканнаго европейской печатью. Нѣкоторымъ посвящались и до сихъ поръ посвящаются особые мартирологи. Еще Грегоровіусъ переустройство столицы новымъ итальянскимъ правительствомъ обозвалъ *уничтоженіемъ Рима*; его единомышленники принялись искать у общественнаго мнѣнія всего просвѣщеннаго міра управы на новыхъ варваровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чего только они ни натворили въ одномъ Римѣ! Городъ сталъ неузнаваемымъ для тѣхъ, кто его видѣлъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Что ни шагъ, то разгромъ. Начать съ центра, съ Капитолійскаго холма. Какой злой духъ могъ внушить современнымъ итальянцамъ воздвигнуть здѣсь конную статую Виктора-Эммануила, ради него совершенно уничтожить многовѣковой обликъ всей мѣстности, бросить милліоны затѣмъ, чтобы стереть съ лица земли античное величіе и средневѣковую поэзію. Потомъ Колизей! До владычества единой Италіи здѣсь красовался цѣлый міръ зелени и цвѣтовъ, отсюда, съ амфитеатра открывался величественный видъ на Римъ, а теперь настроили шестиэтажныхъ и семиэтажныхъ зданій банальнаго типа и задушили духъ древней мощи.

То же самое сдѣлали и на окраинахъ. Французскій ученый плакалъ, войдя въ портикъ Іоанна Латеранскаго и взглянувъ вокругъ. Куда дѣвалась прежняя неописуемо-чарующая перспектива! Предъ зрителемъ теперь какіе-то ужасные бараки; они опозорили одну изъ благороднѣйшихъ картинъ, какія только представляетъ міръ.

А дальше эти чудныя виллы—Лодовизи, Волконскихъ, особенно первая. Ея дубовая роща, знаменитая кипарисовая аллея исчезли. Ея античные мраморы, ея фрески возрожденія похитили. Ея владѣнія распродали по кускамъ.

И все это — зачѣмъ? Думали воздвигнуть столицу на американскій образецъ, и вышелъ мертвый городъ. Начали строить громадные дома, разбили грандіозные планы, и остановились на половинѣ пути. Спекуляторы разорились, дома остаются недостроенными и свидѣтельствуютъ о непосильныхъ замыслахъ людей неразумныхъ и корыстныхъ.

И замѣчательно, отвѣтственность за всѣ вандализмы лежитъ на муниципалитетѣ Рима и на общегосударственномъ парламентѣ, особенно на послѣднемъ. Флорентіецъ, неаполитанецъ, пьемонтецъ совершенно равнодушно одобряли какіе угодно проекты, оскорблявшіе святыни исторіи или религіи. Какое имъ было дѣло до красоты и величія города папъ, и еще меньше до античныхъ воспоминаній! Они явились иностранцами въ новую столицу и ихъ могли занимать только чисто-финансовые вопросы. Всякій министръ могъ добиться отъ такого собранія какой угодно мѣры, необходимой, по его соображеніямъ, для превращенія папскаго Рима въ королевскій.

То же самое происходило по всей Италіи, гдѣ только новый политическій строй встрѣчался съ древнимъ наслѣдствомъ. Рѣшительно никакая красота и поэзія не трогали сердецъ синдиковъ и муниципальныхъ совѣтниковъ. Въ короткое время ихъ людѣя-

нія создали даже особый типъ Іеремій, оплакивающихъ горючими слезами святую старину. Напримѣръ, депутатъ отъ Венеціи, Помпео Мольменти пріобрѣлъ себѣ имя неутомимой и страстной войной съ парламентомъ и венеціанской городской думой за дворцы и произведенія искусства родного города.

Мольменти безпрестанно говоритъ рѣчи, печатаетъ въ журналахъ статьи, выпускаетъ брошюры и книги, и все съ единственной цѣлью: оберечь средневѣковую и республиканскую Венецію отъ покушеній промышленнаго вѣка. Писателю и трибуну дорогъ каждый камень, каждый рельефъ, каждый рисунокъ—на мостахъ и въ дворцахъ Венеціи. Онъ впадаетъ въ отчаяніе отъ асфальтовыхъ переулковъ, отъ желѣзныхъ мостовъ, въ особенности отъ товарныхъ складовъ. Онъ приходитъ въ ужасъ, что въ Венеціи можетъ появиться трамвай, въ параллель съ существующей желѣзной дорогой черезъ лагуны. Онъ возмущенъ пароходами, отбивающими хлѣбъ у гондольеровъ и совершенно разрушающими дѣвственную поэзію царицы моря. Онъ отъ души сочувствуетъ гондольерамъ, обзывающимъ пароходы «черными чертями».

Вообще, всюду торжествуетъ демонъ наживы, холоднаго коммерческаго разсчета. Старинная церковь, башня, народная вѣчно зеленѣвшая площадь будутъ упразднены, засыпаемы пескомъ, залиты асфальтомъ, замѣнены и застроены электрическими станціями, магазинами и складами. Историческіе дворцы сеньёровъ будутъ отданы въ аренду международнымъ спекуляторамъ, и Венеція со временемъ превратится въ закоптѣлый душный коммерческій портъ—съ доками и со всѣми прелестями американской и европейской промышленности.

Такъ вопіютъ наши рыцари. Многое въ ихъ жалобахъ дышитъ наивностью чисто рыцарскаго увлеченія, но многое вполнѣ основательно. Прежде всего поразительно повсемѣстное равнодушіе современныхъ итальянцевъ къ художественной или исторической старинѣ. Рѣшительно во всѣхъ городахъ можно видѣть полное пренебреженіе новыхъ строителей къ памятникамъ исторіи и искусства. Имъ ничего не стоитъ выстроить какое-нибудь казенное уродливое сооруженіе, въ родѣ станціи трамвая рядомъ съ знаменитымъ флорентійскимъ Баптистеріемъ, также просто срытъ какой-нибудь дворецъ, уничтожить паркъ, чтобы очистить перспективу новому монументу, безъ всякаго смысла разрушить древнюю часовню подъ предлогомъ борьбы съ народнымъ суевѣріемъ. Смѣшно, конечно, возмущаться, что площадь св. Марка освѣщена электричествомъ, но совсѣмъ не смѣшно какое-то затаенное странное чувство новыхъ людей противъ слишкомъ живописной и величавой старины. Оскорбленные эстетики прямо называютъ это чувство ненавистью пигмеевъ и вырожденцевъ противъ великановъ и геніевъ. Здѣсь, пожалуй, есть доля правды.

Нельзя, разумѣется, приспособлять всякій вѣкъ къ прошлому только потому, что оно красиво и грандіозно. Пароходы и электричество также не безъ достоинствъ и, если угодно, не безъ своеобразной красоты. Въ XIV вѣкѣ Венеція благоденствовала при такихъ порядкахъ, какіе въ настоящее время не дали бы ей и десяти лѣтъ политическаго существованія. Она царствовала надъ морями съ такими средствами и силами, какія въ XIX столѣтіи не создали бы величія даже второстепенному американскому или

англійскому порту. Легко быть великаномъ среди карликовъ, и аристократомъ среди плебеевъ, и мечтать о неприкосновенности венеціанскихъ поэтическихъ уголковъ и о священномъ покоѣ ея дворцовъ—значитъ, по меньшей мѣрѣ, впадать въ праздное донъ-кихотство. И итальянская палата депутатовъ не всегда бываетъ виновата, когда невнимательно слушаетъ Помпео Мольменти.

Но она рѣшительно неправа въ своемъ невозмутимомъ равнодушіи вообще къ жалобамъ венеціанскаго патріота. А онъ, въ свою очередь, правъ, видя явные признаки упадка культуры, въ этомъ равнодушіи.

На классической почвѣ въ наше время нарождается совершенно новый типъ интеллигентнаго итальянца, не похожій на прежнія поколѣнія, будто новая раса сравнительно съ эпохой возрожденія. Даже и физическая природа другая.

Уйда недавно разразился громовой статьей противъ современнаго итальянскаго варварства и съ свойственной беллетристу горячностью нарисовалъ фигуру новаго итальянца *). Это нѣчто въ высшей степени неклассическое и нехудожественное.

Только развѣ въ захолустныхъ провинціяхъ теперь можно встрѣтить лица, достойныя кисти Тацита, Микель-Анжело, Рафаэля, Корреджіо. Въ городахъ, задушенныхъ нравственными и физическими міазмами, рождается и живетъ человѣкъ, совершенно лишенный граціи и изящества. Его отличаютъ тупые и наглые глаза, циническое зубоскальство, характерная челюсть преступника, дыханіе, постоянно зараженное никотиномъ... Уйда готовъ и еще сильнѣе разукрасить ненавистный типъ, но онъ правъ въ своемъ сравненіи итальянскихъ горожанъ съ сельчанами. Даже населеніе окрестностей Рима гораздо красивѣе и классичнѣе, чѣмъ сами римляне. Но только врядъ ли и эти красавцы съ бо̀льшимъ уваженіемъ отнеслись бы къ дворцамъ сеньёровъ и развалинамъ римской республики и имперіи. Можно посѣтовать, что современная слишкомъ напряженная борьба за существованіе не способствуетъ развитію олимпійской красоты, не производитъ ни величаво благоволящихъ Юпитеровъ, ни беззаботно-побѣдоносныхъ Аполлоновъ, но дѣло не въ физическомъ благообразіи, а въ несомнѣнномъ нравственномъ отупѣніи и измельчаніи.

Всякому путешественнику бросается въ глаза полнѣйшее безучастіе современнаго итальянца къ чудесамъ искусства и очарованіямъ природы. Соображеніе, будто они ко всему этому присмотрѣлись, не имѣетъ ни малѣйшаго смысла—ни вообще, ни въ данномъ случаѣ. Иностранцы посвящаютъ цѣлыя книги Лаокоону и Аполлону Бельведерскому. На знаменитыхъ скульптурахъ нельзя найти ни одной черты, тщательно не изученной и не оцѣненной. Итальянская интеллигенція не имѣетъ самаго отдаленнаго представленія о подобной работѣ, и все-таки она будто устала отъ созерцанія классическихъ произведеній. Вѣрнѣе, она лишена всякой охоты созерцать ихъ. Народъ тѣмъ болѣе. И даже, если бы всѣ эти люди являлись красавцами, ихъ отнюдь нельзя было бы признать ни культурными, ни просто духовно-развитыми. И Уида правъ въ своихъ похоронныхъ причитаніяхъ итальянской цивилизаціи.

*) Misgovernement in Italy. The Fortnightly Review. June 1898.

Итальянскій публицистъ проникнутъ тѣми же чувствами и мотивируетъ ихъ не эстетическими впечатлѣніями, а фактами политики и экономической жизни новой Италіи.

III.

Авторъ не принадлежитъ ни къ радикаламъ, ни къ соціалистамъ. Онъ вполнѣ благонамѣренный монархистъ и искренній поклонникъ въ теоріи и на практикѣ королевской власти. Онъ рѣшительно не сочувствуетъ революціоннымъ агитаціямъ, его не подкупаетъ шумное и блестящее политиканство соотечественниковъ, онъ безпощадно разоблачаетъ изнанку и сущность мишурнаго блеска и мнимаго гражданскаго духа.

Въ самомъ началѣ книги авторъ свидѣтельствуетъ о фактѣ вполнѣ естественномъ, но удручающемъ по своему политическому значенію для современной Италіи.

Въ этой странѣ нѣтъ патріотизма, нѣтъ необходимаго мощнаго чувства, какое только и спасаетъ государство и общество отъ разложенія и гибели. Мы думаемъ издали, Италія великая держава, въ ней тридцать милліоновъ населенія, она одинъ изъ трехъ оплотовъ европейскаго мира, и вдругъ въ ней нѣтъ патріотовъ. Точнѣе, патріоты есть, только искусственные, народъ не знаетъ единаго итальянскаго отечества.

Когда итальянская армія потерпѣла страшное пораженіе въ Абиссиніи, на улицахъ итальянскихъ городовъ слышались крики: *Да здравствуетъ Менеликъ*!

Положимъ, могли кричать враги Криспи, но возможно ли въ другомъ культурномъ государствѣ, чтобы партійная вражда доходила до такого ослѣпленія, до такого политическаго самоотрицанія? Во Франціи когда-то Ферри попалъ въ подобное положеніе. Тонкинскія приключенія вооружили всю Францію противъ министра «тонкинца». Его свергли, похоронили навсегда его политическую карьеру. Но что бы сказали французы, если бы кто-нибудь на ихъ площади закричалъ: «да здравствуютъ тонкинцы!»

А въ Италіи кричали, и весьма многіе, и даже не какъ враги Криспи, а какъ люди совершенно посторонніе вообще правительству *итальянскаго* королевства.

Волей-неволей приходится объяснять этимъ людямъ, что такое патріотизмъ и національность и нашъ авторъ пускается въ поучительное классическое краснорѣчіе. Онъ ссылается на Сократа. Философъ объявлялъ себя гражданиномъ вселенной, но это гражданство не мѣшало ему героически сражаться за отечество и умереть даже по приговору несправедливаго суда съ заповѣдью ученикамъ: повиноваться всегда и во всемъ законамъ родины.

Если Сократъ не убѣдителенъ для итальянцевъ, пусть они припомнятъ французскихъ соціалистовъ. Они, стремясь къ сліянію всѣхъ народовъ, страстно защищаютъ принципъ національности и Франція для нихъ такое же божество, какъ и для самыхъ умѣренныхъ партій, можетъ быть, даже болѣе чтимое.

Не правда ли, оригинальная публицистика? Правительство уже десятки лѣтъ ведетъ политику великой державы, содержитъ соотвѣтствующую армію, занимаетъ извѣстное emploi въ европейскомъ концертѣ, и вотъ оказывается все сооруженіе на пескѣ.

Благонамѣреннѣйшій писатель заявляетъ, что въ новой Италіи, и то далеко не во всей, единственное общее достояніе литературный языкъ *lingua scritta*. Все остальное рѣзко различно и положительно не поддается объединенію.

Нравы, привычки, преданія, интересы раздѣляютъ сѣверную и южную Италію непроходимой пропастью. Опытнѣйшіе государственные люди страны единодушно сознаются, что для удовлетворенія дѣйствительныхъ нуждъ Италіи требуются отдѣльные законы для каждой провинціи. Даже города отличаются другъ отъ друга не только историческимъ наслѣдствомъ и мѣстными обычаями, но *расой* населенія. Сѣверный итальянецъ искренне презираетъ римлянина, и пьемонтецъ, ломбардецъ, неаполитанецъ являются въ парламентъ съ діаметрально противоположными идеями и чувствами.

Каждый, сколько-нибудь знакомый съ жизнью Италіи, можетъ подтвердить фактъ по личному опыту. Въ прошломъ году, напримѣръ, въ сицилійскомъ городѣ Милаццо открывали статую свободы. У этого города, какъ извѣстно, Гарибальди одержалъ блестящую побѣду надъ неаполитанскимъ войскомъ. Въ походѣ принималъ участіе Криспи и, естественно, явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при открытіи памятника. Сицилійцы горячо привѣтствовали своего земляка. Синдикъ Милаццо произнесъ хвалебную рѣчь заслугамъ Криспи...

Сѣверяне пришли въ страшное негодованіе отъ этой «профанаціи» праздника и свободы. Миланскій *Secolo* не находилъ словъ достойно заклеймить глупость синдика и политическую безтактность его согражданъ. Въ Венеціи, во Флоренціи, въ Миланѣ находили только одно объясненіе позорному скандалу—неизлѣчимое расовое тупоуміе южанъ во всемъ, что касается высшихъ вопросовъ нравственности и политики. Въ то самое время, когда Криспи состоялъ подъ судебнымъ слѣдствіемъ за банковскую панаму, на югѣ ему устраивали тріумфы и въ честь его синдикъ приводилъ безграмотныя классическія цитаты съ именами Брута и Катона!

Это было, дѣйствительно, слишкомъ. Но опять ненависть и презрѣніе къ политическому дѣятелю вовлекли печать въ международные счеты. Иначе нельзя назвать отчаянные отзывы, какими сѣверъ Италіи осыпалъ несчастный, полудикій югъ. Можно было подумать,—то компанія Рошфоровъ и Деруледовъ пишетъ о нѣмцахъ.

И нашъ авторъ не видитъ, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, признаковъ другого порядка. Большинство сельскаго населенія находится въ рукахъ священниковъ: но не католическая церковь, конечно, станетъ воспитывать патріотовъ для новой Италіи. Сельскіе учителя также равнодушны къ этой цѣли: они занимаютъ слишкомъ незавидное общественное положеніе, крайне дурно вознаграждаются. Имъ не до высшей политики, а если и случается имъ поддаваться политическимъ соблазнамъ, это бываетъ исключительно подъ давленіемъ какой-нибудь партіи, парламентскаго вожака, сулящаго за поддержку всяческія блага.

И это равнодушіе къ судьбамъ страны останется навсегда, если только уровень народной грамотности не измѣнится. Въ Италіи оффиціально существуетъ обязательное начальное обученіе, и, несмотря на это, по послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Италіи было 61% безграмотныхъ. По закону безграмотный не можетъ участво-

вать въ парламентскихъ выборахъ, слѣдовательно, около двухъ третей населенія не пользуются конституціонными правами. Но и среди грамотныхъ политическій индифферентизмъ поразителенъ. Въ выборахъ 1895 года изъ всего числа избирателей приняло участіе немного больше половины. Естественно, выборы дали побѣду Криспи, а въ результатѣ абиссинскій разгромъ и потрясеніе всего государственнаго организма.

Легко представить, при такомъ повальномъ невѣжествѣ и апатіи полное раздолье всякаго рода искателямъ приключеній. Въ палату попадаютъ отнюдь не достойнѣйшіе, а наиболѣе ловкіе и неразборчивые въ средствахъ. При каждыхъ выборахъ является громадное количество министерскихъ кандидатовъ, и они всегда имѣютъ надежныя данныя пройти въ палату. Все величіе Криспи держалось на этомъ законѣ и врядъ ли поколебалось бы вслѣдствіе обычныхъ конституціонныхъ порядковъ, если бы *Сіссіо* *) не стало уличнымъ браннымъ словомъ и если бы противъ «мегаломаніи» отечественнаго Бисмарка не стали протестовать женщины. Онѣ бросались на рельсы, съ воплями останавливали поѣзда, увозившіе ихъ дѣтей и мужей въ Абиссинію на вѣрную бойню.

Сіссіо палъ, но порядки не измѣнились. Авторъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ итальянскій парламентаризмъ. Его слова не трудно провѣрить по отчетамъ о засѣданіяхъ парламента. Врядъ ли какое собраніе цивилизованныхъ людей можетъ отличаться болѣе безплодными, безцѣльно эффектными поединками краснорѣчія и острословія, чѣмъ итальянскій парламентъ. Безпрестанные запросы, мелочныя партійныя препирательства, чисто театральная наклонность позировать въ роли протестанта и оппонента ради зрѣлища: все это залу дворца Montecitorio превращаетъ часто въ актерское ристалище, къ большому удовольствію самихъ героевъ и восемнадцатилѣтнихъ преобразователей государства, но къ неоцѣнимому ущербу настоятельнѣйшихъ задачъ внутренней и внѣшней политики.

За кулисами этого феерическаго зрѣлища скрывается печальная дѣйствительность. Прежде всего, въ итальянскомъ парламентѣ собственно нѣтъ партій, нѣтъ принципіальныхъ программъ. Существуютъ группы и групповые и личные интересы. Каждая группа имѣетъ своего вождя и борется за его карьеру въ надеждѣ за грядущую щедрую расплату. Партіи возможны только въ странѣ, гдѣ политическая мысль находитъ глубокую и сознательно-отзывчивую почву въ народѣ, гдѣ политическій дѣятель можетъ опираться на активное сочувствіе населенія, на его способность пристально и критически относиться къ дѣятельности представительнаго собранія. Все равно, какъ только публика дѣлаетъ писателя свободнымъ и его дѣло достойнымъ и почетнымъ, такъ лишь одинъ народъ можетъ создавать государственныхъ мужей—независимыхъ, принципіально убѣжденныхъ.

Какой же народъ въ странѣ, гдѣ двѣ трети населенія безправны, а половина остальнаго не желаетъ пользоваться правами? Неминуемо политика превращается въ аферу, конституція въ

*) Уменьшительное отъ Francesco, имени Криспи.
**) Названіе площади, гдѣ находится зданіе парламента.

парламентаризмъ, т. е. въ личную политическую борьбу депутатовъ за ближайшіе личные интересы. Самъ по себѣ конституціонный строй здѣсь ни при чемъ: благороднѣйшее растеніе можетъ дать самые прискорбные плоды или совсѣмъ погибнуть на дурной почвѣ. Вопросъ гораздо проще: конституція, ради возможнаго совершенства политическаго строя, нуждается во всеобщей подачѣ голосовъ, а всеобщее голосованіе требуетъ, по крайней мѣрѣ, грамотной націи, если не просвѣщенной. Италія не удовлетворяетъ этому условію, отсюда «криспизмъ» и всяческіе другіе недуги парламентскаго спорта и авантюризма.

Для внутренней жизни страны самое гибельное послѣдствіе извращеннаго парламентаризма—отсутствіе свободы и правды въ судахъ. Судьи, какъ и чиновники, являются слугами той или другой парламентской группы. О независимости не можетъ быть и рѣчи, какъ бы ни былъ строгъ въ теоріи законъ о несмѣняемости. Давидъ Юмъ говорилъ, что вся политическая система Англіи, обѣ палаты, ея войско и флотъ, только средства для достиженія одной цѣли: сохранить независимость двѣнадцати главныхъ судей страны.

Этой цѣли не знаетъ современный политическій порядокъ Италіи. *Avanti* безпрестанно повторяетъ одну и ту же мысль: оффиціальная Италія устроена такимъ образомъ, что всякій нарушитель законовъ можетъ остаться безнаказаннымъ, лишь бы онъ заручился защитой какого-либо знакомаго депутата.

На томъ же фактѣ настаиваетъ и нашъ благонамѣренный авторъ. Изъ всѣхъ бѣдствій современнаго итальянскаго парламентаризма «самое тяжелое и болѣзненное» зависимость магистратуры отъ партій. Въ доказательство можно привести множество процессовъ, направленныхъ политическими вліяніями. Достаточно вспомнить, какъ раздѣлывался Криспи со своими противниками при помощи судовъ и какъ самъ долго оставался свободнымъ даже отъ слѣдствія при глубокомъ убѣжденіи общественнаго мнѣнія въ его преступности.

Но и общественное мнѣніе дешево стоитъ, разъ оно не опирается на политически-развитую и мужественную интеллигенцію. Такой пока нѣтъ въ Италіи. Мы слышали жалобы иностранцевъ на варварское пренебреженіе современнаго правящаго класса къ историческимъ памятникамъ и искусству. Нашъ авторъ не упоминаетъ объ этихъ разрушеніяхъ, но онъ даетъ общую характеристику итальянской буржуазіи, вполнѣ объясняющую ея вандальство.

Высшіе классы не блещутъ культурой. Въ Италіи нѣтъ аристократіи ума, т. е. нѣтъ людей, самостоятельно и съ любовью отдающихся наукѣ и литературѣ. Только они могли бы оживлять и возрождать стоячую атмосферу мысли, неминуемо водворяющуюся въ академіяхъ и другихъ оффиціальныхъ пріютахъ учености. Только они могли бы вносить въ среду гражданъ развитые политическіе принципы и являться грозной критической силой для политикановъ и авантюристовъ. И только они могли бы дать парламенту дѣйствительно государственныхъ дѣятелей.

Ничего подобнаго нѣтъ въ странѣ. Полуобразованность наверху и невѣжество внизу—таковъ фундаментъ для свободной единой

Италіи. Самыя наглядныя послѣдствія—низкій уровень политической печати и мертвенность высшаго образованія. Для серьезныхъ періодическихъ изданій требуется особая публика, не первый попавшійся обладатель пяти чентезимовъ. Газета ярче и нервнѣе, чѣмъ всякое другое общественное явленіе, отражаетъ на себѣ умственныя и нравственныя качества современнаго общества. Популярность уличной печати—неопровержимое свидѣтельство о крайне низменномъ умственномъ уровнѣ большинства читателей. Распространенность безпринципной, пошлой, но забавной и неутомляющей газеты—вѣрнѣйшій показатель политическаго индифферентизма и апатіи въ извѣстной средѣ.

То же самое можно сказать и о противоположномъ полюсѣ общественной жизни. Если среднее и высшее образованіе стремится замереть въ схоластическихъ неподвижныхъ формахъ, если университетскія каѳедры изъ поколѣнія въ поколѣніе пробавляются архивной ископаемой ученостью и не желаютъ знать настойчивыхъ запросовъ непрестанно развивающейся дѣйствительности, будьте увѣрены, эти разсадники умственнаго отупѣнія и нравственнаго обезличенія процвѣтаютъ среди темнаго и политически-первобытнаго общества. Таково положеніе итальянскихъ университетовъ, «настоящихъ твердынь средневѣковья», по выраженію автора. Обскурантизмъ въ преподаваніи и карьеризмъ въ преподавателяхъ царствуютъ невозбранно. Страна, затрачивая большія средства на эти питомники надутыхъ трутней, не получаетъ взамѣнъ ни искры духовнаго свѣта, ни намека на свѣжее, бодрящее дыханіе дѣятельной просвѣтительной мысли.

Естественно, число недовольныхъ растетъ. Знаменитый вождь соціалистской партіи Чиприани недавно утверждалъ, что Италія по части соціализма преуспѣла больше всѣхъ другихъ странъ. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что Италія переполнена оппозиціонными элементами. Они не имѣютъ организаціи. Мы видѣли, сами соціалисты не въ силахъ управлять народной массой. Но отсутствіе организаціи не мѣшаетъ стройному единодушію недовольныхъ, ихъ инстинктивному взаимному сочувствію. Ни въ одной странѣ, по словамъ нашего автора, рабочіе не находятся въ такомъ стѣсненномъ положеніи, не отличаются такой отупѣлостью, до такой степени не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, какъ въ Италіи. Немногимъ лучше и положеніе мелкихъ собственниковъ. Каждый изъ нихъ готовый кандидатъ въ соціалисты.

Авторъ не приводитъ фактовъ, считая ихъ извѣстными своимъ читателямъ. Но мы должны обратиться къ нѣкоторымъ подробностямъ, въ высшей степени оригинальнымъ для современной Италіи.

Она до сихъ поръ, съ эпохи римской республики и имперіи, страдаетъ разрушительнымъ земельнымъ недугомъ—*латифундизмомъ*. Громадныя пространства земли находятся во владѣніи сеньёровъ. Латифундіи тянутся по всему полуострову, отъ Тосканы до Сициліи. Большая часть ихъ остается безъ всякой обработки. Богатства древнихъ фамилій давно исчезли, покупщиковъ на землю нѣтъ, и цѣлые округи превращаются въ пустыни, въ мареммы, т. е. въ болота, насылающія на страну всякаго рода болѣзни. Особенно много такихъ пустынь на югѣ Италіи, въ Сициліи и въ

Сардиніи, принадлежащихъ бывшимъ феодаламъ, благотворительнымъ обществамъ и муниципалитетамъ.

Рядомъ съ латифундіями естественно развивается другой, не менѣе опасный недугъ: крайнее дробленіе мелкихъ владѣній. У землевладѣльца-крестьянина единственная возможность надѣлить наслѣдствомъ всѣхъ членовъ семьи—отдать имъ землю, каждому извѣстную часть. А такъ какъ населеніе Италіи растетъ быстрѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ западной Европы, мелкая земельная собственность переходитъ въ *атомную*, дробится до послѣдней степени. Обработка у крестьянъ остается первобытной, въ результатѣ—сегодняшній собственникъ завтра же можетъ превратиться въ нищаго. И само государство какъ нельзя усерднѣе способствуетъ этому превращенію.

Громадныя потребности новой великой державы подняли налоги до подавляющихъ размѣровъ. Что легко извлекается во Франціи и въ Германіи, то въ Италіи становится источникомъ разоренія. Вчерашнихъ подданныхъ папы и Бурбоновъ слѣдовало сначала пріучить къ серьезной упорной работѣ, слѣдовало, по возможности, понизить вѣками укорененную наклонность къ безпечной нищетѣ и мечтательной праздности. Правительству некогда было заниматься вообще воспитаніемъ народа, оно нагрянуло на страну цѣлой массой налоговъ и повинностей.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ налоги стали поглощать весь чистый доходъ съ земли. «Земледѣльческая Италія, — говорилъ недавно одинъ изъ сенаторовъ,—совершенно обезкровлена политической Италіей». И факты подтверждаютъ это обвиненіе.

Ни въ одной странѣ такъ часто и въ такомъ количествѣ не продается имущество несостоятельныхъ плательщиковъ податей. Въ 1891 году, напримѣръ, состоялось около 10.000 приговоровъ о продажѣ съ аукціона мелкихъ владѣній. И особенно поучительны суммы недоимокъ: 24% неплательщиковъ были должны меньше, чѣмъ по 5 лиръ, т. е. около полутора рубля; ста лиръ, т. е. около сорока рублей недоимка достигала только въ одномъ случаѣ изъ десяти. Въ слѣдующемъ году происходили продажи за недоимки по двѣ лиры. Такихъ владѣній было продано около двухъ тысячъ, при чемъ судебныя издержки больше, чѣмъ въ полтора раза превосходили взысканную сумму.

Эти факты вошли въ обычный порядокъ на югѣ, въ Сициліи и въ Сардиніи. Но и на сѣверѣ совершается то же самое. Въ венеціанской провинціи, въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1875 года, правительство отчудило четыре десятыхъ земельныхъ владѣній, т. е. цѣлую четверть всей территоріи.

Куда же дѣвались и дѣваются собственники, превращенные въ пролетаріевъ? Прежде всего, эмигрируютъ. Это распространеннѣйшій способъ избѣжать голодной смерти. Потомъ превращаются въ рабочихъ и, конечно, весьма часто безъ работы. Ему нечего охранять и онъ естественный врагъ охранителей и самого правительства, лишившаго его собственности и родного дома на какое-нибудь африканское предпріятіе или на удовлетвореніе престижа великой державы, союзницы Германіи и Австріи. Можетъ быть, пролетарій и понялъ бы планы и задачи высшей политики, но на его бѣду и на горе государства, онъ рѣшительно ни-

чего не понимаетъ въ общественныхъ вопросахъ, кромѣ голода и безработицы.

Такимъ путемъ само же объединенное королевство создаетъ себѣ враговъ среди народа, во всякомъ случаѣ не пріобрѣтаетъ горячихъ друзей. И народъ, несомнѣнно блестяще одаренный отъ природы, въ теченіе вѣковъ производившій геніальныхъ художниковъ и мыслителей, теперь готовъ поднять руку на свою же цивилизацію и надъ своей страной продѣлать опыты варварской орды.

Да, именно такое будущее рисуется иностраннымъ наблюдателямъ современной Италіи и нашему патріотически-настроенному публицисту. Ему хотѣлось бы владѣть рѣчью Ювенала и Данте, чтобы пробудить родину. У него нѣтъ вдохновенія, и онъ можетъ рисовать только чертами разсказчика печальное настоящее и умолять согражданъ подумать о неотразимомъ судѣ исторіи.

Чего ждать отъ многомилліоннаго плебса, все глубже погрязающаго въ бѣдность и отчаяніе? Утративъ всякое терпѣніе, достигши предѣла страданій, онъ можетъ возстать темной разрушительной силой и похоронить враждебную ему цивилизацію подъ развалинами и пепломъ.

Вѣдь именно въ Италіи возникла своеобразная теорія историческаго прогресса. Авторъ ея, Вико, доказывалъ, что движеніе человѣческой культуры кругообразно, въ исходной и конечной точкѣ варварство, только въ началѣ естественное, а въ концѣ цивилизованное, еще болѣе эгоистическое и безпощадное. Нашъ авторъ будто по этой программѣ рисуетъ судьбы новой Италіи. Онъ только далекъ отъ оптимизма стараго философа. Вико былъ увѣренъ въ торжествѣ правды: Провидѣніе, по его мнѣнію, всегда находитъ средство вывести народъ изъ состоянія анархіи...

Современный писатель держится другого взгляда. Онъ ссылается на соціолога, Гумповича, много занимавшагося вопросомъ о расахъ и законахъ историческаго развитія. Для нѣкоторыхъ народовъ можетъ наступить день, когда внутренніе варвары осуществляютъ былую разрушительную работу внѣшнихъ. И къ такому-то предѣлу идетъ современная Италія, если только она не измѣнитъ своихъ путей. И автора уже начинаетъ томить грозное предчувствіе, что въ одинъ прекрасный день онъ и его соотечественники проснутся отъ дикаго вопля, при зловѣщемъ блескѣ пламени, среди вихря разрушенія. Кто тогда спасется?..

И все это не декламація политиковъ изъ *Avanti*. Предъ нами совершенно спокойный, уравновѣшенный человѣкъ, гораздо болѣе наклонный къ чувствительнымъ сожалѣніямъ, чѣмъ къ мрачнымъ пророчествамъ. Его заключенія должны имѣть вѣсъ. И имѣютъ.

Среди многочисленныхъ единодушно-мрачныхъ изображеній политическаго состоянія Италіи во всей европейской печати мы встрѣтили одинъ сравнительно оптимистическій сводъ фактовъ. Авторъ видимо старался всѣми силами нарисовать возможно болѣе розовую картину, воспользовался отчетами министровъ, собралъ самыя отрадныя наблюденія у путешественниковъ, и дѣйствительно достигъ извѣстной цѣли.

Но самый этотъ успѣхъ, при столь напряженномъ усердіи, въ высшей степени поучителенъ. Авторъ съумѣлъ нарисовать болѣе

или менѣе утѣшительную перспективу для одной *сѣверной* Италіи. Онъ даже заранѣе оговорился, что всѣ толки европейской печати о финансовыхъ крахахъ, о бунтахъ голодной толпы, о безработицѣ справедливы, только надо помнить одно обстоятельство.

Италія бѣдствій и мятежей—это *южная* Италія. Она начинается въ Римѣ и оканчивается въ Мессинѣ. Это традиціонное царство безпечности и безпорядка. *Настоящая Италія* совсѣмъ другая: она идетъ отъ Альпъ до Рима. Ее даже министры оффиціально выдѣляютъ изъ основного королевства. И вотъ въ ней-то обнаруживаются симптомы истинно-культурнаго современнаго развитія.

IV.

Еще пятнадцать лѣтъ назадъ Европа, со словъ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтеля, Леона Сэя, узнала о чудесахъ, совершающихся въ сѣверной Италіи. Всѣ они выражались однимъ простымъ словомъ *ассоціація*. Рѣчь шла, слѣдовательно, исключительно объ экономическихъ успѣхахъ страны. Они, дѣйствительно, поучительны *).

Образцомъ можно взять миланскій «кооперативный союзъ». Цѣль его — довести необходимые расходы рабочаго до самой скромной цифры и помочь сбереженіямъ. Общество беретъ въ свои руки снабженіе жизненными припасами своихъ членовъ, устраняетъ посредниковъ, улучшаетъ продукты и понижаетъ цѣны до послѣдней возможности. Оно также завѣдуетъ сбереженіями рабочихъ и употребляетъ свои фонды на разныя экономическія улучшенія въ ихъ быту.

Подобный «кооперативный союзъ» существуетъ въ Римѣ среди офицеровъ и только онъ могъ обезпечить своимъ сочленамъ, получающимъ очень ограниченное содержаніе, приличное и безбѣдное существованіе. Этотъ «военный союзъ» въ сильной степени помогъ итальянской арміи въ многочисленныхъ экспедиціяхъ послѣдняго времени. Такой же цѣли достигаютъ и рабочія ассоціаціи во время рабочаго военнаго положенія, т. е. въ безработицу, въ старости, въ тяжкихъ болѣзняхъ.

И только въ Италіи принципъ потребительной ассоціаціи приведенъ въ систему, получилъ широкое распространеніе и легъ въ основу цѣлаго ряда экономическихъ благодѣяній. Онъ создалъ не только болѣе дешевую жизнь, но помогъ возникновенію общедоступнаго и необременительнаго кредита. Сберегательныя кассы, учреждаемыя при кооперативныхъ союзахъ, являются мѣстными банками для рабочаго класса. Часть капитала ассоціація употребляетъ на улучшеніе своихъ операцій, другая—является источникомъ мелкаго народнаго кредита. Осуществляется, такимъ образомъ, одна изъ основныхъ идей еще ранняго сенъ-симонизма: народный банкъ регулируетъ, поощряетъ и даже отчасти создаетъ промышленность извѣстной мѣстности. Итальянская ассоціація соединяетъ три функціи: потребительную, производительную и ссудную.

*) *L'effort de l'Italie.* «Revue de Paris». 1 mai 1898.

Кредитъ личный и основанъ на круговой порукѣ. За кредитоспособность заемщика ручается весь союзъ и въ случаѣ его неисправности ущербъ падаетъ на всю ассоціацію.

На этомъ же принципѣ возникли и сельскія кассы взаимопомощи, одно изъ любопытнѣйшихъ явленій новой Италіи. Всѣ онѣ тѣсно связаны съ сберегательными кассами и капиталъ, получаемый отъ труда, онѣ снова обращаютъ на расширеніе труда.

Въ другихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи, также существуютъ кооперативныя общества, сберегательныя кассы, рабочіе синдикаты, банки, но нигдѣ всѣ эти учрежденія не приведены въ одну дѣльную систему, нигдѣ всѣ эти функціи не превращены въ органы одного и того же организма. Только въ Италіи многообразные вопросы новой соціальной жизни разрѣшены съ идеальной стройностью и широтой взгляда.

Кооперативныя общества уже успѣли обнаружить благодѣтельныя послѣдствія не только въ частныхъ улучшеніяхъ жизни рабочихъ. Они сильно подвинули вопросъ о болѣе совершенной обработкѣ земли и продуктовъ. Благодаря земледѣльческому кредиту, мелкіе собственники стали пользоваться искусственными удобреніями, приготовлять сельскіе продукты по новымъ способамъ, пользоваться указаніями науки въ винодѣліи. Ссуды отдѣльнымъ рабочимъ и мелкимъ группамъ создали цѣлый рядъ предпріятій, не имѣвшихъ сначала никакого другого капитала, кромѣ скромнаго займа. Несомнѣнно и чисто соціальное вліяніе этихъ учрежденій. Возникши на почвѣ солидарности, они углубляютъ и распространяютъ ее, помогаютъ взаимному единенію не только рабочихъ, но и классовъ. Рабочія ассоціаціи становятся хозяевами, предпринимателями и капиталистическими силами. Заинтересованный министръ въ прошломъ году имѣлъ возможность сообщить парламенту множество утѣшительныхъ фактовъ изъ еще сравнительно молодой исторіи кооперативныхъ союзовъ. Министръ счелъ также себя въ правѣ нарисовать весьма свѣтлыя перспективы будущаго. Министръ подтверждалъ свои сообщенія и свои надежды цифрами. Самыми краснорѣчивыми должны были казаться собранію повышеніе ренты и частная конверсія государственнаго долга.

Все это, несомнѣнно, положительныя данныя, но только, къ сожалѣнію, онѣ нисколько не проясняютъ мрачнаго горизонта, тяготѣющаго надъ страной. Прежде всего, самъ же министръ говорилъ только о *L'Italia vera*. Это его выраженіе. А эта Италія всего какая-нибудь треть королевства и даже въ этой трети докладъ министра налегалъ преимущественно на Миланъ, Туринъ, Геную. Венеція также сѣверная Италія, но мы знаемъ, въ какомъ положеніи здѣсь мелкая собственность.

Но даже если бы и въ самомъ дѣлѣ надъ *настоящей Италіей* занималась новая заря экономическаго и соціальнаго прогресса, это не свидѣтельствуетъ о двухъ существенныхъ фактахъ: о развитіи въ населеніи патріотическаго обще-итальянскаго чувства и о подъемѣ культурнаго уровня.

Начало и успѣхъ ассоціацій не зависѣли отъ добрыхъ намѣреній и дѣйствій правительства. Министрамъ приходилось только удостовѣрять факты, созданные общественной и народной иниціативой. Сами они не создали ни потребительныхъ обществъ,

ни дешеваго кредита, ни даже сельскихъ кассъ взаимопомощи—учрежденій, въ большомъ количествѣ возникшихъ благодаря духовенству.

Правительство облагало населеніе, взыскивало налоги и безпощадно пускало съ аукціона имущество неисправныхъ плательщиковъ.

Правительство, поглощенное внѣшней политикой великой державы и добываніемъ усиленныхъ средствъ на эту политику, не имѣетъ времени и силъ жить внутренними интересами государства, и особенно тамъ, гдѣ интересы разнообразятся до полной противоположности, по отдѣльнымъ провинціямъ и городамъ.

Въ результатѣ именно факты, утѣшающіе министровъ, могутъ оказаться роковыми для правительства. Ассоціаціи съ теченіемъ времени создадутъ своего рода политическую организацію, *внѣшнюю* для оффиціальнаго единаго королевства, и савойская династія, дѣйствительно, окажется иностранной, чисто-завоевательной, какъ на нее и смотрятъ до сихъ поръ правовѣрные католики и южане.

Это одно. Другое соображеніе не менѣе важно не для политики Италіи, а для ея цивилизаціи.

Въ какихъ бы блестящихъ краскахъ ни рисовали намъ экономическій прогрессъ народа, для насъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ: а что же умственная культура — также идетъ шагъ въ шагъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ, отстаетъ или опережаетъ его? Одинъ отвѣтъ чрезвычайно простъ: матеріально обезпеченный человѣкъ непремѣнно постарается быть культурнымъ и будетъ имъ.

Къ сожалѣнію, простота отвѣтовъ въ общественныхъ и соціальныхъ задачахъ чаще всего обратно пропорціональна ихъ основательности. Факты показываютъ, что экономическая обезпеченность отнюдь не обусловливаетъ высокаго культурнаго уровня, грамотность можетъ быть, но образованность—только случайно. У матеріально обезпеченныхъ людей безпрестанно развивается наклонность смотрѣть на всѣ идеальные и реальные вопросы съ точки зрѣнія непосредственной полезности, т. е. которую сейчасъ же можно и учесть на звонкую монету.

Эта наклонность заставляетъ русскаго торговца вести своего сына не дальше городского училища и сейчасъ же засадить въ лавку, вдохновляетъ даже «именитаго» коммерсанта на бухгалтерію и языки, но никакъ не выше. Она же—эта наклонность—воспитывала повальное невѣжество среди нашихъ даже титулованныхъ недорослей не особенно отдаленнаго прошлаго, ограничивая ихъ культуру только непосредственно-полезнымъ въ ихъ быту, т. е. французскимъ языкомъ и танцами.

Очевидно, для центровъ цивилизаціи въ ея истинномъ смыслѣ слова требуется нѣчто другое, помимо матеріальной обезпеченности. Необходима, конечно, и она, но только отнюдь не какъ единственное и безусловно-дѣйствительное условіе.

И мы могли убѣдиться на примѣрѣ той же Италіи. Въ ней имѣется свое среднее сословіе, своя буржуазія, какъ вездѣ въ современной Европѣ—царствующая и управляющая. И эта именно сила оказывается менѣе всего культурной. Она проникнута грубымъ матеріализмомъ, эгоистична въ личныхъ и общественныхъ

отношеніяхъ. Она не знаетъ своего духовнаго отечества и не понимаетъ запросовъ мысли и чувства. Она не щадитъ міровыхъ преданій своей страны и хозяйничаетъ въ былыхъ столицахъ европейскаго умственнаго движенія съ слѣпымъ равнодушіемъ и даже враждой чужака и варвара.

Даже министры, выдвигаемые ею, отличаются той же культурной ограниченностью и тѣмъ же узко-практическимъ мѣщанскимъ міросозерцаніемъ.

Такое положеніе дѣла въ высшей степени обостряетъ и безъ того одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ современной Италіи.

Помимо всевозможныхъ затрудненій извнутри и извнѣ, у объединеннаго королевства имѣется непримиримый и безпощадный врагъ—папство и католическое духовенство.

Надо познакомиться только съ клерикальными органами печати, чтобы убѣдиться во всей глубинѣ и напряженности этой вражды.

Католическія газеты не пропускаютъ ни одного факта, ни одного случая, способнаго унизить, скомпрометировать или поставить въ затрудненіе королевское правительство. У нихъ существуетъ даже особый отдѣлъ подъ заглавіемъ, *Итальянскія прелести—Delizie italiche*. Здѣсь сообщаются подробные списки экспропріацій, совершаемыхъ властями за невзносъ податей. Отчеты сопровождаются обыкновенно указаніями на исключительныя естественныя богатства провинціи, и дается понять, что только современное правительство могло довести край до нищенства и запустѣнія.

Ни одна личная и политическая ошибка «либерала» не укрывается отъ всевидящихъ очей іезуитовъ и даже какой-нибудь вздорной выходкѣ дурно воспитаннаго юнца они дадутъ громкій титулъ—*молодое либеральное поколѣніе*. Если дорожаютъ продукты, объ этомъ сообщается подъ спеціальнымъ заглавіемъ *свѣтская дороговизна*, если какой-нибудь молодой человѣкъ бросится въ Тибръ, печатается диссертація объ упадкѣ католической вѣры у гражданъ современнаго *свѣтскаго* государства.

И такъ безъ конца! Въ послѣднія смуты клерикальная печать играла на столько видную роль, что правительство сочло себя вынужденнымъ прекратить нѣкоторыя изданія. И вотъ съ такимъ-то врагомъ, вооруженнымъ громадными средствами среди суевѣрной массы, превосходно дисциплинированнымъ и далеко не бѣднымъ талантами, новая Италія должна вести борьбу.

Здѣсь не помогутъ ни армія, ни флотъ, ни пятое или шестое мѣсто въ концертѣ великихъ державъ. Только просвѣщеніе и культура могутъ противостать этой силѣ, опирающейся на *свою* культуру и на *свое* просвѣщеніе. Новая Италія должна создать особую породу просвѣщенныхъ, энергическихъ гражданъ, привязанныхъ къ объединенному королевству, какъ къ своему общему отечеству. Для этого ей необходимо по цивилизаціи и духовнымъ силамъ стать выше мѣстныхъ провинціальныхъ преданій. Покоряетъ оружіе, но подчиняетъ только высшая культура. Она непремѣнно окажется побѣдительницей, какъ бы ни были ослѣпительны военные подвиги побѣдоноснаго народа. Эту истину исторія доказываетъ со временъ плѣненія прекрасной Эллады желѣзнаго Рима.

И этотъ законъ долженъ помнить и современный Римъ. Его настоящій врагъ не въ полуварварской Абиссиніи, а въ вѣковой культурной почвѣ Флоренціи, Венеціи, Неаполя и особенно Ватикана. Никакой успѣхъ иностранной политики не одолѣетъ этихъ враговъ. Они окончательно преклонятся предъ новой властью, какъ національной, только убѣдившись въ ея нравственномъ превосходствѣ и въ ея цивилизаторскомъ геніѣ.

Вступитъ ли новая Италія на этотъ путь? Нашъ публицистъ не задаетъ этого вопроса, даже не указываетъ пути, молитъ только небо спасти несчастную страну отъ «суроваго и неумолимаго суда исторіи». Но именно потому, что этотъ судъ дѣйствительно неумолимъ, слѣдуетъ идти ему на встрѣчу не съ воплями жалобы и не съ надеждами на состраданіе сильнаго къ слабому, а съ яснымъ и увѣреннымъ представленіемъ о размѣрахъ опасности и о средствахъ борьбы.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Evolutional Ethics and Animal Psychology*» *by E. P. Evans* (*Appleton and C°*). (*Эволюціонная этика и животная психологія*). Въ этой книгѣ разсматривается эволюція этики въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ въ связи съ человѣческими идеями, касающимися низшихъ животныхъ и отношеній къ нимъ человѣка. Въ первой части книги изслѣдуется этика племеннаго общества, правила поведенія и вліяніе религіозныхъ воззрѣній на ходъ эволюціи. Заключительная глава этой части посвящается метампсихозу. Во второй части разсматривается животная психологія, душевныя проявленія у животныхъ и сравненіе ихъ съ душевными проявленіями у человѣка, способность животныхъ къ прогрессу и т. п. Авторъ горячо заступается за животныхъ и ратуетъ за признаніе ихъ правъ, какъ помощниковъ человѣка. Занимательность книги еще увеличивается, благодаря тому, что авторъ иллюстрируетъ свои мысли многочисленными примѣрами и анекдотами.

(Popular Science Monthly).

«*Political Crime*» *by Louis Proal. With an Introduction by prof. F. H. Giddings, of Columbia University* (*Douglas Morrisson*). (*Политическое преступленіе*). Очень серьезное и документальное изслѣдованіе политическихъ преступленій въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи. Говоря о причинахъ, вызывающихъ подобныя преступленія, авторъ, между прочимъ, обсуждаетъ мѣропріятія, направленныя противъ нихъ, и тѣ, которыя имѣютъ цѣлью уничтоженіе причинъ, порождающихъ подобныя преступленія. (Literary World).

«*The Story of Photography*». *By Alfred T. Story.* (*Appleton and C°*). (*Исторія фотографіи*). Интеллигентный любитель-фотографъ долженъ съ большимъ интересомъ прочесть эту книгу, знакомящую его съ исторіей развитія его любимаго искусства, а также съ характеромъ различныхъ химическихъ и физическихъ процессовъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло при занятіи фотографіей. Книга разсчитана на большой кругъ читателей и поэтому написана очень понятнымъ популярнымъ языкомъ. (Literary World).

«*The Plant World; its Romances and Realities*». *By Frank Vincent* (*Appleton and C°*). (*Растительный міръ; романъ и дѣйствительность*). Эта книга входитъ въ составъ серій изданій для домашняго чтенія и представляетъ популярно написанное и занимательно изложенное руководство по ботаникѣ, одинаково пригодное какъ для тѣхъ, кто желаетъ серьезно заняться этою наукой, такъ и для любителей, интересующихся природой во всѣхъ ея проявленіяхъ.

(Literary World).

«*Le Japon vrai*» *par Felix Martin* (*Fasquelle*) *3 фр. 50.* (*Настоящая Японія*). Необыкновенно быстрая метаморфоза, которой подверглась Японія, представляетъ единичный примѣръ въ исторіи міра. Менѣе, чѣмъ въ тридцать лѣтъ страна перешла отъ самаго абсолютнаго феодальнаго режима къ демократическому и парламентскому режиму и самая первобытная цивилизація превратилась въ такое соціальное устройство, которое, по наружности, по крайней мѣрѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей современной цивилизаціи. Вполнѣ естественно поэтому, что Японія своимъ быстрымъ развитіемъ не только поразила, но и заинтересовала европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ и Японію принялись изучать съ разныхъ сторонъ. За послѣднее время литература о Японіи приняла очень обширные размѣры, тѣмъ не менѣе названная книга все-таки составляетъ цѣнный вкладъ въ эту литературу, такъ какъ авторъ этого изслѣдованія Японіи собралъ очень много серьезныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, не только о прошломъ страны, но и о ея настоящемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи и стремится вывести отсюда заключеніе о той роли, которую Японія призвана играть на крайнемъ востокѣ въ недалекомъ будущемъ.

(Journal des Débats).

«*Studies of Good and Evil*» *by prof. Josiah Royce of Harvard University.* (*Изученіе добра и зла*). Авторъ стремится примѣнить свои теоріи философскаго идеализма къ практическимъ проблеммамъ жизни и къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ, волнующихъ современное человѣчество.

Книгу эту можно рекомендовать всѣмъ любителямъ философскаго чтенія.

(Popular Science Monthly).

«*The Psychology of Suggestion*» *A Research into the Subconscious Nature of Man and Society. By Boris Sidès, Associate in Psychology at the Pathological Institute of the New-York State Hospitals. With an Introduction of prof. William James of Harvard University. Illustrated.* (*Психологія внушенія*). Чрезвычайно интересное и строго-научное изслѣдованіе различныхъ явленій, относящихся къ области безсознательной мозговой дѣятельности. Авторъ тщательно изучаетъ психическую жизнь въ ея сознательныхъ и безсознательныхъ проявленіяхъ и патологическихъ формахъ, отражающихся не только въ индивидуальной, но и соціальной жизни, а также старается изслѣдовать источники умственныхъ эпидемій, ихъ причины и главныя характерныя черты, явленія гипнотизма, раздвоенія личности и т. п. психическіе феномены очень подробно изучаются авторомъ и иллюстрируются многочисленными примѣрами.

(Popular Science Monthly).

«*Evolution individuelle et hérédité*» *Théorie de la variation qualitative. par F. Le Dantec.* (*Félix Alcan*). (*Индивидуальная эволюція и наслѣдственность*). Авторъ этой книги — молодой выдающійся ученый—посвящаетъ свое изслѣдованіе вопросу о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ признаковъ. Въ этой наслѣдственности авторъ видитъ единственное различіе между живыми тѣлами или «пластидами» (plastides) и мертвою матеріей, которая неспособна ассимилироваться. Эта способность ассимиляціи должна, по его мнѣнію, служить основою всякаго біологическаго изслѣдованія. Наслѣдственность представляетъ не болѣе, какъ форму и выраженіе процесса ассимиляціи и ее надо разсматривать, какъ ассимиляцію признаковъ, переданныхъ потомству и увѣковѣченныхъ посредствомъ этого процесса.

(Popular Science Monthly).

«*Philosophy of Phenomena*». *By George M. Ramsey. Boston. Banner of Light Publishing Society.* (*Философія феноменовъ*). Авторъ подраздѣляетъ всѣ явленія природы на физическія и метафизическія (явленія матеріи и явленія жизни). Космическія силы тяготѣнія, тепла и жизни авторъ признаетъ главными факторами всѣхъ феноменовъ. Его взгляды во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ установившихся взглядовъ въ наукѣ и жизни и пражаютъ своею оригинальностью и смѣлостью.

(Popular Science Monthly).

«*Nouvelles études de Mythologie*» *par Max Muller. Bibliothèque de philosophie Contemporaine. (Félix Alcan).* (*Новые очерки миѳологіи*). Интересующіеся лингвистикой, сравнительною миѳологіей и исторіей религіозныхъ вѣрованій найдутъ въ этой книгѣ знаменитаго ученаго громадный матеріалъ, освѣщающій многіе вопросы, касающіеся исторій религій.

(Revue internationale).

«*Travels and Life in Ashanti and Saman*» *by R. A. Freeman* (*Constable*). (*Жизнь въ Ашанти*). Авторъ этой интересной книги, знакомящей съ жизнью западно-африканскихъ туземцевъ, много путешествовалъ по Золотому берегу и занималъ должность колоніальнаго врача, такъ что хорошо знакомъ съ мѣстностью, нѣкогда считавшеюся африканскимъ Эльдорадо. Теперь, по словамъ автора, много измѣнилось къ худшему въ этой области и упадокъ ея авторъ приписываетъ исключительно филантропамъ и промышленникамъ, совершенно незнакомымъ съ условіями страны, куда они перенесли свою дѣятельность. Свое пессимистическое отношеніе къ дѣятельности европейскихъ колонизаторовъ въ Западной Африкѣ авторъ подкрѣпляетъ многочисленными доказательствами. Книга прекрасно иллюстрирована и заключаетъ въ себѣ массу занимательныхъ описаній туземной жизни и природы. Гуманитарныя же тенденціи, которыми проникнута вся книга, производятъ, очень выгодное впечатлѣніе.

(Review of Reviews).

«*The Hall of Shells*» *by M-rs A. S. Hardy.* (*Appleton*). (*Зала раковинъ*). Очень занимательно и популярно написанная исторія жизни маленькихъ существъ, обитающихъ въ своихъ хорошенькихъ домахъ-раковинахъ, покрывающихъ морскіе берега или скрывающихся въ глубинѣ морей.

(Bookseller).

«*Curious Homes and their Tennants*» *by James C. Bread.* (*Странныя жилища и ихъ обитатели*). Авторъ изучаетъ различныя фазы домашней жизни животныхъ, описывая блестящимъ и занимательнымъ образомъ ихъ нравы, привычки и способы защиты и воспитанія дѣтенышей.

(Bookseller).

«*The Animal World*»; *its Romances and Realities by Frank Vincent* (*Appleton*). (*Животный міръ*; *романъ и дѣйствительность*). Интересная книга, посвященная зоологіи и помѣщающая избранныя мѣста изъ произведеній различныхъ выдающихся натуралистовъ. Выборъ статей сдѣланъ очень удачно. (Bookseller).

«*Heroic Personalitées*» *by Louis Albert Banks.* (*New-York. Curts and Jennings*). (*Героическія личности*). Книга заключаетъ въ себѣ сорокъ очерковъ; въ каждомъ изъ нихъ описывается какой-нибудь выдающійся благородный поступокъ, направленный ко благу и возвышенію человѣчества. Къ каждому разсказу приложенъ портретъ героя этого разсказа.

(The Chautauquan).

«*Le Parsis; histoire des Communautés Zoroastriennes de L'Inde*» *par M. D. Ménant* (*Ernest Jeroux*). (*Парсы; исторія Зороастровскихъ общинъ въ Индіи*). Эта книга представляетъ лишь первую часть обширнаго ученаго труда, предпринятаго авторомъ и заключающаго въ себѣ изслѣдованіе зороастровскихъ общинъ въ Индіи. Авторъ не упускаетъ, повидимому, ничего, что только имѣетъ отношеніе къ гражданской жизни народовъ и старается прослѣдить какъ можно точнѣе постепенное возникновеніе и развитіе обычаевъ и взглядовъ и постепенное же превращеніе ихъ, особенно замѣтно выразившееся въ началѣ этого вѣка. Авторъ изучаетъ идеи воспитанія у древнихъ парсовъ и приходитъ къ заключенію, что, благодаря воспитанію, носившему у парсовъ характеръ воспитанія, получаемаго въ Западной Европѣ, парсамъ удалось занять совершенно исключительное положеніе въ Индіи, Они не только добились высокихъ должностей въ колоніи, но нѣкоторыя изъ нихъ попали даже въ британскій парламентъ.

(Revue des deux Mondes).

«*The Maori Maid*». *By H. B. Vogel.* (*Маорійская дѣвушка*). Авторъ основательно изучилъ Новую Зеландію, и его разсказъ изъ маорійской жизни знакомитъ читателей съ этою любопытною страной и характеромъ ея прежняго населенія.

(Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

XVIII.

Въ это утро старая тетя Вивн не снимала своихъ теплыхъ байковыхъ башмаковъ, и потому ея шаговъ не было слышно, когда она подошла къ дверямъ будуара. Она замерла на порогѣ. Она увидѣла Гедвигу въ объятіяхъ инженера Галля, и они были въ такомъ упоеніи, что даже не замѣтили ея.

Въ испугѣ старуха повернулась и обратилась въ бѣгство такъ же безшумно, какъ пришла.

Между тѣмъ счастливцы спустились съ облаковъ. Тамъ, въ заоблачныхъ высотахъ они были нѣмы. Какія слова соотвѣтствовали бы ихъ восторженному упоенію? Что можно было говорить, когда передъ взоромъ мелькаютъ лишь залитые солнечнымъ свѣтомъ миражи и когда мысль бездѣйствуетъ? Но теперь они спустились съ этой головокружительной высоты, далеко еще не на землю, но настолько, что можно было уже словами говорить о своемъ счастіи.

Долго они просидѣли обнявшись и прижимаясь другъ къ другу. Они оглядывались назадъ, къ тому, уже казавшемуся очень далекимъ, времени, когда обоихъ терзали тревожныя, противорѣчивыя чувства. Теперь это прошло! Теперь можно было съ улыбкой припоминать недоразумѣнія тернистаго пути, который, однако, привелъ къ счастію! И какъ смѣшно казалось, что они могли такъ долго играть въ жмурки, носиться съ какими-то сомнѣніями, измышлять себѣ чувства вражды и ненависти, когда истина была очевидна, такъ проста и такъ прекрасна! Да, они были глупы. Они походили на дѣтей, которыя косятся другъ на дружку при первой встрѣчѣ, хотя сильно желаютъ поиграть вмѣстѣ.

— Признайся, это ты сбивала насъ обоихъ съ толку! — шутливо замѣтилъ онъ.

— Молчи, молчи!.. Не будемъ объ этомъ вспоминать теперь.

Она сдѣлалась серьезна и слегка содрогнулась.

— Почему не вспоминать?—спросилъ онъ.—Вѣдь это пережито, это позади...

— Видишь ли, ты не понималъ самаго главнаго... Но не будемъ говорить теперь. Найдется времени довольно впереди...

— Да въ чемъ же дѣло?

Она помолчала. Счастливое выраженіе въ ея лицѣ затуманилось.

— У меня были такія дурныя предчувствія,—сказала она тихо.—Совсѣмъ они, было, отлетѣли отъ меня... тебѣ не слѣдовало опять наводить мою мысль на это! Видишь ли, я не хотѣла тебя любить! О, какъ я противилась этому чувству!.. У меня вѣдь совѣсть была нечиста. Я боялась, что не будетъ намъ счастія отъ того, что началось грѣхомъ. Наша любовь началась слишкомъ рано... Потомъ эта смерть мужа... Я хотѣла во что бы то ни стало отдѣлаться отъ моего чувства: оттого я и уѣхала отсюда. Но меня потянуло назадъ... противъ моей воли. Не могла я противостоять—я любила... любила тебя!

Онъ крѣпче прижалъ ее къ своей груди.

— Я понимаю тебя! — сказалъ онъ ласково.—Вѣдь и я чувствовалъ что-то въ этомъ родѣ: меня мучила мысль, что я полюбилъ тебя прежде, чѣмъ ты была свободна и что наше счастье строилось на несчастіи покойнаго. Но вѣдь человѣкъ отвѣтственъ только за свои поступки; чувства намъ не подвластны. Пока я живъ, я не могу удержать біенія моего сердца... а чувства вѣдь то же самое. Впрочемъ, если нужно будетъ искупить свое счастье наказаніемъ, я готовъ претерпѣть. Пусть потребуется моя жизнь на это, я все-таки буду ликовать: я люблю тебя!

Она слушала его, закрывъ глаза; такъ дѣти слушаютъ успокаивающій ихъ голосъ, когда имъ страшно. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, въ ея душу врывался точно ликующій солнечный свѣтъ, а при послѣднихъ его словахъ она встрепенулась и открыла глаза: въ нихъ уже не было тревоги.

— Прости мнѣ!—сказала она.

— Что простить?

— Да всѣ мои недостатки. Я хотѣла бы быть лучше, и благороднѣе, и чище и красивѣе, чѣмъ теперь. Я хотѣла бы стоить тебя!

Онъ засмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Я желалъ бы, чтобы ты была душой и тѣломъ менѣе прекрасна, чѣмъ теперь! Это внесло бы хоть немножко равновѣсія между нами. Подумай только, что я—жалкій бѣднякъ, не знавшій въ жизни ни радостей, ни довольства... Ты моя первая радость! Что я дамъ тебѣ, принимая такъ много?

— Что?

Она всплеснула руками.

— И ты еще спрашиваешь?—продолжала она въ увлеченіи.—Ты называешь себя жалкимъ бѣднякомъ! Да что я была, не зная тебя? Я была голодная нищая, одѣтая въ шелкъ и украшенная драгоцѣнностями! У меня было все, кромѣ самаго насущнаго: самой жизни. Это ты меня обогатилъ! Остальное я готова бросить, если оно тебѣ слишкомъ противно... Дай же поблагодарить тебя за благодѣяніе!

Она склонилась къ нему и поцѣловала его руку. Затѣмъ она подняла голову и вдругъ лукаво засмѣялась.

— Постой! Я еще не отвѣтила тебѣ на то, что ты пришелъ мнѣ заявить!—сказала она.—Ты вѣдь пришелъ отказаться отъ мѣста и заявить, что уѣзжаешь?

— Такъ-то оно такъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,—но теперь, признаюсь, я предпочелъ бы остаться...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты отказался, и кончено... Освобождаю тебя отъ всѣхъ твоихъ обязательствъ, и можешь ѣхать, когда хочешь. Только предупреждаю тебя, я хочу ѣхать съ тобой!

— Ты моя повелительница! Какъ велишь, такъ и будетъ.

Свадьба состоялась весною, когда вскрылись рѣки и первыя вешнія грозы расчистили воздухъ. День былъ ясный, солнечный; небо было прозрачно-голубое. Громко бурлила рѣка въ своихъ крутыхъ берегахъ; на осинахъ бурѣли уже большія почки; кое-гдѣ зеленѣла трава.

Свадебное шествіе направилось отъ господскаго дома черезъ устроенныя рабочими тріумфальныя ворота къ пристани, гдѣ дымилъ готовый къ отплытію пароходъ. Все населеніе Бьерне было тутъ, и всѣ лица имѣли благожелательное выраженіе.

Когда пароходъ началъ отчаливать, берегъ огласился нескончаемыми радостными кликами. Рабочіе, одѣтые въ свое лучшее праздничное платье, кидали кверху шапки; расфранченныя женщины махали носовыми платками; съ горы раздавалась пальба изъ ружей.

Томасъ Галль стоялъ на кормѣ парохода рядомъ съ женою. Никогда еще онъ не бывалъ предметомъ такихъ народныхъ овацій, какъ сегодня. И это чествовали его тѣ самые люди, которые недавно съ ненавистью отворачивались отъ него! Имъ были особенно довольны, потому что управляющимъ вмѣсто себя онъ пригласилъ пользовавшагося довѣріемъ рабочихъ инженера Вибеля, того самаго Вибеля, который, въ началѣ дѣятельности Томаса Галля въ Бьерне, называлъ его попытки организовать самопомощь рабочихъ опасными бреднями.

— Да здравствуютъ новобрачные! Ура! Ура! Ура!—доносилось съ берега.

Томасъ Галль отвѣчалъ на привѣтствія холодно и сдержанно.

— Ты что-то сталъ не веселъ, мой милый?—проговорила новобрачная, продѣвая свою руку подъ его руки.—Въ твоемъ взглядѣ тоска...

Онъ улыбнулся ей.

— Мои глаза невѣрно отражаютъ мое настроеніе, если въ нихъ нѣтъ большого счастья въ глубинѣ,—сказалъ онъ ласково.

Она пристально заглянула ему въ лицо.

— Да, это правда!—сказала она.—Въ глубинѣ есть счастье. Но все-таки есть и печаль... Откуда эта печаль, скажи?

— Откуда? Взгляни вдаль. Видишь легкій, синеватый туманъ тамъ, у подошвы горъ?—онъ указалъ рукой вдаль.—Значитъ, можетъ быть въ воздухѣ и туманъ, не смотря на тепло и ликующій солнечный свѣтъ.

Она даже не взглянула туда, куда онъ указывалъ; она продолжала смотрѣть ему въ глаза.

— Что ты хочешь сказать?—спро-

сила она. — Откуда туманъ въ твоемъ счастьи?

— Ты бы не разспрашивала меня теперь; я не съумѣю ничего объяснить толкомъ...

Онъ провелъ рукой по лицу, точно хотѣлъ согнать назойливую мысль.

— Я слишкомъ впечатлителенъ сегодня,—прибавилъ онъ, улыбаясь.—Это отъ моего чрезмѣрнаго счастья.

— Но если мнѣ позволяется раздѣлять съ тобой счастье, почему ты не хочешь подѣлиться со мной и остальнымъ?—спросила она.

Онъ опять улыбнулся,

— Очень охотно. Я только боюсь, что не съумѣю выразить своего настроенія словами. Это вѣдь не легко.

Онъ помолчалъ, обдумывая, съ чего начать и продолжалъ серьезно:

— Не могу я не раздумывать объ этихъ рабочихъ, о ихъ отношеніи ко мнѣ до и послѣ моего брака съ тобою. Если бы ты знала, какъ я желалъ ихъ блага всегда, но въ особенности, когда пріѣхалъ сюда! Я сгоралъ отъ нетерпѣнія сдѣлать для нихъ все, что можно, и ни о чемъ другомъ я не могъ тогда думать... Меня всегда захватываетъ одно какое-нибудь дѣло цѣликомъ... И право, я могъ тогда сдѣлать многое: по части просвѣщенія, для устраненія случайностей, для поднятія нравственности... Въ моемъ увлеченіи вѣдь была сила! Помнишь, о чемъ я имъ говорилъ на первой сходкѣ?

— Помню ли я! — проговорила она мечтательно.—Я восторгалась тобою, я слышала твой голосъ еще долго спустя, когда уже была одна, и ты опять былъ передо мною могучій, смѣлый, прекрасный въ твоемъ прекрасномъ увлеченіи. Сколько я потомъ думала обо всемъ, что ты говорилъ... Можетъ быть, тогда-то ты и покорилъ мое сердце...

— Но вспомни и то, что я понесъ тогда полное пораженіе...

— Ну мы, женщины, не очень-то цѣнимъ такія побѣды. Тотъ, кто остался смѣлъ, хотя бы и въ пораженіи, намъ всегда кажется побѣдителемъ...

— Да, но увлеченіе мое погибло!— сказалъ онъ, подавляя вздохъ. — Они отнеслись ко мнѣ недовѣрчиво, и это обезсилило меня. Потомъ они были ко мнѣ несправедливы и отдалили меня отъ себя... Ты спрашиваешь, откуда моя тоска? Я тоскую по моемъ прежнемъ увлеченіи; я оплакиваю моихъ боговъ, сброшенныхъ и затоптанныхъ въ грязь. Я большой мечтатель, это правда! Но только въ моихъ увлеченіяхъ и бываетъ сила. Теперь я ничего не могъ бы сдѣлать для нихъ; у меня не хватило бы увлеченія... Какъ не тужить объ этомъ? Я измѣнился вѣдь не къ лучшему, и въ сердцѣ осталась пустота послѣ лучшихъ стремленій. Но пойми и то, Гедвига, что моя тоска по прежнимъ чувствамъ только потому и сильна, что я нашелъ личное счастіе. Въ большомъ счастіи хотѣлось бы и другихъ видѣть счастливѣе... Да и тяжело признаваться передъ собою, что не смотря на утрату человѣколюбивыхъ стремленій, я счастливъ, счастливъ... Вотъ мое настроеніе, поскольку умѣю выразиться.

Ея лицо въ продолженіе его рѣчи постепенно затуманивалось, и подъ конецъ она даже отвернулась. Она хотѣла скрыть двѣ слезы, медленно катившіяся изъ ея глазъ подъ вуалью, въ которой онѣ затѣмъ остановились и сверкали на солнцѣ, какъ двѣ росинки на паутинѣ.

Чѣмъ онъ ее обидѣлъ или огорчилъ?

Онъ замѣтилъ сверкавшія росинки и уже упрекалъ себя, что сказалъ лишнее. Онъ обвилъ ея станъ рукою и хотѣлъ обернуть ее къ себѣ, чтобы, заглянуть ей въ глаза. Но она отворачивалась отъ него.

— Гедвига! — проговорилъ онъ, тихо.—Гедвига, посмотри же на меня.

Она, наконецъ, обернулась и, встрѣтивъ его любящій взглядъ, тотчасъ же повеселѣла.

— Знаешь, что, Томъ?—сказала она, крѣпко сжимая его руку.—Обѣщай мнѣ нѣчто торжественно.

— Все, все, что въ моей власти!

— Обѣщай, что ты выкинешь изъ головы всѣ эти твои прежнія идеи, все, чему была посвящена твоя прежняя жизнь и отъ чего у тебя осталась только горечь.

Онъ усмѣхнулся немного криво.

*

— Изволь, сдѣлаю для этого, что могу!—сказалъ онъ.

— Ты вѣдь понимаешь меня, Томъ?— продолжала она горячо. — Иначе оно встанетъ между нами, а я не хочу дѣлить тебя съ кѣмъ бы то ни было. Я въ состояніи приревновать тебя къ идеѣ, къ предмету, къ чему хочешь... Я и то ревную тебя къ твоимъ прошлымъ увлеченіямъ... не людьми, а всѣмъ остальнымъ, и только потому, что я не могу раздѣлять ихъ. Я хочу раздѣлять съ тобою все, даже твои мечты и мысли. Такъ ты обѣщаешь? Пусть твоя жизнь начнется съ этого дня съизнова, въ любви ко мнѣ, въ забвеніи прошлаго. Горечь, трудъ, лишенія—всего этого довольно — не правда ли? Пусть наша жизнь будетъ какъ прекрасное сновидѣніе. Мы будемъ жить одинъ для другого и для нашего счастья... Мы будемъ такъ безгранично счастливы! О, голова кружится отъ восторга, когда подумаю, какъ жизнь прекрасна!

Она бросилась къ нему въ объятія. Они были одни на кормѣ парохода, быстро спускавшагося внизъ по рѣкѣ къ морю. Они слились въ ликующемъ поцѣлуѣ, которымъ какъ бы закрѣплялся ихъ договоръ.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Томасъ Галль лежалъ въ покойномъ положеніи на низкой отоманкѣ въ своемъ кабинетѣ и разсѣянно поглядывалъ на каминъ. Въ каминѣ толстыя полѣнья медленно горѣли, потрескивая въ тишинѣ и борясь своимъ пламенемъ съ потемками неосвѣщенной комнаты.

За окнами свистѣлъ и гудѣлъ осенній вѣтеръ. Старыя ели передъ господскимъ домомъ Бьерне порывисто раскачивались. Отъ времени до времени дождь мелкой дробью ударялъ въ оконныя стекла.

Томасъ Галль докуривалъ свою сигару и наслаждался грезами полудремотнаго состоянія.

Просыпался онъ теперь поздно; одѣвался тщательно и неторопливо. Его не ждала какая-нибудь работа; безпокоиться ему было не о чемъ. Зачѣмъ же было спѣшить, когда времени было столько, что и дѣвать было некуда. Онъ завтракалъ въ обществѣ Гедвиги и тети Вивн; потомъ онъ выходилъ подышать воздухомъ въ обществѣ Гедвиги и тети Вивн. Если погода бывала хороша, они прогуливались пѣшкомъ; въ дурную погоду они катались въ каретѣ или въ крытыхъ саняхъ. Въ два часа подавался второй завтракъ, послѣ котораго онъ проводилъ часъ или два въ гостиной, обыкновенно, въ покойномъ креслѣ; Гедвига играла на роялѣ или пѣла; тетя Вивн сидѣла поодаль съ вязаньемъ въ рукахъ. Около пяти часовъ онъ цѣловалъ руку женѣ, благодаря ее за музыку, и уходилъ взять ванну. Затѣмъ онъ оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ до восьми часовъ, когда подавался обѣдъ.

Ему особенно нравилось одиночество въ промежутокъ времени отъ пяти до восьми. Уже раздѣваясь, чтобы принять ванну, и снимая свое изящное, удобное платье англійскаго покроя, онъ вздыхалъ съ облегченіемъ: вмѣстѣ съ платьемъ онъ точно сбрасывалъ съ себя какое-то тяжелое ярмо. Потомъ, выйдя изъ ванны, онъ облекался въ стеганый халатъ, надѣвалъ мягкія туфли и устраивался на диванѣ поудобнѣе. По крайней мѣрѣ теперь онъ могъ побыть одинъ! И ничто не мѣшало ему въ тиши уединенія, при трескѣ пылающихъ въ каминѣ дровъ, помечтать объ иной жизни.

Въ эти часы онъ хоть живетъ по своему и его личные вкусы не подавлены. Въ эти часы онъ еще похожъ на прежняго Томаса Галля и то, что не завяло въ немъ хорошаго, снова расцвѣтаетъ сильно и жизнерадостно, хотя только въ мечтѣ.

Въ его домѣ есть все, что могутъ дать богатство и тонко развитой вкусъ. Въ этомъ домѣ Томасъ Галль хранится, точно въ ватѣ. Двѣ женщины только и думаютъ объ его удобствахъ, слѣдятъ за малѣйшими измѣненіями въ выраженіи его лица и стараются предупреждать всѣ его желанія. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣтили, что ему нравится все изящное, столъ ежедневно накрывается точно для великаго пиршества: старинное серебро, вина въ граненомъ хрусталѣ, много цвѣтовъ... И каждый день, каждый часъ при немъ красивая жена, которая любитъ его и которую онъ любитъ.

Чего ему недостаетъ? Или онъ уже пресыщенъ счастіемъ, и въ немъ начинаетъ говорить прихотливость богача? Не можетъ же онъ тяготиться тѣмъ, что долженъ все раздѣлять съ женой, которая ему дорога? Она желаетъ имѣть долю

во всемъ, что его касается: въ его мысляхъ, въ его чувствахъ, въ его мечтахъ: она хочетъ владѣть имъ каждую минуту сутокъ; даже эти благословенные часы отъ пяти до восьми онъ отвоевалъ себѣ съ величайшимъ трудомъ и только послѣ продолжительной борьбы... И однако онъ не совсѣмъ доволенъ.

Въ мечтахъ онъ всегда воображаетъ себя свободнымъ и прежде всего бѣднякомъ. Въ странѣ мечты онъ бродитъ свободнымъ нищимъ, не связаннымъ ни чѣмъ, ни чувствами, ни условностями, такимъ, какимъ онъ долженъ бы быть по свойствамъ своей природы и къ чему его предназначала сама судьба.

Изъ этой чудесной страны онъ поглядываетъ на дѣйствительность, и все что окружаетъ его въ спокойномъ существованіи крупнаго собственника, ему кажется мелкимъ, неинтереснымъ. Самыя важныя обстоятельства его теперешней жизни кажутся ему иногда такими далекими и чуждыми, точно онъ поглядываетъ на нихъ съ другой планеты, черезъ подзорную трубу.

Да и прошлое представляется ему теперь рядомъ очень ничтожныхъ явленій. Онъ наивно воображалъ когда-то, что дѣлалъ дѣло, а въ сущности только копошился въ кучѣ другихъ такихъ же крошечныхъ козявокъ, и все это было попусту... Мысли рождались въ его мозгу; чувства поднимались въ его крови; мысли и чувства опредѣляли его поступки, и такъ составлялась его судьба!

Мелко!

Часто онъ вспоминаетъ старинную легенду о Тангейзерѣ: этотъ благородный рыцарь вступилъ въ нѣдра горы Венеры и остался у богини любви такъ долго, что засушилъ свою душу... Томасъ Галль съ негодованіемъ отгоняетъ отъ себя это воспоминаніе. Вѣдь въ его жизни нѣтъ ничего общаго съ смысломъ легенды!

Онъ пытается обдумать все какъ можно разсудительнѣе.

Въ такомъ союзѣ, каковъ его союзъ съ Гедвигой, жена всегда получаетъ преобладающее вліяніе. Нѣтъ сомнѣнія, что она это всегда сознавала, всегда предвидѣла и считала необходимымъ. Съ перваго дня ихъ брачной жизни, какъ ни велико было ея упоеніе счастіемъ, она ни на минуту не упускала изъ вида своей цѣли: передѣлать его по-своему и сдѣлать такимъ, каковъ онъ долженъ быть для ея полнаго счастія. Что тутъ худого? По ея мнѣнію, отъ этого зависѣла прочность ихъ счастія. Она чувствовала, что по рожденію они люди разныхъ міровъ, и, такъ какъ сама она не желала опускаться, она задалась цѣлью поднять его къ себѣ. Да и это было не трудно: онъ ненавидѣлъ богачей, но онъ любилъ ее, и его можно было пріучить любить людей ей равныхъ; онъ пренебрегалъ богатствомъ, но онъ имѣлъ склонность ко всему прекрасному, изящному и утонченному, и его можно было помирить съ ихъ источникомъ; притомъ онъ былъ самолюбивъ, и его было не трудно пріучить къ условностямъ, которыми люди высшихъ классовъ отдѣляютъ себя отъ низшихъ. Что бы онъ ни говорилъ, а вѣдь полюбилъ онъ ее окруженную богатствомъ, роскошью и всякими утонченностями жизни: на такомъ фонѣ ея образъ въ его глазахъ только выигрывалъ...

Сознавая это, она твердо повела ихъ общую жизнь, какъ находила нужнымъ, и это съ первыхъ же дней, когда ему и въ голову не могло придти въ чемъ-нибудь ей противиться.

— Ты у насъ министръ иностранныхъ дѣлъ!—шутливо замѣтилъ онъ ей однажды, намекая на то, что ихъ сношенія съ людьми вела она.

Она отвѣтила, смѣясь.

— Да, я твой министръ иностранныхъ дѣлъ, а ты нашъ король!

Положимъ, онъ и тогда зналъ, что она только притворно говорила это, изъ любви къ нему! Небось, она знала, кто у нихъ царствуетъ самодержавно! Но что значили для него эти мелочи? Онъ былъ такъ счастливъ; онъ такъ охотно соглашался съ нею и никогда не сомнѣвался въ ея превосходствѣ надъ нимъ во всемъ, что касалось воспитанія, вкуса, приличій. Его даже забавляло вначалѣ это полное подчиненіе любимому существу. Пусть она правитъ ихъ ладьей и пусть напоказъ заставляетъ

его держать рукоятку руля! Онъ втихомолку посмѣивался надъ этой маленькой комедіей...

Столь же охотно онъ подчинялся ея указаніямъ, что было «принято» и что было «не принято». Она дѣлала свои замѣчанія очень искусно: она ставила на видъ, что дѣло шло только о чисто наружныхъ пустякахъ; для нея онъ былъ совершенствомъ, таковъ, каковъ былъ— такъ она и говорила. Ее только огорчало, что другіе могли невѣрно истолковать его своеобразности...

Разумѣется, ему не хотѣлось, чтобы она огорчалась, и потому онъ предоставлялъ ей перевоспитывать себя. Въ ея рукахъ онъ былъ, какъ мягкій воскъ, разогрѣтый ихъ счастіемъ. И она не упустила времени: она работала надъ нимъ такъ усердно, что въ короткое время передѣлала всю его внѣшность; онъ сталъ такимъ, каковъ долженъ былъ быть мужъ, котораго она могла съ гордостью показывать кому угодно.

Смѣшно вспомнить! Когда они выѣхали новобрачными изъ Бьерне, Томасъ Галль имѣлъ хорошій запасъ всякаго платья, добросовѣстно запасеннаго имъ въ приморскомъ городкѣ передъ свадьбой. Когда они вернулись изъ заграницы, у него не оставалось ни единаго лоскутка изъ всего этого; не оставалось самыхъ чемодановъ. Все было незамѣтно замѣнено предметами, одобренными Гедвигой.

Волоса онъ прежде носилъ довольно длинные, и любилъ ихъ зачесывать назадъ. Теперь онъ былъ остриженъ «ежикомъ» и зачесывалъ волосы впередъ.

— У тебя красивая голова,—пояснила, потребовавъ это, Гедвига, — и тебѣ, незачѣмъ уродовать себя не хорошей прической.

Большого труда ей стоила передѣлка его манеръ. Многое было глубоко усвоеной имъ привычкой и не подавалось искорененію сразу. Такъ, напримѣръ, не смотря на уроки Сигны, онъ не умѣлъ изящно держать себя за столомъ. Онъ ѣлъ торопливо и разсѣянно, явно заботясь только насытиться и не умѣя дѣлать изъ ѣды пріятнаго препровожденія времени. Это была дурная привычка, усвоенная имъ въ тѣ времена, когда ѣсть ему приходилось въ плохихъ трактирахъ и наскоро, а время было дорого, и нельзя было засиживаться надъ пищей, не рискуя остаться на слѣдующіе дни вовсе безъ пищи.

Но онъ искренно старался отдѣлаться отъ своихъ неизящныхъ привычекъ, чтобы угодить ей, а она горячо награждала его усердіе своею любовью. Въ концѣ концовъ и тутъ она добилась всего, чего желала.

Однако, въ одномъ она должна была слѣдовать за нимъ. Нервный и страстный, онъ требовалъ отъ ихъ любви величайшаго напряженія и гнался за сильными впечатлѣніями. Не желая охлаждать его, она въ этомъ отношеніи поддакивала ему во всемъ. И такимъ образомъ они попали на путь всевозможныхъ ухищреній, чтобы красивѣе обставлять свое счастіе.

Это былъ опасный путь. Теперь оба они знали это. Но тогда это казалось такъ естественно. У нихъ было достаточно средствъ, чтобы выполнять всякія прихоти, а у него было могучее воображеніе. И вотъ они повели во время своего свадебнаго путешествія какое-то сказочное существованіе, постепенно втягиваясь въ лихорадочную потребность постоянно новыхъ впечатлѣній для украшенія ихъ любви. Она безпрекословно соглашалась на всѣ его выдумки; она заставляла его только расплачиваться за это тысячью мелкихъ уступокъ, которыя всегда казались не болѣе, какъ любезностью любимой женщинѣ...

Онъ велъ себя, какъ влюбленный пажъ, и не замѣчалъ, какъ постепенно весь опутывался тончайшими нитями, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности была не крѣпче паутинки, но всѣ вмѣстѣ удерживали его, какъ въ крѣпкой сѣти. Онъ этого не чувствовалъ тогда. Наоборотъ, ему казалось, что его душевныя силы только обогатились, получивъ доступъ въ незнакомый прежде міръ утонченныхъ наслажденій, и что наружное благообразіе было только новымъ пріобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ благодаря ей. Что онъ просто-на-просто становился избалованнымъ

бариномъ, объ этомъ подумать было некогда.

Такъ проходили дни, такъ промелькнулъ цѣлый годъ. Этотъ годъ вспоминается ему теперь, какъ рядъ красивыхъ картинъ, въ которыхъ главной фигурой неизмѣнно оставалась она, Гедвига. Мѣнялись только окружающіе ее предметы, но всегда они служили лишь рамкой для нея и всегда въ выраженіи ея лица было ликованіе побѣдоносной любви.

Они побывали во всѣхъ воспѣтыхъ поэтами странахъ. Они любили другъ друга среди остатковъ античнаго міра и среди шумныхъ удовольствій большихъ столицъ. Они любовались другъ другомъ среди снѣжныхъ горъ, которыя отражались въ вѣчно голубыхъ озерахъ. Они радовались своему счастію передъ памятниками сѣдой древности и у гробницъ, въ которыхъ были набальзамированные покойники. Они пили вино на склонѣ огнедышащихъ горъ, слушали пѣніе подъ звуки необыкновенныхъ инструментовъ и любовались необыкновенными плясками полудикихъ женщинъ—все это только для того, чтобы видѣть улыбку оживленія на любимомъ лицѣ.

Потомъ ему вздумалось побывать съ нею въ пустынѣ. Вдвоемъ среди угрюмыхъ песковъ это было заманчиво. И они исполнили свою затѣю: передъ ихъ взглядами развернулась угрюмая пустыня...

Величіе зрѣлища настроило серьёзно, и вдругъ онъ почувствовалъ пустоту ихъ существованія...

Когда страсть въ немъ разгоралась, она питалась его крайне преувеличенными представленіями о блаженствѣ, которое ждало его въ соединеніи съ любимой женщиной. Потомъ смутное сознаніе несостоятельности его представленій побуждало его придумывать необыкновенно поэтическую и постоянно измѣнявшуюся обстановку ихъ любви. Но эта погоня за впечатлѣніями неминуемо должна была выродиться въ простую прихотливость и въ свое время привести къ полному разочарованію. Во всякомъ случаѣ уже тамъ, въ пустынѣ, онъ вдругъ почувствовалъ пресыщеніе удовольствіями, почувствовалъ, что усталъ, и его потянуло назадъ, къ болѣе простому и естественному образу жизни.

Ему надоѣла праздность. Онъ сказалъ себѣ, что унизительно жить для однихъ наслажденій и что нѣтъ смысла гоняться за счастіемъ. Если бы счастіе было чѣмъ-то такимъ, что можно искусственно создавать ухищреніями, оно не было бы счастіемъ, не было бы загадочной и капризной волшебницей!

Они достаточно пожили въ странахъ полуденнаго солнца; пора было назадъ, къ туманамъ сѣвера, къ морозамъ, къ снѣгамъ. Какъ и ей однажды, все яркое и пестрое ему вдругъ опротивѣло, и ему захотѣлось отдохнуть въ сумеркахъ сѣверной зимы. Онъ скрылъ отъ Гедвиги свое пресыщеніе ихъ однообразнымъ счастіемъ—не хотѣлось ему причинять ей огорченія!—но увлеченія въ немъ уже не оставалось. А она упивалась своимъ счастіемъ по прежнему, глубокими глотками. Она только и жила ихъ любовью. Для нея не могло тутъ быть пресыщенія; ей все еще было мало. Охотнѣе всего она не выпускала бы его изъ своихъ объятій, чтобы во всякую минуту чувствовать, что онъ тутъ, любитъ и ласкаетъ ее. Она не могла понять, что и душой, и тѣломъ онъ долженъ былъ отдыхать. Всякій разъ, когда онъ уносился въ мечтѣ или обдумывалъ что-нибудь, она притягивала его обратно къ себѣ простымъ вопросомъ:

— О чемъ ты думаешь, милый?

И всякій разъ онъ чувствовалъ себя, какъ птица, привязанная ниткой за ножку. Нитка была прочна и прочно привязана!

Но объяснить ей этого онъ не могъ. Самъ онъ преувеличенностью проявленій своей любви пріучилъ ее къ большимъ запросамъ отъ его чувства, и если бы онъ сталъ относиться къ ней естественнѣе, она подумала бы, что онъ ее разлюбилъ. Этого вѣдь не было. Онъ любилъ ее попрежнему и не желалъ ей причинить ни малѣйшаго горя. Онъ самъ стыдился своей теперешней бѣдности въ области чувствъ, стыдился какъ должникъ, которому нечѣмъ уплатить долгъ чести, сдѣланный въ минуту увлеченія, съ преувеличенными надеждами на буду-

щее. Онъ не желалъ обнаруживать своей несостоятельности и надѣялся еще найти какой-нибудь выходъ.

Такой выходъ, какъ ему казалось, онъ нашелъ: его должна была выручить работа.

Тамъ на сѣверѣ ему было къ чему приложить свой трудъ! Онъ началъ обдумывать и, по обыкновенію, увлекся. Было вѣдь вполнѣ естественно взяться за личное управленіе заводами жены. Кромѣ того, теперь, когда онъ не былъ лишь довѣреннымъ человѣкомъ *) и зналъ, что Гедвига только порадуется, если онъ затратитъ часть ихъ огромныхъ доходовъ на улучшеніе быта рабочихъ, онъ могъ серьезно приняться за преобразованія.

За послѣдніе годы онъ сильно отсталъ отъ движенія своей партіи и остылъ къ идеямъ, которыя такъ горячо отстаивалъ въ дни своей бѣдности. Но теперь въ немъ опять что-то загоралось: опять эти идеи вставали передъ нимъ, освященныя воспоминаніями дѣтства и трудовой молодости... Но почему-то онъ не довѣрилъ Гедвигѣ всего. Онъ объяснилъ ей только, что соскучился по работѣ и отечеству.

Послѣ цѣлаго года путешествій на югѣ, они вернулись въ Швецію. Они прибыли въ Стокгольмъ въ началѣ лѣта и не сразу поѣхали далѣе на сѣверъ, а наняли себѣ дачу въ шхерахъ, по близости дачи Густава Кеслера. Тамъ они прожили три мѣсяца. Каждый день Томасъ Галль могъ общаться съ другомъ и подогрѣвать свои благія намѣренія у неугасимаго огня этого убѣжденнаго человѣка. Любовь къ малымъ, къ ничтожнымъ, къ непривлекательнымъ; состраданіе къ обездоленнымъ и угнетеннымъ,— все это снова разросталось и расцвѣтало въ немъ, потому что теперь душа его опять была благодарной почвой для такихъ чувствъ, а слова Густава Кеслера производили свое дѣйствіе. И онъ рвался къ дѣлу, онъ выражалъ нетерпѣніе, какъ застоявшаяся лошадь. Можетъ быть, если бы ему удалось тогда же проявить свою дѣятельность въ какой-нибудь легкой формѣ, напримѣръ, на сходкахъ, онъ окончательно увлекся бы дѣломъ опять. Но политическій сезонъ еще не начинался; горячаго дѣла не было; и постепенно вся его энергія была истрачена на простые споры да разсужденія въ обществѣ друзей.

Правда, онъ тогда же хотѣлъ приняться за новый рядъ статей по рабочему вопросу. Вѣдь у него былъ запасъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Бьерне, а частью во время путешествія. Эти статьи онъ предложилъ Густаву Беслеру для газеты, «которая пріютила его, когда онъ голодалъ, и которой ему хотѣлось теперь опять послужить въ знакъ своей благодарности». Каждый день онъ садился за письменный столъ съ твердымъ намѣреніемъ не отрываться отъ работы, пока первая статья не будетъ написана. Но какъ-то не писалось, сколько онъ ни напрягалъ своихъ мозговъ. Оказывалось, что у него исчезла способность ярко излагать свои мысли, и все выходило туманно, непонятно, неискренно. Видно, голодъ, и нужда, и потребность самозащиты давали ему когда-то силы, которыхъ теперь не оказывалось! Видно безъ этихъ грозныхъ бичей его облѣнившійся мозгъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы создавать стройныя мысли изъ отрывочныхъ представленій, и перелагать эти мысли на слова. Не смотря на богатый запасъ наблюденій, ему нечего было сказать. Всякій разъ, какъ онъ принимался разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ, то, что годилось для статей, оказывалось точно въ густомъ туманѣ, а все, что запечатлѣлось ярче, не годилось для статей...

Тѣмъ не менѣе, онъ не сдавался и долгіе часы просиживалъ у стола, покусывая ручку своего пера и съ напряженіемъ роясь въ своемъ умѣ. Иногда въ концѣ концовъ что-то въ родѣ подходящихъ мыслей начинало выступать въ туманѣ Но уловить неясныя очертанія онъ не успѣвалъ. Раздавался легкій стукъ въ двери и голосъ Гедвиги произносилъ:

— Милый Томъ! Будетъ тебѣ работать! Пойдемъ пройтись...

*) По шведскимъ законамъ состояніемъ жены управляетъ мужъ на правахъ опекуна.

Тогда онъ поспѣшно вскакивалъ и запиралъ свои бумаги въ ящикъ. Ему не хотѣлось, чтобы обнаружилась безплодность его усилій. Не могъ же онъ признаться, что и въ области мысли онъ былъ банкротъ!

Но Густавъ Кеслеръ былъ проницателенъ. Напрасно прождавъ статей нѣсколько недѣль, онъ однажды потрясъ своей львиной гривой и сказалъ:

— Нѣтъ, братъ! Этихъ статей мы не увидимъ, какъ ушей своихъ. Тебѣ слѣдовало бы сначала полѣчиться отъ прихотей мѣсяца три на хлѣбѣ и водѣ. Иначе тебѣ не отдѣлаться отъ всего жира, который ты себѣ нагулялъ среди удовольствій.

— Отъ жира?—запальчиво возразилъ Томасъ Галль, оглядывая свою тощую фигуру въ зеркалѣ.—Развѣ я похожъ на ожирѣвшаго человѣка?

— Душа у тебя заплыла жиромъ!—стоялъ на своемъ медвѣдь.—Да и то сказать: не можетъ такой баринъ, какимъ ты сталъ, думать и чувствовать, какъ бѣдняки.

— А вотъ посмотришь!

Энергія Томаса Галля вспыхнула яркимъ пламенемъ. Но это было ненадежное пламя, какъ отъ загорѣвшейся соломы: къ утру отъ всего пламени не оставалось ни единой искры.

Онъ заключилъ, что слишкомъ несоотвѣтственна работѣ была обстановка на этой дачѣ, среди красивыхъ шхеръ и лѣтней нѣги. Надо было обождать болѣе удобныхъ условій! И онъ отложилъ трудъ до возвращенія въ Бьерне, а остающееся время ихъ пребыванія въ шхерахъ посвятилъ своимъ друзьямъ.

II.

Въ семействѣ Кеслеровъ, которые слишкомъ трезво смотрѣли на жизнь, чтобы осуждать людей за ихъ несовершенство, къ Томасу Галлю всѣ относились съ прежней пріязнью, подогрѣтой теперь еще родствомъ. Но особенно горяча была возобновившаяся дружба между нимъ и маленькой Тони. Дѣвочка была уже подросткомъ, но не утратила своей дѣтской ласковости котенка. Дядю она объявила своимъ лучшимъ другомъ, и каждое утро она прибѣгала къ дачѣ, которую прозвала «Хижиной дяди Тома». Все ее интересовало, обо всемъ ей хотѣлось знать. Особенно ее занимали многочисленные фотографическіе снимки, которые дядя Томъ накупилъ заграницей въ воспоминаніе о ихъ путешествіи.

— Разскажи, дядя, что-нибудь объ этомъ!—то и дѣло просила она, указывая на какой-нибудь снимокъ.

Онъ заглядывалъ въ свою дорожную записную книжку, припоминалъ и начиналъ разсказывать. Это было не то, что писать статьи! Слова сами приходили, и выходило хорошо, ярко. Иногда онъ даже сочинялъ какую-нибудь сказку или легенду въ качествѣ текста для картинки. А дѣвочка подбадривала его своими вопросами и возбуждала его воображеніе наивными догадками... Но если входила Гедвига, они умолкали въ смущеніи: ихъ стѣсняло ея присутствіе, какъ занятыхъ игрой дѣтей смущаетъ присутствіе взрослаго человѣка.

Томасъ Галль горячо любилъ Тони. Ея ребячливость его точно освѣжала; въ ея невинности было что-то оздоровляющее его. Въ ея обществѣ онъ самъ становился простодушенъ и веселъ, какъ мальчикъ; ни съ кѣмъ онъ не могъ посмѣяться такъ весело, какъ съ нею. Онъ предпочиталъ проводить время съ Тони, чѣмъ въ обществѣ Гедвиги, хотя любилъ жену попрежнему; его чувства, перетянутыя за послѣдній годъ страстью, требовали обновленія въ общеніи съ ребенкомъ.

Играя съ Тони, онъ становился шаловливъ, какъ въ дѣтствѣ; ему доставляло удовольствіе кататься по травѣ, не заботясь о своемъ платьѣ, и бродить въ камышахъ по тинистому берегу, не пугаясь за участь своихъ щегольскихъ ботинокъ. Корректность, къ которой его такъ искусно пріучила Гедвига, соскакивала съ него, когда онъ дурачился съ Тони, и это его приводило въ восхищеніе: такъ хорошо было воочію видѣть себя хоть на время уволеннымъ отъ обязанностей влюбленнаго пажа при женѣ! Притомъ, съ Тони онъ могъ говорить, не обдумывая каждаго слова, да и она не

очень съ нимъ церемонилась. Онъ вѣдь былъ честный, порядочный человѣкъ, и стало быть могъ говорить Тони все, что ему приходило въ голову. Съ Гедвигой было не то: тамъ простой честности оказывалось недостаточно, и ему приходилось вести себя обдуманно, тонко, чтобы какъ-нибудь не оскорбить ея вкусовъ и наклонностей, чтобы не нарушить установившихся между ними галантныхъ отношеній, которыми она дорожила.

Тони замѣтила перемѣну, происходившую въ дядѣ Томѣ всякій разъ, когда появлялась Гедвига, и потому она стала недолюбливать тетку. Въ самомъ дѣлѣ, та точно отнимала у нея веселаго товарища! Притомъ дѣвочка была ревниваго характера и открыто признавалась дядѣ, что ей не нравится, когда онъ ее точно забываетъ при появленіи тетки.

— Терпѣть не могу, когда тетя приходитъ и нѣжничаетъ съ тобой!—сказала она однажды Томасу.—Скажи-ка по совѣсти, дядя Томъ: вѣдь навѣрное ты любишь меня больше?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ!

— Фу! Этого я отъ тебя не ожидала, дядя!

Оскорбленная Тони убѣжала вся въ слезахъ. Онъ догналъ и удержалъ ее. Но утѣшить ее удалось не скоро.

Съ своей стороны Гедвига находила, что онъ слишкомъ ужъ много возился съ этимъ ребенкомъ. Вообще въ послѣднее время она не владѣла имъ такъ неограниченно, какъ въ путешествіи, и это ее огорчало. Она стала даже нѣсколько холодна къ сестрѣ и Кеслеру; къ Тони, которой серьезно не взлюбила, она сдѣлалась преувеличенно ласкова, можетъ быть, потому, что сама осуждала въ себѣ дурное чувство. Только къ младшему члену семейства Кеслеровъ, маленькому Густи, который ходилъ въ перевалку, какъ медвѣженокъ, она сохранила нѣжныя чувства. Этого ребенка она любила и баловала съ страстностью бездѣтной женщины; сама она сильно желала имѣть дѣтей.

— Какъ я была бы счастлива, если бы и у насъ былъ такой маленькій разбойникъ!—сказала она однажды со вздохомъ.

Томасъ улыбнулся и счелъ своимъ долгомъ привлечь ее къ себѣ. Но она смутилась и отошла отъ него.

Она не шутя начинала оскорбляться «охлажденіемъ» мужа. Она замѣтила, что онъ уклонялся или, по крайней мѣрѣ, отнюдь не добивался продолжительныхъ бесѣдъ съ нею наединѣ, о ихъ любви и счастіи; для нея эти бесѣды были самымъ лучшимъ изъ всего, что она знала. Она во многомъ замѣчала перемѣну, но не могла уяснить себѣ, въ чемъ эта перемѣна заключалась, такъ какъ къ ней онъ относился безукоризненно, и въ немъ только совсѣмъ измѣнился темпераментъ. Она не желала объясненій: ей казалось слишкомъ унизительнымъ обратить его вниманіе на то, что его безпритязательность становилась для нея оскорбительной. Стало быть, ея красота и ея любовь уже не могли вдохновлять его? Ея гордость не примирялась съ этимъ; ей казалось недопустимымъ, чтобы все это могло случиться безъ умаленія его любви къ ней.

Она впала въ уныніе и стала рваться скорѣе домой, въ Бьерне. Тамъ она надѣялась вернуть себѣ блаженные дни! Въ концѣ августа они сѣли на пароходъ и направились къ сѣверу.

Томасъ Галль вернулся въ Бьерне съ цѣлой кучей наилучшихъ намѣреній. Теперь онъ хотѣлъ не шутя заняться дѣлами и совершить кое-что дѣльное! Немедленно онъ приступитъ къ проведенію различныхъ преобразованій въ положеніи рабочихъ на заводахъ. Онъ многое обсудилъ въ бесѣдахъ съ Кеслеромъ, и тотъ одобрилъ почти всѣ его намѣренія... Теперь въ его мозгу такъ и кишѣли хорошія идеи, и онъ рвался привести ихъ въ исполненіе.

Онъ стоялъ на палубѣ парохода рядомъ съ женою. Пароходъ медленно поднимался по рѣкѣ, борясь съ быстрымъ теченіемъ. Вотъ обогнули послѣдній мысокъ и все заводское селеніе развернулось впереди.

День былъ воскресный. На набережной толпились рабочіе, собравшіеся для привѣтствія возвращающихся хозяевъ. И опять, какъ въ день отъѣзда, съ горы раздалась привѣтственная пальба изъ

ружей, на флагштокѣ надъ господскимъ домомъ взвился флагъ и съ зеленыхъ еще береговъ грянули привѣтственные клики.

Томасъ Галль на этотъ разъ не огорчился почестями, которыя однажды показались ему недостойнымъ лицемѣріемъ. Наоборотъ, теперь онъ умилился и почувствовалъ, что сильно привязанъ къ этому уголку земного шара и къ его обитателямъ. Здѣсь были серьезнѣйшія задачи его жизни; здѣсь онъ могъ принести людямъ пользу. Волею судьбы участь этого населенія поставлена была въ зависимость отъ его намѣреній — пусть же никто объ этомъ не пожалѣетъ! Порывъ увлеченія вспыхнулъ въ немъ яркимъ пламенемъ, которое точно все освѣтило особымъ свѣтомъ, и теперь все представлялось ему точно обновленнымъ, не такимъ, какъ прежде. Теперь осуществленіе самыхъ трудныхъ задачъ казалось необыкновенно легкимъ, несложнымъ.

Такое настроеніе, однако, продержалось въ немъ недолго. Опять его внезапная энергія угасла столь же неожиданно, какъ и загорѣлась. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ сдѣлалось, но теперь такъ бывало съ нимъ постоянно: пока онъ обдумывалъ дѣло, оно казалось ему заманчивымъ и нетруднымъ, но какъ только приходилось приступать къ исполненію, онъ точно падалъ духомъ, и все начинало казаться не стоющимъ труда и хлопотъ, а малѣйшее затрудненіе порождало сомнѣнія, среди которыхъ тотчасъ же погибала вся энергія.

Теперь Томасъ Галль лежитъ на своемъ диванѣ и съ огорченіемъ припоминаетъ, насколько обстоятельства при его возвращеніи въ Бьерне были благопріятны для всякихъ преобразованій, и какъ непростительно онъ упустилъ удобный случай. Въ немъ самомъ за время полуторагодовой отлучки изгладились всѣ непріятныя впечатлѣнія, порожденныя когда-то разными разочарованіями; да и рабочіе точно переродились—освободились отъ всѣхъ тѣхъ наклонностей, которыя прежде его отталкивали отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, ему они показывали только лучшую свою сторону и сильно походили на то теоретическое представленіе о рабочихъ, которое служило въ его дѣятельности путеводнымъ идеаломъ. У этихъ, одѣтыхъ по праздничному, людей ничто не напоминало о жесткости, о себялюбіи, о корысти— обо всѣхъ этихъ непривлекательныхъ свойствахъ непросвѣщенныхъ людей. Какъ непринужденно можно было потрудиться на ихъ благо! И нѣтъ сомнѣнія, что сами они въ своемъ ребячливомъ, но искреннемъ энтузіазмѣ, довѣрчиво приняли бы тогда отъ него все, что онъ бы имъ предложилъ...

На пристани хозяева были встрѣчены инженеромъ Вибелемъ. Томасъ Галль тотчасъ же задалъ ему нѣсколько дѣловыхъ вопросовъ, чтобы уяснить себѣ, насколько удобно было въ этотъ годъ введеніе преобразованій, и больше прежняго увлекся своими идеями, когда съ первыхъ же словъ управляющаго узналъ, что обстоятельства были самыя подходящія. Онъ уже хотѣлъ объявить кое-какія распоряженія на слѣдующій день, чтобы могли быть подготовлены необходимыя свѣдѣнія, и это было очень важно, такъ какъ только горячо начатое дѣло имѣло бы шансы на успѣхъ. Но въ то время, какъ онъ говорилъ съ управляющимъ, къ его плечу прикоснулась нѣжная ручка.

— Мой другъ, ты бы лучше помогъ мнѣ сѣсть въ карету!—раздался голосъ его жены.

— Сейчасъ... сейчасъ!..

Онъ отошелъ отъ управляющаго. Онъ почувствовалъ, что его дернули за нитку, которой онъ былъ привязанъ... Ему точно напоминали, что прежде всего онъ долженъ былъ подумать о желаніяхъ и удобствахъ любящей жены, а не о «ея» рабочихъ.

Ни разу еще тоненькая нитка не рванула его такъ грубо и такъ больно Какъ онъ могъ забыть объ этой тяжелой зависимости? И зачѣмъ онъ рвался сюда? Три мѣсяца въ стокгольмскихъ шхерахъ онъ былъ такъ безподобно счастливъ, такъ свободенъ... А теперь опять предстояло жить только на утѣху одного существа...

Весь пылъ въ немъ сразу погасъ.

Зато онъ сталъ видѣть многое, чего только что еще совсѣмъ не замѣчалъ. Такъ, садясь въ экипажъ, онъ замѣтилъ возлѣ Вибеля молодого бѣлокураго господина, который вѣжливо поклонился, когда экипажъ тронулся. И Гедвига отвѣтила на его поклонъ любезной улыбкой...

— Кто это?—съ удивленіемъ спросилъ Томасъ.

— Какъ ты разсѣянъ! Вѣдь тебѣ его только что представляли. Это новый инженеръ Дамбергъ. Ты отнесся къ нему почти невѣжливо, Томасъ...

— Да я и не видѣлъ его!

Онъ дѣйствительно не замѣтилъ его и даже не обратилъ вниманія на представленіе, такъ онъ былъ занятъ разспросами Вибеля. Но удивительнѣе было то, что онъ въ первый разъ слышалъ объ этомъ инженерѣ, тогда какъ Гедвига, повидимому, знала о немъ все, что̀ слѣдовало. Полно, хозяинъ ли онъ здѣсь на заводахъ? Отъ его намѣреній уже ничего не оставалось.

Оба инженера были приглашены Гедвигой къ обѣду. Теперь Томасъ Галль былъ наблюдательнѣе. Онъ видѣлъ, съ какимъ интересомъ Гедвига выслушивала разсказы господина Дамберга. Онъ замѣтилъ, что у молодого инженера были ровные бѣлые зубы, розовыя щеки и шелковистые бѣлокурые усы, а въ глазахъ было много юношескаго любопытства и огня, какъ у шестнадцатилѣтней дѣвушки. Когда шли къ столу, Томасъ Галль покосился въ зеркало и увидѣлъ самого себя съ усталымъ взглядомъ, съ безкровнымъ лицомъ. За обѣдомъ онъ равнодушно выслушивалъ объясненія инженера Вибеля о положеніи дѣлъ на заводѣ. Цифры въ круговую плясали передъ нимъ и тотчасъ же уносились отъ него прочь; длинныя разсужденія Вибеля звучали, какъ шумъ воды подъ мельничнымъ колесомъ. Онъ не могъ не поглядывать на жену и сидѣвшаго рядомъ съ нею молодого человѣка. Ему вспоминалось, что онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, когда въ первый разъ обѣдалъ за этимъ столомъ. И онъ невольно представлялъ себѣ, что можетъ теперь думать и чувствовать Дамбергъ. Отъ его вниманія не укрылось, что въ выраженіи лица Гедвиги было именно то, что поразило и плѣнило его въ первое посѣщеніе, когда она была къ нему такъ простодушно мила. Положимъ, она не кокетничала. Она даже нисколько не измѣнилась, уловивъ на себѣ пристальный взглядъ мужа: наоборотъ, она улыбнулась ему и отвѣтила влюбленнымъ взглядомъ... Но, можетъ быть, она не переставала такимъ же образомъ улыбаться своему первому мужу даже когда полюбила другого?

Этотъ другой былъ тогда молодой человѣкъ съ горячей кровью въ сердцѣ и назывался Томасомъ Галлемъ. Можетъ быть, только его пылъ и притягивалъ ее... Теперь онъ расточилъ свой огонь на нее же, сталъ вялъ и холоденъ; можетъ быть, ее опять притягиваютъ новый пылъ, свѣжія силы? Когда-нибудь и егермейстеръ былъ краснощекъ и силенъ, какъ этотъ бѣлокурый инженеръ; потомъ егермейстеръ пожелтѣлъ и сталъ сухъ—тогда она плѣнилась другимъ... Отчего же это не можетъ повториться и повторяться еще нѣсколько разъ... при всякомъ появленіи новаго юнца съ бѣлокурыми или черными волосами?..

Томасъ Галль почувствовалъ такую, внезапно сжавшую сердце тоску, что ему хотѣлось вскрикнуть. Онъ былъ пресыщенъ проявленіями любви Гедвиги, но онъ не разлюбилъ ея; не охлажденіе, а усталость побуждала его тяготиться ея требовательностью. Теперь опасеніе лишиться ея придало ему новыя силы, и тотчасъ же въ крови загорѣлся новый огонь. Теперь зависимость уже не казалась ему тяжелымъ бременемъ; теперь онъ опять смотрѣлъ на Гедвигу страстно, болѣе страстно, чѣмъ въ дни ихъ упоенія взаимной любовью, и важнѣе всего остального на свѣтѣ ему показалось удержать свое счастіе. Когда ему представилась въ воображеніи возможность потерять это счастіе, все остальное отступило на задній планъ, какъ сравнительно ничтожное. И онъ окончательно отвернулся отъ Петра Вибеля, который продолжалъ говорить о дѣлахъ. Какъ дымъ разсѣялись всѣ его благія намѣренія пожить и поработать для другихъ. Заду-

манныя преобразованія вдругъ показались до смѣшного ничтожными. Личное счастіе опять сдѣлалось для него задачей всѣхъ его чувствъ и помысловъ.

И опять онъ преобразился. Какъ только мелькнула возможность борьбы за свое счастіе, онъ точно помолодѣлъ и сталъ сильнѣе. Даже наружно онъ перемѣнился. Его станъ расправился и снова сталъ гибокъ. Въ его голосѣ опять зазвучали могучія ноты, въ его рѣчи опять нашлись звучныя слова и красивые обороты; все, что понемногу заглохло въ немъ въ повседневномъ однообразіи невозмутимаго счастія, возродилось, какъ въ тѣ времена, когда онъ добивался Гедвиги, когда ему показалось, что опять нужна борьба для сохраненія ея любви.

Послѣ обѣда, когда перешли въ гостиную, онъ подошелъ къ женѣ, тихонько пожалъ ея руку и попросилъ что-нибудь спѣть.

Она послушно направилась къ роялю.

— Что вамъ спѣть?—спросила она, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь.—Я знаю только нѣсколько простыхъ пѣсенъ.

Инженеръ Дамбергъ отвѣтилъ какою-то банальной любезностью, которая показалась Тому Галлю приторной. Можетъ быть, и Гедвигѣ она показалась такою? Во всякомъ случаѣ, она стала пѣть именно то, что больше всего любилъ ея мужъ: старинный романсъ «Я люблю тебя». Однако, она пѣла безъ увлеченія. Даже конецъ пѣсни, въ которой эти слова въ порывѣ глубокой страсти точно дважды бросаются на приступъ счастія и въ третій разъ раздаются, какъ побѣдное ликованіе—не согрѣли ея. Невеселой покорностью судьбѣ и тихой жалобой звучали въ ея передачѣ слова любви.

Томъ чувствовалъ себя не по себѣ. Воспоминанія толпою поднимались передъ нимъ. Внезапный возвратъ увлеченія Гедвигой дѣлали его чуткимъ. Онъ хорошо помнилъ, какъ звучалъ въ ея устахъ тотъ же напѣвъ три года тому назадъ, когда онъ въ первый разъ слушалъ ея пѣніе въ этой же самой комнатѣ. Сколько страстнаго желанія было тогда въ ея голосѣ, сколько огня въ тѣхъ же словахъ, которыя она произносила теперь такъ вяло...

Ну, значитъ, онъ могъ быть покоенъ!

Однако, что это? Когда она окончила романсъ, молодой инженеръ обратился къ ней и подавленнымъ отъ волненія голосомъ попросилъ ее повторить послѣднюю строфу.

Томасъ Галль вздрогнулъ, точно ужаленный. Онъ сдвинулъ брови такъ, что онѣ сошлись въ сплошную черную полосу. Три года тому назадъ почти въ тѣхъ же словахъ и тѣмъ же подавленнымъ отъ волненія голосомъ онъ просилъ Гедвигу повторить послѣднюю строфу. И она исполнила его желаніе; она даже повторила весь романсъ, и звуки этого романса впервые зажгли въ немъ какую-то смутную надежду.

Точь-въ-точь, какъ теперь! Теперь она тоже улыбнулась молодому инженеру и повторила весь романсъ. Она спѣла лучше, чѣмъ въ первый разъ, съ большимъ чувствомъ... Нашлись у нея и ликующіе звуки для заключительныхъ словъ: я люблю тебя...

Томасъ Галль усмѣхнулся съ горечью. Да, да, онъ могъ угадать все, что думалъ и чувствовалъ этотъ бѣлокурый господинъ Дамбергъ, который точно бродилъ вокругъ чужого сада и съ завистью поглядывалъ на чудные плоды, алѣвшіе въ листвѣ деревьевъ! Онъ бы могъ даже объяснить ему, что какъ ни высока на видъ изгородь вокругъ сада, перебраться черезъ нее не особенно трудно, если изъ сада будетъ подана хоть малѣйшая помощь. И—почемъ знать?—можетъ быть, уже теперь ихъ сокровенныя желанія—ея и этого растроганнаго ея пѣніемъ молодого человѣка—сходятся! Кто возьмется доказать противное, въ особенности, если вспомнить, что безсознательное и сознательное сильно бываютъ перемѣшаны въ тайникахъ души человѣческой.

Любопытно, что подумалъ покойный егермейстеръ, когда слушалъ, какъ она пѣла свое «я люблю тебя» инженеру Галлю?

Онъ не могъ отдѣлаться отъ такихъ мыслей и онѣ бичевали его безпощадно. Вотъ она расплата! И какъ мало новаго

въ этой вѣчной житейской комедіи: только перетасовка ролей да замѣщеніе выбывающихъ исполнителей новыми. Теперь ему поручалась неблагодарная роль усталаго супруга, а новичку отдавалась роль перваго любовника, и новичекъ, конечно, будетъ мечтать о томъ, какъ заступить мѣсто супруга, если обстоятельства сложатся благопріятно.

«Мой преемникъ!—пробормоталъ онъ съ презрѣніемъ.—Въ водопадѣ у медвѣжьяго острова найдется мѣсто и для меня!»

Вдругъ новая мысль блеснула въ его мозгу, какъ молнія: что, если егермейстеръ добровольно бросился въ водопадъ? Что, если онъ по разнымъ мелочамъ понялъ—онъ вѣдь былъ умный, наблюдательный человѣкъ,—что мысли и чувства его жены принадлежатъ другому? Теперь Томасъ Галль зналъ, что при этомъ можно было почувствовать не гнѣвъ, негодованіе, а только всеподавляющую тоску и желаніе покончить съ жизнью, въ которой одна роль была сыграна до конца, а для другихъ не оставалось уже силъ, и въ которой онъ оказывался лишнимъ. Такъ просто! Цѣлая пропасть освѣщалась этой простой догадкой, какъ солнечнымъ свѣтомъ. Итакъ, «несчастный случай» не былъ случаемъ!.. Даже сомнѣваться нечего: егермейстеръ добровольно бросился въ водопадъ!

Томасъ Галль всталъ и подошелъ къ окну. Пѣніе еще продолжалось. Звуки ея голоса точно били его по нервамъ. Ему было жутко, и онъ начиналъ задыхаться.

Вдругъ онъ воспрянулъ; всѣ чувства въ немъ возмутились и властно потребовали борьбы за жизнь, за счастіе. Она вѣдь принадлежитъ ему, какъ онъ принадлежитъ ей! Въ этомъ не должно быть понятія о недостаткѣ свободы, о принужденіи, о зависимости! Онъ самъ разорялъ свое счастіе, затемняя ихъ взаимную любовь затаеннымъ неудовольствіемъ. Но онъ опомнился, онъ опять заставитъ ее любить его одного всей душою, всѣми помыслами. Онъ не отдастъ ея никому!

Едва онъ сказалъ себѣ это, какъ самое представленіе о счастіи въ немъ точно съузилось и ему показались совершенно ненужными, даже опасными всѣ стремленія къ свободѣ и дѣятельности, которыя, было, поднялись въ немъ за послѣдніе полгода.

III.

Когда гости удалились и тетя Виви ушла спать, Томасъ Галль подошелъ къ женѣ, взялъ ея голову обѣими руками и заглянулъ ей въ глаза испытующимъ жгучимъ взглядомъ. Онъ точно заглядывалъ черезъ ея глаза въ самые глубокіе уголки ея души.

— Скажи, Гедвига, это для меня ты пѣла свое «люблю тебя»?—спросилъ онъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ, но въ то же время обрадовалась.

— Мой Томъ ревнуетъ? — спросила она ласково.

— Для меня ты пѣла?—стоялъ онъ на своемъ.

— А для кого же больше, мой другъ?

— Ты не отвѣчаешь!

Онъ произнесъ это глухо, и въ его голосѣ послышалось презрѣніе. Она тотчасъ же уловила нехорошую нотку и сразу сообразила, въ чемъ дѣло. Она припомнила, какъ три года тому назадъ въ первый разъ пѣла для него эту пѣснь... Стало быть, онъ думалъ, что это было теперь для другого!

Въ ней поднялось негодованіе; ей захотѣлось отплатить ему.

— Хорошо, пусть будетъ, что я пѣла для другого, если ты настаиваешь! — сказала она съ вызовомъ.—Признайся: онъ милъ и пріятенъ.

— Согласенъ! Когда-то и я былъ таковъ.

— Жаль, что это прошло!

— Конечно, жаль! Но что подѣлаешь: я обвѣтшалъ. Зато онъ свѣжъ и молодъ; его глаза горятъ; его кровь кипитъ... Правда? Когда-то и у меня все это было. Тогда ты пѣла для меня.

Это показалось ей невыносимымъ. Слезы покатились изъ ея глазъ.

— О, Томъ! — заговорила она жалобно.—Возможно ли, что ты... ты можешь думать обо мнѣ...

Онъ опять отвелъ ея голову обѣими руками отъ себя, опять заглянулъ ей

въ глаза и опять, съ настойчивостью маньяка, повторилъ свой вопросъ:

— Для меня ты пѣла, Гедвига?

Она вдругъ испугалась, обвила его шею руками и, крѣпко прижимаясь къ нему, почти крикнула:

— Да, да, да... Не смѣй сомнѣваться, Томъ!

Точно гора свалилась у него съ души, и онъ началъ страстно цѣловать ее.

Черезъ минуту она отвела его отъ себя и въ свою очередь заглянула ему въ глаза.

— Что это было, Томъ?—спросила она.—Опомнился ли ты?

— Да, да... Спасибо, милая!

Онъ прижалъ ея голову къ своей щекѣ, потомъ выпустилъ ее изъ своихъ рукъ, склонился на полъ и съ усталымъ видомъ положилъ голову ей на колѣни.

— Теперь мнѣ хорошо! — проговорилъ онъ тихо.

— Однако, что же это было?—настаивала она.— Весь вечеръ я замѣчала въ твоихъ глазахъ что-то странное... И ты былъ такъ блѣденъ, точно вокругъ тебя толпились привидѣнія.

— Я ревновалъ!—пробормоталъ онъ съ усталымъ вздохомъ. — Теперь это прошло... А привидѣнія?.. Въ самомъ дѣлѣ меня преслѣдовало привидѣніе...

— Что ты говоришь, Томъ!

— Да, привидѣніе... привидѣніе прошлаго... Разумѣется, это была только фантазія... порожденіе болѣзненнаго воображенія, а можетъ быть, и нечистой совѣсти...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и растерянно оглянулся вокругъ себя.

— Знаешь что, Гедвига,—продолжалъ онъ съ внезапной тоской,—ты не покидай меня... я бы не перенесъ. Какъ бы я сталъ жить безъ тебя? Мнѣ бы вездѣ казалось такъ темно, такъ страшно. Я бы воображалъ, что за каждымъ деревомъ таится какой-нибудь предатель. Однако, зачѣмъ я говорю тебѣ о своихъ фантазіяхъ? Ты сама видишь, это только нервность отъ малокровія.

Она провела рукой по его волосамъ.

— Мы побережемъ тебя здѣсь, мой Томъ!—сказала она.—Мнѣ жаль тебя... все-таки, я довольна сегодняшнимъ вечеромъ!.. Ты мнѣ точно возвращенъ послѣ долгой разлуки. Ужъ если говорить, такъ вотъ что, Томъ: ты не покинь меня; я-то, ты самъ это знаешь, не покину тебя. Въ послѣднее время мнѣ казалось, что ты рвался прочь отъ меня... Между нами точно выростало что-то—что именно, я не могла понять—но что-то грозное. Ахъ, какъ это меня пугало! Ты вѣдь знаешь, что я не допускаю ни малѣйшей розни между нами, ни единой недомолвки. Я мечтала о семейномъ счастіи, и я всегда думала, что счастіе возможно только въ томъ случаѣ, когда души мужа и жены во всемъ и вполнѣ сливаются какъ бы въ одно цѣлое... Ну, разумѣется, жить на свѣтѣ не легко и осуществлять свои мечты еще труднѣе. Не можешь же ты сомнѣваться въ томъ, что я добиваюсь только твоего счастія. Но способна ли я всегда понимать, что тебѣ нужно? Можетъ быть, я, сама того не зная, мучаю тебя, скажи откровенно? Можетъ быть, я думаю слишкомъ много о себѣ, можетъ быть, я назойлива? Отчего же ты не скажешь мнѣ откровенно о моихъ ошибкахъ? Сама вѣдь я ихъ не сознаю. Я бы такъ охотно попыталась сдѣлаться лучше, достойнѣе тебя! Но не отнимай у меня твоей любви—ею я только и живу.

— А я-то! Развѣ я тебѣ не говорилъ сейчасъ, что не выжилъ бы безъ тебя!

— Такъ обѣщай мнѣ нѣчто, милый Томъ.

— Что обѣщать?

— Обѣщай, что ты позволишь мнѣ нѣкоторое время поберечь тебя и отдохнешь здѣсь въ тиши, возлѣ меня одной, прежде чѣмъ примешься за дѣла и за рабочихъ... Ты вѣдь такъ увлекаешься всегда, а я чувствую себя чуждой всѣмъ этимъ вашимъ идеямъ. Это бы опять удалило тебя отъ меня. Въ угоду мнѣ, брось хоть на время всякія мысли о дѣлахъ и предоставь Вибелю заботы о заводахъ... Онъ толковый человѣкъ и заслуживаетъ довѣрія. А ты побудь со мною, чтобы мы опять успѣли сблизиться. Хорошо? Какъ подумаю иногда, насколько жизнь наша коротка, меня даже въ дрожь бросаетъ. Стоитъ ли тратить минуты счастья на дѣла?

Что ему было отвѣчать? Онъ вѣдь самъ только-что находилъ, что для него все на свѣтѣ ничто въ сравненіи съ его счастьемъ, въ сравненіи съ возможностью всегда быть увѣреннымъ, что она принадлежитъ ему и любитъ только его.

Потянулись дни и недѣли. Были минуты страстныхъ восторговъ. За такими минутами слѣдовали долгіе часы и дни пресыщенія. Одуряющее однообразіе лежало надъ всѣмъ, и медленно, медленно тянулись эти дни и недѣли возобновленнаго счастья!

Когда, лежа на своемъ диванѣ, Томасъ Галль оглядывался назадъ, жизнь въ Бьерне представлялась ему безконечной цѣпью холмовъ. Холмы, это были порывы восторженной любви; долины между ними — время пресыщенія и равнодушія; чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ ниже и ничтожнѣе были холмы, тѣмъ шире и печальнѣе между ними пустынныя долины.

Такъ прошли года. Теперь уже холмовъ вовсе не было. Ровная пустыня лежала позади и впереди, насколько глазъ хваталъ...

Опять Томасъ Галль лежалъ на диванѣ съ сигарой въ зубахъ; опять каминъ топился, распространяя въ комнатѣ пріятное тепло; опять, опять припоминалось прошлое.

Томасъ Галль съ отвращеніемъ кинулъ сигару черезъ всю комнату въ каминъ и взялся за пылавшую голову. Какъ онъ дошелъ до того жалкаго состоянія, въ которомъ теперь прозябалъ? Да, иначе и быть не могло! Вѣдь онъ заперся въ своей теплицѣ и такъ боялся за свое тепло, что не допускалъ къ себѣ даже свѣжаго воздуха. Онъ воображалъ, что сбережетъ горячія чувства тѣмъ, что искусственно поддерживалъ вокругъ себя зной, какой былъ, когда дѣйствительно цвѣли эти чувства. И онъ возбуждалъ въ себѣ эти чувства разными ухищреніями, пренебрегая естественными законами. Можно ли удивляться, что въ концѣ-концовъ получилось что-то неискренное и противное! Что такое любовь, если не средство природы вести людей къ совершенствованію? И развѣ не ясно, что именно по этой причинѣ она можетъ существовать только въ естественныхъ условіяхъ и пока есть стремленіе къ совершенству? Вотъ почему она процвѣтаетъ лучше всего подъ открытымъ небомъ, а ея подобіе, существующее въ теплицахъ, не имѣетъ ни силы, ни крѣпости, ни продолжительности. Она осуждена природой заранѣе, ибо противоестественное не имѣетъ права на жизнь.

Онъ сильно желалъ имѣть дѣтей съ тѣхъ поръ, какъ вернулся въ Бьерне. Изъ года въ годъ его тоска по дѣтямъ росла. Онъ былъ увѣренъ, что ихъ взаимныя отношенія сразу утратили бы неестественную напряженность и стали бы нормальнѣе, если бы появился на свѣтъ ребенокъ, который внесъ бы свѣжую струю въ ихъ домашній бытъ. Онъ зналъ, что того же желала Гедвига; для нея даже было бы спасеніемъ удѣлить часть своихъ чувствъ ребенку и не сосредоточивать до такой степени всѣ свои помыслы на одномъ мужѣ. Дитя освободило бы его отъ вѣчнаго ухаживанья за женой, заняло бы часть ея времени и дало бы имъ обоимъ свободу. Теперь онъ постоянно испытывалъ такое впечатлѣніе, точно жена отъ него чего-то ждала, а ему было нечего ей дать, и онъ старался отдѣлаться любезностью, взглядомъ, какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, которое успокоило бы ее. Будь у нихъ дѣти, ихъ взаимныя отношенія были бы проще и чище. Не было бы слишкомъ чувственныхъ вспышекъ и жилось бы спокойнѣе, ровнѣе, не было бы этой сонливости и бездѣятельности. Но дѣтей не было, прежнее продолжалось, и онъ постепенно одряхлѣлъ тѣломъ и душой. Когда-то онъ обѣщалъ женѣ не заниматься дѣлами, чтобы не покидать ея ни на минуту. Потомъ онъ самъ уже не рвался къ труду. И вотъ отъ всего, что у него было, остались только мечты о томъ, какъ могло быть. Такъ прошло цѣлыхъ семь лѣтъ!

Часто онъ спрашивалъ себя, счастливъ ли онъ? Отвѣтъ всегда получался сообразно настроенію и минутѣ: иногда получалось въ отвѣтъ довольно нетвердое «да»; чаще—еще менѣе увѣренное «нѣтъ». Можетъ быть, несмотря ни на что, онъ дѣйствительно чувствовалъ бы себя счастливымъ, если бы ея любовь не каза-

лась какимъ-то преслѣдованіемъ, не витала надъ нимъ всюду, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ призракъ. Она желала знать все, что творилось въ его душѣ, и точно выслѣживала всѣ его помыслы. Если бы ему было чѣмъ похвастать, это еще куда ни шло! Но чаще всего единственное, что оставалось въ его душѣ, это было сознаніе своей полнѣйшей пустопорожности; естественно, что этимъ онъ охотнѣе всего ни съ кѣмъ бы не дѣлился и предпочелъ бы уединиться, пока не накопилось бы въ мозгу хоть что-нибудь лучшее. Никому не бываетъ пріятно признаваться въ своей умственной нищетѣ. А тутъ еще прибавилась такая же бѣдность чувствъ, и приходилось притворяться: произносить слова, въ которыхъ не было содержанія, расточать ласки, въ которыхъ не было искренности и тепла... Ласки вѣдь такъ же краснорѣчивы, какъ слова, и не легко придавать имъ смыслъ, котораго въ нихъ нѣтъ! Неискренная ласка обоимъ противна, потому что она должна служить только наружнымъ проявленіемъ чувства и безъ него она суха, какъ пустая скорлупа.

Положимъ, Гедвигѣ не на кого было пенять. Она вѣдь придала его любви тѣ оттѣнки и ту форму, которая соотвѣтствовала ея идеалу. Она установила между ними тѣ преувеличенно страстныя отношенія, которыхъ теперь нельзя было поддерживать иначе, какъ притворствомъ; она установила самыя формы ихъ жизни. Его чувство не могло разростаться и окрѣпнуть, потому что въ ея присутствіи онъ никогда не могъ быть самимъ собою, а долженъ былъ играть назначенную ему роль. Во время перваго упоенія достигнутымъ счастьемъ, онъ не обращалъ на это вниманія и съ увлеченіемъ исполнялъ свою роль, желая только угодить Гедвигѣ. Потомъ было неудобно перемѣняться, да и нельзя было рѣшиться: она подумала бы только, что онъ разлюбилъ ее, потому что привыкла видѣть его инымъ. Какъ было освободиться отъ вкравшейся лжи? Не хотѣлъ онъ причинять ей зла; онъ содрогался отъ негодованія при одной мысли, что могъ бы заплатить ей зломъ за всю ея, хоть и преувеличенную, но искреннюю любовь! Въ минуты охлажденія къ ней онъ часто соображалъ, что примирился бы съ утратой ея, но никогда бы не примирился съ ея страданіемъ изъ-за него.

Волей-неволей, онъ пріучилъ себя терпѣливо нести свое ярмо и утѣшался пренебрежительными заключеніями о жизни вообще. Въ житейской комедіи онъ не находилъ ничего хорошаго; но свою роль онъ желалъ сыграть прилично до конца. Онъ сравнивалъ себя иногда съ каторжникомъ, котораго изъ утонченной жестокости приковали не къ тачкѣ, а къ любимой женщинѣ. Охъ, какъ тяжела была цѣпь! И какъ прочно онъ былъ прикованъ! Отъ тачки онъ надѣялся бы, пожалуй, освободиться; но теперь онъ не смѣлъ даже рвануть свою цѣпь, чтобы не поранить свою злополучную спутницу, не смѣлъ даже роптать, чтобы не огорчать ея. Оставалось только терпѣть. Онъ отлично сознавалъ, что унижается; онъ зналъ, что съ каждымъ днемъ становится хуже; онъ подмѣчалъ, какъ прежнее свободолюбіе постепенно вырождалось въ немъ въ низменную непріязнь къ болѣе независимымъ людямъ. Все, что было въ немъ хорошаго и достойнаго мало-по-малу увядало и засыхало. Вѣра въ людей исчезла въ немъ вмѣстѣ съ уваженіемъ къ самому себѣ; способность къ труду онъ утратилъ съ тѣхъ поръ, какъ выше всего поставилъ свое личное счастье; въ своей безсодержательной жизни онъ невольно сталъ высоко цѣнить всякія физическія наслажденія и сдѣлался себялюбивъ и капризенъ; чувства его съ каждымъ днемъ становились мельче, ничтожнѣе.

Онъ не поглупѣлъ и, обдумывая свое положеніе, нерѣдко признавался самому себѣ, что въ немъ не осталось ни одной черты мужественнаго человѣка. Все истрачено ради любви, все сожжено въ порывахъ страсти; не осталось самой любви въ ея первоначальномъ видѣ. Ничто уже не увлекаетъ его въ жизни и онъ частенько подумываетъ о смерти. Но странное дѣло: прежде смерть не была ему страшна, а теперь онъ замираетъ отъ холоднаго ужаса, когда представляетъ себѣ неизбѣжный конецъ и соображаетъ, что лишится богатства, разныхъ мел-

кихъ наслажденій, всего, что считается завиднымъ счастьемъ, и получитъ взамѣнъ такую же могилу въ сырой землѣ, какъ всякій бѣднякъ. Да, онъ боится смерти! Онъ сталъ трусливъ! Это, конечно, оттого, что онъ сталъ такъ нервенъ и слабосиленъ. Его кровь стала жидка, его силы исчезли, его нервы надорваны! Зимой, въ большіе морозы, когда ночью начинаетъ трещать въ углахъ, и осенью, когда наметаетъ буря и потрясаетъ весь домъ, онъ просыпается иногда въ ужасѣ; сердце тогда бьется у него въ груди тяжело, съ усиліемъ, неровными глухими ударами, которые напоминаютъ шаги старика. Ему приходитъ въ голову, что, можетъ быть, немного осталось жить, и страхъ смерти леденитъ его кровь. Что, если черезъ минуту его не станетъ? Онъ прислушивается съ напряженіемъ къ біенію своего сердца. Вотъ удары стали тише... Вотъ ихъ совсѣмъ не стало слышно... Въ ужасѣ онъ кидается къ женѣ и будитъ ее. Она открываетъ глаза. При свѣтѣ ночника онъ видитъ ея тихо улыбающееся лицо.

— Что, мой милый? — спрашиваетъ она ласково.

Ему уже стыдно признаться въ своемъ малодушіи, и онъ сочиняетъ страшный сонъ, который, будто бы, разстроилъ его. Тогда она любовно проводитъ рукою по его щекѣ и говоритъ, какъ ребенку.

— Ну, ну, мой милый — это вѣдь сонъ! Спи спокойно!

Въ самомъ дѣлѣ это его успокоиваетъ, точно въ прикосновеніи ея руки есть волшебная сила. Онъ съ благодарностью цѣлуетъ успокоившую его руку, кладетъ ее къ своей щекѣ и засыпаетъ тутъ же, возлѣ жены. Даже во снѣ онъ продолжаетъ чувствовать успокоительное дѣйствіе ея руки и начинаетъ тревожиться, какъ только Гедвига пытается взять отъ него руку. И она терпѣливо оставляетъ ему руку, хотя сама изъ-за этого не можетъ уснуть. Иногда цѣлые часы она такъ лежитъ, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его.

Сама она тоже не крѣпка здоровьемъ: у нея слабая грудь. Каждое лѣто они проводятъ нѣсколько недѣль въ горахъ, чтобы она могла окрѣпнуть, вдыхая живительный горный воздухъ. Каждую осень у нихъ заходитъ рѣчь о томъ, что слѣдовало бы проводить зимы на югѣ. Но ей все не хочется уѣзжать изъ Бьерне. Есть какая-то особенная прелесть въ суровомъ сѣверѣ, и сѣверяне рѣдко разстаются съ нимъ надолго.

IV.

Раздался звукъ гонга. Это означало, что пора одѣваться къ обѣду, и Томасъ Галль неохотно поднялся со своего дивана. Позѣвывая, онъ скинулъ съ себя теплый халатъ, умылся и надѣлъ фрачную пару. Халатъ остался на диванѣ.

Когда онъ былъ одѣтъ, онъ лѣнивыми шагами направился черезъ переднюю наверхъ въ гостиную. Въ передней ярко свѣтила электрическая лампа, вдѣланная въ самый потолокъ и прикрытая снизу выпуклымъ матовымъ стекломъ. Когда Томасъ Галль проходилъ подъ этой лампой и ея сильный голубоватый свѣтъ освѣтилъ его лицо, на немъ рѣзко обозначились многочисленныя морщины, и темные круги вокругъ впалыхъ глазъ, и брюзгливое выраженіе возлѣ губъ. Онъ былъ тощъ, цвѣтъ его лица былъ изжелта-сѣрый; во всей его наружности было что-то нездоровое. Зато одѣтъ и остриженъ онъ былъ безукоризненно, и видно было, что онъ много заботится о своей наружности.

Вяло поднялся онъ по лѣстницѣ, мимо цѣлаго лѣса пальмъ и другихъ декоративныхъ растеній. Отъ нѣкоторыхъ жардиньерокъ доносился сильный пряный запахъ. Самъ онъ былъ надушенъ какими-то особенными духами и оставлялъ за собою пряный запахъ, точно экзотическое растеніе.

У дверей гостиной онъ остановился, чтобы перевести духъ послѣ напряженія, котораго ему стоило подняться по лѣстницѣ. Въ то же время онъ расправилъ станъ и прежде чѣмъ открылъ дверь, принялъ довольное беззаботное выраженіе лица.

Въ гостиной освѣщеніе было умѣренное. Онъ не любилъ теперь яркаго свѣта. Горѣла только одна большая лампа на столѣ возлѣ дивана, да и эта лампа

была тщательно прикрыта желтымъ шелковымъ абажуромъ. Хорошо освѣщенъ былъ только столъ, у котораго склонялись двѣ женскія головы, одна надъ газетой, другая надъ рукодѣльемъ. При его появленіи обѣ головы поднялись и встрѣтили его привѣтливой улыбкой. Онъ тоже подходилъ къ нимъ, привѣтливо улыбаясь. Опускаясь въ кресло, онъ взялъ руку жены и поцѣловалъ. Тотчасъ же тетя Вивн опять склонилась надъ работой и даже лицо ея приняло озабоченное выраженіе; она точно спрашивала себя, имѣетъ ли право видѣть все, что̀ видѣла.

Тетя Вивн никогда не могла вполнѣ оправиться отъ страха, который ей нагналъ Томасъ Галль въ тѣ времена, когда сердился на нее, воображая, что она старается воспрепятствовать его счастью. Послѣ того онъ всегда былъ къ ней очень милостивъ, и тетя Вивн глубоко его уважала; но все-таки, никогда она не чувствовала себя вполнѣ спокойной въ его присутствіи. Вначалѣ, послѣ ихъ возвращенія въ Бьерне, она даже старалась не попадаться ему на глаза. Когда-то она была вездѣсуща и этимъ раздражала его; теперь она сдѣлалась невидимкой и продолжала съ прежнимъ усердіемъ управлять домомъ, показываясь только за столомъ и на прогулкахъ. Едва вставали изъ за стола, какъ она точно испарялась въ воздухѣ; но если она была нужна, стоило только произнести ея имя, даже не возвышая голоса, и она тотчасъ же появлялась какъ всегда улыбающаяся, любезная и предупредительная. Томасъ Галль въ концѣ концовъ привязался къ старухѣ и сталъ къ ней очень добръ. Зато и она заботилась о немъ, какъ ангелъ хранитель. Его удобства сдѣлались предметомъ ея постоянныхъ размышленій; его желанія приводились въ исполненіе по первому признаку даже раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ ихъ высказать. Ей доставляло удовольствіе на каждомъ шагу оказывать ему такія же мелкія услуги и любезности, какія Гедвига требовала отъ него себѣ въ знакъ неизмѣнности его чувствъ. И съ нею было легко: старуха была непритворно добродушная и очень нетребовательная. Только дичиться она не переставала, несмотря на протекшіе годы общаго согласія.

— Нѣтъ ли чего любопытнаго въ газетахъ?—спросилъ Томасъ Галль.

— Положительно ничего!

— Неужели во всемъ королевствѣ не родилось ни одного двуглаваго теленка и не случилось ни одного крупнаго несчастія? Чѣмъ же наполнены эти газеты?

Гедвига и тетя Вивн переглянулись съ улыбкой. Онѣ привыкли къ его подшучиваньямъ надъ газетами, которыхъ онъ недолюбливалъ съ тѣхъ поръ, какъ окончательно покинулъ прессу.

— Здѣшнія газеты все еще обсуждаютъ значеніе нашей новой желѣзной дороги и сообщаютъ подробности о посѣщеніи короля,—сказала Гедвига.

Въ это время двери въ столовую открылись и лакей доложилъ, что кушать подано. Томасъ Галль повелъ обѣихъ дамъ къ столу.

— Ахъ да, я и забыла сказать, Томъ!—начала Гедвига уже за столомъ.—Тутъ есть письмо къ тебѣ...

— Мнѣ лично?—Томасъ Галль съѣлъ нѣсколько ложекъ супу и усмѣхнулся.—Неужели мнѣ? — повторилъ онъ. Кому могло придти въ голову вспомнить обо мнѣ? Я думалъ, что меня окончательно забыли. Томаса Галля давно вѣдь не существуетъ уже на свѣтѣ, а есть только представитель хорошо извѣстной фирмы: Паяланъ и К°.

— Письмо отъ Густава,—не глядя на мужа, пояснила Гедвига.—Я была увѣрена, что должна быть приписка и Сигны ко мнѣ; поэтому я вскрыла конвертъ...

— Хорошо сдѣлала, милый другъ!—поспѣшилъ сказать Томъ, но почему-то тоже скользнулъ взглядомъ мимо жены, точно не хотѣлъ встрѣтить ея взглядъ.—И дѣйствительно, была приписка?

— Да, конечно.

— Что же пишетъ Сигна?

— Она пишетъ, что вмѣстѣ съ Густавомъ и Тони пріѣдетъ на будущей недѣлѣ къ намъ въ Бьерне. Они прогостятъ у насъ нѣсколько недѣль... Сигна вѣдь такъ и не бывала здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ обручилась. Въ послѣдніе годы она столько разъ собиралась къ

намъ, да все что-нибудь задерживало. Но теперь, когда есть желѣзная дорога и она можетъ вернуться въ Стокгольмъ, когда захочетъ, пріѣхать стало легко. Всѣ они и собрались...

— Да... разумѣется! Однако, это пріятная новость... очень пріятная!

Онъ весь оживился и точно помолодѣлъ. Но лицо Гедвиги, наоборотъ, не выражало ни малѣйшаго удовольствія.

— А письма Густава ты не прочла?— спросилъ Томъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не прочла. Вѣроятно, Густавъ пишетъ о томъ же.

Это она произнесла такъ холодно, что Томъ замѣтилъ ея натянутость и тотчасъ же перемѣнилъ предметъ разговора. Однако вечеромъ, когда тетя Вивн скрылась, Гедвига сама возобновила разговоръ о предстоявшемъ пріѣздѣ сестры.

— Ну, доволенъ ли ты, что у насъ будутъ гости, Томъ?—спросила она.

— Еще бы! Мы здѣсь живемъ въ такомъ уединеніи, что всякому былъ бы радъ... А Густава, и Сигну, и Тони я не видѣлъ цѣлыхъ шесть лѣтъ—подумать только, шесть лѣтъ!

Гедвига молчала и разсѣянно поигрывала костянымъ ножомъ.

— Я была бы довольнѣе, если бы они взяли съ собою и маленькаго Густи!— сказала она наконецъ. А такъ...

— Развѣ теперь ты недовольна?

— Видишь ли, если бы съ ними былъ Густи, хоть онъ былъ бы моимъ гостемъ и не скучалъ бы въ моемъ обществѣ. Прочіе вѣдь не для меня! Я знаю, что будетъ,—продолжала она, замѣтно разгорячась. У васъ четверыхъ будетъ много— о чемъ говорить между собою, но ни у кого не найдется, что сказать мнѣ. Я буду пятымъ колесомъ, лишней...

— Какъ ты можешь говорить это, Гедвига!—тихо упрекнулъ онъ ее.

— О, развѣ я не помню, какъ было въ шхерахъ, шесть лѣтъ тому назадъ! Ни на одно мгновеніе ко мнѣ не возвращался мой мужъ *вполнѣ*. То тотъ, то другая владѣли твоимъ вниманіемъ, твоими мыслями... Я была вамъ только помѣхой, которой вы всѣ тяготились. Развѣ я не видѣла!.. Но скажу теперь прямо, Томъ: этого я больше не потерплю!

Она даже раскашлялась отъ волненія, но прицавила платокъ къ губамъ и продолжала черезъ минуту спокойнѣе.

— Однако, прости меня, милый; конечно, это я только погорячилась. Виною всему эта злополучная желѣзная дорога! Съ тѣхъ поръ, какъ построена эта дорога, мнѣ все кажется, что теперь неминуемо погибнетъ наше тихое счастье въ здѣшнемъ мирномъ уголкѣ. Все стало ближе къ намъ, и люди, и соблазны, и всякое зло тамъ, въ мірѣ, до котораго намъ дѣла нѣтъ. Правда, вѣдь? Теперь такъ легко сюда попасть и уѣхать отсюда; всякій, кто только захочетъ, можетъ потревожить насъ. Прежде, чтобы забраться къ намъ, требовалось цѣлое трудное путешествіе и много времени; теперь на то же нужно всего нѣсколько дней да трудъ купить желѣзнодорожный билетъ, не больше... Прости меня, Томъ, я знаю, что только капризничаю и что это глупо... Но я не могу...

Она не договорила и расплакалась. Ему же пришлось всячески успокаивать ее ласками и нѣжными словами.

Кеслеры пріѣхали и остались въ Бьерне двѣ недѣли. Томасъ Галль былъ разбуженъ отъ своей многолѣтней спячки, и не смотря на то, что безцеремонные друзья, такъ сказать, выбили всѣ окна въ его житейской теплицѣ и насильно вытащили его вонъ, къ простой жизни, онъ чувствовалъ себя въ ихъ обществѣ превосходно.

Густавъ Кеслеръ хотѣлъ все видѣть, всюду побывать и неизмѣнно требовалъ, чтобы Томъ ему сопутствовалъ. Все его интересовало на заводахъ, и всюду онъ давалъ волю своему шумному краснорѣчію. Бурно, какъ водопадъ весною, лились его грозныя рѣчи, но во всякой чертѣ лица, во всякомъ взглядѣ шумливаго великана проглядовали человѣколюбіе и добродушіе. Не прошло и трехъ дней съ его пріѣзда въ Бьерне, какъ онъ былъ уже кумиръ всего населенія.

— Вотъ это мужчина!—восторгались позади него рабочіе, когда онъ проходилъ.—Этакій силачъ! Этакого ума человѣкъ!

Однако, Опасный не былъ доволенъ тѣмъ, что онъ нашелъ на заводахъ; ни порядки, ни духъ рабочихъ, ни ихъ образъ жизни не соотвѣтствовали его ожиданіямъ, хотя зять предупреждалъ его много разъ. Такихъ отсталыхъ порядковъ, по его словамъ, онъ и не видывалъ! И тотчасъ же онъ началъ составлять планъ полнаго преобразованія порядковъ на заводахъ въ болѣе современномъ духѣ, т. е. такъ, чтобы заработокъ населенія сталъ независимѣе отъ владѣльцевъ, но въ то-же время, чтобы не было никакой филантропіи и чтобы не пострадали дѣла заводовъ, такъ какъ иначе не было бы ничего вѣрнаго и прочнаго въ новыхъ порядкахъ. Томасъ Галль предоставилъ ему полную свободу дѣйствія.

Но когда кое-какія преобразованія были уже намѣчены и Кеслеръ приступилъ къ подробному обсужденію ихъ съ инженеромъ Вибелемъ, оказалось, что почти ничего нельзя было сдѣлать: одно оказывалось уже испытаннымъ и отвергалось самими рабочими, сурово оберегавшими старину; другое повело бы заводы прямо къ разоренію; третье не согласовалось съ мѣстными условіями жизни... Тогда Густавъ Кеслеръ самъ похерилъ всѣ свои планы.

— Видно, рано еще для здѣшнихъ мѣстъ!—проворчалъ онъ.—Да и въ другихъ частяхъ страны не многимъ лучше,—прибавилъ онъ, не измѣняя своей всегдашней правдивости.

Потомъ, какъ бы желая оправдать свою партію въ глазахъ обоихъ инженеровъ, онъ началъ краснорѣчиво описывать неблагопріятность существующихъ обстоятельствъ.

— За десять лѣтъ мы ни на шагъ не подвинулись впередъ!—гремѣлъ онъ.— Почва для насъ отвратительная! А тутъ еще всякія секты и партія трезвости, мѣшающія намъ во всемъ. Эта партія трезвости настоящій орденъ іезуитовъ, даже хуже, потому что не имѣетъ высокаго образованія іезуитовъ. Оттого они такъ рѣшительны, и самоувѣрены, и безпощадны. Съ ними намъ придется сразиться на смерть на слѣдующихъ выборахъ: тогда пусть окончательно вырѣшится, чего желаетъ страна, свободнаго труда или пустыхъ словъ. Ну-съ!— онъ грозно потрясъ своей порядкомъ посѣдѣвшей за послѣдніе годы гривой, — мы еще поборемся и не отчаиваемся въ побѣдѣ. Надо будетъ только сильно поработать, чтобы подготовить почву. И много потребуется твердости... Люди нужны! Всѣ наши сторонники подъ знамена! Рабочей партіи нужна блестящая побѣда, чтобы войти въ силу. Мы и то очень скромны: добиваемся имѣть хоть одного представителя въ риксдагѣ. Но дорогъ починъ; послѣ, небось, будетъ больше. Однако, мы должны быть приготовлены и къ пораженію; у насъ опасные, страшные противники. Они насъ не пощадятъ и будутъ стараться добить... Тогда потребуется отъ насъ еще больше твердости и мужества, чтобы уцѣлѣть!

Эту рѣчь онъ произнесъ въ кабинетѣ Вибеля, въ заводской конторѣ. Онъ стоялъ у печи, опираясь на конторку, при послѣднихъ словахъ онъ вынустилъ изъ рукъ конторку и медленно поднялъ руки, сжатыя въ кулаки: въ эту минуту онъ былъ дѣйствительно хорошъ.

Его слова подѣйствовали на Томаса Галля, какъ звуки сигнальнаго рожка на старую боевую лошадь. Быстрѣе начала струиться въ его жилахъ кровь; въ груди точно что-то встрепенулось и ожило. То пробудились въ немъ чувства прежняго бойца; то ожила заглохшая любовь къ свободѣ. Не ожила однако въ немъ энергія, и онъ только съ горечью подумалъ, что наглухо прикованъ къ своей теплицѣ и что не для него уже бои и побѣды.

По обыкновенію, онъ прибѣгъ къ мечтамъ, ища въ нихъ утѣшенія, и въ мечтахъ принялъ участіе во всѣхъ бояхъ Кеслера. Въ его мечтахъ эти бои разрослись въ міровыя событія, въ борьбу добра и зла всего человѣчества. Въ мечтахъ онъ остался побѣдителемъ, выручилъ всю свою партію и съ лихвою искупилъ ничтожество своей жизни послѣднихъ лѣтъ.

Въ тотъ же день за обѣдомъ, однако. Густавъ Кеслеръ принудилъ его вернуться къ дѣйствительности. Онъ какъ-то вдругъ обратилъ вниманіе на замѣ-

чательную изысканность и доброкачественность того, что было на столѣ. Обыкновенно онъ бывалъ равнодушенъ ко всему такому. Но на этотъ разъ онъ былъ въ шутливомъ настроеніи, много смѣялся и вдругъ пустился въ сужденія о винахъ и яствахъ.

— Превосходнѣйшее вино, безукоризненное вино!—сказалъ онъ, отпивъ изъ своего стакана. — Такъ-то, Томъ, мой мальчикъ! Ты ей-Богу сдѣлался знатокомъ по этой части и умѣешь пожить... Все, что у васъ подаютъ, можно похвалить, не кривя душой. И подумать, что было время, когда ты голодалъ въ столицѣ! Да, братъ, то было иное времячко. Помню, въ тотъ день, когда ты выступилъ со своей рѣчью на сходкѣ неимѣющихъ работы, какъ я обдумывалъ, нельзя ли подъ какимъ-нибудь предлогомъ пригласить тебя пообѣдать. Я отлично видѣлъ, что ты валился съ ногъ отъ голода; но ты былъ такой гордый и неприступный, что я такъ и не рѣшился выступить со своимъ приглашеніемъ.

Онъ обратился къ Гедвигѣ.

— А если бы ты видѣла его въ тѣ времена, сестрица! Отъ него точно искры сыпались, когда онъ говорилъ. Искры сыпались и отъ его статей. Онъ зажигалъ всѣхъ вокругъ себя, столько въ немъ было священнаго огня.

Болѣе наблюдательная Сигна замѣтила, что этотъ разговоръ былъ сестрѣ не по душѣ и попыталась его перемѣнить.

— Почему ты больше ничего не пишешь?—обратилась она къ Томасу.

— Такъ,—отвѣтилъ онъ. — Все мое время уходитъ на другое.

Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ Густава до слезъ.

— Бѣдняга! У него не хватаетъ времени!—воскликнулъ онъ, хохоча.—Ахъ ты заваленный работой труженикъ! Ха, ха, ха! Помню, какъ ты въ шхерахъ чесалъ въ затылкѣ надъ обѣщанными мнѣ статьями о здѣшнихъ порядкахъ. Ты воображалъ, что можешь еще писать... Ну, конечно! Тебѣ только не удалось найти время, чтобы написать все, что роилось у тебя въ головѣ! Такъ вѣдь?.. Ха, ха, ха!

Томасъ Галль усмѣхался довольно принужденно. Гедвига сидѣла особенно сдержанная и неразговорчивая.

V.

Кеслеры занимали въ Бьерне двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ кабинетомъ Томаса. Въ сумерки всѣ трое обыкновенно приходили къ нему погрѣться возлѣ его камина.

Тони какъ разъ въ тотъ годъ была комфирмована и считалась уже взрослой, хотя была еще настоящимъ ребенкомъ. У нея была довольно стройная, но далеко еще не вполнѣ сложившаяся фигурка. Она не была хороша собою; ея лицо портили слишкомъ большой ротъ и слишкомъ блѣдный цвѣтъ кожи. Когда завязывался общій разговоръ, она всегда молчала, но широко раскрывала глаза и слушала съ какою-то жадностью; въ такія минуты она напоминала голоднаго птенца въ гнѣздѣ. По выраженію ея лица, однако, видно было, что мозгъ ея работалъ очень усердно, что о многомъ она имѣла свое собственное мнѣніе и что занимали ее не пустяки, а великіе вопросы, которые обсуждались въ домѣ ея родителей съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила. Поэтому, когда она отвѣчала на какой-нибудь вопросъ, въ ея отвѣтѣ всегда, бывало, что-то озадачивающее; слова и выраженія были безискусственныя, дѣтскія, а мысль оказывалась настолько зрѣлой, точно она знала жизнь и людей. Но рядомъ съ этимъ она судила обо всемъ съ дѣтской прямолинейностью: одно было хорошо, другое—дурно; промежуточныхъ степеней она не признавала.

При отцѣ и матери она пускалась въ разсужденія лишь съ большой опаской, а при тетѣ Гедвигѣ и вовсе не пускалась. Зато, когда она оставалась наединѣ съ дядей Томомъ, она давала волю своему языку и высказывала, все, что было у нея на умѣ. Она попрежнему относилась къ нему потоварищески, точно къ сверстнику, и оставалась вѣрна старой дружбѣ. Положимъ, она была теперь взрослой, развитой дѣвушкой—по крайней мѣрѣ, таково было ея собственное мнѣніе, а дружбу она заключила

въ дѣтствѣ, послѣ чего прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ. Тѣмъ не менѣе она не видѣла причины охладѣть къ дядѣ Тому и довольствовалась тѣмъ, что иногда, при удобномъ случаѣ, давала ему почувствовать свое достоинство взрослой женщины.

Въ Бьерне она чувствовала себя превосходно, и это не смотря на тетю Гедвигу; та относилась къ ней съ чисто наружною ласковостью, подъ которой чувствовалось отсутствіе дѣйствительнаго расположенія. Тамъ вѣдь была старая тетя Виви, которую она полюбила съ перваго же дня. А главное, тамъ былъ дядя Томъ—ея лучшій другъ!

— Я бы охотно погостила у васъ подольше, дядя Томъ, — сказала она однажды, вечеромъ, когда только что былъ рѣшенъ отъѣздъ Кеслеровъ.—Оставите вы меня здѣсь одну?.. безъ родителей?..

— Мы-то очень рады тебѣ! — отвѣтилъ онъ. — Но согласятся ли оставить тебя родители?

Она получила ихъ согласіе и прибѣжала въ припрыжку объявить объ этомъ. Впрочемъ, она во время вспомнила, что уже взрослая женщина и не кинулась дядѣ Тому на шею, а степенно сѣла у камина и заботливо расправила складки своего длиннаго платья.

— Я такъ интересуюсь увидѣть здѣшнюю зиму, — замѣтила она. — Настоящую арктическую зиму съ трескучими морозами!

Ея желаніе исполнилось очень скоро. Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда ея родителей вдругъ налетѣли морозы, земля замерзла и ночью выпалъ глубокій снѣгъ. Утромъ она нарядилась въ только что подаренный ей лапландскій костюмъ, вооружилась лыжами и поспѣшила въ садъ. Тамъ она остановилась подъ окнами спальни и начала звать:

— Дядя Томъ! Дядя Томъ!

Въ этотъ ранній часъ дядя Томъ спалъ крѣпкимъ сномъ и, какъ она ни напрягала свой звонкій голосъ, не разслышалъ ея призывовъ. Зато въ другомъ окнѣ появилась голова испуганной тети Виви. Старуха была крайне встревожена неслыханной смѣлостью дѣвочки. Будить хозяина за три часа до того времени, когда онъ привыкъ вставать! Нарушать его самый сладкій, утренній сонъ! Она энергично погрозила Тони рукой, потомъ открыла форточку и крикнула подавленнымъ голосомъ:

— Дядя Томъ спитъ! Ты можешь подождать... И не шуми...

— Вздоръ какой!—заупрямилась Тони.—Спать въ такое ясное утро, когда уже скоро восемь часовъ... При томъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ сегодня съ утра отправиться со мною на лыжахъ!

И къ ужасу тети Виви, она не только не угомонилась, но стала бросать въ окно спальни снѣжки и опять принялась звать:

— Дядя Томъ! Дядя Томъ! Встава-а-ай!

Въ это утро дядя Томъ не выспался и принужденъ былъ выйти на морозъ, не получивъ даже чашки горячаго кофея. Мало того, и въ слѣдующіе дни Тони стала настойчиво поднимать его въ восемь часовъ—ни свѣтъ, ни заря, какъ онъ ворчалъ вначалѣ. Однако, онъ привыкъ къ новому порядку и подчинился прихоти Тони, хотя Гедвига всѣми силами старалась отстоять ихъ утренній покой.

Вмѣстѣ съ Тони онъ сталъ совершать большіе походы на лыжахъ по окрестнымъ лѣсамъ, и усиленное движеніе на свѣжемъ воздухѣ совершило чудеса: онъ поздоровѣлъ тѣломъ и душою и точно возродился.

Тони страстно любила природу, въ особенности природу дикую; поэтому имъ всегда приходилось уходить далеко въ лѣсъ, въ самыя дебри. Потомъ, когда надоѣло бѣгать на лыжахъ, Тони предложила кататься на салазкахъ съ горы. Томасъ Галль отговаривалъ ее: самъ онъ не имѣлъ навыка въ этомъ спортѣ; да и мѣста вполнѣ удобнаго по близости не было; а главное, не имѣлось хорошихъ санокъ. Она стояла на своемъ и устранила всѣ препятствія. На слѣдующее же утро она явилась съ пребезобразными, окрашенными въ красный цвѣтъ салазками.

— Откуда ты добыла это безобразіе?— удивился Томасъ Галль.

— Мнѣ одолжилъ маленькій Калле

передъ нами были явленія, которыя кажутся непостижимыми; человѣческій геній разрѣшилъ уже много загадокъ, объяснилъ много чудесъ, и нужно надѣяться, что и для необъяснимыхъ еще тайнъ природы наступитъ, наконецъ, свой чередъ. Поэтому для разработки метеорологической науки, особенно въ настоящее время, слѣдуетъ собирать возможно больше фактовъ и цифровыхъ данныхъ и путемъ критическаго разбора добытыхъ наблюденій подыскивать объясненія, которыя могли бы быть примѣнены и къ массѣ другихъ фактовъ.

Если теорія основана на очень ограниченномъ количествѣ фактическихъ данныхъ, то она лишена прочности и будетъ разбита какимъ-нибудь однимъ неприйятымъ во вниманіе, или до сего времени неизвѣстнымъ, но безспорнымъ фактомъ, добытымъ путемъ наблюденія.

Позднѣе, когда метеорологія займетъ прочное мѣсто среди точныхъ наукъ, можно будетъ заняться окончательной выработкой общихъ теорій, пока же главная задача должна состоять въ томъ, чтобы заложить для нихъ прочное основаніе.

Глава. IV.

Вѣтеръ.

Вѣтеръ принадлежитъ къ весьма сложнымъ явленіямъ природы. Объясненіе происхожденія вѣтра и изученіе совершаемаго имъ въ атмосферѣ круговорота составляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ метеорологіи.

Съ незапамятныхъ временъ и особенно у латинскихъ народовъ различные вѣтры носили различныя наименованія. Такъ, у Виргилія встрѣчаются названія: сѣверный, теплый, бурный вѣтры и даже находится описаніе циклона. Этому описанію пытались не разъ придать научное значеніе и поставить его на ряду съ современными теоріями. Нельзя не видѣть въ этомъ, конечно, нѣкотораго преувеличенія; но въ то же время намъ хорошо извѣстно, что древніе мореплаватели умѣли уже пользоваться вѣтрами, представляющими извѣстную періодичность въ теченіе дня или года.

Существуютъ двѣ гипотезы, объясняющія происхожденіе вѣтровъ; по одной, вѣтеръ происходитъ вслѣдствіе разницы атмосферныхъ давленій, по другой—вслѣдствіе разницы температуръ *).

Слѣдующій, весьма простой и легко выполнимый опытъ позволяетъ наблюдать образованіе вѣтра. Когда температура въ двухъ сообщающихся между собою комнатахъ одинакова, то не происходитъ никакого теченія воздуха, если открыть дверь, ведущую изъ одной комнаты въ другую. Но затворимъ дверь и затопимъ въ одной изъ комнатъ печь. Что произойдетъ въ этомъ случаѣ? Теплый воздухъ, какъ самый легкій, поднимется къ потолку, холодный же останется внизу вблизи пола.

Если по прошествіи нѣкотораго времени мы пріотворимъ слегка дверь и помѣстимъ въ образовавшемся такимъ образомъ проходѣ три

*) Послѣдняя гипотеза въ настоящее время оставлена; оказалось, что и вліяніе температурныхъ различій сводится въ концѣ концовъ къ вліянію перемѣнъ давленія. Но именно вслѣдствіе этой связи температуры и давленія обѣ гипотезы очень близки другъ къ другу. Авторъ при своихъ объясненіяхъ придерживается температурной гипотезы и мы сочли возможнымъ не измѣнять кореннымъ образомъ его объясненія. *А.*

зажженныя свѣчи, одну внизу, другую по срединѣ и третью вверху двери, то, наблюдая за ихъ пламенемъ, замѣтимъ слѣдующія явленія:

1) Внизу образуется теченіе воздуха изъ нижней части холодной комнаты въ нижнюю часть теплой.

2) По срединѣ воздухъ остается неподвижнымъ.

3) Вверху замѣчается теченіе воздуха изъ теплой комнаты въ холодную.

Таковъ одинъ изъ случаевъ образованія вѣтра.

Такимъ образомъ происходятъ столь знакомые жителямъ прибрежныхъ мѣстностей *береговые вѣтры* (*бризы*), дующіе періодически съ суши и съ моря. Дѣйствительно, утромъ морскія воды нагрѣваются медленнѣе, чѣмъ земля, и отсюда происходитъ теченіе воздуха или вѣтеръ, который дуетъ отъ моря къ берегамъ. Вечеромъ происходитъ обратное явленіе и вѣтеръ дуетъ отъ береговъ къ морю.

Фламмаріонъ, слѣдуя Дове, даетъ слѣдующее объясненіе теченія вѣтровъ на землѣ.

На экваторѣ подъ дѣйствіемъ жгучихъ перпендикулярныхъ лучей солнца происходитъ значительная тяга воздуха, сила которой измѣняется въ зависимости отъ количества полученной теплоты. Тяга эта производитъ правильный вѣтеръ, дующій надъ самой поверхностью земли и такимъ образомъ происходятъ между тропиками и экваторомъ такъ называемые пассаты, съ юга на востокъ въ южномъ полушаріи и съ сѣвера на востокъ—въ сѣверномъ.

Но, достигнувъ извѣстной высоты, восходящее экваторіальное теченіе перестаетъ подниматься вверхъ и раздѣляется на двѣ вѣтви: одна направляется къ сѣверному полюсу, другая къ южному. Эти два теченія получили названіе верхнихъ или *возвратныхъ* пассатовъ. Дѣйствительное существованіе этихъ *возвратныхъ пассатовъ* доказывается многими явленіями, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующія: перистыя облака, образующіяся, какъ извѣстно, на громадной высотѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ, часто несутся въ сторону *противоположную нижнимъ* пассатамъ; въ этомъ же направленіи уносится иногда и пепелъ тѣхъ вулканическихъ изверженій, сила которыхъ была достаточна, чтобы поднять пепелъ на такую высоту. Такъ, напр., во время изверженія вулкана Морнъ-Гару на островѣ Сенъ-Винцентѣ вулканическій пепелъ былъ принесенъ на островъ Барбадосъ, лежащій на 160 верстъ къ востоку отъ С.-Винцента, а во время изверженія вулкана Козигвіи верхній пассатъ перенесъ пепелъ черезъ всю центральную Америку на островъ Ямайку, отстоящую, приблизительно, на 1.000 верстъ къ С.-В. отъ Козигвіи. Возвратные пассаты по мѣрѣ движенія къ полюсамъ приближаются къ земной поверхности и, если бы они не подвергались дѣйствію разнообразныхъ причинъ, то по всей вѣроятности правильно соединялись бы съ нижними пассатами.

Вотъ этимъ-то верхнимъ обратнымъ пассатамъ *Деларивъ* (De la Rive) и приписываетъ роль перенесенія электричества, скопляющагося въ избыткѣ въ тропическихъ странахъ, къ земнымъ полюсамъ, гдѣ оно распространяется во влажной атмосферѣ и вызываетъ явленіе сѣвернаго сіянія.

Эти два теченія, особенно нижніе пассаты становятся незамѣтными, начиная съ тропиковъ, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ вращательнаго движенія земли. Въ самомъ дѣлѣ, на экваторѣ каждая частица воздуха пробѣгаетъ 465 метровъ въ секунду. На широтѣ Парижа ско-

рость эта равняется уже только 329 метрамъ и затѣмъ очень быстро уменьшается въ направленіи къ полюсу, гдѣ и становится равной нулю.

Такое различіе въ скорости вращенія различныхъ частей земной поверхности должно было бы образовать всюду на землѣ правильный постоянный и сильный вѣтеръ, если бы не было причинъ, задерживающихъ движеніе воздуха, каковы: треніе и вообще сопротивленія всякаго рода.

По мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ мѣста образованія пассатовъ и возвратныхъ пассатовъ, ихъ вліяніе дѣлается все менѣе и менѣе замѣтнымъ и у тропиковъ становится почти равнымъ нулю и верхніе пассаты раздѣляются на два теченія: одно продолжаетъ свое направленіе къ сѣверному полюсу, другое спускается къ землѣ и движется къ тропикамъ. Послѣднее теченіе раздѣляется, въ свою очередь, на двѣ вѣтви. Изъ нихъ главная направляется къ экватору и образуетъ пассаты, другая въ своемъ теченіи къ сѣверному полюсу встрѣчаетъ верхній пассатъ на его обратномъ пути отъ полюса.

Вотъ этой-то встрѣчей разныхъ воздушныхъ теченій и обусловливается неправильность вѣтровъ умѣреннаго пояса. Между тропиками и сѣвернымъ полярнымъ кругомъ господствуетъ юго-западный вѣтеръ, между полярнымъ кругомъ и сѣвернымъ полюсомъ—сѣверо-восточный. Въ южномъ полушаріи, между тропикомъ и южнымъ полярнымъ кругомъ господствующій вѣтеръ—сѣверо-западный, а между полярнымъ кругомъ и южнымъ полюсомъ дуетъ преимущественно юго-восточный вѣтеръ. Это тѣ вѣтры, дѣйствіе которыхъ мы испытываемъ, слѣдовательно, такіе, которые господствуютъ на поверхности земли. Но въ сѣверномъ полушаріи облака, достигающія высокихъ слоевъ атмосферы, напр., перистыя, движутся всегда съ юга на западъ, такъ какъ они приносятся верхними пассатами. Подобное же явленіе происходитъ въ южномъ полушаріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что существуютъ такъ называемыя *области безвѣтрія*—(*поясъ тишины*)—это широкая полоса, лежащая по обѣ стороны экватора. Но иногда господствующая здѣсь тишина прерывается ужаснѣйшими бурями; поэтому, эта область зовется не только областью тишины, но и областью бурь. За предѣлами пассатовъ дуютъ уже неправильные вѣтры, хотя всегда съ нѣкоторымъ преобладаніемъ одного направленія надъ другимъ, иначе говоря, въ каждой данной области существуетъ все же господствующее направленіе вѣтровъ.

Анэмометрическія измѣренія, производимыя въ теченіе многихъ лѣтъ, приводятъ насъ къ заключенію, что (за исключеніемъ странъ, подвергающихся особымъ вліяніямъ), чѣмъ болѣе мы подвигаемся въ нашемъ полушаріи къ сѣверу, тѣмъ болѣе преобладаетъ сѣверо-восточный вѣтеръ.

Существуютъ также вѣтры, которые не только слѣдуютъ извѣстному направленію, но, кромѣ того, наклоняются къ горизонту, то приближаясь къ поверхности земли, то поднимаясь кверху. Для точнаго обозначенія такихъ вѣтровъ, пользуются особыми формулами. Такъ, напр.: S. W + 10° означаетъ юго-западный вѣтеръ, который дуетъ внизъ къ поверхности земли, дѣлая уголъ въ 10° съ горизонтальною плоскостью данной мѣстности. Наоборотъ, такой-то вѣтеръ съ восходящимъ теченіемъ, подъ тѣмъ же угломъ, обозначаемъ: S. W — 10°. Такого рода вѣтры имѣютъ случайный, чисто мѣстный характеръ и зависятъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, отъ формы поверхности данной мѣстности.

*

Представимъ себѣ, что мы находимся въ слегка холмистой мѣстности. Разсмотримъ два случая.

1) Если мы находимся у подножія какого-нибудь ничѣмъ непокрытаго холма, то вѣтеръ, дующій съ противоположной его стороны, поднимется по его склону до самой вершины и спустится затѣмъ внизъ по другому склону; это будетъ по отношенію къ наблюдателю нисходящій вѣтеръ.

2) Взойдемъ, напротивъ, на вершину другого холма, покрытаго лѣсомъ. Вѣтеръ, достигнувъ его вершины, вмѣсто того, чтобы спускаться внизъ, обогнувъ холмъ, будетъ продолжать свое восходящее направленіе и явится, если можно такъ выразиться, восходящимъ вѣтромъ.

Слѣдующій опытъ позволяетъ воспроизвести его въ миніатюрѣ. Возьмемъ обыкновенную платяную щетку, положимъ ее на край стола щетиной кверху и помѣстимъ у одного изъ ея концовъ зажженную свѣчу, нѣсколько приподнявъ ее надъ щеткой. Если слегка дуть на

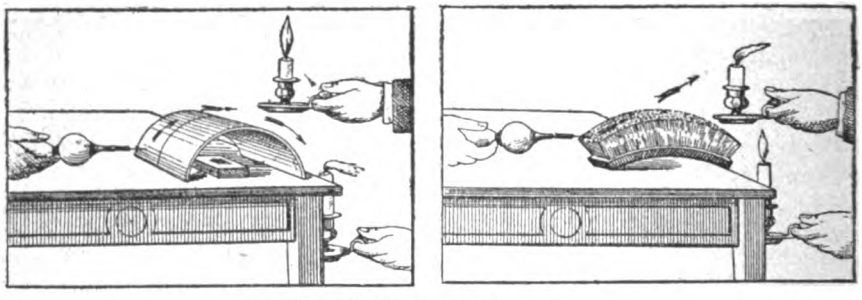

Рис. 20. Физическій опытъ.

щетку съ другого ея конца, то струя воздуха отклонитъ пламя свѣчи только на извѣстной высотѣ надъ столомъ. Но если вмѣсто обыкновенной щетки мы возьмемъ изогнутый въ видѣ свода гладкій картонъ, то, расположивъ все попрежнему, мы замѣтимъ совершенно обратное явленіе. Пламя свѣчки будетъ отклоняться не надъ столомъ, а ниже его. Въ первомъ случаѣ щетка представляетъ собою поверхность, покрытую лѣсомъ, во второмъ—гладкая поверхность картона замѣняетъ обнаженную отъ всякой растительности почву.

Существуетъ рядъ вѣтровъ, свойственныхъ извѣстнымъ странамъ и дующихъ въ опредѣленное время года. Каждый изъ этихъ вѣтровъ носитъ свое названіе и обладаетъ особыми свойствами.

На югѣ дуетъ *мистраль*, холодный SW вѣтеръ, пронесшійся надъ снѣжными вершинами Пиринеевъ.

Соперникъ его—фёнъ, господствующій главнымъ образомъ въ Швейцаріи, вызываетъ таяніе снѣговъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ то же самое время солнце. Въ древности у латинскихъ народовъ фёнъ назывался Favonitus; это теплый и влажный вѣтеръ.

Въ Африкѣ, въ Сахарѣ, вѣтеръ, который сушитъ и жжетъ и въ то же время поднимаетъ цѣлыя облака пыли, проносясь обыкновенно съ силою урагана, называется *симумъ*. Среднее его направленіе съ юга. Вѣтеръ этотъ былъ причиною многихъ смертей, и подъ грудами песку, поднятаго его вихрями, похоронено безчисленное множество каравановъ. Такъ, въ 1805 году Симумъ засыпалъ въ одинъ разъ 12.000 человѣкъ и 1.800 верблюдовъ. Такой же вѣтеръ подъ названіемъ

Солано (Solano) дуетъ въ Испаніи, приводя жителей въ состояніе разслабленія и оцѣпенѣнія

Въ Англіи восточный вѣтеръ распространяетъ на всѣхъ унынie, «спленъ», какъ зовутъ англичане, что буквально значитъ «хандра».

Всѣ эти вѣтры, дующіе въ извѣстное время года, хотя и неправильно, заимствуютъ свои свойства отъ странъ, надъ которыми они пронеслись, прежде чѣмъ достигли данной мѣстности, куда приносятъ съ собою то сухость, то влажность, то холодъ, то тепло.

Во Франціи два вѣтра противоположныхъ направленій, изъ которыхъ одинъ юго-западный—влажный и сѣверо-восточный—сухой, обладаютъ каждый особыми свойствами, не настолько, однако, рѣзко выраженными, чтобы они могли повліять на душевное настроеніе жителей.

Что касается распредѣленія вѣтровъ въ Россіи, то академикъ Веселовскій дѣлитъ Европейскую Россію въ этомъ отношеніи на 3 области. *Первая* занимаетъ весь сѣверъ Россіи до 52 градуса широты; здѣсь преобладаютъ западные вѣтры, зимой приближающіеся къ юго-западному направленію, лѣтомъ же къ сѣверо-западному. *Вторая*, занимающая всю южную и юго-восточную Россію, характеризуется преобладаніемъ восточныхъ и востоко-юго-восточныхъ вѣтровъ, особенно сильныхъ въ октябрѣ; лѣтомъ же въ этой области преобладаютъ западные вѣтры, хотя нерѣдки и восточные. *Третья* область лежитъ между первой и второй; въ ней преобладаютъ вѣтры сѣверо-западно-сѣверный и сѣверо-восточный. Въ Крыму круглый годъ преобладаютъ восточные вѣтры, а на Кавказѣ западный.

Вѣтры, въ свою очередь, оказываютъ также значительное вліяніе на температуру, высоту барометра, количество дождя и пр., смотря по тому, откуда они дуютъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, вѣтеръ можетъ дуть съ различной силой. Для научныхъ и для практическихъ цѣлей каждая метеорологическая станція составляетъ особыя таблицы, благодаря которымъ можно сдѣлать иногда выводъ о нѣкоторой правильности въ измѣненіи атмосферныхъ явленій. Такъ, напр., сопоставленіе такихъ таблицъ, взятыхъ изъ лабораторій различныхъ странъ, позволяетъ намъ заключить, что сѣверо-западный вѣтеръ благопріятнѣе для поднятія барометра, чѣмъ юго-восточный, что температура всегда выше при юго-западномъ, чѣмъ при сѣверномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрахъ.

Интенсивность вѣтра измѣняется не только въ горизонтальномъ, но также и въ вертикальномъ направленіи. Для первыхъ километровъ отъ поверхности земли это измѣненіе происходитъ неправильно и зависитъ отъ пункта наблюденія, но, начиная съ 15 до 20 километровъ высоты, господствуютъ необычайно сильный вѣтеръ, превосходящій значительно самыя ужасныя изъ нашихъ урагановъ. По крайней мѣрѣ, это доказывается свѣтящимися облаками и пробными аэростатами. Свѣтящіяся облака дѣлаютъ иногда до 300 кил. въ часъ, а одинъ пробный аэростатъ въ Германіи пролетѣлъ 1.000 килом. *въ 10 часовъ, т. е. 100 кил. въ часъ.*

Измѣненіе направленія воздушныхъ теченій въ нижнихъ слояхъ атмосферы происходитъ столь же часто и столь же велико, какъ и измѣненіе ихъ интенсивности. Это съ особенной ясностью можно прослѣдить во время теплыхъ лѣтнихъ дней, когда вѣтеръ измѣняетъ ежеминутно свое направленіе, оставаясь въ то же время очень слабымъ. 12 іюня 1895 г. я пустилъ довольно большой пробный шаръ такимъ образомъ, чтобы можно было съ помощью сильнаго бинокля слѣдить въ теченіе долгаго времени за его полетомъ. Высоты вычислялись на основаніи вре-

мени, предполагая, что скорость поднятія аэростата постоянна, и что облака cumulus, находятся на своей обычной высотѣ (т. е. около 1.600 метровъ отъ земли). Оказалось, что на протяженіи 1.600 метровъ вѣтеръ измѣнилъ 9 разъ свое направленіе. Это наблюденіе показываетъ намъ, какое разнообразіе явленій царитъ въ низшихъ слояхъ атмосферы.

Впрочемъ, и въ измѣненіи силы вѣтра можно констатировать нѣкоторыя правильности. Такъ, въ теченіе каждыхъ сутокъ наблюдается весьма ясно выраженный максимумъ около 1 часа пополудни и минимумъ при заходѣ солнца. Обычное выраженіе: «вѣтеръ стихаетъ къ вечеру» составляетъ одно изъ точнѣйшихъ народныхъ наблюденій.

Вѣтеръ оказываетъ огромное вліяніе на всѣ атмосферныя явленія и мы съ правомъ можемъ сказать, что это одинъ изъ важнѣйшихъ атмосферныхъ факторовъ. Но, къ сожалѣнію, причины, вызывающія появленіе вѣтра и явленія, сопровождающія его, такъ сложны и такъ относительно еще мало изучены, что наши объясненія поневолѣ могутъ носить только гипотетичный характеръ. мы оставляемъ двадцатому вѣку въ этой области интересную и трудную задачу.

Глава V.

Бури.—Колебанія барометра.—Грозы.

Въ этой главѣ мы займемся двумя грандіозными атмосферными явленіями—бурями и грозами.

Во всѣ времена эти явленія наводили на людей ужасъ своимъ величіемъ, силою и разрушительностью своего дѣйствія и своимъ необычайнымъ видомъ.

Грозы обыкновенно обнаруживаютъ свое дѣйствіе на незначительномъ протяженіи, но когда они проявляются во всей своей силѣ, то разрушаютъ все, что имъ встрѣтится на пути.

Бури же, напротивъ, охватываютъ большею частью огромное пространство.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя совершенно разнородными явленіями, хотя оба они порождаются или сопровождаются болѣе или менѣе значительнымъ ослабленіемъ общаго атмосфернаго давленія.

Самое замѣчательное изъ этихъ явленій—*циклонъ*, охватывающій необъятныя пространства и проносящійся на протяженіи многихъ тысячъ километровъ. Но прежде чѣмъ мы приведемъ нѣсколько случаевъ этого рода, выяснимъ сначала причину, отъ которой зависятъ вообще циклоны, бури, вихри, внезапныя паденія атмосфернаго давленія, смерчи и другія подобныя явленія, различающіяся другъ отъ друга болѣе по своему названію.

На углахъ улицъ нерѣдко случается видѣть, какъ вихорь поднимаетъ съ земли соломенки, сухіе листья и всякаго рода мусоръ. Такіе вихри происходятъ вслѣдствіе встрѣчи двухъ воздушныхъ теченій. Однако, большія бури вызываются не этимъ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что вращательное движеніе воздуха быстро прекратилось бы вслѣдствіе сопротивленія, какимъ образомъ объяснить, что ураганъ, какъ это было наблюдаемо, то уменьшается, то увеличивается въ силѣ и скорости, то затихаетъ, то вдругъ снова начинаетъ бушевать?

Какая же сила рождаетъ бури?

Послушаемъ, какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ извѣстный метеорологъ *Эспи* (Espy).

«Сила эта,—говоритъ онъ,—доставляется сгущеніемъ водяныхъ паровъ, которые поднимаются въ центральномъ восходящемъ воздушномъ теченіи. Послѣднее, въ свою очередь, происходитъ вслѣдствіе встрѣчи двухъ горизонтальныхъ теченій. Въ центрѣ образовавшагося такимъ образомъ кругового теченія подъ вліяніемъ центробѣжной силы произойдетъ разрѣженіе воздуха. По мѣрѣ того, какъ это теченіе будетъ достигать болѣе высокихъ и холодныхъ слоевъ атмосферы, пары будутъ сгущаться, освобождая скрытую теплоту и такимъ образомъ будутъ поддерживать разложеніе, а вмѣстѣ съ этимъ и восходящее теченіе воздуха.

Къ возмущенной такимъ образомъ области атмосферы устремляются съ разныхъ сторонъ сильныя воздушныя теченія, которыя и вызываютъ бурю. Буря продолжается до тѣхъ поръ, пока имѣется восходящее теченіе воздуха, насыщеннаго парами, и ея интенсивность будетъ измѣняться лишь по стольку, по скольку значительно будетъ сгущеніе паровъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы.

Разумѣется, гипотезы происхожденія движущей силы циклоновъ, такъ же, какъ и гипотезы происхожденія вѣтровъ, оставляютъ еще ши-

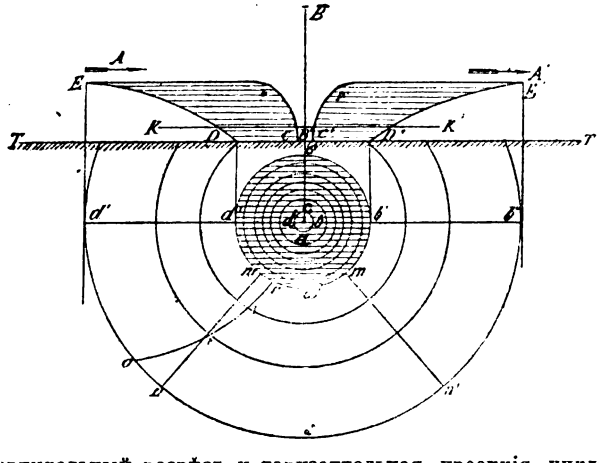

Рис. 21. Вертикальный разрѣзъ и горизонтальная проекція циклона по *Фаю*.

рокое поле для изслѣдователей и любознательныхъ умовъ. *Фай* (Faye) въ заключеніи своей брошюры «Бури», ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся этихъ явленій и тотъ, кто былъ бы въ состояніи разрѣшить вполнѣ, хотя бы одинъ изъ этихъ вопросовъ, приводимыхъ нами ниже, сдѣлалъ бы, безъ сомнѣнія, весьма крупный вкладъ въ метеорологію.

«Почему бури перемѣщаются? Почему ихъ перемѣщеніе длится цѣлыя недѣли, не задерживаемое и не замедляемое никакимъ препятствіемъ?»

Приблизительно въ этомъ именно и состоялъ вопросъ, на который пытался отвѣтить Эспи, но данное имъ рѣшеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться окончательнымъ.

Теперь, когда мы познакомились съ гипотезою происхожденія движущей силы циклоновъ, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію ихъ формъ.

Вотъ какъ французскій астрономъ и метеорологъ Фай объясняетъ происхожденіе формы циклоновъ. Прилагаемый чертежъ, демонстрирующій это объясненіе, заимствованъ нами изъ доклада, представленнаго Фаемъ Парижской академіи наукъ.

Вертикальный разрѣзъ.

T. T' Линія земной поверхности.

A. A'. Направленіе верхняго теченія, увлекающее за собою перистыя облака.

B. B' Ось циклопа.

DE. D'E'' Разрѣзъ устья циклона, имѣющаго форму усѣченнаго конуса.

C. F. C. F' Предѣлъ внутренняго пространства, куда не проникаютъ обороты спирали нисходящаго теченія циклона, увлекающаго за собою перистыя облака.

K.K' Уровень высоты высочайшихъ изъ нашихъ горъ.

Горизонтальная проэкція.

a.b.c.d. горизонтальное основаніе конуса внутренней области безвѣтрія.

$a'b'c'd'$ горизонтальная сторона циклона. Область бури.

$a''b''c''d''$ горизонтальная проэкція *EE'*.

$d''b''$ траекторія центральной части бури, параллельная направленію *AA'* верхняго теченія.

Пунктирные круги означаютъ изобары, т. е. линіи, соединяющія точки съ равнымъ атмосфернымъ давленіемъ.

Чертежъ вполнѣ даетъ объясненіе бури съ помощью разрѣза и проэкціи. Само собою разумѣется, что подобная правильность явленія встрѣчается крайне рѣдко.

«Нашъ чертежъ, говоритъ Фай, соотвѣтствуетъ такому случаю, когда вся область находилась въ состояніи равновѣсія въ моментъ, какъ началась буря; здѣсь изобары представляютъ собою концетрическіе круги, которые сначала, начиная отъ внѣшняго круга, отстоятъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, а затѣмъ сближаются, начиная отъ круга $a'b'c'd'$, внутри котораго уменьшеніе давленія наиболѣе значительно.

Уменьшеніе давленія неизмѣнно слѣдуетъ тотчасъ же за появленіемъ въ данномъ мѣстѣ бури и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею; оно зависитъ отъ ряда расположенныхъ одинъ надъ другимъ и выше круга $a''b''c''d''$ круговыхъ теченій, которые видоизмѣняютъ вертикальную передачу давленій верхнихъ слоевъ атмосферы.

На этой части чертежа мы различаемъ три области.

1) — *a.b.c.d.* область центральнаго безвѣтрія, вокругъ которой происходятъ, не вдаваясь въ нее, вихреобразныя теченія циклона.

2) Кольцо, заключенное между *abcd* и предѣльной линіей циклона $a'b'c'd'$; здѣсь вѣтеръ имѣетъ круговое теченіе—безъ всякаго отношенія къ изобарамъ.

3) Кольцо, ограниченное съ одной стороны $a'b'c'd'$, съ другой $a''b''c''d''$. Оно находится совершенно внѣ движенія циклона. Единственное вліяніе, оказываемое на эту область бурею, состоитъ въ уменьшеніи давленія, крайніе изобары котораго свидѣтельствуютъ о томъ, что широкое отверстіе воронки (устье) циклона простирается надъ этою областью. Если, несмотря на незначительную продолжительность такихъ колебаній давленія въ этомъ послѣднемъ кольцеобразномъ пространствѣ, воздухъ все же придетъ въ движеніе отъ одной изобары къ другой, то это движеніе будетъ скорѣе результатомъ статическаго уменьшенія

давленія, то-есть, получитъ центробѣжное направленіе, измѣненное вліяніемъ вращенія земли. Стрѣлки $opqr$ показываютъ траекторію движущейся вслѣдствіе этого частицы. Этотъ вѣтеръ не можетъ проникнуть въ область бури, т. е. внутрь круга $a'b'c'd'$.

Но бури, проносящіяся съ такою быстротою надъ земною поверхностью и охватывающія огромныя пространства, встрѣчаютъ большею частью иное состояніе атмосферы: то болѣе или менѣе правильные вѣтры, чередующіеся съ полосами безвѣтрія, то вѣтры господствующіе на всемъ протяженіи.

Разсмотримъ сначала послѣдній случай, напр., такой, когда буря встрѣчаетъ муссоны или пассаты. Пассаты, прерванные въ предѣлахъ круга $a'b'c'd'$, продолжатъ внѣ этого круга свое обычное теченіе; единственное измѣненіе въ ихъ изобарахъ, слишкомъ характерныхъ для того, чтобы сдѣлаться круговыми, будетъ зависѣть только отъ уменьшенія давленія на нѣсколько миллиметровъ въ области, заключающейся между кругами $a''b''c''d''$ и $a'b'c'd'$. Въ результатѣ получится увеличеніе интенсивности верхняго пассата въ одной области и уклоненіе въ сторону въ другой. Такія явленія хорошо извѣстны мореплавателямъ Индійскаго океана. Часто случается наблюдать, что вблизи циклона пассатный вѣтеръ начинаетъ внезапно дуть съ силою бури. Это показываетъ, что миновали ту область, о которой мы только что сказали, гдѣ пассаты дуютъ, на просторѣ, такъ сказать, у себя дома, и вступили въ кругъ $a'b'c'd'$ въ область, гдѣ теченія циклона, приблизительно, совпадаютъ съ направленіемъ пассатнаго вѣтра.

Разсмотримъ теперь случай, когда явленіе происходитъ въ умѣренномъ поясѣ, не принимая при этомъ въ разсчетъ прогрессивныхъ измѣненій циклона. Здѣсь вѣтры зависятъ главнымъ образомъ отъ нагрѣванія почвы; они не могутъ быть одинаковыми на сѣверѣ и югѣ ихъ центральной траекторіи. Изобары, соотвѣтствующія внутреннему состоянію атмосферы, будутъ, стало быть, измѣнены при появленіи бури. Во внѣшней области, начиная отъ круга $a'b'c'd'$ произойдетъ, какъ это было и въ предъидущемъ случаѣ, центростремительное теченіе, болѣе сильное вблизи этого круга, вслѣдствіе чего изобары примутъ форму замкнутыхъ круговъ. Но, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ вторичнымъ, которое исчезаетъ въ области самой бури, гдѣ вѣтры имѣютъ совершенно круговое теченіе, исключая неправильностей, свойственныхъ самому циклону.

Я счелъ нужнымъ разсмотрѣть подробно этотъ вопросъ, такъ какъ онъ будетъ имѣть большое значеніе въ будущемъ, когда постараются извлечь всю пользу, которую могутъ принести горныя обсерваторіи, а для этого необходимо вносить въ синоптическія таблицы всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ вышеприведенный чертежъ, а именно:

1) Точно опредѣлить въ данный моментъ центръ.

2) Начертить точную траекторію.

3) Опредѣлить, насколько возможно, предѣлы $a'b'c'd'$.

Слѣдуетъ оставить въ сторонѣ кольцеобразное пространство, о которомъ только что говорилось выше, и принимать во вниманіе только стрѣлки, указывающія направленіе вѣтра въ области бури, т. е. внутри круга $a'b'c'd'$.

Легче всего опредѣлить центръ слѣдующими способами:

1) Посредствомъ центральной области безвѣтрія, когда послѣднее могло быть наблюдаемо.

2) Съ помощью направленія вѣтра исключительно внутри круга $a'b'c'd'$.

3) Посредствомъ изобаръ въ томъ же кругѣ.

Таковы главныя явленія, совершающіяся въ области бури и объясненіе ихъ Фаемъ.

Очень простой чертежъ укажетъ намъ линію вѣтра среди урагана по отношенію къ (его) центру. Это направленіе мы можемъ опредѣлить, пользуясь правиломъ, установленнымъ *Бюи-Балло* (Buys-Ballot). «Повернитесь спиною къ вѣтру,—говоритъ онъ,—уровень барометра будетъ ниже по лѣвую отъ васъ сторону, чѣмъ по правую».

Для южнаго полушарія выраженія лѣвый и правый замѣняются обратными. Вторая правильность можетъ быть выражена такимъ образомъ: въ циклонѣ вѣтеръ имѣетъ круговое теченіе въ сторону, противоположную вращенію часовой стрѣлки.

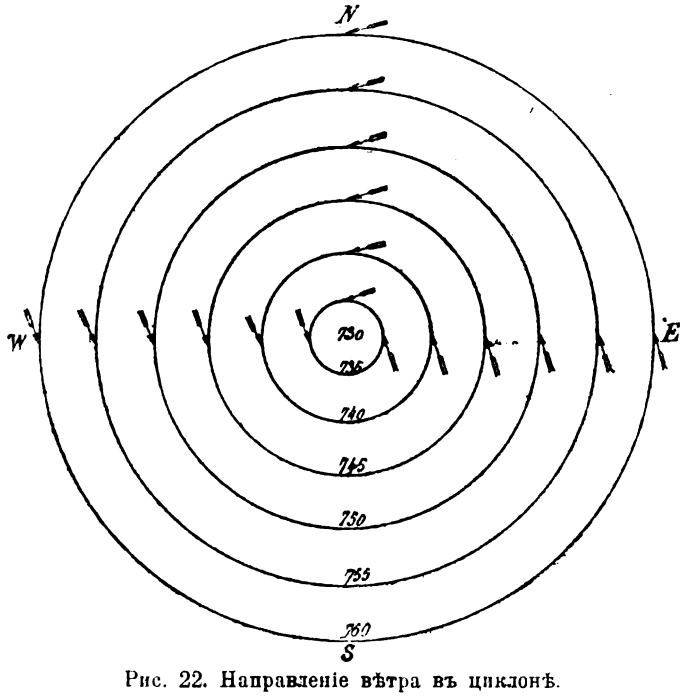

Рис. 22. Направленіе вѣтра въ циклонѣ.

На черт. 22 мы видимъ, что вѣтеръ не слѣдутъ точно линіямъ одинаковыхъ давленій, но дѣлаетъ съ ними очень замѣтный уголъ. Такимъ образомъ, въ пунктахъ минимальнаго давленія въ опасномъ полукругѣ вѣтеръ долженъ дуть въ нашемъ полушаріи какъ разъ съ запада. Дѣйствительно, онъ колеблется въ этихъ пунктахъ между югомъ и западомъ. Наоборотъ для сѣверной части циклона вѣтеръ при минимальномъ давленіи долженъ дуть съ востока, если бы онъ слѣдовалъ точно изобарамъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ дуетъ съ сѣверо востока. Какъ мы видѣли выше, Фай даетъ объясненіе и этому явленію.

Изъ чертежа видно, почему господствующее направленіе вѣтра въ Парижѣ—юго-западное. Парижъ находится почти всегда въ южной части бурь и циклоновъ, достигающихъ обыкновенно Ирландіи. Во

время лѣта сильныя грозы разражаются въ опасномъ полукругѣ и сопровождаютъ паденія барометра.

Предсказаніе бурь незадолго до ихъ появленія составляетъ одинъ изъ вопросовъ, въ ближайшемъ разрѣшеніи котораго, по мѣрѣ того, какъ наука объ атмосферѣ совершенствуется, нельзя уже сомнѣваться, и мы намѣрены показать, на основаніи какихъ признаковъ, служащихъ предвѣстниками и доступныхъ наблюденію каждаго, можно предвидѣть заранѣе появленіе циклоновъ. Но предварительно мы должны сказать, что циклономъ, вообще, называется всякая буря, при которой происходитъ вращательное движеніе воздуха.

Въ такого рода явленіяхъ внимательное изученіе облаковъ въ высшей степени полезно; но если къ этому присоединить наблюденія за колебаніями барометра и вѣтра, то предсказаніе можетъ достигнуть высокой доли вѣроятности. Мы остановимся главнымъ образомъ на перистыхъ облакахъ Эти облака извѣстны всякому или, по крайней мѣрѣ, всякій узнаетъ ихъ по ихъ нитевидному строенію, по ихъ незначительной видимой скорости и по цвѣту, бѣлому днемъ, красному во время заката и восхода солнца. Другія облака менѣе полезны въ данномъ случаѣ и требуютъ болѣе глубокаго знакомства съ облаками вообще.

Могутъ представиться два случая: скверная погода или, наоборотъ, прекрасная. Среднее состояніе погоды—ни дурное, ни хорошее, бываетъ рѣже и можетъ быть предъугадано путемъ сопоставленія признаковъ, предшествующихъ двумъ другимъ состояніямъ атмосферы. Мы начнемъ съ предположенія такого состоянія погоды, которое было во время циклона, свирѣпствовавшаго во Франціи съ января мѣсяца по мартъ 1893 года. Въ такихъ условіяхъ появленіе перистыхъ облаковъ почти всегда сопровождается бурями. Такъ было, напр., 6—15—28 января, 15—19 февраля, 1 марта. Обратное явленіе происходитъ, когда установится постоянная погода. Такъ было 4—17—25—27—30 марта, 1—8—10—17—20—28 апрѣля, 1 мая 1893 г. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ марта до конца апрѣля въ Парижѣ небо было все время великолѣпное и стояла сильная засуха. Мы видимъ, что наше положеніе часто оказывается правильнымъ. Отсюда можно вывести двѣ законности или, точнѣе, двѣ вѣроятности:

1) Во время господства циклона, появленіе перистыхъ облаковъ предвѣщаетъ почти всегда наступленіе дурной погоды.

2) Въ періодъ, когда нѣтъ циклона, появленіе перистыхъ облаковъ почти никогда не предвѣщаетъ дурной погоды.

Вѣроятность этихъ положеній равна $^{8}/_{10}$ согласно моимъ наблюденіямъ, т. е. изъ 10 случаевъ въ восьми они оказались точными.

Такимъ образомъ, появленіе перистыхъ облаковъ не всегда сопровождается дурною погодою и вѣроятность въ тѣхъ случаяхъ, когда неизвѣстно, нарушено или нѣтъ состояніе атмосферы, равняется только $^{6}/_{10}$.

Слѣдовательно, путемъ простого наблюденія за перистыми облаками можно предсказать появленіе циклоновъ съ успѣхомъ, нѣсколько бо́льшимъ средняго. Дальше мы увидимъ, что путемъ сопоставленій двухъ другихъ предшествующихъ признаковъ (барометръ и вѣтеръ) можно достигнуть очень значительной вѣроятности. Начнемъ съ барометра.

Какъ и для наблюденія перистыхъ облаковъ, мы предполагаемъ два случая: хорошую и дурную погоду, иначе говоря: циклоническое и антициклоническое состояніе атмосферы.

Такъ, если въ то время, какъ стоитъ дурная погода, барометръ, послѣ незначительнаго поднятія, начинаетъ медленно и правильно па-

дать, то можно съ большою вѣроятностью предвидѣть не только наступленіе бури, но и установленія цѣлаго ряда дней дурной погоды. Дѣйствительно, прежде всего должно послѣдовать два или три слѣдующихъ другъ за другомъ циклоновъ, затѣмъ слѣдуетъ новое поднятіе барометра, почти всегда сопровождающееся дождемъ. Это послѣднее обстоятельство вводитъ многихъ въ заблужденіе и заставляетъ говорить, что въ показаніяхъ барометра нѣтъ ничего точнаго. Такое же явленіе происходитъ во время грозъ, какъ мы-то увидимъ, когда займемся этими явленіями. Послѣ цѣлаго ряда колебаній барометръ устанавливается, наконецъ, на хорошей погодѣ и держится въ теченіе нѣсколькихъ дней очень высоко, съ замѣтной тенденціей къ повышенію. Затѣмъ онъ стоитъ на одномъ уровнѣ, достигнувъ въ это время своего максимума. Погода, сопровождающая его колебанія—теплая лѣтомъ и холодная зимой. Состояніе атмосферы—антициклоническое; тѣмъ не менѣе, бури, которыя были отброшены къ сѣверу, теперь начинаютъ дѣйствовать болѣе замѣтно, но, по мѣрѣ того, какъ антициклонъ оттѣсненъ къ востоку. Когда барометръ приблизится къ нормальному уровню, онъ часто внезапно понижается. Это значитъ, что одинъ изъ тѣхъ циклоновъ, которые постоянно оказывали на него свое дѣйствіе и которые были отодвинуты къ сѣверу, проникъ во внутреннюю область антициклона и на этотъ разъ пройдетъ чрезъ нее. По какой-то необычайной странности атмосферныхъ явленій, эта первая буря бываетъ наиболѣе сильна и достигаетъ обыкновенно предѣловъ Франціи.

Какъ и изъ наблюденій надъ перистыми облаками, мы можемъ вывести два заключенія и изъ барометрическихъ наблюденій.

1) Если барометръ, по минованіи циклона, достигаетъ правильно почти нормальной высоты, а затѣмъ быстро поднимается еще выше, то можно ожидать наступленія хорошей погоды.

2) Если послѣ періода спокойнаго состоянія атмосферы (антициклоническое состояніе) барометръ падаетъ сначала правильно, а затѣмъ, начиная, приблизительно, съ нормальнаго уровня, ускоряетъ свое паденіе, то это предвѣщаетъ дурную погоду.

Удачность предсказаній, если такъ можно выразиться, одинакова для обоихъ состояній атмосферы и въ значительной степени зависитъ отъ навыка въ барометрическихъ наблюденіяхъ. Удачныя предсказанія составляютъ отъ 6 до 7 десятыхъ и скорѣе 7, чѣмъ шесть, при нѣкоторой практикѣ.

Третье предзнаменованіе извѣстно всѣмъ, безъ исключенія—это вѣтеръ. Во всѣ времена вѣтеръ вмѣстѣ съ облаками былъ предсказателемъ погоды для матросовъ и земледѣльцевъ. Правило, которымъ они руководствуются, чтобы угадывать съ помощью вѣтра погоду, совершенно почти сходно съ тѣмъ, которымъ пользуются и теперь метеорологи. Въ самомъ дѣлѣ, когда вѣтеръ измѣняетъ свое направленіе по ходу солнца, то они говорятъ, что скоро наступитъ дурная погода. То же самое правило, иначе формулированное, встрѣчается во многихъ современныхъ намъ сочиненіяхъ по метеорологіи:

1) Когда вѣтеръ поворачиваетъ съ сѣверо востока на югъ (вмѣстѣ съ солнцемъ)—почти навѣрное будетъ дурная погода.

2) Когда, напротивъ, вѣтеръ поворачиваетъ съ юго-запада на сѣверъ (обратно ходу солнца), то вѣроятно настанетъ хорошая погода.

Съ помощью этихъ только что описанныхъ нами предвѣстниковъ погоды ея предсказаніе получаетъ значительную степень вѣроятности. Дѣйствительно, когда совпадаютъ всѣ три предзнаменованія, т. е. когда,

напр., въ одно и то же время появляются перистыя облака, барометръ падаетъ и вѣтеръ поворачиваетъ съ сѣвера на югъ, можно смѣло предсказать дурную погоду, причемъ ошибка возможна только въ одномъ противъ девяти удачныхъ случаевъ.

Но не всегда всѣ эти предвѣстники погоды совпадаютъ, что довольно часто сбиваетъ наблюдателя съ толку. Случается, иногда, что буря уже наступила, а вѣтеръ продолжаетъ еще дуть съ юго-востока или даже съ востока. Это не должно удивлять насъ, такъ какъ пертурбаціи такого рода зависятъ только отъ мѣстныхъ условій. Бываютъ, однако, и исключенія, и случалось, что буря приходила съ сѣверо-востока. Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки и не уничтожаютъ никоимъ образомъ того, что мы сказали выше.

Слѣдовательно, бури могутъ быть предсказаны съ большею степенью вѣроятности, если извѣстны предшествующія ей метеорологическія явленія.

Но эти предсказанія, конечно, незадолго до наступленія предсказываемаго явленія, достигли бы почти совершенной точности. если бы удалось разрѣшить слѣдующіе вопросы, составляющіе продолженіе тѣхъ, которые приведены нами выше.

1) Почему направленіе и изгибы огромныхъ траекторій бурь въ каждомъ полушаріи находятся въ связи съ вращеніемъ нашей планеты?

2) Почему направленіе ихъ хода совершается по заранѣе опредѣленной траекторіи, такъ что онѣ проносятся напримѣръ, съ величайшей быстротою надъ сѣверной Америкой и Атлантическимъ океаномъ и никогда не слѣдуютъ обратному направленію отъ Европы къ Америкѣ?

3) Почему таже самая буря, которая двигалась къ западу и къ сѣверу въ тропическихъ странахъ, принимаетъ направленіе къ сѣверу и востоку въ странахъ умѣренныхъ?

4) Почему существуетъ область безвѣтрія въ области каждой бури?

5) Почему буря внезапно утихаетъ на границѣ такой области безвѣтрія?

6) Почему эта область безвѣтрія проясняетъ часть неба посреди облаковъ, нагнанныхъ бурею?

7) Почему воздухъ здѣсь теплѣе и суше, чѣмъ въ остальной части области бури и почему въ этомъ отношеніи переходъ такъ же рѣзокъ, какъ и по отношенію къ движенію?

8) Паденіе атмосфернаго давленія, сопровождающее бурю, указываетъ ли только на мѣстное разрѣженіе воздуха или зависитъ, отъ самаго способа передачи давленія въ средѣ, надъ которой вверху проносятся огромныя круговыя теченія?

Теперь, когда мы разсмотрѣли причины образованія циклоновъ и вопросы, остающіеся еще неразрѣшимыми, мы приведемъ нѣсколько недавнихъ случаевъ, которые показываютъ, какой огромной силы могутъ достигнуть эти явленія.

18 августа 1891 г. Мартиника была опустошена ураганомъ, разразившимся съ необыкновенною силою. Слѣдующія подробности заимствованы нами у корреспондентовъ «Природы»—журнала, издаваемаго въ этой колоніи.

Молніи въ видѣ огненныхъ шаровъ появлялись до того часто, что деревенскіе жители, вынужденные въ самый разгаръ урагана спасаться бѣгствомъ изъ своихъ опрокинутыхъ жилищъ, разсказываютъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, объ этихъ огненныхъ шарахъ,

которые съ трескомъ неслись въ теченіе нѣсколькихъ минутъ по воздуху и разрывались на разстояніи, приблизительно, 1/2 метра надъ поверхностью почвы.

Борда сообщаетъ грустныя подробности этой ужасной катастрофы. Во вторникъ, 18-го августа, послѣ дождливаго дня, барометръ сталъ падать съ угрожающею стремительностью, а въ восемь часовъ вечера разразился ураганъ и въ нѣсколько минутъ превратилъ роскошную мѣстность въ груды развалинъ.

«Вѣтеръ поочередно переносился съ сѣверо-востока къ югу и не оставилъ въ своемъ передвиженіи буквально ни одной пяди нетронутой. Фортъ-де-Франсъ (Fort de France), только что начинавшій вновь возникать изъ развалинъ, снова приведенъ въ то же состояніе, какъ и на другой день пожара. Санъ-Пьеръ опустошенъ, отъ Морнъ Ружа, большого Морна, Роберта, Франсуа, Воклена, Ламентина и отъ всѣхъ цвѣтущихъ пригородныхъ мѣстечекъ остались одни только названія. Тринитэ, Сантъ-Мари, Мариго, Бассъ-Пуантъ и почти всѣ остальныя общины острова потеряли одни треть, другіе половину своихъ построекъ. Всѣ безъ исключенія, поля уничтожены. Не осталось ни жилищъ, ни посѣвовъ: въ этой странѣ, до сихъ поръ покрытой вѣчно-зеленѣющею растительностью, теперь чувствуешь себя какъ бы въ разгаръ самой суровой изъ нашихъ зимъ. Деревья, обнаженныя отъ листьевъ, растерзанныя ураганомъ, повалены на землю или сломаны. Тѣ изъ нихъ, которыя устояли противъ бури, представляютъ собою мертвые, засохшіе стволы, лишенные вѣтвей. Иностранныя суда, стоявшія на рейдѣ, многочисленныя прибрежныя суда, служившія для разныхъ нуждъ острова, пассажирскіе пароходы—всѣ погибли въ морѣ или были выброшены на берегъ. Мертвыхъ считаютъ сотнями на самомъ островѣ и множество раненыхъ, не говоря уже о морякахъ, объ участи которыхъ мы никогда не будемъ имѣть вполнѣ точныхъ свѣдѣній. Не проходитъ ни одного дня, чтобы на берегъ не выбросило чьего-нибудь тѣла. Какая чудодѣйственная сила жизни потребуется, чтобы наша несчастная колонія могла оправиться отъ такого ужаснаго бѣдствія. Насколько была велика сила вѣтра во время этой бури, можно судить изъ того факта, что цѣлый поѣздъ фургоновъ былъ приведенъ имъ въ движеніе, поднялся *вверхъ* по наклонной плоскости на разстояніе нѣсколькихъ сотъ метровъ и въ концѣ концовъ сошелъ съ рельсовъ».

По этимъ разсказамъ можно составить понятіе о размѣрахъ катастрофы: 420 погибшихъ, 1.200 раненныхъ и 50 милліоновъ убытка—таковъ итогъ этого бѣдственнаго дня — 18 августа 1891 г., который знакомитъ насъ съ бурями, свирѣпствующими по ту сторону океана.

Въ нашихъ странахъ бури, хотя и не достигаютъ такихъ ужасныхъ размѣровъ, часто однако обнаруживаютъ не совсѣмъ обычную силу. Если сила ихъ и не такъ огромна, какъ на Антильскихъ островахъ или въ Индійскомъ океанѣ, гдѣ циклоны носятъ названіе *тифоновъ*, за то они находятъ для себя гораздо больше пищи, такъ какъ во Франціи, Англіи и Испаніи, конечно, несравненно больше жителей и, слѣдовательно, домовъ, монументовъ и всякаго рода построекъ, чѣмъ на Антильскихъ островахъ или въ южной Америкѣ. Мы не можемъ описать всѣхъ бурь, опустошавшихъ наши страны, и возмемъ, какъ типъ, бурю, разразившуюся въ декабрѣ 1894 г.

Циклонъ этотъ замѣчателенъ не столько чрезвычайнымъ паденіемъ барометра, сколько силою вѣтра. Въ теченіе одного дня вѣтеръ не-

обыкновенно рѣзко увеличивалъ свою быстроту: съ 12 миль въ часъ онъ достигъ 27, 39, 45 и, наконецъ, 49 миль. Въ субботу барометрическій минимумъ достигъ въ Глазговѣ 722 мм. Буря направлялась къ сѣверной части Шотландіи. На своемъ пути она причинила страшныя бѣдствія. Вѣтеръ опрокинулъ скорый поѣздъ. Многочисленныя суда и множество рыбачьихъ барокъ, число которыхъ нельзя было даже опредѣлить, исчезли безслѣдно. Въ Локвинохѣ (Lochwinoch) обрушился заводъ, причинивъ смерть четыремъ рабочимъ и ранивъ 15. Дороги преграждены опрокинутыми деревьями. На берегъ выброшено множество судовъ; произошли многочисленныя наводненія. Если возможно было бы сдѣлать точную перепись за этотъ несчастный день, то насчитали бы, по крайней мѣрѣ, 400 или 500 человѣческихъ жертвъ и

Рис. 23. Буря.

болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ убытка отъ разныхъ поврежденій. Только среди изумительно кипучей дѣятельности въ Англіи — странѣ наиболѣе пострадавшей отъ этой бури, можетъ случиться, что такимъ страшнымъ бѣдствіемъ ежедневныя газеты едва посвящаютъ нѣсколько строчекъ и у большинства остается отъ нихъ гораздо меньше въ памяти, чѣмъ отъ обыкновеннаго случая самоубійства.

Мы не можемъ долѣе останавливаться на описаніи подобныхъ бурь и только для свѣдѣнія сообщимъ нѣсколько хронологическихъ данныхъ, касающихся нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ циклоновъ.

2-го августа 1835 года въ Сантъ-Томасѣ барометръ упалъ до 712 мм. Опустошенія были огромны. Но самая ужасная изъ всѣхъ бурь, сохранившая до сихъ поръ названіе «большого урагана», разразилась 10 октября 1780 года, соединивъ въ себѣ всѣ ужасы подоб-

ныхъ явленій. Барбады стерты совершенно съ лица земли, англійскій флотъ, находившійся въ гавани предъ Сантъ-Люси, исчезъ безслѣдно, согласно подлинному выраженію правителя Мартиники. 9.000 человѣкъ погибло въ Мартиникѣ, 1.000 въ Сантъ-Пьерѣ. 600 въ Портъ-Роялѣ, 10.000 въ Сантъ-Люси и т. д. Ничто не можетъ дать представленія о силѣ этого знаменитаго урагана, опустошенія и число жертвъ котораго не были и, конечно. никогда не будутъ приведены въ извѣстность.

«Циклонъ Амазонки», во время котораго уровень барометра упалъ до 698 миллиметровъ, прошелъ 10 октября 1871 года и носитъ такое названіе, потому что во время его потерпѣло кораблекрушеніе судно «Амазонка». Тифоны, свирѣпствующіе въ Индіи, отличаются, пожалуй, еще большею опустошительною силою. Такъ, въ 1876 году буря была до того ужасна, что море устремилось внутрь страны на 16 километровъ отъ береговъ и повлекло гибель 250.000 человѣкъ. Это было едва ли не величайшее изъ бѣдствій, посылаемыхъ намъ атмосферными явленіями. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ статистическимъ бюро «Veritas», ежегодно терпитъ кораблекрушеніе 1.600 парусныхъ судовъ и 30 пароходовъ, при чемъ погибаетъ около 50.000 человѣкъ. Но довольно этихъ печальныхъ примѣровъ; приведемъ въ заключеніе этого очерка циклоновъ таблицу наиболѣе низкихъ изъ наблюдавшихся во время этихъ явленій атмосферныхъ давленій.

Таблица минимальныхъ давленій.

О-въ св. Ѳомы	7 авг.	1837 г.	712 миллим.
26°15 сѣв. 68° запада . . .	10 окт.	1871 »	698 »
Ирландія		1824 »	692 »
Stonyhurst.	16 окт.	1886 »	696 »
Aberdeen	21 »	1814 »	719 »
Mullagahmore	9 дек.	1886 »	705 »

Минимумъ давленія въ 692 милл. представляетъ необычайное явленіе. Это равняется уменьшенію давленія атмосферы почти на одну седьмую, такой разрѣженный воздухъ можно встрѣтить только на высотѣ, приблизительно, 800 метровъ надъ уровнемъ моря. Если сопоставить съ этимъ случай, наблюдавшійся въ 1843 г. въ Сибири, когда барометръ достигъ высоты 807 миллим., то разница между этими двумя крайними барометрическими уровнями составитъ 115 милл.

Но за исключеніемъ такихъ чудовищныхъ колебаній атмосфернаго давленія, къ счастью крайне рѣдкихъ, барометръ обыкновенно не обнаруживаетъ сильнаго безпокойства и среднее давленіе могло быть получено изъ наблюденій во многихъ мѣстностяхъ земного шара. Атмосферное давленіе нѣсколько больше въ экваторіальной, чѣмъ полярной областяхъ. Барометръ достигаетъ почти 767 милл. около 35° сѣверн. шир. и только 753 милл. вблизи полярнаго круга въ широтѣ 65°. Во Франціи, на уровнѣ моря высота барометрическаго столба равна, приблизительно, 762 милл., но по мѣрѣ поднятія надъ уровнемъ моря давленіе быстро уменьшается. Для незначительныхъ высотъ давленіе уменьшается на 1 мм. при поднятіи 10 метровъ, но, начиная съ извѣстной высоты пониженіе давленія происходитъ значительно медленнѣе; если бы оно совершалось постоянно въ такой же пропорціи, атмосфера имѣла бы только 760×10 или 7.600 метровъ высоты. Формула, кото-

рой пользуются для вычисленія, на основаніи указаній барометра высоты какой-либо мѣстности надъ уровнемъ моря, очень сложна, чтобы мы могли входить въ ея разборъ въ настоящемъ трудѣ.

Во всѣхъ странахъ, особенно экваторіальныхъ, барометръ дѣлаетъ въ теченіе дня слабыя колебанія, кривую которыхъ мы приводимъ ниже на основаніи данныхъ Монтсурійскаго ежегодника. Мы замѣчаемъ два максимума въ теченіе сутокъ и, что любопытно, они появляются оба въ десять часовъ, одинъ—вечера, другой—утра и относительно равны (755,66 и 755,40). Барометръ находился на высотѣ

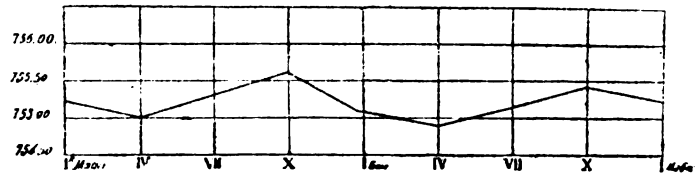

Рис. 24. Суточныя измѣненія барометра въ Парижѣ.

78 метровъ надъ уровнемъ моря, чѣмъ и объясняется разница между нимъ и среднимъ давленіемъ, равнымъ, какъ мы сказали выше, приблизительно, 762 миллиметрамъ.

При изученіи этой кривой, представляющей большой интересъ, мы замѣчаемъ, сверхъ того, что минимумы появляются въ 12-часовые промежутки (4 часа утра и 4 часа вечера), а промежутокъ между максимумомъ (155,01) и минимумомъ (754,88) равны 6 часами. Разница между двумя крайними равна, стало быть, 755,66 м.—754,88 = 0,88.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ нибудь правильнымъ явленіемъ, въ родѣ атмосферныхъ прилива и отлива.

Флогергъ (Flauguergues) и *Говардъ* пытались опредѣлить, какое вліяніе имѣетъ луна на барометрическое давленіе. Они производили свои наблюденія совершенно отдѣльно другъ отъ друга и, однако, пришли къ весьма близкимъ выводамъ. Средній минимумъ — 13 милл. ниже нормальной баром. высоты замѣчается между первою четвертью и полнолуніемъ, средній максимумъ—7 милл. ниже нормальнаго уровня—между послѣдней четвертью и новолуніемъ.

Но пора перейти ко второму предмету настоящей главы—грозамъ.

Грозовыя бури составляютъ чисто мѣстныя явленія, которыя совершаются на незначительномъ пространствѣ, но съ большою интенсивностью и сопровождаются электрическими явленіями. Мы займемся нѣсколько позже ролью электричества, съ сѣвернымъ сіяніемъ и другими явленіями этого рода. Грозовыя бури происходятъ вслѣдствіе внезапнаго уменьшенія давленія, вслѣдствіе быстраго измѣненія температуры или, наконецъ, вслѣдствіе встрѣчи двухъ воздушныхъ теченій. Но сильныя грозы почти всегда появляются при низкомъ уровнѣ барометра и, въ этомъ случаѣ, составляютъ какъ бы добавочное явленіе къ циклонамъ.

Грозовыя бури, какъ всѣмъ извѣстно, появляются въ нашихъ странахъ въ лѣтнее время года и во всѣхъ остальныхъ областяхъ земного шара—въ теченіе теплаго времени года. По послѣднимъ спискамъ грозовыхъ дней въ южномъ полушаріи, Ява больше всего подвержена грозамъ.

Сѣверная граница пояса грозъ проходитъ черезъ мысъ Оглы, Исландію, Новую Зеландію и берега Сибири.

Грозовыя бури различаются, повидимому, въ одной и той же странѣ, какъ по ихъ числу, такъ и по интенсивности, смотря по тому, каковъ родъ почвы, надъ которой они образуются. *Араго* даетъ намъ нѣкоторыя указанія, касающіяся даннаго предмета. Онъ отмѣтилъ тотъ любопытный фактъ, что, чѣмъ больше въ мѣстности металлоносныхъ рудъ, тѣмъ менѣе въ ней бываетъ грозъ.

На первый взглядъ это кажется необычайнымъ, но природа такъ причудлива, что не слѣдуетъ слишкомъ удивляться кажущейся аномаліи *).

Грозовыми бурями иногда, и совершенно неправильно, называютъ ливни съ градомъ и снѣгомъ, бывающіе весною. За ними должно оставить свойственное имъ названіе,—ливень безъ электрическихъ явленій не есть грозовая буря. Также какъ и бури, приближеніе грозы можетъ быть напередъ возвѣщено на основаніи наблюденія нѣкоторыхъ предшествующихъ явленій, между которыми самое большое значеніе представляютъ облака, слабыя колебанія барометра и особое состояніе атмосферы. Въ то же время у человѣка и особенно у животныхъ пробуждается особый инстинктъ: они предчувствуютъ наступленіе какого-то необычнаго явленія. Вѣроятно, возбуждающее вліяніе оказываетъ здѣсь увеличеніе напряженія атмосфернаго электричества. Дѣйствительно, ни влажность воздуха, ни паденіе атмосфернаго давленія не вліяютъ, очевидно, такимъ образомъ на нервную систему людей и животныхъ, такъ какъ измѣненія этого рода выражены гораздо рѣзче предъ появленіемъ циклоновъ. Только болѣе высокая температура можетъ оказать такое же вліяніе на нервную систему человѣка и животныхъ.

Немедленно послѣ первыхъ капель дождя чувствуется легче, но что причиняетъ обыкновенно особое, даже болѣзненное ощущеніе, такъ это первая сверкнувшая молнія.

Кого не приводили въ изумленіе внезапность и сила грозъ и чрезвычайныя опустошенія, которыя онѣ способны производить? Нерѣдко и грозы до такой степени опустошаютъ поля и срываютъ листья съ деревьевъ, что придаютъ мѣстности совершенно зимній видъ. Но различіе между циклонами и грозами состоитъ главнымъ образомъ, въ неодинаковой продолжительности и размѣрахъ сферы дѣйствія обоихъ явленій.

Въ самомъ дѣлѣ, первыя простираются на многія тысячи километровъ, вторыя же обнаруживаютъ свое дѣйствіе не далѣе, какъ на нѣсколько сотъ километровъ въ окружности.

Продолжительность этихъ явленій прямо пропорціональна кругу ихъ дѣйствія, и въ то время, какъ циклоны свирѣпствуютъ отъ 3 до 15 дней, грозы продолжаются въ среднемъ не болѣе 6—7 часовъ.

Наступленіе грозы можетъ быть возвѣщено заранѣе и съ гораздо большею точностью, чѣмъ приближеніе циклона, но предшествующія грозамъ явленія можно наблюдать только за нѣсколько часовъ до нихъ.

Паденіе барометра, какъ и предъ появленіемъ урагана, незначительно и, обыкновенно, ровно всего нѣсколькимъ миллиметрамъ. Однако,

*) Причина этого явленія заключается, можетъ быть, въ томъ, что атмосфера легче можетъ освобождаться отъ избытка своего электричества тамъ, гдѣ металлоносныя руды встрѣчаются въ большомъ количествѣ.

тайцевъ они пользуются также золотомъ, какъ монетной единицей, взвѣшивая его на небольшихъ вѣсахъ съ помощью зеренъ риса. Впрочемъ, вслѣдствіе оживленной торговли съ иностранцами къ малайцамъ стали проникать и настоящія деньги—китайскія и испанскія. Самостоятельно туземцы не чеканятъ монетъ; только одинъ король Атчикъ въ прошломъ вѣкѣ велѣлъ вычеканить изъ олова, чаще всѣхъ металловъ встрѣчающагося на Малайскихъ островахъ, монеты вѣсомъ по фунту и стоимостью въ три су, и, кромѣ того, маленькія монетки изъ золота и мѣди, но эти монеты были простымъ подражаніемъ иностраннымъ деньгамъ; на нихъ воспроизводились даже иностранныя надписи. На многихъ островахъ и до сихъ поръ употребленіе монеты совершенно неизвѣстно.

Въ сущности говоря, и торговля, и промышленность, и земледѣліе развились у малайцевъ, только благодаря вліянію Китая. Въ Батавіи, напримѣръ, всѣ мастерскія въ прошломъ вѣкѣ находились въ завѣдываніи китайцевъ. Развитію культуры нѣкоторыхъ растеній, напримѣръ, перца и кофе, способствовали, главнымъ образомъ, голландцы и англичане. Чтобы ввести тамъ культуру этихъ растеній, неизвѣстныхъ ранѣе малайцамъ, европейцы вступали въ соглашеніе съ начальниками отдѣльныхъ племенъ. Согласно условію, заключенному англійской Индостанской компаніей съ этими начальниками, каждое малайское семейство на Суматрѣ обязывалось развести у себя перечную плантацію не менѣе 1.000 кв. футовъ, а каждый одинокій малаецъ — плантацію не менѣе 500 футовъ. Плату за это они получали крайне ничтожную, каждое семейство могло заработать на перцѣ не болѣе восьми піастровъ въ годъ. Тотъ же самый пріемъ употребили голландцы на Целебесѣ для развитія кофейныхъ плантацій, и результатъ въ обоихъ случаяхъ получился одинаково удачный. Совершенно инымъ путемъ развилась склонность къ торговлѣ и промышленности у монгольскихъ племенъ Индо-Китая.

IV. Торговля въ Индо-Китаѣ.

Говоря о торговлѣ въ Индо-Китаѣ, нѣтъ надобности вдаваться въ большія подробности, такъ какъ всѣ маленькія индо-китайскія государства представляютъ собой точную копію великой Китайской имперіи, имѣющей надъ всѣми ими верховную власть. Впрочемъ, въ Бирманѣ индійская цивилизація вела упорную борьбу съ китайской и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одержала побѣду; тамъ введены въ качествѣ законодательства законы Ману; религіознымъ языкомъ считается языкъ пали и въ письмѣ принятъ санскритскій алфавитъ.

Но единственнымъ типомъ политической организаціи во всѣхъ индо-китайскихъ государствахъ остается строго абсолютная, такъ называемая, азіатская, монархія. Произволъ государя замѣняетъ тамъ законъ

и по временамъ сильно тормазитъ развитіе промышленности и торговли. Въ Бирманѣ капитаны судовъ обязаны дѣлать прежде всего подарки королю и крупнымъ вельможамъ, а также и болѣе мелкимъ чиновникамъ. Кромѣ того, на всѣ товары наложена пошлина въ размѣрѣ 12% ихъ стоимости, 10% изъ этого идетъ государю и 2% чиновникамъ.

Въ Сіамѣ самъ король является главнымъ коммерсантомъ; онъ имѣетъ монополію почти на всѣ товары. Частные люди обязаны продавать ему сахаръ, перецъ, ладанъ и многое другое, и онъ уже самъ объявляетъ цѣны на эти товары. На остальные товары наложены тяжелыя пошлины. Таможенные чиновники слѣдятъ за всѣми прибывающими кораблями и такъ какъ государство забываетъ обыкновенно оплачивать своихъ служащихъ, то они стараются выручить себѣ содержаніе съ товаровъ, за которыми они обязаны слѣдить. Только корабли болѣе или менѣе знатныхъ особъ избавляются ими отъ всякаго досмотра.

Въ Индо-Китаѣ, какъ и въ Небесной имперіи, земледѣліе очень развито, особенно процвѣтаетъ тамъ обработка риса и садовая, и огородная культура; система искусственнаго орошенія принята тамъ почти повсемѣстно и даетъ блестящіе результаты.

Промышленность Индо-Китая тоже сильно напоминаетъ китайскую; она очень проста по своимъ пріемамъ, но требуетъ величайшаго терпѣнія въ исполненіи.

Въ Аннамѣ желѣзо цѣнится очень дешево, но приготовлять изъ него сталь почти не умѣютъ. Въ Сіамѣ, несмотря на почти полное отсутствіе самыхъ необходимыхъ орудій, ремесленники дѣлаютъ положительныя чудеса. Напримѣръ, имѣя въ своемъ распоряженіи только небольшую плавильную печь и мѣха, они выливаютъ мѣдныя статуи въ 50 футовъ вышины. Для этого всѣ рабочіе собираются вокругъ формы и плавятъ мѣдь каждый въ отдѣльномъ небольшомъ тигелѣ; когда она расплавится они выливаютъ одинъ тигель за другимъ въ общую форму.

И олово, и благородные металлы, и драгоцѣнные камни находятся въ большомъ изобиліи въ Индо-Китаѣ. Въ Сіамѣ король объявилъ себя собственникомъ всѣхъ самыхъ богатыхъ мѣсторожденій сапфира, рубина, граната, топаза и гіацинта; изъ нихъ малайскіе мастера дѣлаютъ разныя украшенія для его дворца. Такое богатство драгоцѣнныхъ камней развило у сіамцевъ положительную страсть къ нимъ; всѣ, кромѣ рабовъ, носятъ драгоцѣнныя украшенія, и иногда дѣти обвѣшаны разными золотыми вещами больше фунта вѣса.

Въ Сіамѣ, да и въ остальныхъ индо-китайскихъ государствахъ, внѣшняя торговля слабо развита и находится всецѣло въ рукахъ иностранцевъ: англичанъ, французовъ, арабовъ и, главное, китайцевъ. Сіамскіе законы запрещаютъ туземцамъ выѣзжать за предѣлы своего государства безъ разрѣшенія правительства. Внутренняя торговля, на-

оборотъ, очень оживлена. Всѣ рѣки и каналы въ Сіамѣ постоянно усѣяны судами, везущими разные товары въ столицу и изъ нея.

При обмѣнѣ употребляются разныя туземныя мѣры: локоть, палецъ, бамбукъ, равняющійся семи локтямъ, и т. п.

Денежные знаки носятъ такой же первобытный характеръ. До сихъ поръ еще въ Сіамѣ самой распространенной монетной единицей служатъ раковины *каурисъ*; 1.200 такихъ раковинъ стоятъ на европейскія деньги семь съ половиной су. Впрочемъ, есть тамъ и серебряная монета, въ видѣ небольшого шарика.

Въ Бирманѣ употребляютъ въ качествѣ денежнаго знака слитки олова, которые надо всякій разъ взвѣшивать, какъ въ Китаѣ взвѣшиваютъ золото и серебро. Вдали отъ городовъ торговля ведется обыкновенно путемъ непосредственнаго обмѣна.

Всѣ тѣ же обычаи мы найдемъ и въ Китаѣ. Также какъ и въ Индо-Китаѣ, кредиторъ имѣетъ право тамъ захватить за долгъ жену и дѣтей неисправнаго должника, и ихъ работа замѣняетъ проценты на ссуженную сумму.

V. Фазисы въ развитіи торговли и промышленности у народовъ, окружающихъ Китай.

Краткій очеркъ исторіи торговли и промышленности у кочующихъ монголовъ, малайцевъ и индо-китайцевъ показываетъ въ общихъ чертахъ, какимъ путемъ развивалась торговля у монголовъ вообще. Можно было бы проникнуть еще глубже въ эту исторію, перейдя отъ сѣверныхъ монголовъ къ эскимосамъ полярныхъ странъ, о которыхъ упоминалось въ началѣ этого сочиненія; по типу эскимосы очень близко подходятъ къ желтой расѣ.

Кочующіе монголы заняли бы тогда вторую ступень на лѣстницѣ соціальнаго развитія, такъ какъ они достигли уже нѣкотораго прогресса промышленности; конечно, она стоитъ у нихъ еще очень не высоко, но все же значительно выше промышленности эскимосовъ. Она имѣетъ даже нѣкоторыя характерныя черты, свойственныя, повидимому, только монголамъ; такъ, напримѣръ, они умѣютъ выдѣлывать войлокъ, т. е. обрабатывать тѣ звѣриныя шкуры, которыя эскимосы употребляютъ и для одежды, и для жилищъ, только въ необработанномъ видѣ. Ткать они еще не умѣютъ и получаютъ матеріи только путемъ обмѣна отъ другихъ народовъ. Они умѣютъ также самыми простѣйшими способами плавить желѣзную руду, но кузнечное ремесло у нихъ еще въ зачаточномъ состояніи.

Житель степей кормится, главнымъ образомъ, отъ своего скота и поэтому онъ волей-неволей принужденъ вести кочевой образъ жизни, хотя подчасъ онъ и занимается немного земледѣліемъ. Потребности его очень ограничены и средства удовлетворенія ихъ совершенно оди-

наковы у разныхъ ордъ, а это, конечно, не способствуетъ развитію внутренней торговли. Предметами обмѣна являются исключительно сгущенное молоко, войлокъ, шкуры и скотъ.

Мало-по-малу купцы пограничныхъ, болѣе цивилизованныхъ странъ, Китая, Россіи, Хивы и Бухары, стали возбуждать у этихъ кочующихъ племенъ разные новые вкусы и потребности, предлагая нѣкоторые неизвѣстные имъ раньше предметы—табакъ, чай, матеріи и т. п. Чтобы получить ихъ кочевники стали продавать мѣха, скотъ, золото. Кромѣ того, они понемногу открыли еще нѣкоторые способы обогащенія—они стали наниматься проводниками караванов, а иногда предпочитали грабить ихъ. Болѣе значительнаго прогресса кочевая жизнь не допускаетъ и поэтому монголы достигли нѣкотораго развитія промышленности и торговли, только въ долинахъ Тибета, превратившись въ осѣдлый, земледѣльческій народъ. Тамъ промышленность, особенно ткацкое искусство, сильно двинулось впередъ, не теряя своего семейнаго характера.

У малайцевъ, представляющихъ собою смѣсь первобытныхъ монголовъ съ другими расами, промышленность развилась еще значительно больше, обратилась на производство предметовъ роскоши и породила склонность къ торговлѣ. Нельзя не сознаться, впрочемъ, что такими успѣхами промышленность обязана, главнымъ образомъ, вліянію иностранцевъ, во-первыхъ—китайцевъ, а во-вторыхъ—европейцевъ.

Индо-Китай, послѣ завоеванія китайцами и введенія китайскихъ законовъ, превратился въ точную копію Небесной имперіи. Тамъ также распространена садовая культура и также сильна страсть къ торговлѣ. Но государи захватили тамъ въ свои руки всю внѣшнюю торговлю, предоставивъ населенію только право внутренняго обмѣна. Благодаря этому, промышленность сохранила тамъ и до сихъ поръ первобытный семейный характеръ. Если она достигла, тѣмъ не менѣе, значительнаго совершенства, то причины этого надо искать не въ изобрѣтеніи какихъ-нибудь механическихъ приспособленій, облегчающихъ трудъ, а исключительно въ искусствѣ, ловкости и терпѣньи работника. Тамъ работникъ заинтересованъ самъ въ своей работѣ, и хотя она идетъ у него крайне медленно, но зато онъ вноситъ въ нее нѣчто свое и иногда дѣлаетъ положительныя чудеса, несмотря на тѣ примитивные пріемы, какими онъ принужденъ пользоваться. Однимъ словомъ, промышленность тамъ представляетъ діаметральную противоположность нашей крупной промышленности, гдѣ рабочій оказывается только слугою машины. Полнаго расцвѣта такой видъ промышленности достигаетъ въ Китаѣ и тамъ съ особой яркостью выступаютъ и дурныя, и хорошія стороны его.

Глава X.

Торговля въ Китаѣ и въ Японіи.

А. Торговля въ Китаѣ. I. Земледѣліе.—Практическая жилка китайцевъ.—Мелкая культура.—Орошеніе и удобреніе.—Безполезность многопольнаго хозяйства.—II. Промышленность.—Семейное начало.—Мелкая промышленность.—Бумага, шелкъ, фарфоръ.—Развитіе книгопечатанія.—Положеніе рабочаго класса.—Гильдіи.—Заработная плата.—Дешевизна жизни.—Стачки.—III. Торговля.—Беззастѣнчивость.—Изумительная внутренняя торговля.—Мнѣнія и теоріи китайскихъ философовъ относительно торговли.—Земледѣліе и промышленность, руководимыя правительствомъ.—Продажа дѣтей и дѣвушекъ.—Передвиженіе товаровъ по рѣкамъ и каналамъ.—Мореплаваніе.—Ограниченіе внѣшней торговли.—Торговая политика.—Разработка копей.—Золото и чиновничья добродѣтель.—IV. Деньги.—Раковины въ качествѣ денежныхъ знаковъ и металлическія деньги.—Первобытныя формы торговли.—Урегулированіе цѣнъ на мѣдь.—Слитки золота и серебра.—Правительственная монополія на драгоцѣнные металлы.—Искусственное установленіе курса на нихъ.—Фальшивые денежные знаки.—V. Кредитъ.—Земельный доходъ.—Простота ссудъ подъ землю.—Кассы ссудъ.—Ссуды подъ залогъ.—Установленные закономъ проценты.—Доказательство законности высокихъ процентовъ одного китайскаго экономиста.—VI. Торговое законодательство.—Политика общаго блага.—Запрещенія.—Ограниченіе конкурренціи и вывоза.—Таможенныя пошлины.—В. Торговля въ Японіи.—I. Большое сходство съ Китаемъ.—Преобладаніе земледѣлія.—Хлѣбныя растенія и иноземныя культуры.—Феодальная система.—Семейная форма промышленности.—Шелководство и бумага.—Бронза и лакъ.—Металлургія и добываніе благородныхъ металловъ.—Металлическая монета.—Общественные классы.—Свобода внутренней торговли.—Ограниченіе внѣшней торговли.—Промышленность.

А. Торговля въ Китаѣ.

I. Земледѣліе.

Во многихъ отношеніяхъ древняя «Срединная Имперія» представляетъ обширное поле для критики, и съ давнихъ поръ она даетъ европейцамъ пищу для всевозможныхъ остротъ и насмѣшекъ. Она слишкомъ рѣзко отличается отъ нашего міра. Когда много тысячелѣтій тому назадъ «сто семействъ съ черными волосами» принялись за возведеніе соціальнаго зданія Китая, они были, повидимому, свободны отъ какихъ бы то ни было вліяній, постороннихъ ихъ расѣ. Всѣ соціальныя потребности, сродныя въ общемъ всѣмъ обитателямъ земного шара, проявлялись у нихъ въ формахъ, свойственныхъ имъ однимъ, и мало-по-малу у нихъ выработались нравы и обычаи совершенно особые, не похожіе на наши, и поэтому одному чрезвычайно интересные для соціолога. Китайцы вообще очень практичны, не любятъ предаваться отвлеченнымъ построеніямъ, ихъ умственное зрѣніе отличается близорукой точностью. «По свойствамъ своего ума,—пишетъ одинъ внимательный наблюдатель,—они склонны къ упрощеніямъ. Науки только затруднили бы ихъ, и съ ихъ помощью они, быть можетъ, достигли бы

меньшихъ результатовъ. Наблюдательность и настойчивость помогаютъ имъ совершать чудеса: время и терпѣніе—вотъ главные рычаги ихъ дѣятельности».

Пріемы китайскаго искусства и ремесла всегда просты и практичны. Они сохранили все, что возможно, изъ своихъ первобытныхъ обычаевъ и поэтому техника ихъ чрезвычайно своеобразна. Въ отношеніи къ земледѣлію упорство и настойчивость китайцевъ, ихъ осторожныя и порой остроумныя изобрѣтенія дали поистинѣ блестящіе результаты. Здѣсь мы не встрѣтимъ экстенсивной культуры дикарей, но исключительно мелкую интенсивную культуру, которую скорѣе можно назвать огороднической, чѣмъ полевой. Крупная собственность неизвѣстна въ Китаѣ; вся земля тамъ раздѣлена на мелкіе участки и почти неотчуждаема. И законъ, и нравственность считаютъ обработку земли священнымъ долгомъ каждаго. Всякое селеніе составляетъ маленькую земельную общину, внутри которой господствуетъ полнѣйшая солидарность и добровольная взаимопомощь; оставить необработаннымъ кусокъ земли считается тамъ преступленіемъ. Члены каждой семьи съ любовью воздѣлываютъ свой участокъ. Всякое растеніе пользуется особымъ уходомъ. Земледѣлецъ посвящаетъ своему участку все свое время, весь свой трудъ и все вниманіе; зато онъ достигаетъ изумительныхъ результатовъ. Видъ китайскихъ полей приводитъ въ восхищеніе всякаго путешественника.

Каждый участокъ походитъ на прекрасно содержимый садъ: на немъ не увидишь ни кустика сорной травы. Всѣ наши европейскія растенія воздѣлываются въ Китаѣ, особенно же хлѣбныя. На сырыхъ мѣстахъ сѣется преимущественно рисъ, на сухихъ—пшеница. На сѣверѣ сѣютъ, главнымъ образомъ, рожь и ячмень. Съ сухостью почвы они борятся при помощи повсемѣстнаго искусственнаго орошенія. Устраивается оно чрезвычайно просто—бамбуковыя трубочки проводятъ воду изъ неизсякающихъ горныхъ источниковъ по всѣмъ окрестнымъ полямъ.

Удобреніе примѣняется тамъ также въ обширныхъ размѣрахъ, и поэтому поля, не отдыхающія, быть можетъ, болѣе 35 столѣтій, продолжаютъ щедро вознаграждать упорный трудъ земледѣльца.

Земледѣліе составляетъ почти исключительное занятіе китайцевъ: вся ихъ страна представляетъ собой распаханную ниву. Если бы не горы и болота, въ Китаѣ не осталось бы совсѣмъ лѣсовъ и дичи—всякій удобный участокъ обработанъ. Стада есть только въ Монголіи, откуда доставляютъ въ Пекинъ быковъ и барановъ. Рѣки и моря доставляютъ почти единственную мясную пищу низшимъ классамъ населенія.

II. Промышленность.

Характерныя особенности китайскаго земледѣлія оказываютъ, конечно, вліяніе и на промышленность. Интенсивная форма культуры

требуетъ большого количества рабочихъ рукъ и удерживаетъ ихъ вдали отъ городскихъ центровъ. Съ другой стороны, отсутствіе пастбищъ и скота дѣлаетъ невозможнымъ обработку шерсти. Ея замѣняетъ хлопокъ и шелкъ. Наконецъ, недостатокъ лѣсовъ заставляетъ искать иныхъ видовъ топлива.

Китайское правительство, желающее сохранить свой патріархальный характеръ, очень строго слѣдитъ за промышленностью и запрещаетъ тѣ отрасли ея, которыя считаетъ вредными для населенія. Такъ, напримѣръ, выдѣлка виноградныхъ винъ, существовавшая тамъ одно время, потомъ была запрещена. Администрація опредѣляетъ даже, какая именно часть зерна можетъ быть употреблена на выдѣлку спиртныхъ напитковъ. А въ неурожайные года производство пива, спирта и рисовой водки совершенно воспрещается.

Кромѣ того, и разрѣшенныя отрасли промышленности находятся подъ бдительнымъ надзоромъ правительства. Законъ устанавливаетъ образцы для всякихъ ремеслъ, и ремесленники обязаны точно слѣдовать этимъ образцамъ. Всѣ виды промышленности, существующіе въ Китаѣ, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности, и всѣ пріемы ихъ отличаются крайней первобытностью. Искусство, терпѣніе и многочисленность рабочихъ выкупаетъ несовершенство орудій. Въ Китаѣ до сихъ поръ господствуетъ мелкая форма промышленности. Самыя крупныя китайскія мануфактуры имѣютъ не больше 50 — 60 тысячъ франковъ оборотнаго капитала. Но раздѣленіе труда достигло тамъ несравненно большей степени чѣмъ, у насъ. Какая-нибудь фарфоровая ваза проходитъ сплошь и рядомъ черезъ руки семидесяти мастеровъ. Одинъ рисуетъ на ней только цвѣтокъ, другой—птицу, третій пишетъ только голубой краской, четвертый—только красной.

Шелководство извѣстно въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ. Оттуда уже оно перешло въ Персію, потомъ въ Грецію и Италію. Сначала сами китайскія императрицы слѣдили за тканьемъ шелковыхъ матерій, употреблявшихся исключительно для религіозныхъ церемоній. Въ настоящее время высшіе классы одѣваются почти исключительно въ шелковыя ткани, а простой народъ употребляетъ бумажныя.

Изъ другихъ видовъ промышленности, тоже съ давнихъ поръ процвѣтающихъ въ Китаѣ, надо упомянуть выдѣлку стекла и бумаги, приготовляемой изъ разныхъ видовъ древесной коры. Книгопечатаніе было извѣстно тамъ еще въ 593 г. до Р. Х.

Ремесленники въ Китаѣ составляютъ особый классъ, занимающій шестое мѣсто въ ряду остальныхъ общественныхъ классовъ. Всѣхъ классовъ въ Китаѣ считается семь: мандарины, военные, ученые, бонзы, земледѣльцы, ремесленники и купцы. Ремесленники образуютъ между собой союзы или цехи. Но эти цехи находятся въ полной зависимости отъ государства, которое обставляетъ ихъ дѣятельность самыми мелочными законами. Такъ, напримѣръ, приморскіе рыбаки не могутъ

употреблять для соленія рыбы больше опредѣленнаго закономъ количества соли; не могутъ проводить въ морѣ больше установленнаго количества дней. Лодки ихъ должны имѣть опредѣленные размѣры и форму.

Заработокъ китайскихъ рабочихъ чрезвычайно низокъ. Носильщикъ, напримѣръ, получаетъ на наши деньги не болѣе одного су за лье; такимъ образомъ, его максимальный заработокъ не превышаетъ десяти су въ день, а если принять во вниманіе праздники, то онъ едва достигаетъ шести су въ день. Конечно, нельзя забывать, что рядомъ съ этимъ и содержаніе тамъ обходится очень дешево. Такъ, чашка вареннаго рису стоитъ тамъ три сантима, чашка чая—одинъ сантимъ, чашка рисовой водки — десять сантимовъ. Прибавимъ къ этому, что инструменты составляютъ всегда въ Китаѣ собственность рабочаго. Кромѣ того, цехи всегда очень заботливо относятся къ своимъ членамъ. Стачки рабочихъ составляютъ и въ Китаѣ довольно обычное явленіе и отличаются тамъ обыкновенно большой продолжительностью и стойкостью, Китайскій рабочій проявляетъ и здѣсь свое упорство и настойчивость, онъ не отступается отъ своихъ требованій буквально до послѣдней капли крови.

Это упорство и терпѣливая настойчивость дѣлаютъ китайскаго рабочаго опаснымъ конкуррентомъ для всѣхъ иностранныхъ рабочихъ. Ловкій, терпѣливый и неутомимый, онъ идетъ къ своей цѣли, не отступая ни передъ чѣмъ и не смущаясь въ то же время никакими требованіями нравственности.

III. Торговля.

Тѣ же самыя достоинства и недостатки проявляютъ китайцы и въ торговлѣ, которою они занимаются со страстью и съ такой абсолютной беззастѣнчивостью, которая часто поражала иностранцевъ. «Нѣтъ такого безнравственнаго и отвратительнаго поступка,—пишетъ капитанъ Кукъ,—котораго китаецъ не совершилъ бы во имя наживы». Страсть къ наживѣ никогда не умолкаетъ въ нихъ. Во время пожара являются покупщики, торгующіе землю подъ горящими строеніями. Солдаты, жившіе долгое время въ Лассѣ, безъ малѣйшаго колебанія побросали тамъ своихъ женъ и дѣтей, когда имъ пришлось возвращаться на родину. «Надо имѣть заплесневѣлые мозги,—говорили они,—чтобы тащить въ Небесную Имперію женщинъ съ большими ногами и маленькихъ варваровъ; увозить нужно деньги и товары».

Всѣ города по всей имперіи наполнены суетливой, озабоченной толпой, занятой постоянной погоней за наживой въ той или другой формѣ. Торгъ и обмѣнъ, основанный, главнымъ образомъ, на взаимномъ обманѣ, производится во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Торговля тамъ главнымъ образомъ внутренняя. Изъ одной провинціи въ другую товары перевозятся по водѣ или переносятся на спи-

нахъ носильщиковъ, что́ тоже обходится крайне дешево. Кромѣ того, въ каждомъ городкѣ всякая семья, накопившая нѣсколько франковъ, стремится открыть маленькую лавченку. Разносчики со всевозможными товарами бѣгаютъ по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ, такъ какъ женщины не имѣютъ права входить въ лавки.

Не смотря на такое громадное развитіе торговли, она не пользуется въ Китаѣ уваженіемъ; и философы, и простой народъ ставятъ купцовъ на послѣднюю ступень общественной лѣстницы.

Внѣшняя торговля, по мнѣнію китайскихъ экономистовъ, полезна только тогда, когда вывозятся предметы роскоши и ввозятся предметы первой необходимости. Поэтому выгодной считается только торговля съ русскими и татарами, при которой китайцы получаютъ необходимые имъ мѣха.

Роскошь вообще преслѣдуется китайскимъ правительствомъ. «Торговля разными украшеніями, лакомствами и диковинами, совершается ли она путемъ продажи или обмѣна, предполагаетъ роскошь. А роскошь, есть ничто иное, какъ избытокъ ненужнаго у нѣкоторыхъ гражданъ и предполагаетъ недостатокъ необходимаго у многихъ другихъ. Чѣмъ больше лошадей запрягаютъ богачи въ свои экипажи, тѣмъ больше людей ходятъ пѣшкомъ. Самое лучшее, что могутъ дѣлать люди, это доставлять всѣмъ предметы необходимости и нѣкоторымъ предметы удобства».

Поэтому всѣ виды промышленности, направленные на произведеніе предметовъ роскоши, не поддерживаются китайскимъ правительствомъ. Такъ, разработка золотыхъ и серебряныхъ рудъ часто даже воспрещается имъ. Въ XV вѣкѣ императоръ Чингъ-Тсу запретилъ одному частному предпринимателю добывать драгоцѣнные камни, говоря: «безполезныя работы вызываютъ безплодіе. Изъ драгоцѣнныхъ камней не получишь зерна».

Въ Китаѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, золото добывалось прежде всего изъ рѣчного песку, и было извѣстно китайцамъ еще въ очень отдаленную эпоху; но въ то время на него смотрѣли съ презрѣніемъ и мало обращали вниманія. Теперь времена сильно измѣнились и, хотя правительство стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія и покровительствуетъ добыванію желѣза, мѣди и олова несравненно болѣе, чѣмъ обработкѣ благородныхъ металловъ, но, тѣмъ не менѣе, страсть къ золоту все растетъ среди населенія.

И въ другихъ отношеніяхъ китайское правительство далеко не всегда исполняетъ свое назначеніе — руководить направленіемъ промышленной дѣятельности страны. Такъ, напримѣръ, въ Китаѣ и до сихъ поръ существуетъ одна отрасль торговли, чрезвычайно вредная и безнравственная, а именно торговля дѣтьми и дѣвушками. Китайскіе купцы скупаютъ у родителей ихъ дѣтей и перепродаютъ ихъ въ рабство, главнымъ образомъ, креоламъ, живущимъ на Филиппинскихъ

островахъ. Нѣкоторыхъ же дѣвушекъ они воспитываютъ, обучаютъ музыкѣ, пѣнію и потомъ перепродаютъ за высокую цѣну въ наложницы богатымъ вельможамъ. Еще въ прошломъ вѣкѣ этотъ видъ торговли пользовался большимъ распространеніемъ.

Изъ прочихъ отраслей торговли процвѣтаетъ особенно торговля колоніальными товарами. Правительство стремится уравновѣсить обезпеченность предметами первой необходимости всѣхъ провинцій. Поэтому оно всячески облегчаетъ доставку продуктовъ земледѣлія изъ тѣхъ провинцій, гдѣ оно процвѣтаетъ, въ менѣе плодородныя, и обратно, предметовъ обрабатывающей промышленности въ тѣ провинціи, гдѣ ремесла и мануфактуры менѣе распространены. Для этой цѣли правительство заботится объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія — проводитъ каналы тамъ, гдѣ нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, и т. п. Рѣки и каналы служатъ и до сихъ поръ почти единственными путями сообщенія въ Китаѣ; по сухому пути, какъ уже было сказано выше, товары переносятся обыкновенно на спинахъ носильщиковъ. Съ незапамятныхъ временъ китайцы плавали по своимъ безчисленнымъ рѣкамъ, рѣчкамъ и каналамъ и въ то же время они почти не отваживались на морскія путешествія. Зондскій проливъ до вчерашняго дня былъ геркулесовыми столбами для китайскихъ мореплавателей. Они совершенно не умѣли оріентироваться въ морѣ и направлять по своему желанію корабли, не смотря на то, что *игла, указывающая югъ*, т. е. компасъ, уже давно извѣстна имъ. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что Китай отрѣзалъ себя отъ остальнаго міра только послѣ манджурскаго завоеванія, а до тѣхъ поръ его порты были открыты и арабамъ, и персамъ, и индійцамъ, а китайскіе корабли доѣзжали до Кохинхины и Бенгала.

IV. Деньги.

Сравнительно очень недавно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая процвѣтала еще торговля посредствомъ простого обмѣна, и даже самый первобытный ея видъ—заглазный обмѣнъ. Рядомъ съ этимъ въ другихъ провинціяхъ употреблялись въ качествѣ денежной единицы раковины, напоминающія африканскія *каурисъ*. Въ настоящее время эти первобытныя формы торговли почти не встрѣчаются, такъ какъ правительствомъ введена и распространена повсемѣстно особая монета — *цзенъ*. Эта монета представляетъ собой мѣдный дискъ опредѣленной величины и опредѣленнаго вѣса съ пробитымъ по срединѣ квадратнымъ отверстіемъ. Отверстія служатъ для того, чтобы эти монеты можно было нанизывать на шнурокъ.

Чеканка монеты и разработка мѣдныхъ рудъ, предназначенныхъ для выдѣлки монетъ, составляютъ монополію правительства. Правительство очень слѣдитъ за тѣмъ, чтобы номинальная и реальная стоимость этихъ монетъ совпадали. Кромѣ того, оно заботится, чтобы цѣна на

мѣдь не колебалась слишкомъ сильно; такъ какъ, въ случаѣ, если бы цѣна мѣди очень поднялась, оказалось бы выгоднымъ обращать деньги въ металлъ и продавать въ такомъ видѣ, а въ случаѣ, если бы она упала, появилось бы много фальшивыхъ денегъ. Продажа монеты въ качествѣ товара и плавленье ея запрещены такъ же строго, какъ и поддѣлка. Кромѣ того государство слѣдитъ за тѣмъ, чтобы отношеніе между цѣной мѣдной монеты и серебра не измѣнялось. Поэтому, въ зависимости отъ колебаній курса оно производитъ свои расплаты то мѣдной монетой, то серебромъ. Вѣса въ этой китайской монетѣ всего семь граммовъ и стоитъ она на европейскія деньги полъ-сантима, такъ что для крупныхъ сдѣлокъ она чрезвычайно громоздка, для мелкихъ же очень удобна.

На одинъ *цзень* можно купить въ Китаѣ стручекъ перцу, одинъ орѣхъ, дюжину вареныхъ бобовъ, можно выпить чашку чаю, выкурить трубку табаку и т. п.; эта монета вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ народа, у котораго богатство является чрезвычайной рѣдкостью.

Для крупныхъ сдѣлокъ въ Китаѣ употребляютъ другого рода денежныя единицы—во-первыхъ, слитки благородныхъ металловъ, во-вторыхъ, бумажныя деньги. Серебряные и золотые слитки не являются въ Китаѣ денежными единицами въ строгомъ смыслѣ слова, они обращаются какъ товары и только играютъ роль единицъ обмѣна. Эти слитки дѣлятся по мѣрѣ надобности на большія и меньшія части. Для этого ихъ расковываютъ въ длинныя полосы и, размягчивъ на огнѣ, рѣжутъ на разныя части по вѣсу. Наиболѣе распространены слитки серебра въ 37 граммъ вѣсу, называющіеся унціями. Теоретически ихъ можно раздроблять на сколько угодно частей, но практически не принято дѣлить ихъ больше, чѣмъ на пять. И золото, и серебро скупаются государственными банками, причемъ за унцію серебра платится отъ 17 до 18 тысячъ мѣдныхъ монетъ; золото и серебро должны быть абсолютно чисты, безъ малѣйшей примѣси другихъ металловъ. Такъ какъ благородные металлы могутъ обращаться просто въ качествѣ товаровъ, то и цѣна ихъ можетъ колебаться; правительство тщательно слѣдитъ за этими колебаніями и по возможности борется съ ними, выпуская изъ своихъ копей то большее то меньшее количество золота и серебра; такимъ образомъ, оно уравниваетъ количество металловъ, обращающихся на рынкѣ, и способствуетъ постоянству курса.

Но употребленіе серебра и золота при торговыхъ сдѣлкахъ тоже не вполнѣ удобно, такъ какъ постоянно приходится прибѣгать къ вѣсамъ. Въ виду этого китайское правительство съ давнихъ поръ ввело въ обращеніе бумажныя деньги. Еще Марко Поло встрѣчалъ въ Китаѣ такіе денежные знаки. Они представляютъ собой, по его словамъ, кусочки черной бумаги неодинаковой величины, на которыхъ написана ихъ цѣна и поставлена государственная печать. Они обращаются по

разъ установленному принудительному курсу и могутъ быть во всякое время обмѣнены на серебро, золото или мѣдь въ государственномъ банкѣ. Самая мелкая бумажная единица равняется приблизительно четыремъ сантимамъ, самая крупная—75 франкамъ.

Теперь, чтобы составить себѣ ясное представленіе о китайской торговлѣ, остается только разсмотрѣть существующія тамъ формы кредитныхъ операцій.

V. Кредитъ.

Самымъ распространеннымъ видомъ займовъ въ Китаѣ служатъ займы подъ залогъ земли. Мелкіе землевладѣльцы въ Китаѣ сплошь и рядомъ закладываютъ свои участки, потому что земля тамъ приноситъ не болѣе 9, 10% въ годъ. Залоги земли совершаются очень просто. Собственникъ оцѣниваетъ свой участокъ и передаетъ его кредитору за значительную часть его стоимости, обыкновенно за 0,9. Съ этихъ поръ кредиторъ пользуется всѣми доходами съ земли, и должникъ не имѣетъ права продать свой участокъ, пока не уплатитъ долга. Но зато онъ можетъ перезаложить его третьему лицу. Онъ можетъ также продать свой участокъ кредитору, если тотъ согласится уплатить ему разницу. Часто землевладѣлецъ закладываетъ свой участокъ и не выкупаетъ его десятки лѣтъ. Для болѣе мелкихъ кредитныхъ операцій въ Китаѣ существуетъ три рода кассъ ссудъ. Однѣ изъ нихъ находятся подъ покровительствомъ правительства и ссужаютъ деньги за $1^1/_2$—2, а иногда и 3% въ мѣсяцъ подъ залогъ разныхъ предметовъ, не подверженныхъ порчѣ. Сроки залоговъ соблюдаются очень строго; на другой день по истеченіи срока касса ссудъ имѣетъ право продать невыкупленную вещь.

Другого рода кассы ссудъ ссужаютъ деньги за меньшіе проценты; за сумму свыше четырнадцати долларовъ они берутъ 30 ежегодныхъ процентовъ, а за сумму ниже четырнадцати долларовъ—20%.

Наконецъ, третій видъ мелкихъ ломбардовъ не имѣетъ установленныхъ закономъ процентовъ, а выдаетъ ссуды по соглашенію, хотя всегда все-таки за очень высокій процентъ. Эти ломбарды содержатся обыкновенно разными подозрительными личностями, и ихъ закладчики всегда нѣсколько рискуютъ.

Кредитныя операціи въ Китаѣ стали извѣстны незадолго до начала христіанской эры. Принимая во вниманіе древность существованія Китайской имперіи, этотъ срокъ нельзя считать особенно большимъ. Съ самаго начала государство опредѣляло процентъ, какой имѣютъ право брать заимодавцы, но процентъ этотъ, какъ и во всѣхъ первобытныхъ государствахъ, былъ всегда очень высокъ въ Китаѣ. Въ среднемъ онъ стоялъ обыкновенно около 3% мѣсячныхъ или 36% годовыхъ. Зато взиманіе сложныхъ процентовъ совершенно запрещено въ Китаѣ. Нарушеніе этого закона влечетъ за собой серьезныя наказанія—отъ со-

рока до ста палочныхъ ударовъ. Конечно, государство стремится въ то же время обезпечить и права кредитора. «Тотъ, кто будетъ обвиненъ передъ мандаринами въ томъ, что онъ не уплатилъ проценты за одинъ лунный мѣсяцъ, присуждается къ десяти палочнымъ ударамъ, за два мѣсяца — къ двадцати, за три — къ тридцати, и такъ до шестидесяти, т. е. до шестого мѣсяца, послѣ этого должникъ принуждается выплатить и капиталъ, и проценты; но тотъ, кто употребляетъ насиліе, чтобы заставить уплатить себѣ, приговаривается къ восьмидесяти палочнымъ ударамъ». Значительную высоту государственныхъ процентовъ (около 30 въ среднемъ) китайскіе экономисты объясняютъ тѣмъ, что денежные займы дѣлаютъ или моты, или люди, занимающіеся торговлей. Первые, чѣмъ скорѣе разорятся, тѣмъ лучше, такъ какъ общество будетъ избавлено отъ ихъ безумной расточительности и гибельнаго примѣра. Что касается торговли, то ея интересы должны, во всякомъ случаѣ, отступать передъ государственными интересами.

VI. Торговое законодательство.

Торговое законодательство Китая не задается цѣлью покровительствовать коммерческимъ спекуляціямъ, оно стремится только поддерживать равновѣсіе частныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, оно приговариваетъ къ 40 палочнымъ ударамъ всякаго купца, назначающаго на свои товары такія цѣны, которыя могутъ помѣшать его сосѣдямъ продавать свои товары. Государство запрещаетъ вывозить по морю или по сушѣ лошадей, скотъ, желѣзо, шелкъ и т. п.; оно угрожаетъ смертной казнью всякому, кто вывезетъ за границу оружіе. Не разрѣшается даже безъ особаго позволенія убивать на продажу собственный скотъ. Но всѣ эти запрещенія клонятся исключительно къ охранѣ частныхъ интересовъ; никакихъ выгодъ для себя государственное казначейство не извлекаетъ изъ нихъ. Внутреннія таможенныя пошлины сравнительно ничтожны. До самаго послѣдняго времени онѣ взимались только съ одной соли. Правительство задается цѣлью препятствовать какъ чрезмѣрному обогащенію, такъ и полному обѣднѣнію подданныхъ.

В. Торговля въ Японіи.

Торговля и относящееся къ ней законадательство представляли собой въ Японіи до послѣдняго времени полнѣйшее сходство съ китайской торговлей и законодательствомъ. Страна Восходящаго Солнца являлась во всѣхъ вообще отношеніяхъ точной копіей Небесной Имперіи. Она была точно также страной исключительно земледѣльческой и даже культивировались въ ней, главнымъ образомъ, тотъ же рисъ, ячмень и пшеница. Виноградъ росъ тамъ въ изобиліи, но вина изъ него не

выдѣлывали, а довольствовались исключительно рисовой водкой. Изъ разныхъ сортовъ чая, вывезенныхъ изъ Китая, въ Японіи культивировались только зеленые душистые чаи. Табакъ, ввезенный португальцами, разводится тамъ въ огромныхъ количествахъ, такъ какъ всякій японецъ почти не выпускаетъ изо рта коротенькую трубочку.

Вся земля въ Японіи, какъ въ государствѣ феодальномъ, считалась собственностью правителя и только отдавалась въ пожизненное, а большею частью и наслѣдственное, пользованіе подданныхъ. За это подданные обязаны были исполнять разныя повинности и уплачивать подати, доходившія до $^1/_5$ всего сбора.

Преобладающимъ типомъ земледѣльческой культуры служитъ и въ Японіи мелкая интенсивная культура. Обрабатывать свой участокъ составляетъ долгъ всякаго землевладѣльца; если у него земля пустуетъ годъ, онъ теряетъ ее.

Промышленность носила въ Японіи такой же семейный характеръ, какъ и въ Китаѣ. Всѣ отрасли ея, извѣстныя тамъ, встрѣчаются и тутъ. Употребительные металлы добывались и обрабатывались тамъ съ незапамятныхъ временъ. Выше всѣхъ цѣнилось серебро, такъ какъ добываніе его изъ руды сопряжено съ наибольшими трудностями.

Деньги до послѣдняго времени пользовались въ Японіи незначительнымъ распространеніемъ, хотя обращались самые разнообразные виды ихъ—и слитки золота и серебра, и мѣдныя монеты съ пробитыми въ срединѣ отверстіями, и бумажныя деньги. И государство, и крупные феодальные владѣльцы предпочитали взимать подати натурою. Наполненные рисомъ амбары привлекали ихъ больше, чѣмъ большіе запасы золота въ государственной казнѣ.

Торговля хотя и сильно развита въ Японіи, но пользуется и тамъ не большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Китаѣ. Купцы занимаютъ послѣднее мѣсто послѣ благородныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. При встрѣчѣ съ вельможей купецъ долженъ падать ницъ и говорить съ нимъ не иначе, какъ склонившись почти до земли.

Тѣмъ не менѣе, государство ни въ чемъ не стѣсняетъ внутреннюю торговлю. Ни пошлинъ, ни внутреннихъ таможенъ тамъ не существовало почти никогда. Но что касается внѣшней торговли, то къ ней до послѣдняго времени государство относилось крайне подозрительно. И китайскіе, и европейскіе купцы не пользовались покровительствомъ Японскихъ законовъ. Общая сумма ввоза была разъ навсегда установлена правительствомъ, и дѣйствительный ввозъ ни въ какомъ случаѣ не могъ превышать ее. Иностранные товары могли продоваться въ Японіи только послѣ того, какъ образцы съ нихъ были сняты японскими мастерами. Далеко не всѣ японскіе товары могли подлежать вывозу. Такъ, запрещалось вывозить оружіе, и главнымъ образомъ сабли, географическія карты и книги, изъ которыхъ иностранцы могли бы узнать что-нибудь о положеніи страны. Нарушители этихъ законовъ подвергались жесточайшимъ пыткамъ и казни.

Конечно, все, что было сейчасъ сказано, относится къ прошлому Японіи. Въ настоящее время Японія стремится во всемъ подражать Европѣ и уже достигла на этомъ пути поразительныхъ успѣховъ. Недалеко, вѣроятно, то время, когда и Китай, убѣжденный ядрами и пулями своей бывшей ученицы, вступитъ на путь подражанія Европѣ. Тогда исчезнутъ послѣдніе типы великихъ цивилизацій древности.

Глава XI.

Торговля въ странахъ, лежащихъ около Египта.

I. Торговля у древнихъ берберовъ и туареговъ.—Неолитическіе народы въ Европѣ.—Гванхи.—Вѣроятное состояніе торговли у нихъ.—Доисторическія дикія племена въ Европѣ.—Торговля у ливійцевъ.—Нумидическіе денежные знаки.—Появленіе верблюда въ Африкѣ.—Значеніе торговли у туареговъ.—Промышленность и базары на оазисахъ.—Торговые караваны.—Грабежи туареговъ.—Нравственность туареговъ.—II. Торговля у кабиловъ.—Базары у кабиловъ.—Упорядоченіе обмѣна.—Торговыя запрещенія.—Случайныя продажи.—Заботы объ общественной пользѣ.—Базаръ, какъ мирное убѣжище.—Строгая полиція на базарахъ.—Торговые, промышленные и земледѣльческіе союзы.—Доброе согласіе между трудомъ и капиталомъ.—Законы о займахъ.—Законные проценты.—Какъ обходятся стѣснительные законы.—Ипотечные займы.—Священный характеръ долга.—Чрезвычайныя права кредитора.—Захватъ.—III. Торговля на Мадагаскарѣ.—Происхожденіе гавасовъ.—Земледѣліе у нихъ.—Промышленность.—Металлургія.—Торговля и рынки.—Металлическія деньги.—Строгая полиція на базарахъ.—Законъ Линча.—IV. Развитіе торговли у берберовъ.

I. Торговля у древнихъ берберовъ и туареговъ.

До самаго послѣдняго времени всѣ неолитическіе народы, населяющіе Европу и сѣверную Африку, считались вышедшими изъ Азіи. Но теперь это мнѣніе сильно поколеблено. Гораздо болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что наши отдаленные предки, неолитическаго періода ведутъ свое происхожденіе изъ Африки и относятся къ великой берберской расѣ.

Древнѣйшіе человѣческіе останки, находимые въ южной Франціи, съ несомнѣнностью указываютъ на тотъ фактъ, что ея первобытные обитатели принадлежали къ берберской расѣ. Ближе всего они стоятъ къ гванхамъ, жителямъ Канарскихъ острововъ. А эти послѣдніе несомнѣнно связаны съ первыми обитателями сѣверной Африки—туарегами, кабилами и ливійцами, родственными, въ свою очередь, съ египтянами.

Кинемъ взглядъ на всѣ эти группы африканскихъ племенъ.

О состояніи торговли у гванховъ можно сказать очень немногое. Гванхи жили на мелкихъ Канарскихъ островахъ, и каждый островокъ управлялся своимъ княземъ. Земля составляла собственность князя и дѣлилась имъ на участки между подданными. Изъ хлѣбныхъ растеній

они воздѣлывали только ячмень. Князья отдѣльныхъ острововъ вели между собой постоянныя войны, и грабежи тамъ естественно составляли болѣе обычное явленіе, чѣмъ мирный обмѣнъ. По словамъ древняго писателя Кадамосто, гванхи не знали ни серебра, ни золота и не употребляли никакихъ денежныхъ знаковъ.

Отношеніе къ частной собственности на различныхъ островахъ было, повидимому, неодинаково, такъ какъ на однихъ воровство совсѣмъ не считалось преступленіемъ, а на другихъ—наказывалось чрезвычайно строго. Такъ, на островѣ Феро, человѣку, уличенному въ кражѣ первый разъ, выкалывали одинъ глазъ; при повтореніи преступленія выкалывался и второй глазъ.

По всей вѣроятности внутри отдѣльныхъ острововъ обмѣнъ въ первобытныхъ его формахъ все-таки существовалъ, такъ какъ они имѣли продукты, которыми могли обмѣниваться: домашнихъ животныхъ, хлѣбъ, дичь и т. п., но относительно этого опредѣленныхъ данныхъ до сихъ поръ не имѣется.

Что касается африканскихъ берберовъ, то о нихъ имѣются болѣе точныя свѣдѣнія. Страбонъ называетъ всѣхъ обитателей сѣверной Африки охотничьими и пастушескими народами. По его словамъ, они не знали земледѣлія и занимались почти исключительно охотой. Но онъ не принимаетъ во вниманіе того обстоятельства, что охота была имъ совершенно необходима для охраны своихъ стадъ. Послѣ паденія Карѳагена они стали мало-по-малу переходить къ земледѣлію, не бросая однако охоты. Римъ даже покровительствовалъ ихъ охотничьимъ занятіямъ, скупая у нихъ большія партіи дикихъ звѣрей для своихъ цирковъ. Но дикіе звѣри составляли далеко не единственный предметъ торговли древнихъ нумидійцевъ. У нихъ имѣлись въ обращеніи металлическія монеты изъ мѣди и олова, существованіе которыхъ само по себѣ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ знакомства съ торговлей. Но у насъ есть и другія доказательства этого; нумидійцы предпринимали даже морскія путешествія съ торговыми цѣлями и переплывали на своихъ лодкахъ Гибралтарскій проливъ.

Ко времени Югуртинскихъ войнъ у нумидійцевъ были уже города и даже крѣпости, но тѣмъ не менѣе они предпочитали скотоводство земледѣлію. Они все еще оставались полукочевымъ народомъ и половину жизни проводили на лошадяхъ въ постоянныхъ мелкихъ походахъ.

Къ началу христіанской эры верблюдъ понемногу вытѣснилъ у нихъ лошадь. Въ остальномъ ихъ образъ жизни и до сихъ претерпѣлъ сравнительно незначительныя измѣненія. Надо, впрочемъ, говоря объ обитателяхъ сѣверной Африки, строго различать кочующихъ туареговъ, такъ называемыхъ «мореплавателей пустыни», отъ родственныхъ имъ жителей оазисовъ. Эти послѣдніе перешли къ вполнѣ осѣдлой жизни и занимаются отчасти земледѣліемъ и промышленностью, а главнымъ образомъ торговлей. Тѣ и другіе находятся между собой въ постоян-

ныхъ и мирныхъ сношеніяхъ, они взаимно необходимы другъ другу. Жители оазисовъ предоставляютъ своимъ рабамъ вести свое полевое или, лучше сказать, огородническое хозяйство, а сами занимаются промышленностью, торговлей и разнаго рода спекуляціями. Изъ ремеслъ они знаютъ кузнечное, ткацкое, кожевенное, столярное и слесарное и обыкновенно занятіе каждымъ изъ этихъ ремеслъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Продукты своего производства они продаютъ караванамъ кочевниковъ, которые развозятъ ихъ по другимъ оазисамъ, а имъ, въ свою очередь, привозятъ товары оттуда. Такая оживленная торговая дѣятельность вызываетъ всякаго рода другія спекуляціи, и дѣйствительно обитатели оазисовъ Сахары являются очень предпріимчивыми коммерсантами и просто ростовщиками.

Караваны кочующихъ туареговъ развозятъ всемозможные товары, но главнымъ образомъ каменную соль. Въ Тебу, наиболѣе безводной мѣстности Сахары, находятся богатыя мѣсторожденья соли и тамъ ежегодно караваны нагружаютъ этимъ драгоцѣннымъ продуктомъ тысячи верблюдовъ. Караваны двигаются обыкновенно по опредѣленнымъ дорогамъ и въ опредѣленные сроки.

Въ южной части пустыни, близъ Томбукту, напримѣръ, туареги перешли къ относительно болѣе осѣдлому образу жизни. Они пасутъ стада и не отходятъ далеко отъ Нигера, въ долинѣ котораго расположены единственныя богатыя пастбища. Оттуда они совершаютъ постоянныя нападенія на мимо идущіе караваны и иногда грабятъ ихъ совершенно, а большей частью довольствуются выкупомъ въ $^1/_{10}$ общаго количества товаровъ; они находятъ болѣе выгоднымъ не убивать курицу, несущую золотыя яйца, и обезпечивать себѣ хотъ и менѣе значительный, но болѣе вѣрный и постоянный доходъ.

Впрочемъ, эти номады, относящіеся такъ легко къ чужой собственности, имѣютъ въ то-же время свой нравственный кодексъ, правила котораго они соблюдаютъ довольно строго. Во-первыхъ, внутри каждаго племени всѣ его члены связаны тѣсными узами родства и дружбы и оказываютъ другъ другу постоянную и существенную помощь. Во-вторыхъ, они относятся въ высшей степени человѣчно къ рабамъ; когда туарегамъ случается встрѣтить въ пустынѣ караванъ рабовъ, они даютъ каждому изъ нихъ по мѣшку фиников. Наконецъ, и въ отношеніяхъ между собою торговыхъ каравановъ туареговъ существуютъ своеобразныя и строго соблюдаемыя нравственныя правила. Такъ, караваны сплошь и рядомъ оставляютъ на дорогѣ запасы провизіи, если имъ скоро приходится возвращаться тѣмъ же путемъ, и никогда другой караванъ не воспользуется этимъ запасомъ. Мало того, случается, что караванъ, везущій товары въ разныя мѣста, оставляетъ часть ихъ на дорогѣ, чтобъ облегчить ношу верблюдовъ, и никогда никто не притронется къ этимъ оставленнымъ на произволъ судьбы товарамъ. Возвращаясь назадъ хоть черезъ годъ, собственники могутъ быть увѣ-

рены, что найдутъ все на томъ же мѣстѣ. Такимъ образомъ и у туареговъ есть своя профессіональная, хоть и очень ограниченная, нравственность, и она отличается большой прочностью, такъ какъ существуетъ уже много, много вѣковъ.

II. Торговля у кабиловъ.

Между тѣмъ какъ гванхи почти не выходили изъ нещернаго быта, а туареги до сихъ поръ продолжаютъ вести на половину кочевой образъ жизни, кабилы давно перешли къ осѣдлому быту. Они съ рѣдкимъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и упорствомъ занимаются земледѣліемъ. Въ то же время они сохранили древнее республиканское устройство своей общины. Относительно торговли въ частности у нихъ существуетъ рядъ совершенно своеобразныхъ правилъ и постановленій. Этими подчасъ очень строгими правилами они стремятся обезпечить каждому его права и устранить вредныя стороны торговли.

Продавать и покупать у кабиловъ имѣетъ право всякій, кромѣ несовершеннолѣтняго, отданнаго подъ опеку, и женщины, живущей у отца или мужа. Кромѣ того, у нихъ существуютъ нѣсколько частныхъ запрещеній. Такъ, человѣкъ, которому поручено продать что-нибудь, не имѣетъ права купить это самъ; опекунъ не можетъ покупать имущество опекаемаго, тяжело больной лишается права распродать болѣе трети своего имѣнія и т. п.

Большая часть торговыхъ сдѣлокъ заключается у кабиловъ на базарахъ. Базаръ составляетъ всегда общую собственность цѣлаго племени, а иногда и двухъ; стоимость его содержанія раскладывается на всѣ общины, составляющія это племя. Товары не облагаются никакой пошлиной, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ селеніи есть училище, тогда съ товаровъ взимается нѣкоторый процентъ на содержаніе училища. Количество этихъ базаровъ очень значительно, каждый день изъ каждаго селенія можно попасть на какой-нибудь изъ сосѣднихъ базаровъ. Они устраиваются обыкновенно разъ въ недѣлю и носятъ названіе того племени, которому принадлежатъ. Если какое-нибудь племя собирается устроить новый базаръ, то оно обязано выбрать свободный день, чтобы не отвлекать покупщиковъ отъ сосѣднихъ базаровъ.

Товары, продаваемые на этихъ базарахъ, очень разнообразны; тутъ можно встрѣтить и всевозможные пищевые продукты, и произведенія мѣстной промышленности, и привозныя издалека издѣлія.

Такъ какъ торговыя сдѣлки могутъ легко вызвать разныя недоразумѣнія, споры и ссоры, то на каждомъ базарѣ избирается особый судья, называющійся «старшиной базара», который вмѣстѣ съ нѣсколькими стариками, составляющими его совѣтъ, разбираетъ всѣ возникающія несогласія. Идти на судъ этого «базарнаго старшины» не обязательно для сторонъ; они могутъ перенести свою тяжбу къ своему

сельскому судьѣ, если принадлежатъ къ одному селенію, или выбрать себѣ третейскій судъ. Судъ на базарахъ совершается крайне быстро. Истецъ приноситъ свою жалобу, отвѣтчикъ оправдывается, приглашенные старшиной свидѣтели даютъ свои показанія, и старшина тутъ же, посовѣтовавшись съ стариками, произноситъ приговоръ, который немедленно же и приводится въ исполненіе.

Куплѣ и продажѣ могутъ подлежать всѣ предметы, составляющіе собственность каждаго отдѣльнаго человѣка. Но для продажи ихъ существуетъ тоже рядъ особыхъ правилъ. Пищевые продукты могутъ быть проданы только послѣ того, какъ покупщикъ попробуетъ ихъ. Взвѣшиваніе и измѣреніе совершаются за счетъ продавца, но доставка съ мѣста покупки лежитъ уже всецѣло на обязанности покупателя. На базарѣ всѣ сдѣлки могутъ совершаться безъ свидѣтелей, но на дому присутствіе свидѣтелей обязательно. Если дѣло идетъ о продажѣ живыхъ существъ свидѣтели совершенно необходимы, но письменныхъ условій ни при какихъ обстоятельствахъ не заключается. При продажѣ животнаго продавецъ долженъ перечислить всѣ его недостатки. Онъ подлежитъ отвѣтственности, если обнаружатся какіе-нибудь недостатки, не объявленные имъ.

Но не все, чѣмъ пользуется частный человѣкъ, можетъ быть продано. Прежде всего онъ не имѣетъ права продавать берегъ моря, русло рѣки, дороги, священныя зданія, собакъ и свободныхъ людей. Далѣе никто не въ правѣ продавать ядовитыя вещества. Религія, съ своей стороны, налагаетъ запрещеніе на продажу нѣкоторыхъ предметовъ; такъ, нельзя продавать мясо животныхъ, убитыхъ не по правиламъ культа, и мясо животныхъ, считаемыхъ нечистыми, какъ, напр., осла, кошки, собаки, крысы, коршуна, ласточки и др. Кромѣ того, нѣкоторыя запрещенія обусловливаются гигіеническими требованіями. Запрещается продавать мясо животныхъ, умершихъ отъ какихъ-нибудь болѣзней, масло или медъ, въ которомъ нашли трупъ крысы или какого-нибудь другого животнаго.

Законодательство пыталось тоже не допускать продажи растеній, еще не выросшихъ. Такъ, напримѣръ: будущей жатвы, еще не созрѣвшихъ плодовъ и т. п. Но жизнь съумѣла обойти эти постановленія. Собственникъ земли не запродаетъ свой будущій сборъ, а обязуется представить къ извѣстному времени опредѣленное количество зерна и т. п.

Всякіе обманы при торговыхъ сдѣлкахъ строго караются законами кабиловъ, особенно если дѣло идетъ о продажѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

Въ извѣстные періоды, напримѣръ, во время войны или голода, управленіе каждаго племени можетъ запретить вообще продажу предметовъ потребленія или разрѣшать ее условно, въ томъ случаѣ, когда будетъ обезпечено удовлетвореніе первыхъ потребностей наиболѣе нуж-

дающихся въ этомъ членовъ общества: дѣтей, больныхъ, беременныхъ и только что родившихъ женщинъ и т. п.

Такими и подобными постановленіями кабилы стремятся обезпечить насущные интересы всѣхъ членовъ своихъ общинъ и помѣшать болѣе сильнымъ возвышаться и богатѣть за счетъ остальныхъ. Къ этому же клонится и запрещеніе открывать новые базары безъ общаго согласія всѣхъ сосѣднихъ племенъ. Во время войнъ это запрещеніе уничтожается; всякое племя имѣетъ право устраивать у себя новые временные базары, чтобы не подвергать неудобствамъ и лишеніямъ своихъ членовъ. Впрочемъ, это является даже излишней предосторожностью, такъ какъ базары представляютъ собой священныя мѣста, куда всякій, другъ и врагъ, можетъ приходить совершенно безопасно. Воровство на базарѣ составляетъ одно изъ тягчайшихъ преступленій. Уличенный въ немъ можетъ быть наказанъ тутъ же самимъ народомъ, даже безъ участія старшины. Къ нему примѣняется судъ Линча. Обыкновенно съ него срываютъ одежду, сбриваютъ брови и бороду и камнями выгоняютъ изъ деревни.

Промышленность у кабиловъ представляетъ также много своеобразнаго. Крупныя мануфактуры никогда не существовали тамъ, а въ небольшихъ мастерскихъ хозяева и рабочіе составляютъ вмѣстѣ родъ ассоціаціи. Такія ассоціаціи представляютъ тамъ самое обычное явленіе. Для устройства мельницы, напримѣръ, обыкновенно собственникъ земли, механикъ и мельникъ составляютъ между собой родъ союза, и дѣлятъ между собой доходъ. Такіе же союзы заключаются и для организаціи другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, при чемъ одни члены вкладываютъ свой капиталъ, другіе—искусство или ручной трудъ. При земледѣльческихъ ассоціаціяхъ одинъ вкладываетъ обыкновенно землю и половину посѣва, другой—вторую половину посѣва, земледѣльческія орудія, скотъ и собственный трудъ. Урожай въ такомъ случаѣ дѣлится не поровну: землевладѣлецъ получаетъ $^2/_5$ сбора, а его товарищъ—$^3/_5$.

Всѣ эти законы и обычаи сохранились, очевидно, еще отъ временъ родового быта; это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ законы кабиловъ не требуютъ и даже не допускаютъ письменныхъ актовъ. При всякой сдѣлкѣ требуется во что бы то ни стало присутствіе свидѣтелей, и только свидѣтельскія показанія могутъ приводиться въ качествѣ доказательствъ. Такъ, займы не могутъ совершаться иначе, какъ при свидѣтеляхъ.

Вопросъ о процентахъ рѣшается различно у разныхъ племенъ кабиловъ. Нѣкоторыя, слѣдуя завѣтамъ Корана, совсѣмъ не признаютъ законность процентовъ и строго наказываютъ за взиманіе ихъ. Другія, напротивъ, устанавливаютъ законный и, какъ всегда у нецивилизованныхъ народовъ, очень высокій максимумъ процентовъ; въ среднемъ отъ 33 до 50%. Наконецъ, нѣкоторыя племена предоставляютъ установленіе размѣра процентовъ свободному соглашенію сторонъ. Долгъ не

обязательно выплачивать деньгами, онъ возмѣщается часто работой или товаромъ.

Займы подъ залогъ земли тоже часто практикуются у кабиловъ. Въ такихъ случаяхъ собственникъ продолжаетъ фактически пользоваться своей землей, но юридически она уже считается собственностью кредитора до тѣхъ поръ, пока долгъ не уплаченъ. Чтобы проявить чѣмъ-нибудь этотъ переходъ земли отъ одного владѣльца къ другому, кредиторъ долженъ осуществить свое право на землю и нѣкоторое время фактически пользоваться ею. Такое пользованіе продолжается обыкновенно очень недолго, самое большее нѣсколько дней, но оно безусловно необходимо, такъ какъ оно совершается въ присутствіи свидѣтелей и служитъ главнымъ доказательствомъ заключенной сдѣлки. Законы кабиловъ допускаютъ переводъ долга на третье лицо, но въ такомъ случаѣ должникъ долженъ быть извѣщенъ объ этомъ при свидѣтеляхъ.

Общественное мнѣніе кабиловъ считаетъ долгъ священнымъ обязательствомъ и уплату его общественной обязанностью каждаго человѣка; кто не исполняетъ этой обязанности считается виновнымъ и подлежитъ наказанію. Даже за неуплату долга иноплеменнику или иностранцу законы кабиловъ наказываютъ съ такою же строгостью. Въ нѣкоторыхъ племенахъ законы требуютъ наказанія даже того, кто хотя бы въ шутку скажетъ, что не намѣренъ платить своего долга.

Такое религіозное отношеніе къ долговымъ обязательствамъ обусловливаетъ и чрезвычайныя права кредитора у кабиловъ. Кредиторъ можетъ, если должникъ не уплатитъ ему въ срокъ, взять любую изъ его вещей или даже кого-нибудь изъ его семьи, его сына, напримѣръ, и держать до тѣхъ поръ, пока кредиторъ не выплатитъ полностью долга. Если должникъ принадлежитъ къ другой общинѣ, кредиторъ можетъ взыскивать свой долгъ съ любого изъ ея членовъ. Въ такомъ случаѣ деревенскій старшина долженъ озаботиться своевременнымъ возвращеніемъ долга.

Мало того, когда кредиторъ не можетъ справиться самъ съ своимъ должникомъ, на имущество послѣдняго налагается запрещеніе, т. е. оно становится общественной собственностью. Если послѣ этого должникъ при помощи какого-нибудь мошенничества продастъ свое имущество, его объявляютъ внѣ закона, всякій можетъ безнаказанно преслѣдовать его, онъ считается послѣднимъ изъ преступниковъ. Такимъ образомъ, соблюденіе своего слова и обязательства считается первымъ долгомъ всякаго кабила.

III. Торговля на Мадагаскарѣ.

Гавасы, живущіе на Мадагаскарѣ, считались долгое время принадлежащими къ малайской расѣ. Въ ихъ языкѣ замѣчалось нѣкоторое сходство съ малайскимъ нарѣчіемъ; но это сходство можно объяснить тѣмъ, что на Мадагаскаръ часто заѣзжали арабскіе купцы, посѣщав-

шіе, въ свою очередь, и Малайскій архипелагъ; они-то и могли завезти оттуда нѣкоторые малайскіе слова и обороты. Между тѣмъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ гавасы представляютъ гораздо болѣе сходства съ населеніемъ сѣверной и средней Африки, чѣмъ съ малайцами. Нѣкоторые ихъ обычаи, какъ мы увидимъ, представляютъ поразительное сходство съ обычаями кабиловъ и другихъ народовъ берберской расы. Кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что въ настоящее время гавасы совершенно почти не знаютъ мореплаванія, между тѣмъ, для того чтобы переселиться съ Малайскаго архипелага на Мадагаскаръ имъ пришлось бы совершить громадное морское путешествіе.

Гавасы занимаются и земледѣліемъ, и разнаго рода ремеслами. Земледѣліе, впрочемъ, стоитъ у нихъ на довольно низкой ступени развитія; они культивируютъ почти исключительно рисъ и притомъ съ помощью самыхъ первобытныхъ орудій. Плугъ имъ неизвѣстенъ, и для паханья земли они употребляютъ только желѣзную лопату. Интересно отмѣтить, что свои запасы гавасы хранятъ въ подземныхъ складахъ, также какъ дѣлаютъ жители сѣверной Африки. Шелководство то же извѣстно на Мадагаскарѣ; шелкъ, получаемый отъ тамошнихъ шелковичныхъ червей, сѣраго цвѣта, но гавасы умѣютъ окрашивать его въ разные цвѣта, преимущественно въ синій съ помощью индиго.

Изъ ремеслъ гавасы знаютъ ткацкое, гончарное, кузнечное и др. Изъ металловъ тамъ особенно изобилуетъ желѣзо, которое они добываютъ изъ руды съ помощью самыхъ первобытныхъ пріемовъ.

Торговля, главнымъ образомъ, внутренняя, очень развита на Мадагаскарѣ; внѣшняя торговля должна тамъ быть естественнымъ образомъ морскою и потому почти полное незнакомство съ мореплаваніемъ служитъ существеннымъ препятствіемъ для ея возникновенія.

Внутренняя торговля ведется, главнымъ образомъ, на базарахъ, очень многолюдныхъ и переполненныхъ всякаго рода товарами. Тамъ можно найти все, что только воздѣлывается и выдѣлывается на островѣ. Живой товаръ: быки, овцы и свиньи, а также рабы обоихъ половъ составляютъ обычную принадлежность этихъ базаровъ. Несмотря на большое стеченіе народа на этихъ базарахъ, воровство и ссоры составляютъ тамъ очень рѣдкое явленіе—они караются тамъ съ такою же почти строгостью, какъ у кабиловъ. Воръ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, подлежитъ безпощадному суду Линча.

Національной денежной единицы гавасы не имѣютъ, но у нихъ обращается испанскій піастръ и отчасти французскія пятифранковыя монеты. Для мелкихъ покупокъ піастръ обыкновенно по китайскому обычаю, просто разрубается на части. Поэтому у каждаго мадагаскарскаго купца имѣются чрезвычайно чувствительные вѣсы, на которыхъ онъ можетъ свѣсить до $^1/_{720}$ части піастра или пятифранковика. Законы гавасовъ относительно кредита еще строже законовъ кабиловъ. Виновный

въ неплатежѣ долга наказывается конфискаціей имущества или продажей жены и дѣтей, или, наконецъ, самъ онъ продается въ рабство.

Всѣ эти обычаи, не имѣющіе въ себѣ рѣшительно ничего малайскаго, представляютъ, какъ сказано выше, очень много общаго съ обычаями, существующими до настоящаго времени у кабиловъ и поэтому гипотезу о малайскомъ происхожденіи жителей Мадагаскара можно положительно считать лишенною всякаго основанія.

IV. Развитіе торговли у народовъ берберской расы.

Извѣстные намъ народы берберской расы представляютъ всѣ стадіи развитія торговли отъ самыхъ первобытныхъ до относительно очень высоко развитыхъ.

Гванхи, жившіе главнымъ образомъ охотой, почти не знали обмѣна. Жители отдѣльныхъ Канарскихъ острововъ, находившіеся подъ управленіемъ мелкихъ вождей или князьковъ, вступали между собой только во враждебныя отношенія. Мирнаго обмѣна между ними не могло быть.

Древнѣйшіе обитатели сѣверной Африки, такъ называемые ливійцы, также не дошли еще до организаціи правильнаго и мирнаго обмѣна.

Ихъ историческіе потомки нумидійцы и туареги подвинулись значительно впередъ въ этомъ отношеніи. Они уже имѣютъ понятіе объ обмѣнѣ и торговлѣ, хотя грабежъ еще играетъ у нихъ значительную роль.

Переходя къ кабиламъ, мы встрѣчаемъ уже совершенно иного рода картину. Тамъ торговля не только существуетъ на фактѣ, но и облечена уже въ очень строгія юридическія формы. Правительство руководитъ ею и стремится дать ей такое направленіе, при которомъ она не наносила бы ущерба ни чьимъ интересамъ и приносила бы только пользу всему обществу. Конечно, это намѣреніе не всегда достигалось, но самое существованіе его указываетъ на значительно болѣе высокій уровень развитія кабиловъ по сравненію съ другими народами берберской расы.

Глава XII.

Торговля въ Эѳіопіи и въ Египтѣ.

I. Доисторическій періодъ. — Происхожденіе Египта. — Каменный вѣкъ и пещерный бытъ.—II. Эѳіопія.—Эѳіопія въ древности. — Мероэ и торговля тамъ.—Современные эѳіопы.—Промышленность у нихъ.—Отсутствіе спеціализаціи въ области промышленности въ Абиссиніи.—Покровительство промышленности.—Торговля путемъ обмѣна.—Внутренняя торговля въ Абиссиніи.—Базары. — Караваны. — Первобытные денежные знаки и талеры.—Первобытный характеръ размѣнной монеты.—Отсутствіе общепринятой денежной единицы и неудобства обмѣна. — Полиція на базарахъ. — Королевскія права въ торговлѣ.—III. Египетъ. — Приблизительное время основанія Египта.—Переживанія каменнаго вѣка.—Феодализмъ въ Египтѣ. — Земледѣліе въ древнемъ Египтѣ. — Промышленность въ Египтѣ. — Положеніе ремесленниковъ въ древнемъ Египтѣ. — Ремесленныя корпораціи.—Работы въ рудникахъ.—Караваны, ярмарки и базары.—Первобытный протекціонизмъ.—Внѣшняя торговля.—Египетскіе [illegible]. — Египетскіе корабли и морская торговля.—Вѣсы и мѣры.—Слитки металла.—Мѣдныя полосы въ качествѣ денежныхъ знаковъ.—Законодательство по отношенію къ должникамъ.—IV. Развитіе торговли въ Египтѣ.

I. Доисторическій періодъ.

Въ доисторическую эпоху Египетъ и Эѳіопія были, судя по всѣмъ даннымъ, настолько тѣсно связаны между собой, что разсматривать ихъ отдѣльно не представляется возможнымъ. Древніе считали даже Египетъ колоніей эѳіоповъ. Іероглифическіе египетскіе памятники изучались и изучаются до сихъ съ чрезвычайной тщательностью и добросовѣстностью, но не надо забывать, что они даютъ возможность судить только объ историческомъ періодѣ.

Въ Египтѣ этотъ историческій періодъ отодвигается очень далеко. Первый извѣстный исторіи египетскій фараонъ—Менесъ относится къ очень глубокой древности. Но онъ явился уже тогда, когда египетская цивилизація достигла значительнаго развитія, слѣдовательно, его долженъ отдѣлять большой промежутокъ времени отъ основанія Египта, т. е. отъ той эпохи, когда нижній Египетъ населяли племена бѣлой, по всѣмъ вѣроятіямъ, берберской расы.

Начало этого нижняго Египта относится къ сравнительно болѣе поздней геологической эпохѣ. Ранѣе Нилъ не доходилъ до Средиземнаго моря въ томъ направленіи, какъ онъ течетъ теперь—онъ сворачивалъ въ Ливійскую пустыню; только позднѣе онъ пробилъ ходъ черезъ гранитныя горы и направился прямо на сѣверъ. Преданіе приписываетъ работы по направленію русла Нила Менесу, въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ опираться на хорошо вооруженную, а слѣдовательно, очень старую цивилизацію. А этой цивилизаціи, судя по даннымъ добытымъ археологическими изысканіями, долженъ былъ и въ Египтѣ, и въ Эѳіопіи предшествовать пещерный бытъ и вѣкъ полированнаго и

стр.

15. **За границей.** Европейскій концертъ и его результаты.—Филиппинскіе острова.—Вечерніе университеты въ Англіи.—Успѣхи женскаго движенія въ Австріи. — Этическое движеніе въ Италіи. 30
16. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des deux Mondes».—«Nineteenth Century».—«Century Magazine». 38
17. НОВЫЙ ФАКТОРЪ ВЪ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦІИ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій). **В. Битнера**. 43
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Путешествіе Свенъ Хедина. (Географическій очеркъ). **Z**. 48
19. НАУЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Солнечный свѣтъ.—Образованіе облаковъ, вызванное пожаромъ. — Электрическій истребитель тумана. — Вліяніе атмосферическихъ условій на результаты наблюденій въ обсерваторіяхъ.—Автоматическій фотографъ.—Телефонъ индѣйцевъ.—Древній госпиталь.—Новое освѣщеніе. 59
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги.—Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и статистика. — Естествознаніе. — Новыя книги, поступившія въ редакцію 62
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Современная Италія. **Ив. Иванова** 84
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 106

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ. Романъ **А. Лундегорда**. Переводъ со шведскаго **В. Фирсова**. (Продолженіе). 57
24. ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА. **Морица Фармана**. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и подъ редакціей **В. Агафонова**. (Продолженіе) 29
25. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно**. Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ**. (Продолженіе) 87

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** **присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей**

2) **Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.**

3) **Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.**

4) ***Лица,*** **адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.**

5) **Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.**

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** **Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.**

7) **При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40; копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.**

8) **Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.**

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

JUN 22 1966 20

9 '66 7 3 R C D

NOV 04 1991

AUTO DISC OCT 24 '91

LD 21A–60m-10,'65
(F7763s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

YD 13006

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C038153492